

ЭВЕРВИЛЛЬ

КЛАЙВ БАРКЕР

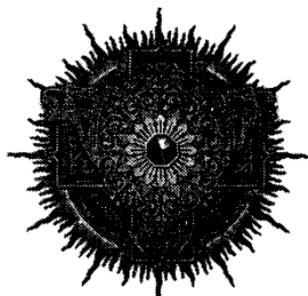

КЛАЙВ БАРКЕР

ЭВЕРВИЛЛЬ

КЛАЙВ БАРКЕР

ЭВЕРВИЛЛЬ

Вторая книга Искусства

МОСКВА

Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 25

Clive Barker

EVERVILLE

© 1994 by Clive Barker

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергей Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Баркер К.

Б 25 **Эвервилль: Роман / Клайв Баркер; [пер. с англ. К. Лопашина]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 672 с.**

ISBN 978-5-699-26838-2

Эвервилль... Вечный город... О нем однажды рассказал О'Коннелам, американским пионерам-переселенцам, некий загадочный человек, которого они встретили по пути на Запад, в свободные земли Орегона. Эта встреча определила их будущее. Отныне отец и дочь мечтают основать поселение, город будущего, город-утопию. Реализация заветной мечты дается им дорогой ценой — ценой жизни главы семейства и замужеством юной Мэв с существом из иного мира. А много поколений спустя — город уже создан и процветает — через магический портал в окрестностях Эвервилля сюда проникают демоны, чтобы уничтожить наш мир.

Впервые на русском языке вторая книга Искусства!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-26838-2

© Перевод. К. Лопашин, 2008
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2008
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Память, предвидение и фантазия —
прошлое, будущее и миг сна между ними —
составляют единый мир,
проживающий один бесконечный день.
Знать об этом — Мудрость.
Использовать это — Искусство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ

| .
|

Их погубила надежда. Надежда и уверенность в том, что провидение уже заставило их достаточно пострадать за свою мечту. Слишком многих они потеряли в пути — детей, целителей, предводителей — и потому решили, что Господь больше не допустит утрат, а вознаградит за тяготы и лишения и приведет в изобильные земли.

Когда они увидели первые признаки снежных бурь, когда впереди появились тучи, в сравнении с которыми грозные пики Вайоминга казались ничтожными, и полетела в лицо ледяная крошка, они сказали друг другу: это испытание — последнее. Если сейчас мы повернем назад, устранившись непогоды и холода, то все, кого мы похоронили в пути, умерли напрасно, и страдания их, а вместе с ними и наши страдания, тоже напрасны. Нужно идти вперед. Нужно, как никогда раньше, твердо верить в свою мечту. В конце концов, сказали они друг другу, октябрь только начался, идет первая неделя. Пусть непогода застанет нас в горах раз-другой, но, когда начнется настоящая зима, мы уже будем по ту сторону, на зеленых лугах.

Значит, вперед. Вперед во имя мечты.

Потом возвращаться было поздно. Даже если бы снег, выпавший в последнюю неделю месяца, не завалил перевалы, все равно: лошади слишком исхудали и обессилели, чтобы тащить повозки назад через горы. У переселенцев не

осталось выбора, кроме как идти дальше. Хотя они давно перестали понимать, где находятся, и лишь слепо брели наугад в кромешной, как ночная тьма, белизне.

Порой ветер на мгновение разрывал завесу туч, но и в разрывах не было видно ни неба, ни солнца. Только очередная гора, равнодушная к людям, выросла на пути между ними и землей обетованной. Снег сползал с вершины, похожей на мягкую шапку, и заваливал те самые склоны, где им волей-неволей предстояло пройти, чтобы выбраться.

К тому времени их надежда истаяла и продолжала таять день ото дня. Из восьмидесяти трех душ, что отправились в дорогу весной 1848 года из городка Индепенденс в штате Миссури (по пути к ним прибавилось шестеро новорожденных), выжил тридцать один человек. За первые три месяца, пока они пересекли Канзас, прошли до Небраски и одолели четыреста восемьдесят семь миль по равнинам Вайоминга, умерло всего шестеро. Трое утонули. Двое отбились от каравана и, как считалось, были убиты индейцами. Еще одна повесилась на дереве. Но с приходом летней жары начались болезни, и тяготы путешествия в полной мере дали себя знать. Протухли мясо и вода, и первыми стали погибать дети и старики. Потом, когда припасы совсем иссякли, ослабели даже здоровые мужчины и женщины, крепкие и отважные, полгода назад полные сил. Земля, где им были обещаны радость и отдохновение, оказалась пустынной и суровой. Мужчины уходили на поиски пропитания и после нескольких дней блужданий возвращались с голодным взглядом и пустыми руками. К наступлению холодов путешественники окончательно обессилели, и многие не выдержали этого последнего испытания. За первые три недели зимы умерло сорок семь человек — замерзшие, засыпанные снегом, голодные, измученные, потерявшие надежду.

После гибели доктора Ходдера счет смертям вел Герман Дил — из выживших он более других смыслил во врачевании. Когда они доберутся до Орегона, до прекрасной земли на Западе, сказал он людям, они вместе помолются за тех,

кто не дошел, и воздадут долг всем и каждому, кого он отметил у себя в дневнике. А до той поры, до той счастливой поры, живые не обязаны заботиться о мертвых, выбиваясь из последних сил. Мертвые отошли в теплые любящие объятия Господа и вряд ли обвинят тех, кто вырыл им не слишком глубокие могилы или произнес краткие отходные молитвы.

— Мы помянем их с любовью,— объявил Дил,— когда немного переведем дух.

На следующий же день, дав это обещание мертвым, он сам присоединился к их числу: покинул брентную плоть в час, когда караван пробивался сквозь снежную целину. Его тело осталось непогребенным — во всяком случае, людскими руками. Снег в тот день валил такой густой, что труп Ди-ла скрылся под ним прежде, чем спутники успели поделить между собой скудные остатки провизии в фургоне покойного.

Ночью того же дня преставились во сне Ивен Бэбкок и его жена Элис, а также Мэри Уилкокс: она похоронила пятерых детей, ее муж заболел от горя и умер у нее на руках, а ее рыдания продолжали отдаваться эхом от скал, когда измученное сердце уже перестало биться.

Наступил новый день, но его свет не принес утешения. Снег валил густо, как и прежде. Среди туч не было ни единого просвета, и пионеры не видели, что впереди. Они шли согнувшись, молча, не имея сил разговаривать, а тем более — петь гимны, как с радостью пели они в мае и в июне, вознося Небесам хвалу во славу своего дела.

Теперь они только безмолвно молились и просили Господа дать им силы выжить. Возможно, кто-то из них в те дни поклялся: если они получат эти силы, если сумеют пересечь белую пустыню и увидят зеленые склоны, то благодарность их будет безграничной; они до конца жизни станут свидетельствовать о том, что человек не должен отворачиваться от Господа, невзирая ни на какие страдания и скорби юдоли земной, ибо Господь есть надежда и приют во веки веков.

В начале путешествия, когда караван тронулся на Запад, у них было тридцать два ребенка. В конце остался один: Мэв О'Коннел, некрасивая двенадцатилетняя девочка, в чьем тщедушном теле обнаружилась сила духа, какой изумились бы все соседи ее овдовевшего отца. Весной, качая головой, они твердили ему, что Мэв не перенесет путешествия. Она и так у вас кожа да кости, говорили они, и на ноги слаба, и на живот тоже. Она и на голову слаба, шептались они за спиной, вся в отца — Хармона О'Коннела, на каждой вечеринке в Миссури заводившего речи про Запад. В Орегоне, рассказывал он, настоящий рай земной; но не горы и леса прославят этот край, а прекрасный сияющий город, который он, Хармон, там возведет.

Слабоумный — так говорили у него за спиной, — к тому же ирландец. В жизни своей только и видел, что Дублин да задворки Ливерпуля и Бостона. Что он может знать о дворцах и башнях?

Когда переселенцы готовились к путешествию, насмешки над Хармоном усилились, и он перестал делиться планами основания города со всеми, кроме дочери. Мечты его товарищей о земле, что ждала их, были куда скромнее. Они лишь хотели, чтобы там был лес для постройки домов, плодородная почва и чистая вода. И они не доверяли тем, кто замахивался на большее.

Однако скромность запросов не спасла их от смерти. Многие из тех мужчин и женщин, многократно выражавших свое презрение к Хармону, умерли, не добравшись до плодородных земель и чистой воды, а этот слабоумный и его костлявая дочь не сдавались. Даже в последние отчаянные дни Мэв и Хармон шептались все о том же, идя рядом со своей клячей, превратившейся в скелет. Если ветер на минуту утихал, до спутников долетали обрывки их разговора. Измученные, выбивавшиеся из сил, отец и дочь продолжали мечтать о городе, который они построят, когда закончится испытание; о чудном городе, который будет стоять, когда

хижины первых его поселенцев развалятся и сгниют, а память о них развеется в прах.

Они уже придумали имя для своей столицы, не подвластной времени.

Эвервилль — Вечный город.

Ах, Эвервилль!

Сколько раз Мэв до ночи слушала, как отец рассказывает, устремив взгляд в огонь потрескивавшего костра. Огня Хармон не видел, ибо перед ним сияла совсем иная картина: улицы, площади и величественные здания будущего чудесного города.

— Иногда мне кажется, что ты там был,— заметила Мэв как-то вечером в конце мая.

— Так и есть, моя милая девочка,— ответил он, глядя на закат над равниной. Даже тогда, когда они жили в достатке, Хармон был изможденный и худой, но широта его взглядов восполняла узость его плеч. Дочь любила отца без оговорок, как прежде ее мать; и особенно любила его рассказы об Эвервилле.

— Когда же ты был там? — допытывалась она.

— О, во сне,— сказал он. Потом он понизил голос до шепота: — Помнишь ли ты Оуэна Будденбаума?

— Конечно!

Как можно забыть удивительного мистера Будденбаума, дружившего с ними какое-то время в Индепенденсе? Забыть его рыжую бороду с проседью; нафабранные усы с торчащими вверх кончиками; шубу — самую роскошную из всех, какие видела Мэв; и голос столь мелодичный, что все его речи, даже самые путаные (по мнению Мэв, только так он и умел разговаривать), звучали как божественная мудрость.

— Он был замечательный! — воскликнула она.

— Знаешь, почему он обратил на нас внимание? Потому что услышал, как я тебя позвал, а он знает, что означает твое имя.

— Ты говорил, оно означает радость.

— Так и есть,— отозвался Хармон, чуть наклонившись к дочери.— Но так же зовут ирландского духа, что является людям во сне и ведет их в мир грез.

Мэв никогда прежде об этом не слышала. Глаза у нее расширились.

— Правда?

— Я ни за что не стал бы тебя обманывать,— заверил он,— даже ради шутки. Да, дитя мое, это правда. Услышав, как я зову тебя, он взял меня за руку и сказал: «Сны — это двери, мистер О'Коннел». Это первое, что он мне сказал.

— А потом?

— А потом он сказал: «Если бы у нас только хватило смелости переступить через порог...»

— А дальше?

— В другой раз.

— Папа! — настаивала Мэв.

— Гордись, дитя мое. Если бы не ты, мы никогда не познакомились бы с мистером Будденбаумом, а в тот момент, когда мы с ним познакомились, наша судьба изменилась.

Он тогда отказался продолжать эту беседу и перевел разговор на то, какие деревья лучше посадить на главной улице Эвервилля. Мэв знала, что к отцу лучше не приставать, но потом часто думала о снах. Иногда она просыпалась посреди ночи, вспоминала обрывки сновидений и грез, глядела на звезды и думала: «Подошла ли я к двери? Было ли за ней нечто чудесное, чего я не помню?»

Она решила научиться восстанавливать в памяти ускользающие обрывки видений. После недолгих тренировок она смогла вспоминать их, проснувшись, и пересказывать самой себе вслух. Скоро она заметила, что слова помогают удерживать сон, пусть и не весь — лишь обрывки. Достаточно произнести несколько фраз, чтобы не дать ему ускользнуть.

Она никому не рассказывала об этом (даже отцу), и до чего же было приятно себя развлекать в долгие летние дни: сидя в пыльной повозке, сшивать лоскутки исчезнувших снов, складывая из них истории более чудесные, чем в книгах.

Что до сладкоголосого мистера Будденбаума, то его имя не поминали довольно долго. А когда все же помянули, то при таких странных обстоятельствах, что Мэв помнила об этом до конца своих дней.

Они пересекали границу Айдахо и, по расчетам доктора Ходдера (в каждый третий вечер пути он собирал переселенцев и сообщал, на сколько миль они продвинулись вперед), имели шанс перейти Голубые горы и выйти к плодородным равнинам Орегона прежде, чем осенний воздух совсем похолодает. Припасов у них имелось мало, но настроение было прекрасное, и отец Мэв от полноты чувств заговорил про Эвервилль: произнес какую-то фразу, на которую никто из путешественников не обратил бы внимания, если бы не один скандалист по имени Гудхью. Разогревшись вином, Гудхью искал, на ком сорвать злость.

— Никогда никто не будет строить твой проклятый город,— заявил он Хармону.— Никому он не нужен.

Гудхью сказал это громко, и мужчины, почуяв ссору, в предвкушении развлечения подтянулись поближе — посмотреть на драку.

— Папа, не обращай внимания,— тихо сказала Мэв отцу и попыталась взять его за руку. Но увидела, как он нахмурился и стиснул зубы, и поняла, что отец не собирается отступать.

— Зачем ты так говоришь? — спросил Хармон у Гудхью.

— Затем, что все это *бред*,— ответил пьяница.— А ты — псих.

Язык у него заплетался, он от души презирал Хармона, и все это видели.

— Мы вырвались на свободу не для того, чтобы добровольно лезть в твои клетки.

— Никакие это не клетки,— возразил Хармон.— Это будет новая Александрия, новая Византия.

— Никогда не слышал о таком,— раздался еще один голос.

В разговор вмешался здоровенный, как бык, парень по имени Поттрак. Даже спрятавшись за спиной отца, Мэв со-

дрогнулась от страха. Гудхью молот языком, и не более того, а Поттрак был настоящим головорезом. Однажды он избил жену чуть не до полусмерти, и та потом долго болела.

— Это великие города,— сказал Хармон, все еще пытаюсь сохранить самообладание,— где люди жили в согласии и процветали.

— Откуда ты выкопал это дерьмо? — встрял Поттрак.— Ясно, читаешь, значит, много. Где у тебя книжки? — Он быстро направился в сторону повозки О'Коннелов.— Сам принесешь или мне это за тебя сделать?

— Держись подальше от нашего фургона! — воскликнул Хармон, преграждая громиле путь.

Не останавливаясь, Поттрак на ходу ударил Хармона и сбил его с ног. Гудхью семенил следом за ним, они оба запрыгнули на фургон, и Поттрак откинул брезентовый полог.

— Убери руки! — закричал Хармон, поднялся на ноги и захромал к повозке.

До нее оставалась пара шагов, когда Гудхью вдруг повернулся, сжимая в руке нож. На лице у него блуждала пьяная ухмылка.

— Ага! — произнес он.

— Папа,— взмолилась Мэв со слезами в голосе,— пожалуйста, не надо.

Хармон оглянулся на дочь.

— Я в порядке,— ответил он.

Он не сделал больше ни шагу, а просто стоял и смотрел, как следом за Поттраком Гудхью забрался в фургон и оба принялись рыться в скарбе О'Коннелов, переворачивая все вверх дном.

Грохот привлек новых зрителей, собралась толпа, но никто не вступился за Хармона и его дочь. Мало кому из пионеров Поттрак нравился больше, чем О'Коннелы, однако все знали, кого следует бояться.

Наконец Поттрак в фургоне довольно всхрапнул и выбрался из-под полога, держа в руках сундучок из темного, искусно отполированного тикового дерева. Он бесцеремонно швырнул сундучок на землю, а Гудхью спрыгнул вниз и

попытался открыть замок ножом. У него ничего не вышло, так что, разочарованный, он принялся ковырять крышку.

— Не порти,— вздохнул Хармон.— Я открою.

Он снял с шеи ключ, встал на колени и отпер сундук. Поттрак, уже стоявший у него за спиной, оттолкнул Хармона в сторону и ударом ноги откинул крышку.

Мэв много раз видела, что там лежит. Для неграмотного человека в сундучке не нашлось бы ничего ценного — лишь несколько бумажных свитков, перевязанных кожаными ремешками,— но для них с отцом это были сокровища. Из этих листов пергамента должен родиться на свет Эвервилль: его улицы и площади, парки, бульвары, общественные здания.

— Ну, что я говорил? — выплюнул Поттрак.

— Ты говорил — «книги»,— отозвался Гудхью.

— Я говорил — дерьмо, вот что я говорил,— сказал Поттрак. Он рылся в бумажных свитках, разбрасывая их в поисках чего-нибудь, с его точки зрения, ценного.

Мэв взглянула на отца. Хармона трясло с головы до пят, лицо его посерело. Похоже, гнев иссяк, уступив место смирению, чему Мэв была только рада. Пергаменты восстановить можно, отца — нет.

Поттраку надоело рыться в сундучке, он заскучал и, судя по всему, собрался уходить, чтобы снова поколотить жену. Возможно, так он бы и сделал, если бы Гудхью не заметил на дне что-то еще.

— Что это здесь? — проговорил он, наклонился и запустил руку в сундучок. На его небритом лице появилась ухмылка.— По мне, так вот это уже не дерьмо.

Он извлек находку на свет, содрал бумажную обертку и поднял повыше, чтобы показать собравшимся. Даже Мэв ничего не знала про эту вещь и теперь в растерянности смотрела на нее. Там оказался крест, но, насколько она могла рассмотреть, не такой, как носят христиане.

Она подошла к отцу, встала сбоку и спросила шепотом:

— Папа, что это?

— Подарок,— ответил он.— От мистера Будденбаума.

Женщина по имени Марша Уинтроп — одна из немногих, кто в пути проявлял заботу о Мэв,— вышла из толпы, чтобы получше рассмотреть находку. Она была рослая и острая на язык, так что, когда она заговорила, зашумевшие вокруг люди перешли на шепот.

— Похоже на украшение,— заметила она, повернувшись к Хармону.— Его носила твоя жена?

Мэв часто гадала потом: что двигало ее отцом в ту минуту, что заставило его отвергнуть такую безобидную вещь — упрямство или дух противоречия? Как бы то ни было, лгать он не стал.

— Нет,— сказал Хармон.— Это не украшение моей жены.

— А что же тогда? — полюбопытствовал Гудхью.

Ответил ему не Хармон, а кто-то из толпы.

— Это знак дьявола,— произнес резкий скрипучий голос.

Из задних рядов толпы выступил Енох Уитни. Все головы повернулись к нему, улыбки исчезли. Енох Уитни не имел духовного звания, но, по его собственным словам, был более богобоязнен, чем все попы вместе взятые, за что Господь велел ему пасти братьев своих и постоянно напоминать им о том, что дьявол не дремлет, что он среди них. Он нес нелегкое бремя и редко упускал возможность напомнить своей пастве, какие страдания доставляет ему их порочность. Однако он обязался публично подвергать осуждению любого, кто нарушит заповеди делом, словом или намерением. Обычно ему приходилось обличать развратников, распутников, прелюбодеев, а тут вдруг случился идолопоклонник, поклоняющийся богопротивному фетишу.

Польхая праведным гневом, Енох направился прямо к согрешившим отцу и дочери. Он был высокий, узкоплечий, глаза у него бежали, и взгляд их ни на чем не задерживался более чем на секунду.

— Ты всегда вел себя так, будто в чем-то виноват, О'Коннел,— произнес Енох. Его взгляд перебежал с Хармона на Мэв и на крест в руках Гудхью.— Я никак не мог понять, где скрывается твой грех. Теперь все ясно.

Он протянул руку. Гудхью положил крест ему на ладонь и ретировался.

— Я ни в чем не виноват,— сказал Хармон.

— Значит, ни в чем? — повторил Уитни, возвышая голос. Он у него был и без того сильный, но Уитни не упускал возможности лишний раз поупражняться в его закалке.— Ни в чем?

— Я сказал, что ни в чем...

— А скажи-ка мне, О'Коннел, за какую услугу дьявол наградил тебя сей нечистой вещью?

Собравшиеся ахнули. Редко кто решался громко вслух поминать врага человеческого; о нем говорили шепотом, опасаясь словом привлечь его внимание. Уитни ничего не боялся. Он говорил о дьяволе едва ли не с вожделием.

— Я не оказывал ему никаких услуг,— ответил Хармон.

— Так, значит, это подарок?

— Да.— В толпе ахнули.— Только не от дьявола.

— Это творение Сатаны! — завопил Уитни.

— Нет! — крикнул в ответ Хармон.— Я не имею дел с дьяволом. Это ты у нас, Уитни, вечно твердишь про ад! Ты видишь дьявола на каждом шагу! Я не верю, что мы так уж ему нужны. Я думаю, он где-то далеко, в более интересном для него месте.

— Дьявол *повсюду!* — провозгласил Уитни.— Он ждет, когда мы оступимся и падем.— Теперь он обращался уже не к Хармону, а к толпе, изрядно поредевшей после появления Еноха.— Нет места на земле, даже в этой глуши, где он не следил бы за нами.

— Ты говоришь о дьяволе так, как истинный христиан говорит о Боге,— отозвался Хармон.— Иногда я даже задумываюсь: ты кому служишь?

Уитни пришел в бешенство.

— Как смеешь ты ставить под сомнение мое благочестие! У меня есть доказательство твоей нечестивости — вот оно, в моей руке! — Он повернулся к толпе.— Нельзя позволить ему остаться среди нас. Он навлечет на нас беду, чтобы услужить своим нечестивым хозяевам!

Он пошел по кругу, показывая крест толпе.

— Какие еще доказательства нужны вам, если есть *это*? Поклеп на нашего распятого Господа! — Он снова повернулся к Хармону, тыча в него обвиняющим пальцем.— Еще раз спрашиваю: чем ты заслужил такой дар?

— А я в *последний раз* говорю тебе: если не перестанешь везде искать руку дьявола, сам будешь его вернейшим союзником.— Теперь Хармон говорил мягко, как с испуганным ребенком.— Твое невежество радует дьявола, Уитни. Всякий раз, когда ты глумишься над тем, чего не понимаешь, он веселится. Всякий раз, когда сеешь страх и зовешь его туда, где его нет, он ликует. Тебя он любит, Уитни, а не меня. Тебя он благодарит в своих вечерних молитвах.

Все получилось так просто и убедительно, что Уитни не сразу осознал свое поражение. Он по-прежнему смотрел на противника, хмуря брови, а Хармон повернулся и обратился к толпе.

— Если вы не желаете, чтобы мы с дочерью шли с вами дальше,— сказал он,— если вы поверили клевете, скажите об этом сейчас, и мы пойдем другой дорогой. Но можете не сомневаться — в сердце и в мыслях у меня только то, что вложил туда Господь.

К концу речи в голосе у него зазвенели слезы, и Мэв взяла его за руку, чтобы поддержать. Они стояли перед собравшимися бок о бок и ждали приговора. Наступило недолгое молчание. Его нарушил не Уитни, а Марша Уинтроп.

— Не вижу причин, чтобы вы шли другой дорогой,— сказала она.— Мы начали путь вместе. По-моему, мы должны и закончить его вместе.

После речей о Боге и дьяволе толпа вздохнула с облегчением, выслушав эти спокойные разумные слова. Послышался гул одобрения, и люди начали постепенно расходиться. Дел у них хватало: починить колесо, приготовить еду. Однако праведный Уитни вовсе не собирался отпускать свою паству, не сказав последнего слова.

— Этот человек опасен! — взревел он, швырнул крест на землю и втоптал его в грязь.— Он потянет нас за собой в ад.

— Никуда он нас не потянет, Енох,— возразила Марша.— Остынь-ка, ладно?

Уитни угрюмо метнул взгляд в сторону Хармона.

— Я буду присматривать за тобой,— сказал он.

— Ну, тогда я спокоен,— ответил Хармон, чем вызвал у Марши смешок.

Смех окончательно лишил Уитни присутствия духа, и он поспешил прочь, расталкивая толпу и что-то бормоча себе под нос.

— Впредь будь осмотрительнее,— предостерегла Марша, тоже собираясь уходить.— Как бы твой язык не довел тебя до беды.

— Ты сделала очень доброе дело,— ответил Хармон.— Спасибо.

— Я сделала это ради девочки,— сказала Марша.— Не хочу, чтобы она думала, будто весь свет сошел с ума.

Марша ушла, а Хармон принялся собирать смятые бумаги и укладывать их в сундучок. Мэв за спиной у отца нашла медальон с крестом и принялась внимательно его рассматривать. Все, что говорилось в последние полчаса, показалось ей похожим на правду. Без сомнения, вещица была красивая. Она блестела, как серебро, но ее блеск отливал алым и небесно-голубым. От такого украшения не отказалась бы ни одна дама или девица, однако это явно не простое украшение. На кресте в центре помещалась фигура с распростертыми руками, похожая на распятого Иисуса, с той лишь разницей, что человек был обнажен и соединял в себе признаки мужчины и женщины. Тем не менее изображение отнюдь не напоминало дьявола. В нем не было ничего устрашающего — ни раздвоенных копыт, ни рогов. На руках его, над головой и внизу, между ногами, Мэв рассмотрела контуры некоторых деталей: одни она узнала (обезьяна, молния и два глаза, один сверху, другой внизу), другие остались выше ее понимания. Но и тут не содержалось ничего мерзкого или богопротивного.

— Не смотри на него слишком долго,— услышала она голос отца.

— Почему? — спросила Мэв, не отводя глаз от подвески.— Он что, меня заколдует?

— Честно говоря, я и сам не знаю, что он делает,— признался отец.

— Разве мистер Будденбаум тебе не рассказал?

Отец протянул руку через ее плечо и осторожно вынул подвеску из пальцев дочери.

— Ну конечно рассказал,— ответил Хармон, убирая медальон обратно в сундучок,— только я не совсем его понял.— Возвратив все на свое место, он закрыл крышку и понес сундучок в фургон.— И лучше не надо лишний раз поминать его имя.

— Почему? — спросила Мэв. Она решила несмотря ни на что добиться от отца ответов на вопросы.— Он плохой человек?

Хармон поместил сундук в задней части фургона.

— Я не знаю, что он за человек,— ответил он, понизив голос.— Если честно, я не совсем уверен, человек ли он. Может быть...— Он вздохнул.

— Что, папа?

— Может, он мне просто приснился.

— Но я тоже его видела!

— Тогда он приснился нам обоим. Возможно, и мечта про Эвервилль — всего-навсего сон, его видели только мы с тобой.

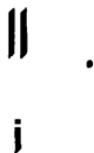
Отец не раз говорил, что никогда не обманывал Мэв, и она верила ему. Теперь она тоже поверила. Но разве сны оставляют после себя настоящие вещи вроде этого креста, который Мэв только что держала в руках?

— Не понимаю,— сказала девочка.

— Поговорим в другой раз,— отозвался Хармон и потер ладонью нахмуренный лоб.— На сегодня хватит.

— Только скажи, когда мы поговорим,— настаивала Мэв.

— Мы пойдем, когда настанет время.— Хармон спрятал сундук под полог, прочь от посторонних глаз.— Так уж устроены эти вещи.

Эти вещи; что же за *вещи* такие? Месяц с лишним, пока караван двигался через земли Айдахо вслед за пятеркой ехавших впереди ковбоев, Мэв ломала себе голову над тайной, открывшейся ей в тот день. Тайна, как и лоскутные грезы, стала ее главным развлечением, скрасившим унылую обозную жизнь. С конца июня и почти весь июль все изнывали от зноя, на игры не оставалось сил. Взрослым хорошо, думала Мэв. Они могут проверить маршрут по картам или устроить свару, чтобы выпустить пар. Кроме того, у них все время что-то происходит между женщинами и мужчинами; что именно, Мэв своим двенадцатилетним умом не вполне понимала, хотя ей очень хотелось разобраться. Она видела, что юноши готовы на все, если девушка умела их очаровать: они преследовали ее, будто псы, угрождали ей и порой вели себя как дураки. Мэв не вполне понимала их игры, но она была прилежной ученицей и знала, что разгадает эту тайну — в отличие от загадки, оставленной мистером Будденбаумом.

Что касается ее отца, то после столкновения с Уитни тот заметно притих. Теперь он почти не говорил со спутниками, а если обращался к кому-нибудь, то наилюбезнейшим образом. Но, укрывшись за пологом фургона, в безопасности, он продолжал изучать планы Эвервилля еще усерднее и тща-

тельнее, чем раньше. Только один раз Мэв попыталась убедить отца бросить это занятие. Хармон ответил строго и велел не вмешиваться. Он сказал, что намерен выучить все наизусть. Если Поттрак, Гудхью или кто-то им подобный уничтожит бумаги, он сможет восстановить сияющий город по памяти.

— Имей терпение, дитя мое,— проговорил он, смягчившись.— Еще несколько недель, и мы будем по ту сторону гор. Там мы найдем подходящую долину и начнем.

Как всегда, Мэв поверила отцу и больше не мешала ему сидеть над бумагами. Что значат какие-то несколько недель? Тем временем она обратила свое внимание к тайне грез, к загадке неназванных *вещей* и отношениям между женщинами и мужчинами.

Еще немного, и они доберутся до Орегона. В этом она не сомневалась.

ii

Жара резко пошла на убыль в конце лета, и на исходе третьей недели августа — когда даже самый зоркий глаз все еще не видел Голубых гор, а дневной рацион сократился настолько, что люди от слабости едва могли двигаться,— у костров заговорили о том, что скоро, по словам дружественных индейцев, от горных вершин налетят не по сезону жестокие бури. Шелдон Стерджис, в то время возглавлявший караван и прежде не проявлявший строгости (одни переселенцы считали, что у него такая манера руководить, другие — что он просто пьяница и безвольный человек), начал сурово подгонять тех, кто задерживал продвижение. Но число больных и слабых росло, участились ошибки и несчастные случаи, вследствие чего приходилось все чаще делать лишние остановки: то отвалится колесо, то скотина поранится, то вдруг завал на дороге.

В первые дни сентября Мэв поняла, что смерть стала их постоянной спутницей. Поначалу Мэв не видела ее, но не сомневалась, что она рядом. Смерть была везде, где они еха-

ли, и стоило ей дохнуть или коснуться кого-то, как все погибали. Деревья, которым в это время года положено плодоносить, теряли листья и стояли голые. Падал скот. Жирели в том сентябре лишь трупные мухи — смерть и мухи всегда неразлучны, не так ли?

Вечером, в ожидании сна, Мэв слышала, как в соседних фургонах люди молятся и просят Бога отвести от них смерть.

Но молитвы не помогали, смерть все равно приходила. Она пришла за маленьким сыном Марши Уинтроп Уильямом, родившимся в Миссури за две недели до переселения. За отцом Джека Поттрака, таким же грубым и мерзким: он вдруг ослабел и скончался посреди ночи (только не спокойно, как младенец Уинтропов, а с проклятиями и воплями). Она пришла и за сестрами Брендой и Мери Шонберг, двумя старыми девами: их кончина обнаружилась лишь ночью, когда караван остановился на ночлег, а фургон сестер продолжал ехать, потому что обе умерли, не выпустив поводьев из рук.

Мэв удивлялась, почему смерть забрала именно их. Можно было понять, почему она забрала ее мать: та была красивая, полна любви и доброты. Значит, смерть захотела сделать мир беднее, а сама стать богаче. Но какой ей прок от младенца, старика и двух поблекших сестер?

Мэв не приставала к отцу с этими вопросами: он и без того казался измученным и раздраженным. Фургон у них был, конечно, прочный, лошадь здоровее, чем у многих, но стоило посмотреть в запавшие глаза Хармона, как Мэв сразу понимала: он тоже знал про смерть, скакавшую рядом, как не принятый в обоз всадник. Мэв решила рассмотреть ее лучше, чтобы успокоить отца. Она выследит врага и скажет, например, так: я видела, какая у смерти лошадь, какого цвета у нее шляпа, и, если она к нам приблизится, я тотчас замечу ее и прогоню молитвой или гимном. Не раз Мэв казалось, будто она разглядела темную тень, покачивавшуюся в седле в клубах пыли среди фургонов. Но она точно не знала, кто это, и считала, что лучше молчать, чем сообщать отцу неточные сведения.

Дни шли, становилось холоднее, и, когда впереди наконец-то показались Голубые горы, склоны их от вершин до границы лесов были белыми, а тучи над ними — сизо-черными и тяжелыми от снега.

Однажды утром нашли мертвыми Эбилин Уэлш и Билли Бакстера, чьи летние шашни стали темой для сплетен (с легкой руки Марши Уинтроп). Теперь они замерзли в объятиях друг друга, и их нашли в ложбине, куда они ушли, чтобы уединиться вдали от тепла костров, и где их коснулась смерть. Когда на их похоронах Ходдер говорил о том, что они навечно воссоединятся в Царстве Божием, а грехи, что они совершили во имя любви, простятся, Мэв посмотрела в серое небо и увидела кружившие в нем первые хлопья снега. И это было началом конца.

После этого она перестала искать глазами всадницу-смерть. Если раньше та скакала рядом с караваном, подумала Мэв, то теперь сменила обличье. Теперь все проще. Смерть стала холодом.

Холод быстро унес множество переселенцев, а тех, кто оставался жить, измучил ожиданием того, что будет с ними впереди. Холод замедлял течение крови и течение мыслей, заставлял руки и ноги неметь, сковывал мышцы, сжимал легкие, наполняя их морозной пылью.

Но даже сейчас, когда столько людей умерло и столько же находилось на грани смерти, Мэв слышала бормотание отца:

— Так не должно было случиться.

Будто кто-то ему пообещал, а теперь нарушил обещание. Мэв не сомневалась в том, кто это был. Мистер Будденбаум. Именно он вложил отцу в душу мечту, одарил его подарками, велел идти на запад и строить там город. Он первым прошептал слово «Эвервилль». Может быть, раздумывала Мэв, Уитни не ошибался? Может быть, и впрямь дьявол приходил

к ее отцу в обличье мистера Будденбаума и вселил мечту в его доверчивое сердце, чтобы полюбоваться, как потом оно разлюбится. Эта мысль терзала ее днем и ночью, в особенности с тех пор, как однажды во время бури отец склонился к ней и сказал: «Мы должны быть сильными, дочка. Нам нельзя умереть, иначе с нами умрет Эвервилль».

Потом от голода и усталости у Мэв начались галлюцинации. То ей казалось, что она, вцепившись обеими руками в борта, стоит на обледеневшей палубе корабля, плывущего из Ливерпуля; то оказывалась в Ирландии, где ела кору и траву, чтобы не болел желудок. Но в минуты просветления она думала: а вдруг это проверка; вдруг мистер Будденбаум решил убедиться, что человек, в чье сердце он заронил мечту об Эвервилле, достаточно силен, чтобы вынести невзгоды и выжить? Догадка казалась Мэв настолько правдоподобной, что она решилась поделиться ею с отцом.

— Папа! — обратилась она к Хармону, ухватив его за край куртки.

Отец оглянулся. Лицо его почти скрывал капюшон, видны были только глаза, смотревшие на дочь с неизменной любовью.

— Что, детка? — отозвался он.

— Я думаю, возможно... возможно, так и *должно* быть.

— Ты о чем?

— Может, мистер Будденбаум наблюдает за нами и думает, заслуживаем ли мы права строить его город? И как только мы решим, что больше не в силах идти дальше, он тут же явится и скажет: это была проверка. И покажет нам путь в долину.

— Это не проверка, дочка. Просто вот так бывает. Мечты погибают. Приходит смертельный холод и убивает их.— Он притянул к себе девочку и обнял ее, хотя сил у него осталось так мало, что и это он проделал с трудом.

— Я не боюсь, папа,— сказала Мэв.

— Не боишься?

— Нет, не боюсь. Мы уже много испытали.

— Да уж.

— Помнишь, что было дома? Как мы думали, что умрем от голода? Но ведь не умерли. А потом, на корабле? Людей смывало волной за борт слева и справа от нас, и мы уже не сомневались, что тоже утонем. Но волны нас не тронули. Ведь так?

На потрескавшихся губах Хармона появилась слабая улыбка.

— Да, детка, не тронули.

— Мистер Будденбаум знал, через что нам придется пройти,— сказала Мэв.— Он знал, что у нас есть ангелы и они позаботятся о нас. И мама тоже..

Она почувствовала, как отец вздрогнул.

— Она снилась мне прошлой ночью,— сказал он.

— Красивая?

— Как всегда. Мы плыли бок о бок в тихом-тихом море. И клянусь, если бы я не знал, что ты здесь, детка, что ты меня ждешь...

Он не договорил. Впереди из белесой мглы раздался голос трубы — победный сигнал, и тотчас из фургонов, ехавших рядом и впереди, послышались радостные возгласы:

— Слыхали?

— Там, впереди, кто-то есть!

Еще один сигнал, еще и еще — не успевало умолкнуть эхо предыдущего, как уже звучал следующий, и скоро звенящая медь затопила весь белый свет.

Фургон Стерджиса, ехавший перед О'Коннелами, остановился. Шелдон обернулся и призвал к себе нескольких мужчин:

— Стрэттон! Уитни! О'Коннел! Достаньте оружие!

— Оружие? — переспросила Мэв.— Зачем оружие, папа?

— Давай-ка, дочка, в фургон,— велел Хармон,— и не совывайся, пока я не вернусь.

Труба стихла на мгновение, но тут же запела снова — еще лучше, еще прекраснее. Мэв забралась в фургон, а ее худенькое тело тряслось в такт этим звукам, музыка пробирала ее до костей. Когда отец с винтовкой в руках исчез, Мэв заплакала. Не потому что боялась за него, а потому что ей самой

захотелось выйти под падающий снег и посмотреть: что за труба рождает эту музыку, так странно отзывающуюся в теле, и что за человек на ней играет. Быть может, там и не люди вовсе? Быть может, ангелы, которых Мэв помянула пять минут назад, спустились на землю и трубный глас возвещает их приход.

Мэв внезапно и безоглядно уверовала, что так оно и есть, и выбралась из-под полога. Небесные стражи явились спасти их, и мама, наверное, тоже. Если Мэв пристально взглянется, она увидит их в небесном золоте и пурпуре. Она встала на козлах, вцепившись в брезент, и устремила взор в снежную мглу. Ее старания были вознаграждены. Когда трубы возвестили третью аллилуйю, снег на некоторое время прекратился. Мэв увидела слева и справа пики, похожие на зубья капкана, а впереди — исполинскую гору, чьи нижние склоны поросли лесом. До опушки этого леса было не более сотни ярдов, и музыка доносилась именно оттуда. Ни отца, ни других мужчин, отправившихся туда, Мэв не видела — конечно же, потому что их скрыли деревья. Нет никакой опасности в том, чтобы последовать за ними. Как чудесно будет стоять рядом с отцом, когда он воссоединится с мамой. Разве это не счастье — поцеловать маму, окруженную ангелами? А Уитни и все, кто ругал отца, останутся в стороне, сгорая от зависти.

Снова пошел снег, опуская свою завесу, но не успела гора скрыться из виду, как Мэв спрыгнула с фургона и направилась в сторону леса. Через несколько мгновений обоз у нее за спиной исчез. Она шла сквозь белесую мглу, спотыкаясь на каждом шагу, полагаясь лишь на свое чутье. Местами снег был очень глубоким, пару раз Мэв провалилась в него и вполне могла бы оказаться похороненной заживо. Но когда замерзшие ноги почти отказались слушаться, снова зазвучали трубы. Их музыка наполнила мышцы жизненной силой, а сердце — радостью. Впереди ее ждал маленький рай: ангелы, мама и любящий отец, вместе с которым они построят город, призванный стать чудом света.

Она не умрет, Мэв была уверена. Ни сегодня, ни в долгие последующие годы. Ее ждет огромная работа, и ангелы не допустят, чтобы она замерзла здесь в снегу. Ведь они знают, какого труда ей стоило дойти сюда.

Теперь Мэв снова видела деревья — сосны выше любого дома, вставшие перед ней стеной, будто часовые. Она бежала к ним и громко звала отца, забыв про холод, ушибы, головокружение. Трубы пели близко, а краем глаза она заметила разноцветные вспышки, словно ее окружили ангелы. Они позволили ей заметить трепетавшие кончики своих крыльев.

Невидимые руки подхватили Мэв и перенесли под кроны деревьев — туда, где нет снега и земля мягкая от хвѳи. Она опустилась там на колени, глубоко вздохнула несколько раз, а голоса труб отзывались в каждой клетке ее тела.

III .

Разбудила ее не музыка и не сонм невидимых ангелов. Это был крик, пересиливший эхо труб и наполнивший сердце тревогой.

— Черт тебя побери, О'Коннел!

Она узнала голос. Это Уитни.

— Господи боже! Что ты наделал? — вопил Енох.

Мэв поднялась и направилась в его сторону. После снежной белизны глаза еще не успели привыкнуть к полумраку, и чем дальше от лесной опушки, тем страшнее ей становилось. Но ее подгонял гнев в голосе Уитни, и она не думала о том, что там может быть. Трубы смолкли. Быть может, решила Мэв, ангелы услышали его злобные вопли и теперь не хотят, чтобы гармония музыки звучала в оскверненном месте; или им просто любопытно посмотреть на человеческий гнев.

— Ты знал! — орал Уитни. — Ты затащил нас в преисподнюю!

Теперь Мэв видела его: он шел среди деревьев и кричал проклятия в темноту, взывая к своей жертве:

— О'Коннел? О'Коннел! Ты сгоришь в огненном озере! Ты будешь гореть, и гореть, и...

Он замолчал, оглянувшись, и тут его взгляд натолкнулся на Мэв. Не успела девочка отступить назад, как Уитни заорал:

— Я тебя вижу! А ну иди сюда, маленькая сучка!

У Мэв не было выбора. Он держал ее на прицеле. Когда она вышла из-за деревьев, она увидела, что Енох не один.

В нескольких ярдах от него стояли Шелдон Стерджис и Поттрак. Стерджис прижался к дереву, напуганный чем-то, что пряталось в ветвях над головой,— он направил туда ствол винтовки. Поттрак смотрел на Уитни, и на его туповатом лице бродила удивленная ухмылка.

— О'Коннел! — крикнул Уитни.— Твоя девчонка у меня! — Он перехватил винтовку, чтобы получше прицелиться.— Если я спущу курок, то попаду между глаз. И я это сделаю. Слышишь меня, О'Коннел?

— Не стреляй,— сказал Стерджис.— А то оно вернется.

— Оно и так вернется,— отозвался Уитни.— Его послал О'Коннел. Послал по наши души.

— О, Боже, всемогущий на небесах...— всхлипнул Стерджис.

— Стой там,— приказал Уитни Мэв.— Позови папашу и скажи, чтобы он убрал своего демона, или я убью тебя.

— У него нет... нет никаких демонов,— ответила Мэв. Она не хотела, чтобы Уитни заметил ее страх, но ничего не могла с собой поделать. Слезы все равно потекли по щекам.

— Просто скажи это ему.— Уитни ткнул винтовкой в ее сторону, так что дуло оказалось в фуге от ее лица.— Просто позови. Если ты этого не сделаешь, я убью тебя. Ты дитя дьявола, вот ты кто. Убить такую мразь — не преступление. Давай. Зови его.

— Папа!

— Громче!

— Папа!

Из глубины леса ответа не последовало.

— Он меня не слышит.

— Я слышу тебя, дитя мое,— раздался голос отца.

Мэв повернулась и увидела, как он выходит к ней из лесного полумрака.

— Брось винтовку! — крикнул ему Поттрак.

И как только он бросил винтовку на землю, трубы грянули вновь, еще громче прежнего. Музыка с такой силой ударила в сердце, что Мэв едва не задохнулась.

— Что случилось? — услышала она отца и, повернувшись в его сторону, увидела, что он кинулся к ней.

— Стой где стоишь! — завопил Уитни, но отец не остановился.

Второго предупреждения не последовало. Уитни выстрелил, и не раз, а два. Первая пуля попала Хармону в плечо, вторая — в живот. Он на бегу запнулся, сделал пару шагов, ноги у него подкосились, и он упал.

— Папа! — закричала Мэв и хотела броситься к нему. Но трубы грянули громче, музыка затопила ее, белые вспышки заслопили мир, и Мэв без чувств рухнула на землю.

— Я слышу, он приближается...

— Заткнись, Стерджис.

— Это он! Он возвращается, Уитни! Что делать?

От его пронзительных воплей Мэв очнулась. Она открыла глаза и увидела, что отец лежит там, где упал. Он еще шевелился. Руки его зажимали живот и ритмично двигались, когда ноги сводила конвульсия.

— *Уитни!* — орал Стерджис. — Он возвращается!

С того места, где лежала Мэв, ничего не было видно, но девочка услышала треск ломавшихся ветвей, будто внезапно налетел ветер. Уитни начал молиться:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Мэв слегка повернула голову в надежде получше рассмотреть их, не привлекая к себе внимания. Уитни стоял на коленях, Стерджис приник к дереву, а Поттрак смотрел вверх и махал руками, крича:

— Давай, гребаное дерьмо! Спускайся сюда!

Мэв поняла, что о ней забыли, и осторожно поднялась на ноги, цепляясь за ствол ближайшего дерева. Она глянула на отца. Хармон чуть приподнял голову и смотрел на Поттрака, вдруг выстрелившего на звук — туда, где раздавался треск.

— Господи, нет! — закричал Стерджис.

Уитни начал вставать с колен, и в этот момент нечто — потрясенная Мэв так и не смогла различить его среди темных качавшихся ветвей — вдруг обрушилось на Поттрака.

Это создание оказалось кем угодно, но только не ангелом. Никаких перьев, никакого золота, пурпура и небесной синевы; существо было голым, в этом Мэв не сомневалась. Оно метнулось, и больше ничего девочка не успела заметить,

когда тварь подхватила Поттрака и скрылась с ним в кроне дерева.

Его крики не стихали, и Мэв, от всей души ненавидевшая Поттрака, пожелала, чтобы его избавили от мучений, лишь бы прекратились эти вопли. Мэв зажала уши, но страшные крики просачивались между пальцами, становились громче, обрушиваясь на нее сверху вместе с чудовищным дождем. Упала винтовка, а потом полилась кровь. Затем свалилась рука Поттрака, за ней — кусок мяса, потом еще один. Поттрак продолжал кричать, хотя и кровь почти иссякла, и с веток повисла блестящая, подрагивавшая петля из кишок.

Вдруг Стерджис выбежал из укрытия и начал падить вверх. Может быть, именно он прекратил страшные пытки, а может быть, зверь наконец добрался до горла. Как бы то ни было, жуткие вопли смолкли, и через мгновение тело Поттрака, изуродованное до неузнаваемости, вывалилось из темноты ветвей и упало на землю, источая пар.

Крона застыла. Стерджис попятился в глубину леса, сдерживая рыдания. Мэв застыла на месте, молясь о том, чтобы Уитни пошел за ним. Но он направился к Хармону.

— Видишь, что ты наделал? Ты призвал исчадие ада! — сказал он.

— Я... никого... не призывал, — с трудом дыша, ответил Хармон.

— Вели ему возвращаться обратно, О'Коннел. Вели ему!

Мэв оглянулась на Стерджиса. Тот уже скрылся из виду. Но зато она заметила винтовку Поттрака, лежавшую в шаге от окровавленного тела под деревом, где с веток еще капала кровь.

— *Покайся*, — говорил Уитни Хармону. — Верни демона туда, откуда вызвал, или я отстрелю тебе руки, а потом член, и тогда ты сам согласишься о покаянии.

Стерджиса не было, Уитни стоял спиной к Мэв, так что их нечего было бояться. Глядя наверх, где среди ветвей, как считала девочка, все еще пряталась мерзкая тварь, она двинулась к винтовке. Твари Мэв не видела — сеть ветвей была для этого чересчур густа, — но чувствовала на себе ее взгляд.

— Пожалуйста,— попросила Мэв шепотом, как можно тише, чтобы не привлечь внимания Уитни,— не трогай меня...

Зверь сидел в засаде, но не двинулся с места. Ни одной веточки не шелохнулось, ни одна иголочка не упала на землю. Мэв опустила взгляд. Прямо перед ней лежало распростертое тело Поттрака, никому теперь не нужное. Мэв и раньше довелось видеть трупы — в ирландских рвах, в ливерпульских сточных канавах, по дороге к земле обетованной. Этот был самым растерзанным, но девочка не дрогнула. Мэв переступила через него и наклонилась за винтовкой.

И едва она коснулась оружия, как услышала, что тварь сверху вздохнула. Сердце у Мэв заколотилось, она застыла на месте, ожидая, что сейчас страшные когти вонзятся в нее и утащат наверх. Но нет. Из ветвей прозвучал новый вздох, едва ли не печальный. Мэв понимала, что останавливаться здесь даже на мгновение глупо, но из любопытства не удержалась. Она выпрямилась с винтовкой в руках и подняла голову, вглядываясь в сплетение ветвей. На щеку ей скатилась капля. Вторая попала в приоткрытый рот. Как только она коснулась языка, Мэв поняла: это не кровь Поттрака. Она оказалась не соленой, а сладкой, как мед, и, хотя Мэв знала, что это кровь зверя (похоже, теперь раненная Поттраком тварь не слишком воинственно настроена), голод пересилил отвращение. Мэв открыла рот в надежде, что капля не последняя, и не разочаровалась. Запрокинутое лицо оросилось мелкими брызгами, и что-то попало на язык. Она почувствовала, как рот наполнился слюной, и невольно вздохнула от удовольствия.

Зверь на дереве зашевелился, и Мэв мельком его увидела. Он раскрыл крылья, будто собирался спикировать на нее, а голову — если Мэв верно рассмотрела в полумраке — слегка наклонил набок.

А кровь все лилась, и капли летели ей в рот. Мэв знала: это не случайно. Зверь кормил ее, сжимая рану, словно пропитанную медом губку.

Отец застонал, и стон его заставил Мэв очнуться. Она оторвала взгляд от своего кормильца и посмотрела на Хармона. Уитни сидел на корточках, приставив ствол к его голове.

Мэв направилась к ним легко и свободно, как давно уже не ходила. Боль в животе утихла, голова не кружилась.

Уитни заметил ее, только когда она подошла совсем близко и ствол перемазанной кровью винтовки Поттрака посмотрел ему в лицо. Мэв никогда не держала в руках оружия, но с такого расстояния промахнуться трудно. Видимо, негодяй рассудил именно так, поскольку при виде ее явно испугался.

— Осторожнее с этим, девочка,— сказал он.

— Оставь моего папу в покое.

— Я его не трогал.

— Лжешь.

— Нет. Клянусь тебе.

— Мэв, дорогая,— пробормотал Хармон, с трудом приподняв голову,— возвращайся в фургон. Пожалуйста. Здесь что-то... что-то страшное.

— Нет тут ничего страшного,— ответила Мэв, чувствуя во рту сладкий привкус крови.— Оно нас не тронет.— Мэв перевела взгляд на Уитни: — Тебе придется перевязать папу. Сейчас же. Опустит винтовку.

Уитни подчинился. Мэв приблизилась и, не опуская винтовки, склонилась над отцом, чтобы осмотреть рану. Вид у Хармона был ужасный: куртка и рубашка пропитались кровью от воротника до пояса.

— Помоги ему встать,— велела она Уитни.— Надо идти к фургонам.

— Иди сама, дочка,— тихо сказал Хармон.— Я умираю.

— Неправда. Мы дойдем до обоза, и миссис Уинтроп тебя перевяжет.

— Нет,— ответил Хармон.— Слишком поздно.

Мэв подошла к отцу вплотную и заглянула ему в глаза.

— Ты должен поправиться,— произнесла она,— иначе что станет с Эвервиллем?

Это был прекрасный сон,— пробормотал он, протягивая к ней дрожащую руку. Мэв взяла ее.— Но ты прекраснее, дочка,— продолжал Хармон.— Ты — мой самый прекрасный сон. Умирать не так уж тяжело, когда знаешь, что ты останешься в этом мире.

Его веки сомкнулись.

Папа,— позвала она.— Папа!

Он отправился в ад,— пробормотал Уитни.

Мэв взглянула на него. Уитни улыбался. Она больше не могла сдерживать слез, и они хлынули потоком — слезы горя и ярости. Мэв опустилась рядом отцом на колени и прижалась лицом к его холодной щеке.

— Послушай! — попросила она его.

Почудилось ей, или он и впрямь вздрогнул, услышав из темноты голос своего ребенка, будто в теле оставалась крошечная частичка жизни?

— Я его построю, папа,— прошептала она.— Я обещаю. И это не сон.

Тут она ощутила на щеке слабое дыхание, легче перышка, и поняла, что Хармон ее услышал. А потом отошел в мир иной.

Радость ее была недолгой.

— Ты *ничего* не построишь,— заявил Уитни.

Она подняла на него глаза. Он снова поднял винтовку и целился в сердце Мэв.

— Встань,— сказал он и выбил оружие из ее рук, когда она не подчинилась.— Плевать мне на твои слезы. Отправься следом за папашей.

Она выставила вперед руки, будто они могли остановить пулю.

— Пожалуйста...— пробормотала она, попятившись.

— Стоять! — заорал он и выстрелил.

Пуля ударила в землю перед ней в паре дюймов.

— Пойдешь со мной на случай, если снова появится демон, которого вызвал твой отец.

Не успел он договорить, как в нескольких ярдах позади него возникло движение.

— Господи всемогущий...— выдохнул Уитни.

Он метнулся к Мэв, развернул девочку за плечи и заслонился ею. Она умоляла не трогать ее, но он схватил Мэв за волосы, так что ей пришлось встать на цыпочки. И начал отступать от закачавшихся ветвей, а Мэв двигалась вместе с ним шаг в шаг.

Они прошли ярдов шесть, когда крона успокоилась. Наверное, раненый зверь не хотел получить новую пулю. Уитни, задышавшийся от страха, немного успокоился.

— Все будет хорошо,— сказал он.— Господь меня хранит.

Едва он договорил, как зверь ринулся вслед за ними, мощно и молниеносно, ломая толстенные сучья. Мэв воспользовалась шансом. Извернувшись, она вонзила ногти в руку Уитни. Тот упустил сальную прядь ее немых волос и не успел схватить ее снова, как Мэв бросилась к ближайшему дереву в поисках укрытия.

Она пробежала всего три шага, когда перед ней возникли — как ей показалось — две ветки. Она вскинула руки, защищая лицо, и тут поняла свою ошибку. Это были руки с пальцами такими длинными, что они легко обхватили её за талию. У Мэв перехватило дыхание, когда ее вознесли наверх, в спасительную крону деревьев.

Уитни стрелял и стрелял, но раненый спаситель Мэв оказался быстрее.

— Держись,— сказал он, сжимая ее своими горячими руками.

Не успела она найти за что ухватиться, как он взмыл вверх вместе со своей ношей, и крылья его рассекали ветви подобно двум мощным косам.

10 .

Она совсем забыла о трубах. Но теперь, когда они неслись сквозь ветви, музыка зазвучала вновь и была еще прекраснее, чем раньше.

— Госпожа идет,— произнес ее спаситель с тревогой в голосе и ринулся вниз с такой скоростью, что едва не выронил Мэв.

— Какая госпожа? — спросила девочка, глядя в его лицо, скрытое в тени.

— Тебе лучше не знать,— сказал он.

Внизу уже показалась земля.

— Не смотри на меня,— предупредил он, когда они достигли нижних ветвей,— иначе придется вырвать тебе глаза.

— Ты этого не сделаешь.

— Ах, не сделаю? — воскликнул он и до того быстро закрыл ей рукой глаза, рот и нос, что Мэв не успела закончить вдох.

Она втянула крохотный глоток воздуха, что остался между его ладонью и носом. Он пах, как и его кровь,— сладко и вкусно. Высунув кончик языка, Мэв лизнула его.

— Похоже, ты съела бы меня живьем, если б могла,— заметил он. По тону она поняла, что эта мысль его позабыла.

Мэв ощутила под ногами твердую почву, и он заговорил снова. Он наклонился так близко, что его усы или борода щекотали ухо Мэв.

— Ты права, девочка. Я не могу ослепить тебя. Но прошу, закрой глаза, когда я уберу руку, и не открывай, когда

стану свистеть. Открой их, только когда мой свист стихнет. Ради тебя самой, тогда и только тогда. Ты меня поняла?

Мэв кивнула, и он убрал руку. Глаза ее были закрыты, и она не открыла их, когда он сказал:

— Возвращайся к своей семье.

— Мой папа умер.

— А мать?

— Мама тоже. А Уитни убьет меня сразу, как только увидит. Он думает, что я дитя дьявола. Думает, что ты демон, которого вызвал мой отец.

Существо громко рассмеялось.

— Ты ведь не исчадие ада? — спросила она.

— Нет.

— Значит, ты ангел?

— И не ангел.

— А кто тогда?

— Я же сказал: тебе лучше не знать.— Снова зазвучали трубы.— Мне пора. Церемония вот-вот начнется. Я должен идти. Я хотел бы сделать для тебя больше, девочка, но не могу.— Он легко коснулся пальцами ее век.— Не открывай, пока я не уйду.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он снял с ее лица руку и начал насвистывать простенькую приятную мелодию, на секунду прервавшись, чтобы сказать:

— Никому не рассказывай о том, что случилось.

Потом снова засвистел и двинулся прочь.

Мэв лет с пяти знала, что если скрестить пальцы, то обещание можно не выполнять. Теперь она разомкнула их, дождалась, пока свист немного отдастся, и открыла глаза. Видимо, они изрядно забрались в горы, поскольку камень, куда ее опустили, лежал на круто поднимавшемся вверх склоне. Деревьев здесь было меньше, и поэтому больше света. Мэв увидела небо над головой — снегопад прекратился, и заходящее солнце окрасило расступившиеся облака в нежно-ро-

юный цвет. Когда девочка перевела взгляд вниз, на склон, откуда еще доносился свист, она разглядела своего спасителя. На таком расстоянии деталей не видно, но Мэв не собиралась просто так уходить. Спустившись с камня, она отправилась следом.

Идти было трудно. Она карабкалась вверх по грязи и прошлогодней хвое, ноги и руки скользили, несколько раз ей пришлось цепляться за корень или камень, чтобы не съехать вниз. Расстояние между ней и зверем росло, и она уже боялась совсем потерять его из виду, но тут розовый отблеск, что окрашивал облака, коснулся деревьев, и в воздухе разлилось благоухание, какого Мэв не слышала уже месяц или больше. Деревья здесь росли реже, чем внизу, и между стволов просвечивал уходивший вверх склон. Заснеженный, он крутой дугой поднимался к вершине, и острый пик упирался в очистившееся от туч небо, где зажигались первые звезды. Но мерцающий свет звезд показался Мэв тусклым по сравнению с сиянием, появившимся впереди на склоне. Мэв не понимала, откуда оно взялось, пока не вышла из леса.

Над землей парили несколько сфер, светившихся мягким туманным светом. Они озаряли такой прекрасный вид, что Мэв застыла от восхищения. Хотя ее спаситель отрицал, что он ангел, но девочка явно попала на небеса. Откуда еще могли появиться существа, которых она увидела? Да, почти все они не имели крыльев, но все были удивительными. Полтора десятка созданий, больше похожих на птиц, чем на людей, с клювами и сияющими глазами, стояли под одной из светящихся сфер и болтали. Другие, одетые в пурпурный шелк (как на первый взгляд показалось Мэв), важно спускались по склону, будто рисуясь, а потом каждый в этой компании вдруг влился внутрь самого себя, и шелковое великолепие в мгновение ока исчезло — они превратились в блестящих змеек, закачавшихся в воздухе. И третьи: грудь у них открывалась, подобно вееру, показывая огромные пульсирующие сердца.

Остальные были попроще. Одни походили на людей — если не считать светившейся странным светом кожи или

волочившегося сзади хвоста. Кто-то не имел плотного тела и казался фантомом, тем более что такие существа не оставляли следов на снегу. Еще одни — явно родственники спасителя Мэв — казались здесь, где царил дух, чересчур плотными. Их лица скрывались в тени собственных крыльев, и они, похоже, неохотно беседовали даже друг с другом.

Что касается того, кто неосмотрительно привел сюда Мэв, то он похромал через весь склон на самый верх — туда, где стоял шатер цвета потемневшего неба. Мэв, конечно же, сразу стало интересно, что за чудеса скрываются за его пологом. Хватит ли ей смелости выйти из-под прикрытия деревьев, подойти и узнать, что там такое? А почему бы и нет, решила она. Терять нечего. Даже если удастся отыскать дорогу назад, ее встретит винтовка Уитни и его праведный гнев. Лучше уж отправиться туда, куда влечет любопытство, следом за удивительным существом.

Тут у нее появился еще один повод для изумления. Выйдя из леса, она двинулась вверх среди сотни существ, но никто из них не задал ей ни одного вопроса и не попытался остановить. Да, кое-кто повернул в ее сторону голову, другие начали шептаться — наверняка о ней. И все. По-видимому, благодаря болезненности и худобе Мэв приняли в этом странном собрании за свою.

Пока Мэв карабкалась вверх, ей пришло в голову, что на самом деле она грезит, лежа в беспомощности на отцовской груди, и вскоре, когда придет в себя, увидит его остывшее тело. Есть простой способ развеять подобные мысли. Мэв сначала ущипнула себя за руку, а потом потрогала языком больной зуб. И то и другое отозвалось болью. Значит, Мэв не грезит. Тогда, может быть, она спятила и придумывает чудеса, как путешественники в пустыне выдумывают колодцы и фруктовые деревья? Но если она все сочинила в утешение себе, то где же отец и мать, где столы, заставленные пирогами и кувшинами с молоком?

Каким бы странным ни казалось то, что ее окружало, оно было настоящим. Все эти огни, существа, мерцающий ша-

тщр на вершине склона — все они не менее реальны, чем Уитни, фургоны и мертвецы в могилах.

Вспомнив об оставшихся внизу, Мэв оглянулась и посмотрела назад. Быстро наступала ночь, и лес погрузился во мрак. Мэв не увидела ни костров, ни повозок. Либо их засыпало снегом, либо — более вероятно — в обозе решили, что она заблудилась, и двинулись дальше, пока стихла метель.

Так оно и было. Осиротевшая, в окружении незнакомых существ, бесконечно далеко от родных мест, Мэв почувствовала себя самой одинокой из всех одиноких душ. Но она не загрустила (разве только от мысли, что внизу в темноте лежит ее отец). Наоборот, она вдруг ощутила едва ли не радость. Она попала в чудесное место. Если ее спросят, какое волшебство ей известно, она усадит вокруг себя эти необыкновенные создания, расскажет им про Эвервилль — про каждую его улицу, каждую его площадь — и поразит их этим до глубины души. И как только она все расскажет, она больше не будет одинока. Потому что Эвервилль и есть ее настоящий дом, и он сбережет ее так же, как она берегла его в своем сердце.

U

i

Уитни без труда убедил переселенцев, что искать девчонку О'Коннела бесполезно. Время шло к ночи, Стерджис вернулся из леса, бессвязно лопоча о каком-то чудовище, безжалостно разорвавшем в клочки Поттрака. Чудовище близко, предупредил Уитни; тот, кто вызвал тварь, уже мертв, но, как только настанет ночь, демон всалкает новой крови и человеческих душ. К тому же метель утихла. Без сомнения, Господь сделал так в благодарность за избавление от О'Коннела, так что не стоит этим пренебрегать.

Никто, даже Марша Уинтроп, ни слова не сказал против. Уитни красочно описал, как чудовище сцапало девочку. Едва ли она осталась жива.

Снегопад прекратился, взошла полная яркая луна, но продвижение давалось с трудом. Через час, когда обоз удалился от леса на безопасное расстояние, они снова встали лагерем на ночлег.

Уитни разжег костер, грубым голосом распевая гимны, вознося хвалу Господу за то, что Он вывел их из дьявольских мест.

— Сегодня Бог сохранил нас,— между строфами говорил он собравшимся.— Наш путь подходит к концу.

Потом Нинни, вдову Эверетта Иммендорфа, определили готовить еду, для чего опустошили все скудные запасы.

Это будет последний ужин на нашем нелегком пути, — сказал Уитни. — Завтра Господь приведет нас в землю обетованную.

Рагу получилось чуть гуще воды, но они съели его у костра и оно их согрело. Прихлебывая жижу, переселенцы оживились, даже слышались разговоры об освобождении. А посреди их разговора явилось доказательство правоты Уитни. Когда костер стал прогорать, из темноты за кругом света слышалось тихое покашливание, словно кто-то хотел вежливо обратить на себя внимание.

Стерджис, которого до сих пор трясло от страха, вскочил на ноги и схватился за ружье.

— В этом нет необходимости, — раздался мягкий голос. — Я пришел как друг.

Уитни встал со своего места:

— Тогда покажись... *друг*.

Незнакомец так и сделал, тотчас же выйдя на свет. Он оказался ниже ростом, чем любой из мужчин у костра, а двигался с легкостью человека, чей нрав беззлобен и мягок. Он был одет в роскошную шубу, и большой поднятый воротник обрамлял его лицо, когда он улыбнулся им так, будто здесь сидели не нищие переселенцы, а его благополучные приятели и он собирался присоединиться к их пиршеству. Только снег на ботинках указывал на то, что он действительно шел по снегу. Его одежда выглядела идеально, а каждая деталь внешности выдавала человека благовоспитанного. Нафабранные усы, подстриженная бородка, перчатки из телячьей кожи, трость с серебряным наконечником.

Незнакомец этот, появившийся у костра, никого не оставил равнодушным. Шелдон Стерджис при виде его почувствовал глубочайший стыд за свою трусость и подумал: вот этот точно не наделает в штаны ни при каких обстоятельствах. Элвин Гудхью, почуяв запах одеколона, сложился от приступа тошноты пополам, и съеденная им порция варева полетела в догоравший костер. А Нинни Иммендорф, поварила, даже не обратила на это внимания, потому что в тот миг мысленно благодарила судьбу за свое вдовство.

— Как вы сюда попали? — спросила Марша.

— По дороге, — ответил незнакомец.

— А где ваш фургон?

Незнакомца ее вопрос позабавил.

— Я пришел пешком, — объяснил он. — Отсюда до долины миля или две, не больше.

Все у костра зашевелились и заговорили, боясь поверить счастью.

— Мы спасены! — вскрикнула Синтия Фишер. — О боже, мы спасены!

— Ты прав, — произнес Гудхью, обращаясь к Уитни. — Сегодня Господь действительно нас хранил.

Уитни заметил, как на губах незнакомца промелькнула усмешка.

— И впрямь хорошая новость, — сказал Уитни. — Можно ли узнать, кто вы такой?

— Конечно, — ответил тот. — Меня зовут Оуэн Будденбаум. Я пришел сюда, чтобы встретить своих добрых друзей, но что-то я их среди вас не вижу. Надеюсь, с ними ничего не случилось.

— Мы потеряли многих добрых людей, — заметил Стерджис. — Кто вам нужен?

— Хармон О'Коннел и его дочь, — проговорил Будденбаум. — Разве они не с вами?

Улыбки на лицах погасли. Возникла неловкая пауза, а потом Гудхью сказал просто:

— Их больше нет.

Будденбаум стянул с левой руки перчатку. Голос его остался бесстрастным.

— Правда ли это? — спросил он.

— Правда, — кивнул Стерджис. — О'Коннел... остался в горах.

— А девочка?

— Она последовала за ним. Все как он сказал. Их больше нет.

Будденбаум поднес ко рту руку без перчатки и погрыз ноготь на большом пальце. У него было на каждом пальце по кольцу, а на среднем — три.

— Странно,— произнес он.

— Странно что? — уточнил Уитни.

— Странно то, что столь богобоязненные мужчины и женщины оставили невинное дитя замерзать в горах,— ответил Будденбаум. Потом он пожал плечами: — Ладно, каждый делает то, что считает нужным.— Он снова надел перчатку.— Мне пора.

— Погодите,— остановила его Нинни.— Не хотите ли поесть? Еды у нас немного, но...

— Спасибо, нет.

— У меня есть остатки кофе,— предложил Шелдон.— Не хотите ли чашечку?

— Вы очень добры,— сказал Будденбаум.

— Так посидите с нами,— настаивал Шелдон.

— Возможно, как-нибудь в другой раз,— промолвил Будденбаум, не отводя взгляда от их лиц.— Я уверен, когда-нибудь наши пути еще пересекутся,— продолжал он.— Каждый проходит свой путь, но дорога возвращается к своему началу, не так ли? Поэтому возвращаемся и мы. Тут у нас нет выбора.

— Мы могли бы подвезти вас в долину,— сказал Шелдон.

— Мне не нужно *в долину*,— последовал ответ.— Мне нужно в горы.

— Вы с ума сошли,— со свойственной ей прямоотой сказала Марша.— Вы там замерзнете.

— У меня есть шуба и перчатки,— возразил Будденбаум.— И если девочка выжила в такой мороз, то, безусловно, смогу и я.

— Сколько раз?..— начал Гудхью, но Уитни, который сидел напротив Будденбаума по ту сторону костра и изучал его сквозь клубы дыма, перебил:

— Пусть идет, если хочет.

-- Вот именно! — согласился Будденбаум.— Что ж... доброй ночи.

Когда он уже повернулся, чтобы идти, Нинни вдруг вынула одно слово:

— Трубы.

— Прошу прощения? — остановился Будденбаум.

— Там, в горах, мы слышали звуки труб.— Она оглянулась на спутников в поисках поддержки, но все промолчали.— По крайней мере, я слышала,— нерешительно продолжила она.— Да, слышала.

— Звуки труб?

— Да.

— Странно.

— Да.— Она вдруг и сама престала верить в то, что говорила.— Конечно, это могло быть и... Я не знаю что.

— Гром,— подсказал Уитни.

— Спутать гром и трубы? Надо же. Что ж, пойду послушаю сам.— Будденбаум едва заметно улыбнулся Нинни.— Весьма признателен.— Он поклонился ей так учтиво, что Нинни едва не лишилась чувств.

Не прибавив больше ни слова, Будденбаум повернулся к ним спиной, вышел из круга света, и тьма поглотила его.

ii

Выжили все, кто сидел той ночью у костра. Они добрались до конца пути, а потом много лет подряд трудились, плодились и процветали, оставив в прошлом страдания, пережитые по дороге на запад. Они не вспоминали о мертвых, несмотря на свои обещания. Не вернулись назад, чтобы найти останки и перехоронить достойно. Они никого не оплакивали. Они ни о чем не жалели.

Но ни о чем не забыли. Наедине с собой, в своих новых домах, они вспоминали о печальном событии той ночи, а еще чаще — о встрече со странным путником.

Каждый раз, когда Шелдон Стерджис варил себе кофе, он вспоминал Будденбаума и чувствовал стыд. Каждый раз, когда в дверь к Нинни Иммендорф стучался поклонник (случалось это нередко: женщины в ту пору редко оставались одиноки, а Нинни, ко всему прочему, готовила отличное рагу), она шла открывать и мечтала, чтобы за порогом оказался не Фрэнклин, не Бак и не Чарли, а Будденбаум, именно Будденбаум!

Каждый раз, когда преподобный Уитни поднимался на кафедру и рассказывал прихожанам об ухищрениях дьявола, он вспоминал человека с тростью, и голос его начинал звучать с особенной страстью, а слушателей пробирала дрожь. «Как будто он сам видел дьявола»,— говорили люди после проповеди; ибо он говорил не о чудовище с рогами, а о человеке, который в одиночестве, без помощников, без лошадей, бродит по свету в поисках потерянных детей, отбившихся от своего народа.

•

VI

i

Когда Мэв достигла вершины, своего спасителя она не увидела, поскольку вокруг шатра стемнело и невозможно было разобрать, есть ли там вообще кто-нибудь. Мэв побаивалась этой встречи — ведь она сжульничала, когда нарушила обещание и явилась на это необыкновенное собрание; но другая часть ее души, напоенная сладкой кровью зверя, готова была встретить его гнев, лишь бы узнать побольше. Он не причинит зла, как бы ни рассердился, говорила себе девочка. Все равно — что сделано, то сделано. Она уже узнала здешние тайны.

Разумеется, кроме тайны шатра, но это она быстро исправит. Вход в шатер находился прямо перед ней, в нескольких ярдах от места, где она стояла. Однако вход был закрыт, и Мэв обошла шатер сбоку — пробравшись туда, где ее никто не заметит, — приподняла край ткани, присыпанный снегом, и проскользнула под ним.

Внутри стояла такая тишина, что Мэв затаила дыхание, испугавшись, что ее кто-нибудь услышит. Плотная тьма коснулась ее лица, словно рука слепого. Мэв не сопротивлялась, страхась только одного — что тьма ее отвергнет и выгонит из шатра. Похоже, девочка прошла проверку, и через несколько секунд прикосновение стало ласковым, даже немного игривым. Мэв ощутила, как тьма оторвала ее от пола и понесла в глубину шатра. Пришлось довериться этой силе,

что оказалось нетрудно. Мэв почему-то знала, что здесь нет опасности, и в награду за ее доверие тьма начала раскрываться, словно бутон. По мере того как Мэв приближалась к центру шатра, перед ней, один за другим, распускались невиданные цветы. Тьма не поредела, тем не менее Мэв все отчетливее различала фигуры и формы, каких прежде не видел ее глаза. В шатре она не одна, поняла девочка: сотни парней из тех же семейств, что ожидали снаружи. Тем, кто приходился здесь, повезло, или они чем-то заслужили приглашение в волшебное место. Одни плакали от счастья, другие улыбались, у третьих на лицах читалось почтение. Мало кто обратил внимание на Мэв, двигавшуюся сквозь толпу, потому что все взоры были обращены к сгустку тьмы, еще не раскрывшемуся перед девочкой. Мэв сторала от желания поскорее узнать, что там такое, и тоже повернулась к нему.

И вскоре он стал распускаться. Форма, возникшая перед ней, походила на плод расцветшей тьмы. Мэв не знала для нее названия. Форма волновалась, будто змея или скорее множество змей, постоянно сплетающихся в единый клубок в бесконечном, непрерывном движении. Этот клубок вливался внутрь самого себя, а потом являлся преобразенным. Он делился на части, вновь соединялся, открывался подобно глазу или разлетался брызгами, как вода о скалы. Время от времени в центре метаморфоз начинала бить густая струя тьмы. Она срывала с темных контуров кожу, обрывки этой кожи распадались на крохотные клочки и поднимались в воздух, как семена одуванчиков, посеянные в плодородной тьме.

Мэв как раз следила за одним из таких посевов, как вдруг заметила внизу, под летевшими семенами, две фигуры. Там сидели мужчина и женщина: лицом к лицу, рука в руке, склонив головы, словно в молитве. Они находились так близко друг к другу, что Мэв вспомнила про Эбилин Уэлш и Билли Бакстера, хотя сама толком не поняла почему. Эти двое наверняка не замерзнут насмерть в поисках места, где можно соединить руки, преклонить голову или заняться тем, чем — как не раз видела дома Мэв — занимаются животные. Но разве смысл такого занятия не в том, чтобы родить детей?

И разве форма, повисшая над этими двумя, не является слиянием их сущностей, вытекавших из приоткрытых губ подобно струйкам легкого дыма, чтобы сойтись воедино надолбами?

— Там ребенок,— вслух сказала Мэв.

То ли тьма оказалась нерасторопной и не успела перехватить ее слова, прежде чем они сорвались с языка, то ли звуки речи были слишком увертливы и ускользнули от тьмы.. Так или иначе Мэв сама увидела, как два слова вылетели изо рта бирюзовым и оранжевым языками пламени, слишком яркими в мягкой темноте шатра. Они мгновенно протянулись к ребенку и тоже вступили в работу, заиграв отсветами в каждой точке его пульсирующего темного тела.

Женщина открыла наполнившиеся болью глаза и подняла голову, а ее муж встал, исторгнув из уст эфирную струю, и взглянул на дитя, которое породил.

Дитя пришло в беспокойство и стало меняться быстрее, чем раньше, словно краски Мэв дали новую пищу для его инвенций. Кажется, этой пищи оказалось слишком много. Менялось оно исступленно, и формы его стали неустойчивыми: они бесконечно превращались одна в другую и множились.

Мэв вдруг испугалась. Она попятилась на несколько шагов, а потом повернулась и бросилась прочь, расталкивая толпу. Вокруг все пришло в смятение, то тут, то там слышались встревоженные голоса, а тьма и сама была ранена и не сумела сдержать общего негодования. Мэв побежала к выходу, опасаясь, что ее сейчас схватят; правда, мало кто понял, что произошло, а тем более — кто преступник, так что Мэв благополучно добралась до полога, и никто не попытался ее задержать. Она уже нагнулась, чтобы нырнуть под край шатра, и тут оглянулась назад. Ребенок распался на части, формы его менялись с чудовищной быстротой, лопались и разрушались. Родители его разделились и лежали в объятиях своих почтенных родственников, обессиленные и больные. Мэв заметила, что с женщиной случился жестокий припадок, и понадобились усилия всей семьи, чтобы ее успокоить.

Мэв зажала ладонью рот, сдерживая рыдания, и вынырнула из шатра на снег. Весть о несчастье успела распространиться среди тех, кто ожидал снаружи, и там творилось невообразимое. Внизу на склоне вспыхнула драка, и одно из существ упало замертво с пронзенным сердцем. Все с громкими воплями мчались к шатру.

Мэв села на снег и закрыла руками глаза, закипевшие горькими слезами.

— Дитя!

Мэв подняла голову и оглянулась. *

— Что ты мне пообещала?

Она опустила голову.

— Я не виновата,— сказала она, вытирая нос тыльной стороной ладони.— Я просто сказала...

— Так это была *ты*? — перебил ее зверь.— О господи, господи, что же я наделал!

Мэв почувствовала, как ее коснулись его руки. Он рывком повернул девочку к себе. Теперь она смогла его рассмотреть — длинное лицо, исполненное боли, золотые глаза, густая грива и шерсть, лоснившаяся, как у бобра, на лбу, щеках и подбородке. Зубы у него еле заметно застучали.

— Тебе холодно?

— Нет, черт тебя подери!

Она тихо заплакала.

— Хорошо, мне холодно,— проговорил он.— Холодно.

— Нет, не холодно. Тебе страшно.

Глаза его вспыхнули золотыми искрами.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Мэв О'Коннел.

— Мне следовало убить тебя, Мэв О'Коннел.

— Я очень рада, что ты этого не сделал,— сказала она.—

А тебя как зовут?

— Кокер Аммиано. Скоро мое имя станет печально известным. Убей я тебя, несчастья бы не случилось.

— Что я такого сделала?

— Ты заговорила во время церемонии. Это строго запрещено. Теперь начнется война. Семейства супругов считают

виноватыми друг друга. Прольется кровь. А когда поймут, что никто из них ни при чем, начнут искать преступников, и нас убьют. Тебя за то, что ты натворила, а меня за то, что я тебя сюда привел.

Мэв секунду обдумывала обрисованную цепь событий.

— Никто не убьет нас, если не найдут,— сказала она.

Она посмотрела на склон. Как Кокер и предсказывал, там начиналась драка. Это еще не война, но стычка может в нее перерасти.

— Нет ли отсюда другого выхода?

— Есть один.

Мэв вскочила.

— Тогда быстро туда,— сказала она.

ii

Не один десяток лет Будденбаум собирал литературные произведения, где он действовал в качестве персонажа, и в итоге список получился внушительный. На нынешний день Будденбаум знал о двадцати трех книжных героях, списанных с него полностью (его знакомые, читавшие эти книги или смотревшие пьесы, подтверждали: оригинал узнавался мгновенно), плюс еще десять или одиннадцать, где его отдельные черты использовались для создания комического либо трагического эффекта. Поскольку личность Будденбаума была многогранной, то в одном сюжете он становился судьей, в другом — обвинителем, но в обоих случаях это был он.

Будденбаум не обижался на авторов, какой бы скандальной или неприличной ни оказывалась книга. Напротив, ему льстило, что он, не имеющий детей, дал жизнь такому множеству творений. Кроме того, его ужасно забавляло, когда подвыпившие сочинители в знак уважения начинали бубнить о том, сколько они разглядели в нем суровой человеческой правды. Он полагал иначе. Понимали они это или нет (по его опыту, люди искусства понимают очень мало), но их вдохновляло нечто противоположное тому, о чем они болтали. Он не был суров. В нем не было правды. А когда-нибудь,

если ему хватит осмотрительности и ума, он вообще перестанет быть человеком. Он весь состоит из масок и подделок — человек, прошедший по дорогам Америки в дюжине обличей; прежде чем завершить свой путь на земле, он смеет еще дюжину.

Будденбаум не осуждал литераторов за их доверчивость. Все искусства, кроме одного, лишь иллюзорная игра, а дорога к единственному настоящему Искусству трудна. К тому же Будденбауму нравились его альтер эго, развлекавшие его на этом трудном пути. Он даже ввучил наизусть несколько самых характерных диалогов, приписываемых ему, и любил декламировать их вслух, когда его никто не слышал.

Как сейчас, когда он карабкался по заросшему лесом склону проклятой горы. Он читал отрывок из псевдоисторической трагедии под названием «Серениссима».

— У меня нет ничего, кроме тебя, милая моя Серениссима. В тебе мои чувства, мой рассудок, моя душа. Если ты покинешь меня, я останусь один в великой тьме среди звезд и даже не смогу умереть, ибо я должен жить, пока ты не остановишь мое сердце. Так останови его, останови его сейчас! Умоляю тебя, останови его и избавь меня от страданий!

Будденбаум оборвал свою декламацию. В лесу раздавались другие звуки, претендующие на внимание публики — деревьяев. Они были менее музыкальны, чем его голос. Затаив дыхание, Будденбаум прислушался. Звуки доносились от верхнего склона или, по крайней мере, из той части леса. Судя по шуму, было много действующих лиц. Не потребовалось гадать, в каком жанре давали представление: вопли говорили сами за себя. Там играли трагедию.

Будденбаум возобновил свой монолог, теперь уже тише, и вновь двинулся вперед, но крики, доносившиеся из-за леса, становились все громче и все страшнее. Смерть полна поэзии лишь в книжках. Настоящие умирающие умоляют, рыдают, исходят соплями и слезами. Будденбаум видел это бесчисленное множество раз и не жаждал увидеть снова. Впрочем, выбора у него не осталось. Девочка, скорее всего, должна быть где-то там. Девочку называли в честь богини, уво-

дящей людей в мир мечтаний и грез, и той благоуханной весной в Миссури чутье подсказало Будденбауму, что имя ее — не случайность. Тогда он подарил О'Коннелам малую часть своих собственных грез, и теперь, по прошествии времени, это казалось ему ошибкой. Насколько ошибка серьезна, станет ясно в ближайшие часы.

Больше всего его тревожили вопли. Возможно, кричали заблудившиеся в горах замерзающие переселенцы? Маловероятно. В какофонии голосов, долетавших до него с вершины, Будденбаум различал звуки, какие не способно издавать ни человеческое горло, ни горло кого-либо из животных, обитающих в данной части света. При этой мысли Будденбаума, несмотря на холод, прошиб пот. Его бросило в жар, когда он понял: возможно, подарок, который он под влиянием минутного порыва преподнес Хармону О'Коннелу, оказался не столь уж неблагоприятным. Кажется, дочь ирландца, сама того не ведая, привела Будденбаума к границе его личной земли обетованной.

III .

Небо треснуло; это была первая мысль Мэв. Трещина и часть другого неба сияли ярче обычного ночного, под которым она стояла. Небеса творят много чудес: молнии, смерчи, град или радугу; но еще никогда Мэв не видела ничего похожего на огромные разноцветные волны, большее самой огромной тучи, которые плыли по тому, другому небу. Оттуда тянуло легким ветерком. Ветерок оказался теплым, и вместе с ним до Мэв долетел мощный ритмичный гул.

— Там море! — сказала она и направилась к трещине.

Трещина была узкой и непостоянной. Границы ее в воздухе колебались, будто пламя лампы на сильном ветру. Мэв не волновало, откуда взялась трещина и почему; за ночь она повидала достаточно, чтобы не задаваться подобными вопросами. Она хотела лишь одного: переступить порог, и отнюдь не потому, что боялась последствий уже случившегося. На той стороне ждали море и небо, каких она никогда не видела.

— Оттуда нет дороги назад, — предупредил ее Кокер.

— Почему?

— Этот проход сотворен великим Посвященным. Когда он закроется, открыть его заново будет не просто. — Кокер посмотрел назад, на поле битвы, и застонал при виде того, что там творится. — Господи, взгляни на них! Иди, если хочешь. А я не могу жить с этим.

Он поднес ружу к лицу, и из среднего пальца у него появился острый как бритва сверкающий коготь.

— Что ты делаешь?

Он приставил коготь к своему горлу.

— Нет! — закричала Мэв и схватила его за руку.— Они гибнут из-за того, что я сказала какие-то слова, которые нельзя было говорить! Это *глупо!*

— Ты ничего не понимаешь,— произнес он с горечью, однако оставил попытки себя убить.

— А ты понимаешь? — спросила Мэв.

— Не до конца. Я знаю, что семьи враждуют. Они убивали друг друга многие поколения. Свадьба должна была положить конец вражде. Ребенок стал бы гарантией мира.

— Из-за чего началась вражда?

Он пожал плечами:

— Никто не знает, кроме членов семей. А теперь...— Он оглянулся на склон, усеянный мертвыми телами.— Теперь знающих станет еще меньше.

— Все равно глупо,— настаивала девочка,— убивать друг друга из-за какой-то старой распри. На свете столько всего, ради чего стоит жить.

Мэв по-прежнему держала его за руку, и он втянул коготь.

— Сегодня я потеряла отца,— продолжала она серьезно.— Я не хочу потерять еще и тебя.

— Ты говоришь более убедительно, чем кое-кто из знакомых мне Посвященных,— тихо сказал Кокер. В его голосе зазвучали нотки благоговения.— Откуда ты такая, дитя?

— Из Ирландии,— ответила Мэв.— Ну, мы идем?

Она оглянулась на трещину. Земля у основания двигалась, а от тепла той силы, что открыла проход и ушла обратно, снег растаял, и даже камни размягчились. Мэв бесстрашно шагнула туда, но ее остановила легшая на плечо рука Кокера.

— Понимаешь ли ты, что делаешь? — спросил он.

— Да,— сказала она немного нетерпеливо.

Ей хотелось туда, на край, где темнела очистившаяся от снега почва. Хотелось почувствовать ее под ногами. Но Кокер не закончил.

— Это Субстанция, море мечтаний и грез,— сказал он.— Земли на его берегах не похожи на те, какие ты видела.

— Америка тоже не похожа.

— Они не похожи на Америку. Они рождаются здесь.— Он постучал пальцем по ее виску.

— Люди создают их в мечтах?

— В мечтах или во сне. Люди создают не только земли. Птиц, и зверей, и города, и книги, и луны, и звезды.

— Все создают одинаковые книги и одинаковых птиц? — удивилась Мэв.

— Вещи различаются по форме,— проговорил Кокер совсем уверенно,— но душа у них одна.

Мэв смотрела с недоумением.

— Ну, как скажешь,— согласилась она.

— Нет. Нужно, чтобы ты поняла,— возразил он.

Кокер нахмурился и на мгновение замолчал, словно ждал озвирения, и оно не заставило себя долго ждать.

— Мой отец говорил: «Каждая птица — птица, и каждая книга — книга, под обложками или перьями все они одинаковы».

Он закончил широким жестом, как будто показывал, что смысл сего изречения очевиден. Но Мэв лишь покачала головой, окончательно сбитая с толку.

— Означает ли это, что ты тоже — чей-то *сон*? — уточнила она.

— Нет,— покачал головой Кокер.— Я сын *нарушителя*. Наконец-то что-то понятное.

— Субстанция не для тех, кто рожден из плоти и крови,— говорил Кокер.

— Но люди попадают туда?

— Очень немногие. Авантюристы, поэты, маги. Кто-то там гибнет. Кто-то сходит с ума. А кто-то влюбляется в то, что находит, и появляются дети — наполовину люди, наполовину нет.— Он раскинул руки и крылья.— Как тебе это нравится?

— Очень нравится.— Мэв лукаво улыбнулась.— Ты мне вообще очень понравился.

Он не поддержал шутливого тона.

— Ты должна понять, что тебя ждет по ту сторону.

— Я не прочь тоже стать *нарушителем*.

— Ты окажешься в стране, куда твои соплеменники падают лишь в мечтах, всего три раза в жизни. В ночь, когда они родятся на свет. В ночь, когда познают любовь. И в ночь, когда умирают.

Она вспомнила отца: он рассказывал о том, как плавал в спокойном море и мама была рядом. Может быть, то море было Субстанцией?

— Я хочу туда,— сказала она еще более нетерпеливо.

— Мы пойдем, как только ты все поймешь,— сказал он.

— Я поняла,— ответила Мэв.— Теперь можно?

Он кивнул, и сердце у Мэв забилося, когда она легко ступила на полоску зыбкой земли.

За годы странствий Будденбаум узнал одно: вопреки здравому смыслу, проза жизни и чудеса не полностью разделены. Скорее наоборот. Пусть земля изучена, отдана во владение людям, весьма далеким от чудес, святость ее осквернена, а стражи впали в пьянство и отчаяние,— семена неведомого проросли в ней слишком глубоко, чтобы отпала нужда в первооткрывателях.

И Будденбаум воочию увидел доказательство этого. На склоне горы дрались существа, явившиеся из чьих-то потаенных грез. Они дышали тем же воздухом, что и люди, пришедшие завоевать эти земли, и умирали под теми же звездами.

Он шел среди мертвых невиданных тел, и ему страшно хотелось спуститься к обозу и привести сюда парочку пионеров. Показать им, что они не единственные здесь путешественники и что ни Закон Божий, ни мощные мостовые не помешают неведомым тварям вернуться. Наверное, он так бы и сделал, если б не девочка. Он чувствовал: она где-то здесь, она жива. Что бы ни стало причиной побоища, девочка осталась жива. Только где она?

Он поднимался вверх, иногда останавливался, натываясь взглядом на совсем уж странное существо. Будденбаум слишком долго изучал оккультные науки, чтобы усомниться в происхождении пришельцев. Они все явились из Метакосма, из мира Субстанции. Сам он еще ни разу не нашел прохода в

тот мир, зато за несколько десятилетий собрал уникальную коллекцию книг по его географии и зоологии, большую часть которых помнил наизусть. Он даже отыскал людей, мужчин и женщин (главным образом, из Европы; главным образом, магов), утверждавших, будто они нашли путь через границу между этим миром — Альтер Инцендо — и другим. Кто-то из них, конечно, жил самообманом, но трое и впрямь представили доказательства того, что нога их ступала на берега моря снов, развеяв вполне обоснованные сомнения Будденбаума. Один из них даже пересек море и какое-то время провалялся на островах Эфемериды, наслаждаясь покоем и роскошью до тех пор, пока собственная любовница не лишила его магической силы и не вернула обратно.

Никто из троих не извлек пользы из своих странствий. Они вернулись домой уязвленные и несчастные. Они больше не видели смысла ни в божественной простоте, ни в добродетелях, общение с себе подобными не приносило им утешения. Жизнь бессмысленна — к такому выводу пришли они. И в том мире, и в этом.

Будденбаум внимательно выслушал всех троих, запомнил то, что было необходимо, и оставил их уязвляться дальше. Он сказал себе: если бы удалось пройти под парусом с духами или ступить на берег, где грезы наполняются жизнью! Уж он-то не стал бы скулить оттого, что не нашел там Бога. Он повел бы за собой этих духов, придал форму этим грезам, умножил свои силы и знание, обретая власть над временем и пространством.

Возможно, сейчас он ближе к осуществлению своих планов, чем думал. Чтобы лежавшие перед ним создания попали сюда, нужно было отворить дверь. Если она не захлопнулась, можно воспользоваться случаем и переступить порог, даже не имея времени на подготовку.

Будденбаум присел на корточки рядом с одной смертельно раненной тварью и ласково прошептал:

— Ты меня слышишь?

При виде его большие крапчатые глаза блеснули.

— Да,— ответила женщина.

- Как вы попали сюда?
- На кораблях,— сказала она.
- А после? Как вы спустились в Косм?
- Посвященный открыл проход.
- И где этот проход?
- Кто ты?
- Сначала ответь.
- Ты пришел вместе с тем ребенком?

То, как она задала вопрос, насторожило Будденбаума.

— Нет,— покачал головой он.— Я пришел один. Вообще-то...— Он внимательно смотрел на лицо женщины, надеясь уловить подсказку.— Вообще-то я здесь затем, чтобы... чтобы убить того ребенка.

Искаженное гримасой боли лицо просияло.

— Хорошо,— проговорила она.— Да, сделай это. Убей маленькую дрянь и подари Посвященному ее сердце.

— Сначала мне нужно найти эту дрянь,— спокойно ответил Будденбаум.

— Проход. Скорее всего, она там.— Умирающая повернула голову и посмотрела в сторону верхней границы склона.— Видишь шатер?

— Да.

— За ним справа скалы, видишь? Черные скалы.

— Вижу.

— Между ними.

— Спасибо.— Будденбаум собрался встать.

— Найди Посвященного,— прошептала женщина.— Скажи, пусть помолится за меня.

— Скажу,— кивнул Будденбаум.— Как тебя зовут?

Женщина открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Так она и умерла, не назвавшись. Будденбаум задержался, чтобы закрыть ей глаза — его всегда угнетали взгляды мертвых,— а затем отправился на вершину холма, к скалам, между которыми должен был быть проход.

Переступив порог, Мэв оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на родной мир. Если Кокер прав, она его никогда больше не увидит. Через час наступит новый день. Мел-

и не звезды уже погасли, яркие начинали меркнуть. На востоке занималась заря, и в ее слабом свете Мэв заметила нещадную от черных скал человека: он шел по склону и явно с трудом сдерживался, чтобы не побежать. Несмотря на расстояние, она сразу узнала его по шубе и трости.

Мистер Будденбаум,— пробормотала она.

— Ты его знаешь?

— Да. Конечно.— Она шагнула назад, но Кокер схватил ее за руку.

— Его заметили,— сказал он.

Кокер не ошибся. Будденбаума преследовали двое существ, выживших в кровопролитной схватке; одного от человека отделяла дюжина шагов, другого — раза в два больше. Судя по их одежде и клинкам, они забрали не одну жизнь. В спешке Будденбаум не замечал их, а они быстро его нагнали. Встревоженная Мэв шагнула назад через порог. Зыбкая почва, взволнованная ее страхом, плеснула у ее ног и забрызгала щиколотки.

Кокер снова окликнул Мэв, но она не обратила на него внимания и стала спускаться в расселину между скал, призывая Будденбаума оглянуться. Теперь он ее заметил, и на лице у него появилась улыбка.

— Девочка! — закричал Кокер сзади.— Скорее! Скорее!

Мэв оглянулась через плечо на сиявшую трещину. Границы ее колыхались, готовые в любую минуту захлопнуться. Кокер стоял на краю прохода с той стороны и махал Мэв, чтобы та возвращалась. Но Мэв не могла уйти навсегда, не услышав от Будденбаума хоть каких-нибудь объяснений. Ее отец страдал и погиб оттого, что Будденбаум вложил в его сердце мечту. Ей нужно было понять зачем. Зачем Будденбауму так необходим сияющий город Эвервилль, зачем нужны такие жертвы.

Между ними оставалось всего полдюжины ярдов.

— Мэв...— начал Будденбаум.

— Берегись! — крикнула она.

Оглянувшись, он увидел преследователей, карабкавшихся между скал. Будденбаум мгновенно сориентировался и успел отразить тростью удар, направленный ему в спину. Он

выбил меч из рук нападавшего. Клинок срезал трость, но Будденбаум ее не бросил. Как только враг нагнулся, чтобы поднять свою шпагу, Будденбаум вонзил острие трости ему в лицо. Тот отшатнулся с пронзительным воплем, и, не успев второй нападавший приблизиться и напасть на уже безоружную жертву, Будденбаум бросился к трещине.

— В сторону, дитя! — крикнул он Мэв, которая застыла, не в силах двинуться с места.— В сторону! — повторил он, поравнявшись с ней.

Кокер рассерженно закричал. Мэв взглянула наверх и увидела, как он снова переступает порог: то ли чтобы помочь ей, то ли чтобы задержать Будденбаума — она не поняла. На мгновение Мэв испугалась за Кокера: слишком алчный взгляд был у Будденбаума, когда он ее оттолкнул. Будденбаум явно знал, куда вела эта дорога. Не менее явным Мэв показалось, что он решил проникнуть туда любой ценой, что бы ни ждало его по ту сторону. Будденбаум несколько раз сильно ударил Кокера, разбив ему нос и бровь. Тот взревел от ярости и схватил человека за горло, оттесняя назад.

Мэв хотела подняться, но едва успела привстать, как по земле пробежала дрожь. Девочка вскинула голову и увидела, как трещина содрогнулась. Ее сияние стало меркнуть, столкнувшись с насилием.

— Кокер! — закричала Мэв, испугавшись, что его прихлопнет закрывавшийся проход.

Он посмотрел туда же, куда она, лицо его стало печальным, и он отступил назад на шаг или два. Полоска Субстанции над головой стремительно сужалась, но Мэв думала не о том, что видит ее в последний раз, а о Кокере. Они знакомы всего полночи, но за это короткое время он стал ее спасителем, наставником, другом. Он глядел на закрывающийся проход, как побитая собака,— до боли несчастный и одинокий.

Слезы щипали глаза. Мэв отвела взгляд и увидела Будденбаума, на лице которого была кровь Кокера.

— Нет! — закричал он.— Нет! Нет! — И бросился к закрывавшейся трещине, потрясая кулаками, словно хотел выбить дверь.

От волнения он совсем забыл о втором убийце. Тот перебежал через своего мертвого напарника и, когда Будденбаум ступил на запретный пяточок между склоном и краем прохода, сделал выпад и вонзил шпагу в спину человека.

Он остановил Будденбаума. Тот вскрикнул — скорее от шока, чем от боли, — изловчился и выдернул клинок из спины. А потом развернулся так быстро, что противник не успел уклониться. Одним ударом Будденбаум рассек ему живот от края до края. Не издав ни звука, враг рухнул на землю, куда прежде упали его внутренности.

Мэв не хотела видеть, как он умирает. Она подняла глаза к небу, чтобы в последний раз увидеть Кокера. А он, к ее изумлению, вдруг сделал шаг и просунул руки в узкий проем почти закрывшейся щели. Он уперся в сходящиеся края локтями, и трещина немного подалась, так что ему удалось втиснуть голову и мускулистую шею.

Кокеру было больно, но боль, похоже, лишь подгоняла его. Он продирался и протискивался дюйм за дюймом, упорно, мучительно. Наконец он втянул крылья. Он насколько возможно прижал их к телу, но они были слишком громоздкими, и Кокер застрял. Он жалобно вскрикнул и посмотрел на Мэв.

Девочка сделала шаг к нему, но он остановил ее жестом.

— Просто... приготовься... — выдохнул он.

Затем он набрал в грудь побольше воздуха, напряг все мускулы и рванулся вперед.

Послышался жуткий, отвратительный треск, будто что-то разодралось, и со спины на плечи заструилась кровь. Мэв содрогнулась от страха, но была не в силах отвести взгляда. Кокер смотрел ей в глаза, будто кроме них ничего не осталось. Он старался изо всех сил, мышцы, державшие его крылья, рвались, и тело содрогалось от страшной боли.

Казалось, этот кошмар — содрогания, хруст, треск рвущейся плоти — будет длиться вечность, но развязка оказалась скорой. Крылья после очередного рывка отделились от тела, изувеченный Кокер протиснулся на ту сторону и упал, обливаясь своей медовой кровью.

Теперь Мэв поняла, что он имел в виду, когда сказал ей «приготовься». Ему требовалась ее помощь, чтобы остановить кровотечение, пока он не умер. Мэв подошла к телу убийцы, напавшего на Будденбаума, и разорвала его платье. Ткань была плотная, как раз то, что нужно. Мэв вернулась к Кокеру, упавшему лицом вниз, и нежно, но крепко забинтовала его раны, расплосовавшие спину от лопаток до талии; она тихо нашептывала ему, что никогда не встречала такого храбреца. Она его вылечит, сказала Мэв, и будет ухаживать за ним, сколько он пожелает.

Кокер судорожно всхлипнул, уткнувшись в снег,— тут трещина над ним захлопнулась,— и ответил сквозь слезы:

— Всю жизнь.

Будденбаум и прежде бывал ранен, но так серьезно — только однажды. Он не умрет от укола шпагой — его покровители в награду за службу сделали его тело нечеловечески сильным,— однако на выздоровление потребуется время, а горы — не лучшее место для этого. Будденбаум успел увидеть, как проход закрылся. Тогда он поковылял вниз к подножию горы, оставив дочь О'Коннела рыдать над своим искалеченным другом, истекающим кровью. Он, Будденбаум, выяснит потом, каким образом маленькая невинная Мэв оказалась причиной страшной трагедии. Впереди на склоне Будденбаум заметил нескольких спасшихся тварей, которые при виде его ринулись наутек,— значит, не все свидетели событий погибли. Придет час, и он их отыщет, чтобы расспросить обо всем и понять, каким образом его судьба связана с судьбой Мэв О'Коннел.

В том, что они связаны, Будденбаум не сомневался. Чутье, заставившее его насторожиться в тот апрельский день, когда среди пыли, грязи и вони немых тел он услышал имя богини, его не подвело. Проза жизни и чудеса перемешаны здесь, в этой недавно открытой стране, а в сердце Мэв О'Коннел они живут нераздельно.

VIII

i

Кокер и Мэв пролежали под прикрытием скал еще несколько часов, чтобы дать передышку душе и телу после всех мучений прошедшей ночи. Время от времени Мэв промывала раны своего друга смоченной в талом снегу тряпицей, а он положил голову к ней на колени и тихо постанывал. Иногда они впадали в дремоту, всхлипывая во сне.

Утро выдалось бесснежное. Сильный ветер принес с юго-запада легкие белые облака, разлетевшиеся среди горных вершин. В просветах между ними мелькало солнце — слишком слабое, чтобы согреть, но смотреть на него было весело.

Мертвецы, лежавшие на голом склоне, не остались незамеченными. Прошел час или два после восхода солнца, и в воздухе над местом схватки закружились птицы в предвкушении пира. Их становилось все больше. Мэв испугалась, что во сне им выключают глаза, и уговорила Кокера переползти в расселину между скал — хоть какое-то укрытие.

Позже, ближе к полудню, ее разбудило ужасающее рычание. Мэв поднялась и осторожно выглянула из-за скалы. Рядом с ними пировала стая волков — одни терзали добычу, другие дрались между собой за лакомые куски.

Это была плохая новость, и не единственная. Тучи снова спустились, угрожая снегопадом.

— Нужно идти, — решила Мэв.

Кокер поднял на нее исполненный боли взгляд.

— Куда?

— Вниз,— сказала она.— Пока мы не обессилели от голода и не замерзли. Идем, зимний день короткий.

— Что там такое?

— Волки.

— Много?

— Десятка полтора. Но они нас не тронут, пока здесь столько еды.— Она присела на корточки рядом с ним.— Я знаю, тебе больно, но я хочу тебе помочь. Если мы доберемся до повозки, мы найдем там чистые бинты и...

— Хорошо,— прошептал он.— А потом?

— Я же сказала: потом спустимся вниз в долину.

— А потом? — спросил он, его голос был едва слышен.— Если мы спустимся к людям, они сразу же убьют нас. Про тебя думают, что ты дитя дьявола, а я... Я теперь и сам не знаю, кто я такой.

— Нам не нужны люди,— ответила она.— Мы найдем себе место. Место, где можно жить и строить.

— Строить?..

— Не сейчас, а когда ты поправишься. Может быть, будем жить в какой-нибудь берлоге, воровать еду, делать все, что придется, но мы не умрем.

— Ты так уверена...

— Да,— тихо произнесла она.— И мы построим сияющий город. Мы с тобой.

Он взглянул на нее едва ли не с жалостью:

— О каком городе ты говоришь?

— Идем, и я расскажу по дороге,— сказала Мэв и взяла его за руку, помогая подняться.

Мэв оказалась права: еды у волков было больше чем достаточно, и звери не обратили на них внимания. Только один, безухий, облезлый и низкорослый, потрусил следом, приняв хиваясь. Мэв, вооружившаяся коротким мечом — она выдернула его из груди какого-то трупа,— повернулась к волку и с отчаянным воплем бросилась в атаку. Тот сбежал, поджав хвост, и больше не показывался.

Первые снежинки закружили в воздухе, когда они уже добрались до леса. Под густыми кронами снегопад был не страшен, опасность крылась в другом. Мэв не разбирала дороги в чаще — понимала только, где низ и где верх; не будь рядом Кокера с его нечеловеческим нюхом, наверняка заблудилась бы и погибла в лесу, разросшемся у подошвы горы.

На ходу говорили мало, но Кокер, проявлявший невероятную стойкость, несмотря на раны, все же решил обсудить один вопрос: кто такой Будденбаум — он тоже Посвященный?

— Я не знаю, что значит «Посвященный».

— Это тот, кто общается с бесплотным духом...

— Как священник?

— ...и творит чудеса.

— Священники не творят чудес.

— Что же они делают?

— Читают молитвы. Преломляют хлеб. Говорят людям, что можно делать, а чего нельзя.

— Но чудес не творят?

— Не творят.

Кокер немного подумал и сказал:

— Тогда я имел в виду другое.

— А Посвященные — хорошие или плохие?

— Ни то ни другое. Они исследователи, вот они кто.

Мэв ответила, что это похоже на Будденбаума.

— Ну ладно, кто бы он ни был, — продолжал Кокер, — силы в нем много. Такой удар должен бы быть смертельным.

При этих словах девочка вспомнила, как Будденбаум вырвал у себя из спины шпагу.

— Потрясающе, — отозвался Кокер.

Хотя Мэв не сказала ни слова, она поняла, что Кокер говорит именно о том, что ей представилось.

— Как ты это сделал? — спросила она.

Он взглянул на нее виновато:

— Прости. Это невежливо с моей стороны, но ты так живо это себе представила.

— Ты увидел то же, что я?

Он кивнул:

— Что еще ты видел?

— Немногое.

— Что? — настаивала она.

— Когда ты начала говорить о строительстве,— признался он,— мне тоже представился город.

Мэв воскликнула:

— Это Эвервилль! Мой отец мечтал построить этот город! — Она замолчала на мгновение, потом спросила: — Какой он?

— Он сиял,— просто ответил Кокер.

— Хорошо,— сказала она.

Когда они добрались до фургона, уже стемнело, хотя стало белым-бело от снега. Пока Кокер устраивал себе ложе, Мэв нашла остатки съестных припасов. Они поели. Потом снова уснули под хлопанье ветра, сотрясавшего стены фургона, и сны их были тревожными и странными. Мэв проснулась, вздрогнув так, что разбудила Кокера.

— Что случилось? — спросил он.

Она села.

— Мне приснился Ливерпуль,— проговорила она.— Там ходили по улицам волки на задних лапах и в нарядной одежде.

— Ты сквозь сон слышала их вой,— отозвался Кокер. Ветер до сих пор доносил к подножию горы отголоски волчьего пирра.— Вот и все.

Он протянул руку и ласково погладил ее по лицу.

— Мне не было страшно,— сказала Мэв.— Я была счастлива.

Она села и зажгла лампу.

— Я гуляла по улицам,— продолжила она, откинув одеяло,— и волки кланялись мне на ходу.

Она достала тиковый сундучок, откинула крышку.

— Что ты ищешь?

Не ответив, она продолжала рыться в сундучке, пока не извлекла оттуда бумажный сверток. После чего закрыла сун-

дук и принялась разворачивать сверток на крышке. Даже при тусклом свете лампы предмет, спрятанный внутри, блеснул сквозь бумагу.

— Что это? — спросил Кокер.

— Папа толком не объяснил мне. Но..

Мэв запнулась и поднесла обертку к свету, чтобы лучше рассмотреть. Там был оттиск, сделанный при помощи медного клише. Восемь слов: «Закопать это на перекрестке дороги, где начнется Эвервилль».

— Так вот оно что, — произнесла она.

||

Весь следующий день шел легкий снег. Они сложили в два небольших узла оставшиеся припасы, укутались потеплее и начали последний этап своего путешествия. Следы, оставленные обозом, еще не замело, и они прошли по ним около полудня, спускаясь все ниже.

— Дальше мы не пойдем за ними, — решила Мэв спустя какое-то время.

— У нас нет выбора, — ответил Кокер.

— Нет, есть, — возразила она и свернула с проложенной колеи туда, где поросшая лесом земля резко шла под уклон, исчезая в узком ущелье, затянутом туманом. — Фургоны здесь не прошли бы, а мы пройдем.

— Я слышу, что внизу шумит вода, — сказал Кокер.

— Река! — улыбнулась Мэв. — Это река!

Без промедления они двинулись туда. Спуск оказался трудным. Тем временем снежные хлопья сменились легкой крошкой, а потом снег и вовсе перестал, но под ногами все время был густой скользкий мох — он рос на скалах и стволах деревьев. Дважды они упирались в обрыв, и им приходилось искать проход в другом месте. Но, несмотря на усталость, они ни разу не остановились на отдых. Они шли на шум реки — она уже показалась из-за деревьев, сверкая на солнце. Там повсюду чувствовалась жизнь: зеленели папоротники, звучало пение птиц.

Они вышли на ровное место и двинулись к берегу. Вдруг откуда ни возьмись задул ветер и рассеял окутывавший их туман.

Они ничего не сказали друг другу, а лишь молча стояли в нескольких ярдах от светлых вод и потрясенно смотрели на открывшийся вид. За темной хвоей стояли деревья во всем своем осеннем оранжево-красно-коричневом великолепии. На их ветвях сидели птицы, а кусты под ними шевелились, потому что мелкие лесные зверушки удирали прочь, учуяв запах людей, вторгшихся в их владения. Пищи здесь должно быть в изобилии: плоды, мед, дичь и рыба.

А за деревьями — там, где сияла река, — лежала зеленая долина.

Место, где все начнется.

Лес на склоне гор, которые позже назовут именем Хармона, неспешно убирал и прятал в землю мертвых и пожитки. Сначала он очистил кости от скромных остатков плоти, что не приглянулись ни волкам, ни стервятникам. Потом перетер эти кости, превратил их в щепки и пыль. Он изорвал шатер и прекрасные платья; изъел ржавчиной клинки и пряжки. Он работал несколько десятилетий и скрыл от случайного взгляда поле давней битвы.

Но один след все же остался. Он бы тоже исчез, если бы не живая душа, что хранила его.

Имен у хранителя имелось немало, поскольку происходил он из древней великой семьи, но те, кто любил его — таких было множество, — называли его Ноем, как легендарного предка.

Он пришел в горы с надеждой в сердце, и его надежда была такова, что он не находил для нее слов и не раз вслух выражал досаду по этому поводу. Теперь он почти поверил в то, что навлек беду своей жадностью слов. Разве не из-за слов, сказанных ребенком, церемония прервалась и перемирие завершилось кровавой бойней?

Обезумев от горя, он бежал с поля битвы в лес, где долго оплакивал умершую у него на глазах жену. Она была слиш-

ком нежна, она не сумела пережить гибель их духовного младенца. Но сам он остался жить, поскольку происходил из рода совершенных. Душа его была частью общего духа; даже не желая жить и думать, он не мог нарушить законы семьи, запрещающие самоубийство. И тело его не могло погибнуть от недостатка пищи — для поддержания жизни ему хватило бы лунного света.

Когда слезы иссякли, он вернулся на место трагедии. Там уже успели побывать звери, и мертвые стали неузнаваемыми. Он был благодарен за это: теперь он не видел любимых лиц. Все они — лишь мясо для вечно голодного мира.

Он поднялся по склону и нашел расселину между двумя скалами наверху — ту, где некогда пылала дверь, ведущая к берегам Субстанции. Конечно, ее уже нет, проход снова закрылся. Ной не ждал, что она откроется — ни в скором времени, ни вообще когда-либо. Ибо те, кто знал о церемонии, находились здесь, по эту сторону прохода, и они были мертвы.

Посвященный по имени Филигри, который открыл проход (а вдруг он участвовал в заговоре?), сумел избежать участи погибших. Но поскольку открытие двери считалось преступлением и каралось рабством и заточением, он, скорее всего, после трагедии бежал на Эфемериды, залег на дно и будет прятаться до тех пор, пока не закончится расследование.

Однако там, где еще недавно зиял проход между Космом и Метакосмом, Ной заметил у самой земли легкое мерцание. Он присел на корточки и присмотрелся. Похоже, проход захлопнулся не до конца. Осталась узкая щель в четыре-пять дюймов шириной. Ной коснулся ее, и она затрепетала, словно готовая захлопнуться. Он осторожно лег животом на землю, прикинув взором к щели.

Он увидел полоску берега и море, но без кораблей. Наверное, капитаны поняли, что случилась беда, и увели суда в какую-нибудь гавань, где подсчитали выручку и припугнули команду, чтобы никто не проболтался.

Все погибло.

Ной поднялся, посмотрел на затянутое тяжелыми снежными тучами небо. Что теперь? Должен ли он теперь спус-

титься с горы и отправиться в мир Сапас Умана?* Зачем? Их мир — мир обмана и вымысла. Что ждет его там, кроме унижений и разочарований? Лучше он останется здесь, где можно вдыхать воздух Субстанции и смотреть, как движется свет на ее берегах. Он найдет способ защитить эту щель, похожую на язычок пламени, и не дать ей исчезнуть. Он будет ждать, ждать и молиться, чтобы однажды кто-нибудь прошел по берегу моря снов и заметил ее. Тогда Ной расскажет свою печальную историю и попросит найти Посвященного, который откроет проход. И Ной вернется в свой мир. По крайней мере, таков его план. Ной знал, что шансы ничтожно малы. Они выбрали этот берег именно потому, что обычно на нем никого не бывает, и вряд ли завтра сюда придет толпа отдыхающих. Но терпение дается легко, когда ничего больше не остается, а Ную больше ничего не осталось. Он будет ждать, а в ожидании станет называть звезды этого нового неба именами умерших, чтобы говорить с ними, и время пролетит незаметно.

Все шло своим чередом, и вскоре вниз смотреть стало интереснее, чем вверх, потому что в долину под тенью высокой вершины пришли люди. Ной видел, что жизнь у них трудна и обыденна, но тем внимательнее приглядывался к ней. Зрение у него было таким острым, что со своей площадки возле двух скал он различал цвет глаз женщин. Тогда в долине появилось много женщин, и все были крепкие, стройные, а некоторые даже красивые. А мужчины поняли, что этот кусок земли не хуже прочих годится для жизни, и построили там дома. Они стали ухаживать за женщинами, потом женились и обзавелись детьми.

И через некоторое время там вырос и стал процветать гордый маленький городок под названием Эвервилль.

* От *sapas humana* — человеческая тварь (*исп.*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОРОД

«Прости меня, Эвервилль».

Завещание было написано выцветшими коричневыми чернилами на бумаге цвета нестираной простыни, но за шестнадцать лет работы поверенным Эрвину доводилось иметь дело и с менее отчетливыми письменами. Например, Эвелин Моррис написала свои последние распоряжения («Усыните моих собак и похороните их рядом со мной») йодом на абажуре настольной лампы, стоявшей возле ее смертного одра, а Дуайт Хэнсон дополнение к завещанию нацарапал на полях книги об утиной охоте.

Эрвин где-то вычитал, что в Орегоне процент инакомыслящих на душу населения выше, чем в любом другом штате. Больше активистов, сторонников теории плоской земли, приверженцев выживания — и все они счастливы жить за три тысячи миль от правительства. В глуши, в штате, где и плотность населения невысокая, они строили и продолжают строить собственную жизнь, не похожую ни на чью другую. И есть ли лучший способ выразить свою индивидуальность, чем в последнем слове, обращенном к миру?

Тем не менее завещание, которое сейчас читал Эрвин, можно было отнести к самым ярким образчикам местной оригинальности. Оно представляло собой даже не завещание, а скорее исповедь. Эта исповедь пролежала в ящичке стола около тридцати лет, с марта 1965 года. А написал ее некий Лайл Макферсон, чье имущество, движимое и недвижимое, на момент смерти оказалось настолько ничтожным, что ни-

кто не удосужился поинтересоваться, кому оно отойдет. Может быть, так и случилось, а может быть, единственный сын Лайла по имени Фрэнк (он недавно скоропостижно скончался, отчего завещание и попало к Эрвину) нашел его, прочел и предпочел спрятать подальше. Почему Фрэнк не уничтожил бумагу, известно лишь ему одному. Возможно, в потаенных глубинах души Макферсон-младший испытывал некую извращенную гордость за отца и тешил себя мыслью, что когда-нибудь предаст сей документ огласке.

Правда в нем содержится или выдумка, но эта история удержалась бы на первой полосе «Эвервилль трибьюн» пару недель и уж точно принесла бы миг скандальной славы Фрэнку Макферсону, прожившему безупречную, но лишенную событий жизнь. Он был единственным в городе сотрудником службы канализации, а также санитарной службы.

Но если даже у Фрэнка имелись подобные планы, смерть их разрушила. Макферсон-младший ушел из жизни, удостоившись лишь некролога в «Трибьюн» длиной в семь строк (в пяти из них автор сокрушался о том, как трудно найти замену старине Фрэнку). А история жизни и преступлений Макферсона-старшего осталась без хозяина, и Эрвин, обнаруживший ее среди бумаг, сидел теперь возле окна под жарким солнцем позднего августа и ломал голову, каким образом преподнести находку миру.

Время было как раз подходящее для сенсаций. Каждый год в конце августа в Эвервилле начинался фестиваль, и население (согласно последней переписи, проведенной в ноябре, оно составляло семь тысяч четыреста три человека) возрастало раза в полтора. Обычно пустынные улицы города на три дня заполнялись народом. Все отели, мотели, гостиницы и пансионы в близлежащих городках, от Авроры и Молины на севере до Омсвилля на юге, наполнялись народом, нигде не оставалось пустующих номеров, и каждый магазин Эвервилля в эти три дня получал больше выручки, чем за три предыдущих месяца. Мероприятия фестиваля проходили поразному. Городской оркестр, и сам по себе отличный, дополняли лучшими музыкантами даже из Уилсонвилля, так что

парад с музыкой и с барабанщиками впереди шествия всегда становился кульминацией празднеств и главным их украшением. А пороссячи бега и соревнования по метанию тарелочек-фрисби организовывались неважно и несколько лет подряд заканчивались потасовкой.

Так или иначе все эти гости, ежегодно толпами валившие в августе в Эвервилль, приезжали вовсе не ради оркестра или пороссячьих бегов. Для них это был отличный повод выпить, потанцевать, повеселиться и порадоваться последнему летнему солнцу, еще не тронувшему осенними красками листву. Дождь в дни фестиваля за все годы, что Эрвин жил в городе, шел лишь однажды. И на этот раз, если верить прогнозу, погода обещала быть теплой и мягкой, а к пятнице температура должна подняться до восьмидесяти с небольшим*. Идеально для праздника. Дороти Баллард — она вела дела в городской торговой палате, если не выписывала счета за воду, не изучала объявления бюро путешествий и не флиртовала с Джемом Джилхолли, капитаном городской полиции,— оповестила всех через «Трибьюн»: по данным торговой палаты, нынешний фестиваль должен стать еще популярнее, чем прежде. Лучшее время для сенсации трудно придумать.

Прокрутив все это в голове, Эрвин снова склонился над бумагами, которые держал на коленях, и принялся перечитывать их в четвертый раз.

«Прости меня, Эвервилль,— так начиналось послание Макферсона-старшего.— Без особой охоты берусь я за эту писанину, но я должен рассказать правду, потому что, кроме меня, больше никого не осталось.

На самом деле все в городе знают о том, что мы сделали в ту ночь, и все счастливы оттого, что мы это сделали. Но только нам троим — мне, Верлу Нордхоффу и Ричи Доллану — известно, как оно все произошло. Теперь Верл умер,

* +25 °С.

Ричи покончил с собой, потому что, наверное, сошел с ума, а я остался один.

Я рассказываю вовсе не для того, чтобы покаяться и спасти душу. Я не верю ни в бога, ни в черта, это пустые слова. И никуда я после смерти не попаду, а просто лягу в землю. Но я хочу рассказать, как все было на самом деле, хотя никому в Эвервилле это не понравится.

Дело было так. Вечером двадцать седьмого августа 1929 года мы с Нордхоффом и Доланом вздернули на горе в лесу трех человек. Один из них был калекой, и из-за него мне стыдно больше, чем из-за двоих других. Но все они — одна шайка, а калекой он был лишь потому, что в нем текла дурная кровь...»

Зазвонил телефон, и зачитавшийся Эрвин от неожиданности подпрыгнул. Он думал, что включится автоответчик, но тот барахлил и на этот раз не сработал. Телефон звонил и звонил, пока кому-то не надоело, и Эрвин вновь вернулся к старым бумагам. Где он остановился? Ах да, там, где дурная кровь.

«Глядя на то, как он дергался на веревке и орал, хотя ему уже не хватало дыхания, я поверил тому, что люди болтали про него, про его жену и про их ублюдка.

В доме мы не нашли человеческих костей, хотя думали найти, но там было полно дряни вроде его картин и резных образин. Дом мы подожгли, чтобы никто больше не увидел эту пакость. И я ни о чем не жалею, потому что сын явно охотился за невинными детками, а мать всегда была шлюхой. Все про это знали. Она держала бордель в городе, но в двадцатых его прикрыли, а потом она, видно, рехнулась, поселилась в доме у речки и жила там вместе со своей чокнутой семейкой.

Когда исчезла Ребекка Дженкинс и тело ее нашли в водохранилище, никто не сомневался в том, что с ней случилось. Они схватили ее по пути в школу, сделали то, что сделали, бросили тело в ручей, а оттуда его вынесло в во-

дохранилище. Только доказательств не было. Все об этом говорили и жалели, что полиция не может приучить эту шлюху, ее чертова мужа и их отродье, потому что все знали, что у них уже видели чужих детей. Но то были дети из Портленда, которых они там воровали, а по ночам перевозили к себе. Если же теперь они занялись этим в Эвервилле, ни одна семья не может поручиться за безопасность своего ребенка.

Вот мы втроем и решили, что пора действовать. Долан знал дочку Дженкинсов, она забегала к нему в магазин, и, когда это случилось, он готов был расправиться со шлюхой прямо на месте. Он имел дочь того же возраста, что Ребекка, и все твердил: если мы не в состоянии защитить своих детей, мы ни черта не стоим. Так что мы сделали то. Пошли к реке, подожгли дом, а семейку отвели в лес и вздернули.

Каждый в городе знал, что это мы. Дом сгорел почти дотла, никто его не тушил. Все тихо сидели и ждали, пока мы завершили свою работу и разошлись.

Только на том дело для нас не закончилось. Через год полиция поймала в Скотч-Миллз парня, который убил девочку из Саблимити, и тот признался, что Ребекку убил тоже он. Сначала убил, а потом утопил.

Когда я про это узнал, я надрался и заил на неделю. С тех пор на меня стали смотреть по-другому: будто раньше я был герой, а теперь стал обыкновенным убийцей.

Долан принял все еще хуже. Он злился и говорил, что виноваты все, а не мы одни, и отчасти оно так и было. Эвервилль виноват в их смерти не меньше нашего. Я не знаю, прочтут когда-нибудь люди мои слова или нет, но если прочтут, пусть простят меня за них. Все это правда, клянусь могилой моей матери».

На этом признание Макферсона закончилось, оставив больше вопросов, чем ответов.

Перечитав его еще раз, Эрвин окончательно разволновался. Он поднялся и заходил по комнате, обдумывая план дей-

ствий. Без сомнений, его долг заключался в том, чтобы предать документы гласности. Но если сделать это в праздник, когда город изо всех сил старается выглядеть идеально, то внимание публики он, конечно, получит, зато может нажать врагов среди друзей и клиентов.

Ну и пускай, решил Эрвин. Разве не говорил он себе двадцать раз, что пора куда-нибудь переезжать, пока он еще молод и полон сил? И разве сейчас не самый подходящий случай? Ведь теперь его будут знать как адвоката, раскрывшего тайну Макферсона, и это дело станет его визитной карточкой. Однако другая часть его — та, что успела привыкнуть к тихой уютной жизни в спокойном городке, — говорила: надо пощадить чужие чувства. Если ты обнародуешь такую новость во время фестиваля, тебе здесь больше не жить.

Эрвин расхаживал по кабинету, перебирая в уме доводы, и в конце концов принял решение ничего не решать. По крайней мере, сегодня. Для начала нужно проверить факты и точно установить, признание это или болтовня. Нужно узнать, действительно ли в здешнем водохранилище нашли тело девочки по имени Ребекка Дженкинс, стоял ли возле реки дом и что произошло с его обитателями.

Эрвин снял фотокопию завещания в кабинете у Бетти-Джейн (которую отпустил на день в Портленд повидать мать), запечатал оригинал в конверт и запер в сейф. Сделав это, он сложил копию в несколько раз, положил в карман пиджака и отправился обедать в ресторанчик Китти. Эрвин не был склонен к самоанализу, но, проходя по Мейн-стрит, не мог не чувствовать парадоксальной странности собственного настроения. Убийство, самоубийство, гибель невинных необыкновенно увлекли его. Он не мог припомнить другого дня, когда был бы так доволен жизнью.

||

i

Ближе к полудню на лице у Фебы Кобб появилось выражение, с каким кое-кто из пациентов в приемной доктора Пауэлла уже сталкивался и знал, что оно не сулит ничего хорошего. Горе тому, кто подойдет к ее столу для регистрации на пять минут позже, а тем более тому, кто станет оправдываться и придумывать нелепые извинения. Если бы опоздавшего вкатили в приемную на каталке с переломанными костями, Феба и это не сочла бы уважительной причиной.

Как минимум двое из постоянных посетителей приемной доктора — миссис Конверс, пришедшая за таблетками от давления, и Арнольд Хикок, нуждавшийся в суппозиториях, — знали Фебу достаточно хорошо, чтобы догадываться о причине ее раздражения. И они не ошибались.

Пять с половиной фунтов. Как такое возможно? Три недели она не брала в рот ни конфет, ни пончиков. Не позволяла себе даже понюхать жареного цыпленка. Как это возможно — истязать себя, отказывать себе буквально во всем и тем не менее набрать целых пять с половиной фунтов? Или теперь она толстеет от эвервилльского воздуха?

В приемную, держась за живот, вошла Одри Лэйдлоу.

— Мне *необходимо* видеть доктора Пауэлла, — заявила она с порога.

— Срочно? — За вопросом Фебы, заданным самым невинным тоном, крылась ловушка.

— Да! Очень!

— Тогда вам нужно попросить кого-нибудь отвезти вас в Силвертон, — объявила Феба. — Срочная помощь у нас там.

— Не настолько срочно, — огрызнулась Одри.

— Тогда вам придется записаться заранее. — Феба полистала журнал. — Завтра в десять сорок пять. Устроит?

Глаза Одри сузились.

— Завтра? — переспросила она.

Феба вежливо улыбалась и с наслаждением наблюдала, как Одри скрипит зубами от злости. Всего два месяца тому назад худенькая, невротичного склада мисс Лэйдлоу выскочила из приемной со словами «Толстая сучка!». Слова прозвучали достаточно громко, и Феба подумала: ну, погоди.

— Не могли бы вы просто сказать доктору Пауэллу, что я здесь? — осведомилась Одри. — Я уверена, он меня примет.

— У него пациент, — сказала Феба. — Если хотите, садитесь и...

— Это невыносимо! — воскликнула Одри, но выбор был небольшой. В этом раунде победа осталась за Фебой, так что Одри пришлось сесть на стул возле окна, кипя от ярости.

Феба, чтобы скрыть торжество, опустила глаза и принялась снова перебирать почту.

— Где ты была так долго?

Она подняла глаза — Джо, облокотившись на стойку, произнес это еле слышным шепотом. Она окинула взглядом приемную и прочла во всех взорах, устремленных в его широкую спину, один и тот же вопрос: о чем этот чернокожий мужчина в заляпанном краской комбинезоне шепчется с замужней женщиной вроде Фебы Кобб?

— Когда ты заканчиваешь? — тихо спросил он ее.

— У тебя краска в волосах.

— Приму душ. Так когда?

— Ты не должен сюда приходить.

Он пожал плечами и улыбнулся. Ах, как он улыбался!

— Около трех,— ответила она.

— Отлично.

С тем он и ушел, а она осталась, и все взгляды теперь устремились на нее. Она это выдержала. Иначе ее немедленно сочли бы виновной. Так что она мило улыбнулась им в ответ и не отвела глаз до тех пор, пока зрители не потупились. Тогда и только тогда она вернулась к почте, хотя руки у нее вспотели и тряслись еще целый час, зато настроение поднялось. Она даже уделила Одри Лэдлоу пару минут и дала ей что-то от ее диспепсии.

ii

Только Джо удалось это: он явился и переменял привычное течение ее жизни. Все было, конечно, прекрасно, да; но опасно. Рано или поздно Мортон поднимет глаза от своей отбивной и спросит ее, отчего она так сияет. И Феба не сумеет скрыть правду.

— Из-за Джо,— скажет она.— Джо Фликера. Ты его знаешь. Ты не можешь его не знать.

— И что с ним такое? — спросит Мортон, и его плотно сжатые губы сожмутся еще плотнее. Он не любит черных.

— Я провожу с ним много времени.

— Какого черта? — опять спросит он. Феба будет смотреть в его лицо, когда-то любимое, и думать о том, как оно успело стать таким мрачным и обрюзгшим. Тем временем он начнет орать: — Я не желаю, чтобы ты трепалась с ниггером!

А она скажет:

— Я с ним не только треплюсь, Мортон.— Да, ей будет приятно это сказать.— Мы целуемся, Мортон, и раздеваемся, и...

— Феба?

Она очнулась от грез и увидела рядом с собой доктора Пауэлла.

— О... Прошу прощения.

— Мы закончили. Вы в порядке? Вы что-то раскраснелись.

— Со мной все хорошо.— Она взяла у него карточки и придвинула к нему почту.— Не забудьте про собрание на счет фестиваля.

Он взглянул на часы:

— Сейчас поеду, вот только съем хотя бы сэндвич. Чертов фестиваль. Скорей бы он... Ах да, я направил Одри Лэйлоу в Сэлем к специалисту.

— Что-то серьезное?

Он перебирал письма.

— Возможно, рак.

— О боже!

— Вы закроете?

Так всегда было и будет. Идет человек к врачу пожаловаться, что болит голова, спина или живот, а оказывается, это всё — конец, приехали. Никто сразу не сдаётся: таблетки, рентгены, уколы. Бывает, что побеждает. Но Феба уже семь лет плюс-минус неделя только и видела, как они гаснут и, что хуже всего, теряют надежду. Под конец у них у всех взгляд становится недоуменный, и в нем появляется обида — как будто кто-то что-то у них отнял, и они тщетно пытаются сообразить, что это такое было. Даже самые добропорядочные христиане, которых она видела по воскресеньям на лужайке перед церковью, где они пели гимны, смотрят с обидой. Бог им раскрывает объятия, а они не хотят к нему; по крайней мере, до тех пор, пока не уладят земные дела.

А вдруг ничего не нужно улаживать? Фебе все чаще казалось, будто все, что происходит с людьми, происходит само собой, безо всяких причин. Нет никаких испытаний, никаких наград; люди просто живут. И так всё и со всем, включая инфаркты и опухоли — они тоже просто часть жизни.

Она находила в этих мыслях странное утешение, создав свою собственную маленькую религию.

Потом появился Джо Фликер — его наняли красить вестибюль. И построенный Фебой храм рухнул. Это не любовь,

сразу сказала она себе. И вообще ничего особенного здесь нет. Он просто нахал: такой своего не упустит, а она купилась, поскольку любит комплименты и летом становится более чувственной, так почему бы и не пофлиртовать? Но прошло немного времени, и флирт перерос в нечто более серьезное, почтенное, и Фебе уже отчаянно не хватало его поцелуев. А когда он ее целовал, так же отчаянно хотелось пойти до конца. Потом она возвращалась домой и видела, что у нее на груди, на животе отпечатывались пятна от краски, и она по часу сидела в ванной и плакала, потому что все это стало и наградой, и испытанием, и наказанием одновременно.

Так оно и было. Ей тридцать шесть, она весит на двадцать фунтов больше, чем нужно (ей, а не Джо), у нее мелкие черты круглого, как луна, лица, ее белая кожа на солнце краснеет и покрывается веснушками, в рыжеватых волосах чуть проглядывает седина, да еще, ко всему прочему, она не слишком опрятна — пошла в мать. Феба давно поняла, что это незавидный набор качеств. К счастью или к несчастью, Мортону на все такое было плевать, если он накормлен и телевизор работает. Мортону, который в тридцать лет решил, что все лучшее позади и только дурак смотрит дальше, чем на завтрашний день; который становился все нетерпимее и мог не касаться ее хоть целый год.

Почему же она так опустила? И почему этот Джо, парень из Северной Каролины, чья жизнь была полна риска и авантюр (он побывал в Германии, когда служил в армии, потом жил в Вашингтоне, в Кентукки и в Калифорнии), — почему он так к ней привязался?

Иногда во время разговора — беседовали они много и о разном — Фебе казалось, что его самого мучает тот же вопрос. Как будто он старается найти ключ к загадке: чем Феба его приворожила? Впрочем, вполне может быть, что он просто хотел узнать про нее побольше.

— Мне тебя все время мало, — говорил он и целовал ее так и в такие места, что Мортон пришел бы в ужас.

Входя в дом, она думала о его поцелуях. Было без шести минут три. Он всегда приходил вовремя (армейская выгучка, как он сказал однажды) — значит, через шесть минут он будет здесь. Пару недель назад она прочитала в журнале, что ученые считают, будто время похоже на резину — его можно сжимать и растягивать. Она подумала тогда: это уж точно. Шесть минут показались шестью часами, когда она ждала его на заднем крыльце (Джо никогда не входил через парадный вход — это слишком опасно; но дом стоял в самом конце улицы, за ним начинался лес, так что прийти оттуда незамеченным было нетрудно). Она ждала, когда же мелькнет среди деревьев его комбинезон, и знала, что, едва он появится, в ту самую секунду свойства времени изменятся, и час или полтора пролетят как несколько мгновений.

И он появился, замелькал в зеленых зарослях. Глаза его уже нашли Фебу, и он шел, не в силах оторвать от нее взгляда. В ту же минуту часы в гостиной, раньше принадлежавшие матери Мортон и при ее жизни никогда не показывавшие точного времени, пробили три. Все в порядке, мир не пошатнулся.

Они спешили наверх, на ходу расстегивая одежду. Грудь ее обнажилась. Джо шел позади, тесно прижавшись к Фебе, и вел ее к гостевой спальне (они никогда не занимались любовью на супружеском ложе). Он любил так ласкать ее: уткнувшись носом ей в шею, прижимаясь к спине, сжимая свои железные объятия. Она вывернулась и расстегнула ему молнию. И, как всегда, там было за что ухватиться.

— Я соскучилась,— сказала она, поглаживая его.

— Три дня прошло,— отозвался он.— Я с ума без тебя сходил.

Он сел на край кровати, притянул ее к себе на колени, развел колени, и ноги Фебы тоже разъехались. Его рука погладила ее живот.

— Ох, детка,— сказал он,— вот что мне нужно.— Он играл с нею, входя и выходя из нее.— Какая горячая у тебя штучка, детка. Она у тебя чертовски горячая...

Ей нравилось, когда он так говорил. Когда они оказывались вместе, ей хотелось и слушать, и говорить непристойности: они были ей внове и распалили ее.

— Я буду трахать тебя, пока ты не сойдешь с ума. Ты хочешь?

— Да...

— Скажи это.

— Я хочу, чтобы ты трахал меня...

Дыхание ее прервалось.

— Говори.

— ...пока...

— Да.

— ...пока я не сойду ума.

Она потянулась к пряжке его ремня, но он отвел ее руки, повернул ее спиной, лицом в стеганое одеяло, задрал платье, стянул трусики, а она подалась назад:

— Дай сюда твой член.

Он оказался у нее в руках, твердый и горячий. Она прижала его к себе. Джо подождал две секунды, а потом скользнул внутрь.

iii

В крохотной комнате фестивального комитета, расположенной над торговой палатой, Ларри Пауэлл смотрел на Кена Хэгенейнера, который зачитывал полный перечень всех подготовленных к выходным мероприятий, но не слышал ни слова. Он был занят мыслями о поездке домой в Монтану, куда собирался через неделю.

А внизу Эрвин Тузейкер ждал появления Дороти Баллард — она пошла выяснить, кто проводит его в здание старой школы, где хранилась коллекция Исторического общества. Ему нужно было немедленно проверить кое-какие данные. Дожидаясь ее возвращения, Эрвин разглядывал полоски пожелтевшей бумаги на оконных рамах, еще сохранившие блески рождественской мишуры, и выцветшие фотографии предпоследнего мэра в обнимку с близнецами Би-

тани. Он вдруг подумал: ненавижу этот город. Как я до сих пор этого не понимал. Ненавижу.

А снаружи, на Мейн-стрит, молодой человек по имени Сет Ланди — ему только что исполнилось семнадцать, и никто его еще ни разу не целовал — вдруг встал как столб посреди тротуара около «Пицца-плейс» и прислушался к звукам, какие в последний раз слышал в пасхальное воскресенье: стук крохотных молоточков, доносившийся с небес.

Он задрал голову, глядя в небо, потому что трещины обычно появлялись именно там, но синева оставалась безоблачной. Озадаченный, он изучал небо пятнадцать минут, в то время как собрание фестивального комитета наконец-то закруглилось, Эрвин принял решение обнародовать правду для как можно большей аудитории, а где-то на краю города, в доме за задернутыми шторами, Феба Кобб начала тихо всхлипывать.

— В чем дело?

— Не останавливайся.

— Ты же плачешь, детка.

— Все в порядке. Я сейчас буду в порядке.— Она обхватила его ягодицы и прижала к себе, и тут три слова, которые она так старательно держала в себе, сорвались с языка: — Я люблю тебя.

Господи, зачем она это сказала? Теперь он ее бросит. Сбежит и найдет себе другую, которая не будет говорить про любовь, когда ему всего-то и надо, что трахнуть после обеда. Помоложе, постройнее.

— Прости. Мне очень жаль,— сказала она.

— Мне тоже,— отозвался он.

Вот оно! Сейчас он кончит и сразу же уйдет.

— То, что у нас с тобой происходит, добром не кончится.

Он говорил, не останавливаясь, продолжая ее любить, и это было такое блаженство, что ей показалось, будто она чего-то не поняла. Не может же он иметь в виду...

— Я тоже тебя люблю. Ох, детка, я так тебя люблю. У меня порой даже голова кругом. Все будто в тумане, пока я не попадаю сюда. Вот сюда.

Это была бы очень жестокая ложь, а он не жесток, она это знала. Значит, он говорит правду.

Господи, он ее любит, он ее любит, и пусть на их головы теперь обрушатся все на свете несчастья — ей наплевать.

Она решила повернуться, чтобы видеть его лицо. Маневр был трудный, но у него в руках ее тело делалось другим, сильным и послушным. Пришло время тех поцелуев, чей вкус она ощущала потом весь следующий день: от них горели губы и болел язык, пробирала дрожь и хотелось кричать. На этот раз между ними были еще и слова, обещания вечной верности. И дрожь рождалась в таком месте, которого нет ни в одной книге по анатомии из книжного шкафа доктора. В невидимом безымянном месте, которого никогда не коснутся ни Бог, ни болезни.

— Ох, чуть не забыл,— сказал Джо, когда они одевались, и полез в верхний карман комбинезона.— Я хочу, чтобы у тебя это было. А после сегодняшнего... это особенно важно.

Он протянул ей фотографию.

— Моя мать, брат Рон, он у нас младший, и моя сестра Норин. А это, да, это я.— На фотографии он был в форме и просто сиял от гордости.— Хорош, правда?

— Когда это сняли?

— Через неделю после конца учебки,— сказал он.

— А почему ты не остался в армии?

— Долгая история,— проговорил он, и улыбка его погасла.

— Ты не...— Ее прервал телефонный звонок.— Черт! Не буду отвечать.

— Вдруг что-то важное.

— Ага, Мортон,— ответила она.— Не хочу с ним сейчас разговаривать.

— Нам же не нужно, чтобы он начал подозревать,— заметил Джо.— По крайней мере, до тех пор, пока мы не решим, что нам делать.

Она вздохнула, кивнула и быстро пошла к телефону, крикнув ему на ходу:

— Нужно обсудить это *поскорее!*

— Как насчет завтра? В то же время?

Она согласилась и подняла трубку. Звонил не Мортон, а Эммелин Харпер, возглавлявшая Историческое общество,— истеричная дамочка с непомерным чувством собственной важности.

— Феба...

— Эммелин?

— Феба, я прошу тебя об одной услуге. Сейчас звонила Дороти, кому-то там нужно в школу посмотреть документы. Я сейчас не могу пойти, но, может быть, ты будешь лапочкой?

На языке у Фебы вертелось «нет». Но тут Эммелин сказала:

— Это наш замечательный адвокат мистер Тузейкер. Ты ведь знакома с ним?

— Да. Познакомилась пару лет назад.

Холодный как рыба, вспомнила Феба. Но возможно, как раз сейчас ей не стоит упускать возможность побеседовать с человеком, разбирающимся в законах. Можно осторожно спросить у него про развод. Вдруг он расскажет что-нибудь полезное.

— Я не сомневаюсь, что ему вполне можно доверять... В том смысле, что он, конечно, не украдет экспонаты, но кто-то все равно должен показать, где что лежит.

— Ладно.

— Он ждет в торговой палате. Могу я позвонить и сказать, что ты будешь минут через двадцать?

С момента своего основания в девятьсот семьдесят втором Историческое общество Эвервилля использовалось в качестве склада вещей, имевших отношение к прошлому города. Один из первых и самых ценных подарков преподнес обществу Хьюберт Нордхофф, чья семья владела заброшенной ныне мельницей в трех четвертях мили от города по дороге на Молину. Три с половиной десятилетия, с восьмьсот восьмидесятого по девятьсот пятнадцатый год, мельница Нордхоффа обеспечивала работой большую часть населения Эвервилля, к немалой выгоде ее владельцев. Они тогда построили особняк в Сэлеме и еще один в Орегон-Сити, хотя в те времена кроме мельницы у них была лишь ткацкая фабрика — потом они ее продали, вложив деньги в лесоторговлю, в недвижимость (по большей части в Портленде) и даже, поговаривали, в оружие. Когда Хьюберт Нордхофф преподнес обществу в дар без малого тысячу фотографий, запечатлевших жизнь на мельнице, а также ряд памятных реликвий, это расценили как акт запоздалого раскаяния за внезапное дезертирство прадеда. Тот вдруг взял да и сбежал, закрыв мельницу, и тем самым поставил на грань экономического краха весь город.

После подарка Нордхоффа пошли и другие, уже поскромнее. Семнадцать акварельных пейзажей — милых, хотя и слабых, кисти жены первого в Эвервилле дантиста — ви-

сели теперь в рамках на стенах в старой школе (отремонтированной за счет Х. Нордхоффа). Набор тростей с резными головами фантастических животных работы Милиуса Биггса, одного из самых больших оригиналов города, расположился в стеклянной витрине.

Помимо этих предметов искусства, на общество дождем хлынули дарения более прозаические, поступавшие от простых горожан. Школьные журналы, свадебные приглашения, некрологи, семейные альбомы, коллекция вырезок из «Орегониан», где упоминался Эвервилль (собрание библиотекаря Стэнли Тарпа, который всю жизнь заикался, а на смертном одре без запинки продекламировал «Потерянный рай» Мильтона), ну и, конечно, сотни и сотни семейных писем.

Работа по организации огромного числа экспонатов шла медленно, что и понятно: все сотрудники общества трудились на общественных началах. Две из пяти комнат школы были завалены коробками с неразобранными поступлениями, зато в трех других залах посетителей, интересовавшихся историей Эвервилля, ждала милая, хотя и слегка пыльная экспозиция о ранней истории города.

Она была, разумеется, выборочной, но уроки прошлого представляли в ней наглядно. Экспозиция показывала торжество духа Эвервилля, не оставляя места для темных пятен: нищеты, самоубийств или еще чего-нибудь похуже. Не нашлось места и для тех жителей, кто выпадал из официальной картины событий. В экспозиции имелись изображения самых первых домов города и рассказ о том, как прокладывались дороги и строились каменные здания. Но не было ни слова о Мэв О'Коннел, ступившей на берег иного мира и вернувшейся сюда ради того, чтобы воплотить в жизнь мечту отца. И эта неблагодарность легла в почву Эвервилля зачатком его будущих бед.

ii

Феба немного опоздала, но Эрвин оказался весьма любезным. Очень жаль доставлять ей такие неудобства, сказал он, но дело его действительно не терпит отлагательства. Нет,

он не может посвятить ее в детали, но вскоре все станет достоянием гласности, и тогда он непременно публично поблагодарит ее в печати. В этом нет надобности, запротестовала Феба. Однако она будет очень благодарна, если он позволит ей прийти к нему на следующей неделе, чтобы посоветоваться по одному юридическому вопросу. Эрвин немедленно согласился. Не желает ли она составить завещание?

Нет, сказала она, я желаю развестись с мужем. Он ответил, что разводы — не его специальность, однако он будет рад с ней побеседовать. Только без огласки, попросила она. Разумеется, заверил он. Она может прийти к нему в офис в понедельник утром.

Время подошло к шести, а в школе все еще было жутко жарко. Пока Феба поднимала шторы и открывала окна, Эрвин бродил по наполненным вещами комнатам, разглядывая картины.

— Можете сказать, что вы ищете? — спросила Феба. — Я имею в виду, в общих чертах.

— Старые номера «Трибьюн», — сказал Эрвин. — У них наверняка нет места для всего архива, так что они должны быть у вас.

— А еще?

— Ну, я хочу ознакомиться с коллекцией. Она распределена по годам?

— Не знаю. Наверное, да.

Она провела Эрвина в заднюю комнату, где стояли шесть столов, заваленных папками.

— Я вообще-то помогала их сортировать, — сказала она, — но в этом году было столько всего... — Феба просмотрела одну из стопок. — Вот здесь документы с тысяча девятьсот сорокового по сорок пятый годы. — Она передвинулась к следующей. — А здесь с сорок пятого по пятидесятый.

— Значит, по возрастающей, по пятилетиям.

— Правильно.

— Тогда начнем. А газеты?

Феба указала на смежную дверь.

— А вот газеты в порядке. Это я знаю точно, потому что ими я сама занималась.

— Отлично. Значит, я начну.

— Хотите, чтобы я ждала вас до конца?

— Зависит от того, сколько у вас терпения.

Она улыбнулась.

— Не слишком много. Знаете, лучше я оставлю вам номер своего телефона, а вы позвоните, когда закончите.

— Позвоню, а вы придете и закроете.

— Правильно.

— Договорились.

Она подошла к первой парте, записала номер на одной из брошюр общества и протянула ему. Эрвин уже начал перебирать листы в верхней папке.

— Только потом сложите все как было, хорошо? — сказала Феба своим самым строгим тоном.

— Конечно. Я буду аккуратен, — отозвался Эрвин и взял брошюру. — Я позвоню, когда закончу, — сказал он. — Надеюсь, не слишком поздно.

Она села в машину и вдруг подумала: а что, если я больше не вернусь домой? Если я поеду к Джо, и вечером мы уедем из города? Это была соблазнительная идея — не возвращаться, не готовить ужин, не слушать бесконечное брюзжание Мортонна. Но Феба не поддавалась. Если у них с Джо есть будущее, его нужно спланировать тщательно и методично. Они не школьники, чтобы удрать из дома, поддавшись порыву. Если они хотят навсегда покинуть Эвервилль (а она не представляла себе, как они здесь останутся, если все раскроется), нужно сначала закончить дела и попрощаться с людьми. Она легко выбросила бы из головы Мортонна, его дом и его вечные вонючие пепельницы, но ей жалко было расставаться с доктором Пауэллом и с пациентами, к которым она привыкла. Потребуется время, чтобы объяснить всем людям, чьим мнением Феба дорожила: она уезжает ради любви, а вовсе не потому, что она бессовестная вертихвостка.

Значит, Феба останется и в последний раз повеселится на фестивале. И как только она об этом подумала, у нее возник-

ло предвкушение праздника, какого она не чувствовала много лет. В эти выходные она повеселится всю, потому что через год, в следующем августе, она будет далеко отсюда.

Голодный Мортон всегда делался раздражительным, и, чтобы не заставлять его ждать, пока она приготовит еду, Феба заехала в закусочную Китти и купила бургер с жареной картошкой. Три года прошло с тех пор, как умерла Китти Каухик, но ее зять Босли, несмотря на экономический спад, сумел превратить облезлую забегаловку в доходное предприятие. Как истинный евангелист, он распространил правила строгой морали и на бизнес. Например, в своем заведении он запрещал читать любого рода литературу, которую считал непристойной, а если какая-то компания вносила в его закусочную дух богохульства и злопыхательства, он лично просил виновников удалиться. Феба бывала тому свидетелем.

— Я хочу, чтобы сюда мог зайти сам Господь,— сказал он однажды,— если ему захочется съесть кусок пирога.

Купив бургер, Феба отправилась домой, но мужа там не застала. Он возвратился с работы, о чем ясно свидетельствовала его куртка, брошенная на кухонный стол рядом с парой пустых пивных банок. Скорее всего, Мортон не захотел ждать, пока она вернется домой, и пошел куда-нибудь перекусить. Феба обрадовалась: у нее появилось еще немного времени на размышления.

Она села за стол, взяла блокнот, куда записывала необходимые покупки, и, поклеивая сочившуюся маслом картошку, стала наскоро составлять примерный список вещей, которые возьмет с собой. Их оказалось немного. Только то, с чем у нее связаны какие-нибудь трогательные воспоминания: стул, доставшийся от матери; бабушкины кружева; стеганое одеяло из гостевой спальни.

Вспомнив про одеяло, она отодвинула блокнот и принялась вспоминать, что случилось сегодня днем. Точнее говоря, что случилось в той спальне. Не может быть всегда так чудесно, убеждала она себя. Жар страсти остынет с годами. Но даже если страсть остынет, останется чувство. И память о сегодняшнем дне будет вспыхивать каждый раз, как только Феба прижмет щекой к старому одеялу.

Уже после половины девятого, когда желудок заурчал и потребовал обеда, Эрвин выудил из неразобранной папки — в этих папках царил чудовищный беспорядок — странную брошюру, вышедшую из-под пера некоего Рэймонда Меркла. Это имя уже встречалось. Кажется, автор упоминался в связи с исследованиями орегонской глубинки, в соответствующей книге из магазина в Уилсонвилле. Брошюра была написана претенциозно, как пишут люди, воображающие себя писателями, но начисто лишенные слуха; она походила на конспект, где собраны разные факты об Эвервилле.

Называлась брошюра «Эти спящие горы». Как оказалось, название представляло собой цитату из некоего стиха, напечатанного на первой странице без указания автора (из чего Эрвин сделал вывод, что сочинил его сам Меркл). Пролистав сей труд примерно до середины, Эрвин наткнулся на следующие строки:

«То, что силы мерзкого, не ведающего раскаяния зла оставили свою варварскую отметину в таком прекрасном городе, как Эвервилль, не должно удивлять человека, немало повидавшего мир. Я, автор этих строк, в сорок третьем году нынешнего столетия покинул изобильные земли нашего славного штата, дабы, как истинный американец, исполнить свой долг в южной части Тихого океана, и с тех пор у меня перед глазами по гроб жизни будут стоять картины человеческой глупости и жестокости, которым я стал свидетелем в тех краях, настолько похожих на рай, что ближе к нему не найти на земле места.

Потому и не стало для меня потрясением, когда в ходе подготовки сего труда я узнал о проделках дьявола, побывавшего в пределах нашей общины в Эвервилле.

Всем хорошо известна печальная история Ребекки Дженкинс. Дочь нашего прекрасного города, любимая и обласканная, восьми лет от роду, она была убита, и тело ее брошено в водохранилище. Убийцей оказался мужчина из Сабли-

мити, впоследствии умерший в тюрьме, где он отбывал пожизненное заключение. Однако тайны, окружающие историю бедной Ребекки, этим не исчерпываются.

Я собирал факты, связанные с несчастными случаями в Эвервилле, и мне передали историю про Ричарда Долана. Мне сказали, что он был владельцем кондитерского магазина, куда маленькая Ребекка не раз забегала, отчего он воспринял ее смерть особенно болезненно. Поимка убийцы, не рискавшегося, но получившего заслуженный приговор, не умерила его горе. Он все сильнее тосковал, и однажды вечером 19 сентября 1975 года сказал жене, что слышит голоса, что доносились до него с хребта Хармона. Кто-то его зовет, сказал он. Когда жена спросила, кто это, он не ответил и в ту же ночь исчез. Ричард Долан не вернулся домой, и на другой день за ним отправилась поисковая партия.

Через два дня они нашли безумного Ричи Долана в расщелине между двумя скалами на северо-восточном склоне горы. При падении он ужасно расшибся, но остался жив. Грудь и лицо его были в таком состоянии, что жена при виде его упала в обморок, а потом так и не оправилась от шока.

Ричи Долан умер в Силвертоне в больнице через три дня, и эти три дня он не молчал. Семьдесят два часа подряд он нес полный бред, не умолкая даже под действием транквилизаторов, которые ему кололи врачи.

О чем же он говорил в эти последние страшные часы агонии? Я не смог отыскать свидетелей, присутствовавших при кончине, однако все сходится на том, что общепринятая в городе версия верна. Бредил он, как мне рассказали, исключительно мертвецами, призывавшими его с горы Хармона. Без остановки, даже на пороге смерти, в окружении врачей, не понимавших, откуда он берет силы, чтобы так цепляться за жизнь, он все твердил о мертвецах и просил прощения...»

Дальше шли еще несколько абзацев полной чепухи, и Эрвин остановился. Он нашел то, что искал: пусть частичное, но все же подтверждение слов Макферсона. А если одна часть истинна, почему бы и другой не оказаться правдой?

Довольный тем, что сегодня его поиски увенчались успехом, Эрвин решил сделать временный перерыв и позвонил Фебе Кобб. Не может ли она подойти и закрыть школу? Конечно, конечно. Она сейчас придет, а если он будет любезен и пока закроет окна, ей останется только запереть переднюю дверь.

Он отметил, что язык у нее слегка заплетается; впрочем, ему могло показаться. День был длинным, и он порядком устал. Пора домой, отдыхать и выкинуть из головы историю Макферсона до завтра, когда он снова ею займется.

Он уже знал, с чего начнет завтрашний день: с дома у реки. Пусть после тех событий прошло больше тридцати лет, но если дом, который будто бы сожгли Макферсон и его приятели, существовал на самом деле, то должны остаться следы. А если они остались, значит, история правдива. Тогда у него действительно есть что представить публике, и пусть люди сами решают, чем это пахнет.

iv

Почти без четверти восемь Феба открыла бутылку бренди, уговаривая себя, что просто хочет отпраздновать свое скорое освобождение. На самом деле ей хотелось заглушить нараставшее беспокойство. Мортон в тех редких случаях, когда уходил ужинать, обычно возвращался через час и тут же водворялся в кресло перед телевизором. Куда же он теперь делся? И главное: почему ее это так тревожит?

Она залила тревогу порцией бренди, потом еще одной. Бренди сработал отлично, особенно учитывая почти пустой желудок. Когда позвонил адвокат, ей уже было хорошо. Настолько хорошо, что садиться за руль было нельзя. Пойду пешком, решила она.

Ночь была теплой, в воздухе пахло хвоей, и прогулка оказалась приятнее, чем ожидала Феба. Обычно вечерами — в любое время года, даже в разгар лета — улицы в Эвервилле пустели. Однако сегодня на Мейн-стрит горел свет, и хозяева магазинов оформляли праздничные витрины или загру-

жили товаром полки в предвкушении прибыльных дней. Там же гуляли немногочисленные гости, приехавшие пораньше, чтобы успеть насладиться тишиной и покоем.

На углу Мейн и Уотсон-стрит Феба на минуту задержалась. Дорога направо шла к школе, налево — мимо рынка и парка к Донован-стрит, и там, недалеко от угла, стоял дом, где снимал квартиру Джо. Всего-то нужно шагнуть не направо, а налево. Но Феба воспротивилась порыву. Пусть все, что они сегодня сказали, все, что они почувствовали, успокоится и немного отстоится, иначе все вспыхнет и разгорится опять. Кроме того, от бренди у нее всегда глаза на мокром месте, а от слез отекает лицо. Она увидит Джо завтра, а до завтра он еще ей приснится.

Свернув направо, она поднялась по Уотсон-стрит к школе, мимо нового супермаркета, где царило оживление. Пять минут ушло на то, чтобы закрыть окна, опустить шторы и закрыть дверь. Потом она вышла и двинулась обратно.

По другой стороне улицы шел какой-то человек. Не дойдя до Мейн-стрит яров пятьдесят, он вдруг сошел на проезжую часть и задрал голову, глядя в ночное небо. Феба его узнала — младший сын клана Ланди. Сэм, или Стив, или...

— Сет.

Она выдохнула это себе под нос, но он услышал. Сет повернулся к ней, так же стоя посреди дороги с сияющими глазами, и она вспомнила, как познакомилась с ним. Пять или шесть лет назад мать привела его к доктору Пауэллу, а Сет стоял в приемной с выражением такого безразличия на бледном маленьком личике, что Феба заподозрила в нем умственно отсталого. Теперь никакого безразличия не наблюдалось. Напротив, он был в высшей степени напряжен.

— Слышите? — спросил он.

Он не двинулся с места, но отчего-то она оробела и не приблизилась, а замерла на ходу, оглянувшись на огни супермаркета. На стоянке, которую она миновала, было множество машин, одна из них собиралась отъезжать и могла в случае чего прикрыть отход.

— Не слышите, так ведь? — снова спросил он звонким голосом.

— Чего я не слышу?

— Молоточки.

— Молоточки? — На миг она прислушалась.— Нет.

— Хм.

Сет снова воззрился на звездное небо.

— Вы работали у доктора,— сказал он.

— Я у него до сих пор работаю.

— Осталось недолго,— отозвался он.

Ее окатило холодом с головы и до пяток, и по спине пробежали мурашки.

— С чего ты взял?

Он улыбнулся, кивнув на небо.

— Очень громко стучат,— ответил он.— Вы уверены, что не слышите?

— Говорят же тебе...— начала она.

— Да-да,— сказал он тихо.— Другие редко их слышат, разве что иногда ночью. А днем никогда. Днем их слышу только я.

— Мне очень жаль...

— Не нужно меня жалеть,— проговорил он, улыбаясь уже ей, а не звездам.— Я привык.

Вдруг ей стало стыдно — почему она испугалась его? Он одинокий, неловкий мальчишка. Может быть, со странно-стями, но совершенно безобидный.

— В каком смысле мне осталось недолго работать у доктора?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Иногда мне что-то такое приходит в голову, сам не знаю почему.

Он помолчал.

— Может, и ни в каком,— добавил он и снова стал смотреть в небо.

Она не стала ждать прикрытия от машины, все еще не выехавшей со стоянки, и двинулась дальше на Мейн-стрит.

— Ладно, веселись,— сказала она, поравнявшись с ним.

— Ага,— пробормотал он.— Я повеселюсь...

По пути домой она думала над их разговором, а потом решила завтра, когда придет на работу, заглянуть в карточку Ланди и посмотреть, почему мать тогда привела сына к врачу и почему они больше не приходили. Когда она вернулась, Мортон уже крепко спал в кресле перед телевизором, на коленях у него лежала банка с пивом, и еще четыре пустые валялись рядом на полу. Феба не стала его будить. Она пошла в кухню, сделала себе бутерброд с сыром и ветчиной и съела его, глядя через окно в потемневший двор. На звездное небо напоздали тучи, но, подумала она, вряд ли они помешают мальчишке Ланди. Если уж он слышит небесные молоточки, что ему несколько тучек.

Доев бутерброд, она пошла в спальню в надежде, что успеет лечь и уснуть, прежде чем Мортон перейдет туда из кресла. Феба не нуждалась в его компании. Она проснулась, оттого что сползло одеяло и по спине потянуло холодом, когда он лег рядом. На светящемся циферблате было десять минут четвертого. Бормоча себе что-то под нос, Мортон потянул одеяло к себе, повернулся на бок и тотчас захрапел.

Уснула она не сразу, а когда уснула, ей привиделась какая-то чепуха. Утром в кухне, сидя за завтраком (когда она встала, Мортон уже ушел на работу), она пыталась разобраться в своих снах и вспомнила, что в одном из них Джо знакомил ее с людьми, которых она знала только по фотографии. Все они, все пятеро, ехали куда-то в машине, и брат Джо все время спрашивал: «Где мы? Черт побери, где мы?» Сон был не из приятных. Что он означает, думала она. Что мы все потеряли? Она приняла три таблетки аспирина, запила их чашкой черного кофе и отправилась на работу, выкинув сон из головы. И напрасно. Вспомни она побольше, она могла бы заинтересоваться той местностью, где они ехали, и в результате повела бы себя иначе, тем самым избавив и себя, и Джо, и Мортон от несчастий, каких ни один из них не ждал и не заслуживал.

10

Мотоциклистка имела вид заправской путешественницы. Потертая кожанка запыхлилась; волосы, упавшие волной, когда она сняла шлем, выгорели на солнце и посекались на ветру; лицо — никогда, наверное, и не бывшее красивым — обветренное и усталое. На подбородке красовался синяк; возле рта и у глаз залегли морщины, и вряд ли это от смеха.

Ее звали Тесла Бомбек, и сегодня она вернулась домой. Не туда, где родилась (а родилась она в Филадельфии), и не туда, где росла (а выросла она в Детройте), а туда, где началось ее преображение, в результате чего она и сделалась таким бывалым, битым ветром и непогодой бродягой.

Точнее, она вернулась туда, где лежали развалины прежнего Паломо-Гроува. В годы своего благоденствия городок этот числился первым среди кандидатов на звание Калифорнийского рая. В отличие от Эвервилля, который рос не спеша, полтора столетия, Гроув возник из ничего всего за три года, созданный риэлторами и проектировщиками, для вдохновения вооружившимися ворохом демографических изысканий. Какое-то время он жил и процветал в зеленых кущах долины Сими, всего в паре миль от шоссе — по нему благополучные местные жители каждое утро мчались на работу в Лос-Анджелес и каждый вечер возвращались обратно.

Теперь движение там стало еще оживленнее, однако мало кто сворачивал на боковую дорогу, ведущую в Гроув. Лишь изредка какой-нибудь турист, желающий пополнить свой список достопримечательностей Калифорнии, направлялся

взглянуть на развалины ГОРОДА-ПОГИБШЕГО-В-ОДНУ-НОЧЬ. Но такие туристы были крайне редки. Никто не вел восстановительных работ, хотя крупные землевладельцы и частные лица понесли здесь в свое время большие убытки. Теслу это не удивило. Такие теперь времена: люди не хотят вкладывать средства в недвижимость, тем более что события уже доказали нестабильность этих вложений.

Ибо Паломо-Гроув не просто прекратил свое существование, но в буквальном смысле провалился — земля разверзлась и погребла его нарядные домики «со всеми удобствами». Въезд на многие улицы был до сих пор перегорожен, чтобы уберечь от беды любопытствующих. Но Тесла с детства говорила «да», когда слышала «нет», поэтому она объехала заграждение и устремилась вперед — туда, где больше всего разрушений.

Она думала о возвращении сюда в течение пяти лет странствий по «Америкам», как она называла континентальные штаты. Это не одна страна, говорила она Грилло, ничего подобного. Из того, что в Айдахо подают ту же кока-колу, что в Луизиане, а в Нью-Мехико смотрят те же ситкомы*, что в Массачусетсе, вовсе не следует, будто все это — единая страна Америка. Когда президенты и разные умники что-то вещали от имени американского народа, Тесла закатывала глаза. Бред, как прямо сказал ей один рыжий пес, полторы недели сопровождавший ее в странствиях по Аризоне, когда Теслу преследовали галлюцинации. Пес заходил с ней вместе в забегаловки и мотели, сидел в номере и болтал так дружелюбно, что потом она даже скучала по нему, когда он исчез.

Если она запомнила правильно (она не уверена), именно пес первым заговорил о возвращении.

— Рано или поздно надо возвращаться нюхать свое дерьмо,— сказал он, сидя в старом потертом кресле в номере мотеля.— Это единственный способ сохранить связь.

— С чем? — поинтересовалась она.

* Комедии положений.

— С чем? С чем? — передразнил он, перебираясь в изголовье кровати.— Я тебе что, психоаналитик? Сама понимай.

— А если тут нечего понимать? — возразила она.

— Какая чушь,— отозвался он.— Ты боишься вовсе не потому, что нечего понимать. Ты боишься понять так много, что сойдешь с ума.

Он пошел по постели и встал над ней, растопырив лапы, нос к носу.

— Знаете, мисс Бомбек? А ведь вы уже рехнулись! Чего вам терять?

Тесла не помнила, нашла ли тогда достойный ответ или попросту промолчала. Скорее всего, второе. Потом каждый раз она пасовала, услышав этот вопрос. Но так или иначе рыжий пес заронил идею. Месяц проходил за месяцем, к Тесле постепенно возвращался рассудок, и через некоторое время, раскрыв перед собой карту или взглянув на дорожный знак, она уже и сама думала: может, именно сейчас и нужно это сделать. Нужно ехать в Гроув.

Но как только она собиралась повернуть, раздавался еще один голос — голос, живший в ее черепе все эти пять лет.

Его звали Рауль, и родился он обезьяной. Правда, обезьяной он пробыл недолго. В четыре года с помощью таинственной жидкости, которую ее создатель назвал «нунций», то есть «посланник», Рауль сделался человеком. Ученый, создавший нунций, действовал на стыке двух дисциплин — биогенетики и алхимии. Жидкость имела свойство изменять человеческую природу, высвобождая заложенные в ней свойства; она преобразовывала всех, кого касалась, в том числе и (отчасти) Теслу. Это вещество пробудило две противоборствующие силы, некогда и превратившие Паломо-Гроув в поле битвы.

Одной из сил стал создатель нунция — мечтатель, фантазер и любитель мескалина по имени Флетчер. Под действием созданного вещества он вышел за пределы собственного тела, превратившись в сгусток энергии. Другая сила — бывший покровитель Флетчера Рэндольф Яффе, финансировав-

ший его исследования, чтобы, изменив состояние духа и плоти, достичь божественной жизни. Однако прикосновение нунция открыло в нем отнюдь не божественное начало, а одну лишь безудержную жажду власти, которая постепенно захватила все его существо, сокрушая душу. К тому времени, когда Яффе одолел Флетчера (попутно уничтожив Паломо-Гроув), дух его ослаб до такой степени, что он не смог воспользоваться плодами победы. Он расплатился за все: потерял рассудок, а в скором времени и жизнь.

Поэтому не удивительно, что Рауль отчаянно протестовал против ее решения возвратиться в Гроув.

— *Ненавижу Калифорнию,* — без конца твердил он. — *Не хочу туда, никогда, ни за что.*

Тесла не собиралась с ним воевать. Она полностью контролировала свое тело, так что могла бы спокойно повернуть на запад, и Рауль не сумел бы ей помешать. Но он столько раз помогал Тесле в страшное время сразу после гибели Гроува, что она совсем не хотела портить отношения с ним; к тому же она не сомневалась, что ужасные события еще не кончились.

Парадокс ситуации заключался в том, что здравость ее рассудка, пусть и неустойчивую, поддерживало то, что обычно сводит людей с ума (эти голоса в голове). Она никогда не забывала об этом, как и о том, что ее «постоялец», всегда тщательно соблюдавший границы между нею и собой и не влезавший в ее мысли, бывал и сам подвержен нервным срывам. Порой Тесле приходилось его утешать. Не раз она просыпалась по ночам от рыданий Рауля, оплакивавшего свое тело, навсегда потерянное в битве. Она его утешала как могла, говорила, что когда-нибудь они найдут способ вернуть ему свободу, а пока нужно радоваться тому, что есть, потому что оба они, по крайней мере, не одиноки.

И это правда. Если она не могла поверить глазам, рядом всегда был он, и он говорил: да, это правда. Если она пугалась трудностей, он говорил: я здесь, мы сделаем это вместе.

Вместе! Вот тут и собака зарыта. Главное — переложить свою ношу на чьи-нибудь сильные плечи, а самой побыстрее

вернуться к жизни, какой она жила прежде, когда и не слышала про Паломо-Гроув.

Тогда она писала киносценарии, и желание реализовать это умение, а также кинематографическое чутье еще остались в глубине души, хотя с тех пор прошло немало времени. Даже в худшие дни после катастрофы она машинально отмечала: отличный кадр. Цвет неба, дерущиеся собаки, собственные слезы — все годилось в кадр и могло стать началом замечательного, необыкновенного фильма.

Впрочем, с недавних пор, когда она сворачивала на очередное шоссе или начинала беседу с очередным незнакомцем, ей стало казаться, что вся ее жизнь — вот такое начало, и никогда ей не дойти до второго эпизода. Тогда она решила, что пора что-то делать и сдвинуть этот печальный фарс с мертвой точки. А он не сдвинется до тех пор, подумала Тесла, пока она не вернется в Гроув и не встретится лицом к лицу с его призраками.

Позже она отметит синхронность событий и придет к выводу, что время путешествия выбрано не случайно. Подсознание или какие-то внешние силы, управлявшие Теслой во сне, так загрузили ее память воспоминаниями, что все надежды на освобождение связались с Гроувом, и ей страшно захотелось отправиться туда именно в эту августовскую неделю, чреватую множеством событий.

Даже Рауль, который все прошедшие годы и слышать не желал о возвращении, смирился с неизбежностью.

— *Пора с этим покончить,* — сказал он, — *хотя бог его знает, что ты там собираешься найти.*

Теперь она это знала. Она стояла среди руин, где некогда располагался Молл — торговый центр Паломо-Гроува. Это было сердце города, географическое и не только. Здесь назначали свидания, сплетничали, влюблялись, а иногда (порой случайно) даже что-нибудь покупали. Теперь все бывшие магазины превратились в груды мусора и камней, а немногие уцелевшие стояли пустые, будто открытые рако-

вины. Товары, оставшиеся на полках, либо погибли, либо испортились, либо их растащили туристы.

— *Тесла*,— услышала она в голове шепот Рауля.

Она ответила так же, как и всегда,— не губами, а мысленно:

— *Что?*

— Мы не одни.

Она оглянулась и никого не увидела, но это ничего не значило. Рауль был ближе к животным и восприимчивее к тем бесчисленным крохотным сигналам, которые органы чувств Теслы, возможно, и воспринимали, но она не умела их интерпретировать. Раз он сказал, что у них появилась компания, значит, так и есть.

— *Где?* — спросила она.

— *Слева*,— ответил он.— *За грудой мусора.*

Она двинулась в ту сторону, по пути соображая, что где. Справа возвышались развалины зоомагазина, и это значило, что лежавшая на пути гора из стальных балок и каких-то деревянных конструкций, засыпанных штукатуркой,— это все, что осталось от супермаркета. Тесла полезла наверх и, поскольку солнце било прямо в глаза, не заметила, как на пути у нее появился молодой человек. Он преградил ей дорогу: длинноволосый, в джинсах и футболке, с глазами такими зелеными, каких она никогда не видела.

— Вам сюда нельзя,— сказал он почти извиняющимся тоном.

— Вот как? А вам? — сказала Тесла.

С другой стороны послышался женский голос:

— Кто там, Люсьен?

Люсьен переадресовал этот вопрос Тесле:

— Кто вы?

Вместо ответа Тесла снова полезла вверх и остановилась лишь на гребне мусорной горы, когда увидела женщину. Только тут она ответила:

— Меня зовут Тесла Бомбек. Остальное не ваше дело.

Женщина, сидевшая там на земле в центре круга, составленного из горшочков с кутившимся ладаном — над ними

вился тошнотворный сладковатый дымок,— при виде Теслы медленно поднялась, и на лице ее отразилось изумление.

— Господи,— произнесла она и оглянулась на второго своего товарища, довольно плотного человека средних лет. Он сидел, развалившись, в потрепанном кресле.— Эдвард! — окликнула женщина.— Ты только посмотри, кто приехал!

Голстяк уставился на Теслу с нескрываемым подозрением.

— Мы слышали, что вы умерли,— заявил он.

— Я вас знаю?

Тот покачал головой.

— Зато я вас знаю,— сказала женщина и вышла из круга.

Тесла уже спускалась к ним и подошла достаточно близко, чтобы разглядеть, какая она худая и изможденная.

— Меня зовут Кейтлин Фаррел. Я здесь жила, в Гроуве.

Имя это ей ничего не сказало, но она не удивилась. Быть может, Рауль забрал часть ее памяти для собственных воспоминаний, а быть может, сказывался возраст. Так или иначе имена и лица она теперь забывала.

— Зачем вы вернулись? — поинтересовалась Тесла.

— Мы...

Ее прервал Эдвард, который даже поднялся из кресла.

— Кейт,— напомнил он,— будь осторожнее.

— Но она...

— Нам нельзя доверять *никому*. Даже ей.

— Но ее не было здесь...— сказала Кейт и посмотрела на Теслу.— Ведь вы..

Она оглянулась на Эдварда:

— Она знает, что здесь происходит.

И снова повернулась к Тесле:

— Ведь так, правда?

— Правда,— солгала Тесла.

— Вы действительно его видели? — спросил подошедший сзади Люсьен.

— Нет... в два последних месяца — нет,— ответила Тесла, лихорадочно соображая, о ком они. Кого, черт побери, они имеют в виду?

— Но вы его видели? — спросила Кейт.

— Да,— кивнула она.— Разумеется.

Усталое лицо Кейт осветилось улыбкой.

— Я так и знала,— сказала она.

— Никто и не сомневается, что он жив,— сказал Эдвард, не отрывая глаз от Теслы.— Но почему, черт побери, он казался ей?

— Разве не понятно? — удивилась Кейт.— Тесла, объясните ему.

Тесла приняла страдальческий вид, будто вопрос был чересчур деликатным.

— Все так непросто,— проговорила она.

— Понимаю,— отозвалась Кейт.— В конце концов, это вы подожгли бензин...

Рауль у нее в голове тихо застонал, и ей не потребовалось объяснения отчего. В своей жизни Тесла только один раз подожгла бензин, и произошло это на Молле — может быть, на том самом месте, где сейчас сидит Кейт Фаррел.

— Вы были здесь тогда?

— Нет. А Люсьен был,— ответила Кейт.

Люсьен вышел из-за ее спины, так что Тесла теперь его видела, и заговорил:

— Помню как сейчас. Он облил себя бензином, а потом вы выстрелили. Я тогда подумал, что вы хотите его убить. Помоему, все так подумали.

— *Бред какой-то*,— пробормотал у нее в голове Рауль,— *они говорят...*

— *Про Флетчера*,— так же безмолвно ответила она.— *Поняла.*

— *Да, но они думают, будто он жив.*

— Я тогда не понимал, что вы делали,— продолжал Люсьен.

— А теперь? — спросила она.

— Теперь, конечно, понял. Вы его убили, чтобы он мог снова ожить.

Она слушала, как он говорит, и последние минуты жизни Флетчера прокрутились в ее мозгу, как сотни раз за последние годы. Вот он стоит, мокрый, облитый бензином с головы

до ног. Она держит в руке пистолет, целясь в бензиновую лужу у него под ногами, и молится только об одном — чтобы туда упала хоть одна паршивая искра от выстрела. Один раз она уже выстрелила. И ничего не случилось. Он тогда повернулся к ней и смотрел на нее с надеждой — воин, который боролся с врагом, пока израненное тело не подвело его, и теперь ему нужно вырваться из ловушки. «Освободи меня,— говорил этот взгляд,— освободи, или я проиграю битву».

Она выстрелила еще раз, и ее молитвы были услышаны. Искра воспламенила воздух, и от земли поднялся столб пламени, скрыв тело Флетчера.

— Он умер здесь? — спросила она, глядя на круг.

Кейт кивнула и посторонилась, чтобы Тесла могла подойти. Темное пятно на асфальте, где горел бензин и обугливалось тело, не исчезло от солнца и от дождей и за пять лет. Тесла содрогнулась.

— Разве это не замечательно? — спросила Кейт.

— Как вы сказали?

— Замечательно. То, что он снова среди нас.

— Значит, скоро конец,— заметил Люсьен.

Тесла отвела глаза от обожженного асфальта:

— Конец чего?

Он кротко ей улыбнулся.

— Нашей мелочности и жестокости,— ответил он. Тесла подумала: неплохо сказано.— Значит, для нас пришло время подняться еще на одну ступеньку. Но вы сами это знаете. Вас коснулся нунций, ведь так?

— Да, мне повезло,— сказала она.

— Больно только вначале,— тихо проговорила Кейт.— Мы ездили по стране и беседовали с шаманами...

Эдвард снова ее перебил.

— По-моему, мисс Бомбек узнала уже достаточно,— сказал он.— Мы не знаем, насколько она лояльна...

— Нисколько,— прямо сказала Тесла.

— Полагаете таким образом меня успокоить? — спросил Эдвард.

— Нет.

— Это хорошо. Потому что вам это не удалось.

— Эдвард,— напомнила Кейт,— здесь мы не воюем.

— Минуточку,— сказала Тесла.— Только что вот он,— она ткнула пальцем в сторону Люсьена,— говорил, что мы на дороге в рай, а теперь кто-то собирается воевать. Разберитесь сначала между собой.

— Я уже разобрался,— ответил Эдвард. Он повернулся к Кейт.— Поговорим потом,— сказал он, глядя на темный круг на асфальте.— Когда она уйдет.

— Я никуда не уйду,— сказала Тесла, устраиваясь на железной балке.— Могу остаться хоть на весь день.

Эдвард улыбнулся.

— Видишь? — Голос у него взлетел вверх.— Она пришла помешать нам. Она хочет оторвать нас от работы...

— Какой работы? — не поняла Тесла.

— Мы ищем Флетчера,— сказала Кейт.

— Заткнешься ты или нет? — рявкнул на нее Эдвард.

— С какой стати? — парировала Кейт, нисколько не испугавшись.— Если она приехала, чтобы нам помешать, она уже и так знает, что мы делаем. А если нет — вдруг она может?

Этот аргумент заставил Эдварда на пару секунд замолчать. Тесла тем временем вставила:

— Если вы думаете, будто Флетчер — кто-то вроде спасителя, вы заблуждаетесь. Можете мне поверить.

«Я говорю так, будто он жив»,— подумала она, слушая свой голос, и Рауль отозвался на эту ее мысль:

— *Вполне может быть.*

— Я и не думаю, что он спаситель,— сказал Люсьен.— Хватит с нас спасителей. Опять кто-то явится и начнет учить, что делать. Или рассказывать, что с нами будет, если мы его не послушаем.— С этими словами он опустился рядом с Теслой на корточки, посмотрел ей прямо в лицо и увидел, что она улыбнулась.— Флетчер вернулся, потому что хочет быть рядом с нами, когда мы, все мы, поднимемся и перейдем в какое-то другое состояние.

— В какое?

Люсьен пожал плечами:

— Если бы я знал, я бы уже сам ушел из этой жизни.

— Почему?

— Потому что тогда спасителем был бы я.— Он рассмеялся, и Тесла тоже. Потом встал и пожал плечами.— Это все, что я знаю,— сказал он.

Она виновато смотрела на него снизу вверх. Искренность его тона показалась ей очень милой. Даже больше чем милой: в этом было что-то влекущее.

— Слушайте,— проговорила Тесла,— я лгала, когда сказала, будто видела Флетчера. Я его не видела.

— Я так и знал,— прошипел Эдвард.

— Ничего ты не знал,— устало ответила Тесла.— Даже в мыслях у тебя не было.— Она снова повернулась к Люсьену: — И почему вам так важно найти его, если он, по-вашему, просто должен присутствовать?

— Потому, что нам нужна защита от врагов,— ответила Кейт.— А он может помочь.

— Значит, так,— сказала ей Тесла.— Я вам не враг, и вы это знаете. Ваш Эдди мне не верит, и я это знаю. Но не важно. Я ни на чьей стороне, лишь на своей. Может быть, это эгоизм, но это правда.— Она поднялась на ноги.— У вас есть какие-нибудь доказательства того, что Флетчер жив?

— Есть,— ответил Люсьен.

— Но рассказывать мне ты не хочешь?

Он смотрел на свои сандалии.

— Вряд ли сейчас от этого будет польза.

— Ладно. По крайней мере, честно,— сказала она, оглянувшись на мусорный склон.— Тогда я пошла. Если увидите Флетчера, привет ему от меня.

— Мы не шутим! — крикнул ей вслед Эдвард.

Вот такого Тесла не смогла пропустить мимо ушей. Она остановилась, повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну нет,— сказала она.— Это именно шутка. Одна большая проклятая шутка.

U

i

Если не считать этой встречи, возвращение в Гроув прошло впустую. Откровений не случилось, призраки (реальные или вымышленные) не появились, бороться ни с кем не пришлось, и никто не помог ей понять прошлое. Уехала она в том же смятении, в каком и прибыла туда.

Она решила вернуться в Лос-Анджелес, в свою квартирку в Западном Голливуде, которую сохраняла за собой. За пять лет она там переночевала от силы раз двадцать, но плата была маленькая, а хозяину страшно нравилось иметь в постояльцах настоящую сценаристку, так что она снимала эту квартирку, чтобы было куда возвращаться. Вообще-то квартира вызвала довольно мрачные ассоциации, однако в тот вечер, расположившись в кресле перед телевизором, чтобы посмотреть новости и поужинать бургером с тофу и карри, Тесла рада была оказаться среди знакомых стен. Она не следила за новостями несколько недель, но, как выяснилось, в мире ничего не изменилось. Война, голод, авария на дороге, авария в метро. А люди — свидетели аварий или генералы — разводили руками и говорили, что такого не должно было случиться. Минут через десять все они наскучили Тесле, и она выключила телевизор.

— *Это неплохо,* — услышала она тихий голос Рауля.

— *Что неплохо?* — уточнила она, уставившись на погасший экран.

— *Водить знакомство со спасителем.*

— Ты действительно думаешь, что Флетчер воскрес?

— Я думаю, он, возможно, и не умирал.

А вот это действительно возможно: эпизод с гибелью Флетчера в Паломо-Гроуве мог быть всего лишь частью задуманного плана, способом исчезнуть с глаз лет этак на пять, чтобы спокойно придумать, что делать с нунцием и всем тем, что тянется за ним.

— Почему сейчас? — сказала она вслух.

— Не знаю. Спроси Грилло, — предложил Рауль.

— Думаешь, стоит?

В последние два раза, когда Тесла заезжала к Грилло, он вел себя странно: раздражался и не хотел разговаривать. А когда она ему позвонила недель пять или шесть назад, голос его звучал до того странно, что Тесла подумала, уж не принимает ли он наркотики. Она тогда едва не рванула в Небраску, чтобы посмотреть, в чем дело, хотя в тот момент ей самой было совсем скверно. Тем не менее Рауль прав: кому, как не Грилло, знать про события, не попавшие в выпуски новостей.

Тесла заставила себя набрать его номер. Настроение у Грилло было лучше, чем в прошлый раз, хотя голос казался усталым. Она сразу приступила к делу, рассказала про поездку в Гроув и встречу с тамошними людьми.

— Кейт Фаррел, говоришь? — переспросил Грилло.

— Ты ее знаешь?

— Она мать одной из тех четырех девушек. Арлин Фаррел. Та, что сошла с ума.

— Мать или дочь?

— Дочь. Умерла в лечебнице. Уморила себя голодом.

Это уже похоже на прежнего Натана Грилло, какого Тесла когда-то знала. Четко, ясно, одни факты, никаких сантиментов. В прежней жизни, до Гроува, он был журналистом. Он имел нюх на сенсации.

— И какого черта эта Кейт Фаррел делает в Паломо-Гроуве? — спросил он.

Тесла как могла все рассказала. Про благоволия на месте, где погиб Флетчер (или чертовски хорошо притворился погибшим), про завалы, про разговор о спасителе.

— Ты слышал когда-нибудь что-то подобное? — закончила она вопросом.

Он минуту помолчал. Потом сказал:

— Конечно.

— Слышал?

— Ты знаешь. Если кто-то что-то говорит, то я слышу.

Он не хвастался. У себя в Омахе — в городе на перекрестке дорог Америки — Грилло сидел, как кассир в банке, отстегивая деньги за информацию, хотя бы отдаленно имевшую отношение к событиям в Паломо-Гроуве. В первый же год он собрал вокруг себя кружок из самых разных людей. Там были ученые, занимавшиеся молекулярной физикой, потрепанные жизнью полицейские, политик и священники: жизнь каждого из них так или иначе пострадала под натиском той загадочной и устрашающей силы, но из-за разных причин, личных и профессиональных, они не могли поделиться пережитым со своими близкими.

Слух о Грилло быстро разошелся среди этих людей, загнанных в угол своими горестями, сомнениями и страхами. Они узнали, что есть такой Грилло, видевший больше, чем они, и теперь он ищет свидетелей, чтобы постепенно сложить мозаику произошедшего.

Именно это стремление — разумное или нет — связывало Грилло с Теслой все пять лет после падения Гроува. Она нигде не задерживалась подолгу, а он редко выходил из квартиры, но они оба занимались одним и тем же: искали связующие звенья тех событий. Тесла ничего не нашла — в историях, которые она собрала по «Америкам», не обнаружилось ничего подобного, — и очень сомневалась в том, что Грилло повезло больше. Но поиск объединял их.

Теслу изумляла его способность совмещать два абсолютно самостоятельных факта, складывая их в целостную картину. Кто еще сумел бы найти подтверждение слухам, ходившим в Бока-Ратоне, используя предсмертную записку из Денвера, и, как следствие, прояснить смысл знамения, явившегося в Нью-Джерси?

— Так что ты слышал?

— Говорят, за прошедшие пять лет Флетчера видели много раз, Тес,— ответил Грилло.— Он у нас теперь вроде снежного человека. Месяца не проходит, чтобы кто-нибудь не прислал мне его фотографию.

— Настоящие снимки?

— Не знаю. Я думаю...— Он замолчал, будто потерял нить беседы.

— Грилло?

— Да.

— Так что ты там думаешь?

— Не важно,— сказал он немного устало.

— Для меня важно.

Грилло тяжело вздохнул.

— Я думаю, не так уж и важно, подлинно что-то или нет. Я теперь не уверен...— Он снова замолчал. На этот раз она терпеливо ждала, пока Грилло приведет мысли в порядок.— Может быть, куда важнее, чтобы спаситель существовал в нашем сознании, чем на самом деле. По крайней мере, так он не изойдет кровью, когда мы его распнем.

Почему-то эта мысль показалась ему в высшей степени забавной, и Тесле пришлось ждать, пока он закончит смеяться.

— Значит, вот так? — Она наконец рассердилась.— Значит, теперь тебе нет дела, есть у нас что-то реальное или нет? И я, по-твоему, тоже должна перестать об этом думать?

— Нет, мне есть дело,— сказал он.— Даже больше, чем ты думаешь.— Тон его внезапно сделался ледяным.

— Грилло, да что, черт возьми, с тобой творится?

— Оставь это, Тесла.

— Может, я приеду...

— Нет!

— Какого черта?

— Просто я... Хватит, Тесла.— Он вздохнул.— Мне пора,— закончил он.— Позвони завтра. Я постараюсь нарыть еще что-нибудь про Флетчера. Но знаешь, Тес, пора нам повзреть, и хватит гоняться за какими-то долбаными объяснениями.

Она набрала воздуха, чтобы ответить, но Грилло уже отключился. В прежние времена, в конце разговора, кто-нибудь из них вдруг бросал трубку: идиотская игра, но она казалась им забавной. Однако сегодня Грилло не играл. Он положил трубку, потому что хотел отделаться от нее. Хотел поскорее вернуться к своим сомнениям.

— *Попытаться все равно стоило,*— сказал Рауль.

«Я хочу к нему поехать»,— подумала Тесла.

— *Мы ведь только что приехали. Неужели нельзя хоть несколько дней побыть на одном месте? Забыться? Расслабиться?*

Она толкнула скользящую стеклянную дверь и вышла на балкон. Здесь был настоящий рай для вуайериста: с балкона видно сразу несколько гостиных и спален. В квартире напротив, прямоком через двор, окна открыты настежь, и оттуда неслись смех и музыка. Она не знала, кто там сейчас живет: они въехали примерно год назад, после смерти Росса, который поселился здесь на десять лет раньше нее. Болезнь, что унесла его, сразила многих местных, пока Тесла здесь жила. Но вечеринки продолжались, и веселье не прекращалось.

— *Может быть, ты и прав,*— сказала она Раулю,— *может быть, пора...*

Раздался стук в дверь. Неужто заметили, как она в одиночестве стоит на балконе и слушает чужую музыку, а теперь решили пригласить?

— Кто там? — крикнула она из гостиной, направляясь к двери.

Из-за двери ответили едва ли не шепотом:

— Люсьен.

II

Люсьен пришел к ней, ничего не сказав Кейт Фаррел с ее приятелем. Им он лишь сообщил, что, прежде чем окончательно заняться поисками Флетчера, хочет съездить в Лос-Анджелес навестить друзей.

— А где Кейт? — спросила Тесла.

— Поехала в Орегон.

— Почему в Орегон?

Люсьен пригубил отличной водки из запасов Теслы и поднял виноватые глаза.

— Не знаю, могу ли я вам это рассказывать,— начал он,— но, по-моему, должно случиться что-то... гораздо более серьезное, чем думает Кейт. Ей кажется, будто Флетчер все знает...

— Флетчер в Орегоне?

Люсьен кивнул.

— Как вы узнали?

— У Кейт есть духовный проводник — Фредерика. Она появилась после того, как Кейт потеряла дочь. Кейт как раз связывалась с ней, когда вы пришли. И та увидела след.

— Понятно.

— Многим до сих пор трудно в такое поверить...

— Лично я могу поверить и не в такое,— сказала Тесла.— Этот проводник, то есть Фредерика — она назвала точное место, где находится Флетчер, или... просто общие слова?

— Точное.

— Значит, они поехали его искать?

— Правильно.— Он выдохнул, залпом проглотил водку и договорил: — А я отправился к вам.

Он смотрел на нее своими зелеными глазами.

— Я сделал что-то неправильно?

Она редко смущалась, но тут потеряла дар речи.

— Черт,— произнес он, скривившись.— Я подумал... думал... может, что-то...

Слова замерли у него на языке.

— Еще налить? — спросила Тесла.

— Нет. Я, пожалуй, пойду.

— Останься,— сказала она и взяла его за руку, немного крепче, чем собиралась.— Я хочу, чтобы ты знал, куда лезешь.

— Я готов.

— Выпей. Тебе не помешает.

Она рассказала ему все. Или все, что сумел вспомнить ее постепенно впитывающий водку мозг. Как она в первый раз приехала в Гроув, потому что Грилло писал там статью, как ей пришлось против воли стать убийцей Флетчера, или его спасительницей, или и тем и другим разом. Как после его смерти она отправилась за остатками нунция в его лабораторию в миссии Санта-Катрины и как там в нее стрелял Томми-Рэй, сын Яффа. Как ее спасло и изменило то самое вещество, которое она должна была уничтожить, как она снова вернулась в Паломо-Гроув с Раулем, заехав сначала в эту самую квартиру, и как увидела город на грани полного уничтожения.

Тут она замолчала. На рассказ уже ушло часа три, а она все еще не добралась до главного. Вечеринка в квартире напротив стихала, музыка каких-то древних рок-групп сменилась тихими, спокойными мелодиями для медленных танцев. Для того, что Тесла собиралась сказать, лучшего аккомпанемента не придумать.

— Ты, конечно, знаешь про Субстанцию.

— Только то, что говорила Фредерика.

— И что же она говорила?

— Это нечто вроде моря снов, куда мы попадаем три раза в жизни. Эдвард сказал, что это...

— К черту метафоры,— прервала его Тесла.— Это реальность.

— Ты была там?

— Нет. Но знаю людей, которые там были. Я видела, как Яфф разорвал пространство между нашим миром и Субстанцией... разорвал голыми руками.

Она преувеличивала. Тесла отсутствовала в комнате в тот момент, когда Яфф совершил сие деяние. Зато так история выглядела красивее.

— И на что оно похоже?

— Скажем так: мне не хотелось бы увидеть это снова.

Люсьен налил себе еще рюмку. За последние пять минут он начал быстро пьянеть, лицо его обвисло, заблестело от по-

та. Но раз ему трудно переварить такое без алкоголя, должна ли Тесла ему мешать?

— Ну и кто же закрыл ту дверь? — спросил он.

— Не важно, — ответила она. — Двери открываются, двери закрываются. Тебе нужно знать только, что за ней.

— Ты уже сказала — Субстанция.

— Кроме Субстанции, — произнесла Тесла, ощущая угрозу даже в этих словах.

Люсьен поднял на нее свои зеленые глаза, теперь налившиеся кровью. Он тяжело дышал раскрытым ртом.

— Может быть, тебе неохота про это знать, — сказала она.

— Мне охота, — повторил он ее слово.

— Их называют иадами. Иад-уроборосами.

— Уроборосами, — повторил он почти мечтательно. — Ты их видела?

— Издалека.

— Они вроде нас? — спросил он.

— Абсолютно не похожи.

— На что же они тогда похожи?

Она помнила, как их описывал Яфф. Помнила не хуже, чем свое имя, и повторила слова Яффа Люсьену, но — бог свидетель — лучше ему от этого не стало.

— *Горы и блохи*, — сказала она. — *Блошинные горы*.

Люсьен внезапно вскочил.

— Извини...

— Ты что...

— Я сейчас.

Он ринулся в ванную, зажав рукой рот. Она пошла было за ним, чтобы помочь ему, но он отмахнулся и захлопнул дверь. Минуту там было тихо, а потом она услышала, как его рвет над унитазом. Она спешно отошла от двери. От запаха рвоты и ее желудок мог взбунтоваться.

Она заглянула в свой стакан, решила, что на сегодня хватит, и вышла на балкон. Часов у нее не было (свой «Ролекс» она закопала в пустыне по совету рыжего пса), так что о времени она могла судить лишь приблизительно. Было явно далеко за полночь, половина второго или два. Немного про-

хладно, зато в воздухе разлилось благоухание распустившегося жасмина. Она вдохнула аромат поглубже. Голова завтра будет раскаливаться, но какого черта? Тесле доставило истинное наслаждение рассказать это все — и ради своей пользы, и ради Люсьена.

— *Он тебя хочет,*— заговорил Рауль.

— *Я думала, ты заснул.*

— *Я боялся, ты сделаешь какую-нибудь глупость.*

— *В смысле, пересплю с ним?*

Она оглянулась. Дверь ванной по-прежнему была закрыта.

— *Вряд ли сегодня есть шанс.*

— *У нас соглашение,*— напомнил Рауль.— *Пока я с тобой, никакого секса. Мы же договорились. В моем теле нет ничего гомосексуального.*

— *Сейчас это мое тело,*— напомнила Тесла.

— *Вот если бы ты захотела переспать с женщиной, я бы не возражал.*

— *Лучше смени точку зрения,*— сказала Тесла.— *Похоже, мой целибат закончился.*

— *Не делай этого.*

— *Господи, Рауль, да это просто секс.*

— *Я и говорю.*

— *Будешь приставать, пожалеешь, что вообще влез в мою голову. Слово даю.*

Рауль замолчал.

— *Вот так-то лучше,*— заявила Тесла и вернулась в комнату.

В ванной шумел душ.

— Ты в порядке? — позвала она, но Люсьен, наверное, не услышал.

Оставив его в покое, Тесла двинулась в кухню — поискать, чем наполнить заурчавший желудок. Там нашелся лишь старый, годичной давности пакет с кукурузными хлопьями, но и это лучше, чем ничего. Она сгрызла горсть хлопьев, прислушалась, подождала, потом бросила в рот вторую горсть. Душ все шумел. Через пару минут она не выдержала, подошла к двери, постучала и крикнула:

— Люсьен? Ты в порядке?

Ответа не последовало. Она потрогала ручку. Дверь оказалась не заперта. Ванная была полна пара, так что Тесла ничего не увидела. На полу валялась одежда Люсьена, занавеска над ванной задернута.

Она окликнула пару раз. Теперь она встревожилась всеерьез — он не мог ее не услышать, несмотря на шум воды — и отдернула занавеску. Люсьен лежал в ванне, вода лилась ему на живот, глаза были закрыты, а рот открыт.

— *Любовничек,*— сказал Рауль.

— *Отвали,*— ответила она, присела на корточки и усадила Люсьена. Тот закашлялся, и его снова вырвало пополам с водой.

— *Хорош.*

— *Я тебя предупредила, обезьяна...*

Это было запретное слово, и оно всякий раз приводило Рауля в ярость.

— *Не смей называть меня так!* — взвизгнул он.

Она не обратила внимания, и он заткнулся. Это срабатывало каждый раз, будто заклятие.

Она завернула кран и слегка похлопала Люсьена по щекам, чтобы он открыл глаза. Он смотрел на нее мутно и бормотал что-то насчет того, что он здорово поглупел.

— Прочистил желудок? — спросила Тесла.

Он кивнул, а она принесла мохнатое полотенце и принялась его вытирать. Он был неплохо сложен. Может, немного тощий, но там, где надо, у него все в порядке. Даже в таком состоянии он отреагировал, когда Тесла стала вытирать ему член. Член напрягся, и она, не удержавшись, погладила и довела его до полной эрекции. Хорошая штучка. Если у него к тому же есть мозги, в постели он будет хорош.

Тесла хотела поднять его, но передумала и решила оставить в ванне. Она принесла подушку и одеяло, чтобы устроить его поудобнее, подоткнула одеяло ему под спину, и тут он пробормотал:

— *Может, завтра?*

— *Что завтра?* — сказала она.

— *Может, займемся... этим завтра?*

— Посмотрим,— сказала она.— Я думаю податься в Орегон....

— Орегон...— пробормотал он.

— Точно.

— Флетчер...

— Да.

Она наклонилась к нему и прошептала в самое ухо:

— Он ведь там, верно? Он в...

— В Эвервилле.

— Эвервилль,— повторила она тихо.

— *У тебя нет совести*,— пробормотал Рауль.

Она расхохоталась, и Люсьен на мгновение открыл глаза.

— Спи,— сказала она ему.— Завтра в путь.

Эта мысль ему, похоже, понравилась, несмотря на пьяную одурь. Когда она выключила свет и вышла из ванной, улыбка все еще бродила у него на губах.

VI

i

Свое хранилище информации, собранной за пять лет, Грилло называл Рифом. Отчасти потому, что создавалось оно как коралловый риф — из бесчисленных мелких наслоений (порой мертвых), отчасти потому, что морское название, по мнению Грилло, вполне соответствовало собранию данных, призванных помочь ему проникнуть в море мечты. Но с недавних пор все это перестало ему нравиться. Грилло больше не чувствовал себя хозяином Рифа — он стал его пленником.

Риф жил в памяти четырех связанных в сеть компьютеров, подаренных одним человеком из Бостона. За свои щедроты тот выставил лишь одно условие: сейчас Грилло получает возможность занести в компьютеры информацию про самую главную тайну Америки, а потом, когда электронные мозги ее обработают и выдадут разгадку, человек из Бостона узнает об этом первым. Грилло согласился. Когда они говорили об этих компьютерах, он сомневался, что такой день вообще наступит.

Теперь Грилло разуверился. Нет никаких вселенских тайн в слухах и сплетнях, которые он терпеливо собирал целых пять лет. Они не имеют смысла ни в общем, ни в частности.

В последние шесть месяцев здоровье Грилло, ни разу не подводившее его за сорок три года, резко ухудшилось. Поначалу он не обращал внимания на появлявшиеся признаки

беды и списывал разбитые кофейные чашки, боль в спине и падение зрения на счет переутомления. Но через некоторое время боль стала невыносимой, и, чтобы ее контролировать, пришлось обратиться к врачу. Там он получил болеутоляющие, в придачу к ним — кучу инструкций, обследования, страх, постепенно перераставший в паранойю, а в конце концов и скверную новость:

— У вас рассеянный склероз, Натан.

Он на минуту прикрыл глаза, не желая видеть сочувствующее лицо врача, но темнота под прикрытыми веками показалась еще хуже. Темнота была клеткой, в ней он остался один.

— Это не смертный приговор,— разъяснил врач.— С такой болезнью люди живут долго, не теряя работоспособности, и я не вижу причин, почему бы и вам не оказаться одним из них.

— Как долго? — спросил он.

— Не скажу даже приблизительно. У каждого болезнь протекает по-своему. Может быть, тридцать лет...

Сидя там, в тихом маленьком кабинете, Грилло уже знал, что тридцати лет у него нет. Даже близко. Болезнь уже вцепилась в него зубами и теперь будет трепать его, пока не истерзает до смерти.

Но и в столь плачевном положении страсти к информации он не потерял. Он дотошно исследовал природу своей болезни. Он не надеялся ее одолеть, но желал знать, что происходит. Происходило вроде бы вот что: в спинном и в головном мозге обнажались нервные ткани. Причину сего процесса пытались найти самые лучшие умы современности, однако точного ответа на вопрос пока что не дал никто. Его болезнь оказалась такой же неразрешимой задачей, как и содержимое Рифа, с той лишь разницей, что она была реально осязаемой. Временами он сидел перед монитором, читал приходившие сообщения, и ему казалось: он чувствует, как зверь по имени Склероз бродит по его телу, пожирая за нервом нерв, за клеткой клетку, и открывавшиеся на экране

рассказы о знаках и видениях тоже становились похожи на еще один симптом. Здоровая психика не нуждается в таких фантазиях. Здоровые люди живут в мире возможного, реальность наполняет их.

Иногда он в ярости выключал экран, тешась мыслью, что сейчас вырубит и всю систему, а эти сказки пускай остаются сами по себе, в темноте и безмолвии. Но через некоторое время он снова, как наркоман, возвращался на место и проверял, что случилось на Рифе в его отсутствие.

В начале весны зверь по имени Склероз неожиданно громко заявил о себе, отняв у Грилло за месяц не менее двадцати лет. Ему прописали новые, более сильные препараты, он добросовестно принимал их, потом доктор посоветовал заранее разработать план на случай недееспособности, от чего Грилло решительно отказался. Он ни за что не сядет в инвалидную коляску; он твердо решил. Он выпьет снотворного и уйдет во сне; так будет лучше. Жены у него нет, держаться не за кого, и детей тоже нет, так что не нужно никого растить. Ничего нет, кроме еще одного завтрашнего дня и этих мониторов, где без конца появляются новые сообщения с новыми слухами и новыми сплетниками, которые прекрасно обойдутся и без него.

А потом, в начале июня, количество желающих поделиться своими тайнами вдруг необъяснимо увеличилось. Сообщения приходили теперь каждый час. Никакой логической связи между ними Грилло не видел, но их стало столько, что от одного количества можно было сойти с ума.

Примерно тогда Тесла позвонила ему из Нью-Мексико, и он рассказал, что происходит. У нее как раз был приступ фатализма (слишком много пейотля, решил Грилло), и ей все было безразлично. Зато когда он позвонил в Нью-Йорк Гарри Д'Амуру, тот отреагировал совсем по-другому. Д'Амур, бывший детектив, расследовавший некогда дела, связанные с метафизикой, хотел знать все. Три недели подряд они говорили по телефону по два раза в день, и, если приходило сооб-

щение, где хоть как-то упоминались сатанисты — особенно если речь шла о Нью-Йорке,— Д'Амур требовал соотнесения с Библией. Грилло считал обращение к католическим терминам абсурдным, но не спорил. А сообщения, интересовавшие Д'Амура, действительно приходили. Два зверских убийства в Бронксе (руки и ноги жертв были пробиты гвоздями), тройное самоубийство в женском монастыре в Бруклине — о них Д'Амур уже знал; ряд менее значимых происшествий — о них Д'Амур не знал, но они определенно и точно соответствовали тому или иному библейскому стиху.

Д'Амур все время темнил, не желал говорить прямо даже по безопасной линии вплоть до их последнего разговора. В этом разговоре он серьезно заявил, что у него есть все причины считать, будто в Нью-Йорке составлен заговор и готовится пришествие Антихриста. Грилло не удалось скрыть, насколько его это позабавило.

— Вам не нравится формулировка, не так ли? — отреагировал Д'Амур.— Хорошо, назовем его иначе, если угодно. Например, Иад. Или Враг. Все равно речь идет о дьяволе.

Это был их последний разговор, хотя Грилло потом не раз пытался до него дозвониться. Из всех пяти районов Нью-Йорка приходили новые сообщения, и происшествия день ото дня становились все более жестокими. В конце концов Грилло заподозрил, что одним из бедолаг, найденных в то лето мертвым на нью-йоркских пустолях, стал Д'Амур. И еще он подумал: а как называть дьявола, если тот явится за информатором Д'Амура сюда, в Омаху?

Наверное, Склерозом.

ii

Потом был звонок от Теслы. Она спросила про Флетчера, а Грилло, положив трубку, почувствовал на душе такой осадок, что хотел принять снотворное в тот же вечер. Почему он даже говорить не стал о ее приезде? Да потому, что те-

перь был слишком похож на своего отца: ноги как палки, поседевшие седые волосы. Он боялся, что Тесла сразу же повернется и уедет, не вынеся его вида. Она никогда бы так не сделала. Даже в самые худшие времена, в полубезумном состоянии, она никогда не забывала о том, что между ними было.

Так что иначе он боялся раскаяния и сожаления. Боялся, что, когда Тесла увидит его в нынешнем состоянии, она скажет: почему же мы не ценили наших чувств? Почему не радовались им, а прятали от самих себя? Он боялся услышать, что все прошло, что уже поздно, хотя сам прекрасно это понимал.

В который раз от полного отчаяния его спас компьютер. После ее звонка он пострадал какое-то время — думал о сновидном, вспоминал свои глупости, — а потом, слишком измученный, чтобы думать о чем-то еще, слишком взвинченный, чтобы уснуть, пошел и сел на привычное место перед монитором. Он хотел посмотреть, нет ли чего про Флетчера.

Однако нашел он кое-что другое. Просматривая сообщения, скопившиеся за последние две недели, он прочел письмо, на которое раньше не обратил внимания. Оно пришло из Иллинойса, от его давнего и, как он считал, надежного информатора: женщины, печатавшей для ведомства шерифа снимки с мест преступления. Письмо было кошмарное. В самом конце июля совершено нападение на молодую семью: беременная на восьмом месяце жена убита, муж ранен, потом убийца на глазах у мужа вспорол жене живот, извлек эмбрион и исчез. Муж умер на следующий день, успев сообщить полицейским странные подробности, не попавшие в газеты из-за своей нелепости. Убийца явился не один, сообщил умирающий. Его окружало облако пыли, «где звучали вопли и виднелись лица».

«Я его умолял, — говорил раненый, — не осквернять Луизу, но тот все повторял, что так нужно, так нужно. Его зовут Парень-Смерть, сказал он, и он вынужден так сделать».

Прочитав это сообщение, Грилло полчаса просидел перед монитором, озадаченный и встревоженный. Что же тво-

рится? Флетчер погиб на Молле в Паломо-Гроуве. Сгорел. (Обращен в пламя и дух. Парень-Смерть Томми-Рэй Макгуайр, сын Яффа, погиб несколько дней спустя в местечке под названием Тринити, в Нью-Мексико. Тоже сгорел, в пламени куда более ужасающем.

Их нет, их обоих нет. Они до конца сыграли свои роли в той драме, где переплелись мир людей и мир сновидений. По крайней мере, все так думают.

Может ли быть, чтобы все ошибаешься? Может ли быть, чтобы те, кого давно предали забвению, вернулись завершить начатое? Если так, этому есть лишь одно объяснение. Оба они касались нунция. Возможно, его воздействие на самом деле превосходит прежние предположения, и он сделал их неуязвимыми для смерти.

Грилло содрогнулся, не веря самому себе. *Неуязвимы для смерти.* Ради этого стоило пожить еще немного.

Он позвонил в Калифорнию. Сонная Тесла сняла трубку.

— Тес, это я.

— Который час?

— Без разницы. Я тут кое-что нарыл про Флетчера.

— Я знаю, куда он направился,— сказала Тесла.— Думаю, что знаю.

— Куда?

— В Орегон, в Эвервилль. Этот город есть у тебя на Рифе?

— Не помню, вроде бы нет.

— Так какого черта ты звонишь посреди ночи?

— Томми-Рэй.

— Что?

— Ты что-нибудь слышала про Томми-Рэя?

— Ничего. Он погиб в Петле.

— Точно погиб?

На другом конце провода наступило молчание. Потом Тесла сказала:

— Точно.

— Но ты же выбралась оттуда. И Джо-Бет, и Хови...

— Ты о чем?

— Мне пришло сообщение про убийцу, что называет себя Парень-Смерть...

— Грилло,— проговорила Тесла.— Ты меня разбудил, чтобы...

— Он явился в облаке пыли. И в пыли слышались вопли. Тесла затаила дыхание.

— Когда это было? — тихо спросила она.

— Меньше месяца назад.

— Что он сделал?

— Убил супружескую пару в Иллинойсе. Вырезал из живота у женщины младенца. Мужа бросил умирать.

— Какая неаккуратность. Других сообщений нет?

— Пока нет, но я буду искать.

— Я проверю по пути в Орегон...

— Я подумал...— начал Грилло.

— Что нужно предупредить Хови и Джо-Бет.

— Ага, точно. Я подумал о Флетчере.

— Когда ты в последний раз с ними разговаривал?

— Недели две назад.

— Ну и?...— не отставала Тесла.

— У них все было в порядке,— ответил Грилло.

— Ты же знаешь, Томми-Рэй обожал ее. Они близнецы...

— Знаю.

— Одно лицо, одна душа. Честное слово, он сходил от нее с ума.

— Флетчер,— произнес Грилло.

— Что Флетчер?

— Если он в Эвервилле, я должен с ним встретиться.

— Зачем?

Грилло, помолчав, ответил:

— Мне нужен нунций.

— О чем ты говоришь? Нунция нет. Я сама уничтожила последнюю капсулу.

— Наверняка он оставил для себя записку.

— Ради бога, ведь он и попросил меня его уничтожить.

— Нет. Что-то он оставил.

- Черт возьми, что ты несешь?
- Потом расскажу. Ты ищи Флетчера, а я постараюсь отследить Томми-Рэя.
- Сначала попробуй выспаться, Грилло. Голос у тебя дерьмовый.
- Теперь некогда спать, Тес. Жалко терять время.

•

VII

Хови взялся чинить машину сразу после восьми, чтобы закончить с ней раньше, чем солнце начнет как следует припекать. Это уже пятое лето после их переезда в Иллинойс, и он твердо решил, что оно будет последним. Он думал переждать там, где он родился и вырос, а потом все изменится. Нет, все осталось прежним, но их жизнь изменилась до неузнаваемости, причем перемены оказались к худшему.

Однако всякий раз, когда у него портилось настроение — в марте он потерял работу, и оно портилось часто, — он глядел на Джо-Бет с Эми на руках, и на душе снова становилось веселее.

Прошло пять лет с тех пор, как он влюбился в Джо-Бет в Паломо-Гроуве, а их отцы начали между собой войну, чтобы не дать им соединиться. Пять лет они прожили под чужими именами в глуши, где никому не было дела ни до их жизни, ни до своей собственной; где тротуары грязные, машины немые, улыбки редкие.

Не такой жизни он хотел для своей жены и своей дочери, но Д'Амур сформулировал однозначно: если они решат не прятаться и будут жить открыто, как мистер и миссис Катц, через несколько месяцев их найдут и убьют. Они знают слишком много, чтобы им позволили жить.

Поэтому они укрылись в Иллинойсе и решались произносить собственные имена — Хови и Джо-Бет — только при закрытых дверях и занавешенных окнах. До сих пор это сохраняло им жизнь, но и минусы тоже были. Трудно жить в

тени, не смея заглядывать вперед, не смея ни на что надеяться. За последнюю пару месяцев Хови несколько раз звонил Д'Амуру. Много ли еще нужно времени, спрашивал он, чтобы про нас, черт побери, забыли, и мы смогли бы жить нормальной жизнью? Д'Амур был плохим дипломатом, и Хови прекрасно понимал, что тот лжет, когда пытается их утешать и спасти от отчаяния.

Однако терпение Хови истощилось. Это последнее лето в богом забытой дыре, говорил он себе, потея под капотом; последний раз он потекает Д'Амуру, у которого, похоже, паранойя. Возможно, пять лет назад они с Джо-Бет и впрямь сыграли какую-то роль в драме (причем сами увидели происходящее лишь мельком), но это было давно. Таинственные силы, как говорил Д'Амур, способны зарезать их в собственной спальне; но силы эти наверняка заняты более серьезными делами, чем наказывать Хови и Джо-Бет за то, что когда-то они случайно оказались в Субстанции.

В доме зазвонил телефон. Хови бросил работу и поднял тряпку, чтобы вытереть руки. Он ободрал костяшки, и их саднило. Хови поднес руку ко рту, слизывая сукровицу, когда на крыльце появилась Джо-Бет. Она постояла, шуря на солнце, а потом сказала:

— Это тебя.— И снова исчезла в темной глубине дома.

Звонил Грилло.

— Что случилось? — спросил Хови.

— Да ничего,— отозвался Грилло.— Просто хотел узнать, как вы.

— Не высыпаемся из-за Эми, а так все нормально.

— Работу не нашел?

— Работу не нашел. Ищу, но...

— Паршиво...

— Нам нужно уезжать отсюда, Натан. Выбраться и жить нормальной жизнью.

— Но... Сейчас не лучшее время.

— В другом месте я найду работу.

— Я не о работе.

— А о чем?

Грилло не ответил.

— Натан?

— Не хочу тебя пугать...

— Но...

— Может, оно и ерунда...

— Да говори уже, ради бога!

— Томми-Рэй.

— Томми-Рэя нет.

— Да, именно так мы и *думали*.

Хови снизил голос до шепота и сердито произнес:

— Какого черта ты несешь?

— Мы пока не уверены.

— «Мы»?

— Мы с Теслой.

— Я думал, она исчезла с концами.

— Ну, какое-то время так оно и было. Сейчас она едет в

Орегон...

— Говори.

— Она думает, там твой отец.

Хови едва не выронил трубку.

— Я знаю, это звучит...— быстро заговорил Грилло, но Хови его перебил:

— Дерьмово это звучит.

— Сам не могу поверить. Но творится что-то странное, Хови.

— У нас ничего не творится,— возразил Хови.— У нас тут дыра. И мы тут сидим, в этой дыре, тратим жизнь, ждем, пока кто-нибудь нам позвонит и скажет, что дальше, а ты!..— Хови уже не шептал, он кричал.— Единственное, что ты можешь,— это позвонить и сказать, что мой отец... Мой отец погиб, Грилло, *погиб!*.. Сказать, будто мой отец болтается по Орегону, а Томми-Рэй...

Он услышал, как сзади Джо-Бет задохнулась.

— Проклятье,— сказал Хови.— Знаешь что, Грилло, лучше держись от нас подальше. И скажи Д'Амуру, чтобы он тоже больше к нам не лез. Хватит с нас этого дерьма, понял?

Он швырнул трубку на рычаг и повернулся к Джо-Бет. Та стояла в дверном проеме с горестным выражением лица, какое он не раз замечал в последнее время.

— Какого черта им еще от нас надо? — воскликнул он, закрывая рукой глаза. Глаза горели.

— Ты сказал «Томми-Рэй».

— Да я просто...

— Что он говорил про Томми-Рэя?

— Дерьмо. Только и всего. Грилло — полное дерьмо.— Хови посмотрел на нее.— Больше ничего, радость моя,— добавил он.

— Я хочу знать, что он тебе сказал,— упрямо повторила Джо-Бет.

Она еще больше встревожится, если не услышит правду, решил Хови. Он коротко пересказал слова Грилло.

— Как это? — спросила она, когда он закончил.

— Вот так,— ответил он.— Говорю же, полная ерунда.

Джо-Бет кивнула, пожала плечами и отвернулась от него.

— Скоро все изменится, радость моя,— заверил Хови.— Даю слово.

Ему хотелось подняться в дом, подойти к ней. Обнять ее и баюкать, пока не отгаст. Прежде они всегда обнимались после ссор. Но не сейчас. Она ушла в дом, а Хови остался стоять на месте, боясь, что Джо-Бет оттолкнет его. Непонятно, откуда взялся этот страх — может быть, в ее глазах сквозило что-то такое, отчего Хови решил не подходить. Так или иначе страх был сильный, или Хови стал слабый.

— Вот черт,— пробормотал он себе под нос, снова закрыв глаза рукой.

Слова Грилло поплыли в темноте.

«Творится что-то странное...»

Он, Хови, отмахнулся от этого, но Грилло был прав. Был ли в Орегоне Флетчер или не был, жив Томми-Рэй или нет, но происходит что-то странное.

Прежде чем вернуться к машине и снова взяться за работу, он поднялся наверх, чтобы взглянуть на Эми. Последние два дня девочке нездоровилось, в свое первое лето она

подхватила простуду и сейчас лежала в кроватке, повернув набок голову. Хови взял из коробки возле кроватки бумажный платок и вытер блестящую на подбородке ребенка слюну — осторожно, чтобы не разбудить. Но где-то в глубине сна девочка узнала отца — во всяком случае, ему хотелось так думать. На пухлых губах промелькнула едва заметная улыбка, на щеках заиграли ямочки.

С благоговением Хови смотрел на нее, опираясь на решетку кроватки. Он стал отцом неожиданно. Они не раз заводили разговор о ребенке, но неизменно решали подождать до тех пор, пока положение изменится. Но когда все решил случай, Хови ни разу не пожалел об этом. Эми стала для него даром судьбы, знаком благого творения. Вся магия мира — принадлежала ли она его отцу, или Яффу, или тайным силам, о которых твердил Д'Амур, — не стоила выеденного яйца по сравнению с тем чудом, каким была Эми.

Пока Хови любовался своей спящей красавицей, он повеселел. И когда он снова вышел под палящее солнце, проблемы с осточертевшей машиной показались ему пустяком, и он с воодушевлением взялся за дело.

Через несколько минут поднялся легкий ветерок и остудил его потное лицо. Хови выбрался из-под капота и набрал в грудь побольше воздуха. Ветер, прилетевший на эти серые улицы, пахнул зеленой травой и свежестью. Скоро мы отсюда уедем, пообещал себе Хови, и все будет хорошо.

Джо-Бет в кухне шинковала морковь, но, когда подул ветер, взглянула на зашевелившиеся нестриженные кусты во дворе, вспомнив другой двор и голос Томми-Рэя, будто окликнувший ее сейчас из прошлого. В тот раз в их дворе в Гроуве было темно, но она запомнила все с ослепительной ясностью: деревья, землю и хоровод звезд.

— Джо-Бет! — крикнул ей тогда Томми-Рэй. — Там кое-что есть!

— Где? — спросила она.

— Во дворе. Пойдем покажу.

Она сперва сопротивлялась. Томми-Рэй порой выходил из себя, а тогда он отчего-то дрожал, и она испугалась.

— Я не сделаю тебе ничего плохого,— сказал он.— Ты же знаешь.

И она действительно это знала. Он был непредсказуем, но всегда любил ее.

— Мы чувствуем одно и то же,— говорил он, и это тоже была правда: они с детства всё чувствовали одинаково.— Идем,— повторил он, взяв ее за руку.

И она пошла с ним — туда, во двор, где под звездным небом чернели деревья. И услышала в голове шепчущий голос — она ждала его все семнадцать лет своей жизни, сама не зная об этом.

— Джо-Бет,— сказал голос.— Меня зовут Яфф. Я твой отец.

Потом он появился из-за деревьев, и она запомнила это навсегда. Он был похож на картинку из маминой Библии — ветхозаветный пророк, бородатый и мудрый. Да, конечно же, он мудрый на свой жуткий лад. Да, конечно, если бы она тогда смогла с ним заговорить, если бы стала у него учиться, то не сидела бы сейчас в этой дыре, боясь вздохнуть, чтобы не лишиться того малого, что ей оставили.

Но ее с ним разлучили, а потом разлучили и с Томми-Рэем, и она оказалась в руках врага.

Он хороший человек, этот враг, этот Хови Катц. Хороший и любящий. Когда они спали вместе в первый раз, им обоим приснилась Субстанция, и это означало, что он и есть любовь ее жизни. Никогда у нее не будет другого такого же. Но оставались и другие чувства, оказавшиеся глубже, чем любовь. Оставались силы, охранявшие душу до того, как та появилась на свет, и от них не отмахнуться. Пусть любящий, пусть хороший, но враг есть враг.

Сначала Джо-Бет не понимала этого. Она думала, что боль от пережитого в Гроуве утихнет и тревога ее пройдет. Но ничто не прошло. Джо-Бет стали сниться сны, где появлялся Томми-Рэй, и лицо его излучало свет, как золотистая патока. А иногда посреди дня, ближе к вечеру, когда она падала с ног от усталости, ей слышался голос отца. Он звал ее, и она еле слышно задавала ему тот же вопрос, что тогда, во дворе маминого дома:

— Зачем ты пришел сейчас? После стольких лет?

— Подойди ближе,— отвечал он всякий раз.— Я объясню...

Но она не знала, *как* подойти к нему ближе, *как* перешагнуть через лежавшую между ними бездну времени, где жила смерть.

А потом — неожиданно — появилась надежда. Иногда Джо-Бет начинала вспоминать, и воспоминания ее были очень ясными. Она пряталась от Хови, чтобы он не прочел по ее лицу то, о чем она думала. В другие дни — например, сегодня — она видела, что Хови больно, ее сердце открывалось ему, как в первые дни, и воспоминания путались. Мысли теряли ясность, и она часами стояла, глядя на небо, и пыталась их удержать.

Ерунда, говорила она себе. Все вернется. Она пока нашинкует морковку, и вымоет посуду, и накормит ребенка, и...

Порыв ветра принес к окну клочок бумаги. Он прилип к стеклу на мгновение, похожий на однокрылую птицу. Второй порыв унес его прочь.

Скоро и она уйдет, с той же легкостью. Легкость была частью данного ей обещания. Джо-Бет поднимут и унесут туда, где тихий голос откроет ей до конца отцовскую тайну и где ее никогда больше не найдет любящий враг.

VIII

i

В среду утром городок Эвервилль проснулся рано, хотя накануне лег позднее обычного. Нужно вывесить флаги, нужно вымыть окна, нужно постричь траву и подмести улицы. Дел в среду хватало у всех.

Дороти Баллард в муниципальном офисе тревожилась из-за облаков, появившихся за ночь. Все прогнозы обещали «ясно, ясно, ясно», и вдруг — одиннадцать двадцать две, а на небе сплошные тучи. Скрыв тревогу под сияющей — в отличие от неба — улыбкой, Дороти занялась делами и в первую очередь распорядилась систематизировать всю информацию о фестивале в соответствии со списком. Дороти свято верила в списки. Без них жизнь превратилась бы в хаос.

В полдень Фрэнк Карлсен врезался на своем «универсале» в фургон на углу Уитьер и Мейн-стрит, что парализовало движение на Мейн-стрит почти на полчаса. Карлсена привезли в полицейский участок, где он сознался, что в этом году начал отмечать праздник немного раньше, но всего-то пропустил с приятелями пару пива, для души. Фургон пострадал не особенно, так что Эд Олсон, доставивший Фрэнка в участок, отпустил его восвояси, ограничившись предупреждением.

— Я ради тебя нарушаю закон, Фрэнк,— сказал он Карлсену.— Ты смотри не напивайся, не подводи меня.

Движение на Мейн-стрит восстановилось в двенадцать пятнадцать, как раз когда Дороти посмотрела в окно своего офиса и увидела, что тучи начали понемногу редеть и кое-где выглянуло солнце.

ii

Было немногим больше десяти утра, когда Эрвин пустился в путь, сначала, правда, остановившись у закусочной Китти, чтобы подкрепиться кофе и блинчиками с яблоками. Босли с присущей ему деловитостью, иногда раздражавшей Эрвина, сегодня показался очень милым.

Утолив голод, Эрвин отправился дальше. Он доехал до Первой улицы, припарковался возле дома масонской ложи, вышел из машины и пошел к берегу. Он порадовался тому, что надел крепкие ботинки и старый свитер. В эти теплые дни конца лета, после недельных дождей, лесные заросли разрослись еще гуще, и, пока Эрвин продрался к берегу, он успел поцарапать шею, лицо, руки, а в его свитере застряло столько веток и палок, что хватило бы на небольшой костер.

Вода, столетиями прокладывая себе дорогу, отвоевала у земли мелкое извилистое русло, по берегам которого росли вековые папоротники, и стремительно неслась вперед. Эрвин заглядывал сюда лет шесть или семь назад, а теперь снова удивился, до чего здесь пустынно и дико. До Мейн-стрит было меньше мили, но комары звенели над головой так, что почти заглушали гул городского движения. На другом берегу начинался крутой, поросший лесом неухоженный склон, где, как подозревал Эрвин, никто не жил. Он почувствовал, что здесь он один, и ощущение, нужно сказать, оказалось неприятное. Он занялся поисками дома, размышляя над своими ближайшими планами.

iii

Ближе к полудню Джо позвонил Фебе на работу и спросил, сможет ли она приехать к нему не вечером, а днем, в обеденный перерыв. Она ответила, что времени у них тогда

будет совсем немного, на дорогу туда и обратно уйдет десять минут. Даже, наверное, больше, если шоссэ загружено. Он обрадовался и сказал: подъезжай сразу ко мне, всего на две минуты дальше. Феба согласилась. Жди меня сразу после половины первого, ответила она.

— Буду ждать,— отозвался он, и от его голоса у нее по коже побежали мурашки.

Все время до обеда она невольнo улыбалась и в двенадцать двадцать восемь уже вышла. В квартиру Джо она приходила только дважды: один раз, когда Мортон свалился с гриппом, второй — когда у него был отпуск. Встречаться у Джо было более рискованно, чем у нее, потому что в квартиру не войдешь незаметно. Особенно в такой день, как сегодня, когда все шатаются туда-сюда. Но Феба не обращала на них внимания. Машину она оставила прямо перед домом и демонстративно пошла наверх по боковой лестнице, почти радуясь мысли, что ее могут увидеть.

Не успела она постучать, как дверь распахнулась. Джо встретил ее в одних шортах, по груди у него сбегали струйки пота.

— Вентилятор сломался,— объяснил он, впуская ее в квартиру.— Но тебя это не испугает, правда?

В квартире было неубрано и жарко, как в духовке. Джо расчистил для Фебы место на диване, но она не села, а пошла за ним следом в кухню, где он налил ей стакан воды со льдом. Там они и остались возле открытого окна, откуда доносился уличный шум.

— Я тут подумал,— сказал Джо.— Чем скорее мы со всем этим разберемся, тем лучше.

— Я договорилась встретиться с юристом в понедельник. Джо ухмыльнулся.

— Умница.— Он положил ей руки на плечи, сцепив пальцы у нее на затылке.— Хочешь, я схожу с тобой?

— Нет. Я сама.

— И мы сразу уедем. Чем дальше, тем лучше.

— Куда захочешь.

— Поедем туда, где тепло,— проговорил он.— Я люблю тепло.

— Мне подходит,— сказала она. Большим пальцем она поскребла его щеку.— В краске.

— Поцелуй,— предложил он.

— Нам нужно поговорить.

— Сейчас трахнемся, а заодно и поговорим.

— Джо...

— Ладно, поговорим, а заодно трахнемся, так лучше? — Он придвинулся ближе.— По-моему, здесь слишком жарко.

Струйки пота текли у нее между грудей, по спине между ягодиц, между ног. Она вся взмокла от пота.

— Да? — спросил он.

— Да,— ответила она и осталась стоять там, пока он расстегивал пуговицы и крючки, обнажая разгоряченное тело.

iv

Сначала Эрвин пошел вниз по течению, решив, что дом должен был стоять на ровной площадке, а не на крутом склоне. Но, как он вскоре сообразил, то ли предположение его неверно, то ли эта часть послания Макферсона не соответствовала действительности. Прошел целый час, пока он пробирался сквозь заросли вдоль русла, извернувшегося на юго-восток, а потом возвращался назад, туда, откуда начал. Там он перекурил пару минут, соображая, что делать дальше. Блинчиков Босли хватит еще часа на полтора, а пить после гуляний по лесу уже хотелось. Может быть, нужно устроить перерыв? Съездить к Китти, еще раз перекусить, а потом вернуться сюда. Поколебавшись, он все же решил остаться и продолжать поиски. Если он найдет дом, то и кофе покажется вкуснее.

Двигаться вверх по течению оказалось сложнее. Четверть часа Эрвин брел сквозь густой подлесок на крутом, резко уходящем вверх берегу и, не раз поскользнувшись, с ободранными коленями, с перемазанными зеленым мхом руками, уже готов был отступить. Он остановился, чтобы снять

свитер — теперь стало жарко,— и не успел стянуть его, как вдруг увидел что-то впереди. На ходу вытаскивая руки из рукавов, он поспешил в ту сторону, бессвязно бормоча:

— О... О... вот он! Так вот он!

Это действительно был тот дом. Огонь и время уничтожили большую часть дощатых стен, но фундамент и сложенный из кирпича камин остались на месте.

Эрвин повесил свитер на ветку и двинул напролом сквозь заросли. Вскоре он подошел к дому — это была жалкая лачуга — и переступил через порог.

На полу валялся мусор, подтверждавший, что когда-то здесь жили люди: обуглившиеся обломки мебели, сгнивший кусок коврика, битые тарелки, мягое ведро. Зрелище было печальное, но Эрвин ликовал. У него не осталось сомнений в том, что Макферсон написал правду. Эрвин нашел доказательство, так что можно предъявлять находку общественности, не боясь опровержений. Нужно лишь обдумать, каким образом преподнести новость, чтобы извлечь из этого максимальную пользу.

Он опустился на корточки, раздвинул разросшуюся траву и поднял разбитую фаянсовую тарелку; тут впервые ему стало не по себе. Он не верил в привидения — мертвые мертвы и лежат там, где похоронены. Тем не менее гнетущая тишина этого места нагоняла страх. Пора возвращаться, пора выпить кофе и, возможно, вознаградить себя за труды куском морковного пирога.

Он встал, вытирая грязь с тарелки, и в тот же миг краем глаза заметил движение в зелени на другом берегу. Эрвин посмотрел туда, и под ложечкой у него засосало. Кто-то стоял среди деревьев и следил за ним. Тарелка выскользнула из рук. Волосы на затылке зашевелились.

Сосны на том берегу росли слишком плотно, и в их густой тени незнакомца было трудно рассмотреть. Но на путешественника он точно не походил: в каком-то длинном темном балахоне вроде рясы, с густой черной бородой, он стоял, скрестив на груди бледные руки.

Он наклонил голову, словно говоря: я вижу, что ты меня заметил. Потом поднял левую руку и поманил Эрвина к се-

бе. Разумеется, их разделяла речка, которая в этом месте была глубже, чем ниже по течению. Если незнакомец безумен, вода послужит серьезной преградой между ними; поэтому Эрвин, чувствуя себя в безопасности, решил не спорить и подойти ближе к берегу.

Когда он встал у кромки небольшого обрыва высотой фута в четыре или пять, человек заговорил. Его тихий голос перекрывал журчание воды.

— Как называется это место? — спросил он.

— Ручей Ангера.

— Я спрашиваю про поселок.

— Это не поселок, а город. Город Эвервилль.

— Эвервилль...

— Вы заблудились?

Человек двинулся вниз, к берегу. Эрвин увидел, что он бо-сой. С каждым шагом незнакомца его странный облик и одяние становились все очевиднее. Он и в самом деле носил синюю рясу — такую темную, что она казалась черной. Выражение его лица удивляло, поскольку в нем соединялись строгость и непринужденность: брови нахмурены, взгляд живой, губы плотно сжаты, но в них таится улыбка.

— Мне показалось, я заблудился, — проговорил он, — но теперь вижу, что нет. Как вас зовут?

— Эрвин Тузейкер.

— Эрвин, я хотел бы вас попросить об одолжении.

— Сначала скажите, кто вы.

— О, разумеется.

Теперь незнакомец подошел к берегу и раскрыл руки.

— Меня зовут Ричард Уэсли Флетчер. И я пришел, чтобы спасти вас от банальности.

U

— Джо, кто-то идет по лестнице.

Он оторвался от ее груди и прислушался. Снаружи доносились крики детей, игравших на улице, в нижней квартире играло радио. Но какой футбол, какая лестница!.. Он снова склонился к ней.

— Честное слово,— прошептала она, тревожно глядя на дверь.

— Ладно,— сказал он.

Он подобрал с пола и натянул шорты, запихнув в них разбухший член.

— Дай-ка посмотреть, что там у тебя есть, детка.

Она свесила ногу с дивана, на котором лежала, и чуть приподняла бедра. Он посмотрел на нее с восхищением.

— Ох, детка...

— Нравится? — прошептала она.

— Сейчас сама увидишь, как нравится.

Она едва не позвала его к себе, но не успела, и он вышел в коридор. Она оглядела себя, свое тело, пощупала складку на животе. Он сказал, что любит ее такой, какая она есть, но сама она себя не любила. Она сбросит двадцать фунтов, обещала себе Феба. Двадцать фунтов, еще до Дня благодарения. Потому что...

— Ниггер! — услышала она рев Мортон.

Входная дверь распахнулась, грохнув о стену. Джо в коридоре отлетел назад, переломившись пополам.

Она схватилась за подлокотник, но не успела вскочить, как Мортон уже стоял на пороге комнаты, глядя туда же, куда только что смотрел Джо. На лице у него было написано отвращение.

— Господи! — рявкнул он.— Господи боже, ты посмотри на себя!

И он пошел к Фебе, растопырив руки. Он схватил ее за раскинутые ноги и потянул с дивана с такой яростью, что она закричала:

— Не надо!

Но он уже ничего не слышал. Она никогда не видела его в подобном состоянии: зубы ощерены, губы побелели, глаза выпучены, на лбу пот, вены вздулись. Он впал в бешенство, но лицо его не покраснело, а стало мертвенно-бледным, как будто он готов отдать концы или его сейчас вырвет.

Он схватил ее, рывком поставил на колени.

— Мерзкая шлюха! — взревел он и ударил ее по лицу.— Вот это ему нравится? — Он наотмашь ударил ее по груди, еще и еще раз.— Значит, нравится! — Он хлестал ее все сильнее.— Значит, он прямо сожрать готов твои сиськи!

Она пыталась закрыться руками, но Мортон не унимался.

— Классные сиськи! — Удар сыпался за ударом, из глаз Фебы полились слезы.— Классные сиськи! Классные сиськи!

Она не видела, как Джо поднялся на ноги, потому что не отводила глаз от Мортон. Но неожиданно Джо очутился рядом, схватил ее мучителя за воротник и поволок вон из комнаты. Мортон был выше его дюйма на три-четыре и тяжелее фунтов на пятьдесят, но Джо разозлился и отчаянно работал кулаками, гоня противника к выходу.

Феба вытерла слезы и потянулась за чем-нибудь, чтобы прикрыться. И тут Мортон — из носа его лилась кровь — взревел, развернулся и всем своим весом налетел на Джо с такой силой, что оба отлетели в другой конец комнаты. Джо рухнул на телевизор, стоявший на низеньком столике. Столик развалился, телевизор слетел на пол. Мортон, не удержавшись, тоже упал, но тут же вскочил и принялся избивать Джо. Он целил в пах и успел ударить раз пять, шесть, семь, пока ошеломленный Джо корчился среди осколков стекла и разбитого дерева.

Забыв про наготу, Феба вскочила и попыталась оттащить Мортон, но тот вцепился ей в лицо пятерней.

— Подожди своей очереди! — прорычал он, пиная Джо ногой.— Сейчас я тобой займусь!

Потом он легко оттолкнул ее, намереваясь закончить начатое. Она посмотрела на Джо — на его тело, распростертое среди осколков, на кровавое пятно, расплывшееся на шортах,— и совершенно отчетливо, с какой-то странной захватской беспечностью поняла, что Мортон не остановится, пока его не убьет.

Она должна что-то сделать, *что-нибудь* сделать. Она оглянулась в поисках оружия, но не увидела ничего такого, что могло бы остановить ее мужа. В отчаянии она бросилась в

кухню, а за спиной ее раздавались жуткие звуки — ботинок ударялся о тело избиваемого. Она слышала стоны Джо, и голос его становился слабее и слабее.

Один за другим она открывала ящики, где надеялась найти нож — мясной или хотя бы хлебный, чтобы испугать Мортон. Но ножи в столе были маленькие и никуда не годились.

— Ах ты, гребаный ниггер! — рычал Мортон.

Джо затих.

В отчаянии Феба схватила в одну руку обычный столовый нож, в другую — вилку и метнулась обратно в комнату как раз в тот момент, когда Мортон сдирал с Джо шорты, чтобы полюбоваться плодами своих стараний. От этого зрелища Фебу замутило, и она пришла в такую ярость, что бросилась на Мортон, замахнувшись обеими руками. Он развернулся и — скорее случайно, чем намеренно — выбил у нее нож. Зато вилка попала куда надо: вонзилась в мышцу возле плеча.

Он воззрился на вилку в изумлении, словно не чувствовал боли, а потом ударил Фебу наотмашь, и она отлетела к двери. Из ранки текла кровь, но Мортон не стал тратить время и вынимать вилку.

— Гребаная потаскуха! — заорал он и двинулся на нее, как грузовик, потерявший управление.

Она попятилась в коридор. Входная дверь была открыта нараспашку. Феба могла бы постараться выбежать раньше, чем он ее догонит, но это означало бы бросить Джо. Бог знает, когда она найдет кого-нибудь и приведет на помощь и что еще за это время произойдет.

— Стоять, — приказал Мортон, понизив голос почти до шепота, хриплого, как рашпиль. — Ты заслужила это, — проговорил он почти спокойно. — Ты сама знаешь, что *заслужила*.

Она окинула взглядом узкий коридор, где располагалась ванная, и, когда он пошел на нее, метнулась туда и попыталась захлопнуть дверь. Но не успела. Мортон просунул руку сквозь щель и вцепился ей в волосы. Феба навалилась на дверь

всем своим весом, прищемив его руку. Он заорал от боли и ярости, осыпая Фебу потоком ругательств. Он пинал дверь и тянул в щель ободранную до крови руку, помогая себе коленом.

Феба не смогла бы удержаться, ее босые ноги скользили на плиточном полу. Через несколько секунд он откроет дверь и убьет ее, нет сомнений. Тогда Феба закричала во весь голос, и вопли ее затопили крохотную ванную. Если сейчас никто не придет на помощь, будет поздно.

Вот уже и лицо Мортон просунулось в дверь, влажное от пота и белое, как кафельная плитка.

— *Открой!* — хрипел он, толкая дверь. — Все равно откроешь...

При этих словах дверь распахнулась. Бежать Фебе было некуда, и он это знал. Он остановился, окровавленный, задышавшийся, и окинул ее взглядом с ног до головы.

— Ты шлюха, — заявил он. — Жирная, грязная шлюха. Сейчас я оторву твои гребаные сиськи.

— Эй! — крикнул Джо.

Мортон оглянулся. Джо стоял на пороге комнаты, цепляясь за косяк.

— Еще не сдох? — удивленно спросил Мортон и пошел к нему.

До конца своих дней Феба так толком и не сможет вспомнить, как все произошло. Она двинулась вслед за Мортон, чтобы оттащить его или хотя бы задержать, пока Джо не выберется из квартиры, — на это ее сил хватило бы, она была уверена. Но она успела лишь схватить Мортон за плечо, когда Джо оторвался от двери и преградил ему путь. Может быть, он его ударил; может быть, Мортон сам споткнулся и не устоял на ногах, потеряв силы от потери крови; может быть, Феба заставила его упасть, навалившись всем своим весом. Так или иначе Мортон упал, но даже в падении пытался вцепиться в Джо. Он рухнул на пол со странным хрустом и вскрикнул. Больше он не встал. Ноги его задергались. Потом он замер.

— Гос... по... ди,— сказал Джо и отвернулся от Фебы. Его вырвало.

Феба осторожно подошла, все еще опасаясь, что Мортон вот-вот поднимется. Из-под плеча у него натекала лужица крови. Вилка! Феба и забыла об этом!

Она перевернула Мортонa на спину. Он еще дышал, но дыхание походило на спазмы, от которых все тело с головы до ног пронизывала судорога. Вилка вошла в грудь наполовину, дюйма на три.

Джо поднялся и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Нужно вызвать врача,— проговорил он и скрылся в комнате.

Феба пошла за ним.

— Погоди, погоди,— остановила она его.— Что мы им скажем?

— Мы им скажем правду,— ответил он.

Он нашел среди обломков телефон, вырванный из розетки. Морщась от боли, он хотел включить его, но остановился и посмотрел на Фебу, торопливо надевавшую белье:

— Меня заберут, детка.

— Это несчастный случай,— возразила она.

Он покачал головой:

— Не поверят. У меня уже были проблемы.

— Ты о чем?

— У меня уже есть судимость — ответил он.— Нужно было тебе сказать.

— Мне без разницы,— отозвалась она.

— А зря,— резко бросил он.— Из-за этого все наперекосяк.

Он наконец нащупал розетку, но она была вырвана с мясом.

— Ни черта не получится,— сказал он и швырнул телефон в грудy разбитой мебели. Он поднялся, по щекам у него текли слезы.— Прости меня,— произнес он.— Прости...

— Лучше уходи,— сказала она.

— Нет.

— Я позабочусь о Мортоне. А ты иди.

Она уже натянула юбку и теперь застегивала блузку.

— Я им все объясню, устрою его в больницу, а потом мы с тобой уедем.

Она и сама с трудом верила в это, но ничего лучшего не пришло в голову.

— Я серьезно,— настаивала она.— Одевайся и иди!

Она вышла в коридор. Мортон больше не дергался, а бормотал себе под нос ругательства, то и дело сменявшиеся бессвязным, каким-то детским лепетом; вот только изо рта у него текли не молоко, не слюна, а кровь.

— С ним все будет в порядке,— говорила она Джо, который с несчастным видом стоял посреди разгромленной комнаты.— *Пожалуйста*, иди. Со мной все будет в порядке.

Потом она вышла на яркий солнечный свет и спустилась вниз. Дети, игравшие на другой стороне улицы, бросили свои дела и повернулись к ней.

— Ну, чего уставились? — спросила она их таким тоном, каким разговаривала в приемной с опоздавшими пациентами.

Мальчишки тотчас разбежались, и Феба быстрым шагом двинулась на угол, к телефону-автомату, не смея оглянуться на лестницу и увидеть, как Джо уходит.

И

і

— Готов поспорить, вы думаете, у нас тут тихий городишко, ведь так? — сказал Уилл Хэмрик, толкая по стойке очередной стакан бренди к своему совершенно трезвому на вид клиенту.

— Я не прав? — спросил тот.

Уилл подумал, что у парня, похоже, полно денег: в нем была беспечность, какую дают только доллары. Хорошо бы он еще немного их здесь оставил, прежде чем двигаться дальше.

— Да вот как раз сегодня случилось смертоубийство.

— Неужели?

— Заходил к нам один, Мортон Кобб его звали. Сидел вон там, за столом возле стены.— Уилл показал на столик.— А сегодня увезли его в больницу с вилкой в сердце.

— С вилкой? — переспросил приезжий, трогая идеально подстриженный ус.

— Я сказал, с вилкой, значит, с вилкой, именно так. Здоровый был парень.

— Хм,— произнес клиент, толкая по стойке к Уиллу пустой стакан.

— Еще один?

— Почему бы нет? Это нужно отметить.

— Что отмечать?

— Смертоубийство,— ответил приезжий.

Должно быть, Уилл счел подобное предложение в высшей степени бестактным, каковая мысль отразилась на его длинном, болезненно бледном лице. Посетитель поспешно добавил:

— Прошу прощения. Я неправильно понял вас. Этот Кобб — ваш друг?

— Не совсем.

— Значит, покушение на его жизнь, которое совершила его жена или любовник его жены, чернокожий любовник...

— Так вы уже слышали.

— Конечно, слышал. Скандал с кровопусканием — событие действительно... пикантное, что ли.— Он сделал глоток.— Не так ли?

Уилл промолчал. Честно говоря, этот тип его немного нервировал.

— Я обидел вас? — спросил тот у Уилла.

— Нет.

— Вы ведь *профессиональный* бармен, или я ошибаюсь?

— Я хозяин этого заведения,— ответил Уилл.

— Вот и хорошо. Знаете ли, человек вашей профессии имеет очень большое влияние. В вашем заведении собираются люди, и, когда они собираются, что они делают?

Уилл пожал плечами.

— Они *говорят*,— последовала подсказка.

— Послушайте, я не понимаю...

— Прошу вас, мистер...

— Хэмрик.

— Мистер Хэмрик. Я поездил по миру и в каких только барах не бывал — в Шанхае, в Санкт-Петербурге, в Константинополе. Все лучшие заведения, о которых потом складывают *легенды*, имеют между собой нечто общее, и это отнюдь не идеально смешанный «водка-мартини». Везде, в каждом из них, есть человек, похожий на вас. Распространитель.

— Кто?

— Сеятель. Тот, кто разбрасывает семена.

— Вы ошиблись, мистер,— сказал Уилл с кривой усмешкой.— Вам нужен Дуг Кенни, Клуб фермеров.

Посетитель даже не улыбнулся.

— Лично я,— заявил он,— надеюсь, что Мортон Кобб умрет. В таком случае история выйдет отменная.

Уилл поджал губы.

— Ну, согласитесь же,— продолжал посетитель, налегая грудью на стойку,— если он умрет из-за вилки, вы разве не станете об этом рассказывать? И разве у вас когда-нибудь была в запасе история получше?

— Ну...— пробормотал Уилл.— Может быть, стану...

— Именно. Так в чем проблема? — Гость осушил бокал.— Сколько я вам должен?

— Девять баксов.

Посетитель открыл бумажник из крокодиловой кожи и извлек оттуда не одну, а две новенькие десятки. Он положил на стойку обе.

— Сдачу оставьте себе,— сказал он.— Может, я загляну к вам еще раз, чтобы узнать подробности про Кобба. Длину вилки или размер члена у любовника; что-нибудь такое.— Он ухмыльнулся.— Только не надо мне говорить, что вам это не приходило в голову. Хороший распространитель отличается от других именно вниманием к деталям. Особенно к таким, какими интересоваться не принято. Расскажите своим слушателям что-нибудь постыдное, и они вас за это полюбят.— Он рассмеялся, и смех его оказался не менее музыкальным, чем голос.— Говорю это как человек, которого многие любили,— сказал он.

С этими словами посетитель ушел, а Уилл замер, уставившись на две десятки и не понимая, благодарить ему гостя или сжечь деньги в стоявшей на стойке пепельнице.

ii

Феба смотрела на лицо Мортонна на подушке и думала: «Он зарос, как еж». Волосы торчали из носа, из ошкетинившихся бровей, из-под подбородка, куда не достала бритва.

«Любила ли я его, когда у него не было этой щетины? — спрашивала себя Феба.— Любила ли я его вообще когда-нибудь?»

Мысли путались, что она отнесла на счет транквилизаторов, которые ей дали выпить часа два назад. Без них ей вряд ли удалось бы пережить все унижения и допросы без нервного срыва. Сначала она прошла медицинское освидетельствование (грудь в синяках, лицо распухло, но серьезных травм не обнаружили); потом сам Джек Джилхолли, шеф полиции Эвервилля, интересовался ее отношениями с Джо: кто он такой и зачем ей понадобился; потом из Силвертона, куда Фебу привезли в больницу, ее доставили обратно в квартиру, где подробно допросили о том, что произошло, где и как именно. Когда из нее вытряхнули все, что можно, ее снова отвезли в больницу, где она села возле кровати и замерла, размышляя над загадкой щетины Мортон.

Доктор сказал, что состояние раненого стабильное, но Феба знала то, чего не знал врач. Мортон курил, пил, слишком часто ел мясо и любил яичницу. Он был здоровенным, а не здоровым. Когда он болел гриппом — почти каждую зиму, — он терял силы и лежал не одну неделю. Но сейчас он должен выжить. Она ненавидела Мортон до последнего его волоска, но сейчас он должен выжить.

Около пяти явился Джилхолли и вызвал ее в коридор. Вся его семья (у Джеда было две дочери, девочки-подростки) лечилась у доктора Пауэлла, но если жена и дети не жаловались на здоровье, то у него самого нередко случались расстройства и — если Фебе не изменяла память — уже был первый звонок насчет простаты. Зная эти маленькие тайны, Феба меньше его боялась.

— У меня кое-какие новости, — сказал он. — Про вас-го... э-э... приятеля.

Его поймали, подумала она.

— Он уголовник, Феба.

Нет, кажется, еще не поймали.

— Года четыре назад в Кентукки он стрелял в человека и ранил его. Освобожден условно. Если вы знаете, где он...

Его *не* поймали, слава тебе господи.

— Если знаете, лучше скажите сейчас, потому что эта история может кончиться для него плохо.

— Я же рассказала,— ответила она.— Все начал Мортон.
— Мортон вот он, лежит здесь. Он мог умереть, Феба.
— Несчастный случай. Это я проткнула его вилкой, я, а не Джо. Если вам нужно арестовать кого-то, вы должны арестовать меня.

— Я видел, что он сделал с вами,— отозвался шериф, немного смутившись.— Так избить женщину... Значит, вот что мы имеем: побои, травма и...— Он посмотрел Фебе в глаза.— Человек, уже имевший неприятности с законом, человек, представляющий опасность для общества.

— Это просто смешно.

— Позвольте мне самому судить о том, что смешно, а что нет,— проговорил Джед.— Я еще раз спрашиваю: известно ли вам, где находится Фликер?

— А я еще раз отвечаю: неизвестно.

Джед кивнул, но она понимала, о чем он подумал.

— Я вам кое-что скажу, Феба. Кое-что такое, чего не стал бы говорить, если б не знал вас.

— Да?

— На самом деле все просто. Не знаю, что там у вас было с этим Фликером. Знаю, что Мортон — не самый хороший парень на свете, коли он так вас отделал, и это,— Джед покачал головой,— тоже преступление. Но я не имею права забывать о том, что ваш приятель опасен, и если придется выбирать между ним и моими людьми...

— Он никому не сделает ничего дурного.

— Феба, вот как раз об этом я вам и толкую. Этого я ему не позволю.

III

Без средств передвижения у Джо был небольшой выбор действий. Можно украсть машину, отъехать в лес, а когда стемнеет, вернуться за Фебой. Можно спрятаться и переждать в городе. Можно подняться в горы.

Он выбрал последнее. Угон машины — новое преступление, а город слишком маленький и слишком белый, чтобы

чернокожий мог незаметно появиться на улице. Он поднимется в горы, решил Джо. Там его никому не придет в голову искать.

Покидая квартиру, он взял с собой только самое необходимое: еду, куртку, чтобы не замерзнуть ночью, и — что в его состоянии самое важное — аптечку. Перед уходом он мельком осмотрел свои раны и понял, что кровью не истечет. Однако боль была страшная, и он с трудом добрался до ручья, где пришлось сделать привал. Никто, кроме рыб, не видел, как он сполз к воде и принялся осторожно обмывать покрытый синяками и запекшейся кровью живот. Процедура была долгая и невыносимая. Он едва удерживался от крика, когда ледяная вода касалась его истерзанного тела, и не раз делал перерыв, пережидая боль. В конце концов он не выдержал, достал из аптечки единственную оставшуюся пачку перкодана — последнюю из десяти, что ему назначил врач, когда у него была серьезная травма, — и проглотил две таблетки. От этого лекарства Джо приходил в состояние блаженного ступора, какое сейчас ему явно не пойдет на пользу. Но без обезболивания он не мог дальше и шагу шагнуть.

Как был, в спущенных до земли штанах и трусах, заскорузлых от запекшейся крови, Джо сел возле воды, ожидая, пока подействует лекарство. Дневная жара спала, но солнце еще не зашло и, пробиваясь сквозь папоротники, золотило быстрые волны. Он сидел и смотрел на них, пока боль не притихла. Если это и есть смерть, подумал он, — когда утихает боль, когда блаженно немеет тело, — не так уж она и плоха.

Прошло еще несколько минут, мысли его стали путаться, пальцы потеряли ловкость, и только тогда он продолжил промывать раны. За последние полчаса мошонка раздулась вдвое — местами лиловая, местами ярко-красная. Он осторожно ощупал яички, болевшие даже сквозь медикаментозную одурь: вроде бы все цело. Наверное, он даже сможет иметь детей. Кожа на члене лопнула в трех местах, где приземлился каблук Мортонга. Джо промыл его чистой речной водой и густо смазал антисептической мазью.

Один раз во время этой деликатной процедуры его накрыло волной дурноты — не столько от вида ран, сколько при воспоминании о том, как это было, — и ему снова пришлось сделать перерыв. Он стоял и смотрел на воду, пока дурнота не прошла. Он ждал, а мысли его блуждали далеко. Он прожил уже двадцать девять лет (через месяц ему исполнится тридцать), и ему нечего представить миру, кроме своих травм. Если он хочет прожить еще столько же, так дальше продолжаться не может. Его наказали достаточно, хватит на всю жизнь. Он больше не позволит обстоятельствам загонять себя в угол, он сам будет прокладывать свой курс. Он отпустит прошлое, не отрицая и не забывая: спокойно отдаст ему положенное место вместе со всей болью и унижением. В конце концов, Джо повезло, не так ли? Его нашла любовь. Любовь в облике женщины, которая сегодня готова была умереть за него. Мало кому так везет. Большинство людей довольствуются компромиссом — любви нет, но кто-то рядом есть, и это лучше, чем ничего. Феба совсем не такая.

Она не первая женщина, полюбившая его, и даже не первая, кому он ответил тем же. Но она стала первой, кого он боялся потерять. Первой, без кого — он точно знал — жизнь опустеет. Первой, кого он не перестанет любить, даже когда утихнет страсть, когда ей уже не захочется раздвигать перед ним колени, да ему это будет и не нужно.

Острая боль в паху вернула его к реальности. Он опустил глаза и обнаружил, что не все потеряно. Член его поднялся, когда Джо рисовал себе Фебу, и пришлось сконцентрироваться на подсчете летающих вокруг мошек, чтобы успокоиться. Потом Джо намазал раны мазью и перебинтовал как сумел. Пора уходить, прежде чем погоня доберется до ручья... и прежде чем кончится действие обезболивающего.

Он натянул штаны, закопал обертки бинтов и прочий мусор и прошел немного вверх по течению, пока не нашел узкое место, чтобы перепрыгнуть на другой берег. Там он скрылся среди деревьев и двинулся вверх по склону.

В шесть семнадцать, в то время как Феба стояла возле автомата и наливала себе кофе, Мортон открыл глаза. Когда она вернулась в палату, он нес что-то про то, как плыл в лодке и упал за борт:

— Я мог утонуть,— твердил он сиделке, вцепившись в одеяло, будто в спасательный круг.— Я мог... мог утонуть.

— Нет никакой лодки, мистер Кобб. Вы в больнице...

— В больнице? — переспросил он, оторвав голову от подушки на дюйм или два, хотя сиделка изо всех сил пыталась его удержать.— Но я плыл...

— Тебе приснилось, Мортон,— сказала Феба, подходя ближе.

При виде ее память о том, как он попал в больницу, вернулась к нему.

— Господи,— простонал он сквозь стиснутые зубы.— Господи боже.— Голова его снова упала на подушку.— Сука,— пробормотал он.— Проклятая сука.

— Успокойтесь, мистер Кобб,— сказала сиделка, но Мортон в приступе ярости вдруг сел на постели, отчего капельница отлетела в сторону.

— Я все *знал!* — заорал он, указывая пальцем на Фебу.

— Делай то, что тебе говорят, Мортон.

— Пожалуйста, подержите его руку, миссис Кобб,— обратилась к ней за помощью сиделка.

Феба отставила чашку и поспешила на помощь, отчего Мортон пришел в бешенство.

— Не тронь меня, сука гребаная! Не тро...

На полуслове он замолчал, издав слабый звук, как будто тихо икнул. Вся злоба мгновенно иссякла — руки бессильно упали по сторонам, лицо обмякло и побледнело,— и сиделка, не сумев удержать, уложила его на подушку. Потом она побежала за помощью, а Мортон опять стал задыхаться и биться в конвульсиях, еще более жутких, чем раньше.

Феба не могла просто стоять и смотреть на это.

— Все в порядке,— проговорила она, вернувшись к кровати, и положила ладонь на его холодный лоб.— Мортон, послушай меня. Все в порядке.

Белки глаз за закрытыми веками двигались. Он страшно хрипел.

— Держись, Мортон,— призвала Феба, потому что ему явно становилось хуже.— Потерпи.

Если он и разобрал ее слова, то не послушался. А когда он ее слушал? Он метался и бился в судорогах, пока телу хватало сил. Потом вдруг замер.

— Мортон,— прошептала она,— ты не посмеешь...

Возле постели уже стояли медсестры и врач, отдававший какие-то команды, но Феба ничего не замечала. Она видела перед собой только застывшее лицо Мортонна. Капли слюны, засохшей на подбородке, широко распахнутые глаза. Вид у него был почти такой же, как на пороге ванной,— вне себя от ярости. Эта ярость не утихла, даже когда море, приснившееся ему, сомкнуло волны над его головой.

Одна из сестер взяла Фебу за руку и осторожно повела прочь от кровати.

— Боюсь, у него не выдержало сердце,— пробормотала сестра, пытаясь ее утешить.

Но Феба лучше знала, что произошло. Этот дурак захлебнулся.

На исходе дня всегда наступал момент, когда город погружался в синие сумерки, а на горе солнце еще продолжало сиять во всей красе. Оттуда Эвервилль казался городом-призраком, притаившимся в тени горы. То, что минуту назад было прочным, становилось почти бесплотным. Люди вдруг переставали узнавать собственных соседей; дети, которым было прекрасно известно, что никто не прячется за оградой и не ползет за мусорными баками, начинали в том сомневаться.

В этот последний час перед закатом, пока еще не включились уличные фонари и светильники над дверями домов, все становилось ненадежным. В городе, погруженном в сомнения, призрачные души бродили по призрачным улицам и думали, что вся жизнь — это короткий сон, способный погаснуть, как пламя свечи, от первого порыва ветра.

Сет Ланди любил этот час больше всего. Больше, чем полночь или тот промежуток перед рассветом, когда луна уже села, а там, где вот-вот должно взойти солнце, на небе пробивалась серенькая полоска. Этот час был для него лучшим.

Сет стоял на городской площади, глядя, как на вершине горы гаснет последний отблеск света, и слушал звон молоточков — в такое ненадежное время он всегда слышался громко. Вдруг из сумерек вынырнул человек, понравившийся Сету с первого взгляда. Он подошел к Ланди и спросил:

— Что ты слышишь?

Раньше подобный вопрос Сету задавали лишь врачи. Но этот человек не был врачом.

— Мне слышно, как ангелы стучат молоточками по той стороне неба,— сказал он. Почему бы не ответить честно?

— Меня зовут Оуэн Будденбаум,— представился человек, подойдя ближе, и Сет уловил в его дыхании запах бренди.— Нельзя ли узнать, как зовут тебя?

— Сет Ланди.

Оуэн Будденбаум подошел еще ближе. А потом, пока город в сомнении замер вокруг них, поцеловал Сета в губы. Никто никогда раньше не целовал Сета, но он всем сердцем, всем нутром, всей душой почувствовал правильность этого поцелуя.

— Послушаем молоточки вместе? — спросил Оуэн Будденбаум.— Или пойдем и сами постучим?

— Сами постучим,— еле слышно отозвался Сет.

— Прекрасно,— кивнул Будденбаум.— Сами так сами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОСУДЫ

| .
i

Несмотря на поздний звонок Грилло и возню с Люсьеном, Тесла проснулась рано — достаточно рано, чтобы послушать пение птиц, пока его не заглушил шум движения на Мелроуз и Санта-Монике. В кухне на полках было пусто, так что она отправилась в кафе на первом этаже Центра здоровья на Санта-Монике, открывавшееся на радость местным мазохистам в пять утра. Там она купила для себя и для гостя кофе, фруктов и горячих булочек с отрубями.

— *Не хочу, чтобы ты с ним трахалась,* — напомнил Рауль, когда она возвращалась к себе в квартиру. — *Мы договорились: пока мы вместе, никакого секса.*

— *Может быть, Рауль, мы теперь до смерти вместе,* — ответила Тесла, — *и, черт меня подери, я не собираюсь все время жить монахиней. Тем более что времени у меня, возможно, почти не осталось.*

— *Надо же, какие у нас сегодня грустные мысли.*

— *Слушай, ведь обезьяны любят секс. В зоопарке они только сексом и занимаются.*

— *Пошла ты на хрен, Бомбек.*

— *Вот спасибо, именно это мне и нужно. А ты недоволен. Значит, не станешь возражать, если я займусь самоудовлетворением?*

— *Без комментариев.*

— Я решила переспать с Люсьеном, Рауль. Так что привыкай к этой мысли заранее.

— *Шлюха.*

— Обезьяна.

Когда она вошла в квартиру, Люсьен уже успел принять душ и сидел на солнышке на балконе. В шкафу он нашел себе кое-что из старых вещей Теслы: латаные джинсы года этак шестьдесят восьмого и кожаный жилет, который сидел на нем лучше, чем в свое время на Тесле.

«Ах, молодость, молодость»,— подумала она, глядя, как легко он оправился после ночных излишеств.

Румяный и улыбающийся, он поднялся, чтобы помочь ей разобрать пакет, и позавтракал с завидным аппетитом.

— Я чувствую себя дураком после вчерашнего,— сказал он.— Никогда меня не рвало. Впрочем, я и водки никогда не пил.— Он бросил на нее косой взгляд.— Ты учишь меня плохому. Кейт говорит: если хочешь, чтобы твое тело стало сосудом для Бесконечного, нужно держать его в чистоте.

— Ну и слова. Сосуд для Бесконечного. Что *именно* это значит?

— Ну... это значит... понимаешь, мы сделаны из того же материала, из чего и звезды. Ну и... Нужно только открыть душу... И Бесконечное... Ну, ты понимаешь. Все соединяется в одно, и поток льется через нас.

— «Прошлое, будущее и миг сна между ними — составляют единый мир, живущий одним бесконечным днем».

Люсьен оторопел.

— Откуда это? — спросил он про цитату.

— Никогда не слышал? Мне это сказал...— Тесла замолчала, припоминая.— То ли Флетчер, то ли Киссун.

— Кто такой Киссун? — спросил Люсьен.

— Я не хочу о нем говорить,— ответила она.

В жизни у Теслы имелось немного воспоминаний, которые она старалась *не ворошить*, и Киссун, несомненно, был одним из них.

— Расскажи про него, когда будешь в настроении,— попросил Люсьен.— Хочу знать все, что знаешь ты.

— Ты будешь разочарован.

Он накрыл ее руку своей.

— Пожалуйста. Я серьезно.

Она услышала, как обезьяна у нее в мозгах издала звук, изображающий рвоту, и не смогла удержать улыбки.

— Что тут смешного? — удивился Люсьен, несколько уязвленный.

— Ничего,— сказала она.— Не будь таким обидчивым. Терпеть не могу обидчивых мужчин.

ii

В семь тридцать они покинули дом и долго ехали на север вдоль побережья. То ли Тесла, то ли Рауль, то ли оба совместными усилиями выработали фантастическую способность чувствовать полицейских, и там, где им не грозила встреча со стражами порядка, Тесла выжимала сто и сто десять. К вечеру в среду они пересекли границу штата, а около десяти решили, что на сегодня хватит. Остановились в мотеле — одна комната, одна кровать. Что это означает, было ясно.

Люсьен отправился за едой, а Тесла позвонила Грилло. Грилло звонку обрадовался. Разговор с Хови не получился, пожаловался он и сказал, что ей, возможно, стоит тоже позвонить Катцам — подтвердить, что дело и впрямь серьезное.

— А куда, черт возьми, подевался Д'Амур? — поинтересовалась Тесла.— Мне казалось, присматривать за ними должен он.

— Хочешь знать мое мнение? — сказал Грилло.

— Ну?

— Его больше нет.

— Что?

— Он напал на какой-то серьезный след. Он не говорил, в чем дело. А потом просто не вышел на связь.

Эта новость поразила Теслу. Дружеских отношений с Д'Амуром у нее не было, после Гроува они виделись только раз, когда пути странствий привели Теслу в Нью-Йорк. Но он прикрывал тылы, будучи знатоком эзотерики, и Тесла привыкла к тому, что он присутствует в жизни. Теперь оказалось, что прикрытия нет. И если проиграл Д'Амур, который вел свою войну пятнадцать лет, который имел все средства защиты (включая несколько татуировок), то на что надеяться Тесле? Не на что.

Люсьен, слава богу, не принял всерьез ее слова насчет обидчивости. Едва увидев лицо Теслы, он сразу понял: что-то случилось. Он осторожно спросил, в чем дело, и она ответила. Он принялся ее успокаивать, но она ясно дала понять, что слова ей не нужны, так что он коснулся ее раз-другой, потом поцеловал, а вскоре они оказались в постели. Люсьен предупредил, что опыт у него небольшой и ей не стоит рассчитывать на многое.

Тесле понравилась такая скромность, к тому же, как выяснилось, излишняя. Отсутствие широты кругозора компенсировалось глубиной исполнения. С таким азартом она не занималась любовью, наверное, лет двадцать — еще с колледжа. Кровать под ними скрипела, и спинка мерно ударялась о стену, углубляя вмятину, оставленную здесь теми, кто занимался любовью до них.

Поначалу Рауль промолчал. Даже не пискнул. Но когда они, подкрепившись холодной пиццей, пошли по новой, Рауль воспротивился:

— *Он не будет больше этого делать.*

— *Пусть делает хоть всю ночь,*— ответила она, — *если сил хватит.*— Она потрогала Люсьена, погладила и направила в себя.— *Похоже, хватит.*

— *Господи,*— простонал Рауль, — *как ты можешь? Довольно. Сейчас же.*

— *Заткнись.*

— *Хотя бы глаза закрой,*— попросил Рауль.

Но ей стало любопытно.

— *Смотри,*— ответила она и приподнялась.— *Смотри, как сейчас мы двинемся навстречу...*

— *Черт...*

— *Сойдемся, как дороги на перекрестке.*

— *Да ты спятила!*

Она поглядела в лицо Люсьену. Глаза у него были полузакрыты, брови сдвинуты.

— Ты... в порядке? — выдохнул он.

— В полном,— сказала она.

Обезьяна у нее в голове продолжала вопить, выкрикивая слово за словом в такт движениям Люсьена:

— *Он... будто... заколачивает... гвозди... Не могу... больше...*

Тут она почувствовала, как его воля пересекает границу, которую они установили, оказавшись в одном теле. Это было больно, и она застонала от боли, а Люсьен принял это за стон наслаждения. Его объятия стали еще крепче, движения сильнее.

— О да! — восклицал он.— Да! Да! Да!

— *Нет!* — завизжал Рауль и, прежде чем Тесла успела сообразить, что происходит, захватил полный контроль над телом.

Ее руки, томно-расслабленные, вдруг взметнулись с подушки и вцепились ногтями в голую спину Люсьена. Тот отодвинулся, потрясенный. Из горла у нее вырвался звериный вопль — она не подозревала, что способна издать его,— а ноги обхватили Люсьена и сбросили на пол. Все произошло так быстро, что Тесла осознала случившееся, лишь когда Люсьен уже лежал на полу возле кровати.

— Какого черта? Что с тобой? — спросил он, снова обретя дар речи.

Довольная обезьяна немного сдала позиции, и Тесла смогла ответить:

— Это... не я.

— В каком смысле не ты?

— Честное слово,— проговорила она, поднимаясь с постели.

Но Люсьен не подпустил ее к себе. Он мгновенно вскочил на ноги и отпрыгнул к стулу, где валялась его одежда.

— Погоди,— сказала она, не делая попыток приблизиться.— Я все объясню.

— Слушаю,— отозвался он, глядя на нее с опаской.

— Здесь не только я,— начала она, понимая, что объяснить все почти невозможно.— В моем теле есть еще кое-кто.— По крайней мере, подумала она, принцип он понять должен. Не сам ли он утром толковал о сосудах? — Его зовут Рауль.

Люсьен посмотрел на нее так, будто она заговорила на другом языке.

— О чем ты? — произнес он с явным сарказмом.

— О том, что во мне поселилась духовная оболочка человека по имени Рауль. Он сидит у меня в мозгу уже пять лет. И он не желает, чтобы мы делали то, что делали.

— Почему?

— Ну... А почему бы ему самому не объяснить.

— *Что?* — услышала она голос Рауля.

— Давай,— сказала она вслух,— ты это устроил. Вот и объясняй.

— *Не могу.*

— Ты мне кое-чем обязан, не так ли?

Люсьен, слышавший только часть перепалки, смотрел на нее с откровенным недоверием. Она расслабила мышцы и ждала.

— *Только что ты болтал очень бойко, черт тебя подери,*— мысленно сказала она Раулю.

Не успела она договорить, как рот ее задвигался сам собой, и из него послышались сначала звуки, потом слова. Люсьен наблюдал за этим представлением с каменным лицом. Она подозревала, что он счел ее сумасшедшей, но у нее не было способа его разубедить, пока действие не закончится.

— Все ее слова,— заговорил Рауль, окончательно овладев голосом Теслы,— правда. Я духовная сущность человека, который... чьим телом завладел великий злодей по имени Киссун.

Она не думала, что он станет рассказывать Люсьену ту историю, и от неожиданности гнев вспыхнул в ней с новой

силой. Обычно они не касались этой темы. Все, что относилось к Киссуну, причиняло боль им обоим. Но насколько же это труднее для него, потерявшего из-за фокусов колдуна свое тело?

— Тесла... оказала... мне... огромную услугу,— продолжал он, запинаясь.— Такую услугу... что я... всегда буду... ей благодарен.

Он облизнул губы. Он нервничал, и во рту у нее пересохло.

— Но ты... ты занимался этим... с ней, а ведь я мужчина...— Он затряс головой.— Не могу...

Когда Рауль заговорил, Люсьен инстинктивно прикрылся рукой.

— Я уверен, что ты хотел доставить ей удовольствие.— Рауль помолчал.— Но то, что доставляет удовольствие Тесле, невыносимо для меня. Понимаешь?

Люсьен промолчал.

— Я хочу, чтобы ты понял,— продолжал Рауль.— Хочу, чтобы ты не принимал на свой счет. Ты ни при чем. Честно.

При этих словах Люсьен подобрал с пола белье и начал одеваться.

— Вот и все, что я могу сказать,— заключил Рауль.— Я оставляю вас, чтобы...

Тесла вклинилась в разговор, не дав Раулю закончить фразу.

— Люсьен! — обратилась она к юноше.— Что ты делаешь?

— Это кто из вас? — мрачно спросил он.

— Это я, Тесла.

Она поднялась с кровати, набросив на себя простыню, и присела перед ним на корточки. Люсьен продолжал одеваться.

— Я понимаю, наверное, раньше тебе не приходилось слышать ничего подобного...

— Ты права.

— А как насчет Кейт и Фредерики?

— С Кейт я не трахался. С Фредерикой тоже.— Голос у него дрожал.— Почему ты меня не предупредила?

— Я не думала, что нужно.

— Я занимаюсь этим с мужиком... А ты «не думала, что нужно»?

— погоди. Значит, дело в этом? — Она выпрямилась и посмотрела на него снизу вверх.— Где же твоя любовь к приключениям?

— Наверное, вся вышла.— Он натягивал ее старые джинсы.

— Ты уходишь?

— Ухожу.

— Куда?

— Не знаю. Поймаю попутку.

— Послушай, останься хотя бы до утра. Мы ничего не будем делать.

Она услышала в своем голосе отчаяние и выругала себя. Что такое? Один раз трахнулись, и ей уже не дожить одной до утра?

— Ладно,— согласилась она.— Если ты хочешь уехать, иди лови попутку. Ты ведешь себя как подросток, но это твои проблемы.

Она удалилась в ванную и включила душ, напевая как будто себе под нос, но достаточно громко, чтобы он понял: ей нет до него дела.

Через десять минут, когда она вышла, его не было. Мокрая после душа, она села на край кровати и окликнула Рауля:

— Вот мы опять вдвоем.

— *Ты справилась лучше, чем я думал.*

— Если через несколько дней мы еще будем живы,— сказала она,— мы разделимся. Понял?

— *Понял.*

Они замолчали, и Тесла подумала, что уже забыла, как жить одной.

— Тебе действительно было так плохо?

— *Омерзительно.*

— Ладно, зато теперь ты знаешь, от чего избавлен.

— *Так ослети меня.*

— Что?

— *Это Тиресий.*

Она все равно не поняла.

— *Ты что, не знаешь этой истории?*

В этом заключался один из парадоксов, который они обнаружили: бывшая обезьяна Рауль, получив образование от Флетчера, знал куда больше мифов, чем профессиональный литератор Тесла.

— Расскажи,— попросила она, откидываясь на подушку.

— *Сейчас?*

— Ты же оставил меня без развлечений.— Она закрыла глаза.— Давай рассказывай.

Не раз уже он рассказывал ей древние легенды. Про происхождения Афродиты, про странствия Одиссея и падение Трои. Но рассказ про Тересия как нельзя лучше подходил к их теперешнему положению. Вскоре Тесла уснула, и ей пришлось, что фиванский прорицатель Тиресий (если верить легенде, он побывал и мужчиной, и женщиной; однажды он заявил, что женщина получает в десять раз больше удовольствия, чем мужчина, и разгневанная богиня ослепила его за то, что он выдал эту тайну) ищет ее по «Америкам» и находит на развалинах Паломо-Гроува. Там они наконец занялись любовью, и земля приняла их в свои объятия.

||

i

Примерно в то самое время, когда в Орегоне, к югу от Сэлема, Тесла уснула в мотеле, Эрвин Тузейкер пришел в себя после странного сна на полу в собственной комнате. Кто-то разжег в камине огонь; краем глаза Эрвин увидел пляшущие языки пламени и обрадовался, потому что по неизвестной причине замерз, как никогда в жизни.

Он не сразу вспомнил, как попал домой. Кого-то он с собой привел, в этом он был уверен. Он привел Флетчера. Они ждали до сумерек... Кажется, так. Ждали в развалинах, пока не зажглись первые звезды, а потом вернулись пешком по боковым улицам, где почти никого не было. Машина его так и осталась стоять возле здания масонской ложи. Он смутно помнил, как Флетчер сказал, что ненавидит машины, но тут Эрвин сам себе не поверил, решив, что эта фраза ему приснилась. Как можно ненавидеть машины?

Эрвин попытался поднять голову, но его сразу же замутило, и он снова лег на пол. На это его движение из угла откликнулся чей-то голос. Флетчер был здесь, в комнате.

— Проснулся,— сказал он.

— Я, кажется, простудился,— пожаловался Эрвин.— Чувствую себя ужасно.

— Пройдет,— успокоил его Флетчер.— Лежи спокойно.

— Мне нужно воды. И аспирина. Моя голова...

— Не важно, что тебе нужно,— прервал его Флетчер.— Это тоже пройдет.

Несколько рассердившись, Эрвин все же чуть-чуть повернул голову, чтобы увидеть Флетчера, но взгляд его натолкнулся на обломки мебели — одного из четырех кресел в колониальном стиле, стоивших ему несколько тысяч. Эрвин простонал:

— Что случилось с моим креслом?

— Я его сжег,— ответил Флетчер.

Это было уже слишком. Проклиная себя за доверчивость, Эрвин с трудом сел и обнаружил, что прочие кресла тоже разбиты в щепки, а вся комната — он содержал ее в том же порядке, что и свой архив,— совершенно разгромлена. Со стен исчезли гравюры, на полу валялись птичьи чучела из его коллекции, сброшенные с полок.

— Что произошло? — спросил он.— Ограбление?

— Это твоя работа, не моя,— ответил Флетчер.

— Не может быть.

Эрвин поискал гостя глазами и увидел, что Флетчер сидит в уцелевшем кресле спиной к хозяину. Гость смотрел в окно. За окном было темно.

— Поверь, это ты,— проговорил Флетчер.— Нужно быть хоть немного уступчивее.

— О чем вы? — не понял Эрвин. Он рассердился, отчего голова у него разболелась еще больше.

— Ляг и лежи,— велел гость.— Сейчас все пройдет.

— Прекратите повторять одно и то же! — воскликнул Эрвин.— Я требую объяснений, черт побери!

— Объяснений? — переспросил Флетчер.— О, это всегда непросто.— Он отвернулся от окна; Эрвин не понял, как это вышло, но кресло каким-то образом повернулось вместе с гостем. При свете огня Флетчер выглядел лучше. Кожа казалась здоровее, чем прежде, глаза ярче.— Я уже сказал, что пришел сюда с определенной целью.

Эту часть их беседы Эрвин вспомнил легче, чем все остальное.

— Вы пришли спасти меня от банальности,— сказал он.

— И как, по-твоему, я сделаю это?

— Не знаю, и сейчас мне не до этого.

— А до чего? — спросил Флетчер. — До твоей мебели? Поздновато. До твоих безделушек? Тоже поздновато. Боюсь...

Эрвину не нравился этот разговор, совсем не нравился. Он дотянулся до каминной полки, ухватился за край и попытался встать.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Флетчер.

— Хочу найти лекарства, — ответил Эрвин. Было бы глупо говорить, что он собирается вызвать полицию, ни к чему только раздражать гостя. — Вам что-нибудь нужно? — вежливо добавил он.

— Например?

— Например, что-нибудь поесть или попить. У меня есть сок, содовая...

Ноги у него подкашивались, но до двери было несколько шагов. Эрвин шагнул к ней.

— Мне ничего не нужно, — отозвался Флетчер. — У меня здесь все есть.

Эрвин взялся за ручку, почти не слушая Флетчера. Он хотел выйти отсюда, выйти из дома, пусть ему даже придется дрожать от холода до приезда полиции.

Когда пальцы его сомкнулись на ручке, огонь, так удачно преобразивший Флетчера, осветил руку Эрвина. Выглядела она, мягко говоря, неважно. Кожа на запястье провисла, будто сухожилие под ней вдруг усохло. Он отодвинул рукав рубашки и едва не закричал. Неудивительно, что он чувствовал слабость. Рука будто лишилась мышц: от пальцев до локтя остались буквально только кожа и кости.

Только теперь до него дошел смысл последней фразы Флетчера.

«Мне ничего не нужно...»

— Господи, нет! — простонал Эрвин и попытался открыть дверь. Она, конечно, была заперта, и ключ исчез.

«У меня здесь все есть».

Он закричал и стал биться о дверь всем своим весом. Когда крик захлебнулся, потому что в легких закончился воздух, Эрвин услышал за спиной шорох и, оглянувшись, увидел

Флетчера, двигавшегося к нему, не покидая все того же колониального кресла. Тогда Эрвин повернулся лицом к своему учителю, прижавшись спиной к двери:

— Ты сказал, что пришел спасти меня.

— Разве твоя жизнь не банальна? — сказал Флетчер.— И разве смерть не спасет тебя от нее?

Эрвин открыл рот, чтобы сказать: нет, моя жизнь не банальна. У меня есть тайна, *настоящая* тайна.

Но он не успел сказать ни слова. Флетчер коснулся его руки, и Эрвин почувствовал, что жизнь уходит из него, словно радуясь возможности переместиться туда, где ею распорядятся более разумно.

Он заплакал — больше от злости на это дезертирство жизни, чем от страха. И пока Флетчер тянул из него силы, а они текли прочь, Эрвин плакал до тех пор, пока плакать стало уже некому.

II

Джо не собирался забираться высоко в горы. Он хотел переждать в лесу на склоне, пока улицы города не опустеют. Тогда он спустится и проберется к дому Фебы. Таков был его план. Но в какой-то момент вечером — по совершенно необъяснимой причине — ему вдруг захотелось немного пройтись. Он поддался этому желанию, и оно стало гнать его вверх в какой-то странной, непонятно с чего вдруг навалившейся истоме, до тех пор, пока Джо не вышел на открытое место. Вечер выдался прекрасный. Вид с горы открывался захватывающий: город, долина и, самое главное, дорога — та дорога, по которой они с Фебой уедут сегодня ночью. Потом он снова двинулся дальше через лес, который не редел, а становился все гуще, и порой ветки деревьев смыкались над головой, заслоняя звезды. Наркотический транс — побочный эффект перкодана — не проходил, хотя обезболивающее действие явно заканчивалось; но Джо карабкался вверх, не обращая внимания на боль. Транс изменял его ощущения, оттеняя их, как капля горечи, добавленная к сладкому.

Прошло еще немного времени — больше, чем он ожидал, — и деревья наконец расступились. Джо вышел на открытое место, огляделся и увидел, что зрелище того стоит: городок внизу походил на шкатулку с бриллиантами. Джо уселся на камень, чтобы полюбоваться видом. Зрение у него всегда было острое, и даже с такой высоты он заметил пешеходов на Мейн-стрит. Он подумал, что это туристы вышли полюбоваться ночным Эвервиллем.

Тут он вдруг почувствовал, как что-то тянет его, мешая спокойному течению мыслей. Сам не понимая зачем, он повернулся к вершине. Встал на ноги, пригляделся. Или зрение его все же обманывало, или там на самом деле мерцал свет, то разгораясь, то угасая. Джо какое-то время смотрел на него, а потом зашагал туда, словно замороженный, не отрывая глаз.

Источника сияния он не видел (его скрывали скалы), но убедился в том, что свет реальный, а не обман зрения. Кроме света, на вершине было еще что-то. Джо расслышал звуки — настолько далекие, что он скорее почувствовал их, чем услышал: некий ритм, как будто очень далеко, в соседнем штате, кто-то бил в огромный барабан. И почти неразличимый звон, от которого рот Джо наполнился слюной.

До расселины между скалами оставалось не более пятидесяти ярдов, и Джо теперь смотрел только туда. Он направлялся прямо к расщелине, между ее зубцами. В паху невыносимо болело, боль пульсировала в такт ударам барабана, глаза слезились, рот был полон слюны.

Ощущения становились с каждым шагом отчетливее. Пульсирующая боль расплзлась по всему телу от макушки до пяток, и вскоре Джо казалось, что каждый его нерв начал вздрагивать в этом ритме. Слезы текли из глаз, в носоглотке выделялась слизь. Во рту скапливалась слюна. Но он продолжал идти, твердо вознамерившись разгадать загадку, а когда до скалы оставалось три шага, Джо обнаружил там еще нечто. В расселине, омываемой волнами света, кто-то лежал. Существо ростом со взрослого человека, но пропорциями больше напоминавшее эмбрион: чрезмерно большая голова и недоразвитые, слишком маленькие ручки, которыми он обнимал себя.

Джо обомлел и непременно обогнул бы это создание, если бы к источнику света вел другой путь. Но скалы были слишком отвесные, а нетерпение слишком велико, чтобы искать обходные пути, поэтому он направился дальше мимо лежавшего.

В тот же миг одна бессильная, недоразвитая ручка вдруг поднялась и схватила его за ногу.

Джо закричал и упал спиной на камни. Существо держало его крепко. Оно подняло свою уродливую голову, и даже сквозь пелену слез Джо увидел глаза создания: взгляд его отнюдь не казался взглядом умирающего. Взгляд был ясным и четким, как и голос, раздавшийся из безгубого рта.

— Меня зовут Ной,— сказала существо.— Ты пришел, чтобы вернуть меня домой?

iii

Феба оставалась в больнице до полуночи, пока не завершились все формальности, связанные со смертью Мортон. Снова появился Джилхолли — насколько поняла Феба, он пришел, как только ему сообщили новость.

— Дело осложняется,— сообщил он,— и для вас, и для вашего приятеля. Вы понимаете?

— Мортон умер от сердечного приступа,— сказала Феба.

— Подождем результатов вскрытия. А пока что я хочу, чтобы вы сразу же позвонили нам, если Фликер даст о себе знать. Вы меня поняли? — Он помахал пальцем у Фебы перед носом, на что при других обстоятельствах получил бы достойный ответ. Но сейчас, играя роль скорбящей жены, она должна была сдерживаться.

— Поняла,— ответила она спокойно.

Ее смиренный вид вроде бы убедил шерифа. Голос его немного смягчился.

— Ну зачем вы это сделали, Феба? — спросил он.— Я хочу сказать, вы же меня знаете. Я не расист, но если вам захотелось любви на стороне, почему вы выбрали черного?

— Почему каждый из нас что-то выбирает?

Она отвернулась, не рискнув посмотреть прямо в его сочувственное лицо, боясь, что не сумеет сдержаться и влепит пощечину.

Но он явно счел опущенный взгляд Фебы знаком раскаяния, потому что положил ей руку на плечо и шепнул:

— Я знаю, сейчас вам трудно в это поверить, но всегда есть свет в конце тоннеля.

— Неужели? — проговорила она.

— Можете мне поверить, — ответил он. — А сейчас идите домой и ложитесь спать. Поговорим утром.

«Утром меня здесь не будет, болван, — подумала она, выходя на улицу. — Утром я уже буду там, где ты меня никогда не найдешь. Рядом с тем, кого я люблю».

Конечно, спать она не легла, хотя у нее все болело. Сейчас нужно было собраться. Феба раскладывала вещи — что взять, а что выбросить, — по ходу дела наведываясь к холодильнику за куском пирога или сосиской, и посадила желтое пятно горчицы на ночную рубашку, в которой хотела показаться Джо. Потом, когда вещи были сложены, она быстро пролистала фотоальбомы, выбирая, что взять с собой. Снимок этого дома, когда они с Муртоном, сияющие и полные надежд, только въехали сюда. Парочку детских фотографий. Мама, папа, Мюррей и сама Феба — шести лет от роду, а все равно толстая.

Свадебные фотографии она всегда ненавидела, даже те, что без Муртона, но из сентиментальности общий снимок взяла, а вместе с ним еще и два других, сделанных на параде восемьдесят восьмого года, когда доктор Пауэлл вдруг решил оплатить собственную платформу, и она сама сшила себе потрясный костюм аптечного пузырька.

Когда она собрала вещи, рассмотрела фотографии, доела пирог и сосиски, было уже почти три часа, и она подумала: уж не поймал ли Джилхолли ее Джо? Но от такой мысли Феба отмахнулась. Если бы поймал, он бы уже позвонил и похвастался. Или позвонил бы сам Джо — сказать, что не придет и что нужно искать для него адвоката.

Нет, ее любимый по-прежнему на свободе; он просто еще не добрался до нее. Может быть, он хочет сначала зайти к себе, чтобы забрать кое-что из вещей, и ждет, пока улицы окончательно опустеют. Или отправился добывать машину, в которой они уедут, а потом бросят где-нибудь, чтобы сбить погоню со следа. Или почему-то замешкался — так случилось, когда она была рядом и у них было много времени.

К рассвету они уедут, и все будет хорошо. До восхода солнца оставалось два или три часа. Феба вышла на заднее крыльцо и стояла там, глядя в темноту деревьев, в ожидании Джо. Он придет. Рано или поздно, но он придет.

Ю

— Где твой дом? — спросил Джо у Ноя.

Тот, не ослабляя хватки, продолжая стискивать ногу Джо, поднял левую руку и показал на расщелину между скалами, откуда струился свет и слышался рокот барабана.

— Что там такое? — удивленно поинтересовался Джо.

— Ты действительно не знаешь?

— Не знаю.

— В десяти шагах отсюда берег Субстанции,— сказала странное существо.— А я слишком слаб, чтобы их пройти.

Джо опустился на корточки рядом с Ноем.

— Не так уж и слаб.— Он кое-как высвободил ногу из цепких пальцев Ноя.

— Я пытался трижды,— отозвался Ной.— Но на пороге слишком мощная энергия. От нее слепнут глаза. От нее трещат кости.

— А мои не треснут?

— Может быть. Может быть. Но послушай: на той стороне я влиятельный человек. Там я дам тебе все, чего тебе не хватает здесь.

— Чего мне не хватает? — пробормотал Джо. Список у него был длинный.— Значит, если я перенесу тебя через порог...— проговорил он, при этом думая: если бы не пришел к этим скалам, то остался бы лежать в лесу и истек кровью до смерти.— Что тогда?

— Если ты перенесешь меня, то получишь возможность отбросить все страхи этого мира, ибо на той стороне тебя ожидает власть, я тебе обещаю. Такая власть, что она покажется тебе безграничной, ибо у тебя не хватит желаний и амбиций, чтобы истощить ее.

Ной изъяснялся слишком сложно и причудливо, к тому же глаза Джо слезились, боль не отпускала, и потому он не до конца понял, что ему говорят. Но общий смысл был ясен. Нужно перенести это существо через порог, пройти с ним десять, двенадцать или двадцать шагов и получить награду.

Он оглянулся на свет, пытаясь рассмотреть какие-нибудь подробности, а его одурманенный опиатом мозг старался уяснить смысл происходящего.

— Там твой корабль, так? — шепотом спросил он.— Твой гребаный НЛО?

— Корабль?

— Господи.— Джо посмотрел на лежавшее перед ним существо в благоговейном страхе.— Вас там много?

— Конечно.

— Сколько?

— Не знаю. Я не был дома больше сотни лет.

— А на корабле...

— Почему ты спрашиваешь о корабле?

— Там! — Джо показал туда, откуда шел свет.— Что там такое? Как ты назвал — Субстанция?

— Субстанция — не корабль. Это море.

— Но ты прилетел на ней?

— Я приплыл по ней сюда. И напрасно.

— Почему?

— Потому что здесь я нашел лишь горе и одиночество. Я прибыл сюда в расцвете сил, а посмотри на меня теперь. Прошу тебя, во имя сострадания, перенеси меня через порог.— Лицо Ноя, пока он говорил, стало сочиться темной жидкостью, каплями повисавшей на носу и в углах рта.— Прости, если я погорячился,— добавил он.— Кто я, чтобы надеяться на спасение?..

Джо почувствовал жалость к существу. Он сочувствовал чужим страданиям.

— Я сделаю, что смогу,— сказал он.

— Ты добрый человек.

Джо обхватил тело Ноя.

— Чтобы ты знал,— сказал Джо,— я и сам не в лучшей форме. Сделаю, что смогу, но ничего не гарантирую. Обними меня рукой за шею. Да, вот так. Ну, вперед.

Он начал подниматься.

— А ты тяжелее, чем кажешься,— сказал Джо и пошатнулся, с трудом удержав равновесие. Потом он выпрямился.— Я хочу знать, с какой планеты ты явился,— сказал он, направляясь к порогу.

— С какой планеты?

— Ага. И в какой она галактике. Всю эту муть. Потому что, когда ты улетишь, мне поверят только в том случае, если я сообщу детали.

— Я тебя совершенно не понимаю.

— Я хочу знать...— начал Джо, но так и не договорил, потому что в этот миг он прошел расщелину и наконец увидел, что там.

Никакого межпланетного корабля — одно только небо, трещина в нем и свет, сияющий и ласкающий, будто любящий взгляд. Чувствуя его прикосновение, Джо забыл обо всем и хотел лишь одного: переступить порог, попасть туда во что бы то ни стало и увидеть солнце, лившее этот свет.

Ной у него на руках задрожал. Его хрупкие пальцы вцепились Джо в плечо.

— Видишь? — прошептал он.— Ты видишь?

Джо увидел. Другое небо и морской берег под ним. Шум волн показался знакомым, словно биение собственного сердца, и от пряного воздуха покатались слезы, как подношение.

— Субстанция,— выдохнул Ной.

«Господи,— подумал Джо,— как было бы здорово, если бы Феба стояла сейчас рядом со мной и видела это чудо».

Завороженный зрелищем, Джо не заметил, что земля под ногами изменилась; он обратил на это внимание, лишь оказавшись по щиколотку в жидкой грязи, которая перехлестывала через порог. Течение ее было мощным, и Джо оста-

новился, чтобы поудобнее перехватить тело Ноя. Они находились в двух шагах от порога, и выплеск энергии в этом месте был еще сильнее. Суставы трещали, к горлу подступала дурнота, кровь стучала в висках так, будто голова вот-вот лопнет и, если он не поторопится, сама улетит в сверкающий мир Субстанции.

Джо все понял, крепче прижал к себе Ноя и пошел дальше, согнувшись, будто против ветра. Первый шаг дался ему с трудом, второй еще труднее, третий — уже не шаг, а рывок. Выброс энергии заставил его крепко зажмуриться, но сквозь сомкнутые веки он видел не черноту, а синеву, бархатистую синеву, а сквозь гул бурлящей крови услышал где-то впереди голоса птиц, как алые росчерки на синем фоне.

— Я не знаю твоего имени,— прошептал кто-то совсем рядом,— но надеюсь, ты меня слышишь.

— Да,— сказал Джо, или ему показалось, что сказал.— Я слышу тебя.

— Тогда открой глаза,— произнес голос, и Джо понял, что это голос Ноя.— Иди.

— Куда? — спросил Джо. Ему велели открыть глаза, но синева была так прекрасна, что не хотелось лишаться этого зрелища.

— Мы идем в Ливерпуль,— ответил Ной.

— В Ливерпуль? — удивился Джо. В его представлении этот город был серым и прозаическим.— Мы прошли такой путь, чтобы попасть в *Ливерпуль*?

— Нам нужны корабли. Я уже вижу их.

— Какие корабли? — задал вопрос Джо, все еще не решаясь открыть глаза.

— Смотри сам.

Почему бы и нет, подумал Джо. Синева никуда не денется, стоит только закрыть глаза. И с этой мыслью он их открыл.

Наступила пятница, и кто не успел, то опоздал. Не успел пополнить кухонные запасы, или вымыть окна, или покрасить дверь, или подмести улицу, или подстричь собаку, или погладить белье, или заказать пироги — всё, теперь уже поздно. В город приехали люди, готовые тратить деньги и веселиться, так что, если кто-то чего-то не успел, лучше отложить это на потом.

— Я уверена,— объявила Дороти Баллард своему мужу, увидев заливавшее окна солнце,— это будет самый лучший праздник за много лет.

И все вокруг подтверждало ее слова. Когда чуть позже восьми Дороти села за руль и проехала по Мейн-стрит, людей там оказалось больше, чем днем в субботу, и лица почти сплошь незнакомые. Это были гости: они прибыли накануне в город, поселились в мотеле или в снятой квартире, а теперь вышли под эвервилльское гостеприимное солнце, чтобы начать день яичницей с ветчиной и куском местного пирога.

Приехав в торговую палату, Дороти сразу заглянула к Джеду Джилхолли — его контора располагалась напротив, через холл,— чтобы узнать новости о Фебе Кобб. Джилхолли еще не пришел, но за столом сидел, с номером «Трибьюн» и с картонкой молока, Нед Бэнтем — любимец Дороти из числа местных полицейских, помощник Джеда.

— Дотти, детка, похоже, у нас будет хороший уик-энд,— ухмыльнулся он.

Дороти не раз запрещала ему называть ее так, но он не обращал внимания и произносил свое «Дотти-детка» так мило, что она перестала протестовать.

— Ты уже арестовал Джо Фликера?

— Сначала найди его.

— Вы что же, еще не нашли?

— Дотти, если бы мы его нашли, то и арестовали бы,— отозвался Нед.— Не грусти. Поймаем.

— Как ты думаешь, он опасен?

— Спроси у Мортона Кобба,— сказал Нед.— Хотя уже поздновато.

— Что?

— А ты не знаешь? — удивился Нед.— Бедолага умер вчера вечером.

— О господи! — Дороти стало нехорошо.— Значит, у нас во время фестиваля будут искать убийцу?

— Пикантная приправа, правда?

— Это не шутки,— возразила Дороти.— Мы работали целый год...

— Да не беспокойся ты,— сказал Нед.— Фликер, наверное, уже в Айдахо.

— А как же *она*? — спросила Дороти. Она знала Фебу в лицо, но не была с ней знакома. Милая и симпатичная — вот и все, что она могла сказать об этой женщине.

— А что *она*?

— Ее арестуют или как?

— Джек послал Барни ночью присматривать за ее домом, на случай если Фликер вернется. Но он, конечно, не вернется. С чего бы?

Дороти промолчала, хотя ответ вертелся у нее на языке. С той стати, что у них любовь. Вот с какой.

— Значит, его не было?

Нед покачал головой. Дороти невольно испытала легкое злорадство, услышав, что любовник Фебы Кобб к ней не вер-

нулась. Не побоялась встречаться тайком — пусть теперь платит.

Нед немного развеял ее тревогу и пообещал предупредить, если охота на преступника вдруг начнется. Дороти ушла к себе в офис, утешаясь тем, что, даже если убийца еще не в Айдахо, он все равно достаточно далеко и не испортит городу праздник в ближайшие семьдесят два часа.

ii .

Он не пришел. С этой мыслью Феба проснулась. Она ждала его у задней двери до тех пор, пока дневные лучи не погасили звезды, а он не пришел.

Теперь она сидела в кухне над тарелкой с остатками оладьев, пыталась собраться с мыслями и понять, что делать дальше. Один голос в ее голове твердил: беги, беги сейчас же, пока можно. Если останешься, тебе придется разыгрывать безутешную вдову перед всем и каждым. Придется заниматься похоронами, придется собирать бумаги, чтобы получить страховку. И не забудь про Джилхолли. Он вернется со своими вопросами.

Но другой голос был громче, и он не соглашался. Он говорил: если ты сейчас уедешь, он никогда тебя не найдет. Может быть, он заблудился ночью; может, Мортон избил его сильнее, чем казалось, и теперь Джо лежит где-то, истекая кровью.

Этот голос говорил, что дело сводится к одному: веришь ли ты ему настолько, чтобы ждать его возвращения? Если нет — беги. Если да — сделай соответствующее лицо и потерпи.

Все очень просто, и решение тоже простое. Само собой, она ему верит. Само собой.

Чтобы стряхнуть остатки сна, Феба сварила очень крепкий кофе, приняла холодный душ, уложила волосы и оделась. В восемь сорок пять, когда она уже собралась выйти и поехать на работу, зазвонил телефон. Сердце у нее заколотило

лось, она бросилась назад и схватила трубку, но... оттуда раздался опостылевший голос Джилхолли.

— Всего лишь хотел убедиться, что вы на месте,— сказал Джд.

— Я собираюсь на работу,— ответила Феба.— Если это все, что вам было нужно, то мне пора.

— Значит, я знаю, где вас найти.

— Да, знаете.

— Ваш приятель ночью так и не пришел.

Она уже хотела подтвердить, что да, не пришел, как вдруг до нее дошло: это вовсе не вопрос. Он и сам уже знал, что Джо не пришел. Значит, кто-то из полицейских всю ночь дежурил возле ее дома, а Джо, скорее всего, заметил его и скрылся, иначе бы его сцапали. Все это промелькнуло у Фебы в голове в одно мгновение, но шериф успел заметить повисшую паузу.

— Вы тут? — спросил Джилхолли.

Она порадовалась, что разговор идет по телефону: ей пришлось прятать невольную улыбку.

— Да,— сказала Феба, изо всех сил стараясь, чтобы он не услышал радости в ее голосе.— Я тут.

— Если он попытается встретиться с вами...

— Знаю, знаю. Я вам позвоню, Джд. Обещаю.

— Не зовите меня «Джд», миссис Кобб,— засопел он.— У нас деловые отношения. Давайте договоримся.

С этими словами он отключился. Феба опустила трубку и присела на ступеньку. Ее трясло. Потом слезы счастья и облегчения вдруг хлынули градом, и прошло минут десять, прежде чем она взяла себя в руки и пошла в ванную умываться.

iii

Несмотря на бурную ночь, Будденбаум проснулся, как всегда, за несколько минут до восхода солнца. Внутренние часы его были отлажены безукоризненно, так что за последние лет восемьдесят он ни разу не проспал рассвета. В конце концов, работа его требовала некоторой доли поэзии, а он

не знал драмы более романтической, чем та, что каждое утро разыгрывается на горизонте. Сегодня победа света над тьмой приобретала особенное значение, поскольку солнцу предстояло осветить события, которые, как надеялся Будденбаум, войдут в историю.

Полтора столетия прошло с тех пор, как зароненное им зерно упало в землю и поднялся Эвервилль; полтора столетия провел он в непрерывных странствиях и в неустанной надежде. Годы разочарований и одиночества, когда он, всюду чужой и никому не нужный, бесконечно колесил с места на место, из штата в штат. Разумеется, в его положении имелись свои преимущества: например, ему не приходилось лицезреть преступления, горести и печали, быстро изъязвлявшие мечты переселенцев об Эдеме. Даже такой городок, как Эвервилль, мало походил на чистые видения тех пионеров, что двинулись на Запад из местечка Индепенденс в штате Миссури. Родившиеся в невежестве, вскормленные отчаянием, мечты эти были нелепыми и хрупкими, однако они трогали Будденбаума. И трогают до сих пор.

У тех суровых людей имелось нечто такое, за что они могли умереть, и это был великий дар, и они были благословенны более, чем их внуки, такого дара лишённые. С точки зрения Оуэна Будденбаума, нынешние мужчины и женщины — строители домов в предместьях и основатели фондов — напрочь лишены поэзии и слишком далеки от притягательной и ужасающей в своей святости сущности вещей.

Разумеется, встречались и исключения. Вроде вот этого мальчишки, что сейчас спал рядом с Будденбаумом. Он и Мэв О'Коннел очень хорошо поняли бы друг друга, подумал Оуэн. Много лет не дававший воли чувствам, Будденбаум нашел его здесь, в незнакомом городе, всего через несколько часов. Молодые люди, способные видеть невидимое, слышать молоточки в небе или понимать небесную речь, встречались повсюду. Но, к сожалению, большинство из них искали себе прибежище в наркотиках, особенно в больших городах. Будденбаум не раз встречал их в переулках, где они, поглядывая одним глазом в небеса, торговали наркотиками, а он отво-

дил их в такие вот комнаты (сколько же их было, десятки или тысячи?), где они отдавали свои видения за содомию.

— Оуэн?

Волосы парня раскинулись на подушке, будто плыли в воде.

— С добрым утром,— отозвался Оуэн.

— Ты еще ляжешь?

— Который час?

— Около семи,— ответил Сет.— Вставать еще рано.

Он потянулся, съехав к изножью кровати.

Оуэн смотрел на колечки волос под мышками у мальчика и дивился неисповедимым путям желания.

— Мне сегодня нужно кое-что выяснить,— сказал он.— Хочешь поучаствовать?

— Смотря что ты хочешь выяснить,— заметил Сет, бесстыдно ощупывая себя под простыней.

Оуэн улыбнулся, подошел и сел рядом с ним на кровать. За одну ночь этот юноша превратился из бродяжки в кокетку. Он приподнял коленями простыню — достаточно высоко, чтобы Оуэн увидел его анус.

— Думаю, на часок можно еще задержаться,— решил Будденбаум и распустил пояс халата, показывая парню, на что он напрашивается.

Сет вспыхнул — лицо, шея, грудь покраснели за две секунды.

— Ты мне приснился,— сказал он.

— Лжец.

— Нет, правда.

Простыня по-прежнему прикрывала поднятые колени юноши. Оуэн и не подумал снять ее, но лишь склонился над Сетом.

— Расскажи,— потребовал он.

— Что рассказать?

— Что тебе приснилось.— Сет немного смутился.— Ну давай, не то я уйду.

— Ну,— начал Сет.— Снилось... Бог ты мой, звучит так глупо...

— Выкладывай.

— Снилось, что вот это,— он показал под халат Оуэна,— тоже молоток.

— Молоток?

— Ага. Как будто он отдельно от тебя, и я беру его в руку и вижу, что это молоток.

Образ был странный, но, учитывая их ночной разговор, вполне логичный. Однако этим странности не исчерпывались.

— Я его взял и начал строить дом.

— Сейчас выдумал?

— Нет. Честное слово. Я стоял на крыше... Там был только каркас, но дом большой, где-то высоко в горах, а гвозди торчали из крыши, будто огненные шипы. И этот твой молоток,— Сет сел в постели и попытался коснуться того, о чем говорил,— сам забивал гвозди. Помогал мне строить мой дом.— Он заглянул в лицо Оуэну и пожал плечами.— Я же сказал, глупость ужасная.

— А где я сам-то был? — поинтересовался Оуэн.

— Не помню,— ответил Сет.

— Фу.

— Не злись.

— Я не злюсь.

— Просто дурацкий сон. Я вчера слишком много думал о молоточках и... Может, потом поговорим? — Он потянулся рукой под халат Оуэна, потерявшего боевую готовность, пока они все это обсуждали, и попытался привести его в прежнее состояние. Но, к разочарованию Сета, ему это не удалось.

— У нас еще будет время днем,— утешил его Оуэн.

— Ладно,— отозвался Сет, откинувшись на подушки и сбросив с себя простыню.— Не хотелось уходить просто так.

Оуэн смотрел на его почти безволосый пах в легком смущении. Смущало его не то, что он видел — юноша был прекрасно оснащен,— но мысль о том, что частью его тела, и довольно важной, забивали гвозди, а сам он при этом находился неизвестно где.

Сны по большей части безобидны. Всего лишь воздушные пузырьки, всплывающие наверх из глубин спящего со-

знания. Но иногда, пусть и редко, они несут в себе знак того, что принадлежность к Искусству — не пустое обещание, что человеческий разум в состоянии постичь прошлое, настоящее и будущее в один единый миг вечности. Оуэн не думал, что сон Сета про дом и молоток из разряда таких снов; но было здесь нечто, отчего ладони вспотели, а волосы на затылке зашевелились.

— О чем ты думаешь?

Сет смотрел на него, и на его длинном бледном лице отражалась тревога.

— О перекрестках,— сказал Оуэн.

— При чем тут перекрестки?

— При том, что именно туда мы и пойдём.— Он поднялся с постели и направился в ванную, к унитазу.— Мне нужен первый городской перекресток.

— Зачем? — заинтересовался Сет.

Оуэн презирал ложь, да и какой смысл лгать? Мальчишка все равно не поймет.

— Затем, что мой путь заканчивается там, где встречаются дороги,— сказал он.

— Что это значит?

— Это значит... Что мне нельзя долго здесь оставаться,— произнес он громко уже из ванной.— Но, по крайней мере, можно повеселиться.

Мальчишка опустил глаза.

— А что я буду делать, когда ты уедешь? — тихо спросил он.

Оуэн на минуту задумался. Потом сказал:

— Может быть, начнешь строить дом?

10

i

Севернее Сэлема Тесла потеряла шоссе, проехав тридцать пять миль на Уилламин, прежде чем поняла ошибку и развернулась. К тому времени, когда она въезжала в Эвервилль, было уже начало второго, и она, злая и голодная, минут десять искала, где перекусить, пока случайно не увидела ресторанчик Китти. Там было полно народу, и ее вежливо попросили подождать минут десять.

— Без проблем,— сказала она и вышла на солнышко.

Там было на что посмотреть. Ресторанчик располагался на углу Мейн-стрит, на пересечении двух главных улиц. По обеим двигался почти непрерывный поток людей и машин.

«Оживленное местечко»,— подумала она.

— *Здесь проходит какой-то фестиваль*,— отозвался Рауль.

— *Откуда ты знаешь?*

— *Написано прямо у тебя перед носом.*

— *Где, черт побери?* — Тесла осмотрела все четыре угла перекрестка.

— *В двух шагах над головой*,— сказал Рауль.

Тесла подняла голову. В трех футах над землей был растянут плакат с надписью синими буквами: «Добро пожаловать на Эвервилльский фестиваль выходного дня!»

«Как же я его не заметила?» — подумала Тесла, изумленная (впрочем, как и всегда) тем, что Рауль, глядя на мир ее глазами, видит то, чего не видит она.

— Ты слишком сосредоточилась на желудке,— отозвался Рауль.

Она проигнорировала это замечание.

— Это не случайно,— сказала она.

— Что не случайно?

— То, что мы попали сюда именно в дни фестиваля. Здесь есть определенная синхронность.

— Тебе виднее.

Она какое-то время молча смотрела на поток машин. Потом спросила:

— Ты ничего не чувствуешь?

— Например?

— Не знаю. Ничего необычного?

— Я что тебе, охотничий пес?

— Ладно,— сказала она,— проехали.

Они замолчали оба. Потом, очень тихо, Рауль сказал:

— Посмотри выше, над плакатом.

Она посмотрела выше — выше плаката с синими буквами, выше домов.

— Гора? — спросила она.

— Да...

— Что там не так?

— Не знаю,— ответил он.— Но что-то не так.

Она посмотрела внимательнее. Вершину было плохо видно, ее окружала дымка.

— Потом,— сказала Тесла.— Я слишком голодная, ничего в голову не лезет.

Она оглянулась на закусочную. Двое посетителей как раз поднялись и болтали с официанткой.

— Примерно десять минут и есть,— буркнула себе под нос Тесла и направилась внутрь.

— Вы одна? — спросила официантка, проводив ее к освободившемуся столику и положив меню.— У нас все вкусно, но куриная печенка сегодня просто отличная. И кобблер с персиком.

Тесла смотрела, как та лавирует между столиков — там словечко скажет, там улыбнется.

— *Счастливая, бесхитростная душа,*— сухо заметил Рауль.

— *Похоже, у них тут Иисус за шеф-повара,*— ответила Тесла, глядя на простой деревянный крест, прибитый над стойкой.

— *Тогда лучше закажи рыбу,*— посоветовал Рауль, и Тесла громко прыснула.

Несколько посетителей оглянулись в ее сторону, но никому из них не показалось странным, что женщина, сидящая в одиночестве, засмеялась.

— Что вас рассмешило? — спросила подоспевшая официантка.

— Так, вспомнила кое-что,— промолвила Тесла и заказала рыбу.

ii

Эрвин никак не мог вспомнить, что произошло, пока он был дома. Помнил только, что ему страшно хотелось уйти.

В полном смятении стоял он перед закрытой входной дверью, точно зная, что должен был взять какую-то вещь, прежде чем уходить; но что именно, никак не мог вспомнить. Он оглянулся назад, в коридор, в надежде, что там что-нибудь наведет его на мысль.

Конечно! Признание. Как же он уедет из дома, не взяв признание Макферсона? Эрвин двинулся по коридору, соображая, куда подевал документ. Но возле двери гостиной желание найти бумаги вдруг испарилось, а сам он непостижимым образом снова оказался на улице, под жаркими лучами солнца. Лучи были еще и яркими, так что Эрвин сразу принялся искать в карманах солнечные очки и вдруг обнаружил, что на нем старый твидовый пиджак, который, как ему казалось, он давно отдал на благотворительность. Отдал, не подумав (что с ним случалось редко), и почти сразу же пожалел об этом. Тем более приятно, что пиджак снова оказался на нем, пусть самым загадочным образом.

Очков он не нашел, зато обнаружил рассованные по карманам разные памятные мелочи: билеты на концерт в Бостоне, куда он ходил двадцать лет назад; изжеванный окуроч сигары, выкуренной в честь первого посещения бара; маленький кусочек свадебного торта, завернутый в салфетку; красная шпилька от женской лодочки; пузырек со святой водой, которую, умирая, сжимала в руке его мать. В каждом кармане оказалась даже не одна, а четыре-пять таких мелочей, связанных с каким-либо воспоминанием — запахом, звуком, лицом, чувством, — и все они изумляли его так, что он и думать забыл про таинственное возвращение пиджака. Эрвин точно знал, что отдал его. Но даже если не отдал, даже если сунул куда-то, и тот провалялся, позабытый, в шкафу лет десять, а сегодня утром он его почему-то достал и надел, — откуда взялись в карманах эти вещи?

Происходило что-то очень странное, что-то чертовски странное.

В соседнем доме на порог вышел Кен Маргосьян и, навистывая, двинулся с ножницами в руках вдоль своих розовых кустов, выбирая цветы.

— Розы у вас в этом году хороши как никогда, — сказал ему Эрвин.

Маргосьян, обычно по-соседски приветливый, даже не повернул головы.

Эрвин подошел к ограде.

— Вы в порядке, Кен?

Маргосьян наконец выбрал розу и осторожно нащупывал место, где срезать. Глядя на него, можно было подумать, что он не слышал ни звука.

— Что за представление? — удивился Эрвин. — Если вы за что-то обиделись...

Тут появилась миссис Семевиков, встречи с которой при иных обстоятельствах Эрвин непременно постарался бы избежать. Она была женщина говорливая и каждый год в фестивальную субботу устраивала благотворительный аукцион детских вещей, пожертвованных ей разными магазинами. В прошлом году она пыталась привлечь и Эрвина, убеждая

его, что он должен потратить на благое дело несколько своих рабочих часов. Эрвин пообещал подумать, а потом не отвечал на ее звонки. Она и сейчас наверняка пришла просить о том же. Миссис Семевиков поздоровалась с Кеном и не обратила никакого внимания на Эрвина, хотя тот стоял в пяти шагах.

— Эрвин дома? — спросила она у Маргосьяна.

— Вряд ли, — ответил тот.

— Что за шутки! — возмутился Эрвин, но Кен продолжал:

— Я слышал у него ночью странный шум. Будто там была драка.

— На него это не похоже, — отозвалась миссис Семевиков.

— Утром я стучал к нему, чтобы проверить, все ли в порядке, но он не ответил.

— Хватит, — сказал Эрвин.

— Может быть, он ушел на работу? — предположила миссис Семевиков.

— Я сказал: хватит! — закричал Эрвин.

Его выводило из себя то, что они говорят о нем так, будто его нет. И что за чушь несет Кен про какую-то вчерашнюю драку? Вчера он совершенно мирно...

Он сбился с мысли, в памяти смутно забрезжило чье-то имя, и он оглянулся назад, на дом.

Флетчер. Господи, как он мог забыть про Флетчера?

— Пойду поищу его в офисе, — говорила тем временем миссис Семевиков. — В прошлом году он мне обещал...

— Послушайте, — взмолился Эрвин.

— ...что пожертвует на благотворительность...

— Я не понимаю, зачем вы это устроили, но послушайте меня.

— ...несколько рабочих часов.

— У меня в доме чужой человек.

— Прекрасные, между прочим, розы. Вы не собираетесь участвовать в конкурсе садоводов?

Больше Эрвин не мог этого вытерпеть. Он подошел к Кену и заорал:

— *Он пытался убить меня!*

Потом потянулся через ограду и схватил Кена за рубашку. Точнее говоря, попытался. Пальцы прошли сквозь ткань, сомкнувшись в пустой кулак. Эрвин повторил попытку. С тем же успехом.

«Я схожу с ума,— подумал он. Потом потянулся и ткнул Кена пальцем в щеку. Ткнул сильно, но тот не почувствовал.— Флетчер что-то сделал со мной».

В нем поднималась паника. Нужно немедленно найти виновника и все исправить, пока не поздно, пока не случилось непоправимого. Оставив Кена и миссис Семевиков беседовать о розах, Эрвин пошел назад по дорожке к парадной двери. Дверь казалась закрытой, но чувства, похоже, окончательно обманули его, потому что через два шага он оказался у себя в коридоре.

Он позвал Флетчера. Тот не ответил, хотя явно был где-то в доме, Эрвин в этом не сомневался. Все углы в холле как-то искривились, а стены обрели странный желтоватый оттенок. Что же это, как не работа Флетчера?

Вдруг он понял, где его искать: в гостиной, где тот насильно его держал, чтобы поиграть с его психикой. В Эрвине закипал гнев — как посмел этот проходимец вторгнуться в его дом и в его сознание? Он решительным шагом подошел к двери. Дверь стояла нараспашку. Эрвин вошел внутрь.

Шторы были задернуты наглухо, так что единственным источником света служил догоравший в камине огонь. Тем не менее Эрвин сразу разглядел своего мучителя. Тот сидел на полу, скрестив ноги, одежда его лежала рядом. Сильное тело, заросшее волосами, покрывали шрамы; некоторые из них были длинные, дюймов шесть. Флетчер сидел, закрыв глаза, но белки его двигались. Перед ним лежал холмик экскрементов.

— Ах ты, грязное животное! — в бешенстве завопил Эрвин, но Флетчер не реагировал.— Я не знаю, что за номер ты со мной выкинул, но хочу, чтобы ты вернул все на место. Не-

медленно, слышишь? — Флетчер открыл глаза на радость Эрвину, которому надоело быть невидимым. — А потом ты должен...

Он замер от омерзения, когда Флетчер зачерпнул пригоршню собственного дерьма и размазал его по животу. Эрвин отвел глаза, но то, что он увидел, оказалось еще хуже скатологических упражнений Флетчера.

Он увидел тело, лежавшее лицом к стене. Тело, которое он узнал.

Нет слов, способных выразить его ужас, когда он понял, что произошло. Эрвин всхлипнул, но негодяй не обратил на это никакого внимания.

Теперь Эрвин знал почему. Он умер. Его безжизненное иссохшее тело лежало в углу. Он сохранил сознание, потому что оно еще привязано к телу, но для мира живых его больше не существовало. Он стал призраком.

Он сел на пол напротив Флетчера и вгляделся в его лицо. Низкий лоб, уродливый рот — несоразмерно большой, похожий на звериную пасть.

— Кто ты такой? — пробормотал Эрвин.

Усилия Флетчера — теперь Эрвин видел, что тот мастурбирует, — не прошли даром. Дыхание его стало быстрым и прерывистым, оно сопровождалось кряхтеньем. Не в силах наблюдать подобное зрелище, Эрвин поднялся, вышел из гостиной, прошел по коридору и встал на крыльце под лучами солнца.

Миссис Семевиков ушла, Кен направлялся к дому с охапкой роз, и откуда-то доносился тоненький плач. Кому-то больно, подумал Эрвин, и эта мысль странным образом утешила его: приятно сознавать, что страдаешь не один. Он осмотрелся и быстро обнаружил источник звука. Плакали розовые кусты, и Эрвин понял, что мертвые слышат их.

Утешение было слабое. Из глаз потекли слезы; вернее, его сознание вспомнило, как бы он сейчас заплакал, будь у него глаза. Эрвин решил сделать все, хоть вступить в союз с дьяволом, только бы отомстить мерзкому извергу, лишившему

его жизни. Не важно, когда и сколько придется ждать. Он заставит этого убогодка рыдать так, что слезам миллиона розовых кустов не заглушить его воплей.

iii

В пятницу накануне фестиваля у доктора Пауэлла всегда выдавался легкий день. В начале следующей недели, сразу после праздников, народу в приемной было полно, и у всех что-нибудь сложное: перед фестивалем люди откладывали болезни на потом, и порезы успевали загноиться, а запоры — вызвать интоксикацию. Но в пятницу к нему обращались только в самых крайних случаях.

Никто из пациентов ни намеком не показал Фебе, что осведомлен о скандале, но она прекрасно понимала: нет в Эвервилле такого мужчины, женщины или ребенка, кто не знал бы о случившемся. Доктор Пауэлл говорил с ней предельно кратко. Он сожалеет о смерти Мортон, сказал он, и готов пойти ей навстречу, если нужен отпуск на несколько дней. Феба поблагодарила и попросила разрешения уйти около двух, чтобы съездить в Силвертон в похоронную контору. Ответ, разумеется, был положительным.

На самом деле она собиралась не только в контору. Больше, чем раньше, ей сейчас требовалась помощь человека юридически грамотного, способного прояснить ее положение. И Феба решила: чем ждать понедельника, лучше встретиться с Эрвином немедленно. Неизвестно, что еще случится за семьдесят два часа, какая беда обрушится на ее голову. Лучше сразу узнать, что ее ждет, и подготовиться заранее.

iv

Рыба была вкусная. Тесла ела с удовольствием, одновременно прислушиваясь к разговорам, гудевшим за пятью соседними столиками. Это стало у нее привычкой еще в бытность сценаристом, когда Тесла быстро смекнула, что в обычных разговорах можно услышать такие перлы, каких

не выдумать ни одному автору. Потом во время путешествий она не раз так развлекалась, когда не было ни музыки, ни телевизора, ни подходящей компании.

На этот раз, к ее удивлению, за тремя столиками из пяти разговор шел об одном и том же: о некоей Фебе Кобб, которую все винили в скоропостижной кончине мужа.

Рядом с Теслой вдруг вспыхнул спор, и она сосредоточилась на нем. Она сидела и слушала рассуждения о моральном аспекте адюльтера, когда в зале появился сухопарый субъект — судя по важному виду, хозяин заведения. Он принес спорщикам гамбургеры, а на обратном пути забрал у нее пустые тарелки и спросил невзначай, понравилась ли ей рыба. Тесла ответила, что да, конечно, и наудачу спросила:

— Извините за любопытство... Не знаете ли вы, случайно, человека по фамилии Флетчер?

Человек с прищипленной к груди карточкой, где было написано «Босли», на минуту задумался.

— Флетчер... Флетчер... — забормотал он.

Пока он вспоминал, ее окликнул Рауль:

— Тесла!

— *Погоди минуту,* — отозвалась она.

— *Но тут что-то...*

Он не закончил, потому что как раз в эту секунду Босли произнес:

— Нет, не знаю такого. Он живет у нас в городе?

— Нет. Он приезжий.

— У нас полно приезжих.

Она поняла, что дальше спрашивать бесполезно. Но раз уж он стоял перед ней, она решила узнать хоть что-нибудь.

— А что случилось с Фебой?

Улыбка на лице у Босли погасла.

— Вы знакомы с ней?

— Она заходила к нам иногда, — неохотно признался Босли.

— А какая она?

По лицу его было видно, что он не хочет показаться невежливым, но и отвечать не желает тоже.

— Все только и говорят о ней.

— В таком случае, надеюсь, ее история послужит уроком,— сухо сказал Босли.— Господь видит ее грех и покарает ее.

— Ее уже признали виновной?

— В глазах Господа..

— Да забудьте про эти гребаные глаза! — воскликнула Тесла, разозлившись на его лицемерие.— Я спросила, какая она.

Босли поставил тарелки на стол и тихо проговорил:

— Думаю, вам лучше уйти.

— Почему это?

— Вам здесь не рады,— ответил он.

— Да почему?

— Из-за ваших слов.

— А что в них не так?

— *Не слов, а слова «гребаные»*,— подсказал Рауль.

Она громко повторила вслух, проверяя его предположение:

— Вы про слово «гребаные»? Вам оно не нравится?

Босли вздрогнул, будто его ужалили.

— Уходите,— сказал он.

— Но что тут такого? — медовым голосом спросила Тесла.— Что плохого в этом слове?

— Я хочу, чтобы вы ушли,— настаивал Босли, повысив голос.— Ваш грязный язык нам здесь не нужен.

— А нельзя ли мне попробовать персиковый кобблер? — спросила Тесла.

— Вон! — гаркнул Босли.

Сплетники вокруг затихли и с любопытством повернулись к ее столику.

— Говорите свои гнусности где угодно. Но не здесь.

Тесла откинулась на спинку кресла.

— В «гребаном» нет ничего гнусного,— возразила Тесла.— Это просто слово, обыкновенное, полезное слово. Признайте, Босли. Иногда оно просто необходимо.

— Я хочу, чтобы вы ушли.

— Слушайте, по-моему, гораздо лучше и куда более энергично звучит: «Я хочу, чтобы вы убрались отсюда к чертям».

Послышались смешки. Кто-то нервно закашлялся.

— Что вы говорите жене вечером в субботу? «Не хочешь ли совокупиться, дорогая?» Нет, ведь вы говорите: «Я хочу тебя трахнуть».

— Вон! — рявкнул Босли.

К нему на помощь уже спешили официанты во главе с поваром, который выглядел так, будто он осиян огнями святого Квентина*. Тесла поднялась из-за стола.

— Ладно, ухожу, — сказала она и широко улыбнулась повару. — Рыба великолепная, — добавила она, медленно направляясь к двери.

Она стояла на углу, размышляя, откуда лучше начать поиски Флетчера, когда Рауль позвал ее шепотом:

— Ты не слышала, что я тебе говорил?

— Я защищала свои конституционные права, — ответила Тесла.

— Раньше, до того.

— И что же ты говорил?

— Не знаю точно, что там было, — сказал он, — но я почувствовал чье-то присутствие или...

— Ты что-то нервничаешь, — заметила Тесла, окидывая взглядом улицу. Поток машин на перекрестке стал еще плотнее. Вряд ли в этом месте станут разгуливать духи, подумала она. По крайней мере, среди бела дня. Ночью — другое дело...

— Не хоронили ли здесь на перекрестках самоубийцу?

Рауль не отвечал.

— Рауль?

— Послушай.

— Что я...

— Просто послушай, хорошо?

Здесь было что послушать. Гудели клаксоны, шуршали шины, смеялись и болтали люди, в окнах играла музыка, из открытой двери несся чей-то возмущенный голос.

* Христианский мученик III века н. э.

— Нет, я не о том,— сказал Рауль.

— А о чем?

— Слышишь чей-то шепот?

Она попыталась вслушаться, не обращая внимания на людей и машины.

— Закрой глаза,— предложил Рауль,— в темноте проще.

Она так и сделала. Уличный шум никуда не делся, но ей все-таки удалось отвлечься от него.

— Вот,— прошептал Рауль.

Он был прав. Слабый, еле заметный посреди этой какофонии звуков голос пытался добиться, чтобы его услышали. Тесла разобрала его «ай». И еще что-то, похожее на «кетчуп». Она сосредоточилась, настроив на него слух, как настраивалась на разговоры в закускойной.

— Ай,— услышала она.— Аю... аю...

— Он что-то знает,— шепотом сказала Тесла.

— Кетч... кетч,— произнес голос.

— Кетч?

— Кетч... э...

Нет, это не «кетчуп». Это «Флетчер».

— Слышишь? Он знает про Флетчера,— сказала она Раулю.— Вот о чем он говорит. Он знает про Флетчера.

Она снова прислушалась, настраиваясь на частоту голоса. Он был рядом, но стал еще тише. Она затаила дыхание, настраивая каждый нерв на прием. На этот раз она услышала не слова, а цифры. Два. Два. Шесть.

Она повторила их вслух, чтобы голос знал, что она услышала его.

— Два-два-шесть, правильно?

Дальше последовали два каких-то слова. «Ел» или «чел». И что-то вроде «три».

— Повтори еще раз,— попросила она тихо.

Но то ли она устала, то ли голос утомился. Снова послышалось «три». Потом он исчез. Тесла продолжала прислушиваться в надежде, что контакт повторится, но голос молчал.

— Черт,— пробормотала она себе под нос.

— Нам нужна карта,— сказал Рауль.

— Зачем?

— Это адрес, Тесла. Он сказал тебе, где найти Флетчера.

Она оглянулась на рестораник.

Тамошняя официантка увидела Теслу, как только та открыла дверь.

— Пожалуйста...— начала официантка.

— Не беспокойтесь,— сказала Тесла.— Мне нужно только вот это.— Она вытащила из проволочной стойки у двери брошюрку про городской фестиваль.— Хорошего вам дня.

— Кстати, с чего ты вдруг так взъелась на Иисуса? — поинтересовался Рауль, когда Тесла села в седло своего мотоцикла и принялась изучать карту на обороте брошюрки.

— Я не взъелась,— пробормотала она.— Я сама люблю всю эту муру. Просто я думаю, что слово... это...

Она замолчала. Пристальнее всмотрелась в карту.

— Митчелл-стрит,— прочла она вслух.— Вот что он говорил: Митчелл.

Сложив карту, она сунула ее в карман и включила зажигание.

— Поехали. Ты готов?

— Бесценный дар.

— Что?

— Ты хотела сказать, что слово — это бесценный дар.

— Разве?

— Отвечаю: нет, я не готов.

U

i

В ресторанчик Китти Эрвин пришел, чтобы унять панику, увидеть знакомое лицо или услышать знакомый голос — все равно чьи, лишь бы знакомые, родные и любимые. Но какая-то незнакомая женщина произнесла имя его убийцы, отчего он немедленно впал в истерику и, если бы у него имелись голосовые связки, надорвал бы их, пытаясь до нее докричаться. Вместо того чтобы слушать, она демонстрировала Босли знание уличной лексики.

Она не походила на бесчувственную дуру, хотя в тот момент могла бы ею показаться. На улице она вовсе перестала прислушиваться, так что пришлось подойти поближе — так близко, что, будь он из плоти и крови, его обвинили бы в домогательстве. Он снова и снова называл адрес, по которому она могла найти Флетчера. Его терпение было вознаграждено. Женщина вошла в ресторанчик, взяла карту, и, пока она ее изучала, Эрвин попытался ей растолковать, что Флетчер опасен.

Но этого она не услышала. Эрвин не понимал почему. Возможно, живой человек не способен одновременно читать карту и слушать то, что ему говорит мертвый. А возможно, Эрвин сделал что-то не так и, едва научившись общаться с живыми, тут же эту способность утратил. В любом случае, плодотворного сотрудничества, вопреки его надеждам, не получилось, женщина села на мотоцикл и уехала, прежде чем

он успел ей сообщить о преступных наклонностях Флетчера. Однако Эрвин не слишком о ней беспокоился. Если она ищет убийцу, она должна знать, кто он такой и на что способен. А судя по представлению, устроенному ею в ресторанчике, она не робкого десятка.

Эрвин смотрел, как женщина рванула вперед по Мейн-стрит, огибая автомобили, и завидовал тому, что она может вот так сесть и поехать. Он никогда прежде не интересовался историями о призраках и привидениях (он относил их к темам несерьезным, то есть к фантазиям и сказкам), но он знал, что духи умеют преодолевать гравитацию. Умеют летать, висеть в воздухе, стоять на верхушке дерева или на острие шпилья. Почему же сам он чувствовал себя прикованным к земле, а его тело — словно у него есть тело, а не одно воспоминание о нем — вело себя так, будто все еще подчинялось прежним законам?

Вздохнув, он побрел домой пешком. Если обратный путь займет столько же времени, сколько всегда, то к его приходу организованная им встреча уже закончится. Но что должна делать несчастная заблудшая душа? Делать было нечего, и он лишь спешил изо всех сил, попутно размышляя о том, что со временем, возможно, что-нибудь поймет.

ii

Феба увидела, что офис Эрвина закрыт. В любой другой день она попросту повернулась бы и отправилась обратно. Домой. Подождала бы до понедельника. Но сегодня — другое дело. Она не могла ждать ни часа. Она поедет к нему, решила Феба, и уговорит его уделить ей полчаса. Не слишком большая жертва, не так ли? Особенно в сравнении с теми неудобствами, которые он доставил ей самой накануне.

Она зашла в аптеку в двух кварталах от приемной доктора Пауэлла и попросила телефонную книгу у Морин Скримм, которая ради праздника покрасила волосы и походила на местную шлюху. Морин страшно хотелось поболтать, но в аптеке было полно народу. Выяснив домашний адрес Эрви-

на, Феба оставила Морин строить глазки всем посетителям мужского пола моложе шестидесяти пяти, а сама направилась на Митчелл-стрит.

На Митчелл-стрит было мало машин, красивые ухоженные дома, подстриженные газоны и свежевыкрашенные ограды. Этакий рай земной, о каком Тесла не раз мечтала, путешествуя по «Америкам»: где люди добры друг к другу, где они живут в гармонии, в соответствии со своими скромными возможностями, физическими и духовными. Не нужно долго гадать, почему Флетчер решил здесь обосноваться. Когда-то он уже принес в жертву жизнерадостный и добрый Гроув, чтобы создать из фантазий его жителей, полных любви и надежд, армию своих помощников. Галлюцигении, как он их прозвал, после поражения Флетчера начали настоящую войну на улицах городка. Если он снова готовит битву, как предсказала Кейт Фаррел, то где же еще найти солдат для нового войска, как не в таком вот тихом городке? Люди здесь до сих пор верят в цивилизацию и создают себе героев, призванных защищать их.

— *Я тебя слушаю,*— сказал Рауль, когда Тесла шла по улице, разыскивая новое пристанище Флетчера.

— *Я что, думала вслух, или ты подслушивал?*

— *Подслушивал,*— сказал Рауль,— *и ты меня удивила.*

— *Чем?*

— *Да тем, что так разнылась из-за Паломо-Гроува. Ты же его ненавидела.*

— *Там было полно лицемерия.*

— *А здесь нет?*

— *Нет. Здесь... уютно.*

— *Ты слишком много ездила.*

— *Возможно, и так,*— согласилась Тесла.— *Я действительно порядком устала. Но мне хотелось бы здесь поселиться...*

— *Может, и завести детишек? Например, с Люсьеном? Как было бы мило.*

— *Не ехидничай.*

— *Хорошо, не мило. Это был бы кошмар.*

Наконец они увидели красивый и опрятный дом, куда их направил голос.

— *Тесла...*

— *Что?*

— *Флетчер всегда был немного сумасшедшим, не забывай об этом.*

— *Как об этом можно забыть?*

— *Тогда прости ему его вторжение...*

— *Ты слишком разволновался. По-моему, тебя трясет.*

— *Я привык называть его отцом. Он не разрешал, но ведь так оно и было на самом деле. И есть. Конечно, я очень хочу его увидеть...*

— *Я тоже,*— сказала она.

Впервые она себе в этом призналась. Да, Флетчер псих; да, он непредсказуем. Все так, но он создал нунций, он превратился в свет у нее на глазах; он заставил ее почти поверить в святость. Если кто-то и достоин обрести покой, так это именно Флетчер.

Она ступила на дорожку и стала внимательно изучать дом, высматривая в нем признаки жизни. Их не было. Все окна зашторены, кроме одного, на крыльце лежат две не забранные газеты.

Тесла постучала. На стук никто не ответил, чему, впрочем, она не удивилась. Даже если Флетчер и впрямь находился в доме, он вряд ли пошел бы открывать. Она постучала еще раз и барабанила в дверь довольно долго, потом заглянула в не закрытое занавеской окно. За ним оказалась столовая, обставленная антикварной мебелью. Кем бы ни был хозяин дома, вкус у него отменный.

— *Здесь проблемы с канализацией,*— заметил Рауль.

— *С канализацией?*

— *А ты не чувствуешь?*

Тесла принюхалась, и нос ее уловил мерзкий запах.

— *Внутри?* — спросила она Рауля, но не успел он ответить, как послышался шорох шагов по гравию и женский голос спросил:

— *Вы ищете Эрвина?*

Тесла повернулась. Во дворе в двух шагах от ворот стояла женщина: довольно полная, с неярким лицом, в костюме, продуманном до мелочей.

— Эрвин...— произнесла Тесла, лихорадочно соображая.— Да. Я только хотела... Он здесь?

Женщина посмотрела на нее с легким подозрением.

— Должен быть здесь,— сказала она.— На работе его нет.

— Хм. Я стучала, но никто не ответил.— При этих словах женщина явно огорчилась.— Я решила посмотреть за домом: вдруг он вышел на свежий воздух.

— А вы позвонили? — спросила женщина.

— Нет, я...

Женщина решительно подошла к двери и нажала на кнопку звонка. Заливистую трель в доме не могли не услышать. Тесла подождала секунд десять, а потом, когда дверь так и осталась закрытой, двинулась за угол. Женщина продолжала звонить.

— Ну и ну,— сказала Тесла Раулю за домом, где запах фекалий стал заметнее.

Она шла теперь, глядя под ноги, невольно опасаясь наступить в грязную лужу, излившуюся в траву из прорванной трубы. Но ничего там не было. Ни прорыва, ни Эрвина.

— Может быть, это не тот дом,— сказала она Раулю.— Может быть, есть еще улица с похожим названием.

Она повернулась обратно и увидела, что женщина идет к ней навстречу из-за угла и лицо у нее немного встревоженное.

— В доме кто-то есть,— сказала она.— Я заглянула в почтовую щель. В конце коридора кто-то стоял.

— Может быть, Эрвин?

— Не знаю. Там слишком темно.

— Ага.

Тесла отвернулась к стене и всмотрелась в нее с таким видом, будто пыталась увидеть насквозь.

— Он какой-то не такой...

— Что вы имеете в виду?

— Даже не знаю.— Вид у женщины был испуганный.

— Вы не хотите вызвать полицию?

— Нет-нет. Что же беспокоить Джеда по пустякам. Может быть, я просто... Знаете ли... Я лучше найду в другой раз.

— *Леди нервничает*,— заметил Рауль.

— Если в доме что-то не так...— начала Тесла.— Может быть, заглянуть с другой стороны.— Тесла пошла обратно.— Кстати, меня зовут Тесла.

— А я Феба.

— *Вот оно что*,— сказал Рауль,— *роковая женщина*.

Тесла еле удержалась, чтобы не сказать: все только и говорят о вас.

— Вы родственница Эрвина? — спросила Феба.

— Нет, а что?

— Это, конечно, меня не касается, но я же вижу, что вы не из местных...

— И вы хотите знать, что я здесь делаю,— закончила за нее Тесла, пытаясь открыть заднюю дверь. Та тоже оказалась заперта. Приставив к глазам ладонь козырьком, Тесла через дверное окошко взгляделась в глубину дома. Тут виднелись кое-какие признаки жизни: на столе опрокинутый пакет из-под апельсинового сока, рядом с мойкой небольшая горка тарелок.— Я здесь не для того, чтобы увидеть Эрвина,— продолжала Тесла.— Честно говоря, я его даже *не знаю*.

Она оглянулась, но Фебу, похоже, нисколько не взволновала мысль о том, что женщина, стоявшая рядом с ней, могла оказаться кем угодно, в том числе потенциальной взломщицей.

— Я ищу человека по имени Флетчер. Вам это имя ни о чем не говорит?

Феба немного подумала, потом покачала головой.

— Здесь такого нет,— произнесла она.— Если бы был, я бы знала.

— Город маленький, да?

— Для меня он теперь стал слишком маленький,— сказала Феба, не сумев скрыть горечь.— Здесь все обо всем знают.

— Даже я успела кое-что услышать.

— Про меня? — спросила Феба.

— Вас ведь зовут Феба Кобб, так?

Феба стиснула губы.

— Боже мой, как бы я сейчас хотела, чтобы меня звали иначе,— ответила она.— Но вы правы, я Феба Кобб.— Она вздохнула.— Что бы вы обо мне ни слышали...

— Мне плевать,— отозвалась Тесла.— Понимаю, веселого тут мало...

— Ладно, бог с ним,— сказала Феба, видимо сразу пожалев о своей минутной слабости и взяв себя в руки.— Послушайте, мистер Тузейкер явно не желает впускать ни вас, ни меня.

Тесла улыбнулась:

— Тузейкер? Его так зовут? Эрвин Тузейкер?

— Что в этом смешного?

— Ничего. Прекрасно звучит,— сказала Тесла.— Эрвин Тузейкер.

Она снова приложила к глазам ладонь и, прищурившись, стала смотреть в окно.

Внутри дверь, которая вела дальше в глубину дома, стояла немного приоткрытая, и Тесле вдруг показалось, что в щель проскользнула злоецающая тень.

Тесла отпрянула, отпрыгнула назад дюймов на шесть.

— Что такое? — спросила Феба.

Тесла поморгала, облизнула пересохшие губы и снова прильнула к двери.

— Эрвин держит змей? — спросила она.

— Змей?

— Ага, змей.

— Понятия не имею. А что?

— Уже ничего, но могу поспорить, я видела...

— Тесла,— позвал Рауль.

— Что?

— *Змеи и запах дерьма. Тебе это сочетание ни о чем не напоминает?*

Она не ответила. Только отошла от двери, неожиданно почувствовав озноб.

«Нет,— говорил рассудок,— нет, нет и нет. Только не ликсы. Только не здесь. Не в этом захоlustье».

— *Тесла, возьми себя в руки.*

Ее трясло с головы до ног.

— Что, она опять выползла? — проговорила Феба, делая шаг к двери.

— Не надо.

— Я не боюсь змей.

Тесла взяла Фебу за руку, не позволяя двинуться дальше.

— Я серьезно,— сказала она.

Феба отвела ее руку в сторону.

— Я хочу посмотреть.— Она приблизила лицо к стеклу.— Ничего не видно.

— Она выползла и снова спряталась.

— Или вам показалось,— отозвалась Феба. Она оглянулась на Теслу.— У вас неважный вид.

— Я и чувствую себя неважно.

— Вы их боитесь?

Тесла покачала головой:

— Змей — нет.— Она осторожно взяла Фебу за руку.— Я действительно думаю, что нам лучше уйти.

Ее голос или внезапно посерьевшее лицо убедили Фебу, что дело серьезное, и та отошла от двери.

— Вполне возможно, мне просто показалось,— сказала Тесла, моля всех богов, чтобы так оно и было. Она готова ко всему, но только не к встрече с ликсами.

Вместе с Фебой, которая следовала за ней по пятам, они снова обогнули дом и вышли на улицу.

— Теперь вы довольны? — спросила Феба.

— Просто идите за мной, хорошо? — отозвалась Тесла и двинулась вперед, невольно ускоряя шаг, пока они не удалились от дома Тузейкера шагов на пятьдесят. Только тогда она замедлила шаг.

— Теперь вы довольны? — опять спросила Феба, на этот раз с ноткой легкого раздражения.

Задрав голову, Тесла посмотрела на небо, пару раз глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание, и только потом ответила:

— Все хуже, чем я ожидала.

— Что хуже? Вы о чем?

Тесла вздохнула еще раз.

— Я считаю, что в этом месте поселилось зло...

Феба оглянулась на дом — он выглядел безмятежно, как и прежде.

— Понимаю, в такое трудно поверить...

— Ну нет,— ровным голосом перебила Феба.— Мне нетрудно.— Она снова повернулась и с горькой улыбкой посмотрела на Теслу.— Здесь недоброе место. На первый взгляд не скажешь, но что правда, то правда.

Тут Тесла впервые подумала, что в их встрече тоже присутствует определенная синхронность.

— Хотите поговорить об этом?

— Нет,— ответила Феба.

— Ладно. Тогда не буду...

— То есть я хотела сказать, да,— перебила Феба.— Да, давайте об этом поговорим.

VI

— Это море какое-то не такое.

Джо, сидевший на берегу, выпрямился и внимательно взгляделся в волны, с шумом набегавшие на берег. Почти бархатные, высокие, в самый раз для серфинга, они катились заметно медленнее, чем в земных морях. На их крутых боках, на высоких гребнях сверкали радужные блики.

— Красиво,— сказал он.

Ной хмыкнул.

— Посмотри туда.

Он указал рукой вдаль, за волноломы, где должна была быть линия горизонта. Ее скрывали зеленые, черные, серые облачные столбы; они поднимались от поверхности воды, будто в море работал гигантский нагреватель, обращавший воду в пар. Навстречу им с неба проливались потоки алого света. Зрелища, по размаху сравнимого с этим, Джо никогда не видел, и ему показалось, что он смотрит то ли на создание мира, то ли, наоборот, на его распад.

— Что там происходит?

— Не хочу говорить, пока сам не уверен,— ответил Ной.— Но, видимо, нам придется соблюдать осторожность даже здесь.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что мы не одни,— сказал он и кивнул в сторону берега.

Милях в трех или в четырех от того места, где они стояли, виднелись крыши и шпили города. Ливерпуль, подумал Джо.

Еще ближе, примерно в миле отсюда, по берегу к ним двигалась процессия.

— Идет Посвященный,— сообщил Ной.— Думаю, нам лучше спрятаться.

— Почему? — поинтересовался Джо.— И кто такой Посвященный?

— Маг,— ответил Ной.— Возможно, тот самый, кто открыл этот проход.

— Значит, ты не хочешь его подождать и поблагодарить? — спросил Джо, изучая процессию. Там было человек тридцать, цепью друг за другом. Кто-то ехал верхом на лошади, а один, как показалось Джо, — на верблюде.

— Проход открыли не для меня,— ответил Ной.

— Тогда для кого?

Ответа не последовало. Джо оглянулся и увидел, что Ной снова глядит на конец света, творившийся на горизонте.

— Там что-то не то? — спросил он.

— Возможно,— откликнулся Ной.

У Джо в голове промелькнул разом десяток вопросов. Если то, что происходит *там*, движется *сюда*, что же будет здесь, что станет с этой землей? С этим городом? А если эта апокалиптическая буря просочится в щель и двинется вниз, на их горы? Что станет с Эвервиллем? С Фебой?

Господи, что будет с Фебой?

— Мне нужно вернуться,— сказал он.

— Нет.

— Да. И я вернусь,— проговорил Джо и двинулся назад, к тому месту, где зияла трещина. Здесь ее никто не прятал в отличие от земного мира. Она висела в небе, подобная черной замершей молнии. Показалось ли ему, или трещина и в самом деле стала длиннее и шире?

— Я обещал тебе власть, Джо,— произнес ему в спину Ной.— И я действительно могу тебе ее дать.

Джо обернулся.

— Так давай и я пойду,— откликнулся он.

Ной опустил голову.

— Все не так легко, мой друг.

— Что это значит?

— Я не могу наделить тебя властью здесь.

— Ты же сказал: как только мы перейдем на ту сторону.

— Да, сказал. Знаю. Но я сказал не полную правду.— Он смотрел Джо в глаза, и его огромная голова чуть покачивалась на тоненькой шее.— Я думал, что, едва ты увидишь наше прекрасное море, тебе самому захочется в нем поплавать. Я действительно могу наделить тебя властью. Да. Но только в моей стране.

— Далеко ли она? — спросил Джо.

Ной не ответил. В ярости Джо метнулся назад, и Ной вскинул руки, защищаясь от удара.

— Я не собираюсь бить тебя,— сказал Джо, и Ной осторожно опустил руки.— Но мне нужна правда.

Ной вздохнул.

— Мой дом на Эфемериде,— проговорил он.

— И где эта Эфемерида? — поинтересовался Джо.

Ной смотрел на него секунд десять, а потом показал рукой на горизонт.

— Вот черт! — воскликнул Джо.— Ты обвел меня вокруг пальца.

— Вокруг пальца?

— Ну, надул меня.— Он наклонился к Ною, буквально нос к носу.— Ты меня обдурил.

— Я решил, что ты послан, чтобы вернуть меня домой.

— Только не надо громких слов.

— Но это правда. Я так подумал. Я и сейчас так думаю.— Он снова заглянул в глаза Джо.— Или ты думаешь, что наша встреча — просто странный случай?

— Конечно,— подтвердил Джо.

Ной кивнул.

— Тогда тебе нужно вернуться,— сказал он.— А я остаюсь. Здесь, на моей земле, я чувствую себя сильнее. Разумеется, у тебя больше силы на твоей.

Джо понял сарказм.

— Черт возьми, тебе прекрасно известно, что со мной будет, когда я вернусь.

— Да,— сказал Ной, поднявшись на ноги.— Ты станешь бессильным.— С этими словами он заковылял прочь по берегу.— Прощай, Джо! — крикнул он, не оглядываясь.

— Вот зараза,— проворчал Джо, глядя на серебристый отсвет земного звездного неба, пробивавшийся в трещине. Что толку, если он сейчас вернется к Фебе? Раненый, преследуемый. И, как верно заметил Ной, совершенно бессильный.

Он снова повернулся лицом к удивительному незнакомому миру, куда его занесло. Чужой город, странная процессия, шторм в бушующем море — ничто не сулило добра. Но здесь — можно же допустить такое — у него была надежда. Надежда обрести власть или хоть какую-то силу. Потом он вернется домой, и с ним будут считаться. Возможно, ради этого придется попотеть, но он потел и дома, а что получил в награду? Отбитые яйца.

— Ладно,— сказал он, догнав Ноя.— Я остаюсь. Но нести я тебя больше не буду, понял?

Ной улыбнулся.

— Позволь мне... опереться на твое плечо, пока мои ноги не окрепли?

— Давай,— согласился Джо.

Ной обхватил рукой Джо за шею.

— Там, на берегу, лежит бот,— сообщил он.— Мы в нем спрячемся, пока не пройдет процессия.

— Почему ты боишься Посвященного? — спросил Джо, направляясь к лодке.

— Никто не знает, что у него на уме. Их поступки понятны только им. Возможно, тот, кто сейчас идет к нам, несет добро, но про это никак не узнаешь.

Дальше они шли молча, пока не достигли корабля. Бот был двухмачтовый, футов двадцати пяти в длину, с палубой и рулевой рубкой, выкрашенными в алый и голубой цвет. На носу аккуратно выведено название: «Фанакапан».

Голод уже напоминал о себе, так что Джо усадил Ноя на землю в тени высокого борта, а сам забрался на корабль по-

искать что-нибудь съедобное. Остатки наркотика наконец выветрились, так что, бродя по кораблю в поисках хлеба или бутылки пива, Джо боролся с весьма неприятными чувствами: тревогой, страхом и, наконец, разочарованием. Он, Джо, попал в иной мир лишь для того, чтобы увидеть его сходство с привычным миром. Возможно, здешнее море было и впрямь, как сказал Ной, морем сновидений, однако не похоже, чтобы здешние корабли — во всяком случае, вот этот — строили каким-то волшебным способом, без гвоздей и топора. И плавали на нем, судя по всему, отнюдь не бесплотные создания: в обеих каютах грязно, на камбузе чем-то воняет, в рубке на стенах красуются непристойные рисунки.

Что до еды, то ничего подходящего Джо не обнаружил. На камбузе валялись какие-то объедки, но они годились только на выброс. Джо обшарил карманы разбросанных курток, даже перетряхнул засаленные одеяла в надежде найти плитку шоколада или апельсин, но на палубу вернулся с пустыми руками. Разочарованный и голодный, он спустился на берег, где Ной сидел, поджав ноги, и смотрел вдаль, а по щекам его текли слезы.

— Ты чего?

— Просто вспомнил, — сказал Ной, кивнув в сторону тянувшейся мимо них процессии.

Она явно направлялась к небесной трещине. Пятеро или шестеро детей — либо существа, похожие на детей, почти обнаженные, — вышли вперед из первой шеренги и принялись усыпать дорогу листьями и лепестками цветов.

— Что ты вспомнил?

— День моей свадьбы, — ответил Ной. — Мою возлюбленную. Нас было в три, в четыре раза больше. Ты и представить себе не можешь наши наряды! Нашу музыку! Мы собирались положить конец столетию войны и начать... — Его голос прервался, и плечи его вздрогнули. — Я хочу вернуться домой, Джо, — сказал он через некоторое время. — Даже если я там умру.

— Зачем столько лет ждать возвращения, чтобы потом просто умереть?

— Что тут плохого,— прошептал Ной сквозь слезы.— Я любил ее, как никого в моей жизни. Второй такой нет и не может быть, да мне и не нужна вторая. До сих пор мне даже думать об этом больно. Моя смерть не страшна, я лишь хочу вернуться домой и соединиться с землей, из которой вышел. Ты понимаешь меня, да?

Джо промолчал. Ной поднял голову и посмотрел на него:

— Не понимаешь?

— Нет,— ответил Джо.— У меня нет дома, Ной. Я ненавижу Америку.

— А как насчет Африки?

— В Африке я не бывал. Не думаю, что там мне было бы лучше.— Он тяжело вздохнул.— Так что плевать, где меня закопают.

Воцарилось молчание. Потом Джо сказал:

— Жрать охота. На корабле я ничего не нашел. Нужно поесть, или я скоро свалюсь.

— Поймай рыбу,— предложил Ной, встал, подошел к кромке воды и позвал Джо.

Волны стали тише, отметил про себя Джо.

— Видишь? — Ной показал на рыбешек, резвившихся в волнах.

Радужные блески, которые Джо приметил раньше, оказались рыбами и угрями. Вода здесь кишела ими.

— Вижу.

— Тогда бери и ешь.

— Хочешь сказать, что их можно ловить руками?

— Ловить и есть,— сказал Ной. Он улыбнулся при виде того, как Джо скривился от отвращения.— Сырая рыба вкуснее. Можешь мне поверить.

Голод уже донимал Джо не меньше, чем боль в паху. Что ж, не время привередничать. Он пожал плечами и вошел в воду. Вода оказалась теплой — теплее, чем он ожидал; если бы Джо знал ее лучше, то по ее движениям, когда она завернулась вокруг лодыжек и плеснула в живот, он бы понял, что вода ему рада. Рыбы было множество — от крупной, вроде лосося, до крошечной, не больше колибри. И все они прыга-

ли и резвились, будто сила тяжести над ними не властна. Первых рыбешек Джо поймал без труда. Просто сунул руку в их гушу, сжал кулак, а когда вытащил и раскрыл, то в ладони оказались три рыбки — две как красноватое серебро, а третья голубая. Они отчаянно бились. Джо смотрел на их изгибающиеся бока, на живые черные глазки, и ему не хотелось их есть. Но пока они с Ноем вынуждены здесь торчать, выбора нет. Иди съесть, или мучиться от голода.

Он взял с ладони серебристую рыбку и поспешно, не оставляя себе времени пожалеть о том, что делает, бросил ее в рот. На мгновение ему стало так противно, что едва не вырвало, однако рыбку он проглотил. Вкуса не почувствовал, но это ему было без разницы. Сейчас не до лакомства, нужно попросту утолить голод. Он взял вторую, а потом сразу и третью. Он закинул голову назад, чтобы легче было проглотить. Вторую он действительно проглотил, как первую, разом, а третья забилась и, ударившись о его миндалины, устремилась обратно. Джо выплюнул ее.

— Невкусно? — спросил Ной, последовавший за Джо.

— Нет, просто она не хочет, чтобы ее съели, — отозвался Джо.

— Имеет право, — заметил Ной. Он зашел в волны почти по пояс.

— Ты становишься сильнее! — крикнул Джо сквозь шум прибоя.

— Каждую секунду, — согласился Ной. — Здесь я от самого воздуха крепну.

Ной погрузил руки в воду и достал не рыбу, а нечто похожее на крылатого маленького кальмара с золотыми глазами.

— Только не предлагай мне и его съесть, — сказал Джо.

— Нет. Нет, что ты, — ответил Ной. — Это Зерапушу, проводник духов. Видишь, как он на тебя смотрит?

Джо увидел. Немигающий взгляд маленького существа излучал странное любопытство.

— Он не видел таких, как ты, — сказал Ной. — Если бы ты понимал его язык, он бы наверняка посоветовал тебе возвращаться домой. Не хочешь потрогать?

— Не очень.

— Это понравится Зерапушу,— сказал Ной и протянул его к Джо.— А тот, кто понравится ему одному, понравится им всем.

Джо придвинулся к Ною, рассматривая существо, которое, в свою очередь, рассматривало его.

— Ты хочешь сказать, у них есть друг с другом связь? Как ты его назвал? Зера... Как дальше?

— Их часто зовут просто «шу», так короче.— Ной отдал существо Джо.— Не бойся, он не кусается.

Джо осторожно взял животное. Шу лежал на ладони Джо, глядя в глаза неподвижным взглядом.

— На всех двенадцати континентах нашего мира в древности возводили храмы, посвященные шу,— продолжал Ной,— и кое-где им поклоняются до сих пор.

— Но ведь не в твоей земле?

Ной покачал головой:

— Моя жена была католичкой. А я... Сам я неверующий. Теперь лучше отпусти его, пока ему не стало плохо. Он так на тебя смотрит, что не отведет глаз, пока не умрет у тебя на руке.

Джо наклонился и положил шу в воду. На мгновение тот затрепетал у него в ладонях, сверкая золотыми глазами, а потом одним движением гибкого бескостного тела ушел в глубину. Глядя ему вслед, Джо невольно подумал, что зверек, наверное, уже рассказывает своим сородичам о чернокожем великане.

— Есть поверье,— говорил Ной,— будто шу — это крохотные частицы Создателя. Он рассыпался однажды на мириады частиц, чтобы каждая из них провела сквозь Субстанцию живую душу, а после не стал их собирать.

— Значит, я только что держал в руках часть Бога?

— Вот именно.

Ной еще раз наклонился и на этот раз выудил из воды рыбу длиной в фут.

— Слишком большая? — спросил он.

— Слишком.

— Маленьких можно не есть, а глотать, так легче, да?

— Гораздо легче,— согласился Джо.

Он тоже погрузил руки в воду и извлек оттуда целые пригоршни рыбок. Подержав в руках шу, он перестал бояться морской живности. Правда, золотоглазый шу был на порядок выше серебристой мелочи с бессмысленными глазами, зато этих можно проглотить без зазрения совести. В два счета Джо съел свой улов, а потом поймал рыбку побольше. Он сжевал ее, как сэндвич. Мясо у нее оказалось оранжевым, сладковатым, и он ел, не обращая внимания на то, что рыба бьется у него в руке.

— Все, я больше не голоден,— объявил он, вытаскивая из зубов рыбью кость.

— Пить не хочешь? — поинтересовался Ной.

— Вода ведь соленая,— возразил Джо.— Или нет?

— На мой вкус, нет,— проговорил Ной, зачерпнул воду и шумно втянул в себя.

Джо последовал его примеру и не разочаровался. Вода в море сновидений оказалась сладкой, с приятным пряным привкусом. Джо напился и пошел к берегу вполне довольный жизнью.

Тем временем, пока они с Ноем беседовали о Творце и рыбе, процессия добралась до трещины и расположилась возле нее. Проход и в самом деле увеличился раза в полтора с того момента, когда Джо переступил границу миров.

— Они собираются выйти? — спросил Джо.

— Похоже, что так,— ответил Ной и посмотрел на небо: оно потемнело, хотя здесь не было солнца.— Если уйдут не все,— добавил он,— можно будет нанять команду.

— У нас есть корабль?

— А это что? — Ной похлопал по борту «Фанакапана».

— В городской гавани были суда и получше,— сказал Джо, показывая в сторону города.— Побольше. Эта посудина вряд ли выдержит дальнейшее плавание. Но даже если выдержит, как, черт возьми, мы их уговорим с нами плыть?

— Это уже моя забота,— успокоил его Ной.— Отдохни немного. Поспи, если сможешь. Нам предстоит нелегкая ночь.

— Поспать? — переспросил Джо.— Неплохая идея.

Он хотел взять в каюте подушку и одеяло, но потом, опасаясь блох или вшей, подумал и устроился на голых камнях. Это было самое неудобное ложе из всех, на каких ему доводилось спать, но прозрачное ясное небо над головой навевало дрему, и вскоре Джо заснул.

III

i

Около четырех часов дня в пятницу, в то самое время, когда в Эвервилле Тесла познакомилась с Фебой, а Джо уснул на берегу под потемневшим небом Субстанции, Хови Катц с Эми на руках сидел на пороге своего дома и смотрел на тучи, надвигавшиеся с северо-востока.

«Один хороший дождь,— подумал он,— лучше с грозой, и жара спадет».

Малышка плохо спала ночью, потом целый день капризничала, но сейчас, на руках у отца, успокоилась и затихла. Джо-Бет жаловалась в тот день на желудок, поэтому полчасика назад ушла в спальню, чтобы прилечь. В доме стояла тишина. На улице все тоже было мирно, и только соседские собаки вдруг засуетились и забегали по двору, прижав уши и нюхая воздух, явно чего-то ожидая. Хови подумал: когда мы наконец уедем отсюда, заведем себе пса. У ребенка должна быть собака — и приятель для игр, и защитник.

— Он будет тебя любить,— шепотом сказал он дочери.— Потому что тебя все любят.

Эми беспокойно заворочалась у него на руках.

— Хочешь в кроватку, крошка? — спросил Хови, поднимая и целуя ее в лобик.— Хорошо, сейчас отнесу тебя.

На цыпочках он поднялся наверх и, чтобы не будить Джо-Бет, сам уложил ребенка. Потом пошел в ванную.

Прохладный душ смыл пот и налипшую пыль, и после дневной духоты это было так приятно, что он сильно возбудился. Хови старался не обращать на это внимания, мылил голову и тер спину, но вода текла, а он уже добрался до паха. В последний раз они с Джо-Бет занимались любовью, когда она была на четвертом месяце, а потом все его попытки заканчивались ее слезами. Она не хотела, чтобы он ее трогал. Хови отнес все это на счет беременности. Потом, в следующие несколько месяцев, ему не раз казалось, будто он живет с двумя женщинами: любящей женой и ее сестрой-близнецом, редкостной стервой. Джо-Бет отказывалась от секса, но нуждалась в том, чтобы он обнимал ее и утешал, когда она плакала. Стерве от него ничего не требовалось, ни объятий, ни поцелуев. Она говорила: лучше бы я тебя не встречала — с такой злостью, что у него опускались руки. Потом на поверхность выныривала прежняя Джо-Бет. Она плакала и уверяла, что очень, очень, очень жалеет о своих словах и не знает, что без него делать.

За то время он научился обуздывать либидо. Держал в гараже мужские журналы; нашел телевизионный канал, где ночами показывали порно; пару раз ему даже снились эротические сны. Но никогда, ни во сне, ни в мыслях, он не забывал о Джо-Бет. Даже в последние две недели перед родами, когда она стала огромной, ее вид неизменно вызывал у него желание. Она об этом знала и избегала его: запирала дверь ванной, когда принимала душ; отворачивалась, когда ложилась в постель. Она довела его до состояния подростка: он подглядывал за ней краем глаза, а потом дорисовывал в воображении подробности запретной анатомии и онанировал.

Хови это надоело. Пора снова жить нормальной человеческой жизнью, как муж и жена, и не отворачиваться стыдливо, будто они случайно оказались в одной постели. Он выключил душ, наскоро вытерся, обернул бедра полотенцем и направился в спальню.

Низко и раскатисто прогремел гром, но Джо-Бет не проснулась. Она спала одетая поверх одеяла, и ее бледное лицо в

сумерках серебрилось от пота. Хови подошел к окну, приоткрыл его. Лиловые тучи набухли дождем, который вот-вот должен был пролиться на пыльные улицы и дворы.

За спиной у него Джо-Бет что-то пробормотала во сне. Он подошел к ней и осторожно сел на край кровати. Она опять забормотала — Хови не смог разобрать ни слова, — а потом подняла руку и коснулась пальцами его плеча, как делала раньше. Ощупала рот, лицо и снова дотронулась до его руки, словно узнала мужа и во сне.

Он решил, что Джо-Бет проснулась, но она спала. На губах у нее заиграла улыбка, рука скользнула к его груди. Прикосновение было легким как перышко, но отчетливо эротическим. Наверное, во сне она разрешила себе то, чего не могла или не хотела разрешить наяву. Она погладила его грудь, и он развязал узел полотенца. Его эрекция снова напомнила о себе, словно напрашиваясь на прикосновение. Хови не шевелился, почти не дышал. Только смотрел, как ее рука спускалась по напрягшемуся животу вниз, пока не нашла его член.

Он тихо вздохнул, стараясь не спугнуть ее. Пальцы Джо-Бет задержались на его органе не дольше, чем на груди, но, когда они скользили с живота на бедра, Хови был так возбужден, что боялся не сдержаться. Он перевел взгляд на ее лицо, но оно было так прекрасно, что он лишь еще разогрелся. Он крепко зажмурился и старался думать про погоду на улице, про надвигающуюся грозу, про непочиненную машину; но лицо Джо-Бет все равно стояло перед глазами.

И тут она снова забормотала, и снова он не разобрал слов, так что невольно открыл глаза и увидел ее губы.

Это было уже чересчур. Он громко вздохнул, и, будто отвечая на вздох, бормотание Джо-Бет стало громче, а рука, гладившая его ногу, снова устремилась к паху. Он ощутил первый спазм и постарался хоть немного задержать извержение. Но Джо-Бет будто почувствовала это, дотянулась до его члена раньше, чем он успел ее остановить, и от прикосновения он кончил.

— Бог ты мой, — простонал он, откинувшись на постели.

Тут она снова заговорила во сне, и он впервые сумел разобрать слова.

— Все хорошо,— отчетливо произнесла она.— Все хорошо, Томми. Вот. Вот так. Все в порядке...

— Томми?

Ее увлажнившаяся рука продолжала сжимать его член, но наслаждение разом исчезло.

— Прекрати,— сказал он.— Хватит.

Она не послушалась, потому что не слышала. Она бессмысленно бормотала, как в бреду:

— ВсевсеххорошоТоммивсевсеххорошовсе...

Ему стало худо. Оттолкнув ее, он попытался подняться, но она, не открывая глаз, ухватила его за руку. Бормотание смолкло.

— Подожди,— отчетливо произнесла она.

Возбуждение пропало. Ему страшно хотелось встряхнуть ее, разбудить, сказать: «Это я, Хови. Помнишь меня? Ты вышла за меня замуж».

Но ему было стыдно — за свой жалкий вид, за свой пот, за свой страх, от которого сразу похолодело внизу живота. Страх перед Томми-Рэем, который подобрался к нему слишком близко и с каждым часом подбирался ближе. Невольно он оглядел комнату, выискивая какой-нибудь знак, который бы выдал присутствие здесь Томми-Рэя Макгуайра. Но его, конечно, не было. Парень-Смерть еще не явился сюда во плоти. По крайней мере, пока. Пока он лишь внедрился в сознание Джо-Бет. Что еще страшнее.

Хови вырвал у нее руку, обмотался полотенцем, чтобы прикрыть наготу, и направился в ванную. Гнев его уже улетучился, остались лишь дурнота и усталость.

Не успел он взяться за ручку двери, как Джо-Бет проснулась.

— Хови? — позвала она.

— Ты ждала кого-то другого?

Она села и недоуменно посмотрела на свою влажную руку.

— Что это? — Тон ее был возмущенным. Но он не чувствовал себя виноватым.

— Тебе приснился Томми-Рэй,— сказал он.

Она спустила ноги на пол, вытирая руку верхней простыней.

— О чем ты говоришь? — спросила она. На шее и плечах у нее проступили красные пятна — верный признак, что она возбуждена. Видимо, до сих пор.

— Ты звала его,— ответил Хови.

— Нет, не может быть.

— Думаешь, я сумел бы такое придумать? — Он повысил голос.

— Да, *очень может быть!* — крикнула она.

И по тому, как она это крикнула (она всегда злилась, если ее ловили на лжи), Хови понял, что она поверила. Значит, она сама что-то помнит. От этой мысли Хови захотелось то ли блевать, то ли плакать, то ли все вместе. Он распахнул дверь и вышел на лестницу. В ту же минуту вдруг пошел дождь, и капли громко забарабанили по окну. Хови поднял глаза, увидел сквозь помутневшее от воды стекло лилово-черные тучи, и дом содрогнулся от близкого раската грома.

В соседней комнате проснулась и заплакала Эми. Он хотел пойти к ней, но услышал за спиной быстрые шаги Джо-Бет и не нашел в себе сил повернуться к ней таким, с искаженным страхом лицом. Она, конечно, доложит об этом брату, когда тот приснится ей в следующий раз. Доложит и скажет: пора, приходи, тебе никто здесь больше не мешает.

Хови вошел в ванную и закрыл за собой дверь. Через какое-то время Эми затихла. Потом стих и ливень, но воздух чище не стал и жара не спала.

ii

— Грилло? Это Хови.

— Не ожидал...

— Ты больше н-н-ничего не слышал про Томми-Рэя?

— Что-нибудь случилось?
— Вроде того.
— Хочешь рассказать?
— Не сейчас, нет, я п-п-росто хочу знать, где он. Он... Он хочет з-з-забрать ее.

— Успокойся, Хови.

— Я точно з-з-знаю, что он хочет забрать ее.

— Хови, он не в курсе, где вы живете.

— Он у нее внутри, Грилло. Он был прав. Я... т-т-твою мать... я не з-з-заикался уже пять лет.— Он замолчал, постоял, подождал, пока восстановится дыхание.— Я решил, что все кончено. П-по крайней мере, с ним.

— Все так решили.

— Я решил, его б-б-больше нет и все кончено. Но он з-здесь, с-сейчас, у нее внутри, в ее с-с-сознании. Так что не думай, что он чего-то не з-знает. Он *знает все*.

— Где ты сейчас?

— На бензоколонке в полумиле от дома. Я не хотел з-з-звонить оттуда.

— Лучше вернись. У тебя есть оружие?

— П-п-пистолет. Какой в нем т-толк? Если он жив...

— Значит, он не боится смерти.

— И п-пистолет ему н-н-не страшен.

— Вот же дерьмо.

— Вот именно. Именно дерьмо. Дерьмо гребаное!

Грилло услышал, как Хови грохнул кулаком по аппарату. Потом издал какой-то странный, сдавленный звук. Он не сразу сообразил, что Катю плачет.

— Послушай, Хови...

Тот плакал, накрыв трубку рукой, чтобы Грилло не слышал.

«Знаем, знаем,— подумал Грилло.— Если никто не слышит, то никто вроде бы и не плачет. Только на самом деле разницы нет».

— Хови? Ты еще здесь?

Не сразу, но Хови ответил. Напряжение в его голосе, кажется, спало.

- Здесь я,— откликнулся он.
- Я приеду. Что-нибудь да придумаем вместе.
- Да?
- Оставайся на месте. Понял?
- А если он... Ч-что, если он п-п-придет за ней?
- Тогда как получится. Если нужно будет, беги. Но не забывай: я тоже в деле, понял?
- Понял.
- Что-нибудь еще?
- Она ему не достанется, Грилло.
- Ясное дело.
- Чего-о бы это мне ни с-с-стоило, она ему не достанется.

Что я наделал? После этого разговора Грилло только о том себя и спрашивал: на кой черт я ввязался? Хови он помочь не мог. Господи, он не мог помочь даже себе.

Грилло сидел перед компьютером (новости теперь текли, как дождевая вода в бочку во время ливня; они были отовсюду, и все плохие) и пытался сообразить, как отказаться от сказанных слов. В то же время он прекрасно понимал: он не сможет жить дальше, если струсит, а что-то вдруг произойдет.

А что-то непременно произойдет, можно было не сомневаться. Не этой ночью, так следующей. Не следующей, так через день. Мир сходит с ума. Подтверждения этому в избытке возникали у него перед глазами на экране монитора. Лучшего времени, чтобы вернуться за Джо-Бет, и не придумаешь. Но он должен что-то сделать, хотя бы попытаться, иначе он никогда не сможет смотреть в глаза своему отражению.

Грилло выключил компьютеры и пошел собирать вещи. Он почти закончил, когда снова зазвонил телефон. Теперь это была Тесла из Эвервилля.

— Я поживу у женщины, с которой здесь познакомилась. Ей нужна моя помощь. Ручка есть?

Грилло записал номер телефона и коротко рассказал про Хови.

Тесла нисколько не удивилась.

— Похоже, на этой неделе многое закончится,— произнесла она.

Грилло сообщил, что собрался к Катцям. Потом вспомнил про Д'Амура:

— Я всегда считал его тотемы и татуировки полной чужью, но сейчас...

— Хочется тоже иметь что-то вроде этого?

— Хочется тоже во что-то *верить*,— ответил Грилло.— Во что-то, что способно защитить, если Томми-Рэй и впрямь выбрался из могилы.

— Может, и выбрался,— проговорила Тесла мрачно.— Сейчас выберется все, что угодно.

Грилло помолчал, пытаясь усвоить информацию, потом сказал:

— Какого черта. Неужто мы действительно заслужили все это?

— Так уж нам повезло,— по-прежнему мрачно ответила Тесла.

iii

Гроза, разразившаяся над домом Катцев, медленно удалялась на юго-запад, по пути проливаясь дождем. На мокрых улицах и на шоссе сталкивались машины, но все столкновения в тот день были незначительными, кроме одного. Серьезное происшествие случилось в ста пятидесяти пяти милях от дома Катцев, на федеральной трассе номер 64. Водитель семейного фургона, где ехала семья из шестерых человек после отдыха в Седар-Сити, не справился с управлением на мокрой дороге, задел машину в соседнем ряду, отчего фургон занесло и выбросило на встречную полосу. В результате столкнулись несколько машин, и образовалась пробка.

Полиция, врачи и пожарные прибыли на место происшествия удивительно быстро — учитывая то, что машины скопились в обоих направлениях, а дождь поливал так, что видимость была не больше пятнадцати ярдов. Но все равно,

когда они приехали, пять жизней были потеряны, и еще трое — включая водителя фургона — погибли прежде, чем их сумели вытащить из груды искореженного металла.

Грозовой фронт, будто заинтересовавшийся тем, что случилось по его вине, завис над местом аварии на полчаса, поливая горевшие автомобили. Под непрерывным ливнем, в клубах дыма, оседавшего в горле горечью, спасенные и спасатели двигались, как призраки, перемазанные и провонявшие кровью и гарью. Те, кто мог плакать, плакали, а кто не мог, бродили от машины к машине и от тела к телу.

Но один из тех призраков не имел отношения ни к спасателям, ни к жертвам. Он двигался в этом аду с такой легкостью, что она после снилась в кошмарах всем, кто его видел.

По свидетельствам очевидцев, он был до неприличия хорош собой: светловолосый, загорелый, с широкой белозубой улыбкой. Он напевал. Именно его пение — не легкая походка и даже не беспечная улыбка — более всего ужаснуло тех, кто потом рассказывал о нем. И не было в его мелодии, спокойной и тихой, ничего демонического.

Но не все провожали его тогда взглядом разинув рот. Полицейский, увидевший, как он заглядывает на заднее сиденье одного из разбившихся автомобилей, приказал ему немедленно отойти. Призрак не обратил на это внимания, разбил заднее стекло и потянулся за чем-то, что лежало на сиденье. И снова полицейский велел ему отойти, доставая из кобуры пистолет в качестве дополнительного аргумента. Тогда призрак перестал петь и произнес всего одну фразу:

— У меня здесь дело.

Возобновив пение на том самом месте, где оно прервалось, призрак достал из машины тело маленькой девочки, не замеченное спасателями. Полицейский наставил оружие ему в грудь и велел немедленно отдать ребенка, но фантом проигнорировал этот приказ, как и предыдущий. Перекинув тело через плечо, как пастух ягненка, он двинулся прочь.

То, что произошло дальше, засвидетельствовали пятеро очевидцев, помимо самого полицейского. Все они находились в крайне возбужденном состоянии, но были признаны

психически здоровыми, так что о галлюцинациях речи не шло. Тем не менее показания их звучали невероятно. Похититель, повернувшись спиной к полицейскому, двинулся в облаке дыма прочь, в сторону обочины. В это время в дыму что-то дрогнуло, и на мгновение свидетели увидели там череду людей с вытянутыми искаженными лицами, со странно изогнутыми, будто лишенными костей телами. Они последовали за похитителем, с воем окружив его, и никто, даже полицейский, не отважился его преследовать.

Через пять часов труп ребенка — трехлетней девочки по имени Лорена Эрнандес — нашли менее чем в миле от шоссе, в небольшой березовой роще. Окровавленная одежда была снята, а тело тщательно, почти любовно омыто дождевой водой. Девочка лежала на влажной после дождя земле в позе эмбриона, поджав руки и ноги. Признаков сексуального насилия полиция не обнаружила. Но у девочки не было глаз.

Не обнаружили и никаких следов похитившего ее красавчика. Никаких — в буквальном смысле. Ни следов обуви на земле, ни отпечатков пальцев на теле, ничего. Как будто он растворился в воздухе, исполнив свой мрачный и бессмысленный ритуал.

Сообщение об аварии попало на Риф в тот же вечер, но прочесть его было некому. Грилло в эту минуту сидел за рулем на дороге в Айдахо, ничего не зная про эти новости, которых становилось все больше, и одна страннее другой.

В Миннесоте человек, которому делали операцию на сердце, вдруг пришел в себя на операционном столе. Несмотря на отчаянные попытки анестезиологов снова усыпить его, он объявил хирургам, что идут пожирающие-свой-хвост: они идут, и ничто их не остановит. После чего умер.

В Техасе, в кампусе Остин-колледжа, женщина в белых одеждах, сопровождаемая шестью огромными псами-альбиносами, ушла под землю — по словам свидетелей, как будто спустилась вниз по невидимой лестнице. Оттуда доносились стоны, исполненные такой скорби, что один из тех, кто их услышал, через час покончил с собой.

В то же время в Атланте преподобный Дональд Мерил, с присущим ему пылом читая проповедь на тему «Существует только одна любовь — любовь Божья», вдруг отклонился в сторону и принялся вещать о Неминуемом. Проповедь шла по каналу национального телевидения, так что камеры запечатлели, как он размахивал руками, топал ногами, а речь его тем временем становилась темнее и непонятнее. Потом он вновь сменил тему и принялся рассуждать о человеческой анатомии. Он заявил, раздеваясь на глазах у ошеломленной публики, что ключ разгадки здесь: в груди, в животе, в гениталиях. Когда проповедник остался в одном белье и в носках, трансляцию прервали, но он продолжал разглагольствовать, призывая паству пойти домой, найти большое зеркало, раздеться и изучать свою наготу, пока не свершится Неминуемое.

Одно из этих сообщений непременно вызвало бы интерес у Теслы, попадись оно ей на глаза, и события тогда могли бы войти в иное русло.

Сообщение поступило из Байи. Двое иностранцев, парапсихологи из Англии, собирали материал для своей книги о загадках разума и природы. Они отправились на поиски некоего легендарного места: по слухам, несколько лет назад там произошли удивительные и страшные события. Изучив свидетельства немногочисленных очевидцев, они попали в те места, где Флетчер впервые получил нунций, — в миссию Санта-Катрина. Они как раз фотографировали развалины миссии, когда к ним подошла одна из оставшихся хранилищниц и сообщила, что предыдущей ночью в миссии занялась пламя в форме человеческой фигуры.

— Флетчер, — твердила она. — Флетчер, Флетчер...

Но следом за этим сообщением пришли десятки новых, ежечасно поступающих из всех североамериканских штатов. И в каждом сообщении была своя история — причудливая, страшная, гротескная, непристойная или попросту нелепая. Риф, оставшийся без надзора, собирал их.

VIII

i

Найти перекресток, где когда-то Мэв О'Коннер закопала медальон, оказалось куда сложнее, чем ожидал Будденбаум. Он вместе с Сетом два часа бродил по Мейн-стрит — сначала на север-северо-запад, потом на юг-юго-восток от центральной площади, решив (как выяснилось, ошибочно), что нужный ему перекресток — тот самый, где должно закончиться его путешествие, — находится в центре города. В конце концов он нашел его, пройдя две трети мили от площади до места, никак не отмеченного на карте Эвервилля. На одном углу находилось скромное заведение под названием «Закусочная Китти», на другом — маленький рынок. Через дорогу располагался старый гараж, а напротив — бывший магазин одежды, где в витрине еще стояли раздетые манекены и оставшийся от прежних дней плакат распродажи.

— Что ты, собственно, ищешь? — спросил Сет, когда они остановились, оглядывая перекресток.

— Уже ничего, — ответил Будденбаум.

— Откуда ты знаешь, что это именно тот перекресток?

— Чувствую. То, что мне нужно, находится в земле. Ты смотришь поверху, а я вглубь. Мы дополняем друг друга. — Он сцепил два пальца и потянул, показывая, как крепко они держатся. — Вот так.

— А скоро мы вернемся в постель? — спросил Сет.

— Погоди. Сначала мне нужно тут осмотреться.— Он кивнул на окна пустого магазина.— Нам надо найти хорошую точку обзора.

— Чтобы увидеть парад?

Будденбаум засмеялся:

— Нет. Не парад.

— Тогда зачем?

— Как бы тебе объяснить...

— Как хочешь.

— В мире есть места, где всегда что-то случается,— сказал Будденбаум.— Места, где проходят силы, где...— Он замолчал в поисках нужного слова.— Где являются аватары.

— Кто такие аватары?

— Ну... Что-то вроде божества.

— Ангелы?

— Выше ангелов.

— Выше? — выдохнул Сет.

— Выше.

Сет задумался. Потом спросил:

— А эти...

— Аватары...

— Да, аватары — они что, здесь появятся?

— Думаю, да.

— Откуда ты знаешь?

Будденбаум опустил глаза:

— Думаю, самый простой ответ такой: потому что я их об этом попросил.

— Попросил? — повторил Сет и от неожиданности рассмеялся. Ему явно понравилась мысль, что он стоит рядом с человеком, приглашающим в гости небесное существо.— И они вот так взяли и приняли приглашение?

— И не впервые. Я не раз им устраивал... как бы это сказать... забавы.

— Какие?

— Разные. По большей части такие, что обычного человека от них бросило бы в дрожь.

— Именно это им нравится, да?

Будденбаум посмотрел на юношу с приятным удивлением. — Ты быстро схватываешь,— сказал он.— Да. Это им нравится. Чем больше крови, тем лучше. Чем больше горя и слез, тем лучше.

— Значит, они не слишком отличаются от нас? — спросил Сет.— Мы тоже это любим.

— С той лишь разницей, что у них видеоряд подлинный,— сказал Будденбаум.— И кровь настоящая, и слезы не глицериновые. Им нужно, чтобы все было реальным. А моя работа заключается в том, что я им это обеспечиваю.— Он замолчал, глядя на поток людей и машин.— Не всегда приятное занятие,— добавил он.

— Тогда зачем ты этим занимаешься?

— Долго рассказывать. Во всяком случае, не здесь и не сейчас. Но если ты будешь рядом, сам поймешь. Можешь мне поверить.

— Я и так верю.

— Вот и хорошо. Тогда пойдём?

Сет кивнул, и они направились к пустому магазину, перейдя улицу.

Уже на пороге бывшего магазина готового платья Сет спросил у Будденбаума:

— Тебе страшно?

— Почему мне должно быть страшно?

Сет пожал плечами.

— Мне было бы страшно. Встречать аватар.

— Они почти такие же, как люди, но стоят на более высокой ступени развития,— объяснил Будденбаум.— По сравнению с ними я обезьяна. *Все мы обезьяны.*

— Значит, они приходят посмотреть на нас, как в зоопарк?

— Скорее как на сафари.— Будденбаум улыбнулся, найдя точное слово.

— Тогда, наверное, им здесь страшно,— предположил Сет.— Они же спускаются в дикий мир.

Будденбаум пристально взглянул на него.

— Держи язык за зубами,— резко произнес он.

— Я только...

Будденбаум перебил:

— Зря я тебе рассказал.

— Я не выдам,— заверил Сет.— Мне и разболтать-то некому.

Будденбаум по-прежнему хмурился.

— Никто ничего не узнает от меня,— обещал Сет.— Честное слово.

Он подступил к Будденбауму и дотронулся до его руки.

— Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо со мной,— проговорил он, заглядывая Оуэну в лицо.— Только скажи.

— Да, я вижу. Прости, что нарычал на тебя. Видимо, я действительно немного нервничаю.— Он наклонился к юноше и прошептал так, что губы его почти касались уха Сета: — Я хочу тебя. Здесь и сейчас.

И почти без усилия он сорвал с двери замок и впустил Сета внутрь.

Эта короткая сцена не прошла незамеченной. Босли, который никак не мог успокоиться после стычки с бесстыжей мегерой, не терял бдительности и еще нетерпимее отслеживал все проявления безбожного поведения. От него не укрылись нежные отношения, установившиеся между юным Ланди — насколько знал Босли, парень всегда был немного не в себе — и незнакомцем в безукоризненно сшитом костюме. Босли не стал говорить об этом ни Делле, ни Дугу, ни Хэрриет. Сказал, что выйдет ненадолго, и быстрым шагом двинулся через улицу, не сводя глаз с пустого магазина.

Секс как таковой не особенно интересовал Босли. Они с Летисией могли обходиться без него по три-четыре месяца, а если все-таки занимались любовью, то минут пятнадцать, не больше. Тем не менее секс всегда доставал Босли, старавшегося поддерживать чистоту в своем уголке вселенной. Секс был повсюду — по радио и по телевизору, в газетах и журналах. Он осквернял и пачкал все, что Босли в поте лица своего старался отчистить.

Бог поднял человека из праха и возвысил над животными, так отчего же люди стремятся вести себя как животные? Они обнажаются, подобно зверям, и совокупаются в грязи.

Это угнетало его. Иногда злило, но чаще угнетало, особенно при виде молодых людей, наплевавших на принципы веры и поддавшихся порокам. Но отчего-то — наверное, из-за слабости ума Сета Ланди — Босли считал, что этот мальчик избегнул общей печальной участи. Но теперь он заподозрил, что Сет впал в грех куда более тяжкий.

Босли толкнул входную дверь и вошел. В магазине оказалось прохладнее, чем на улице, что само по себе было приятно. Босли остановился в шаге от двери, стараясь определить по звуку, где мальчишка и его спутник. Над головой слышались шаги и приглушенные голоса. Лавируя между грудами хлама и стараясь ступать неслышно, он пересек торговый зал. В конце была задняя дверь, что вела в складское помещение и дальше, на темную лестницу. Босли проследовал туда и стал подниматься. Едва он сделал несколько шагов по ступенькам, как наверху наступила тишина. Босли затаил дыхание, боясь себя выдать. Он рисковал жизнью, выслеживая этих людей, пренебрегавших моралью. Он несколько не сомневался в том, что они способны на все, в том числе на убийство.

Однако никто не появился, и Босли пошел дальше, пока не увидел еще одну дверь на втором этаже. Она была приоткрыта. Босли открыл ее пошире и наострил уши.

Он услышал их. У порока есть собственные звуки, и он их услышал. Сопение, пыхтение, шлепанье тела о тело. От них у Босли начала зудеть кожа, будто покрывалась грязью от воздуха, где творится мерзость. Ему хотелось повернуться и бежать прочь отсюда, но это была бы трусость. Он чувствовал, что обязан указать грешникам на их грех, как указал той бесстыжей склочнице, иначе мир погрязнет в пороках и утонет в нечистотах.

Он открыл дверь, и она заскрипела, но животные были слишком заняты собой и не услышали скрип. Комната име-

ла такую форму, что от двери их заслонял угол, так что Босли пришлось сделать несколько шагов. Затаив дыхание, он двинулся вдоль стены.

Они были там — совокуплялись на полу, на голых досках, залитых ярким солнечным светом: юный Ланди, голый, в одних носках, и его совратитель со спущенными до пола штанами. Глаза незнакомец закрыл, так же как и мальчишка — неужели он испытывал удовольствие от омерзительного акта, погружаясь в клоаку? Но через пару секунд содомит открыл глаза и увидел Босли. Ни на лице его, ни в голосе не отразилось ни тени стыда. Только ярость.

— Как вы *посмели*? — возмутился он. — Вон отсюда!

Тут и Ланди открыл глаза. В отличие от совратителя он еще не забыл, что такое совесть, и покраснел, прикрыв рукой причинное место.

— Вон, я сказал! — повторил содомит.

Но Босли не сделал ни шагу — ни назад, ни вперед. Первым не выдержал мальчик. Отделившись от своего совратителя, он обернулся к нему и сказал:

— *Заставь* его уйти!

Тот наклонился за штанами, и Босли решил, что, пока мерзавец уязвим, пора переходить в атаку.

— Животные! — завопил он, вздевая руки, и бросился на развратника.

— Оуэн! — крикнул мальчишка, но опоздал.

Нечестивец пытался выпрямиться, когда Босли налетел на него и сбил с ног.

Мальчишка вскочил, не помня себя от ярости. Босли увидел его — дикие глаза, посеревшее от бешенства лицо, оскалившийся рот — и поспешил отступить в сторону. Но едва он сделал шаг, как раздался звон бьющегося стекла. Оглянувшись, Босли увидел, что развратник падает в окно. В следующую секунду на него набросился юный Ланди, голый и потный.

Босли испугался и закричал. Он попытался сбросить с себя мальчишку, но тот оказался сильным. Он вцепился в него,

будто жаждал поцелуев, прижимался к Босли всем телом и обдавал горячим дыханием.

— Нет... нет... нет! — вопил Босли, пытаясь вырваться из мерзких объятий.

Наконец ему это удалось, и, задыхаясь, едва не плача, он стал отступать к двери.

Только тут он сообразил, что мужчина исчез.

— Господи Иисусе,— прошептал он с намерением помолиться. Но слова замерли на языке. Он двинулся к разбитому окну, повторяя без конца: — Господи Иисусе! Господи Иисусе! Господи Иисусе...

Ланди больше не обращал на него внимания.

— Оуэн! — крикнул он и, по-прежнему голый, в три прыжка подскочил к окну.

Мгновение спустя Босли стоял с ним рядом. Содомит лежал на тротуаре, так и не успев натянуть штаны. Движение на перекрестке замерло, нетерпеливо загудели клаксоны.

От отвращения и от высоты у Босли закружилась голова, и он отступил назад.

— Ублюдок! — заорал мальчишка.

Из пореза на его боку лилась кровь, и он снова набросился на Босли, решив, что тот собрался сбежать.

Босли попытался увернуться от ударов, но запутался каблучком в ворохе одежды и тяжело упал навзничь. Ланди тут же оказался на нем, уселся своей тощей задницей ему на грудь, придавив руки коленями. Так их и нашли те, кто прибежал навверх: Босли, лежавшего на полу, повторявшего без конца: «Господи Иисусе, Господи Иисусе», и Сета Ланди, обнаженного, злого, не позволившего ему подняться.

ii

Что бы ни думал раньше о смерти Эрвин Тузейкер, ему никогда бы в голову не пришло, что мертвецы могут ходить пешком. Тем не менее за последние шесть часов он прошел больше, чем за два месяца. Сначала из дома, потом снова домой, потом в ресторанчик Китти, потом еще раз домой и еще раз к Китти, где увидел машину «скорой помощи», вы-

ехавшую с Каскад-стрит. Он подошел к ресторану — вернее, к дому на противоположной стороне улицы,— как раз когда в машину погрузили человека, выпавшего из окна верхнего этажа. Его повезли в Силвертон. Эрвин немного побродил в толпе, послушал разговоры и вскоре узнал все подробности. Виной всему, похоже, был Босли Каухик — он застукал беднягу, когда тот занимался кое-чем с местным мальчишкой. Эрвину была известна репутация Босли: филантроп, который на Рождество в компании вместе с несколькими другими добрыми христианами кормил горячим супом бедных и немощных, и ревностный обличитель пороков (почти каждый месяц в городском «Вестнике» печаталось очередное письмо Босли со свежими примерами безбожного поведения горожан). Эрвин никогда не встречался с ним лично и теперь не мог припомнить его лицо. Но если Босли искал широкой популярности, то сегодня он ее нашел.

— Чертовски странно,— услышал Эрвин и, оглядев расходившуюся толпу, увидел сероглазого и седоволосого человека лет шестидесяти, одетого в мешковатый костюм.

Человек глядел на него.

— Вы говорите со мной? — спросил Эрвин.

— Да,— ответил тот.— Я говорю, чертовски странно...

— Не может быть.

— Чего не может быть?

— Вы не можете говорить со мной. Я умер.

— Я тоже умер,— отозвался незнакомец.— Я говорю, что на этом перекрестке много лет творятся странные вещи.

— Вы тоже? — удивленно переспросил Эрвин с невероятным облегчением.

Наконец-то у него есть с кем поговорить.

— Конечно,— кивнул незнакомец.— Немного нас здесь таких. Вы откуда приехали?

— Ниоткуда.

— Хотите сказать, вы местный?

— Да. Я только что, знаете ли...

— Умер. Так и говорите.

— Умер.

— Некоторые приезжают сюда на фестиваль. Устраивают себе выходной.

— Мертвые?

— Конечно. Ну а почему бы нет? Парад, он и есть парад, так? Некоторые любят даже пройтись с колонной, знаете ли, между платформами. Чтобы посмеяться. Или ты умеешь смеяться, или твое сердце разорвется. Наверное, так оно и случилось? Сердечный приступ?

— Нет,— сказал Эрвин. Он еще не успел привести мысли в порядок, изумленный таким оборотом событий.— Нет, я... Я был...

— Недавно вы, да? Вначале все мерзнут. Потом привыкают. Черт, человек ко всему привыкает, правда? Только не надо оглядываться назад, не надо ни о чем жалеть, у нас еще много чего осталось.

— Неужели?

— А разве мы с вами не гуляем тут? Между прочим, как вас зовут?

— Эрвин. Эрвин Тузейкер.

— А я Ричард Долан.

— Долан? Владелец кондитерского магазина?

Человек улыбнулся.

— Точно,— подтвердил он и ткнул большим пальцем через плечо, указывая на пустое здание.— Вон мой магазин, вот тут стоял. В добрые старые времена. На самом деле не такие уж они и добрые. Но, знаете ли, когда оглядываешься назад...

— Прошлое всегда кажется лучше...

— Верно. Прошлое всегда...— Вдруг он осекся и нахмурился.— Эй, вы что, жили тут, когда у меня был магазин?

— Нет.

— А откуда же, черт возьми, вы про него знаете?

— Прочел в завещании одного из ваших друзей.

— Вот как,— проговорил Долан.— Кого именно?

— Лайла Макферсона.

— Он оставил завещание?

— Ага. Потом оно затерялось, а я его нашел.

— Сукин сын.

— А он... Я имею в виду Макферсона... Он еще здесь?

— В смысле, такой ли он, как мы? Нет. Кто-то еще болтается тут, а кто-то уже нет.— Долан пожал плечами.— То ли перебираются куда-нибудь в другое место, то ли,— он щелкнул пальцами,— исчезают. А может быть, я сам хотел тут задержаться, а он нет.

— Вы не знаете, это не настоящие наши тела? — спросил Эрвин.— Я хочу сказать, я видел свое..

— Ага, я свое тоже видел. Не очень приятное зрелище.— Долан повертел перед собой ладони, разглядывая их.— Как бы там ни было,— сказал он,— всё лучше, чем ничего. И знаете ли, это не лучше и не хуже, чем быть живым. Бывают удачные дни, бывают не очень.— Он отвлекся, следя взглядом за улицей.— Вот разве что, похоже, все скоро закончится.

— Почему вы так думаете?

Долан тяжело вздохнул.

— Постепенно начинаешь ощущать ритм происходящего. Живые так не могут. Это как дым.

— Что как дым?

— Мы как дым. Плаваем тут — и не плотные, и не бесплотные. И если что-то носится в воздухе... Дым знает, откуда ветер.

— В самом деле?

— Увидите.

— Может быть, я уже увидел.

— Вы о чем?

— Если хотите, можем посмотреть, что творится у меня дома. Там обосновался тип по фамилии Флетчер. Выглядит как человек, но я не думаю, что он человек.

Долан явно заинтересовался:

— А зачем вы его пригласили?

— Я не приглашал. Он... Он просто пришел, и всё.

— Погодите.— Долан начал понимать.— Значит, вы оказались здесь из-за Флетчера?

— Да,— сказал Эрвин, и голос его погрузнел.— Он меня убил. Высосал из меня жизнь в моей же собственной гостиной.

— Вы хотите сказать, он вампир?

Эрвин нахмурился.

— Не говорите глупостей. Это вам не ночной кошмар, а моя жизнь. То есть это *была* моя жизнь. *Была, была!* — Он внезапно разразился слезами. — Он не имел права... он не имел никакого права так поступать со мной. Мне оставалось еще лет тридцать — тридцать прекрасных лет, а он... Он забрал их. Почему я? Почему он выбрал меня? Что и кому я сделал плохого? — Он посмотрел на Долана. — Вы, например, сделали то, чего не должны были делать, и теперь расплачиваетесь. Но я был полезным членом общества...

— Эй, погоди, — с раздражением сказал Долан. — Я тоже был полезным.

— Перестаньте, Долан. Я был адвокатом. Я занимался вопросами жизни и смерти. А вы продавали детям дырки в зубах. Долан наставил палец на Эрвина.

— Заберите свои слова обратно, — потребовал он.

— С чего бы? — сказал Эрвин. — Это правда.

— Я приносил радость в жизнь. А что сделали вы, кроме того, что дали себя убить?

— А теперь вы выбирайте слова.

— Думаете, ваши клиенты станут вас оплакивать? Нет. Они скажут: слава богу, одним законником меньше.

— Предупреждаю: выбирайте слова.

— Ах, как страшно! — Долан поднял руку. — Только посмотрите: дрожу как лист.

— Слушайте, если вы такой храбрый, черт побери, то почему пустили себе пулю в лоб? Случайно, да?

— Заткнитесь.

— Или вас так мучило чувство вины...

— Я сказал...

— Так мучило чувство вины, что вам больше ничего не оставалось, кроме как застрелиться?

— Я не обязан вас слушать, — заявил Долан, повернулся и пошел прочь.

— Хочу вас утешить, — бросил ему в спину Эрвин. — Я уверен, что тем самым вы ошастливили массу людей.

— Мерзавец! — рявкнул Долан, и не успел Эрвин найти достойный ответ, как он исчез. Растворился в воздухе, будто дым.

III

i

— У нас есть команда, Джо.

Джо открыл глаза. Ной стоял на берегу в нескольких шагах, а за спиной у него маячили шестеро существ — двое по пояс Ную, третье выше на целый фут, а еще трое, приземистые, с широченными плечами, походили на портовых грузчиков. Больше Джо ничего не разглядел. Небо окончательно померкло. Там теперь мелькали какие-то темные частицы, пурпурные, серые и синие, оседавшие на берег и на воду.

— Пора двигаться, — сказал Ной. — Нужно успеть до прилива.

Он повернулся к своим волонтерам и заговорил с ними таким голосом, какого Джо еще не слышал, — низким и монотонным. И они безропотно приступили к делу: один коротышка направился к рулевой рубке, а остальные облепили нос «Фанакапана» и принялись сталкивать его в воду. Работа была не из легких, и Джо направился к ним помогать. Ной его остановил.

— Они справятся, — проговорил он, отстраняя Джо.

— Как ты их уговорил?

— Сами захотели.

— Ты, должно быть, много им пообещал.

— Они служат во имя любви, — ответил Ной.

— Не понимаю.

— Не забивай себе голову, — посоветовал Ной. — Давай отдохнем, пока есть возможность.

Он отвернулся и снова стал наблюдать за своими морями, толкавшими лодку. Поднявшиеся вдруг волны бились о корму, вздымая фонтаны брызг.

— Дело хуже, чем я думал,— сказал Ной, переведя взгляд на невидимую линию горизонта.

Там, среди закрывавших ее туч, багрово зазмеились гигантские зловещие молнии — если, конечно, это на самом деле молнии. Иногда они вылетали из воды и казались ослепительными, так что глаза не сразу обретали зрение, когда они гасли. Другие врезались друг в друга, сталкиваясь, как два огромных поезда, и рассыпались дождем молний помельче. Третьи падали в воду и продолжали светиться, пока не исчезали в морских глубинах.

— Какие дела? Ты о чем? — спросил Джо.

— О том, что там происходит.

— А что там происходит?

— Думаю, ты имеешь право знать,— отозвался Ной.— Так приходят иад-уроборосы. Самое страшное, что может случиться и в твоём мире, и в нашем.

— Это еще что такое?

— Не что, а кто. Это народ. Они ничем не похожи на нас, но тем не менее они люди и вечно рвутся в твой мир.

— Зачем?

— Разве желаниям нужны причины? — пожал плечами Ной.— Они многократно пытались, но всякий раз их останавливали. Теперь же...

— Что нужно делать?

— Ну, наши помощники этого не знают. Не думаю, что им вообще есть какое-то дело до того, что происходит.— Ной придвинулся к Джо ближе.— Запомни,— сказал он.— Не вступай в разговоры, как бы тебе ни хотелось. Это часть нашего с ними договора. И не спрашивай почему,— добавил он, глядя на изумленное лицо Джо.— Ответ тебе не понравится. Поверь на слово, так будет лучше.

Команда уже спустила корабль на воду, и он раскачивался на волнах, которые разбивались о его борта, поднимая снопы брызг.

— Пора,— провозгласил Ной.

Он вошел в волны первым и двинулся к кораблю, где его поднял на борт один из команды. Джо в полном смятении пошел за ним следом.

— Мы, наверное, выжили из ума,— сказал он Ною, когда они оба стояли на палубе.

Волонтеры к тому времени сели на весла, и корабль мощными рывками отходил от берега. Стараясь перекричать шум волн и скрип деревянного такелажа, Джо закричал во весь голос:

— Понял, нет? Мы выжили из ума!

— Это еще почему? — проорал в ответ Ной.

— Смотри, что там творится! — Джо указал вперед.

— Верно.— Ной ухватился за веревочную лестницу, чтобы удержаться на ногах.— Да, там можно погибнуть.— Он рассмеялся, и Джо вдруг захотелось прыгнуть за борт, пока они не отплыли далеко от берега.— Но, друг мой,— Ной потрепал его по плечу,— ты уже далеко зашел. Очень далеко. А все почему? Потому что в глубине души ты с самого начала знал, что это в той же степени *твое* путешествие, как и мое. И ты *должен* его совершить, иначе будешь жалеть до конца жизни.

— Хорошо бы жалеть подольше! — кричал Джо.

— Без силы долго не протянешь,— отозвался Ной.— Без силы, без власти конец все равно придет быстро. Не успеешь и глазом моргнуть, как он постучится в дверь, а ты будешь сидеть и думать: почему я не рискнул? Почему струсил?

— Ты говоришь так, будто знаешь меня,— запротестовал Джо, разозленный самоуверенностью Ноя.— Ничего ты про меня не знаешь.

— Все знают, что люди жалеют о несовершенном,— заметил Ной.— И разве не каждый перед смертью хочет исправить ошибки?

Джо не нашелся, что на это ответить.

— Если хочешь вернуться на берег,— продолжал Ной,— поторопись.

Джо оглянулся и с удивлением увидел, что за короткое время их корабль преодолел полосу прилива и, подхваченный течением, быстро удалялся от берега. Джо скользнул взглядом по темной линии берега, увидел город, где уже зажглись огни, трещину, повисшую темной застывшей молнией над землей, и кучку людей с ней рядом. Потом решил, что жалеть не о чем, и повернулся лицом к бушующему шторму.

У Теслы и Фебы было мало общего, кроме того, что обе они — женщины. Тесла много путешествовала, Феба — нет. Феба была замужем, Тесла — нет. Тесла никогда никого не любила и понятия не имела, что такое страсть, а Феба и любила, и знала.

Именно по этой причине (как быстро поняла Тесла) Феба стала удивительно открытой, словно в мире, где правила страсть, прощалось и допускалось все или почти все. А уж в том, что в мире Фебы правила страсть, Тесла не сомневалась. Они были едва знакомы, но Феба сразу почувствовала, что Тесла — судья снисходительный, и начала рассказывать свою историю. Больше всего она говорила о Джо Фликере, о его глазах, о его поцелуях, о его привычках в постели; она им едва ли не хвасталась, будто он стал ее наградой за все мучения супружеской жизни. Мир странно устроен, повторила Феба несколько раз в ходе повествования о том, как они с Джо встретились и как быстро полюбили друг друга.

— Знаю,— сказала Тесла и подумала: поймет ли ее Феба, если захочет в ответ услышать историю Теслы?

Но в это мгновение позвонил Грилло, а потом Феба, во время их разговора остававшаяся в комнате, задала вопрос:

— О чем вы говорили?

— Ты действительно хочешь знать?

— Конечно, я же спросила.

Тесла начала с самого простого: кто такой Грилло, что такое Риф и чего она насмотрелась за последние пять лет, пока путешествовала по «Америкам».

— Ну и что все это значит? — спросила Феба.

— Ты подумаешь, что я спятила.

— Спятила ты или нет,— сказала Феба,— но я хочу знать.

— По-моему, приближается конец света. В смысле, конец нашей прежней жизни. Нам придется совершить эволюционный скачок. А это значит, что начинается удивительное и опасное время.

— Почему опасное?

— Потому что некие силы против того, чтобы мы сделали этот скачок. Для них было бы лучше, если бы мы оставались прежними, продолжая слепо блуждать в темноте, боясь собственной тени, боясь смерти и жизни. Они, эти силы, не хотят, чтобы что-то менялось. Но есть люди, которые говорят: не желаю жить в потемках, не желаю жить в страхе, я вижу путь, я слышу голоса ангелов, я знаю, что было со мной раньше, до рождения, и кем я стану после. Они есть повсюду.

— Ты встречала таких людей?

— Да.

— Потрясающе,— отозвалась Феба.— Не знаю, верю ли я в это, но все равно потрясающе.

Феба поднялась и пошла к холодильнику, продолжая тем временем говорить.

— А кто те силы, что хотят нас удержать? — спросила она.— В дьявола я тоже не очень-то верю, но если не дьявол, то кто же?

— Это уже другой вопрос,— ответила Тесла.

— Поболтаем за ужином, а? — сказала Феба.— Лично я ужасно проголодалась. А ты?

— Вообще-то я тоже.

— Еды никакой нет,— проговорила Феба, закрывая дверцу холодильника.— Придется куда-нибудь сходить. Как насчет пиццы? Или цыпленка?

— Все равно. Только не в ту гребаную закусочную.

— Ты имеешь в виду, не к Босли?

— Вот ублюдок.

— Но гамбургеры у него хорошие.

— Я заказывала рыбу.

Они не сели в машину, а пошли пешком, и по пути Феба рассказывала, как она завела любовника и потеряла мужа. Чем больше она говорила, тем больше нравилась Тесле. В Фебе странным образом соединялись претензии жительницы маленького городка (она искренне считала себя лучше большинства своих знакомых) с очаровательным самобичеванием (особенно когда речь зашла о весе). Она казалась Тесле то забавной (когда начинала ехидно и совершенно неблагоприятно рассказывать о медицинских проблемах своих знакомых, которые презрительно морщили нос, завидев ее), то трогательной (когда говорила про Джо и про то, что уже давно не верила, будто кто-то может полюбить ее по-настоящему).

— Ты совсем не знаешь, куда он мог деться? — спросила Тесла.

— Нет.— Феба окинула взглядом уличную толпу.— В толпе ему не затеряться, это уж точно. Если он вернется сюда, ему придется быть очень осторожным.

— Ты уверена, что он вернется?

— Конечно, уверена. Он же обещал.— Она искоса поглядела на Теслу.— По-твоему, я дура?

— Нет, ты просто доверчивая.

— Все кому-нибудь доверяют, ведь так?

— Разве?

— Если бы ты могла почувствовать то, что чувствую я,— сказала Феба,— ты не задала бы такой вопрос.

— Я знаю только одно — что в конце всегда остаешься в одиночестве. Всегда.

— Кто же говорит про конец? — отозвалась Феба.

Тесла сошла на мостовую, обходя толпу, и потянула за собой Фебу.

— Послушай,— проговорила она,— здесь скоро произойдет что-то ужасное. Не знаю точно что и не знаю точно когда, но можешь мне поверить: жизнь этого городишки подошла к концу.

Феба сначала ничего не ответила. Она лишь оглядела улицу, заполненную людьми и машинами. Потом подумала немного и сказала:

— Надеюсь, все случится скоро, и я увижу это.

— Ты серьезно?

— То, что я живу здесь, вовсе не значит, что я люблю этот городишко,— ответила Феба.— Я не говорю, что верю тебе. Но если все так и случится, я плакать не буду.

— *Та еще штучка,*— сказал Рауль, когда они уселись за столик в пиццерии, а Феба пошла в туалет.

— *Я уже думала, куда это ты подевался.*

— *Наслаждался вашей беседой. Сердитая дамочка.*

— *Она не дамочка, это мне и понравилось. Жалко ее.*

— *Думаешь, ее дружок дал деру?*

— *А ты?*

— *Вполне возможно. Только зачем ты тратишь на нее время? Она, конечно, забавная, но мы сюда приехали, чтобы найти Флетчера.*

— *Я не могу идти к этому Тузейкеру одна,*— ответила Тесла.— *Просто не могу. Когда я почувяла запах...*

— *Может быть, просто неисправная канализация.*

— *А может быть, и ликсы. А тот, кто их вызвал, мог убить Флетчера.*

— *Но чтобы это выяснить, нужно попасть в дом.*

— *Вот именно.*

— *И ты решила получить у этой женщины моральную поддержку?*

— *Если не она, то кто нам поможет? Или подождать, пока вернется Люсьен?*

— *Я ведь не знал, что он может понадобиться...*

— *Я тебя не виню, но пойми: мне нужна помощь, а кроме нее, мне здесь никто не поможет.*

— *А если с ней что-то случится?*

— *Не хочу даже думать об этом.*

— *А надо.*

— *Тоже мне, мудрый сверчок! Я честно ей все объясню. Скажу, что мы боремся...*

— *Хочешь снять с себя ответственность, да? Тесла, Тесла! Она всего-навсего обыкновенная женщина.*

- Я тоже была обыкновенная,— напомнила Тесла.
- Когда это было. К тому же, по-моему, ты никогда не была обыкновенной.
- Вот спасибо.
- Не за что.
- Возвращается. Я хочу ей все рассказать, Рауль. У меня нет выбора.
- Это кончится слезами и...
- Как всегда.

Такой разговор не подходил под пиццу с копчеными колбасками, но аппетит Фебы несколько не пострадал. Не перебивая, она выслушала рассказ Теслы о том, что с ней случилось в Петле, со всеми подробностями. Поначалу Тесла по минутно говорила что-то вроде «знаю, что это звучит глупо» или «ты, наверное, думаешь, что я ненормальная», пока Феба ей не сказала:

— Не переживай, даже если ты ненормальная, мне плевать.

Тесла приняла к сведению и дальше обходилась без отступлений, пока не дошла до ликсов и их хозяина. Тут она остановилась.

- В чем дело? — осведомилась Феба.
- Про них попозже.
- Почему?
- Они омерзительны, вот почему. Не за едой.
- Если ты из-за меня, то не беспокойся. Ты не забыла, что я восемь лет проработала у врача? Всякого навидалась.
- Такого, как ликсы, ты не видела,— ответила Тесла и, приглушив голос, принялась их описывать.

Феба продолжала жевать, а потом осведомилась:

- И ты думаешь, что видела таких ликсов у Эрвина?
- Да, вполне возможно.
- Их сделал твой знакомый, этот Флетчер?
- Сомневаюсь.
- А кто же?

— Тот, кто желал Флетчеру зла. Тот, пришел за ним туда, кто нашел его и...— Она вскинула руки.— Не знаю, в том-то и дело. А единственный путь выяснить...

— Вернуться туда.

— Правильно.

— Сдается мне,— проговорила Феба,— если эти ликсы существуют... Я не говорю, что они есть, я говорю «если». И если на самом деле они сделаны из того, о чем ты говоришь, их не так уж трудно убить.

— Они вырастают до шести-семи футов длиной,— заметила Тесла.

— Фу. И ты это видела?

— Да, видела.— Тесла посмотрела в окно: отчасти для того, чтобы не видеть остатки пиццы в тарелке, отчасти для того, чтобы скрыть от Фебы страх в собственных глазах.— У меня в квартире в Лос-Анджелесе...

— Как они туда попали? Выползли из унитаза?

Тесла не ответила.

— Придется ей рассказать,— прошептал Рауль у нее в голове.

— Что именно? — настаивала Феба.

— Расскажи ей про Киссуна.

— Она испугается.

— До сих пор она держалась неплохо.

Тесла посмотрела на Фебу, которая приканчивала пиццу в ожидании ответа.

— Если рассказать про него, придется и про остальное.

— Об этом надо было думать, когда ты начала про ликсов.

Тесла промолчала.

— Разве не так?

— Наверное, так.

— Тогда говори все. Про Киссуна. Про Петлю. Про Синклит. Про Субстанцию, если она до тех пор не сбежит.

— Ты знаешь, что у тебя шевелятся губы, когда ты думаешь? — спросила Феба.

— Правда?

— Немного.

— Ну... я тут пытаюсь разрешить одно противоречие...

— Какое?

— Стоит ли говорить тебе правду, всю правду и ничего кроме...

— Ну и как, решила?

— *Рассказывай.*

— Решила.— Тесла отодвинула тарелку и наклонилась вперед.— Я отвечу на твой вопрос. Нет, ликсы не выползли из унитаза. Они явились из Петли времени...

Она никогда никому не рассказывала этого в подробностях. Сообщила, конечно, Грилло и Д'Амуру, но лишь в общих чертах. Детали были слишком гнусными, вспоминать о них было слишком мучительно. Но Фебе, которую Тесла едва знала, она рассказала все под звяканье тарелок и болтовню не обращающих на них внимания людей. Это оказалось не так уж трудно. Во всяком случае, здесь, где прошлое не могло снова обрушиться на нее своей тяжестью.

— Был человек по имени Киссун,— начала Тесла,— и, если бы список самых мерзких людей на планете составляли мы, он наверняка значился бы одним из первых. Киссун был... да, вот кем он был?.. Сам себя он называл шаманом, но это не совсем так. Он обладал властью, большой властью. Мог играть со временем, мог проникать в мысли людей, мог создавать ликсов...

— Значит, он их и сделал.

— Нет, скорее всего, они существовали и раньше. Наверное, маги умели создавать их сотни лет назад. Я называю магами не фокусников, вытаскивающих кролика из шляпы, а тех, кто преобразует мир... Тех, кто *меняет* мир... А мы даже толком не понимаем, что происходит.

— Все они мужчины? — поинтересовалась Феба.

— Большинство.

— Ага.

— Так вот, Киссун был одним из таких магов. Они назвались Синклитом и поклялись, что никто никогда не узнает...

Она замолчала.

— Ну давай,— сказала Феба.— Рассказывай.

— Никто не узнает, что есть такое место — Субстанция.

— Субстанция?

— Да. Это море, куда мы иногда попадаем во сне.

— И почему же нам нельзя о нем знать? — спросила Феба.— Если мы туда попадаем, где же тайна?

Тесла задумалась.

— Знаешь, я сама не понимаю. Я всегда думала... Что я думала? Кажется, я думала, что в Синклит входят самые умные, и раз уж они хранили эту тайну, жили с ней и умирали, значит, ее надо хранить. Но теперь, когда ты задала вопрос, я поняла, что не знаю почему.

— Они все умерли?

— Все. Их убил Киссун.

— Зачем?

— Чтобы завладеть величайшей в мире силой. Она называется Искусство.

— Ну, завладел бы, и что?

— Думаю, этого не знает никто.

— Даже Киссун?

Тесла опять замаялась.

— Да,— сказала она наконец,— даже он.

— Значит, он убил мудрейших, чтобы получить то, не знаю что? — произнесла Феба с явным недоверием.

— О, он не просто убил их. Он спрятал их тела в прошлом.

— Ну-ка, ну-ка.

— Клянусь. Он ведь убивал самых важных людей, понимаешь? Важнее, чем Папа Римский или наш президент. Ему нужно было спрятать их так, чтобы их никогда не нашли. И он выбрал для этого место под названием Троица.

— Где?

— Важнее знать *когда*,— ответила Тесла.— В Троице взорвали первую атомную бомбу. Шестнадцатого июня сорок пятого года. В Нью-Мехико...

— И ты говоришь, что там он прятал тех, кого убивал?

— Там. Кроме...

— Что такое?

— Однажды он совершил одну ошибку. Маленькую ошибку... Он запер сам себя.

— В прошлом?

— Да. Вместе с бомбой, готовой взорваться. Тогда... он сделал Петлю и пустил в ней время по кругу за секунду до взрыва.

Феба улыбнулась и покачала головой.

— Что такое? — спросила Тесла.

— Не знаю, в своем ты уме или нет, но, если это записать, ты могла бы отлично заработать. Например, сделать кино для ТВ.

— Это не кино. Это правда. Я знаю точно, потому что была там три раза. В Петле Киссуна.

— Значит, ты на самом деле его видела? — спросила Феба.

— Конечно, видела, — ответила Тесла.

— Ну и...

— На что он похож?

Феба кивнула. Тесла пожала плечами.

— Трудно подобрать слова, — сказала она.

— А ты попробуй.

— Пять лет я пыталась забыть о нем. Но не смогла. Каждый раз что-нибудь — что-нибудь грязное, мерзкое, вроде запаха собственного дерьма, — напоминало о нем. Понимаешь, с виду он так, ничего особенного. Маленький, старый, высохший. Но он мог одним взглядом увидеть тебя насквозь. Прочитать все твои мысли. Разглядеть твое нутро. Использовать, поиметь. — Тесла потеряла руки, пытаясь их согреть, но они не согрелись.

— И что с ним случилось?

— Он не удержал время.

— Что? — спросила Феба непонимающе.

— Ту самую маленькую Петлю времени, которую содал за секунду до взрыва, — объяснила Тесла. — И он отпустил ее.

— Значит, бомба взорвалась?

— Да, и он вместе с ней.

— Ты была там?

— Нет, иначе бы я здесь не сидела. Но я ушла отсюда последней, я уверена в этом.— Она откинулась на спинку стула.— Вот и все, что я могу тебе рассказать. По крайней мере, сейчас.

— Занятная история.

— И ты не поверила ни слову.

— Кое-чему *почти* поверила. Кое-что показалось смешным. А еще кое-что... Еще кое-чему я не хочу верить. Страшно.

— Значит, ты не пойдешь со мной к Эрвину?

— Я этого не говорила,— сказала Феба.

Тесла улыбнулась и полезла в карман своих кожаных штанов.

— Что ты ищешь?

— Деньги,— ответила Тесла.— Если ты решила рискнуть вместе со мной поохотиться на ликсов, позволь мне хотя бы заплатить за пиццу.

И

і

Когда толпа на улицах начала редеть, Эрвин пожалел, что поссорился с Доланом. Ноги болели, все его несуществующие кости ныли от усталости, но он и без проверки знал: призраки не спят. Он будет бродить всю ночь напролет, пока жители Эвервилля, закрыв двери и окна, спокойно погрузятся в сон. Он брел по Мейн-стрит, как одинокий пьянчуга, мечтая снова встретить женщину, услышавшую его шепот у Китти. Она услышала его, пусть даже не совсем разобрала слова, а другие, в ком билось живое сердце, вообще ничего не замечали, как бы он ни кричал. Наверное, эта женщина необыкновенная, решил Эрвин. Например, она телепат.

Кое-кто его все же заметил. На Эппл-стрит из-за угла навстречу Эрвину вышли Билл и Мейзи Уэйтс, прогуливавшие двух своих лабрадоров. Собаки, поравнявшись с Эрвином, учуяли его присутствие. Возможно, они услышали запах — точно Эрвин не знал. Так или иначе собаки вдруг зарычали, шерсть у них на загривке вздыбилась, лабрадорша припала к земле, а пес вырвался и рванул куда-то, волоча по земле поводок. Билл — ему было за пятьдесят, и он был далеко не в форме — с воплем бросился догонять.

Поведение животных огорчило Эрвина. У него никогда не было собаки, но вообще-то он любил их. Неужели призрачное состояние так противоестественно, что одно его приближение сводит собак с ума?

Эрвин присел на корточки и ласково заговорил с лабрадоршей.

— Все хорошо, все хорошо,— повторял он, протягивая к ней руку.— Я никого не трону.

Собака захлебывалась лаем рядом с хозяйкой, которая беспомощно смотрела в спину мужу, догонявшему пса. Эрвин наклонился ниже, продолжая уговаривать, и животное, похоже, наконец услышало его. Лабрадорша наклонила голову набок, и ее лай стал тише.

— Вот так,— сказал Эрвин,— вот так. Видишь, я не страшный, правда?

Ладонь его была теперь в двух футах от ее носа. Яростный лай превратился в обычное тьяканье. Эрвин поднес руку еще ближе. Собака наконец умолкла, легла, перекатилась на спину и подставила живот, разрешая почесать себя.

Мейзи Уэйтс уставилась на нее.

— Кэти, что это ты улеглась? — удивилась она.— Вставай.

Она потянула за поводок, пытаясь поднять собаку, но Кэти блаженствовала. Вдруг она тихо зарычала, словно на мгновение вспомнила, как ее напугал тот, кто сейчас почесывал ей брюхо, а потом окончательно замолчала.

— Кэти,— устало повторила Мейзи и спросила возвращавшегося мужа: — Ты его нашел?

— А ты не видишь? — отвечал запыхавшийся Билл.— Рванул к речке. Вернется, ничего с ним не делается.

— Но машины...

— Сейчас *нет* никаких машин,— возразил Билл.— Ну, или почти нет. Ради бога, Мейзи, он ведь у нас уже убежал.

Тут Билл перевел взгляд на разлегшуюся на асфальте Кэти.

— Ах ты, старая шкура! — воскликнул он нежно и присел, чтобы ее погладить.— Не понимаю, чего они так испугались?

— Меня,— сказал Эрвин, глядя живот собаки вместе с Биллом. Собака услышала. Она наострила уши и посмотрела на Эрвина. Билл, конечно, ничего не уловил, но Эрвин все равно продолжал: — Послушай меня, Уэйтс, пожалуйста! Ес-

ли собака меня слышит, то и ты можешь. Послушай. Это я, Эрвин Тузейкер...

— Если ты уверен...— говорила в это время Мейзи.

— Эрвин Тузейкер.

— Уверен,— отозвался Билл.— Может, он будет дома раньше нас.

Он похлопал Кэти по солидному брюшку и встал.

— Пошли, старушка,— позвал он и, ехидно взглянув на жену, добавил: — Кэти, тебя это тоже касается.

Мейзи ткнула его локтем в бок.

— Уильям Уэйтс! — проговорила она грозно, изображая гнев.

Билл придвинулся к ней поближе.

— А не побаловаться ли нам немножко? — предложил он.

— Уже поздно...

— Завтра суббота,— сказал Билл и обнял жену за талию.— Соглашайся, или я наброшусь на тебя во сне.

Мейзи хихикнула и, дернув за поводок, подняла Кэти на ноги. Билл поцеловал жену в щеку и зашептал что-то ей на ухо. Эрвин стоял очень близко, но все равно расслышал только «подушка» и «как всегда». Что бы это ни означало, Мейзи тоже поцеловала мужа, и они пошли, обнявшись. Кэти трусила рядом, поминутно оглядываясь на своего призрачного приятеля.

— Ты когда-нибудь был женат, Эрвин?

Это спросил Долан. Он сидел на ступеньках магазина «Свет и мебель для дома» и ковырял в носу.

— Нет.

— А моя, когда я умер, переехала в Сиэтл. Через семь недель и два дня собралась и уехала. Дом продала, мебель продала, а магазин сдала в аренду. Я чуть с ума не сошел. Месяц места себе не находил, ходил тут, страдал. Даже пытался уйти за ней.

— И как?

Долан покачал головой.

— Не советую пробовать. Чем дальше я отходил от Эвервилля, тем становился... призрачнее.

— Как думаешь, почему?

— Точно не знаю. Думаю, вся моя жизнь связана с городом. Может, я не могу себя помыслить где-то еще. Как бы там ни было, с тех пор я успокоился. Я знаю, где мое место.— Он поглядел на Эрвина.— По правде сказать, я искал тебя не для того, чтобы поболтать.

— А зачем?

— Я тут поговорил с друзьями. Рассказал про тебя и про то, что случилось в моем магазине. Они захотели тебя увидеть.

— Они тоже...

— Говори. Не бойся этого слова.

— Они тоже призраки?

— Мы предпочитаем называть себя «неспящие». Но вообще-то да, мы призраки.

— Зачем они хотят меня видеть?

Долан встал.

— Какая тебе, к черту, разница? — гаркнул он, вдруг озлившись.— У тебя что, есть более важные дела?

— Нет,— помолчав, сказал Эрвин.

— Так идешь или нет? Лично мне без разницы.

— Я иду.

Будденбаум пришел в себя в белой комнате, голова раскалывалась от боли. Возле постели стоял молодой человек с бледной физиономией.

— Вот ты и очнулся,— сказал он.

Молодой человек был с ним явно знаком. Будденбаум не помнил ни лица, ни имени. Недоумение его было настолько явным, что молодой человек сказал:

— Оуэн, это я, Сет.

— Сет.— Имя всколыхнуло в памяти десяток воспоминаний, закружившихся, как кинокадры на пленке.

Пленка прокрутилась раз, другой, десять, двадцать. Обнаженное тело, мерзкая рожа, небо, люди, столпившиеся над ним.

— Я упал.

— Да.

Будденбаум ощупал грудь, шею, живот.

— Я цел.

— У тебя сломано несколько ребер, трещина в каком-то позвонке и в основании черепа.

— Неужели? — Будденбаум протянул руку к голове. Та оказалась забинтована.— Как долго я пробыл без сознания?

— Примерно восемь часов.

— Восемь? — Он сел в постели.— Господи.

— Ты должен лежать.

— Некогда. Мне нужно кое-что сделать. Это очень важно.— Он потер рукой лоб.— Кто-то должен приехать. Мне нужно... нужно... Бог ты мой, не помню.— Он в отчаянии посмотрел на Сета.— Дело плохо,— сказал он.— Дело очень плохо.— Он схватил Сета за руку и притянул к себе.— У нас ведь была связь, не так ли? — Сет не понял, о чем он.— Мы занимались любовью, мы с тобой?

— А, да. Да, мы пришли туда, а этот идиот Босли, этот истинный, видите ли, христианин...

— В истинных христианах нет ничего плохого,— проворчал Будденбаум.— Мне-то ты веришь?

— Конечно, верю,— ответил Сет, касаясь рукой его лица.— Ты мне сказал, что будет.

— Да? Сказал? И *что* будет?

— Ты сказал, что идут *аватары*.— Сет с запинкой произнес это слово.— Сказал, что они выше ангелов.

Отчаяние исчезло с лица Будденбаума.

— Аватары,— повторил он.— Да, конечно.

Он спустил ноги с кровати.

— Тебе нельзя вставать,— забеспокоился Сет,— у тебя серьезные травмы.

— Бывало и похуже, и ничего, пережил, поверь мне,— успокоил его Будденбаум.— Где моя одежда?

Он встал и направился в угол комнаты, где стоял узкий платяной шкаф.

— Мы все еще в Эвервилле?

— Нет, в Силвертоне.

— Как далеко это?

— Тридцать пять миль.

— Ты как сюда попал?

— Взял машину у матери. Но, Оуэн, тебе нужно...

— Наплевать на трещины, я рискую потерять больше,— перебил его Будденбаум, открывая шкаф и доставая свои вещи.— Гораздо больше.

— Что?

— Это слишком сложно...

— Я быстро схватываю,— напомнил Сет.— Ты же знаешь. Ты сам так сказал.

— Помоги мне одеться.

— Это все, на что я гожусь? — возмутился Сет.— Я не идиот, которого ты снял, чтобы так со мной обращаться.

— Тогда прекрати вести себя как идиот! — рявкнул Будденбаум.

Сет отпрянул.

— Все понятно,— проговорил он.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ты хотел, чтобы кто-нибудь помог тебе одеться. Позови сиделку. И чтобы тебя отвезли в Эвервилль. Вызови такси.

— Сет...

Поздно. Мальчишка выбежал в коридор, хлопнув дверью.

Оуэн и не попытался его остановить, ему некогда было спорить. Побегает и вернется. А если нет, значит, нет. Через несколько часов ему не понадобится ни помощь, ни дружба, ни сам Сет, ни какой-либо другой капризный мальчишка. Он, Оуэн Будденбаум, освободится от всего на свете, включая любовь, от всей земной мелочности, и начнет жить вне времени и пространства. Он отринет земное, как все небожители, безначальные и бесконечные, существующие вечно в своей удивительной и прекрасной сути.

Он почти оделся, когда в палату заглянул врач — молодой, белобрысый, лохматый, с бледным, как сыворотка, лицом.

— Мистер Будденбаум, что вы делаете? — спросил он.

— Мне казалось, это очевидно, — ответил Оуэн.

— Вы не можете уйти.

— Ничего подобного. Я не могу *остаться*. У меня дела.

— Удивительно, как вы смогли встать! — воскликнул доктор. — Я просто требую, чтобы вы легли.

Он направился к Оуэну, который нетерпеливо поднял руки.

— Не мешайте, — проговорил он. — Если хотите помочь мне, вызовите такси.

— Если вы отсюда уйдете, — сказал врач, — я за последствия не отвечаю.

— Вот и отлично, — кивнул Оуэн. — А теперь, прошу вас, выйдите и позвольте мне одеться.

iii

Эвервилль гордился своими кладбищами: для такого маленького городка их было действительно много. Католическое кладбище Святой Марии лежало в двух милях от городской черты на Мулино-роуд, а три остальных находились в городе: кладбище Пионеров (самое маленькое и самое примечательное с исторической точки зрения), кладбище Поттеров (названное так по имени семьи, чьих могил там было больше прочих) и самое обыкновенное старое городское кладбище. Долан привел Эрвина на кладбище Поттеров на Лэмброд-драйв, возле старой почты.

По пути он беспрерывно болтал, главным образом о том, как изменился город за последние несколько лет. По мнению Долана, к худшему. Утратило смысла и исчезло многое из прошлого Эвервилля — семейные магазинчики, старые дома и даже уличные фонари.

— При жизни я об этом не думал,— сказал Долан.— Ты тоже, не так ли? Ведь живешь как можешь. Надеешься, что к тебе никто не явится из налоговой; что в субботу ты как следует повеселишься; что облысеешь не слишком рано. И нет времени задумываться о прошлом до тех пор, пока сам не станешь частью этого прошлого. Но тогда...

— Что тогда?

— Тогда понимаешь: если что ушло, то ушло навсегда.— Долан указал на здание старой почты. Ее закрыли, когда в Сэлеме открылось новая, более современная.— Вот посмотри,— сказал он.— Ведь его могли бы сохранить, так? Устроить в нем что-нибудь полезное для общества.

— Какого общества? — спросил Эрвин.— Нет здесь никакого общества. Есть несколько тысяч людей, случайно ставших соседями. Я юрист, и мне приходилось видеть всякое. Они судятся, если не там поставили забор или спилили не то дерево. Посмотришь на них — вроде бы хорошие соседи, прекрасные люди. Но я тебе точно скажу: если бы закон позволял, они бы поубивали друг друга.

Только когда договорил, он понял неуместность этих слов.

— Я лишь пытался защитить детей,— глухо произнес Долан.

— Я не про тебя,— пробормотал Эрвин.— То, что ты сделал...

— Было неправильно. Сам знаю. Мы совершили страшную ошибку, и сожалеть о ней я буду вечно. Но тогда мы думали, что мы правы.

— И как потом к вам отнеслось ваше драгоценное общество? Когда они поняли, что вы ошиблись. Вы стали париями, верно?

Долан промолчал.

— Вот тебе и всё общество,— заключил Эрвин.

В молчании они дошли до ворот кладбища, а там Долан спросил:

— Ты знаешь, кто такой Хьюберт Нордхофф?

— Тот, чья семья владела мельницей?

— Не только мельницей. Он тут многим владел целых пятьдесят лет.

— Ну и с чего ты о нем вспомнил?

— Он устраивает для нас прием каждую последнюю пятницу месяца.

— Здесь? — спросил Эрвин, взглянув на кладбище сквозь чугунную решетку ворот.

Луну закрывали тонкие прозрачные облака, но было достаточно светло, чтобы разглядеть могилы. Резные надгробия с ангелами или урнами отмечали места упокоения тех, чьи родственники не жалели денег, но в основном виднелись простые могильные камни.

— Здесь, — сказал Долан и провел Эрвина в калитку.

В дальнем конце кладбища рос древний дуб, поросший мхом. Под его громадными ветвями собрались шестеро мужчин и одна женщина. Кто-то устроился на камнях, а один молодой человек — выглядел он слишком болезненно даже для мертвеца — уселся на нижней ветке. Возле самого дуба, перед всеми, стоял старик лет семидесяти. Его костюм, очки и витиеватая манера выражаться свидетельствовали о том, что он жил и умер очень давно. Долан наклонился и стал шепотом объяснять, кто это, но Эрвин уже догадался сам: вышеупомянутый Хьюберт Нордхофф. В этот момент Хьюберт Нордхофф увлеченно упражнялся в риторике:

— Любят ли нас? Увы, нет, друзья мои. Помнят ли нас? Боюсь, за редким исключением, нет. Печалит ли это нас? Печалит ли это нас, друзья мои? — Он обвел всех присутствующих своими светлыми глазами и сам себе ответил: — Господи боже, да. Печалит до глубины души.

Тут он остановился, заметив за спинами слушателей Долана вместе с Эрвином, и кивнул головой в знак приветствия.

— Мистер Долан, — произнес он.

— Мистер Нордхофф, — ответил Долан и повернулся к Эрвину, — вот о ком я вам говорил. Его зовут...

— Тузейкер, — перебил Эрвин. Он не желал быть добычей Долана и потому старался держаться независимо. — Меня зовут Эрвин Тузейкер.

— Рады вас видеть, мистер Тузейкер,— сказал старик.— Я Хьюберт Нордхофф. А это...

Он подводил Эрвина по очереди к каждому из присутствующих и знакомил. Трех Эрвин знал и раньше — они были известны всему Эвервиллю (один — Джилхолли, другой — отец нынешнего мэра). Остальные имена слышал впервые, но, если судить по прекрасным костюмам, они тоже принадлежали к респектабельным семействам и, как Хьюберт, занимали не последнее место в обществе. Сюрпризом для Эрвина оказалось то, что единственная присутствующая женщина оказалась не женщиной, а неким Корнелиусом Флойдом, сошедшим в мир иной в наряде, весьма напоминавшем женский. Черты лица его были крупные, подбородок несколько тяжеловат для дамы, зато высокий и нежный голос — сказавший Эрвину, что его имя Корнелиус, но друзья называют его Конни,— этот голос мог ввести в заблуждение.

Завершив ритуал знакомства, Хьюберт перешел к делу.

— Мы уже слышали о том, что с вами случилось,— сказал он.— Вас убили. Насколько мы поняли, убили в вашем собственном доме.

— Да, совершенно верно.

— Мы потрясены.— Вокруг послышались сочувственные возгласы.— Однако, к сожалению, должен сказать: удивляться не приходится. Вполне в духе новых перемен.

— Меня убил не совсем обыкновенный убийца,— возразил Эрвин.— Если убийцы бывают обыкновенными.

— Долан что-то упомянул о вампирах,— вставил Джилхолли-старший.

— Это его слово, не мое,— снова возразил Эрвин.— Да, из меня высосали жизнь, но без этих вампирских глупостей. В шею меня никто не кусал.

— Вы знаете вашего убийцу? — спросил дородный тип по фамилии Диккерсон, сидевший на чьем-то надгробье.

— Не совсем.

— В каком смысле?

— Я его в первый раз встретил у ручья. Зовут его Флетчер. По-моему, он считает себя чем-то вроде мессии.

— Только этого нам и не хватало,— отозвался тощий парень на ветке.

— Что делать, Нордхофф? — спросил Джилхолли.

— Тут ничего не *сделаешь*,— сказал Эрвин.

— Не будьте пораженцем,— одернул его Нордхофф.—
Надо помнить о нашем долге.

— Правильно,— подхватил Конни.— Если не мы, то кто?

— *Что* кто? — спросил Эрвин.

— Кто защитит наше наследие,— пояснил Нордхофф.— Мы создали этот город. Мы полили эту дикую землю своим потом, мы построили дома, в которых выросли наши дети. Теперь всему этому грозит опасность. Несколько месяцев мы провели в тревоге. И вот появляетесь вы, погибший от козней противоестественной силы, а еще мальчишка Ланди — он приходит в магазин Долана по другой причине, не менее противоестественной...

— Не забудьте про пчел,— добавил Диккерсон.

— Каких пчел? — не понял Эрвин.

— Вы знаете Фрэнка Тиббита? — спросил Диккерсон.—
Который живет на Мун-лейн?

— Нет.

— Он держит пчел. Вернее, держал. Десять дней назад они улетели.

— Это имеет значение? — спросил Эрвин.

— Если бы это был единственный случай,— сказал Нордхофф.— Но он *не* единственный. Мы, как вы уже, наверное, поняли, все видим и все слышим. В нашу задачу входит сохранить то, что мы создали, даже если люди про нас забыли. Мы знаем все. И есть десятки примеров...

— Сотни,— уточнил Конни.

— Вот именно,— сказал Нордхофф,— сотни странных случаев, каждый из которых в отдельности — такая же мелочь, как и пчелы Тиббита...

— В отличие от вашего убийцы,— перебил Диккерсон.

— Могу ли я закончить хоть одно предложение? — спросил Нордхофф.

— Можешь, если будешь говорить короче,— ответил Мелвин Поллок, старик одних лет с Нордхоффом. Большой тонкогубый рот выдавал в нем нераскаявшегося насмешника.— Он пытался вам сказать вот что: мы вложили в Эвервилль свою душу. Но мелочи, о которых идет речь, предвещают нам разорение.

— Когда город погибнет...— начал Диккерсон.

— Мы все погибнем вместе с ним,— закончил Поллок.

— Если мы мертвы,— проговорил Нордхофф,— это еще не значит, что мы должны лежать сложа руки.

Диккерсон хохотнул.

— Неплохо, Хьюберт. Будешь у нас теперь юмористом.

— Ничего смешного,— отрезал Нордхофф.

— Ну, почему же,— сказал Диккерсон, снова усаживаясь на камень.— Вот они мы, краса и гордость Эвервилля. Банкир.— Он отвесил поклон в сторону Поллока.— Торговец недвижимостью.— Он указал на Кони.— И хозяин мельницы.— Тут он повернулся к Нордхоффу.— Ну и мы, остальные члены общества. Из последних сил мы цепляемся за свое достоинство, надеемся, будто сумеем что-то изменить, остановить то, что грядет.— Он указал рукой на жилые дома за оградой кладбища.— Хотя каждому, кто не боится смотреть правде в глаза, ясно — все кончилось.

— Что кончилось? — сказал Конни.

— Время. Время Эвервилля кончилось. Возможно...— Он замолчал и нахмурился.— Возможно, не только Эвервилля, но и всего человечества,— пробормотал он себе под нос.

Никто не отозвался, даже Нордхофф. Где-то на улице залаяла собака, но от этого знакомого звука легче не стало.

Наконец Эрвин произнес:

— Флетчер знает.

— Что он знает? — спросил Нордхофф.

— Что происходит. Может быть, он это и устроил. И если нам удастся найти способ его убить...

— А это мысль! — воскликнул Конни.

— Если не спасем город,— сказал Диккерсон, явно обрадованный появившейся перспективой,— то хотя бы позабудемся напоследок.

— Бог ты мой, да мы не в силах даже рассказать что-нибудь кому-нибудь,— возразил Долан.— Как же, черт возьми, мы сможем кого-то убить?

— Он не *кто-то*,— заявил Эрвин.— Он *что-то*. Он не человек.

— Вы слишком в этом уверены,— сказал Нордхофф.

— Я не прошу вас верить мне на слово,— ответил ему Эрвин.— Пойдите и посмотрите.

III

i

Свой первый в жизни револьвер Тесла купила четыре года назад во Флориде, в Форт-Лодердейле. Тогда она едва спаслась от двух пьяных громил из бара, которым не понравился ее вид. Никогда, никогда, поклялась она себе, она больше не выйдет на улицу без защиты. Она купила маленький револьвер сорок пятого калибра и даже взяла пару уроков стрельбы. Так что обращаться с оружием она умела.

Однако одним этим револьвером дело не ограничилось. Через полгода, проезжая через Луизиану, Тесла увидела револьвер, брошенный посреди пустого шоссе. Несмотря на предостережение Рауля, бубнившего у нее в мозгах, что оружие зря не выбрасывают, она подобрала его. Револьвер был старый, тяжелее купленного, в царапинах, испещрявших барабан и рукоять; но Тесле понравилось, как он лег в ладонь, и понравилось, что за ним кроется тайна.

Потом в Аризоне женщина по имени Мария Лурдес Назарено — Тесла познакомилась с ней на улице в городке Маммот — подарила ей третий. Если верить словам этой женщины, Лурдес, как она предпочитала себя называть, прождала Теслу на том углу несколько дней. Ей было видение, сообщила Лурдес, что скоро мимо проедет женщина, наделенная силой. Тесла ответила, что нет у нее никакой силы, но Лурдес стояла на своем. Она ждет не просто так, сказала Лурдес; она должна отдать орудия силы и очень огорчится, если Тесла их не возьмет. Она вручила Тесле ключичную

кость, которая — как утверждала Лурдес — принадлежала святой Максине. Потом — медный компас, «чтобы указывать дорогу». И наконец маленький револьвер — без сомнения, самый красивый из трех орудий, изящный, с перламутровой рукояткой. Лурдес сказала, что у него есть имя, но имя это — секрет. Тесла узнает его сама, когда понадобится и когда придет время.

Время это никак не наступало. С момента той встречи прошло два года, но ни один из револьверов ни разу ей не понадобился.

Сегодня она о них вспомнила.

— Какой мне выбрать? — спросила Феба.

Они вернулись из пиццерии домой к Фебе с единственной целью: взять оружие.

— Ты умеешь стрелять? — поинтересовалась Тесла.

— Знаю, что палец нужно положить на курок,— сказала Феба.

Она выбрала револьвер Лурдес, переложила его из ладони в ладонь.

— Вряд ли будет трудно. Я же видела, как это делают.— Она прицелилась.

— Возьмешь этот? — спросила Тесла.

— Ага,— ответила Феба и улыбнулась.

— Стрелять будем только в крайнем случае.

— В то, что похоже на змею и воняет дерьмом.

— Ты мне все еще не веришь, так?

— Какая разница, верю я тебе или нет,— отозвалась Феба.

Тесла на минуту задумалась над ее словами.

— Может, и никакой,— согласилась она.— Но я хочу, чтобы ты была готова к худшему.

— Я готова, и не первый год,— сказала Феба.

ii

В доме у Тузейкера было темно, но они подготовились и принесли с собой два фонаря. Большой держала Феба, поменьше — Тесла.

— Скажи, если что-нибудь почувствуешь, — мысленно попросила Тесла Рауля, когда они с Фебой ступили на дорожку к дому.

— Пока ничего.

Однако от дома тянуло фекалиями, и чем ближе они подходили к крыльцу, тем сильнее становился запах. С тех пор как они вышли из пиццерии, заметно похолодало, но Тесла бросило в пот, будто повысилась температура. Колени дрожали.

— Что нужно делать? — спросила Феба шепотом, когда они поднялись на крыльцо. — Постучим?

— Боюсь, дверь придется ломать, — сказала Тесла.

У нее еще тлела надежда, что в доме никого нет. Что шепот, который они с Раулем слышали возле ресторанчика, им померещился, а запах, как и предполагала Феба, издавала прохудившаяся канализационная труба. Тесла громко постучала в дверь. Они подождали. Никакого ответа. Тесла снова постучала и снова мысленно спросила у Рауля, не чувствует ли он чьего-либо присутствия. На этот раз он ответил не то, что она хотела услышать.

— Да, — ответил Рауль, — там кто-то есть.

Страх, затаившийся глубоко внутри, под ложечкой, рванулся наружу. Тесла схватила Фебу за руку.

— Не могу, — сказала она.

— Все в порядке, — откликнулась Феба и потянулась к дверной ручке. — Раз уж мы пришли.

Она повернула ручку, и дверь, к изумлению Теслы, открылась. Изнутри повеяло холодом и смрадом.

Тесла невольно попятилась и потянула Фебу назад, но та, фыркнув, вырвала руку.

— Я хочу посмотреть, — заявила она.

— Завтра посмотрим, — сказала Тесла. — При дневном свете.

— Завтра может быть поздно, — проговорила Феба, не оглядываясь. — Я хочу посмотреть сейчас. Сейчас.

С этими словами она переступила порог, и Тесла услышала ее шепот:

— Где ты?

— *Спрашивает, где ты,*— на всякий случай повторил Рауль.

— *Ага, слышу.*

— *Тес, кто-то лезет к ней в голову.*

— *Проклятье!*

Феба уже прошла по коридору шагов пять, темнота почти поглотила ее.

— *Феба!* — крикнула Тесла.— *Вернись!*

Но та не остановилась. Она продолжала идти вперед и вот-вот должна была скрыться из виду.

— *Давай за ней,*— сказал Рауль.

— *Заткнись!*

— *Ты ее потеряешь.*

Конечно, Рауль был прав, и Тесла это знала. Она нащупала рукоять, вытаскила из-за пояса револьвер и двинулась по темному коридору за Фебой. Если поспешить, можно выгнать ее, пока не...

Дверь за спиной захлопнулась. Тесла резко оглянулась, и холод коридора хлестнул ее по лицу, как протухшая мокрая тряпка. У Теслы перехватило дыхание, но она не остановилась ни на секунду, продолжая звать Фебу. Тот, кто заманивал Фебу в глубину дома, явно не собирался сдаваться без боя.

— *Тесла?*

— *Что тебе?*

— *Она повернула направо. Там дверь.*

Тесла различила справа темный проем. Да, точно, Феба вошла туда. Тесла бросилась следом, пытаясь схватить ее, остановить, но не успела, и Феба переступила порог. К счастью, в комнате был какой-то свет и по стенам трепетали блики — возможно, от свечки. Радуясь, что хоть в чем-то ей повезло, Тесла вошла туда следом за Фебой. Свечи в комнате не оказалось, там прогорал камин. В глубине чернели обуглившиеся ветки, но пахло не деревом, а горелым мясом. После вони, пропитавшей коридор, этот запах был почти приятным. Здесь недавно готовили еду и ужинали, но Тесла пока не понимала кто. Большая комната была полностью

разгромлена: мебель разбита, искореженные картины и безделушки валялись на полу. В дальнем углу, футах в пятнадцать от того места, где стояла Тесла, темнота становилась глубже, и в ней угадывалось какое-то движение, а посередине, между Теслой и темным углом, неподвижно стояла Феба, вытянув руки по швам. Тесла сразу почувствовала, что в углу кто-то есть. Она всмотрелась туда и тотчас отвела взгляд, будто не могла (или не хотела) верить глазам.

— Флетчер? — позвала она. — Это ты?

Услышав голос, Феба оглянулась на нее.

— Оставь нас одних, — сказала она. — Ему нужна я.

— Ты так думаешь? — проговорила Тесла, осторожно к ней приближаясь.

Уголки глаз и губ у Фебы странно подрагивали, словно она была готова разрыдаться.

— Я так думаю, — ответила Феба.

— А кому ты нужна? Флетчеру? — спросила Тесла, еще раз попытавшись — и опять неудачно — взглянуть в темный угол.

— Имя не имеет значения, — сказала Феба.

— Для меня имеет, — отозвалась Тесла. — Может быть, ты у него спросишь, как его зовут? Для меня.

Феба оглянулась назад и посмотрела в угол. Похоже, ей это удалось без труда.

— Она хочет знать, как тебя зовут, — произнесла она.

— Спроси: он Флетчер? — предложила Тесла.

— Ты... — начала Феба и вдруг замолчала, прислушиваясь, наклонив набок голову.

Воцарилось молчание, слышалось лишь потрескивание огня в камине. Тесла бросила на него взгляд. Между черных палок поблескивали лужицы растаявшего воска или жира, а на каминной решетке лежал то ли камень, то ли...

— Если ты этого хочешь, — сказала Феба, обращаясь к темноте.

Тесла оглянулась на нее. Феба расстегивала блузку.

— Что ты делаешь? — спросила Тесла.

— Он хочет на меня посмотреть, — бесхитростно ответила Феба.

Тесла подошла к ней и оторвала ее руки от блузки.

— Не хочет.

— Нет, хочет,— упрямо повторила Феба и снова взялась за пуговицы.— Он говорит... Он говорит...

— Что он говорит?

— Он говорит... что *нужно трахнутья во имя новой эры.*

Тесла уже слышала эти слова. Один раз наяву и тысячу раз в ночных кошмарах.

При этих словах пол будто разверзся под ногами, увлекая ее в темную пропасть, протянувшуюся к ней языками тьмы из угла комнаты.

Прошло пять лет с тех пор, как она впервые услышала эти слова, и все пять лет она не уставала благодарить Бога за то, что сказавший их мертв. Но, похоже, благодарила она преждевременно.

— Киссун,— пробормотала она, и губы, перестав слушаться, сами выговорили: — Кис-кис-сун. Кис-кис-сун. Киссссс.— Звуки шипели и трещали вокруг, как искры.

Он снился ей по ночам бесчисленное число раз: догонял, настигал, судил, убивал, насиловал, поедал ее. Но она всегда просыпалась, успокаивая себя мыслью, что и самые страшные кошмары — только сны. Рано или поздно память о прошлом исчезнет, и она будет свободна.

Оказалось, нет. Господи, нет.

Киссун снова здесь, он жив.

Она пошарила рукой за поясом, вытащила револьвер и наставила в шевелящуюся темноту.

— *Это не Флетчер,*— пробормотал Рауль. В голосе у него слышались слезы.

— *Нет, не Флетчер.*

— *Ты думаешь, это Киссун.*

— *Я знаю, что это Киссун.*

— *Может, ты ошибаешься.*

— Нет,— сказала она и выстрелила. Раз, другой, третий. Комната наполнилась грохотом, но она не услышала вскрика и кровь не брызнула из угла.

Только Феба заплакала жалобно, и больше ничего.

— Что я делаю? — простонала Феба и метнулась мимо Теслы, как ей показалось, к двери.

Она повернулась к Фебе как раз в ту секунду, когда та бросилась на нее, одной рукой выбила револьвер, другой схватила за горло. Тесла начала задыхаться. Она пытаясь оторвать от себя руку Фебы, но женщина держала ее мертвой хваткой, продолжая рыдать.

— Иди к нему,— говорила она сквозь слезы, и голос ее звучал монотонно, как чужой.— Иди к нему и скажи, что просишь прощения.

Она поволокла Теслу в угол, туда, где в темноте прятался Киссун, кем бы он ни притворился. Тесла брыкалась, отбивалась, старалась вырваться, но крупное тело Фебы, послушное злой воле, было сильнее.

— Феба! Послушай меня! — крикнула Тесла.— Он убьет нас обеих.

— Нет.

— Феба, ты можешь сопротивляться. Я знаю, каково это, когда он у тебя в голове.— Тесла не лгала, она действительно это знала, потому что в Петле Киссун сыграл с ней такую же шутку: попытался подавить ее волю и контролировать тело.— Но бороться можно, Феба, можно!

На лице у Фебы не отразилось ни тени понимания, только потоком лились слезы. Тесла нащупала ремень. Флоридский револьвер был на месте. Если Фебу не убедить словами, надо попробовать этот довод.

Вдруг Феба отпустила ее. Тесла судорожно вдохнула воздух, перегнувшись почти пополам, и, как только взгляд ее упал на пол, она увидела мелькнувшую черную тень. Она шарханулась, подняла револьвер и выстрелила вслед ползущему ликсу. Стена темноты в углу зашевелилась, Тесла оглянулась на нее и почувствовала, как дрогнул воздух.

Вновь она посмотрела на пол. За короткое мгновение, пока она отвернулась, рядом с ликсом, подбиравшимся к ее ногам, появились еще несколько — крохотные в сравнении с теми, восемнадцати дюймов длиной, каких она видела раньше. Самые маленькие были не толще волоса, длиной с палец,

но они ползли и ползли, и их становилось все больше, будто где-то там, возле ее ног, у них было гнездо. Казалось, Тесла их не интересовала. Они ползли к камину, где догорал огонь.

Бояться сейчас нужно было лишь их создателя, в чью сторону Тесла и повернулась. Киссун вновь не позволил себя увидеть, но ей все же удалось заметить его очертания. Он будто бы сидел в кресле, парившем в трех или четырех футах над полом. Она не видела лица Киссуна, но его взгляд ожег ей горло. От него заколотилось сердце.

— Пройдет,— сказал он, уничтожив остатки надежды на то, что она ошиблась и это не Киссун.

— Что пройдет? — спросила она, упорно стараясь рассмотреть его глаза. У него явно были причины избегать ее взгляда, и тем важнее было прорваться через запрет.— Что пройдет? — спросила она опять.

— Шок.

— Почему ты думаешь, что у меня шок?

— Потому что ты считала, что меня больше нет.

— Почему?

— Прекрати.

— Что прекратить?

— Эту дурацкую игру.

— Какую игру?

— Я сказал: *прекрати!* — рявкнул он, и в тот самый миг, когда он от гнева потерял над собой контроль, Тесла его увидела.

Этого хватило, чтобы она поняла, почему он не хотел показываться. Он был в стадии перехода. От него отваливались вонючие, гангренозные куски, свисали сухожилия. Но она узнала его лицо. Приплюснутый лоб, широкий нос, выступающая вперед челюсть: это был Рауль, тело Рауля, украденное Киссуном.

— *Боже мой,*— услышала она Рауля,— *отвернись. Ради всего святого, отвернись...*

Ее не пришлось упрашивать. Едва Киссун сообразил, что Тесла его увидела, он одним усилием воли заставил ее отвернуться. Это было как пощечина, от боли на глаза навернулись слезы.

— Ты слишком любопытна, девушка. Не боишься за свое здоровье? — сказал он.

— Ты слишком тщеславен, старик. Не боишься раньше помереть? — парировала она, вытирая слезы.

— Что? Я старик? Нет. Я всегда молод. А вот ты выглядишь дерьмово. Твои путешествия стоят этого?

— Что ты знаешь про мои путешествия?

— Если ты меня не видела, это не значит, что я не следил за тобой,— отозвался Киссун.— Я очень внимательно наблюдал за всем и, уж конечно, за тобой. Так кого ты искала? Флетчера?

— Нет.

— Его больше нет, Тесла. И Яффа тоже нет. Эта часть игры сыграна. То время было проще и, наверное, тебе больше по вкусу, но оно закончено.

— Ну и что теперь? — сказала Тесла.

— Думаю, ты и сама знаешь.

Тесла молчала.

— Боишься сказать вслух?

— Придут иады?

— Верно. Ты все сама знаешь.

— Ты недостаточно на них насмотрелся?

— Мы с тобой видели больше чем достаточно, ты и я. Тем не менее мы еще не видели ничего. Да, ничего.— В его голосе послышалось воодушевление.— Они переделают весь мир.

— И ты этого хочешь?

— А разве ты не хочешь? — спросил он.

Тесла забыла, как ловко он умеет убеждать и до чего хорошо знает все потайные струнки ее души.

— Этот хаос не доведет до добра, Тесла. Все ожесточилось. Всё растоптано. Мир пора приводить в порядок.

Как любой великий лжец, он любил правду, помогающую сделать ложь убедительной.

— К несчастью, наш биологический вид не в состоянии излечиться без посторонней помощи,— продолжал он.— Но не беспокойся. Помощь близка.

— И когда она придет...

— Я уже сказал. Все изменится.

— А ты...

— Что я?

— Что будет с тобой?

— А... ты вот о чем.

— Да, я об этом.

— Я, конечно, стану здесь царем зверей.

— А серьезно?

— Серьезно? У меня будет Искусство. Да, Искусство... Рано или поздно все возвращается к нему. И я буду жить одним бесконечным днем вечности.

— Звучит неплохо. А как насчет остальных?

— Иады решат. Тебя они точно оставят. Наверняка. По моему, они равнодушны к женскому полу. Десять лет назад тебя бы использовали для размножения. Теперь, конечно, ты больше годишься для удобрения.— Он рассмеялся.— Не волнуйся, я позабочусь, чтобы от тебя была польза.

Она почувствовала, как что-то коснулось ее лодыжки, и поглядела вниз. Она увидела ликса раз в шесть-семь крупнее всех, каких видела раньше. Тварь свернулась в кольцо вокруг ее ног и подняла голову. В открытой пасти виднелись ряды багровых зубов, острых как иголки.

— Подожди,— сказала она.

— Некогда ждать,— сказал Киссун.— Возможно, завтра я отыщу тебя в прошлом. Возможно, я достану тебя из Петли, и мы обсудим, как ты сегодня умерла.

Ликс обвился вокруг нее и пополз вверх.

Тесла вскрикнула и невольно шарахнулась, но кольца ликса крепко держали ее ноги. Тесла пошатнулась, не удержав равновесия, и больно ударилась спиной об обломок мебели. Из глаз посыпались искры, и она наверняка потеряла бы сознание, если бы не Рауль. Он вопил во весь свой беззвучный голос:

— *Держись, Тесла! Держись!*

Когда в глазах прояснилось, она посмотрела на камин. Ликсы, что заползли туда перед ее беседой с Киссуном и грелись возле огня, теперь повернули к Тесле свои маленькие

головенки. И вдруг они хлынули к ней сплошной черной массой.

Тесла попыталась подняться, но огромный ликс обвился вокруг нее так, что она не могла шевельнуться. Она еще надеялась на Фебу, вертела головой во все стороны, пытаясь ее увидеть, и звала на помощь. Но Фебы не было. В комнате остались только Киссун и его армия.

Тесла перевела взгляд на камин и, будто кошмаров было недостаточно, вдруг поняла, что там делали ликсы. Они не грелись, они кормились. Обгоревшие ветки на самом деле оказались костями, а посередине лежал не камень, а голый человеческий череп. Эрвин Тузейкер и впрямь ушел из дома — на этот раз дымом.

Тесла всхлипнула от ужаса. И тут на нее бросились ликсы.

XIII

— Она жива?

Эрвин опустился на корточки перед женщиной, лежавшей ничком у порога. Со лба у нее текла кровь, из угла рта стекала струйка рвоты, но она еще дышала.

— Жива,— сказал он.— Ее зовут Феба Кобб.

Входная дверь была открыта настежь. Из глубины дома тянуло дерьмом и горелым мясом. Эрвину в его нынешнем состоянии нечего было терять, но он испугался, как никогда в жизни. Оглянувшись на трех своих спутников — Нордхоффа, Долана и Диккерсона,— он увидел страх и на их лицах.

— Он ведь с нами ничего не может сделать, верно? — спросил Эрвин.— По крайней мере, сейчас.

Нордхофф пожал плечами:

— Откуда мне, черт побери, знать?

— А что, если он нас видит? — откликнулся Диккерсон.

— Мы ничего не поймем, если будем стоять в дверях,— нетерпеливо проговорил Долан и, переступив через тело Фебы Кобб, вошел в дом.

В Эрвине внезапно проснулся хозяин. Это его дом, и если кто-то должен войти в него первым, то именно он.

— погоди,— остановил он Долана и шагнул через порог.

Ликсов не интересовало ее тело (возможно, оттого что кожа Теслы огрубела на солнце за годы странствий). Ликсы желали другого: им нужны были рот, ноздри, глаза и уши, чтобы забраться внутрь.

Тесла отбивалась, каталась по полу, плотно сжав губы, начиная задыхаться и чувствуя, как тычутся в них мерзкие твари. Они уже забрались в нос. Как только она разомкнет губы, ликсы заберутся в рот, и это будет конец.

— *Тесла...*

— *Отстань.*

— *Все пропало.*

— *Нет.*

— *Я хочу, чтобы ты знала...*

— *Нет, говорю тебе. Нет!*

Она услышала, как Рауль рыдает, и это был не человеческий звук.

— *Держись,*— сказала она.— *Это... еще... не конец...*

Он перестал всхлипывать, но она нутром чувствовала его страх, будто теперь, в последний момент, он делил с ней не только сознание, но и тело.

Как бы она ни сопротивлялась, это все-таки был конец. Воздуха не стало, и легкие стремились вдохнуть его — сейчас или никогда. Ликсы только и ждали этого, но у Теслы не осталось выбора. Она разлепила губы, судорожно втянула воздух, не разжимая зубов, и ликсам хватило этой щелки. Тесла тотчас ощутила, как они поползли внутрь, забираясь под язык, соскальзывая в глотку.

Ее затошнило. Подкатила рвота, и рефлекс оказался сильнее воли. Рот открылся, зубы разжались. Этого как раз и дожидались ликсы: они мгновенно хлынули в рот. Тесла кусала их, выплевывала отдававшие дерьмом и гнилью куски. Но на каждого погибшего ликса приходилась парочка живых, спешивших добраться до ее нутра и готовых рискнуть.

Тесла задыхалась, плевалась, блевала, дралась, но было ведомо ясно, кто в этой борьбе проиграет, а кто победит. Ноздри забиты, глотка тоже, а тело корчилося от боли, сдавленное кольцами ликса-гиганта.

Сознание стало гаснуть, но тут ей вдруг показалось, что ее позвал Рауль:

— *Слушай.*

Она стала слушать. Где-то совсем рядом раздались голоса.

— Господи! — сказал один.

— Ты только посмотри! В камине! — сказал другой.

Потом послышался негодующий вопль, и Тесла, собрав последние силы, которых почти не осталось, повернулась на голос. Видимо, смерть подошла к ней совсем близко, потому что глаза ее — повидавшие много странного, но лишь в этом знакомом мире — увидели то, чего не могли разглядеть раньше. В комнату вошли четверо — все мужчины и все насквозь прозрачные.

Один подошел к огню. Двое других остановились в двух шагах от Теслы. Четвертый, самый старший из них — храни его бог, — наклонился над ней и прикоснулся к ее лицу. Наверное, он собирался ее утешить, помочь перейти от жизни к смерти, но прикосновение его произвело и другой эффект. Едва он ее коснулся, как ликсы, закрывшие лицо Теслы, принялись извиваться, как разрезанные червяки, а потом обмякли, наполнились жидкостью и стали лопаться, заливая щеки и шею какой-то дрянью. С теми, что забились в горло, произошло то же самое, будто распад был заразен.

На лице у ее спасителя отразилось крайнее изумление, но он явно сразу понял, какой властью обладает. Как только Тесла снова обрела способность дышать, он немедленно занялся ликсом, сдавившим ее тело. Приподняв голову, Тесла увидела, как эта мерзкая тварь взвилась и зашипела, будто испуганная кобра. Но призрак не испугался. Наоборот, он протянул руку и коснулся головы ликса, словно погладил. Дрожь прошла по гигантскому телу твари, голова ликса бесильно упала, и дрянь, из которой его сотворили, полезла наружу. Пасть открылась, оттуда потекло нечто, похожее на мелассу*. Потом оплыла голова, и распад пошел дальше. Тесла стряхнула с себя обвисшие липкие кольца, а затем ее орга-

* Меласса — черная патока.

низм взбунтовался и изверг всю переполнявшую его мерзость. Когда она подняла глаза, вытирая рот ладонью, призраки заметно побледнели и таяли тем быстрее, чем скорее к ней возвращалась жизнь.

Осталось лишь несколько секунд, сообразила Тесла.

— Как вас зовут? — спросила она.

Ей ответил старший, и голос его был уже едва слышен:

— Я Хьюберт Нордхофф, а это, — он указал пальцем на силуэт возле камина, — Эрвин Тузейкер.

Она повернулась к Эрвину и вдруг услышала еще один голос, прозвучавший у нее за спиной:

— И когда ты научилась вызывать духов?

На радостях она совсем забыла про Киссуна. Но он про нее не забыл. Когда Тесла оглянулась, он, еще не опомнившись от изумления, не сумел отвести ее взгляд, и она во второй раз увидела его. Теперь она рассмотрела больше, намного больше. Всякое сходство с Раулем исчезло. В нем мало что осталось от человека. Тесла заметила смутные очертания головы — там клубился мрак. Ниже проглядывали последние остатки ребер, часть руки и ноги. Все остальное — мышцы, нервы, кровеносные сосуды, кровь, пульсировавшая в них прежде, — исчезло.

— По-моему... кажется, он тебя боится, — услышала Тесла голос Рауля.

Она не поверила. Только не Киссун. Он никого не боится.

— *Посмотри на него,* — сказал Рауль.

— *Что я там должна увидеть?*

— *Его особенность.*

Она посмотрела, и тут Киссун снова заговорил с ней.

— Ты играла со мной, — сказал он, и тон его был почти восхищенный. — Ты для виду поддалась ликсам, чтобы показать, что они для тебя не страшны.

— Молодец. Ты правильно понял, — ответила она, пытаясь разглядеть то, что ей велел увидеть Рауль.

— Где ты научилась вызывать духов? — поинтересовался Киссун.

— В Детройте.

— Ты издеваешься?

— Нет. Я научилась вызывать духов в автомобильной столице. Что тебе не нравится?

При этих словах исчезли последние остатки его тела, и Тесла наконец увидела то, что уже разглядел Рауль. В центре тени, которой стал Киссун, мерцая, образовывалась новая форма: спираль, уходящая вдаль и там, вдали, где витки сливались, напоминая тоннель. В глубине ее, притягивая к себе взор, что-то ярко светилось.

— Ты не понимаешь, что ты наделала.

Тесла отвлеклась от созерцания и была рада этому. Спираль властно приковывала к себе ее глаза. Что имел в виду Киссун — то ли ему не понравилось, что она вызвала призраков, то ли он не хотел, чтобы она смотрела в спираль, — она не знала и выяснять не собиралась. Если он решил, что она умеет вызывать духов и способна тем самым причинить ему вред в самый неподходящий момент, можно использовать это и сбежать.

— Берегись, — сказал ей Киссун.

— Чего же? — откликнулась она, оглянувшись на дверь. До нее было шагов шесть или семь. Если она хочет уйти, нужно делать это быстро, пока он ничего не понял и не заметил, как у нее трясутся руки и ноги.

— Только попробуй что-нибудь против меня предпринять...

Он действительно уязвим, подумала Тесла.

— Я уничтожу весь этот городишко. За любой, самый крохотный вред.

Вот, значит, как сила договаривается с другой силой. Надо учесть на будущее, чтобы уметь сблефовать, когда они снова встретятся.

Она не ответила, притворясь, будто обдумывает предложение.

— Ты знаешь, на что я способен.

Она это знала. В его жестокости она нисколько не сомневалась. Но если он тоже блефует? Вдруг он сейчас настолько

уязвим, что можно протянуть руку, взять эту черную спираль и вырвать из него, будто сердце?

— *Даже не думай,*— заговорил Рауль.

Он, безусловно, был прав. Но ее так и подмывало попробовать.

— *Пошли отсюда, пока не поздно. Тесла? Ты слышишь?*

— *Да,*— неохотно ответила Тесла.

Она прекрасно понимала, что другой подобной возможности не будет. Но чутье у Рауля было безошибочное. Пора уходить — уходить и копить силы для следующей битвы.

Правда, перед уходом она, не удержавшись, разыграла еще одну сценку. Ноги у нее дрожали, но она все равно опустилась на корточки и присвистнула, будто подзывая невидимых собак. Потом немного подождала, улыбнулась и встала.

— Учти...— сказал ей в спину Киссун.

— Что еще?

— Что мы не такие уж разные. Ты хочешь узнать тайну, и я тоже. Ты хочешь измениться. Я хочу того же. Ты хочешь обрести силу — и отчасти она у тебя уже есть, хотя очень и очень мало,— как и я. Мы идем разными путями, но в итоге придем к одному и тому же.

— Нет.

— А я думаю, да. Возможно, сейчас ты не в состоянии это признать, но ты чувствуешь мою правоту. А когда признаешь ее...

— Нет.

— А когда признаешь, я хочу, чтобы ты знала: для тебя есть место в моем сердце.

Сказал ли он это нарочно, чтобы она снова застыла, не в силах оторвать глаз от темной спирали?

— И надеюсь, для меня найдется место в твоём.

— *Не говори ничего,*— прошептал Рауль.

— *Сейчас я его пошлю.*

— *Понимаю, но лучше пускай гадает, что ты ответишь.*

Тесла выпрямилась и направилась к двери, и ноги у нее больше не дрожали.

— *Дай сказать ему хоть какую-нибудь гадость,*— взмолилась Тесла.

— *Не смотри на него,*— ответил Рауль.

Тесла послушалась. Не проронив ни слова, не оглянувшись, она открыла дверь и вышла в прохладный коридор.

Феба сидела на крыльце, обхватив голову. Тесла подошла к ней, погладила по плечу и помогла подняться. Потом они, спотыкаясь, побрели по дорожке, вышли на улицу и двинулись по тротуару мимо деревьев, глубоко вдыхая свежий ветер, потянувший с гор.

XIII

i

«Фанакапан» отошел от берега примерно на милю, и его подхватило второе, более мощное течение. Оно швыряло корабль, как игрушку. Волны этого течения, как с тревогой заметил Джо, стали выше. Они то вздымали «Фанакапан» футов на двадцать — тридцать, предоставляя возможность полюбоваться сверху открывавшимся видом, от которого замирало сердце, то кидали вниз, в темную и мрачную бездну. Каждый нырок казался последним, и Джо думал, что волны сейчас сомкнутся у них над головой. Ничуть не бывало. Доски скрипели, волны перекатывались по палубе от носа до кормы, а «Фанакапан» вновь взмывал над водой.

Вести беседы в таких условиях невозможно. Оставалось лишь держаться за притолоку в рубке и молиться, как Джо и поступил. Давненько он не читал «Отче наш», но тут слова вспомнились сами собой; их знакомое звучание успокаивало. Джо даже вдруг понадеялся, что Бог услышит его; по крайней мере, крохотный шанс у него был. Еще утром он назвал бы подобную мысль чушью, но теперь она вовсе не казалась дурацкой. Он переступил порог и очутился в другом мире, как будто космос — это дом, а разные миры в нем — соседние комнаты, буквально в шаге друг от друга. Если есть одна дверь, то почему бы не быть другим? И почему человек сам не может стать дверью к Богу?

Всю взрослую жизнь Джо спрашивал почему. Почему Бог? Почему смысл? Почему любовь? Теперь он понял, в чем его ошибка. Вопрос нужно ставить не «почему», а «почему бы и нет?».

Впервые после детства, когда бабушка рассказывала ему библейские притчи так, словно вспоминала собственную жизнь,— впервые с тех пор он посмел вспомнить о вере. И несмотря на пугавшую неизвестность, на все бедствия, на то, что он промок до нитки и его мутило, Джо радовался, что все вышло так, а не иначе.

«Если бы здесь со мной была Феба,— думал он,— ничего больше было бы не нужно».

ii

Тесла стала отвечать на вопросы Фебы. Но сначала она полчаса простояла в душе, отскребая себя от макушки до пяток. Она промыла и прочистила ноздри, высморкав все налипшее дерьмо, а потом извела с полтюбика зубной пасты и полную бугылку освежителя, выполаскивая горло и рот.

Отмывшись, она встала перед зеркалом и, насколько позволяла анатомия, осмотрела себя со всех сторон. Без сомнений, могло быть и получше. Сейчас все ее тело покрывали синяки: полинявшие желтые, или свежие фиолетовые, или багровые. Но, как ни странно, в целом картина ей понравилась.

— Выжила,— сказала она своему отражению.— Молодец.

— Хотелось бы некоторой уверенности и в завтрашнем дне,— ввернул Рауль.

— Есть идеи?

— Идея в том, что нам нужна помощь. Только не надо про Люсьена. От него здесь не было бы толку. Нам нужно как-то защищаться. И револьверами тут не поможешь.

— Значит, ты говоришь про магию.

— Правильно.

— Из тех, кто владеет магией, я знаю только Д'Амура,— сказала Тесла.— Но Грилло сказал, что он мертв.

- *Может, Грилло плохо его искал.*
- *Что ты, черт побери, предлагаешь?*
- *Помнишь, Д'Амур работал с ясновидящей?*
- *Смутно.*
- *Ее звали Норма Пэйн.*
- *Как это ты запомнил?*
- *А на что мне еще тратить время, как не на воспоминания?*

Когда Тесла нашла Фебу в кухне, та стояла возле мойки, над пакетом мусора, где ползали тараканы, с «Рейдом» в руке.

— Вот же сволочи,— проговорила Феба, сбивая двух тараканов струей яда на пол.— Сидят там, где тепло. Порой откроешь посудомойку, а они и там устроились.

— Ну, ты так тут полила, что, похоже, их не останется,— заметила Тесла.

— Не-а. Вернутся. Тебе лучше?

— Намного. А ты как?

— Приняла аспирин. Голова раскалывается, а так все нормально. Я заварила чай с мятой. Хочешь?

— Лучше чего-нибудь покрепче. У тебя есть бренди?

Феба взяла свою чашку и пошла в гостиную. Там царил беспорядок: везде валялись журналы и стояли переполненные пепельницы. Комната провоняла окурками.

— Мортон,— произнесла Феба, будто это все объясняло. Потом она открыла буфет, где стояла батарея бутылок, и, выискивая среди них бренди, сказала Тесле: — Я не очень-то помню, что случилось у Эрвина.

— Ничего особенного.

— Помню, мы с тобой шли по коридору. А потом я очнулась на крыльце. Ты нашла Флетчера?

— Нет.

— У меня только бурбон. У нас оставалось бренди с Рождества, но...

— Бурбон? Отлично.

— Но ведь там кто-то был, правда?

— Правда.

— И кто?

— Киссун.

— Он приятель Флетчера? — спросила Феба.

Она налила в стакан бурбона и подала Тесле. Та, прежде чем ответить на вопрос, отпила изрядный глоток.

— У Киссуна нет приятелей,— сказала она.

— Печально.

— Поверь мне, он их не заслужил.

Бурбон подействовал почти мгновенно. Тесла почти явственно ощутила, как он проникает в подкорку, тормозя процессы. Ощущение было приятным.

— Часы идут правильно? — спросила она у Фебы про часы, вмонтированные в телевизор. Те показывали пять минут четвертого.

— Примерно да.

— Надо бы поспать,— проговорила Тесла заплетающим языком.

— Этот человек... Киссун...— начала Феба.

— Поговорим завтра.

— Нет. Я хочу сейчас. Он сюда за нами не явится?

— С какой, черт возьми, стати?

— С такой, что я помню, какая ты оттуда вышла! — воскликнула Феба.— На тебе лица не было. Я подумала, а вдруг...

— Он решит довести дело до конца?

— Ага.

— Нет. Можешь спать спокойно. У него сейчас куда более важные заботы. А вот утром нужно сматываться.

— Почему?

— Потому что он чертов сукин сын, и, если все пойдет так, как он решил, этот город превратится в руины.

— Он на такое способен?

— Вполне возможно.

— Я не могу сматываться,— сказала Феба.

— Из-за Джо?

Феба кивнула.

— Завтра он все равно не вернется,— ответила Тесла.— Тебе пока придется самой о себе побеспокоиться.

— А если он завтра все же *вернется*, а меня нет?

— Тогда он будет искать тебя и найдет.

— Ты в это веришь? На самом деле? — спросила Феба, изучающе глядя на Теслу.— Если мы предназначены друг для друга, значит, мы будем вместе?

Тесла старательно отводила взгляд, но в конце концов ей пришлось посмотреть Фебе в глаза. И она не сумела соврать.

— Нет,— покачала головой Тесла.— Не верю. Хотела бы верить, но не могу.

После этого говорить им было нѣ о чем. Феба пошла к себе в спальню, оставив Теслу на диване. Продавленный диван провонял сигаретами Мортонa, но в том состоянии, в каком Тесла была сейчас, это было не важно. Едва голова коснулась подушки, как Тесла подумала, что зря выпила бурбона: теперь ей не уснуть. И в ту же секунду провалилась в сон.

Наверху, на двуспальной кровати — она стала теперь слишком широкой — Феба сидела, обхватив себя руками за плечи, и старательно пыталась выбросить из головы слова Теслы. Это ей не удавалось. Она цеплялась за то, чем жила последние сорок восемь часов, чтобы не сорваться в бездну отчаяния, которая разверзлась перед ней.

— Господи, Джо,— сказала она вслух и заплакала.— Джо, Джо, ну где же ты?

iii

Когда Джо уже решил, что шторм никогда не закончится и гигантские, свирепые волны разнесут «Фанакапан» в щепки, море вдруг стало потихоньку стихать, и через некоторое время течение вынесло их в спокойные воды.

Ной приказал команде проверить состояние корабля. Оно оказалось намного лучше, чем ожидал Джо: течь лишь в одном месте, и ее быстро заделали. Потом на носу и на корме зажгли фонари, и все пошло отдыхать. Гребцы на корме уселись в круг, опустив головы.

— Они что, молятся? — спросил Джо.

— Не совсем.

— Надо бы поблагодарить их за то, что они сделали,— предложил Джо.

— Нет.

— А я благодарю,— сказал Джо, поднимаясь с места. Ной схватил его за руку.

— Прощу тебя, не нужно их трогать,— проговорил он. Джо вырвал руку.

— Да в чем проблема? — не понял он и направился к членам команды. Те даже не повернули головы.

— Я хотел бы вас поблагодарить...— начал Джо и замолчал, увидев то, чего не видел раньше. Руки у них были содраны в кровь, на лицах ссадины, у одного на боку рана, но они сидели как ни в чем не бывало. Всю палубу возле них заливало кровью, а они сидели неподвижно, даже не пытаясь остановить кровотечение.

Встревоженный Джо присел рядом с ними на корточки. В первый раз он увидел их лица вблизи. Это были не люди — мутанты, полукровки, родившиеся от смешанных браков с какими-то существами, обитавшими за пределами Субстанции. Об этом говорили цвет их кожи, или разрез глаз, или форма черепа.

Джо переводил взгляд с одного лица на другое. На них не отражалось ни боли, ни неудовольствия.

— Вам нужно перевязать раны,— обратился к ним Джо.

Никто не ответил. Он знал, что слух у них есть. Они прекрасно слышали команды Ноя даже сквозь грохот волн. Но на Джо они не обращали внимания или не понимали, о чем он говорит.

— У меня не было выбора,— сказал подошедший сзади Ной.

Джо оглянулся. Ной стоял рядом.

— Что ты с ними сделал?

— Просто взял на службу.

— Как?

— Я... Говоря твоим языком, я наложил на них заклятие.

— Ты воспользовался магией?

— Что за презрительный тон? Все просто, Джо. Нам нужна помощь, а я не знал другого способа, откуда ее получить.

— Ты и меня бы заколдовал, если бы я отказался тебя нести?

— У меня на это не было силы. Но если бы и была, ты бы сопротивлялся в отличие от них.

— Они ранены.

— Вижу.

— Можешь ли ты их разбудить? Чтобы пришли в себя и хотя бы перевязали раны?

— Зачем?

— Они истекут кровью. Их жизнь в опасности.

— Их жизнь закончена, Джо.

— Что хочешь сказать?

— То, что уже сказал: я взял их на службу. Это необратимо. Как только они нас доставят, они...— Он пожал плечами.— Их жизнь потеряет смысл.

— И что... что тогда?

— Тогда они лягут и умрут.

— Господи.

— Я же тебе сказал: у меня не было выбора. Как еще мы могли оттуда выбраться?

— Ты отнял у них жизнь.

— Они ничего не чувствуют. Они даже не помнят, кто они и откуда.

— Будто это что-то меняет! — воскликнул Джо.— Посмотри мне в глаза, Ной. Мне это не нравится. *Разбуди их!*

— Поздно.

— Попытайся, черт побери! — рявкнул Джо, едва удержавшись, чтобы не двинуть Ноем по физиономии.

Тот понял его движение. И отступил к матче.

— Мы столько уже сделали вместе,— произнес он.— Не будем ссориться, не будем ломать нашу дружбу.

— *Дружбу?* — повторил Джо.— Что-то я не вижу особой дружбы. Тебе кое-что понадобилось от меня, а мне от тебя. Вот и вся дружба. •

— Ладно,— согласился Ной.— Значит, так: сниму с них заклятие...

— Вот и снимай.

— Не думаю, что они нас за это поблагодарят, но ты, по видимому, считаешь, что нужно вернуть им свободу, несмотря на мучения, которые она им принесет. Правильно ли я тебя понял?

— Да.

— Хорошо. Но когда я их освобожу, мы расторгнем нашу сделку.

— Что?

— Что слышал.

— Мы так не договаривались.

— Теперь у тебя нет выбора,— спокойно казал Ной.— Либо свобода, либо власть. Одно из двух, а никак не то и другое.

— Ты сукин сын.

— А как еще прикажешь с тобой разговаривать, Джо? — отозвался Ной.— Ты так уверен в своей правоте, что, на мой взгляд, сделать выбор тебе несложно. Ты хочешь освободить рабов, так? — Он молча смотрел на Джо и ждал.— Так, Джо?

Джо подумал и покачал головой:

— Нет.

— Но ведь я подчинил их своей воле, Джо. Вон они — сидят, истекают кровью. Ты же не хочешь, чтобы они истекли кровью, Джо? — Ной сделал паузу.— Или хочешь?

Джо растерянно посмотрел на существ, сидевших на палубе. Только что все было ясно, но Ной в одну секунду перевернул все с ног на голову. Ради чего, спрашивается? Только чтобы его переспорить.

— Я оказался здесь, потому что ты мне кое-что пообещал,— проговорил Джо.

— Да.

— Я не позволю тебе расторгнуть сделку.

— Ты сам от нее отказываешься, Джо.

— Ни от чего я не отказываюсь.

— Значит ли это, что рабы останутся рабами?

— Пока да,— кивнул Джо.— Может быть, я сам их освобожу, когда получу то, за чем пришел.

— Очень благородно,— сказал Ной.— Будем надеяться, они до этого доживут.— Он прошелся по палубе и встал у борта.— А пока они будут работать на меня.

Он бросил на Джо взгляд, будто ожидая возражений. Не дождавшись, он усмехнулся, заглянул за борт и тут же пошел на корму — отдавать распоряжения.

Чертыхнувшись, Джо приблизился к борту, чтобы посмотреть, в чем там дело. Он увидел, что течение замерло, а внизу, насколько хватало глаз, колышутся водоросли. Светлые и желтоватые, они сплелись в связки, где самые маленькие были размером с футбольный мяч, а самые большие — больше раз в двадцать. Теперь Джо понял, почему корабль замедлял ход. А команда уже стояла на носу, и кто-то спускался в воду. Там, в гуще переплетенных лент, они освобождали дорогу: четверо утапливали связки обломками такелажа, а двое рубили их секачами. Глядя, с каким трудом дается им продвижение, Джо поймал себя на постыдной мысли: возможно, отсутствие чувств им сейчас во благо. Израненным рукам предстояло много поработать, до чистой воды еще ярдов двести. Дальше вода казалась спокойной. По крайней мере, там рабы смогут отдохнуть, а он, Джо, еще поторгует с Ноем и, может быть, уговорит его освободить самых слабых.

Он отправился в рулевую рубку, где снял с себя промокшую рубашку, повесил ее сушиться на дверь и стал размышлять о своем нынешнем положении. Воздух наполнился нежными ароматами, и Джо, несмотря на возбуждение, вдруг впал в дрему. Он прислонил голову к спинке кресла и закрыл глаза...

В Эвервилле Феба наконец уснула одна в своей широкой постели, прижимаясь щекой к промокшей от слез подушке, и ей приснился сон. Конечно, там был Джо. Пусть не настоящий, не из плоти и крови, но все-таки он. Феба шла сквозь густой туман и знала, что он где-то рядом, но никак не могла

его найти. Она пыталась звать его, но голос увязал в тумане. Снова и снова Феба принималась кричать, и усилия ее были вознаграждены. Голос ее, похоже, пробил плотную завесу тумана.

Она продолжала звать.

— Джо... Джо... Джо! — снова и снова кричала она.

Джо, уснувший в рубке «Фанакапана», услышал, как кто-то зовет его по имени. Он едва не проснулся, решив, что его окликают из мира яви, но на поверхности туманного моря сновидений зов стал слабее, и Джо провалился обратно в забытьё.

Там зов раздался ближе, и он узнал голос.

Феба! Его звала Феба. Она его искала.

Он попытался ответить, но не успел, и она крикнула снова.

— Где ты, Джо? — говорила она.

— Я здесь, — ответил он. — Я тебя слышу. А ты меня?

— Боже мой! — в изумлении ахнула Феба. — Это действительно ты?

— Действительно я.

— Где ты?

— На корабле.

«На корабле, — подумала она. — Что он делает на корабле? Может, он бежал в Портленд и нанялся на первое попавшееся судно?»

— Ты меня бросил, — сказала она.

— Нет. Не бросил. Клянусь.

— Тебе легко говорить, — пробормотала она, и в ее голове зазвенели слезы, — а я тут совсем одна. Джо...

— Не плачь.

— И мне страшно...

— Послушай меня, — произнес он как можно ласково. — Ты сейчас спишь?

Она на мгновение задумалась.

— Да, — сказала она. — Сплю.

— Тогда, наверное, мы с тобой где-то рядом, — отозвался он. — Может, мы сейчас друг друга увидим.

- Где?
- В море. В море сновидений.
- Не понимаю, о чем ты.
- Иди,— сказал он.— Иди на мой голос. Мы друг друга найдем.

Он боялся проснуться. Если он проснется, связь прервется, Феба впадет в отчаяние (она и так на грани, он слышал это по ее голосу) и, вполне возможно, не захочет или не сможет больше его искать. Он шел, осторожно лавируя между сном, грозившим ему забвением, и явью, в которой они были разлучены. Нужно найти способ, не просыпаясь, спокойно пройти по крепким доскам этой палубы и нырнуть в бесплотные воды сновидений с открытыми глазами, чтобы там найти ее.

- Джо?
- Подожди немного,— прошептал он.
- Не могу. Я с ума сойду.
- Нет. Жизнь удивительнее, чем мы думали.
- Мне страшно...
- Не бойся.
- Я боюсь умереть и никогда не увидеть тебя.
- Ты увидишь меня. Иди на мой голос, Феба. Ты увидишь меня.

Он толкнул рукой дверь рубки и почувствовал под ногами палубу. Он снова всплывал на поверхность и едва не открыл глаза, когда обо что-то споткнулся, но Феба снова его позвала, и голос ее потянул Джо вниз, как якорь, и удержал в море сладких грез.

Он повернул направо. Сделал шаг, второй, третий, четвертый, пока ногой не почувствовал борт. И перевалился в воду.

Вода была холодной, и от холода он на мгновение проснулся. Он открыл глаза и увидел со всех сторон колыхавшиеся заросли водорослей, где кишели мальки вроде тех, каки-

ми он утолил голод. Ругая себя на чем свет стоит, он снизу взглянул на поверхность моря и тут снова услышал голос Фебы.

— Джо! — звала она, и в ее голосе теперь звучало не отчаяние — он стал радостным, почти веселым.

Джо ухватился за пучок водорослей, чтобы не всплыть.

— Я здесь, — мысленно сказал он. — Ты слышишь меня?

Сначала никто не ответил, и он испугался, что ему помешалось. Но нет, Феба заговорила снова. Она тихо ответила:

— Слышу.

Голос ее окружал Джо, как морская вода. Он словно гладил его лицо.

— Оставайся на месте, — попросила она.

— Я здесь, — сказал он.

Кажется, ему было не нужно дышать легкими: кислород проникал в кровь из воды через кожу. Он не чувствовал удушья, не чувствовал страха. Его охватил восторг.

Он изогнулся, раздвинул руками водоросли, пытаясь увидеть ее. Рыбы его не боялись. Они проплывали мимо лица, задевали живот, резвились у ног. А потом вдруг справа из желтоватых зарослей выглянуло знакомое существо. Нет, там оказалась не Феба — это Зерапушу, проводник душ, смотрел на Джо своими золотыми глазами. На мгновение он повернулся боком, давая Джо себя разглядеть. Потом проплыл вокруг него — по часовой стрелке и обратно, оба раза поворачиваясь лицом к Джо.

Зерапушу узнал его. Джо не усомнился в этом ни на секунду. По тому, как шу таращил глаза, как всматривался в лицо Джо, бесстрашно касаясь его короткими усиками, как вертелся возле ладони, будто просил погладить, — по всему было ясно, что он его узнал. И если это не тот самый шу, которого Джо держал в руках (шанс встретить его был, наверное, один на миллиард), то приходилось признать, что Ной, несмотря на свою лживость, сказал правду про шу: у них одно сознание на всех, и вот этот зверек узнал Джо, потому что уже видел его глазами своего брата или сестры.

Внезапно шу метнулся прочь. Водоросли качнулись, сомкнувшись за ним стеной, а потом Джо снова услышал голос Фебы, на этот раз совсем близко, словно она была рядом. Он повернул голову влево и...

...Это был он. Он смотрел на Фебу из гуши водорослей в нескольких футах от нее. Феба не поняла, как там очутилась. Только что она блуждала в тумане, где слышала голос Джо и никак не могла его найти, и вдруг оказалась обнаженная на берегу ручья Ангера. Феба вошла в воду, вода в ручье поднялась, и ее понесло течением. Она смутно понимала, что это лишь картинки, которые рисует мозг, пытаясь понятными образами выразить путешествие сознания. Эти картинки закачались и ускользнули, Феба не успела их удержать. Небо над головой приобрело странный цвет, сделалось огромным, а ручей исчез, и Феба с головой ушла под воду.

Она долго погружалась в нее и поняла, что это море. Фебу ласково подхватило течением. Она видела, как мерцают камешки на дне, и понимала, что это ей не почудилось, но все равно не боялась утонуть. Физические законы, властвовавшие над ее телом наяву, не имели здесь силы. Она плыла легко и смотрела на чудеса, открывавшиеся перед глазами, а самое главное чудо ждало ее впереди — тот, с кем она рассталась в Эвервилле.

— Это на самом деле ты! — прошептала она, протягивая к нему руки.

Он поплыл к ней навстречу, и голос его снова зазвучал у нее в голове, как все время звучал в этом странном сне.

— Да,— говорил голос,— на самом деле я.— И Джо крепко ее обнял.

— Ты же сказал, что ты на корабле.

Он показал на темную тень наверху:

— Вон он.

— Можно мне с тобой? — спросила она, уже зная, каким будет ответ.

— Тебе это снится,— сказал он.— Когда ты проснешься...

— Я буду у себя в спальне?

— Да.

Она теснее к нему прижалась.

— Тогда я не хочу просыпаться,— ответила она.— Я остаюсь с тобой, пока ты тоже не проснешься.

— Я — другое дело,— отозвался он.— Я должен плыть дальше.

— Куда?

— Я и сам не знаю.

— Тогда зачем тебе плыть дальше? Просто скажи, где ты, и я приду и тебя разбужу.

— Я не сплю, Феба.

— Что ты имеешь в виду?

— Это я.— Он коснулся ее лица.— Я, настоящий. Ты спишь, а я нет. Для меня это не сон.

Она немного отстранилась от него, огорченная.

— Это неправда,— не поверила она.

— Правда, Феба. Я прошел через порог и оказался в другом мире.

— Какой еще порог? — рассердилась она.

— На горе.

Складка на лбу разгладилась. Феба перевела взгляд на колыхавшиеся стеной водоросли.

— Значит, все это правда,— сказала она.— Субстанция на самом деле существует.

— Откуда ты знаешь это слово?

— Я познакомилась с одной женщиной...— рассеянно проговорила Феба.

— С какой женщиной?

— С Теслой... Ее зовут Тесла Бомбек. Она сейчас там у меня, в гостиной... Я думала, она сумасшедшая...

— Не знаю, кто она,— сказал Джо,— но она не сумасшедшая. Жизнь оказалась куда удивительнее, чем мы думали, Феба.

Она погладила его по лицу.

— Я хочу быть с тобой,— сказала она.

— Ты со мной.

— Нет. Я хочу *на самом деле* быть с тобой.

— Я вернусь,— пообещал Джо,— рано или поздно.— Он поцеловал ее в лоб.— Все будет хорошо.

— Расскажи про порог, Джо,— попросила она.

Не отвечая, он поцеловал ее еще раз, потом еще. Она подставила губы и раскрыла их, пропуская его язык, но мысленно продолжала просить:

— Скажи, где порог, Джо...

— Не ходи туда,— сказал он, прижимаясь щекой к ее лбу.— Будь со мной сейчас. Просто побудь со мной. Господи, Феба, я люблю тебя.

Он целовал ее лоб, глаза, гладил волосы.

— Я тоже тебя люблю,— ответила она.— И больше всего на свете хочу быть вместе с тобой. Больше всего на свете.

— Мы будем. Будем вместе,— сказал он.— Я жить не могу без тебя, детка. Говорил я тебе это?

— Скажи еще раз. Мне это важно.

— Я тебе лучше покажу.— Руки его соскользнули с плеч и легли ей на грудь.— Ты прекрасна,— прошептал он.

Правая рука его спустилась вниз, на живот, между ног. Феба приподнялась, и пальцы его принялись ласкать ее.

Она издала вздох и потянулась, чтобы поцеловать его.

— Я хочу остаться с тобой,— прошептала она.— Пусть я лучше усну навсегда, только бы рядом с тобой.

Джо целовал ее шею, грудь, живот, он спускался все ниже туда, где уже были его пальцы, пока его язык не вошел в нее. Феба раздвинула колени шире, Джо обхватил их и сжал, зарывшись лицом в ее пах.

Водоросли, казалось, разделяли его страсть. Они гладили Фебу, ласкали и обнимали. Их плети обрамляли ее лицо, колыхались у ее губ, будто надеялись на поцелуй; они с нежностью трогали ее спину, пробегая по мокрой коже, и касались ложбинки у поясицы.

Феба тяжело задышала, разметала руки, и пальцы ее нащупали плети. Водоросли тотчас откликнулись, подхватили ее с новой страстью и стали раскачивать, как гамак. Их лег-

кие прикосновения поднимали Фебу ввысь, вознося ее чувства на новую высоту.

Джо ласкал и лизал ее, и наслаждение, прокатываясь волной, передавалось водорослям, а тело теряло границы, будто Феба сливалась с водорослями и морем. Это было приятно и не страшно. Более того: по мере того как она растворялась в этой воде, она ощущала все большее наслаждение. Оно передавалось листьям, колыхавшимся стеблям, корням и возвращалось обратно, многократно усиленное, чтобы наполнить Фебу. Она была словно сосуд, что принимает их, приспособливает к себе и приспособливается к ним, усиливает их и возвращает.

Феба подняла взгляд вверх и заметила в воде темную тень корабля. Рядом с тенью она увидела матросов, которые прорубали кораблю дорогу. Ей захотелось позвать их, принять в волшебную игру, поделиться блаженством и посмотреть, как они, открывшись, растворяются в море.

От такой мысли ей стало немного стыдно: ведь это тайна ее и Джо, а она вдруг захотела поделиться ею со всеми. Но желание было выше ее. Счастье ей не принадлежало. Его нельзя положить в коробку, упаковать и отнести в банк. Оно текло потоком, удерживаясь в ней на мгновение не длиннее вдоха, и таяло в окружающем мире.

Оно было частью жизни, как слезы или голод, и связывало ее со всем живым в мире: с водой, водорослями и матросами, которые плыли над головой. Разве есть у нее право остановить поток, помешать ему течь свободно?

С ощущением этого великого благословения, снизошедшего на нее, Феба посмотрела на Джо сквозь водоросли. О, он прекрасен, прекрасны его плоть и кровь.

Джо почувствовал ее взгляд и тоже посмотрел ей в лицо. Она улыбнулась и ощутила себя морской богиней в подводном храме, куда он, ее почитатель, пришел из тьмы, чтобы причаститься телу и крови ее.

Она заметила, что водоросли тоже держат его. Они обнимали руки и ноги Джо, гладили спину и ягодицы с тем же бесстыдством, с каким ласкали Фебу. Она поняла, что не надо

бояться раствориться в них. И едва она смягчилась, как водоросли немедленно проникли в нее — в ее горло, в ее нутро — и даже пытались пробиться между ее гениталиями и губами Джо.

Взрыв чувств буквально едва не разрушил ее. На мгновение ей почудилось, что тело утратило плотность, поры вот-вот откроются, и она сольется с водой.

Но это было прекрасно. Она не просто растворялась — она вбирала в себя все, что зыбко колебалось вокруг. Она была водой, стеблями и корнями; она поднималась вверх и погружалась во тьму. Она обнимала Джо, как не обнимала раньше, разлившись в каждой частице, дотрагивавшейся до него. Она теперь знала, что чувствуют листья, касающиеся его ягодич, что чувствуют стебли, опутавшие ему руки и ноги так крепко, что она слышала биение его пульса; она струилась вместе с водой по спине, груди и животу вниз, туда, где расплылось облачко крови. Он был сильно избит, но все же не так, чтобы не захотеть ее. Она видела и чувствовала его напрягшийся член.

Если бы не память — вошедшая в ее плоть и кровь память о том, как прекрасно им было вместе,— возможно, Феба так и осталось бы в этом море, соединившись с водой и водорослями. Но, на миг вспомнив о прежнем, пожелав его снова, Феба остановилась.

Может быть, завтра или послезавтра она позволит себе это — оставит Фебу, превратившись в частицу живого мира. Но до тех пор, пока у нее есть это тело, она будет наслаждаться его возможностями. Она разделит это наслаждение с Джо и постарается растянуть его подольше.

Она отняла свои руки у водорослей и притянула к себе голову Джо. Он снова на нее посмотрел, и взгляд его был такой отрешенный, что Феба не поняла, видит ли он ее или нет. Потом на губах у Джо заиграла улыбка, он оттолкнулся от легко отпустившей его желтоватой стены и всплыл, оказавшись с Фебой лицом к лицу, дыхание к дыханию.

Заметил ли он, что творилось с ней в эти несколько минут, Феба не знала. Кажется, нет, потому что его слова, снова

безмолвно прозвучавшие у нее в голове, оказались продолжением их разговора.

— Ты не можешь остаться,— сказал он.— Рано или поздно ты проснешься, а тогда...

— Тогда я пойду и найду тебя.

Он прижал палец к ее губам, хотя она и так замолчала.

— Держись от порога подальше,— предостерег он,— это опасно. Сейчас там идет что-то страшное. Ты поняла меня? Прошу тебя, Феба, скажи, что ты поняла меня.

— Что там идет? — спросила она.— Объясни толком.

— Иад,— ответил он.— Идет иад-уроборос.

Пальцы Джо легли ей на затылок; он крепко обнял ее.

— Пообещай, что ты и близко не подойдешь к порогу.

Она в ответ только показала язык. Ничего она не обещает.

— Феба...— начал Джо, но не успел договорить, как она прижалась к его губам, и он забыл обо всем на свете.

— Я люблю тебя,— сказала она,— и хочу тебя.

Его не потребовалось приглашать дважды. Она ощутила, как он расстегивает ремень, потом — как он прижимается к ней. Прикосновение было очень легким, но оно причинило ему боль. Джо невольно скривился и замер, даже оторвался от ее губ.

— Ты в порядке? — прошептала она.

— Твой чертов муж,— сказал он, преодолевая боль.— Не знаю... смогу ли я...

— Тогда не нужно.

— Бог ты мой, как больно.

— Я же сказала: не нужно.

— Я хочу закончить то, что начал,— сказал Джо и вошел в нее.

Она опустила взгляд. Вода окрасилась красным. У него снова пошла кровь.

— Хватит,— проговорила она.

Но взгляд у него стал упрямым, брови нахмурились, зубы сжались.

— Я хочу закончить,— выдохнул он.

Сверху на них легла тень. Феба подняла голову и увидела матроса: свесившись через борт, он показывал на них пальцем. На самом ли деле она услышала голос? Наверное, ей показалось.

Двое из тех, кто рубил водоросли, бросили работу и принялись всматриваться в желтоватые дебри. Феба догадалась, в чем дело. Они собрались спасти Джо.

Джо их не видел. Он был чересчур занят ею, не обращая внимания на боль.

— Джо...— прошептала она.

— Все в порядке,— ответил он.— Трудновато, но..

— Джо, открой глаза. Тебя ищут.

Он посмотрел вверх, помахал рукой спасателям, но они то ли решили, что он зовет на помощь, то ли им было наплевать, чего он хочет.

Глядя на них, Феба решила, что наплевать, и ей стало не по себе. Они были явно не люди, но ее испугало не это, а странная, абсолютная безучастность, написанная на их лицах. Феба не хотела, чтобы существа с пустыми лицами забрали ее Джо. Она прижалась к нему теснее.

— Не уходи,— попросила она.

— Не уйду,— ответил он шепотом.— Я здесь, детка, я с тобой.

— Они хотят забрать тебя.

— Не заберут.— Он почти вышел из нее, потом вошел снова, медленно-медленно, словно им принадлежало все время на свете.— Мы будем вместе с тобой до конца.

Не успел он договорить, как спасатели подхватили его под мышки. А Феба, наверное, стала невидимой, потому что они не заметили ее, не попытались оторвать от Джо ее рук. Они просто рванули его наверх, будто он запугался в водорослях.

Джо ничего не оставалось, как разжать объятия, освободить руки и врезать им, как вдруг его дернули вверх. Он оторвался от Фебы, и снова у него пошла кровь. Вода помутнела, так что Феба на мгновение потеряла его из виду. Она только крикнула ему вслед:

— Джо! Джо!

Он ответил, но голос его теперь звучал еле слышно.

— Нет,— простонал он.— Не хочу... Не хочу...

В покрасневшей воде она двинулась за ним наугад, надеясь ухватить его за ногу, но водоросли держали ее. Когда вода прояснилась, Феба поняла, что его уже не достать.

— Ты меня слышишь, Джо? — заплакала она.

В ответ раздались не слова и даже не стон, а тихое шипение, похожее на шипение газа, вырвавшегося из старой трубы.

— Боже мой, Джо...— прошептала Феба, с новой силой рванувшись за ним наверх. Но водорослям она понравилась, и они, несколько минут назад ласковые и нежные, вцепились в нее мертвой хваткой, не желая отпустить. Они держали ее, лезли в рот и в глаза, и она чувствовала на губах их горький привкус.

Ей стало плохо, ее сотрясали судороги. Откуда-то издали раздались новые звуки: голоса и детский смех. Наверное, с корабля?

Нет. Звуки доносились не с корабля. Они принадлежали другому миру. Тому, где сейчас наступило утро. Где готовился фестиваль и просыпался город.

«Без паники»,— сказала она себе и на несколько секунд перестала вырываться, чтобы восстановить контроль над телом.

Судороги стали реже. Очень медленно она подняла голову и нашла взглядом Джо. Спасатели уже подняли его на поверхность. С корабля к нему потянулись руки, его подхватили. Теперь она поняла, почему он ей не отвечал. Он висел на руках у матросов как мертвый.

Ее охватил безумный страх.

— Нет, не может быть,— прошептала она.— Пожалуйста, Господи, пожалуйста, этого не может быть.

Кровь текла у него по ногам, растворяясь в воде мутным облаком.

— Джо! — воскликнула она.— Не знаю, слышишь ты меня или нет.— Она подождала, но ответа не последовало.—

Я хочу, чтобы ты знал: я разыщу тебя. Я помню, ты запретил, но мне все равно. Я тебя разыщу, и мы будем...

Она замолчала от удивления, заметив на борту судна еще одну фигуру, которая жестом что-то приказывала матросам. Через секунду Феба поняла, в чем дело. Спасатели, поднявшие Джо, без церемоний подхватили его и снова бросили туда, откуда вытащили.

— Нет! — крикнула она. Сбывались ее худшие опасения.— Нет, пожалуйста, нет...

Судорога вновь сотрясла ее тело. Одна, за ней другая и третья. И следом за ними явились дневной свет, смех за окном и все прочее. Спиной она ощутила липкие от пота простыни, вдохнула несвежий воздух спальни.

Даже теперь она сопротивлялась пробуждению. О, если бы, если бы она дотянулась до Джо! Если бы подхватила его, не дала соскользнуть во тьму — тогда, возможно, ей удалось бы сотворить чудо в этом сне. Вдохнуть свое дыхание в его легкие, удержать на краю забвения.

Феба ринулась вниз и, когда день подступил к ней совсем близко, поймала Джо за штанину. Она подтянула его к себе. Рот его был открыт, глаза закрыты, а вид похуже, чем у мертвого Мортонна.

— Не надо, любовь моя...— сказала Феба. Ей не хватило сил договорить: не надо, не умирай, не надо, не оставляй меня.

Она отпустила штанину, взяла в руки его лицо, обхватила губами его открытый рот. Он был ужасно податлив, но Феба не сдавалась. Она только плотнее прижала губы и, как закливание, произнесла про себя его имя:

— Джо.

В глаза ей ударил свет. Она начала просыпаться.

— Джо.

Глаза сами открылись. Но в тот самый миг, когда море, водоросли и ее возлюбленный начали исчезать, в тот самый последний миг она заметила — или ей показалось,— что веки Джо дрогнули, словно ее заклинания все же пробудили в нем жизнь.

Тут Феба проснулась. Что произошло потом, она не видела.

На лицо сквозь щель в неплотно задернутых шторах упал солнечный луч, и Феба сморщила нос. Она запуталась в простынях: они оплели ее, как водоросли во сне, а подушка промокла от пота. Конечно, все это был сон, но Феба точно знала, что сон непростой. Да, ее тело лежало в постели, обливаясь потом и вырываясь из простыней, но душа ее в то же самое время путешествовала в другой мир, не менее реальный, чем эта спальня.

Наверное, хорошо, что тот мир действительно существует. Наверное, если найти туда дорогу, здешний мир во многом бы изменился. Но сейчас Фебе не было до них никакого дела. Сейчас ее интересовал Джо. Без Джо ни тот мир, ни этот не имели никакого смысла.

Она поднялась и отдернула шторы. Началось субботнее утро, вот-вот должен был открыться фестиваль, и солнце ярко сияло на безоблачном чистом небе. В безупречной его синеве поплыл вдруг, отливая серебром, чей-то вырвавшийся из рук воздушный шарик. Феба смотрела, как, подгоняемый легким утренним ветром, шар поднялся над соснами и двинулся дальше, в сторону хребта Хармона. Сейчас она умоется и тоже пойдет в ту сторону, подумала Феба. Ну и что, что сегодня в Эвервилле самый веселый день в году. Ну и что, что сегодня вся долина загудит, как праздничный улей. Там, на горе, наверху есть какой-то порог, и не успеет солнце перейти через зенит, как Феба либо погибнет, либо шагнет в другой мир.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДЬЯВОЛ И Д'АМУР

— Вот она, эта пакость,— сказал человек в розовом, цвета лососины, галстукe, указывая пальцем на картину, висящую на стене галереи.— Как она, черт возьми, называется?

Он заглянул в листок с каталогом цен.

— «Апокалипсис в Бронксе»,— подсказал стоявший рядом с ним.

— «Апокалипсис в Бронксе»,— фыркнул критик.— Господи!

Потом подозрительно скосил взгляд на незнакомца.

— Вы ведь не он, нет? — спросил он.— Не Дюссельдорф?

Незнакомец — плотно сбитый мужчина не старше сорока, с трехдневной щетиной, с красными от недосыпа глазами — покачал головой:

— Нет. Я не Дюссельдорф.

— Но вы есть на одном из его полотен, не так ли? — спросила женщина с азиатскими чертами, стоявшая рядом с Лососевым Галстуком.

— Разве?

Она взяла у своего спутника листок и пробежалась глазами.

— Здесь,— сказала она.— «Д'Амур на Уикофф-стрит». В соседнем зале, огромное полотно. Небо цвета разлившейся желчи.

— Омерзительно! — скривился Галстук.— Может отправляться обратно торговать героином, или чем еще он там занимался. Не стоило выставлять такое дерьмо, чтобы *все* его видели.

— Тед не торговал наркотиками,— ответил Д'Амур.

Он сказал это тихо, но в голосе явно слышалось предупреждение.

— Я выражаю свое личное мнение,— проговорил критик, защищаясь.

— Тогда не распространяйте ложных слухов,— сказал Д'Амур.— Не нужно лить воду на чертову мельницу.

Была пятница, восьмое июля, и дьявол занимал все мысли Гарри этим вечером. В Нью-Йорке, как всегда, стояла душная жара, и Д'Амуру, как всегда, хотелось уехать, но ехать было некуда. В любом другом месте его сразу бы вычислили и нашли. А здесь, в этом вдоль и поперек исхоженном городе, он задыхался от жары, но, по крайней мере, знал, где укрыться и куда пойти, кто его боится и кого ему бояться. Кто враг и кто друг.

Одним из немногих его друзей был Тед Дюссельдорф, бывший героиновый наркоман. Некогда он устраивал перформансы, а теперь стал рисовать городской апокалипсис.

Сейчас Тед, одетый в клетчатый мешковатый костюм, стоял в окружении почитателей своего таланта возле одной из новых скандальных работ — все полотно высотой до потолка — и жевал сигару такой длины, какую не часто встретишь даже на Манхэттене.

— Гарри! Гарри! — обрадовался он, увидев Д'Амура.— Хорошо, что ты пришел.— Он бросил своих немногочисленных слушателей, подошел к Д'Амуру и взял его под руку.— Знаю, ты не любишь сборищ, но хотел тебе показать, что теперь и у меня есть поклонники.

— Продал что-нибудь?

— Не поверишь, продал! Одна милая еврейская дама, известный коллекционер, купила вот это.— Он ткнул сигарой в направлении стены, где висело «Избиение агнцев на Брук-

линском мосту».— Для столовой. Наверное, она вегетарианка,— добавил он с горловым смешком.— А потом купили еще пару рисунков. Я, конечно, не сильно разбогател, но все-таки кое-что, правда?

— Правда.

— Пойдем, покажу свой шедевр,— сказал Тед, увлекая Гарри прочь сквозь толпу.

Публика отчетливо делилась на три категории. Одни — жертвы собственного снобизма, ходившие на подобные мероприятия, чтобы их увидели и упомянули в газете. Вторые — серьезные коллекционеры, невесть как сюда попавшие и чувствовавшие себя неуютно. Третьи — друзья Теда; кое-кто из них щеголял татуировками не менее живописными, чем картины на стены.

— Подходит ко мне один,— говорил Тед.— Туфли модные, стрижка от дизайнера. И говорит: ваши фантазии, мол, немного *passé**. Я спрашиваю: какие такие фантазии? Он на меня смотрит так, будто я пернул. Отвечает: я имею в виду эти ваши картины. Я ему: это не фантазия, это жизнь. Он покачал головой и испарился.— Тед наклонился к Гарри.— Знаешь, иногда мне кажется, что люди делятся на две категории. Одни в состоянии что-то понять, другие — нет. И не надо пытаться им объяснять, все равно не поймут.

Они вошли в зал, где на стене прямо перед ними висело большое, восемь на шесть футов, полотно, отличавшееся от других более четким сюжетом и яркими красками.

— Я, знаешь, не спятил до сих пор только потому, что умею рисовать. Если бы я не сбрасывал на холст всю эту херню, давно бы крышка поехала. Не понимаю, как ты выдерживаешь, Гарри. В смысле, после всего, что ты видел и знаешь...

Заметив появление художника и его модели, группа людей возле картины расступилась, давая Теду возможность полюбоваться своим творением. На полотне, почти как на всех картинах Дюссельдорфа, была изображена простая го-

* Старомодны (*фр.*).

родская улица. Однако эту улицу Д'Амур узнал. Это была та самая бруклинская Уикофф-стрит, где однажды, почти десять лет назад, в прекрасный солнечный субботний день накануне Пасхи, он впервые услышал шелест дьявольских крыльев.

Тед изобразил улицу такой, какой она и была, запущенной и неудобной. В центре он поместил Д'Амура, придав его лицу изумленное выражение, словно говорившее зрителям: видите ли вы то, что вижу я? При первом взгляде казалось, будто улица вполне обычная, но так только казалось. Тед, не пожелавший прямо и примитивно подать идею картины, придумал метод куда более тонкий. Сквозь стены мрачных зданий — коричневых, цвета сепии, и серых, — сквозь кирпич и железо, сквозь асфальт проступала истинная сущность события. Улица пламенела кармином и охрой, сочилась темно-красными каплями, будто перезревший гранат, и пейзаж, несмотря на реалистично выписанные детали, напоминал полупрозрачный задник театральных декораций, прикрывавший нечто значительное и грозное.

— Похож, а? — спросил Тед.

Гарри признал: да, похож, и его только что узнали; но не обрадовался этому. Лицо у него было крепкой лепки — так сказала Норма, едва ошупала его в первый раз, — но почему же черты такие резкие? Тед выписал его, будто высек из камня, — длинный нос, твердый подбородок, высокий лоб и прочее. Возраст явно преувеличен: в волосах седина, на лбу поперечные складки. Если так будет лет через десять, это неплохо, подумал Д'Амур. В лице на полотне не чувствовалось той спокойной ясности, что компенсирует утрату юности, взгляд и улыбка были полны тревоги. Тем не менее вид у него вполне осмысленный, руки и ноги целы, что, учитывая род его занятий — вольную борьбу с бестиями преисподней, — уже неплохо, так что он вполне годился для перевода в первую лигу.

— Видишь? — спросил Тед.

— Что?

Тед подвел его на пару шагов ближе к полотну и показал на что-то под ногами изображенного Д'Амура:

— Вот, смотри.

Гарри посмотрел — сначала на тротуар, потом на сточную решетку.

— У тебя под ногами, — не выдержал Тед.

Под правым каблуком Гарри на картине извивалась черная змейка с горящими углями вместо глаз.

— Это и есть дьявол, — заявил Тед.

— Решил мне польстить? — спросил Гарри.

Тед усмехнулся.

— Эй, это же искусство. Можно немного и приврать.

По просьбе Теда Гарри прождал его примерно час, пока не поредела толпа посетителей. Он устроился в служебных комнатах за выставочным залом, уселся за стол, задрал ноги, со стопкой старых номеров «Таймс». Иногда полезно вспомнить нормальную жизнь, какой живут обыкновенные люди, которых интересуют подковерная политическая борьба, проблемы бедности в мире, скандалы, светские сплетни, мода и криминальная хроника. Он завидовал их неведению и легкости, с какой они растрачивали жизнь. Сейчас он все отдал бы за то, чтобы неделю пожить так же — заниматься своими делами и позабыть о присутствии чужих, проглядывавших сквозь внешнюю оболочку вещей.

Их присутствие не было бредом или фантазией. Гарри встречался лицом к лицу с теми из них, у кого имелись лица. Он видел их в квартирах, на улицах, в лифте. Видел, как они роются в больничных отходах, высасывают кровь из грязных бинтов. Видел их на берегу реки, где они потрошили дохлых собак. Они были повсюду и нагнали день ото дня. Гарри знал, что пройдет немного времени, и они появятся на улицах средь бела дня. А когда они появятся днем, никто не сможет им противостоять.

В начале своей карьеры — тогда он, только что ставший частным детективом, расследовал одно дело и впервые попал в компанию нелюдей, — Гарри тешил себя надеждой, что

со временем они исчезнут сами, стоит только о них рассказать и призвать народ к бдительности. Довольно быстро он понял, что все не так просто. Никто не хотел ничего знать. Есть границы восприятия, и люди не хотят, да и не могут, раздвигать их, чтобы впустить в свою жизнь кошмары. Когда Гарри попытался рассказать о том, что знал или о чем догадывался, в ответ на свои неловкие теории он получал недоверчивый взгляд или раздражение, а пару раз и удар по физиономии. Он отказался от поиска единомышленников и стал воевать в одиночку.

Однако он был не совсем одинок. Изредка попадались люди, которым довелось столкнуться с тем же, что и Д'Амуру. Через несколько лет образовалась небольшая компания, где самым важным для Гарри человеком стала Норма Пэйн, слепая негритянка-медиум. Никогда не покидая своей двухкомнатной квартирki на Семьдесят пятой улице, она могла рассказать все, что творится в любой точке Манхэттена. Она общалась с духами, прилетавшими к ней за советом, как лучше перебраться в другой мир. Раньше был еще отец Гесс — вместе с ним Гарри пытался выяснить природу нелюдей, появлявшихся в городе. Но их совместные изыскания продлились недолго и прервались в ту субботу на Уикофф-стрит, где они попались в ловушку. Отец Гесс канул в небытие, не успев выскочить на лестничную площадку, а одолевший его демон сидел на кровати и повторял одно и то же, требуя, чтобы Гарри разгадал смысл слов: «Я есть ты, ты есть любовь, потому-то и крутится мир. Я есть ты, а ты...»

Никогда с тех пор Гарри не встречал человека, чьим суждениям доверял бы до такой степени, как суждениям отца Гесса. Гесс был ревностный католик, однако широта его взглядов изумляла. Он с интересом изучал все религии и верования, а любовь к жизни со всеми ее тайнами горела у него в сердце. Беседы с ним походили на путешествие по речным порогам, настолько головокружительны и рискованны были повороты. Он мог вести речь о теориях черных дыр, тут же мгновенно перейти к достоинствам перцовой настойки,

а потом с величайшим почтением рассуждать о таинстве непорочного зачатия. Но как бы далеко ни отстояли друг от друга эти темы, между ними всегда была внутренняя логическая связь.

Не проходило дня, чтобы Гарри не вспоминал о нем и не заскучал.

— Поздравь меня,— сообщил Тед, появившийся в дверях офиса с улыбкой до ушей.— Только что продал еще одну картину.

— Молодец.

Тед закрыл за собой дверь. В руке он держал бутылку белого вина. Он сел на корточки возле стены и отхлебнул глоток.

— Бог ты мой, ну и вечер,— сказал он, и голос его дрожал от переполнявших его чувств.— Я чуть не испекся за эту неделю. Я сам не знал, хочу ли выставлять на всеобщее обозрение то, что я вижу и о чем думаю.

Он привалился к стене, закрыл глаза и тяжело вздохнул. Помолчал минуту. Потом продолжил:

— Я нашел то, что тебе нужно, Гарри.

— Да?

— Но я все еще думаю, ты что-то путаешь...

— Когда церемония?

— В следующий вторник.

— А где, ты узнал?

— Само собой! — Тед взглянул на него с шутливым неодобрением.

— Так где?

— Дальше по Девятой и...

— Ну и куда дальше?

— Может, лучше я тебя туда провожу?

— Нет, Тед. Не впутывайся.

— Почему? — спросил Тед, протягивая Гарри бутылку.

— Потому что ты поклялся никогда больше не прикасаться к этому дерьму, не забыл? Героин, магия и все такое — им не место в твоей жизни. Разве ты не говорил?

— Говорил. Ты будешь пить или нет?

Гарри сделал большой глоток. Вино было кислое и теплое.

— Вот и держи слово. Тебе теперь есть что терять.

Тед самодовольно хохотнул.

— Приятно слышать,— сказал он.

— Ты собирался назвать адрес.

— Идешь дальше по Девятой. Квартал между Тринадцатой и Четырнадцатой. Здание стоит углом. На вид заброшенное,— проговорил он, снизив голос до шепота, и забрал у Гарри бутылку.— В свое время я умел вытряхивать тайны, но добыть этот адрес было не легче, чем выдавить кровь из камня. Что там такое?

— Тебе этого не нужно знать.

— Чем меньше ты расскажешь,— честно предупредил Тед,— тем сильнее разожжешь мое любопытство.

Гарри сокрушенно покачал головой:

— Но ты ведь не поддашься ему, а?

— Вряд ли,— ответил Тед, пожимая плечами.— Ты же знаешь, я склонен поддаваться.

Гарри молчал.

— Ну? — не унимался Тед.— В чем там дело?

— Ты когда-нибудь слышал об ордене Заим-Карасофия?

Тед мрачно уставился на Гарри.

— Ты что, шутишь? — Гарри покачал головой.— Это же орден конкубов?

— Да, именно так мне и сказали.

— Гарри... Ты понимаешь, куда суешься? Их, говорят, выслали сюда из другого мира.

— Неужели? — сказал Гарри.

— Гарри, не морочь голову. Черт, ты отлично знаешь, о чем речь.

— Кое-что слышал, понятное дело.

— И что ты думаешь?

— О чем?

— О том, откуда они явились,— ответил Тед, все больше нервничая.

— Говорю тебе, я лишь слышал кое-что краем уха...

— Ну и?..

— Я думаю, они пришли из Субстанции.

Тед тихо присвистнул. Ему не нужно было объяснять, что такое море сновидений. Он и сам лет пять занимался оккультной практикой, пока случайно, под героином, не вызвал к жизни какую-то тварь с явно психопатическими наклонностями. Гарри пришлось применить все свои знания и умения, чтобы загнать ее обратно. Тед тогда поклялся больше не прикасаться к магии и в тот же день записался на курс деинтоксикации. Но оккультные термины до сих пор его завораживали, а особенно слово «Субстанция».

— Что они здесь делают? — спросил Тед.

Гарри пожал плечами.

— Откуда я знаю? Я даже не уверен, что они существуют на самом деле.

— А если...

— Если они существуют, то мне нужно задать им несколько вопросов и получить на них ответы.

— Что за вопросы?

— Про ту самую змейку, что ты изобразил у меня под каблуком.

— Я изобразил Антихриста.

— Они его называют Иад.

Тед схватывал с полуслова.

— Значит, иад-уроборос и Антихрист — одно и то же? — сказал он.

— Это всего лишь разные имена дьявола, — отозвался Гарри.

— Как бы можешь быть уверен?

— Я верю, — ответил Гарри.

II

На другой день Гарри пошел взглянуть на тот самый дом по добытому Тедом адресу. Дом был обыкновенный, многоквартирный, четырехэтажный и явно нежилой: окна заколочены, на входной двери висячий замок, кое-где пустые про-

емы заложены кирпичами. Гарри дважды обошел вокруг дома, стараясь разглядывать его незаметно, на случай если за ним наблюдают. Потом направился за советом к Норме.

Порой беседы в ее квартирке вести было нелегко. Норма, еще будучи подростком, стала надеждой и опорой для заблудших душ (особенно недавно умерших) и так жила всю жизнь. Порой она уставала от своих подопечных и включала на полную громкость сразу несколько допотопных телевизоров, чтобы грохот отпугивал духов, и разговаривать становилось невозможно.

Когда Гарри пришел в этот раз, телевизоры были включены, но без звука. На экранах мелькала реклама, предлагая купить машины, таблетки для похудения и жизнь вечную. Норма, конечно, ничего этого не видела. Она была от рождения слепа.

Но говорила она как зрячая.

— Посмотрите на него! — воскликнула Норма, едва Гарри переступил порог. — Заболел, что ли?

— Нет, спасибо. Просто мало спал.

— Делал новые татуировки? — спросила Норма.

— Только одну, — признался Гарри.

— Покажи.

— Норма...

— *Покажи*, — потребовала Норма и протянула к нему руку из глубины удобного кресла, где сидела, обложившись подушечками.

Гарри снял куртку, бросил ее сверху на телевизор и подошел к Норме, расположившейся возле открытого окна. Снизу в квартирку долетали людские голоса и шум машин.

— Почему ты не включишь кондиционер? — поинтересовался Гарри, закатывая рукава рубашки. — Дышать нечем.

— Люблю слушать жизнь, — сказала Норма. — Меня успокаивает. Ладно, давай посмотрим, что тут у тебя. — Она взяла руку Гарри, поднесла ее ближе к себе, пробежав пальцами от запястья почти до локтя, где он недавно сделал татуировку.

— Так и ходишь к этому мошеннику Войту? — спросила Норма, немного сдвинула наложенный татуировщиком бинт и ощупала кожу. Гарри поморщился.— Хорошая работа,— заключила Норма.— Хотя одному богу известно, зачем это тебе.

Продолжался их старый спор. Гарри за последние пять лет сделал около дюжины татуировок, и все они, кроме двух, были работой Отиса Войта — тот специализировался на «талисманах и символах», которые, по его уверениям, отводили беду.

— Кое-каким из них я обязан жизнью,— сказал Гарри.

— Ты обязан жизнью своему уму и бесстрашию, Гарри, ни больше ни меньше. Покажи мне татуировку, способную остановить пулю.

— Таких нет.

— Правильно. А взгляд демона убивает похлеще пули.

— Пуля — это неодушевленный предмет,— согласился Гарри.

— А демон? — возразила Норма.— Нет, Гарри. Демон тоже всего-навсего кусок дерьма. Кусок гнилого, тухлого мяса.— Она скривилась, обнажив в гримасе прекрасные белые зубы.— Бог ты мой,— промолвила она,— хотела бы я пойти к ним вместе с тобой.

— Мало приятного,— отозвался он.— Уверю тебя.

— Все лучше, чем это.— Она хлопнула ладонями по подлокотникам. На столике рядом с ней звякнули бутылки с ромом и бренди.— Иногда мне кажется, что меня наказали, Гарри. Сидеть здесь и целыми днями слушать их рассказы... И о том плачут, и о сем. И того им жалко, и этого. Иногда так и хочется заорать на них: черт возьми, поздно уже, *поздно!* Надо было раньше жалеть, пока можно было что-то изменить. А! Что толку... Вот у тебя настоящая жизнь, а мне никуда не деться от моих мертвецов. Когда родишься, не знаешь, что тебя ждет. Вот уж не угадаешь.

Гарри подошел к окну и взглянул с высоты седьмого этажа на Семьдесят пятую улицу.

— На днях прокатимся,— сказал он.

— Прокатимся?

— Хочу через пару дней повозить тебя по городу, проверить несколько мест. Паршивых, по-настоящему паршивых, Норма. Посмотрим тогда, как скоро ты передумаешь.

— Хорошо, посмотрим,— согласилась Норма.— А пока займемся делом. Чему обязана сегодня? Ведь ты не затем пришел, чтобы показать мне работу старика Войта.

— Нет.

— И рому ты мне не принес.

— Извини.

Она отмахнулась.

— Не валяй дурака. Я рада, что ты пришел. Но объясни зачем.

— Мне нужен твой совет, Норма. Во вторник я иду на вечеринку.

— И ты решил спросить у бедной слепой женщины, что тебе надеть? — улыбнулась Норма.— Кто устраивает вечер?

— Орден Заим-Карасофия.

Улыбка Нормы погасла.

— Не смешно, Гарри.

— Мне тоже,— ответил Гарри.— Во вторник у них какая-то церемония, и мне нужно там быть.

— Зачем?

— Затем, что если кто-то и знает, где иады попытаются прорваться сюда в следующий раз, так это они.

— Про них никто не хочет даже вспоминать, Гарри, и не без оснований.

— За деньги можно и вспомнить. Но беда в том, что никто на самом деле не знает, кто они такие.

— Или что они такое,— уточнила Норма.

— Ты веришь в то, что про них говорят?

— Что их сослали сюда из другого мира? — Норма пожала плечами.— Иногда мне кажется, что всех нас сюда сослали.

— А если без метафизики?

— Это не метафизика, это правда. Всякая жизнь происходит из какого-нибудь моря снов, Гарри. И мы все мечтаем туда вернуться.

— Почему-то меня это не успокаивает. Не знаешь ли почему?

— Потому что ты боишься того, что стоит за этим,— ответила Норма, ни на секунду не растерявшись.— Боишься, что в данном случае все правила, по которым ты жил, ни черта не стоят, а без них ты сойдешь с ума.

— А ты не сойдешь?

— И я, наверное, сойду,— кивнула Норма.— Но не так уж важно, кто из нас сойдет с ума, а кто нет, Гарри. Вопрос в том, правду о них говорят или нет. И я думаю, что у тебя, у меня и у этих Заим есть кое-что общее.

— Я должен их бояться? — спросил Гарри.

— Возможно, они боятся тебя не меньше, чем ты их, а это означает, что они предпочтут видеть твою голову на блюде. С гарниром.

— Ха-ха. Как смешно.

— Сам спросил,— пожала плечами Норма.

Гарри отвернулся от окна и перевел взгляд на телевизор. На экранах беззвучно шли свои драмы, и камеры бесстрастно фиксировали каждый ничтожный триумф и каждую ничтожную неудачу, как реальную, так и созданную режиссерской фантазией.

— Тебе никогда не казалось, что за нами наблюдают? — сказал Гарри после паузы, когда он перебежал глазами с одного экрана на другой.

— Все время кажется,— ответила Норма.

— Я не про твоих духов,— сказал Гарри.

— А про что тогда?

— Сам не знаю... Ну, может, Бог?

— Нет.

— Что «нет»?

— Ты так говоришь, будто точно знаешь, что так оно и есть.

— Да, знаю. Сейчас, пока я здесь. Спроси у меня об этом завтра, и я, может быть, отвечу иначе. Конечно, я сомневаюсь, но мы никогда не знаем.

— Ты говорил о демонах...

— Ну и что?

— Значит, дьявол где-то есть.

— А если где-то есть дьявол, то должен быть и Бог?

Норма покачала головой:

— Мы уже говорили об этом, Гарри. Бесконечный спор.

— Ясно.

— Не знаю, что такое твои демоны...

— Во-первых, они не мои.

— Видишь, мы все время спорим. А я думаю, что твои.

— Хочешь сказать, я виноват в том, что случилось с Гессом? — помрачнев, сказал Гарри.

— Ты же знаешь, я не об этом.

— А о чем?

— О том, что демоны тебя находят, потому что они тебе нужны. И Гессу они тоже были нужны. Они тебе нужны, чтобы не потерять смысл жизни. Одни верят... ну, не знаю, во что они там верят... в политику, в кино.— Норма вздохнула и спросила: — Почему это тебя беспокоит?

— Наверное, погода. Или настроение. Не знаю.— Гарри помолчал.— Неправда. *Знаю.*

— Скажешь мне?

— Я боюсь.

— Ты боишься ордена?

— Нет.

— Тогда чего?

— Я по-прежнему верю и в черта, и в дьявола. Но в себя я больше не верю.

— Что за чушь ты несешь! — воскликнула Норма и протянула руку в его сторону.— Подойди сюда,— велела она.— Гарри? Ты меня слышишь?

Он протянул ей руку, и Норма крепко взяла ее повыше запястья.

— Выслушай меня,— сказала она.— И не говори даже, что не хочешь слушать. Иногда нужно сказать некоторые вещи, я хочу этого и скажу. Понимаешь? — Она и не подумала дожидаться ответа Гарри и продолжала, притянув его к себе поближе: — Ты хороший человек, Гарри, а это редко бывает. На самом деле *редко*. Наверное, тебя что-то подталкивает изнутри, что-то такое, чего нет у других, и потому перед тобой все время встают новые испытания. Не знаю, кто тебя испытывает — и кто меня испытывает,— но знаю, что выбора у нас нет. Понимаешь? У нас нет выбора, так что нам остается только стараться как можно лучше делать то, что мы делаем.

— Ладно, но...

— Я не закончила.

— Извини.

Она притянула Гарри еще ближе. Он теперь стоял рядом с ее креслом.

— Как давно мы друг друга знаем? — спросила она.

— Одиннадцать лет.

Другой рукой она коснулась его лица. Провела пальцами по лбу, по щекам, по губам.

— Все имеет свою цену, а? — сказала Норма.

— Ну да.

— Если бы мы знали зачем и почему, Гарри, мы были бы не те, кто мы есть. Может, мы бы вообще перестали быть людьми.

— Ты действительно так думаешь? — тихо спросил Гарри.— По-твоему, мы топчемся на месте, потому что мы люди?

— В какой-то степени.

— А если бы мы все поняли?

— То перестали бы быть людьми,— повторила Норма.

Гарри уткнулся лбом ей в плечо.

— Может быть, так и есть,— тихо сказал он.

— Что так и есть?

— Может быть, пора нам перестать быть людьми.

Новая татуировка ныла сильнее, чем все прежние, вместе взятые. Ночью она разболелась особенно, и Гарри несколько раз просыпался: ему снилось, что рисунок ползет по руке, как живой, пытаясь выбраться из-под одежды.

Утром он — как оказалось, в последний раз — позвонил Грилло. Когда они болтали, Д'Амур помянул Антихриста. Грилло в ответ презрительно фыркнул («Черт возьми, да ты у нас католик, а я и не знал!» — сказал он), после чего их беседа подошла к весьма холодному завершению. Грилло с его Рифом был последней надеждой выяснить что-нибудь про орден, и надежда эта лопнула. Теперь придется войти в дом между Тринадцатой и Четырнадцатой с пустыми руками, не имея понятия о том, что ожидает Гарри. Что ж, не в первый раз.

Он пришел к зданию еще до полудня, занял позицию через улицу и приготовился ждать. До середины дня все было тихо, а потом начали появляться участники. Одни подъезжали в автомобилях, другие приходили пешком, и все быстро шныряли вниз по ступенькам, которые вели к открывавшейся перед гостями подвальной двери. Появлялись и исчезали они так быстро, что Гарри не разглядел ни одного лица. До наступления сумерек в дом вошли около десятка гостей. Подвальную дверь Гарри заметил еще в прошлый раз, когда осматривал здание. Большая, железная, она показалась ему наглухо закрытой и заржавевшей в железном косяке. Все вышло не так.

Гарри ждал, что дело пойдет быстрее, когда стемнеет, но он ошибся. В сумерках прибыли еще пять или шесть гостей, но в общем и целом собрание выходило менее людным, чем он думал. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что чем меньше глаз станут разглядывать самозванца, тем лучше; плохо, потому что вместо толпы он попадет в круг избранных, где каждый обладал бог знает какой силой.

Около девяти, когда в небесах погасли последние отблески вечернего света, на углу Тринадцатой возле винного магазина остановилось такси, и оттуда вышел Тед Дюссельдорф. Такси сразу отъехало, а Тед немного постоял на перекрестке, доставая сигарету. Потом пересек улицу и направился к зданию. Гарри ничего не оставалось, как покинуть укрытие и двинуться за Тедом в надежде, что тот его заметит и вовремя остановится. Но Тед смотрел вперед и свернул за угол, прежде чем Гарри успел его догнать. Стараясь не спешить, чтобы не привлекать лишнего внимания (он нисколько не сомневался, что изнутри за ним наблюдают), Гарри пересек улицу и вслед за Тедом двинул в обход здания. Тед свернул за угол. Гарри прибавил шагу и увидел спину приятеля как раз в тот момент, когда Дюссельдорф начал спускаться. Ругаясь про себя, Гарри заторопился, и шаги его разнеслись эхом по пустому двору. Он подоспел как раз вовремя, когда макушка Теда почти скрылась в темной глубине лестницы, но в последний момент Дюссельдорф оглянулся и, довольный, заулыбался.

— Ты...

Гарри прижал палец к губам и сделал знак, чтобы он поднимался, но Тед упрямо помотал головой, тыча пальцем в дверь. С недовольной гримасой Гарри двинулся вдоль стены и спустился по лестнице.

— Ты со мной не пойдешь,— прошипел он.

— Как ты попадешь туда без моей помощи? — осведомился Тед, доставая из-под куртки молоток и ломик.

— Ты не забыл, что тебе больше нельзя иметь дела с магией? — напомнил Гарри.

— Прощальная гастроль,— сказал Тед и добавил хриплым шепотом: — Гарри, я не спрашиваю у тебя разрешения. И вообще, если бы не я, тебя бы здесь не было.

— Я не могу нести за тебя ответственность,— предупредил Гарри.

— А я и не прошу...

— Я серьезно. Мне и так хватает мороки.

— Заметано,— ответил Тед с ухмылкой.— Так мы идем, или как?

С этими словами он спустился еще на один пролет — к двери. Гарри пошел следом.

— Есть зажигалка? — спросил Тед.

Гарри порылся в кармане и вытащил зажигалку. Пламя едва осветило проржавевший металл. Тед поддел косяк ломиком и попытался открыть, потом налет всем весом. С двери посыпалась ржавчина, петли затрещали, но створка выдержала.

— Без толку,— прошептал Гарри.

— Есть идеи получше? — прошипел в ответ Тед.

Гарри закрыл зажигалку.

— Есть,— раздался в темноте его шепот.— Только отвернись.

— Почему это?

— Потому,— сказал Гарри и снова щелкнул зажигалкой: он хотел убедиться, что Тед послушался.

Тед не послушался. Он стоял и смотрел на Гарри испытующим взглядом.

— Ты хочешь применить магию? — спросил он, и в голосе у него звучало скорее восхищение, чем упрек.

— Может, и магию.

— Бог ты мой, Гарри...

— Послушай, Тед, какого хрена ты сюда притащился, шел бы ты...

— Что там у тебя? — спросил Тед, и глаза у него загорелись, как у наркомана в предвкушении дозы.— Неужели «рука славы»?

— Господи, нет, конечно.

— А что?

— Тед, незачем тебе знать. Говорят тебе, отвернись.

Тед неохотно отвел глаза, и Гарри извлек из кармана магическое приспособление, за которое он отдал Отису Войту четыре сотни баксов. Вещь эта представляла собой алюминиевую полоску в два дюйма длиной и полтора шириной, с выгравированным крохотным магическим символом и пя-

тью расходившимися от него узкими желобками. Гарри вложил ее в щель между дверью и косяком, ближе к замку.

— Ни хрена себе, это же «колдун»,— услышал он за спиной шепот Теда.— Где ты его раздобыл?

Поздно было просить, чтобы он отвернулся, а лгать не имело смысла. Тед слишком хорошо разбирался в магии и знал весь колдовской инструментарий, чтобы его можно было обмануть.

— Не твое дело,— сказал Гарри сердито. Он предпочитал не использовать специальные средства (пусть даже этот инструмент был самым малым по шкале магических приспособлений, распределявшей их по степени воздействия и привыкания), но обстоятельства иногда вынуждали бить врага его оружием. Такова суровая правда войны.

Гарри приложил большой палец к острому краю инструмента. Плоть сразу открылась, и Гарри тут же почувствовал, как запульсировал «колдун», словно напитывался его кровью. Гарри знал, что момент активации — самый опасный для магов, так как именно он вызывает привыкание. Он приказал себе отвести глаза и не смог. Будто зачарованный, смотрел он, как его кровь стекает по желобкам и с шипением всасывается в металл. За спиной он слышал учащенное дыхание Теда. Потом в щели между косяком и дверью что-то вспыхнуло, раздался характерный щелчок, и замок открылся. Не успели погаснуть последние искры, как Гарри налег на дверь плечом. Она открылась. Гарри оглянулся на Теда, вид у которого, несмотря на всю прежнюю браваду, был слегка испуганный.

— Готов? — спросил Гарри и не стал дожидаться ответа. Он шагнул внутрь, оставив Теда самому решать, идти или оставаться.

||

i

В подвале стоял тяжелый запах ладана и суши недельной давности; одним словом, запах плохой магии. От этой вони сердце у Гарри заколотилось, как молот. Сколько раз я делал это, думал Гарри, пробираясь вперед в полной темноте. Сколько раз он так шел вперед, невзирая на страх и подгибавшиеся колени? И сколько раз еще предстоит шагать в неизвестность, пока его епитимья не закончится?

Тед дотронулся до его плеча.

— Туда,— сказал он и кивнул вправо. Там, шагах в десяти от них, в тусклом серебристом свете виднелась еще одна лестница.

Они направились туда, стали спускаться, а Тед так и не снял руку с его плеча. С каждым шагом, с каждой ступенькой становилось все холоднее, запах суши усиливался. Сочетание холода и запаха было верным признаком: внизу именно то, что они искали. И, будто этого мало, дали о себе знать татуировки. Разуделась не только новая, но и другие, зажившие давным-давно (на лодыжках, вокруг пупка, на пояснице и под грудиной).

Когда до низа оставалось ступеньки три, Гарри повернулся к Теду и прошептал:

— Помни о том, что я за тебя не отвечаю.

Тед кивнул и снял руку с его плеча. Говорить было некогда — они почти дошли. Гарри сунул руку под куртку и про-

верил револьвер в кобуре. Потом преодолел три последние ступеньки, завернул за угол и попал в просторный зал: от входа, где стоял Гарри, до противоположной нештукатуренной кирпичной стены футов пятьдесят, если не больше, а высота сводчатого потолка — футов двадцать. В центре зала возвышалось нечто, на первый взгляд напоминавшее колонну толщиной почти с половину зала, задрапированную полупрозрачной тканью. От нее и исходил тот самый серебристый свет, который они заметили наверху. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что ткань эта не плотнее воздуха. Она походила на переливы северного сияния — легкая, невесомая, словно сплетенная из паутины громадного паука.

Среди ее складок двигались фигуры членов ордена, прибывших сюда днем. Теперь они были не в пальто и шляпах, а расхаживали по залу почти обнаженные, залитые серебристым сиянием.

Их нагота потрясала. Мягкий мерцающий свет скрадывал детали, но, лишь взглянув на них, Гарри понял: все, что он слышал о Заим-Карасофия, соответствует истине. Они не из нашего мира. Некоторые явно происходили от союзов людей и птиц — лица узкие, глаза сдвинуты по сторонам головы, губы клювообразные, на спине перья. Другие напоминали плоды чьего-то воображения, вызванные из Субстанции, — живое подтверждение теорий, которые не раз слышал Гарри. Как еще можно объяснить появление на свет двух существ со светящимися желтоватым светом шарами вместо головы? Они сияли ярко-синими глазами, похожими на светляков. Или прелестное создание женского пола, чье лицо обрамляли, будто косички, нежные жгутики кожи, двигавшиеся в причудливом танце.

Гарри не видел никаких примет той непотребной inferнальной церемонии, какую он здесь ожидал. Не было ни треска свечей, отлитых из человеческого жира, ни ритуальных ножей, ни младенцев со вспоротыми животами. Гости двигались в облаке света, словно плыли в одном общем сновиде-

дени. Если бы не запах суши и ладана, Гарри решил бы, что произошла досадная ошибка.

— Что здесь творится? — шепотом, на ухо спросил Тед.

Гарри пожал плечами. Он сам не понимал. Но зато он знал, как это выяснить. Он сбросил куртку и начал расстегивать рубашку.

— Ты что делаешь?

— Хочу присоединиться к ним,— ответил Гарри.

— Тебя же вычислят через минуту.

— Не думаю,— сказал Гарри, снял башмаки и вытащил из брюк рубашку. В то же время он не спускал глаз с проплывавших в круге существ, высматривая в них признаки агрессивности. Он их не увидел. Если агрессивность в них и была, сейчас она явно спала.

Гарри показалось, что они вряд ли заметят, даже если он присоединится к ним одетым. Но внутреннее чутье подсказывало: для безопасности лучше стать похожим на них.

— Оставайся здесь,— велел он Теду.

— Ты сошел с ума, понимаешь? — сказал Тед.

— Все будет нормально,— заверил Гарри, оглядел свое полуголое тело и похлопал себя по животу.— Надо бы сбросить пару фунтов...

С этими словами он направился к «колонне».

Подойдя ближе, он заметил то, чего не видел раньше: лучи света или волокна, чем бы там они ни были, издавали низкий неровный звук, похожий на стон. Звук этот пульсировал у него в висках, будто предвестник мигрени. Ощущение не из приятных, но Гарри не остановился. По коже бежали мурашки, татуировки жгло как огнем.

Гарри поднял к глазам левую руку и сдвинул повязку с новой татуировки. В здешнем серебристом свете багровая параболо казалась свежей, будто ее только что нанесли на кожу, и абсолютно бессмысленной. Норма права, подумал он. Как может какая-то загогулина защитить его от могущественных сил?

Он сорвал повязку и приблизился к «колонне», каждую минуту ожидая, что на него обратят внимание. Но так и не

дождался. Никто не удостоил его взглядом, он беспрепятственно вошел в столб света и двинулся к центру. При этом он поднял руки, и пальцы его, дотронувшиеся до световых волокон, почувствовали легкий укол. Гарри получил слабый заряд энергии, пробежавший по рукам к его плечам и растворившийся где-то в груди. «Колонна» на мгновение вздрогнула, и Гарри испугался, что сейчас его выбросят, потому что мерцающие складки окружили новичка со всех сторон. Прикосновение волокон оказалось даже приятным, и он, похоже, выдержал испытание — в чем бы оно ни заключалось, — потому что складки разошлись и заколыхались в прежнем ритме.

Гарри оглянулся в поисках Теда, но все, что осталось за пределами света — кирпичные стены, лестница, потолок, — подернулось дымкой. Тогда Гарри сосредоточился на мистере, совершавшейся в центре круга.

Он пошел туда, и головная боль немедленно усилилась, но он не обращал на нее внимания. В середине «колонны» что-то было: какой-то темный сгусток в самом сердце свечения. Сгусток был выше Гарри и имел над ним какую-то власть, ибо, раз взглянув туда, Гарри уже не мог оторвать от него глаз.

Вместе с этим он услышал еще один звук, напоминавший далекий и мерный рокот барабанов.

Зачарованный, изумленный, Гарри понял, откуда звук ему знаком. Это был шум прилива.

Его охватила дрожь. Сердце забило. Море. Господи, море! Шепотом, тише вдоха, он произнес:

— Субстанция.

Голос его слышали. Затылком он ощутил чье-то дыхание, и кто-то велел ему:

— Повернись.

Он повернулся и увидел рядом с собой одного из изгнанных, чье лицо переливалось всеми цветами радуги.

— Мы ждем, когда появится *нейрика*, — сказал тот. — Благословение скоро придет.

Благословение? Кого они ждут, Папу Римского?

— Скоро? — спросил Гарри, в любой момент ожидая разоблачения.

— Очень скоро, — последовал ответ. — Он чувствует наше нетерпение. — Изгнанник смотрел мимо Гарри, в темноту. — Он знает, как мы хотим вернуться. Но ведь нельзя вернуться без благословения, не так ли?

— Так, — сказал Гарри. — Конечно.

— Погоди-ка, — сказал изгнанник, прислушиваясь к чему-то извне. — Кажется, это он...

Внезапно в толпе собравшихся началось волнение, и все, включая собеседника Гарри, сгрудились возле кромки света. Гарри страшно хотелось увидеть того, кто пришел их благословить, но еще больше его тянуло хоть краем глаза взглянуть на берег Субстанции. Он выбрал Субстанцию. Гарри повернулся и быстро, очень быстро, будто его потянуло неведомой силой, шагнул к темному сгустку. Он ощутил, как пол под ним становится зыбким, как дышит в лицо порыв холодного влажного ветра. Темнота расступилась, будто ветром открыло невидимую дверь, и за ее порогом открылось зрелище, при виде которого ноги сами понесли Гарри вперед — туда, туда, на берег обетованный.

Над ним распростерлось небо, где громоздились, как башни, высокие облака, а между облачными башнями сияли невиданные на земле звезды. Под ногами суетились крабы, цеплялись клешнями за камни, когда накатывала волна. Прибой бился о мелководе так, словно хотел дотянуться до камней, до неба или до того и другого разом.

Все это Гарри успел охватить одним-единственным жадным взглядом.

Потом он услышал за спиной крик и нехотя оглянулся. Сзади творилось что-то странное. «Колонна» раскачивалась, волокна света рвались и падали вниз, как старые сброшенные бинты. Гарри попытался сосредоточиться, но перед глазами все еще стояло море. Пока он соображал, слышались еще два крика, справа и слева. Он мгновенно очнулся, испугался и бросился прочь, хотя темный сгусток притягивал, и пришлось приложить усилие, чтобы оторваться.

На бегу он заметил то самое существо, с кем только что разговаривал, — оно цеплялось за складки драпировки, а в груди у него зияла рана величиной с кулак. Создание упало на колени, сияющие глаза его на мгновение задержались на Гарри, тонкогубый рот раскрылся, будто хотел спросить: за что? Вместо слов изо рта хлынула черная, как у каракатицы, кровь, и существо упало. Гарри оглянулся в поисках того, кто это сделал, но среди колеблющихся волокон взгляд его находил только несчастных гостей, падавших замертво от страшных ран. К ногам Гарри, подпрыгивая, подкатилась оторванная голова, а обезглавленное тело механически вцепилось в Гарри и замерло у него на руках.

Световые завесы, внезапно ставшие саваном, сотрясались сверху донизу, волокна рвались и падали на пол. Как живые, они корчились в судорогах, свет, исходивший от них, медленно гас, и зал погружался в темноту.

Под прикрытием падающих завес Гарри подобрался к краю светового круга и там — наконец — увидел того, кто все это устроил.

Это был человек. Ни больше ни меньше. С бородой патриарха и в одеянии пророка. Одевание его, изначально синее, теперь покрылось кровью, как фартук у мясника. Оружием ему служил короткий жезл, извергавший языки бледного пламени. Гарри увидел, как один змеистый язык равнодушно, почти лениво, настиг новую жертву (одну из тех, с глазами как светляки). Человек ткнул жезлом ей в поясницу и вверх, обнажив позвоночник. Существо не погибло сразу же, несмотря на чудовищную рану, а повернулось к убийце лицом.

— За что? — простонало оно, простирая к убийце мягкие руки. — За что?

Тот ничего не ответил, лишь снова поднял жезл и выстрелил прямо в рот жертве. Огонь опалил ее, сокрушив в мгновение ока, но и после этого она не упала. Тело ее содрогалось, мочевой пузырь и кишечник опорожнились. На лице пророка появилось нечто вроде удивления, он подошел к своей жертве по кровавому месиву и выстрелил — на этот раз в

упор. Струя энергии вырвалась с такой силой, что голова отделилась от тела.

Гарри невольно вскрикнул, скорее от ярости, чем от страха. Убийца, который уже двинулся мимо обезглавленной женщины к зазору между мирами, застыл на месте. Гарри замер. Пророк глядел в темноту, и его лицо становилось все более изумленным.

«Он не видит меня»,— догадался Гарри.

Радость была преждевременной. Пророк продолжал глядеться в ступавшую темноту так, словно видел в ней что-то, но не мог разобрать, будто его подводили глаза. Но рисковать он не собирался, поэтому снова поднял посох и выстрелил.

Гарри не стал ждать, пока его настигнет огонь. Он ринулся к лестнице, моля бога, чтобы Тед уже выбрался оттуда. Язык пламени просвистел совсем рядом, дохнув смертоносным жаром, и ударил в стену с такой силой, что в кирпиче побежали трещины. Гарри оглянулся и увидел, что пророк, больше не обращая внимания на страшный фантом, направился к темной трещине, за которой лежала Субстанция.

Гарри проследил за ним взглядом. В ступавшей темноте берег и море стали видны отчетливее, и на секунду ему захотелось вернуться туда, побежать вслед за пророком и оказаться на берегу моря под высоким сводом чужого неба.

В это мгновение из темноты, откуда-то слева, он услышал слабый страдальческий голос:

— Прости, Гарри... пожалуйста... прости...

С замиранием сердца Гарри отвернулся от лестницы, искал глазами Теда. Тот лежал на нижней площадке шагах в семи или восьми от Гарри, раскинув руки, раненный в грудь. Рана была обширная и глубокая — даже странно, что он еще мог дышать и говорить. Гарри подошел к нему.

— Возьми меня за руку,— попросил Тед.

— Я держу ее,— ответил Гарри.

— Ничего не чувствую.

— Может, это и к лучшему,— сказал Гарри.— Сейчас я тебя отсюда вытащу.

— Он пришел из ниоткуда...

— Не думай об этом.

— Я не лез туда, как ты велел, а потом... Он пришел из ниоткуда...

— Помолчи, ладно? — Гарри обхватил Теда.— Ну как, ты готов?

Тед только застонал. Гарри набрал в легкие побольше воздуха, выпрямился и поволок раненого наверх. Серебристый свет окончательно погас, и идти стало еще труднее. Но остановился Гарри только раз, когда по телу Теда прошла легкая судорога.

— Держись,— говорил Гарри.— Держись.

Они добрались до лестницы, и Гарри потащил приятеля по ступенькам. На секунду он оглянулся и увидел пророка, все еще стоявшего на пороге между Космом и Метакосмом. Конечно, сейчас он шагнет в другой мир. Конечно, он туда и стремился. Но почему ради этого потребовалось убить столько невинных душ, осталось для Гарри загадкой, которую он не надеялся решить в скором времени.

ii

— Уже поздно, Гарри,— сказала Норма.

Она сидела в том же кресле возле окна, и рядом бубнили телевизоры. По всем каналам шли ночные шоу.

— Можно чего-нибудь выпить? — спросил Гарри.

— Налей сам.

В темноте, освещенной мерцанием телеэкранов, Гарри подошел к столику рядом с креслом и налил себе бренди.

— Ты в крови, Гарри,— заметила Норма. Обоняние отчасти заменяло ей глаза.

— Это не моя кровь. Теда Дюссельдорфа.

— Что случилось?

— Он умер час назад.

Норма помолчала несколько секунд, потом спросила:

— Орден?

— Не совсем.

Гарри сел на простой жесткий стул напротив Нормы, расположившейся в своем выложенном подушками троне, и рассказал ей, что случилось.

— Значит, в конечном итоге татуировки оправдали потраченные на них деньги,— сказала она, когда Гарри закончил отчет.

— Или мне повезло.

— Я не верю в везение,— возразила Норма.— Я верю в предназначение.— Она вложила в это слово все свои чувства.

— Значит, по-твоему, Теде было предназначено умереть там сегодня? — спросил Гарри.— Так я и купился на это.

— Ну и не покупайся,— отозвалась Норма с изрядной долей раздражения.— У нас свободная страна.

Гарри хлебнул бренди.

— Похоже, на этот раз мне всерьез нужна помощь,— сказал он.

— Ты про врачей? Если про врачей, то Фрейд сегодня ко мне приходил... по крайней мере, он назвался Фрейдом... так вот, его все *затрахали*...

— Я не про Фрейда. Я говорю про церковь или, может быть, про ФБР. Не знаю. Я должен кому-нибудь рассказать, что происходит.

— Если тебе поверят, значит, они уже куплены врагом,— сказала Норма.— Можешь не сомневаться.

Гарри вздохнул. Он знал, что она права. Среди тех, кто носил форму и рясу, были люди, в чьи обязанности входило скрывать нежелательную информацию. Если он обратится к такому человеку, его уничтожат.

— Значит, придется хорошенько подумать, прежде чем сделать выбор,— сказал он.

— Или плюнуть на это.

— Дверь нельзя открывать, Норма.

— Ты уверен?

— Дурацкий вопрос,— ответил он.— Конечно, уверен.

— Приятно слышать,— сказала Норма.— Ты не помнишь ли, когда впервые так решил?

- Я не решал. Мне так сказали.
- Кто?
- Не помню. Наверное, Гесс. Или ты.
- Я? Да меня ты не слушаешь!
- А кого мне тогда слушать, черт побери!
- Попробуй слушать себя,— посоветовала Норма.— Помнишь, что ты сказал мне несколько дней назад?
- Нет.
- Ты сказал, что пора перестать быть человеком.
- Ах, вот ты о чем...
- Да, я о том.
- Это только слова.
- Все только слова, пока не доходит до дела, Гарри.
- Не понимаю.
- Что, если дверь *нужно* открыть? — продолжала Норма.— Может, пора открытыми глазами посмотреть на то, что нам снится.
- Опять Фрейд.
- Ничего подобного,— ответила она.— Даже близко.
- А если ты ошибаешься? — сказал Гарри.— Может быть, открытая дверь означает катастрофу, и если ее не предотвратить...
- Настанет конец света?
- Вот именно.
- Нет. Никакого конца не будет. Мир изменится, но не погибнет.
- Ты полагаешь, что тут я должен удовлетвориться твоим обещанием?
- Нет. Спроси у своих серых клеток. Они должны знать.
- Я со своими серыми клетками в последнее время не в ладу,— сказал Гарри.— Они не спешат сообщить мне, что им известно.
- Может быть, ты плохо слушаешь,— предположила Норма.— Вопрос стоит так: что будет, если мир изменится? Может, он изменится к лучшему?
- Он изменится к худшему.
- Кто сказал?

— Я.

Норма подняла руку, протянула ее к Гарри.

— Давай-ка прогуляемся на крышу,— сказала она.

— Сейчас?

— Сейчас. Хочу подышать свежим воздухом.

Они поднялись наверх, на крышу девятиэтажного здания над Семьдесят пятой улицей, и Норма закуталась в пальто. До рассвета было еще далеко, но город уже начинал новый день. Норма опиралась на руку Гарри, и они оба минут пять молчали и слушали, как внизу гудят машины, как воет сирена «скорой помощи», как свистит холодный ветер, что налетал порывами от реки, неся грязь и копоть. Молчание прервала Норма.

— Какие же мы сильные и какие хрупкие,— произнесла она.

— Кто «мы»?

— Люди. Мы *все* несем в себе силу.

— Вряд ли *все* с тобой согласятся,— ответил Гарри.

— Это потому, что они не чувствуют связи с другими. Они считают себя одиночками. По разумению. По жизни. Я ведь вечно слышу одно и то же. Все души, что прилетают ко мне, жалуются, как им одиноко, как им ужасно *одиноко*. А я отвечаю: измените себя.

— А они не хотят?

— Конечно нет.

— Я тоже не захотел бы,— отозвался Гарри.— Я такой, какой есть. И не собираюсь отказываться от себя.

— Я сказала «измениться», а не «отказаться»,— возразила Норма.— Это не одно и то же.

— Но для мертвых...

— Что значит «мертвый»? — Норма пожала плечами.— Жизнь меняется, а не заканчивается. Можешь мне поверить.

— А я не верю. Хотел бы, но не верится.

— Не буду я тебя убеждать,— сказала Норма.— Значит, ты должен прийти к этому сам, так или иначе.— Она слегка наклонилась к его плечу: — Сколько лет мы знакомы?

— Ты уже спрашивала.

— И что ты ответил?

— Одиннадцать.

— Немало, а? — Она опять помолчала, потом спросила: — Ты счастлив, Гарри?

— Бог ты мой, нет конечно. А ты?

— А я, пожалуй, счастлива, — ответила Норма, и в голосе у нее прозвучало недоумение. — Я дорожу твоей дружбой, Гарри. В другое время и в другом месте из нас вышла бы неплохая пара. — Она издала смешок. — Может, поэтому мне и кажется, что я знаю тебя куда дольше каких-то одиннадцати лет. — Она передернула плечами. — Что-то я замерзла. Не сможешь ли мне спуститься?

— Конечно.

— У тебя усталый голос, Гарри. Тебе надо поспать несколько часов. У меня в другой комнате есть матрас.

— Нет, спасибо. Я поеду домой. Мне нужно еще кое кем переговорить.

— Я тебе мало помогла, так? Тебе нужны простые ответы, а у меня их нет.

— Я тебе кое-чего не сказал.

— Чего?

— Я почти перешел через него.

— Через порог?

— Да.

— И почему ты остался?

— Во-первых, я не мог бросить Теда. А потом... Не знаю... Наверное, побоялся, что не вернусь.

— Ну, вполне возможно, что самые лучшие путешествия — те, из которых не возвращаются, Гарри, — заметила Норма, и в голосе у нее прозвучала тоскливая нотка. — Расскажи, как оно там.

— Море? Оно прекрасно. — Он снова вспомнил берег Субстанции и невольно вздохнул.

— Тогда пошли домой, — сказала Норма.

Гарри отозвался не сразу. Он разглядывал раскинувшийся внизу город. Город тоже был по-своему прекрасен, но только по-своему и только ночью.

— Может, и правда нужно было уйти,— проговорил он.

— Если ты думаешь обо мне, то зря,— сказала Норма.— Я, конечно, буду скучать, но ничего, справлюсь. Может быть, я и сама скоро последую за тобой.

iii

Он вернулся домой, чтобы привести себя в порядок (рубашка промокла от крови Теда) и собраться. Но поскольку он понятия не имел, что увидит по ту сторону, кроме неба, моря и гальки на берегу, собраться было глупо.

Он положил в карман бумажник, хотя вряд ли там в ходу доллары. Застегнул на руке часы, хотя время, скорее всего, там идет иначе. Надел крестик с распятием, хотя историю про Христа, по его мнению, придумали только для того, чтобы отвлечь внимание от настоящей тайны. И когда в небе забрезжил рассвет, он вышел из дома и направился к тому же самому зданию в квартале между Тринадцатой и Четырнадцатой улицами.

Дверь, которую он взломал ночью, была открыта нараспашку. Освещая путь фонариком, он направился к внутренней лестнице. Несколько раз остановился, прислушиваясь к звукам внизу. Ему уже повезло сегодня, и второй раз испытывать судьбу он не хотел. Но все было тихо, не слышно даже стонов. Он добрался до лестницы, где выключил фонарь и начал спускаться в темноте — почти полной, если не считать слабого, пробивавшегося сверху отсвета предутреннего неба, — пока не увидел мерцание снизу. Это оказалась кровь одного из убитых, получившего страшные раны головы и груди. Она скопилась в лужицах, издавая довольно сильное фиолетовое свечение, как фосфоресцирующая гнилушка.

Спустившись, Гарри постоял на площадке, пока не привыкли глаза. А потом ему открылось зрелище настолько страшное, что, хотя он был готов увидеть побоище, волосы у него встали дыбом.

Разумеется, он не впервые видел смерть. Видел он ее часто, а красивой она бывала редко. Видел разлагавшиеся расчлененные тела, оторванные конечности, изуродованные лица. Но здесь было что-то еще более жуткое. Перед Гарри лежали останки тех, кого он считал нечистыми и дьяволопоклонниками; они принадлежал к другому биологическому виду, и сами пропорции их тел вызывали неприязнь. Именно такое Гарри считал порождением зла и безумия. Но это зрелище не доставило ему радости. Возможно, они действительно являлись порождением зла, а может быть, и нет. Он не знал этого. Но он помнил, что совсем недавно сам решил отказаться от человеческого. Теперь он не имел права судить существ по их внешней форме, какой бы странной она ни казалась, потому что и сам он, изменившись, мог принять вид еще более причудливый. Не исключено, что и ему придется испытать стадии трансформации, подобно зародышу, который сначала напоминает рептилию, потом птицу и только в итоге становится человеком. Вполне возможно, что здесь, в темном подвале, на полу лежат его мертвые братья.

Он оторвал от них взгляд и посмотрел в центр зала. Волокна погасли, с потолка свисало лишь несколько рваных лент, ничего не скрывавших, — в центре ничего не было. Темный проход, что вел на берег Субстанции, исчез.

Гарри не поверил глазам и бросился туда, спотыкаясь о трупы. Напрасная надежда. Пророк закрыл за собой проход и стер все следы.

— Дурак, — сказал сам себе Гарри.

Он так близко подошел. Он стоял на пороге другого мира, где, быть может, находилась разгадка самой тайны бытия. Надо было не раздумывая ринуться туда, а он мямлил. Замялся, отвернулся и упустил свой шанс.

Что Норма говорила о предназначении? Неужто его предназначение — стоять среди трупов и смотреть вслед прекрасному поезду, ушедшему без него?

Адреналин в крови, на котором он держался до сих пор, вдруг иссяк, ноги стали ватными. Пора домой — проглотить обиду и поспать хоть пару часов. Потом он приведет мысли в порядок и постарается хоть что-то понять.

Гарри двинулся прочь из этого страшного места, дошел до лестницы. На площадке через пролет он едва не споткнулся о чью-то скорчившуюся фигуру. Пророк все-таки не довел до конца свое дело. Женщина — это оказалась женщина — осталась жива, хотя даже в слабом свете, попадавшем сюда, видно было, что жить ей осталось недолго. Запекшаяся темной кровью рана тянулась у нее от солнечного сплетения до бедра. На плоском, безносом и безгубом лице сияли огромные золотые глаза.

— Я тебя помню,— произнесла она хриплым свистящим шепотом.— Ты был с нами на церемонии.

— Да.

— Зачем ты вернулся?

— Я хотел пройти через порог.

— Мы тоже,— сказала она, немного нагнувшись к Гарри. Сияющие глаза впились в него, будто она хотела увидеть его насквозь.— Ты не из наших,— отметила она.

Гарри не видел причин врать.

— Да, я не из ваших.

— Ты явился с ним,— вдруг испугалась она.— Шу небесный! — Она отшатнулась, заслонив руками лицо, словно пыталась защититься от Гарри.

— Не бойся,— ответил он.— Я пришел не с ним. Клянусь.

Он перешагнул последнюю ступеньку и подошел к ней. Слишком слабая, чтобы бежать, женщина прижалась к стене и сползла по ней вниз, заходясь рыданиями.

— Убей меня,— выдохнула она.— Мне все равно. У меня ничего не осталось.

Гарри присел перед ней на корточки.

— Послушай меня, пожалуйста. Я пришел не с ним, я даже не знаю, кто он...

— Это Киссун.

— Что?

Она отняла от лица перепончатые пальцы и посмотрела ему в лицо.

— Значит, ты все-таки его знаешь.

— Тот Киссун, которого знаю я, мертв,— сказал он.— По крайней мере, я так думал.

— Он убил Посвященного и явился к нам в его теле. Но зачем?

Хотя бы на это Гарри знал ответ:

— Ему нужно было пройти к Субстанции.

Женщина покачала головой.

— Нет, он остался здесь,— сказала она.— Он только запер проход.

— Ты уверена?

— Я видела собственными глазами. Тогда-то я и узнала, что он — Киссун.

— Не понимаю.

— В самый последний момент, когда проход закрывался, в нем вспыхнул свет и осветил все — кирпичи, пол, мертвых. И я, кажется, на мгновение увидела истинную природу вещей. А потом я посмотрела на него — на того, кого мы приняли за Посвященного,— и увидела, что это другой человек в его теле.

— Как ты узнала, что он — Киссун?

— Когда-то Киссун пытался примкнуть к нам. Говорил, что он тоже изгнанник, как и мы, что он хочет вернуться домой и увидеть Субстанцию.— Тут плечи у нее вздрогнули, и она заплакала.— Знаешь, что странно? — проговорила она с горькой улыбкой.— Я никогда ее не видела. Почти никто из нас ее не видел. Мы ведь дети и дети детей изгнанников. Мы жили ради того, о чем знали с чужих слов.

— Ты знаешь, куда он делся?

— Киссун?

Гарри кивнул.

— Знаю. Я пошла за ним туда, где он прятался.

— Ты хотела его убить?

— Конечно. Но когда я туда добралась, я совсем обессила. Я поняла, что мне нельзя показываться ему на глаза, иначе он убьет меня. И вернулась сюда, чтобы подготовиться.

— Скажи мне, где он. Позволь мне это сделать.

— Ты не понимаешь, на что он способен.

— Наслышан,— сказал Гарри.— Можешь не сомневаться. Наслышан.

— И ты думаешь, ты справишься?

— Не знаю,— ответил Гарри, вспомнив полотно Теда. Желтое небо, грязная улица и черная змея под его каблуком. Змеей оказался Киссун, пусть под другим именем.— Мне уже доводилось драться с демонами.

— Он не демон,— отозвалась изгнанница.— Он человек.

— Это хорошо или плохо?

Женщина строго посмотрела ему в глаза.

— Тебе лучше знать,— сказала она.

Разумеется, это было плохо.

С демонами просто. Они верят в силу молитвы и святой воды, потому боятся святой воды и молитвы. А человек — во что верит человек?

ju

Дом по адресу, который назвала умирающая изгнанница, находился в Морнингсайд-Хайтс, между Сто десятой и Восьмой улицами. Обычный дом, порядком обшарпанный. В нижних окнах не было занавесок, и Гарри заглянул внутрь. Пустая комната: ни картин, ни ковров, ни мебели — ничего. Он еще не успел открыть дверь подъезда, не успел переступить порог, как понял, что опоздал. Дом был пуст или почти пуст.

Но знаки пребывания Киссуна здесь все же остались. На верхней площадке лестницы в зловонной луже разлагался средних размеров ликс. Услышав шаги, он поднял голову, а потом — поскольку без хозяина он потерял весь свой жалкий разум — пополз вниз, напрягая последние силы, распавшаяся на части и оставляя за собой на ступеньках грязные лужицы. Гарри прошел по его следам и обнаружил комнату, где жил Киссун. Там царило запустение. На ковре валялись газеты, возле невымытого окна лежал засаленный матрас, рядом с грудой пустых консервных банок и тарелок с протухшими остатками пищи — пустые бутылки из-под спиртного. Короче говоря, комната была убогой и жалкой.

Лишь одна деталь выдавала в бывшем хозяине комнаты не совсем обычного нищего. На стене у двери висела карта Соединенных Штатов, исписанная какими-то знаками и пометками. Писал он каракулями и, как показалось Гарри, на смеси латыни и русского, так что смысл проступал с трудом. Тем не менее одно было ясно — какие-то города, немногим больше десятка, представляли собой для Киссуна особую важность. Больше всего значков и пометок скопилось вокруг Нью-Йорка, в юго-западной части Северной Дакоты и в Аризоне. Гарри снял карту, свернул и положил в карман. Потом бегло осмотрел комнату, надеясь обнаружить еще какие-то подсказки. Больше не нашлось ничего интересного, кроме колоды странных карт: потрепанных, явно нарисованных от руки. Гарри рассмотрел их. Карт было около двадцати, и на каждой изображен один простой символ: круг, рыба, рука, окно, глаз. Не раздумывая, Гарри и их положил в карман. Потом он обошел гниющие останки ликса и выбрался на улицу.

Только дома, разложив карты на полу, Гарри понял, что изображено на них. Тесла Бомбек описывала эти символы, когда говорила про расшифрованные ею изображения на медальоне из пещер Паломо-Гроува.

По ее словам, в центре должен быть человек; а здесь Киссун, рисовавший карты, разделил человеческую фигуру на две половины, каждая с одной вытянутой рукой и двумя ногами. Остальные символы остались теми же, что и на медальоне. Если Гарри ничего не напутал и правильно помнил объяснения Теслы, то над головой человека помещались четыре знака, изображавшие восхождение человечества к единому. Под ногами — четыре других знака, символизирующие возвращение к простейшим организмам. Над левой рукой, откуда спирально исходила не то энергия, не то кровь, знаки выстраивались в цепочку, которая тянулась к облаку — эмблеме Косма. Знаки над правой рукой вели в пустой круг, означавший тайну Метакосма.

Гарри смотрел на символы, разгаданные Теслой, и не понимал, зачем они понадобились Киссуну. Может быть, он просто играл в карты? Складывал метафизический пасьянс, чтобы убить время, пока обдумывал свои планы. Или он не тратит время на чепуху? Возможно, такой пасьянс был средством предсказывать или инициировать события.

Гарри ломал голову над этой загадкой, когда прозвучал телефонный звонок. В трубке раздался голос Нормы.

— Включи новости,— сказала она.

Он нажал на кнопку. Замелькали кадры горящего дома, сопровождаемые рассказом репортера. В подвале здания обнаружены погибшие, говорил он. Общее число жертв еще не известно, но он лично видел, как вынесли двадцать одно тело. Живых в доме нет, и шансы их обнаружить невелики.

— Это то, что я думаю? — спросила Норма.

— Да,— ответил Гарри.— Про состояние тел что-нибудь говорили?

— Только то, что практически все обгорели до неузнаваемости. Насколько я понимаю, это изгнанники?

— Да.

— Они сильно отличаются от нас?

— Очень.

— Тогда возникнут вопросы,— сухо прокомментировала Норма.

— Сложат в папку и сделают вид, что ничего не было,— отозвался Гарри.

Он видел такое не раз. Сталкиваясь с иррациональным, люди предпочитают не замечать того, что выходит за рамки их понимания.

— Там было кое-что еще, Норма. Вернее, кое-кто.

— И кто же?

— Киссун.

— Не может быть.

— Клянусь.

— Ты видел его? Во плоти?

— Вообще-то он был в чужой плоти,— ответил Гарри,— но я уверен, что это он.

— Он возглавлял орден?

— Нет. Он убил их всех,— сказал Гарри.— Они открыли проход к Субстанции. «Нейрика», как назвал это один из них.

— Это и значит «проход»,— пояснила Норма.— Проход к священному знанию.

— Так вот, Киссун закрыл его.

Норма замолчала, переваривая новость.

— Погоди-ка,— сказала она.— Значит, они открыли нейрику, а Киссун их убил и прошел...

— Нет.

— Ты сказал...

— Я сказал, что он его закрыл. Он никуда не прошел. Он остался здесь, в Нью-Йорке.

— Ты его нашел?

— Нет. Но я найду.

В надежде все-таки застать Киссуна Гарри вернулся на Морнингсайд-Хайтс и трое суток следил за домом. Он не знал, что делать, если Киссун вернется, и утешался тем, что колода и карта были у него. По-видимому, эти вещи обладали для их хозяина определенной ценностью. Если Киссун пожелает его убить, он прежде захочет выяснить, где они. По крайней мере, так думал Гарри.

Но, как оказалось, ни ожидания, ни расчеты не оправдались. Гарри, почти не смыкая глаз, семьдесят два часа следил за домом, но Киссун не появился. Тогда Гарри вошел в дом. От ликса осталось лишь грязное пятно возле лестницы. В спальне Киссуна все было перевернуто — похоже, хозяин все-таки приходил. Теперь всё, понял Гарри. Киссун закончил здесь свои дела. Он отправился дальше, куда-то в другое место.

На следующий день Гарри выехал в Северную Дакоту, и началась погоня, растянувшаяся на семь недель. О своем отъезде Гарри сообщил только Норме, да и то без подробностей. Норма засыпала его вопросами, но он боялся шпионов Киссуна, которые могли затесаться среди ее духов. Еще очень хотелось поговорить с Грилло, но Гарри решил воздержаться. Положа руку на сердце, он никогда не был уверен в том, что Грилло действует правильно, и в надежности Рифа. Если

дать информацию Грилло и пропустить ее через компьютеры, не исключено, что Киссун сам найдет Гарри раньше, чем тот отыщет шамана. Лучше тихо раствориться в пространстве; пусть думают, будто Д'Амур погиб.

В Северной Дакоте Гарри провел одиннадцать дней — сначала в Джеймстауне, потом в Наполеоне и Уишке, где по чистой случайности попал на след и отправился дальше на запад. Там в разгар свирепой июльской жары он обнаружил следы еще одного побоища, учиненного Киссуном. В этот раз обошлось без пожара, так что слухи о странной внешности погибших просочились в прессу, а вскоре кто-то замял скандал. Тем не менее Гарри понял: Киссун снова, как и в Нью-Йорке, обнаружил и уничтожил группу изгнанников. Открыли они проход в Метакосм или нет, было неясно. Скорее всего, открыли. Иначе зачем Киссун их убил?

Был еще один вопрос, терзавший Гарри с момента отъезда из Нью-Йорка. Почему эти изгнанники, высланные за пределы Метакосма и столько лет прожившие в Косме, наконец получили ключ к проходам? Они нашли заклинание, открывавшее двери, прежде наглухо закрытые для них? Или двери, разделявшие Косм и Метакосм, стали прозрачнее?

Стояла такая жара, что мозги плавилась. Гарри вернулся в Уишек, чтобы попытаться напасть на след Киссуна и понять, куда тот двинулся дальше. Но от жары и страхов, усиленных этой жарой, у него совсем поехала крыша. Начались галлюцинации, и за два дня ему дважды померещилось, что он видел Киссуна: старик как будто заворачивал за угол, Гарри бежал за ним следом и, конечно, никакого Киссуна не обнаруживал. В сумерках он смотрел, как все вокруг погружается во тьму, и ему казалось, что он видит бегущие тени, словно темнота размывала стену между мирами, и та начала идти трещинами.

Он искал утешение в окружающих его людях — грубоватых, простых женщинах и мужчинах, выбравших для жилья этот безрадостный уголок. Они отличались здравым смыслом, добытым всей их непростой жизнью, и этот здравый смысл мог удержать Гарри на пороге безумия. Он не решался обратиться к ним за помощью прямо (в городке уже ко-

со на него поглядывали), зато слушал их разговоры в надежде, что простой бесхитростный разум защитит его от подкрадывавшегося хаоса. Но опоры он не нашел. В разговорах местных жителей звучали тоска, злость и растерянность, и они ничем не отличались от всех прочих людей на свете. Днем они прятали свои чувства, угрюмо выполняя тупую работу. По вечерам мужчины напивались, а женщины сидели дома и смотрели по телевидению дурацкие сериалы и шоу, от которых у всех на этом континенте, от восточного побережья до западного, начинается размягчение мозга.

Потом Гарри увидел в газете заметку про массовое убийство в Далате и с радостью уехал в Миннесоту, надеясь напасть на след. Надежда не оправдалась. Через день после его прибытия убийцы — двое братьев и их общая подружка, члены какой-то секты, все в состоянии тяжелого психоза, — были арестованы и во всем сознались.

Понимая, что вот-вот потеряет след, Гарри стал подумывать о поездке в Небраску, а потом к Грилло в Омаху. Он долго не хотел звонить Грилло — еще не улеглась обида, — но все больше и больше склонялся к мысли, что выбора нет. Он решил подождать еще сутки. На следующий день, осушив для уверенности полбутылки скотча, Гарри набрал номер Грилло, но оказалось, что Грилло нет дома. Сообщения на автоответчик Гарри не оставил, как обычно опасаясь, что оно дойдет до чужих ушей. В итоге он прикончил бутылку и отправился спать пьяный, чего с ним не случалось много лет.

Во сне ему привиделось, что он опять попал в ту зловонную комнату на Уикофф-стрит и стоит рядом с демоном, убившим отца Гесса. Желтая, как янтарь, кожа демона мерцала, то вспыхивая, то тускнея.

За те долгие часы, что они провели в одной комнате, демон называл себя и Молотобойцем, и Петром Кочевником, и Лентяйкой Сьюзан*. Но под конец, то ли одурев от усталости, то ли от скуки, демон стал называть себя «Д'Амур».

* Лентяйка Сьюзан — вертящееся блюдо (менажница), *совр.*: вертящееся приспособление в автомобиле под полом с несколькими отделениями, как в менажнице.

— Я — Д'Амур,— повторял он снова и снова.— Я есть ты, ты есть любовь, потому-то и крутится мир.

Он повторил эту чушь раз двести или, может быть, триста, всякий раз по-новому — то как проповедь с кафедры, то как приглашение к совокуплению, то как эстрадный шлягер,— пока слова навечно не отпечатались у Гарри в мозгу.

Проснулся он до странности спокойным. Словно подосознание, вернувшись во сне к началу всех злоключений, вычислило взаимосвязи, ускользавшие наяву.

С гудящей головой он сел за руль и поехал искать ночной магазин, где бы продавали кофе. Он нашел лавку на бензозаправке и просидел там до рассвета, размышляя над словами демона. Конечно, он ломал над ними голову и прежде. Он забыл многое, приятные минуты навсегда канули в прошлое, но слова демона он помнил.

— Я есть ты,— сказал демон.

Ну, с этим достаточно просто. Какое адское создание не пытается убедить жертву в том, что само оно — всего лишь ее отражение?

— Ты есть любовь,— твердил демон.

Тоже не нужно много ума, чтобы догадаться. Д'Амур по-французски означает «любовь».

— На том стоит мир,— внушал демон. Всего-навсего штамп, от частоты повторений почти утративший значение. Никакого глубинного смысла здесь нет.

И все-таки смысл должен быть, в этом Гарри не сомневался. Слова — это ловушка, все попадают на иллюзию их важности. Но Гарри не понимал этой важности. Он не разгадал загадки и сейчас, просидев в забегаловке на заправке до рассвета, а утром, после пяти выпитых за ночь чашек кофе, заказав себе яичницу из трех яиц с «канадским» беконом. Но ни бекон, ни пять чашек не помогли найти ответ. Пора было идти, ехать дальше и надеяться, что судьба сама приведет его к Киссуну.

Подкрепившись, он вернулся в мотель и снова склонился над картой, найденной на Морнингсайд-Хайтс.

Кроме Джеймстауна и Нью-Йорка на ней оставалось еще несколько мест, пусть не до такой степени, но тоже густо

помеченных символами. Одно во Флориде, другое в Орегоне, еще два в Аризоне, и еще шесть или семь. Откуда начать?

Он выбрал Аризону — потому что когда-то любил женщину, которая родилась и выросла в Фениксе.

ii

Дорога заняла пять дней и пролегла через городок под названием Маммот в Аризоне, где на одном перекрестке его окликнула по имени женщина с голосом чистым, будто журчание воды по камням. Она была крошечной, ее кожа напоминала темную папиросную бумагу, а глаза были посажены так глубоко, что он не мог разобрать их цвета.

— Меня зовут Мария Лурдес Назарено,— проговорила она.— Я жду тебя шестнадцать дней.

— Я не знал, что меня кто-то ждет,— отозвался Гарри.

— Тебя всегда кто-то ждет,— сказала женщина.— Между прочим, как поживает Тесла?

— Вы знакомы?

— Я видела ее на этом самом месте три года назад.

— Забавное место,— отозвался Гарри.— Интересно знать, что в нем особенного.

— Да, действительно,— рассмеялась женщина.— А особенная в нем я. Как Тесла?

— Как всегда. Сумасшедшая. По крайней мере, была такой, когда мы с ней виделись в последний раз,— сказал Гарри.

— А ты? Ты тоже сумасшедший?

— Очень может быть.

Ответ, похоже, понравился женщине. Она подняла голову, и Гарри впервые разглядел ее глаза. Зрачки отливали золотом.

— Я дала Тесле револьвер,— сообщила она.— Он все еще у нее?

Гарри молчал.

— Д'Амур!

— Скажи, ты та, про кого я думаю? — вместо ответа спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Сама знаешь.

Она снова улыбнулась.

— Глаза выдали, да? Тесла не заметила. Хотя... в тот день она была не в себе.

— Вас тут много?

— Очень мало, причем почти все ассимилировались. Но я вот настолько...— Мария показала кончик мизинца,— вот настолько помню Субстанцию. И это дает мне знание.

— Например, какое?

— Например, где появишься ты или Тесла.

— И это все?

— Почему же? Есть ли у тебя сейчас цель?

— Есть.

— И что это?

— Киссун.

Ее передернуло:

— Так он и есть твоя цель.

— Он здесь?

— Нет.

— Он был здесь?

— Нет. С какой стати? Ты думаешь, он здесь появится?

— Боюсь, что да.

Женщина огорчилась.

— Мы думали, мы здесь в безопасности,— проговорила она.— Мы не пытались открыть *нейрику*. Нам пока не хватает силы. Но мы думали, он нас не найдет.

— Боюсь, он уже знает, что вы здесь.

— Мне пора. Я должна предупредить остальных.— Она взяла Гарри за руку, ладонь у нее была влажная.— Спасибо. Я найду способ тебя отблагодарить.

— В этом нет необходимости.

— Есть,— сказала она и, прежде чем Гарри успел возразить, перешла улицу и скрылась из виду.

Он остался в Маммоте на ночь, хотя был уверен, что женщина по имени Назарено говорила правду и Киссуна поблизости нет. Гарри провел в дороге уже не одну неделю и очень устал. Он рано лег, но поспать не удалось — его разбудил тихий стук в дверь.

— Кто там? — проворчал Гарри, нашаривая выключатель. В ответ он услышал не имя, а адрес.

— Сто двадцать один, Спиро-стрит,— тихо произнес хриловатый голос.

— Мария? — спросил он, взял револьвер и подошел к двери. Но когда он ее открыл, в коридоре никого не оказалось.

Гарри оделся, спустился вниз, спросил у портье, как найти Спиро-стрит, и вышел на улицу. Спиро-стрит находилась на краю города, и многие дома там были в таком состоянии, что Гарри удивился, заметив признаки жизни: на подъездных дорожках старые автомобили и мешки с мусором, выставленные на вытоптаные газоны. Дом под номером сто двадцать один выглядел чуть лучше остальных, но глаз тоже не радовал. Чувствуя, как револьвер приятно оттягивает карман, Гарри подошел к приоткрытой двери.

— Мария? — позвал он. В доме было так тихо, что и шепот показался громким.

Ему никто не ответил. Гарри снова позвал ее и толкнул дверь. Дверь распахнулась. На полу на старом половичке стояла обеденная тарелка, где горела большая белая свеча, обложенная по кругу бусами. Перед свечой у стены, опустив голову и закрыв глаза, сидела Мария.

— Это я,— сказал он.— Я, Гарри. Что ты хочешь?

— Уже ничего,— ответил голос у него за спиной.

Он потянулся за револьвером, но не успел достать его, как холодная рука сдавила затылок.

— Нет,— просто сказал голос.

Гарри поднял руки, показывая, что там ничего нет.

— Ко мне кто-то пришел и назвал адрес...— объяснил Гарри.

Тогда заговорил другой голос; тот самый, который он слышал через дверь в гостинице.

— Она хотела вас видеть,— произнес он.

— Отлично. Вот, я пришел.

— Вы опоздали,— сказал первый.— Он нашел ее.

Гарри похолодел. Пристально он всмотрелся в лицо Марии. Лицо было безжизненно.

— Господи.

— Ловкий фокус,— промолвил посланец.— Она сказала, что вы святой, но что-то не похожи вы на святого.

Ледяная рука сильнее сдавила затылок, и на миг Гарри показалось, что череп сейчас треснет. Потом его мучитель сказал очень тихо:

— Я есть ты, ты есть любовь...

— Хватит! — взвыл Гарри.

— Я всего лишь читаю твои мысли, Д'Амур,— отозвался человек.— Пытаюсь понять, друг ты нам или враг.

— Ни то ни другое.

— Ты вестник смерти, известно ли тебе это? Сначала Нью-Йорк...

— Я ищу Киссуна.

— Мы знаем,— последовал ответ.— Мария рассказала. Поэтому она послала свой дух на его поиски. Теперь можешь пойти, повергнуть его в прах и стать героем. Такова твоя мечта, да?

— Иногда...

— Ты жалок.

— Я думал, после всего, что он сделал с вашим народом, вы захотите мне помочь.

— Мария умерла, чтобы тебе помочь,— сказал первый.— Считай, что это наш вклад в твое дело. Она наша мать, Д'Амур.

— Бог ты мой... Очень жаль. Поверьте, я этого не хотел.

— Она лучше тебя знала, что тебе нужно,— продолжал посланец.— Потому нашла его для тебя. Он явился и выисал ее душу, но все же она его нашла.

— Она успела сообщить, где он?

— Да.

— Значит, вы скажете?

— Какой ты быстрый,— сказал тот, кто его держал, склонившись к уху Гарри.

— Бог ты мой, он убил вашу мать! — воскликнул Д'Амур.— Неужели вы не хотите, чтобы я его убил?

— Чего мы хотим, не имеет значения,— ответил второй сын.— Мы всю жизнь это знаем.

— Тогда я буду хотеть этого вместо вас,— заявил Гарри.— Я найду способ убить ублюдка.

— Какая *убийственная* злоба,— пробормотал первый над его ухом.— А как же твоя философия, Д'Амур?

— Какая философия?

— *Я есть ты, ты есть любовь...*

— Это не моя.

— А чья?

— Если бы я знал...

— Знал бы, и что тогда?

— Тогда, наверное, не попал бы сюда, и не пришлось бы мне делать за вас грязную работу.

Воцарилось молчание. Потом посланец сказал:

— Что бы потом ни случилось...

— Ну?

— Ты его убьешь или он тебя...

— Дай-ка попробую угадать. «Не возвращайся сюда».

— Верно.

— Договорились.

Они снова замолчали.

Свеча на тарелке перед Марией затрепетала.

— Киссун в Орегоне,— сказал посланец.— В городке под названием Эвервилль.

— Точно?

Они не ответили.

— Значит, точно.

Рука все еще сжимала затылок, хотя братья не издали ни звука.

— У нас есть еще общие дела?

Они по-прежнему молчали.

— Если нет, я, пожалуй, пойду. Мне ехать утром.

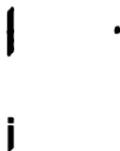
Снова ответом ему стало молчание. Он потянулся и потрогал свой затылок. Никакой руки там не было, только ощущение прикосновения. Он оглянулся. Братья исчезли.

Гарри задул свечу перед Марией, тихо попрощался. Потом вернулся в гостиницу и изучил на карте дорогу в Эвервилль.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПАРАД

Уже не в первый раз после того, как Тесла угодила в Петлю, ей приснились блохи. Теперь они появились над хребтом Хармона, поднявшись гигантской волной, выше цунами, потом посыпались оттуда и потекли вниз, грозя затопить всю Америку. Эвервилль превратился в остров. Мейн-стрит затопил блошинный поток, темный и плотный, по которому от дома к дому сновали спасательные плоты.

Кто-то выглядывал из окон и узнавал ее, хотя сама она никого не знала.

— Ты! Это ты! — кричали они, тыча в нее пальцем, когда она проплывала мимо в своей маленькой скрипучей лодчонке.— Это ты натворила! Ты со своей обезьяной.— На плече у Теслы сидела обезьяна, одетая, как положено, в жилет и красную фетровую шляпу.— Признавайся! Это сделала ты!

Она оправдывалась. Да, она действительно знала, что поднимется волна. Да, наверное, она зря столько ездила и теряла время, когда нужно было предупредить народ. Но она не виновата. Она тоже жертва обстоятельств, как и они. Она не...

— Тесла! Проснись! Ты слышишь меня? Да просыпайся же!

Она разлепила веки и увидела перед собой Фебу, улыбающуюся во весь рот.

— Я знаю, где он. *И знаю, как он туда попал.*

Тесла села, вытряхивая из сознания последних блох.

— Ты про Джо?

— Конечно, про Джо.

Феба села на край дивана. Ее била дрожь.

— Мы виделись ночью.

— Ты о чем?

— Сначала я думала, что это сон, а это оказался не сон. Точно нет. Я и сейчас помню все так же ясно, как в тот момент, когда мы встретились.

— Где вы встретились?

— С Джо.

— Понятно, что с Джо, но где вы встретились, Феба?

— Там. В Субстанции.

Сначала Тесла подумала, что Фебе просто очень хотелось узнать про Джо и тот ей приснился. Но когда Феба стала рассказывать, Тесла подумала: возможно, это правда.

Рауль тоже поддакнул.

— *А я тебе что говорил,*— зашептал он, когда Феба упомянула о пороге, будто бы расположенном на горе Хармона.— *Я же тебе говорил, там что-то есть.*

— *Если порог там...*— предположила Тесла.

— *Тогда ясно, с чего здесь у всех едет крыша,*— закончил он за нее.

— Мне нужно туда,— сказала Феба.— Я пройду через порог и найду Джо.— Она взяла Теслу за руки, сжала ее ладони.— Ведь ты мне поможешь? Скажи, что поможешь.

— Да, но...

— Я так и знала. Как только проснулась, сразу поняла: вот зачем мы познакомились. Тесла поможет мне найти Джо.

— Где он был, когда вы расстались?

Феба погрузилась.

— В море.

— Что за корабль?

— По-моему, корабль ушел без Джо... Кажется, они решили, что он мертвый. Но он жив. Я точно знаю. Если бы он

утонул, я бы чувствовала другое. Сердце бы стало пустым, понимаешь?

Тесла смотрела на нее, слушала возбужденный, радостный голос и на миг ощутила зависть, потому что никогда в жизни не переживала ничего подобного. Наверное, это глупо — пытаться найти человека, оставшегося где-то там, в приснившемся море, когда всему миру грозит опасность; но Тесла привыкла братья за безнадежные дела. Если несколько последних часов жизни она потратит на воссоединение любящих — неужто ради них не стоит рискнуть?

— Джо сказал тебе, где порог?

— Где-то рядом с вершиной. Мы найдем его. Я уверена, найдем.

ii

Меньше чем через полчаса Тесла и Феба вышли на улицу, а в городе уже кипела жизнь. На Мейн-стрит было полно народу: там надували шары, вешали флажки и электрические гирлянды, ставили турникеты. Разумеется, вокруг каждого занятого делом стояли критики и советчики, пили кофе и ели пончики.

— Лучше в объезд,— сказала Феба, когда они остановились в пробке.

Там скопилось с десятков машин, потому что впереди разгружали грузовик, привезший стулья для трибуны.

— Спокойно,— отозвалась Тесла.— У нас впереди целый день. Не дергайся.

— Если бы они знали то, про что знаем мы,— задумчиво проговорила Феба, глядя на прохожих.

— Они и так знают,— сказала Тесла.

— Про Субстанцию? — недоверчиво переспросила Феба.— Вряд ли. По-моему, они и понятия про нее не имеют.

— Может, они просто не хотят вспоминать,— проговорила Тесла, вглядываясь в веселые лица.— Не забывай, все попадают в Субстанцию как минимум трижды.

— А я пролезу еще один раз,— гордо заявила Феба.

— Тебе помогают с той стороны. Всем помогают, каждому в свое время, но обычно об этом забывают. И живут дальше, как и жили, и думают, будто их жизнь — настоящая.

— Ты принимала наркотики?

— Было дело,— кивнула Тесла.— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты так говоришь... Потому что для меня в этом нет никакого смысла.— Она подняла глаза на Теслу.— Ну вот, ты только что сказала про настоящее. Но ведь так и есть. Я настоящая. Ты настоящая. Джо настоящий.

— Откуда ты знаешь?

— Что за дурацкий вопрос! — воскликнула Феба.

— Можешь дать дурацкий ответ.

— Мы это все *делаем*. Действуем. Я не похожа на... на...— Она запнулась, поискала глазами и показала пальцем на человека, который сидел за столиком уличного кафе со стаканчиком кофе и листал комиксы в газете.— Меня никто не нарисовал. Не придумал. Не сделал. Я сама стала такой, как есть.

— Вспомнишь эти слова, когда мы попадем в Субстанцию.

— Почему?

— Потому, что там много сделанного.

— И что?

— Ну, сделанное можно и переделать. Так что, если тебе будет что-то угрожать...

— Я просто скажу: пошел вон,— подхватила Феба.

— Ты быстро учишься,— сказала Тесла.

Они свернули с Мейн-стрит, и машин наконец стало меньше. Потом они поехали по узкой дороге, петлявшей вверх, в сторону хребта Хармона, и там автомобилей не было вовсе. Когда они преодолели треть пути вверх до вершины, дорога вдруг закончилась, без предупредительных знаков и ограждений.

— Вот черт,— сказала Феба.— Я думала, она идет наверх.

— Прямо до вершины?

— Ага.

— Похоже, тут еще шагать и шагать,— сказала Тесла, выходя из машины и оглядывая верхний, покрытый лесом, склон.

— Готова?

— Нет.

— Давай попробуем, раз уж приехали.

И с этими словами она первая двинулась в гору.

iii

За свою долгую жизнь Будденбаум видел немало людей, уставших от бесконечного парада жизни. Они предпочли смерть, отказавшись участвовать в надоевшем карнавале. Будденбаум такого не понимал. Разумеется, суть человеческих взаимоотношений в основе своей никогда не меняется, но ведь главная прелесть в нюансах, всегда накладывающих особенный, неповторимый отпечаток. Будденбаум знал по опыту: ни одна мать не может вырастить детей, равно отмерив обоим число поцелуев и шлепков, и нет на свете двух влюбленных пар, идущих к алтарю, а затем к могиле одинаковым путем.

Честно говоря, Будденбаум их жалел — либо слишком умных, либо слишком самовлюбленных, не пожелавших или не сумевших присоединиться к веселой массовке, к общему шествию, каждый поворот которого дарит зрителям и участникам удивительные переживания. Тех, кто отворачивался от действия, какому не гнушались покровительствовать и рукоплескать небожители. Будденбаум сам не раз слышал эти рукоплескания.

Переломы заживали с поразительной быстротой (еще неделя, и его выпадение из окна превратилось бы в одно досадное воспоминание), тем не менее чувствовал он себя скверно. Возможно, позже — когда явятся аватары и он будет знать, что все под контролем,— он примет немного лау-

данума. А пока грудь его болела, он заметно хромал и утром, отправившись искать приличное место для завтрака, привлек к себе нежелательное внимание. Идти к Китти неловко, рассудил он и нашел в двух кварталах от гостиницы маленькую кофейню. Выбрал столик возле окна и заказал завтрак.

Собственно говоря, он заказал два завтрака и быстро расправился с ними, готовясь встретить хлопотный день. Он едва смотрел на тарелку, слишком внимательно вглядываясь в лица и руки прохожих, стараясь по ним угадать своих хозяев. Впрочем, никто не обещал, что на этот раз они явятся в человеческом облике. Они могли (никогда не предскажешь) спуститься на землю в облаке света или вкатиться на городскую улицу в огненной колеснице Иезекииля. Дважды на его памяти они принимали облик животных, решив ради забавы посмотреть карнавал в шкуре зверушки или комнатной собачонки. Единственное, чего никогда не видел Будденбаум, так это их настоящих лиц, и после многих лет службы уже не надеялся узнать, как они выглядят. Возможно, никаких лиц у них просто нет. Возможно, они так любят перевоплощения, потому что на самом деле бесплотны.

— Все в порядке?

Он поднял глаза и увидел, что рядом стоит официантка. До этого он не обращал на нее внимания, хотя она была великолепно: рыжие волосы, уложенные локонами, пышная грудь, накрашенное лицо.

— Похоже, у вас сегодня что-то намечается,— сказал Будденбаум.

— Встреча,— ответила она, хлопая густо накрашенными ресницами.

— И мне кажется, что будет она не в молитвенном собрании? — сострил Будденбаум.

— Мы с девочками после фестиваля всегда устраиваем небольшую вечеринку.

— Ага, так это все для фестиваля? — подхватил Будденбаум.— Значит, у вас в городе по такому случаю делают прищипку.

— Вам нравится? — сказала она, осторожно трогая локонны.

— По-моему, экстраординарно,— сказал он и не приврал ни на йоту.

— Спасибо,— просияла официантка. Она порылась в кармашке фартука и достала клочок бумаги.— Если захотите захватить.— Она протянула ему бумажку. Там был адрес и схема улицы.— Мы можем приглашать друзей, но только избранных.

— Я польщен,— отозвался Будденбаум.— Кстати, меня зовут Оуэн.

— Рада познакомиться. Я Джун Давенпорт. Мисс.

Не обратить внимание на последнее слово было бы невежливо.

— Не могу поверить, что вы до сих пор свободны,— воскликнул Будденбаум.

— Нет никого стоящего,— сказала Джун.

— Кто знает? Может быть, сегодняшний вечер все изменит,— проговорил Оуэн.

На лице ее промелькнула тень надежды.

— Хорошо бы,— сказала она куда веселее, чем посмотрела, и отошла к клиенту, присившему кофе.

«Что может быть прекраснее,— думал Оуэн, выходя из кафе,— чем этот взгляд, вдруг исполнившийся надежды? Ни звездное небо, ни ягодицы мальчика — ничто не сравнится с выражением лица Джун Давенпорт (мисс), которую все держат за шлюху, когда та вдруг подумала о мужчине своей мечты».

Там, на ее размалеванной физиономии, он прочел столько всякого, что для пересказа не хватило бы тысячи и одной ночи. Пути пройденные и пути отвергнутые. Сожаления о выборе сделанном и о выборе упущенном.

Сегодня — в любую секунду, от сего момента и до вечера — перед ней будут открыты новые пути и возможности нового выбора. Вот сейчас, сейчас, сейчас, в это мгновение и в следующее, стоит ей повернуть голову в любую сторону, и

она увидит лицо, которое полюбит. Или отвернется и найдет другое, так же легко.

Направляясь к перекрестку, где он собирался дежурить, несмотря на события предыдущего дня, Будденбаум бросил взгляд на хребет Хармона. И увидел, что главная его вершина укрыта густым туманным облаком. Будденбаум остановился. Остальное небо было ясное, и это наводило на мысль, что туман не совсем естественного происхождения.

Не отсюда ли явятся его наниматели? Не спустятся ли они, подобно олимпийцам, с горной вершины, скрытой от глаз смертных? Будденбаум такого пока что не видел, но ведь все когда-то происходит впервые. Так что оставалось лишь надеяться, что сегодняшней сюжет не окажется эпическим. Если они явятся в громах и молниях, то на улицах может и не остаться зрителей.

Кто тогда придет на вечеринку к Джун Давенпорт?

iv

Туманное облако заметил не только Будденбаум. Дороти Баллард уже даже успела позвонить Тарфу Томпсону: она доверяла его метеорологическим прогнозам и потому спросила, не прольется ли на участников парада неожиданный дождь. Тарф успокоил ее. Туман, конечно, странный, но никаким дождем и не пахнет, в этом он уверен.

— Вообще-то,— добавил он,— если бы я меньше разбирался в погодных явлениях, то принял бы его за морской туман.

Успокоенная Дороти вернулась к своим делам.

Первое мероприятие — «живые картинки» о первых поселенцах в Орегоне, которые разыгрывали в парке на открытой сцене пятиклассники миссис Хендерсон,— началось на десять минут позже, чем было объявлено, зато собрало толпу человек в двести, и все прошло очень мило. Дети в шляпках и капорах или с деревянными ружьями выглядели просто прелестно и декламировали свои роли так старательно, будто от этого зависела их жизнь. Особенно тронула Дороти

сценка про некоего преподобного Уитни (Дороти слышала о нем первый раз, но не сомневалась в добросовестности Фионы Хендерсон), который и привел в долину Уилламетт через зимние перевалы отряд пионеров. Когда Мэтью, сын Джеда Джилхолли, который играл преподобного, появился на сцене из бумажного снега и воткнул в траву крест, вознося хвалу Господу за спасение своей паствы, у Дороти на глаза навернулись слезы.

Представление закончилось, толпа начала расходиться, и Дороти подошла к Джеду, который стоял, обнимая сына за плечи, и оба они улыбались во весь рот.

— Хорошо начался праздник,— заметил Джек, обращаясь к Дороти и ко всем прочим, кто мог его слышать.

— А то дело нам его не подпортит? — спросила Дороти.

— Ты про Фликера? — Джек покачал головой.— Фликер сбежал и не вернется.

— Приятно слышать,— сказала Дороти.

— Что скажешь о нашем Мэтти? — спросил Джек.

— Потрясающе сыграл.

— Он учил слова несколько недель.

— А сегодня чуть не забыл,— сказал Мэтью.— Заметно было?

— Ты просто боялся этого, сынок,— отозвался Джек,— но я-то знал, что ты все помнишь.

— Знал?

— Конечно.— Он ласково потрепал сына по волосам.

— Съедим по мороженому, па?

— Звучит как приказ,— улыбнулся Джек.— Ладно, Дороти, еще увидимся.

Она редко видела Джеда таким, и смотреть на него ей было приятно.

— Для того и придуман фестиваль,— сказала она Фионе, когда они стояли рядом и смотрели, как дети укладывали ружья и шляпы в картонные коробки и уходили в сопровождении родителей.— У всех хорошее настроение.

— Хорошо сыграно, правда? — сказала Фиона.

— Между прочим, откуда вы взяли этого преподобного?

— Ну конечно, я немножко приукрасила,— проговорила Фиона, понизив голос до шепота.— Собственно говоря, он почти не имеет отношения к нашему городу.

— А-а.

— На самом деле он вообще не имеет к нам отношения. Преподобный Уитни основал церковь в Силвертоне. Но *такая замечательная* история. Если честно, я не нашла про наших отцов-основателей ничего такого, что годилось бы для детского спектакля.

— А про Нордхоффа?

— Ну, он был *намного* позже,— сказала Фиона своим поставленным учительским тоном.

— Да, разумеется.

— На самом деле наша ранняя история весьма непростая. Меня даже шокировало, какие здесь были вольные нравы. Отнюдь не всех переселенцев можно назвать добрыми христианами.

— Вы уверены? — спросила искренне удивленная Дороти.

— Совершенно уверена,— ответила Фиона.

Но Дороти не сомневалась, что Фиона преувеличивает, и предпочла закончить разговор. Наверное, первые жители Эвервилля были и впрямь грубоваты (в каком же городе нет пьяниц и сластолюбцев?), но им нечего стыдиться своего прошлого. И если в следующем году они захотят снова поставить спектакль, решила Дороти, то история должна быть правдивой. Она так прямо и скажет Фионе Хендерсон: как учитель и гражданин, она не может лгать людям, пусть даже с самыми лучшими намерениями. Выходя из парка, Дороти на минуту остановилась, чтобы посмотреть на хребет Хармона. Как и обещал Тарф, туман не собирался сползать вниз. Однако картина наверху изменилась — туман стал гуще, чем был сорок пять минут назад. Главная вершина — гора Хармона,— раньше проступавшая сквозь дымку, теперь скрылась из глаз.

Какая разница, подумала Дороти. Ничего там нет, только лес и голые скалы. Незачем и смотреть. Дороти перевела взгляд на часы. Было десять минут двенадцатого. Вот-вот долж-

ны начаться конкурс тортов и «Съешь-что-можешь» в ресторанчике «Старый пекарь», а также парад домашних любимцев на площади. К полудню нужно успеть на конкурс цветов, где ее назначили одной из судей, а пока что есть время заглянуть в городское управление, где уже собирались участники большого парада, хотя до него оставалось больше двух часов. Дел у Дороти хватало. Вокруг по тротуарам шли улыбающиеся прохожие, в синем августовском небе хлопали флаги и сверкали воздушные шары. Ей хотелось, чтобы так было всегда, чтобы праздник никогда не кончался. Как бы хорошо.

||

— Не нравится мне это,— сказала Тесла.

Она говорила не про подъем — хотя склон делался все круче, и говорила она, задыхаясь,— но про туман. Он висел клочьями, когда они двинулись в путь, а теперь уплотнился, как ватное одеяло.

— Я не вернусь,— поспешно сказала Феба.

— Я не о том,— отозвалась Тесла.— Я просто говорю...

— Да. Вот о чем ты говоришь? — поинтересовался Рауль.

— Говорю, что он очень странный.

— Обыкновенный туман,— отозвалась Феба.

— Я так не думаю. И чтобы ты знала, Рауль тоже.

Феба остановилась, восстанавливая дыхание, а потом ответила:

— У нас есть револьверы.

— Будто они помогли у Тузейкера,— напомнила Тесла.

— Думаешь, там кто-то есть? — спросила Феба, пристально всматриваясь в черную стену, до которой оставалось не больше трех сотен ярдов.

— Могу поспорить на мой «харлей».

Феба вздохнула.

— Тогда тебе, наверное, лучше вернуться,— сказала она.— Не хочу, чтобы из-за меня с тобой что-то случилось.

— Не говори глупостей,— оборвала ее Тесла.

— Ладно,— сказала Феба.— Но если мы там потеряемся...

- Что вполне возможно.
- То не станем друг друга искать?
- Просто будем идти вперед.
- Ладно.
- Будем искать Субстанцию.
- Будем искать Джо.

Господи, до чего он оказался холодным, этот туман, забравшийся всюду. За те шестьдесят секунд, пока Тесла и Феба шли в тумане, они промокли и продрогли насквозь.

— Смотри под ноги,— предупредила Тесла.

— А что такое?

— Вот, смотри.— Тесла показала на трещину в земле шириной около шести дюймов.— И вон там. И еще.

Трещины были свежие, и виднелись они повсюду. Тесле это не удивляло. Проход из одной реальности в другую открывался не сам по себе, он всегда был победой метафизики над физикой и катаклизмом для неживой, не имеющей разума природы. В доме у Бадди Вэнса все начиналось так же: здание пошло трещинами, а потом в эпицентре, где открылся проход, растрескался, развалился и испарился весь прочный материальный мир. Сейчас разница состояла лишь в том, что здесь было на удивление тихо. Даже туман висел почти неподвижно. В доме Вэнса тогда случился настоящий ураган.

Оставалось надеяться, что тот, кто открыл проход в этот раз, был в подобного рода делах мастером, а не новичком, как Яфф, не сумевший удержать под контролем вызванные им силы.

— *Киссун*,— предположил Рауль.

Это казалось им весьма правдоподобным. Вряд ли сейчас в мире кто-то мог сравниться с ним по силе и могуществу.

— *Если он научился открывать проход между Космос и Метакосмос*,— размышляла Тесла,— *то он овладел Искусством.*

— *Или вот-вот овладеет.*

— В таком случае, почему он все еще возился со своим дерьмом у Тузейкера?

— Хороший вопрос.

— Он как-то связан со всем, что здесь происходит, не сомневаюсь. Но вряд ли он сам открыл эту дверь.

— Может быть, он нашел помощника,— сказал Рауль.

— Ты разговариваешь с обезьяной, да? — спросила Феба.

— По-моему, нам пока лучше не подавать голоса.

— Но ты на самом деле с ним разговариваешь?

— Я что, шевелю губами? — спросила Тесла.

— Ага.

— Я так и не... — начала она и вдруг замолчала, остановилась. Потом схватила Фебу за руку.

— Ты что? — удивилась Феба.

— Слушай.

— Здесь что, работает плотник? — Это спросил Рауль.

Выше на склоне кто-то стучал молотком. Туман приглушал звуки, и трудно было определить, где именно находился работяга, но это было не важно — крохотная надежда на то, что проход свободен, рухнула. Тесла достала из куртки револьвер, подаренный Лурдес.

— Будем идти очень тихо,— прошептала она.— И смотри в оба.

Она первая пошла дальше вверх, лавируя между трещинами, и сердце у нее колотилось так, что почти заглушало удары молотка. Молоток, впрочем, стучал с перерывами, и теперь, когда они поднялись ближе, в паузах до их слуха доносились другие звуки. Там кто-то плакал. И кто-то пел, хотя слов было не разобрать.

— Что там, черт возьми, происходит? — пробормотала Тесла.

На земле валялись срубленные ветки, кора и щепки, оставленные, разумеется, плотником. Что он строил в этих горах: летний домик или, быть может, часовню?

Впереди в тумане на мгновение мелькнул просвет, и в нем — чья-то фигура. Разглядеть ее толком Тесла не успела, но голова была явно великовата для худого, щуплого тела. Тес-

ла решила, что там ребенок. Фигура скрылась, а в воздухе после нее остался смех (по крайней мере, Тесла приняла эти звуки за смех). От смеха в туманном облаке прошла рябь, как по воде, когда плеснет рыба. Странный феномен, но забавный.

Она оглянулась на Фебу, которая улыбалась одними губами.

— Там, наверху, дети,— прошептала она.

— Кажется, да.

Не успела она договорить, как ребенок снова появился, по-прежнему резвясь и смеясь. На этот раз Тесла разглядела, что это девочка. Тело у нее было худое, совсем детское, но уже заметно округлились небольшие груди. Спереди ее волосы оказались выбриты до середины головы, а сзади собраны в длинный хвост.

Ловкая и подвижная, она вдруг оступилась, угодив ногой в одну из трещин, и упала. Смех оборвался.

Феба ахнула. Молоток продолжал стучать, кто-то продолжал плакать, но девочка слышала голос Фебы. Она оглянулась, искала глазами — черными и блестящими, как два отполированных агата,— источник звука и, кажется, заметила гостей. Она вскочила и понеслась куда-то вверх по склону.

— Прятаться больше нет смысла,— заметила Тесла.

Девочка громко кричала, поднимая тревогу.

— Давай лучше в обход,— предложила Тесла и потянула Фебу за руку, торопясь уйти с опасного склона.

Идти быстро по растрескавшейся земле было почти невозможно, но они без передышки преодолели ярдов пятьдесят и только потом остановились и прислушались.

Стук молотка прекратился, пение тоже. Теперь раздавался только плач.

— *Так не горюют*,— сказал Рауль.

— *Отчего же тогда этот плач?*

— *От боли. Кому-то очень больно.*

Тесла содрогнулась и посмотрела на Фебу.

— *Послушай...*— произнесла она шепотом.

— Хочешь вернуться?

— А ты нет?

Фебы побледнела, лоб стал влажным от пота.

— Да,— выдохнула она.— Наверное, хочу.— Она оглянулась, хотя сквозь туман ничего не было видно.— Но не очень...— Она колебалась.— Мне нужно найти Джо.

— Ты так часто повторяешь это, что я начинаю тебе верить,— сказала Тесла.

С губ Фебы слетел нервный смешок, а потом она заплакала.

— Если мы выберемся отсюда живыми,— проговорила она, пытаясь справиться с собой,— я буду тебе обязана по гроб жизни.

— Ты будешь обязана пригласить меня на свадьбу, а больше ничего,— ответила Тесла.

Феба крепко ее обняла.

— Мы еще не дошли,— напомнила Тесла.

— Знаю, знаю,— кивнула Феба. Она отступила на шаг, судорожно всхлипнула и отерла рукой глаза.— Я готова.

— Ладно.

Тесла оглянулась назад. Все стихло, но расслабляться было нельзя. Туман искажал расстояния, но все равно вряд ли там затаился выводок ликсов или детей, жаждавших наброситься на незваных гостей.

— Вперед,— сказала Тесла и первая двинулась вверх по склону.

Они не могли разглядеть, куда идут, но, поскольку склон под ногами уходил вверх, они точно знали, что движутся к вершине.

Спустя некоторое время они услышали первое подтверждение тому, что не заблудились. Они услышали стоны, с каждым шагом становившиеся все громче, а потом кто-то снова запел. Женский голос взял фальшивую ноту, будто пытался исполнить слишком трудную для себя мелодию; потом во все умолк. Затем завел новую песню, печальнее первой. Песня походила на жалобу или на колыбельную, какую можно петь умирающему ребенку. От нее Тесле стало так страшно,

что она готова была обрадоваться даже выводу ликсов. Даже они лучше, чем эти стоны, песни и смех ребенка с темными безжизненными глазами.

И тут, когда голос начал новый заунывный куплет, туман отодвинулся и открыл картину, какая может привидеться лишь в кошмарном сне.

Немного выше на склоне, шагах в двадцати над собой, они увидели то, что строил плотник. Он сделал не дом и не часовню. Он свалил в лесу три дерева, обтесал их, приволок и установил на склоне так, что теперь перед Фебой и Теслой стояли три креста высотой футов в двадцать. Он их установил, а потом кто-то — сам плотник или его хозяева — распяли на них трех человек.

Тесла их не видела, потому что кресты стояли спиной к ним с Фебой. Но зато она хорошо разглядела плотника. Невысокого роста, широкогрудый, с приплюснутой головой и такими же пустыми черными глазами, как у здешней девочки, он собирал инструменты в тени крестов с таким видом, будто починил ножку стола. Невдалеке от него, откинувшись в шезлонге, сидела женщина. Она сидела лицом к распятым и пела свою колыбельную.

Никто из них не заметил Фебу и Теслу. Обе стояли, потрясенные зрелищем, а плотник тем временем складывал инструменты. Потом он поднялся и небрежной походкой ушел, растворившись в тумане, даже не оглянувшись на кресты. Женщина же томно откинулась в кресле, оборвала песню и достала тонкую сигарету.

— Что все это означает? — спросила Феба дрожащим голосом.

— Какая, на хрен, разница, — ответила Тесла, доставая из кармана револьвер. — Сейчас что-нибудь придумаем.

— *Например?* — спросил Рауль.

— Например, снимем этих бедолаг, — сказала она вслух.

— Мы? — спросила Феба.

— Да, мы.

— *Тесла, послушай,* — заговорил Рауль. — *Понимаю, это ужасно. Но им уже не можешь...*

— Что он тебе сказал? — поинтересовалась Феба.

— Пока ничего.

— Мы свалили дурака, когда пришли сюда. Но пришли и пришли...

— Ну и что теперь? Пройти мимо?

— Вот именно!

— Господи Иисусе.

— Знаю,— сказал Рауль.— Это черт знает что, и лучше бы нас здесь не было. Но мы должны найти проход, отправиться туда Фебу, а потом сваливать отсюда на хрен.

— Знаешь что? — сказала Феба и кивнула в сторону женщины в шезлонге.— Она может знать, где проход. По-моему, надо спросить.— Она выразительно посмотрела на револьвер в руках у Теслы: — Вот с этим.

— Хорошая мысль.

— Только не смотри на кресты,— предупредил Рауль, когда они двинулись вперед.

Женщина больше не пела, а просто лежала в шезлонге, закрыв глаза, и смолила свой косячок. Тишину нарушали лишь едва слышные стоны одного из распятых.

— Гляди под ноги,— сказала Тесла Фебе.— Нечего себя терзать.

Так, опустив взор вниз, они продолжили подъем. Тесле ужасно хотелось посмотреть на лица распятых, но она не поддавалась. Рауль прав. Им уже ничем не поможешь.

Они почти подошли к шезлонгу, когда женщина заговорила как будто сама с собой, в блаженном трансе:

— Эй, Лагуна? Ты меня слышишь? Я их поймала, поймала на месте. *На месте*. Белые. Совсем белые. Ты не поверишь, какие...

Тесла приставила револьвер ей к виску. Поток речи прервался, и женщина открыла глаза. Она была не красавица: кожа грубая, глаза маленькие, ресницы похожи на щетину, вокруг губ тоже торчали жесткие волоски, рот раза в два больше, чем у нормальных людей, и зубов во рту — мелких и, похоже, острых — тоже больше. Несмотря на ее наркотическое состояние, женщина сразу осознала опасность.

— Я еще не допела,— сказала она.

— И не надо,— ответила Тесла.— Просто покажи, где проход.

— Вы не из свиты Посвященного?

— Нет.

— Значит, вы Сапас Умана?

— Нет. Для тебя я просто леди с револьвером,— сказала Тесла.

— Значит, Сапас Умана,— проговорила женщина, переводя взгляд с Теслы на Фебу и обратно.— Твари человеческие. Как интересно!

— Ты меня слышишь? — спросила Тесла.

— Да. Вам нужно знать, где проход. Он вон там.— Она, не оборачиваясь, показала в сторону вершины, закрытой туманом.

— Далеко до него?

— Близко. Но зачем он вам? Там, на той стороне, нет ничего интересного, только туман и паршивое море. *Здесь* чудеса, здесь, в Альтер Инцендо. Среди гуманоидов, подобных вам.

— Чудеса? — переспросила Феба.

— Да, да,— закивала женщина с воодушевлением, забыв про револьвер, все еще приставленный к ее виску.— У нас на Эфемериде не жизнь, а тоска, и мы все мечтаем попасть сюда, где жизнь чиста и реальна.

— *Боже, какое ее ждет разочарование*,— съязвил Рауль.

Но она не была простой туристкой, жертвой недобросовестной информации.

— Иады приходят отсюда? — спросила Тесла.

Женщина улыбнулась.

— Конечно отсюда,— произнесла она едва ли не мечтательно.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Как что? Пришли их встречать.

— В таком случае вы не увидите чудес нашего мира.

— Почему?

— Потому что иады собираются его уничтожить.

Женщина рассмеялась. Откинулась в кресле и рассмеялась.

— Кто вам сказал такую глупость? — сказала она.

Тесла не ответила, хотя и могла. Впервые Тесла услышала про иадов от Киссуна. Наверное, это был не самый надежный источник. От кого же еще? Да, еще о них говорил Д'Амур. Он сказал тогда, что Иад — лишь еще одно имя дьявола, врага рода людского. А Грилло, получивший информацию для своего Рифа от множества людей, сообщил про оружие, придуманное на тот случай, если (вернее, когда) иады нападут на людей.

Женщина продолжала смеяться.

— Иады идут сюда за тем же, за чем и я, — сказала она наконец. — Им тоже хочется своими глазами увидеть чудеса.

— Нет здесь никаких чудес, — возразила Феба. — Только не здесь.

Женщина стала серьезной.

— Возможно, вы к ним просто привыкли, — заметила она, — и потому не замечаете.

— *Спроси у нее про распятых*, — сказал Тесле Рауль.

— *Черт, ты прав*. А как насчет этих? — произнесла вслух Тесла и, не глядя, ткнула пальцем себе за плечо.

— Так велел Посвященный. Он сказал, что они шпионы, враги покоя.

— Но зачем их убили вот *так*? — спросила Феба. — С такой страшной жестокостью.

Женщина заметно смутилась.

— Посвященный сказал, что это лучше для них.

— Для них? — возмутилась Тесла. — *Это лучше для них?*

— Разве не написано про такое в одной из ваших книг? Как умер ваш бог...

— Да, но...

— И потому он воссоединился со своим отцом... Или с матерью.

— С отцом, — уточнила Феба.

— Простите мое невежество. Я плохо запоминаю сюжеты. Песни — другое дело. Стоит мне один раз услышать мелодию, и я помню ее потом всю жизнь. Но истории, рассказы, даже про богов...— От досады она щелкнула пальцами.— Забываю!

— *Что, если она говорит правду?* — пробормотал Рауль.

— *О распятии?*

— *Об иадах. Что, если мы все перепутали с самого начала?*

— *И они идут сюда, просто чтобы полюбоваться нашими пейзажами? Я так не думаю,* — отозвалась Тесла.— *Помнишь, в Петле?*

Она тогда успела бросить взгляд на иадов и запомнила их навсегда, во всей их громадности и уродстве. Даже теперь, пять лет спустя, от одного воспоминания ее бросило в дрожь. Возможно, Иад — не враг человечества, но вряд ли его коллективный разум, составленный из крохотных разумов крохотных существ, несет в себе покой и любовь к миру.

— Не хотите ли присоединиться? — спросила женщина.

— К чему? — сказала Тесла.

— Она спросила, можно ли ей закурить, — пояснила Феба.— Ты что, не слышала?

— Я задумалась.

— О чем?

— О том, какая я чертова дура.

Женщина зажгла спичку и поднесла к погасшему косячку. Что бы это ни было, курила она не гашиш. Тошнотворно сладко пахло корицей с сахаром.

— Еще затынись, — сказала Тесла.— Еще.

Удивленная женщина подчинилась.

— Еще, — велела Тесла, подкрепив свои слова тычком револьвера.

Женщина послушно дважды глубоко затынулась.

— Молодец, — кивнула Тесла, когда на лице у курильщицы появилась блаженная улыбка и глаза начали слипаться.— Еще разок, и порядок.

Та поднесла к губам сигарету, но тут ее сморил сон. Рука безвольно упала, и сигарета вывалилась из пальцев. Тесла подняла ее, погасила пальцами горящий конец и сунула окурочек в карман.

— Пригодится,— сказала она Фебе.— А теперь пошли.

Они снова двинулись вверх, и тут Тесла осознала, что стоны умолкли. Последний из троих, распятых во искупление их веры, умер. Теперь можно было и посмотреть на них.

— *Не надо!* — попытался предупредить Рауль, но не успел. Тесла уже повернулась, уже увидела.

На среднем кресте висела Кейт Фаррел. Живот у нее был обнажен и вспорот. Слева от нее — Эдвард. Справа...

— Люсьен.

Из всех троих он был изранен больше других и почти полностью обнажен. Его белую грудь заливала кровь, каплями стекавшая с лица, милосердно скрытого волосами.

Дыхание у Теслы перехватило, ноги обмякли. Она выронила револьвер и зажала руками рот, чтобы не разрыдаться.

— Ты кого-то из них знаешь? — спросила Феба.

— Всех троих,— прошептала Тесла.— Всех троих.

Феба крепко стиснула ее руку.

— Мы уже ничем им не поможем.

— Он был жив,— сказала Тесла. Мысль эта пронзила ее, будто игла.— Он был еще жив, а я даже не посмотрела. Я могла бы спасти его.

— Ты не знала, что это он,— возразила Феба.

Феба осторожно потянула ее прочь, подальше от этого места. Тесла сопротивлялась, не в силах отвести глаз от Люсьена. Он был беспомощным и беззащитным. Нужно хотя бы снять его, не оставлять на поживу птицам.

В глубине смятенного сознания она услышала голос Рауля:

— *Феба права.*

— *Оставь меня в покое.*

— *Ему уже не поможешь. Тесла, ты не виновата. Он сам выбрал свой путь. А мы выбрали свой.*

— Он был еще жив.

— *Возможно.*

— Он видел меня.

— Можешь верить в это, если тебе так хочется,— сказал Рауль.— Я не собираюсь тебя разубеждать. Но возможно, он умер, потому что увидел тебя.

— Что?

— Он мог позвать тебя и не позвал. Может быть, он увидел тебя и решил: все, хватит.

Глаза у Теслы наполнились слезами.

— Хватит?

— Да. Всякое страдание кончается. Даже такое.

Она не поверила и не верила до конца своих дней.

— Как он сказал про нас? Кто мы? Сосуды для чего?

— Для Бесконечного. Сосуды для Бесконечного.

— О чем ты? — удивилась Феба.

— Он хотел стать таким,— ответила Тесла.

— Нет,— сказал Рауль.— Таким он был.

Тесла кивнула.

— Знаешь,— обратилась она к Фебе,— внутри у меня сидит одна очень добрая душа.— Она громко всхлипнула.— Единственная досада, что она не моя.

Она больше не сопротивлялась, когда Феба потянула ее прочь, и они продолжили путь.

Наконец течение подхватило Джо, вынесло из темноты и понесло туда же, куда и «Фанакапан». Он не знал, куда плывет. Впрочем, он не вполне понимал, жив ли он. Он терял сознание, время от времени выныривал из забвения и видел бурлящее небо, словно небо и море поменялись местами. Один раз, очнувшись, он заметил нечто, похожее на пылающих птиц, пронесившихся в раскаленном воздухе подобно метеоритам. В другой раз он краем глаза уловил какое-то сияние, повернул голову и увидел шу: тот стремительно несся в неспокойных водах, и глаза его сияли. Джо вспомнил разговор с Ноем на берегу: кто понравится одному Зерапушу, сказал Ной, понравится им всем. Прежде чем снова потерять сознание, Джо успел подумать, что этот шу его знает и, может быть, как-то выведет отсюда.

В полусне, в котором он пребывал почти постоянно, Джо видел Фебу среди водорослей; видел, как колыхалось в воде ее белое тело. И даже сейчас на глаза у него навернулись слезы, когда он подумал, что Феба ушла от него и вернулась в живой, реальный мир, оставив ему только воспоминания.

Потом и Феба перестала ему сниться. Джо плыл как сквозь пелену грязного дыма. Он был слишком слаб, чтобы сформулировать хоть одну мысль. Мимо него проплывали корабли, но он их не видел. Если бы видел — они скрипели и

кренились, битком набитые пассажирами, удиравшими с Эфемериды, — наверное, попытался бы ухватиться за какой-нибудь канат и забраться на борт, а не двигаться в обратную сторону, куда его несло течением. По крайней мере, он бы заметил застывший на лицах беглецов страх и приготовился к тому, что ждало его на островах архипелага. Но он ничего не различал, не знал и потому плыл все дальше и дальше, мимо тонущих судов и спасавшихся вплавь обреченных пассажиров. Он не увидел ни желтоватого пепла, местами так покрывшего поверхность моря, что вода казалось плотной, ни полыхавших вокруг кораблей.

Постепенно волнение моря стихло, и ослабевшее течение вынесло его к берегам острова, носившего в славные времена название Мем-э Б'Кетер Саббат. Там он и остался лежать на берегу, посреди мусора и обломков, в беспомощности, больной и беспомощный, а на острове гибло все живое, а те, кто его погубил — иад-уроборосы, — подходили все ближе.

ii

Трудно измерить расстояние, разделявшее остров Мем-э Б'Кетер Саббат и горы, где карабкались в тот момент вверх по склону Тесла и Феба. Множество мыслителей в обоих мирах, в Косме и Метакосме, издавна пытались создать формулу, которая позволила бы вычислить расстояние между ними, но к единому выводу так и не пришли. Согласились только в одном: единого правила, а также единиц измерения для этого нет. Ведь расстояние между мирами — не отрезок пространства между двумя точками, а различие в *состояниях*. Потому одни считали, что проще всего считать это пространство исключительно абстрактным, подобным тому, что отделяет почитателя божества от самого божества, и предлагали для такого случая особую систему координат. Другие полагали, что на пути из мира Альтер Инцендо в мир Субстанции душа претерпевает столь радикальные изменения, что описать и подвергнуть анализу дистанцию между ними (если здесь уместно слово «дистанция», в чем они сомнева-

лись) можно лишь в терминах духовной эволюции. Однако последнюю гипотезу признали несостоятельной, поскольку идею духовной эволюции отдельно взятой личности сочли ересью.

Были и третьи. Они настаивали на том, что любое взаимопроникновение между Сапас Умана и морем сновидений совершается лишь в сознании, и потому все попытки вычислить физическое расстояние между ними обречены на провал. Воистину, уверяли они, с тем же успехом можно измерить промежуток между одной мыслью и другой. Оппоненты называли эту теорию пораженчеством и вульгарной метафизикой. Они напоминали, что человек вступает в воды моря сновидений трижды, а всю остальную жизнь оно недостижимо даже в мыслях. Не совсем так, возражал лидер третьей группировки, мистик из Джума по имени Карасофия. Стена, разделяющая Метакосм и Косм, постепенно становится тоньше, и скоро наступит время, когда она окончательно рухнет. Тогда разум Сапас Умана, который кажется столь наивным и конкретным, даже в своем зачаточном состоянии станет главным производителем чудес.

Если бы Карасофия не погиб за свои идеи от руки убийцы на поле подсолнухов близ Элифаса, он мог бы заглянуть в мысли тех, кто собрался на праздничный парад в Эвервилле, и нашел бы в них подтверждение своей гипотезы. Все участники парада грезил наяву.

Взрослые мечтали стать свободными, как дети; дети мечтали получить родительскую власть.

Любовники глядели друг на друга и видели будущую ночь; старики и старухи смотрели на свои морщинистые руки или в голубое небо и видели то же самое.

Кто-то грезил о сексе, кто-то — о забвении, кто-то — о разгульном веселье.

А дальше по маршруту парадного шествия, возле окна, из которого он недавно вывалился на тротуар, сидел человек, грезивший об Искусстве: о том, как его получит и навсегда перейдет предел времени и пространства.

— Оуэн?

Будденбаум не думал, что увидит его еще раз; по крайней мере, не в этой жизни. Но мальчишка стоял перед ним, такой же, как прежде.

— Здравствуй, здравствуй...

— Как ты? — спросил Сет.

— Терпимо.

— Хорошо. Я принес холодного пива.

— Очень предусмотрительно.

— Считаю это предложением мира.

— Принято, — сказал Будденбаум. — Иди сюда, садись.

Он похлопал по доскам рядом с собой.

— У тебя усталый вид.

— Не выспался.

— Молоточки мешали?

— Нет. Думал о тебе.

— Господи.

— Я хорошо о тебе думал, — уточнил Сет, усаживаясь рядом с Будденбаумом.

— В самом деле?

— В самом деле. Я хочу пойти с тобой, Оуэн.

— Куда?

— Туда, куда ты уйдешь после парада.

— Я никуда не собираюсь уходить, — возразил Будденбаум.

— Ты останешься жить в Эвервилле?

— Я нигде не останусь *жить*.

— Это способ от меня отделаться, — заметил Сет, — но почему ты не говоришь прямо? Скажи, я встану и уйду.

— Нет, это не способ от тебя отделаться, — ответил Оуэн.

— Тогда я не понимаю.

Оуэн обдумывал что-то, глядя в окно.

— Я слишком мало о тебе знаю, — проговорил он. — И все же, мне кажется...

— Что?

— Я никогда никому не доверял, — сказал Оуэн. — Вот в чем дело. Хотелось доверять, и не раз, но я боялся разочаро-

вания.— Он посмотрел на Сета.— Знаю, я сам себя обманывал, я придумывал себе чувства,— продолжал он, явно в смятении,— наверное, и любовь придумывал. Но это был мой выбор, так я защищался.

— Ты никогда никого не любил?

— Я испытывал страсть. И не раз. В последний раз — в Италии. Забавно. Унизительно, нелепо, весело. Но любовь? Нет. Я никому не доверял настолько, чтобы полюбить.— Он тяжело вздохнул.— Теперь уже поздно.

— Почему?

— Потому что любовь — это человеческая страсть, а я скоро стану свободным от всяких чувств. Вот я тебе все и сказал.

— Ты хочешь сказать... Ты перестанешь быть человеком?

— Да, именно.

— Это из-за аватар?

— Можешь думать и так.

— Объясни, пожалуйста.

— Встань,— сказал Оуэн, подтолкнув Сета.— Выгляни в окно.

Сет посмотрел. Оуэн встал сзади, положил ему руки на плечи.

— Смотри на перекресток.

Машин внизу не было; до окончания парада улица принадлежала пешеходам.

— Что я там должен увидеть? — поинтересовался Сет.

— Подожди немного,— промолвил Оуэн, передвигая пальцы ближе к шее Сета.

— Хочешь сделать мне массаж?

— Помолчи,— сказал Оуэн.— Сейчас... сейчас увидишь.

Сет почувствовал легкое покалывание в шее, которое быстро распространилось и растаяло в основании черепа. Он тихо вздохнул от удовольствия.

— Хорошо.

— Смотри на перекресток.

— Хорошо бы ты просто...

Он не договорил. Сет лишь ахнул, схватившись обеими руками за подоконник.

— Бог ты мой.

Перекресток исчез; улицы потекли, будто потоки лавы, украшенные алыми и золотыми лентами. Четыре потока со всех сторон перекрестка, сужаясь, двигались к центру, где превратились в крохотные полоски, а блеск их стал таким нестерпимым, что Сет опустил глаза.

— Что это? — выдохнул он.

— Красиво, правда?

— Бог ты мой, еще бы! Это ты сделал?

— Это не *делают*, Сет. Это не витает в воздухе, как стихотворение. Это можно лишь *привести в движение*.

— Ладно. Но это ты привел это в движение?

— Да, я. Много лет назад.

— Ты ничего мне не рассказывал.

— Это приглашение на танец,— мягко прошептал Оуэн над самым ухом Сета.

— Какой танец?

— Танец жизни и становления,— ответил Будденбаум.— Смотри на него, и забудешь твоих ангелов с молоточками, что стучат по небу с той стороны. Вот оно, настоящее чудо.

— Где все сходится.

— Да.

— Ты сказал, что твое путешествие закончится на перекрестке.

— Вспомни об этом потом,— сказал Оуэн, и голос его по-суровел.— Вспомни, что я ни разу тебя не обманул. Я никогда не говорил тебе, что пришел навсегда.

— Нет, ты ничего такого не говорил. Я хотел бы, но ты не говорил.

— Ну, раз мы друг друга поняли, значит, можно еще раз позабавиться на прощание.

Сет отвернулся от окна:

— Не могу больше смотреть на это. Тошнит.

Оуэн легко пробежался пальцами по его волосам.

— Все,— сказал он.— Смотри, ничего нет.

Сет посмотрел на перекресток. Видение исчезло.

— И как это будет? — спросил он.— Ты встанешь на перекрестке, и они тебя заберут?

— Все не так просто,— сказал Оуэн.

— А как?

— Я сам толком не знаю.

— Но ты знаешь, что с тобой будет в конце, ведь так?

— Я знаю, что я стану свободным от времени. Прошлое, будущее и мгновение сна между ними станут одним бесконечным днем...

Голос его становился тише и тише, так что в конце Сет почти не разобрал слов.

— Что за мгновение сна? — спросил он.

Оуэн притянул к себе юношу и поцеловал в губы.

— Хватит об этом.

— Но я хочу знать,— настаивал Сет.— Оуэн, я не хочу, чтобы ты уходил.

— Так надо,— сказал Будденбаум.— Боюсь, у меня нет выбора.

— Нет, есть. Ты можешь остаться со мной, по крайней мере на какое-то время. Научить меня тому, что ты знаешь.— Он положил руку Оуэну на грудь.— А когда мы будем уставать от учебы...— Рука его нашла застёжку ремня.— Тогда будем трахаться.

— Пойми, я очень долго ждал этого,— проговорил Оуэн.— Сколько мне пришлось думать, придумывать, притворяться, чтобы в результате оказаться здесь. Поверь мне, это было непросто. Сколько раз мне хотелось плюнуть на все.— Сет справился с пряжкой и расстегивал пуговицы. Оуэн продолжал говорить, будто ничего не замечал.— Но я не утратил видения.

Пальцы Сета нашли его член. Равнодушие Будденбаума оказалось притворством.

— Ну давай же,— попросил Сет.

— Ты всегда такой нетерпеливый? — сказал Оуэн.

— Не помню,— сказал Сет.— Не помню ничего, что было до того, как я встретил тебя.

— Не говори глупостей.

— При чем тут глупости? Это правда. Я ждал тебя. Знал, что ты придешь. Я, конечно, не видел твоего лица...

— Послушай меня.

— Я слушаю.

— Я не тот, кого ты ждал.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я не могу дать то, что тебе нужно. Я не могу остаться и приглядывать за тобой.

— Ну и что? — сказал Сет, продолжая гладить его.

— Придется тебе найти другой объект.

— Не придется,— отозвался Сет,— если ты возьмешь меня с собой, если пригласишь на этот танец.— Он снова взглянул в окно, на серую улицу.— Если ты будешь со мной, я смогу, я выдержу.

— Вряд ли.

— Смогу! Дай мне шанс.

Он присел перед Оуэном на корточки и прикоснулся языком к его члену.

— Подумай, как хорошо нам будет вместе.

— Ты не знаешь, чего ты просишь.

— Так *скажи. Научи.* Я стану тем, кем ты захочешь. Поверь мне.

Оуэн погладил его по лицу.

— Я тебе верю,— сказал он, легко поигрывая своим членом.— Я уже говорил: в тебе что-то есть.

Сет улыбнулся, затем взял член Оуэна в рот. Юноша был не очень опытен, но недостаток техники восполнялся рвением. Оуэн запустил пальцы в его волосы и застонал. Обычно в момент наслаждения он забывал, что делают его руки или губы. Но сейчас, то ли от осознания конца, который окрашивал все, что он сегодня ни делал (последний завтрак, последнее умывание, последняя ласка), то ли оттого, что мальчишка ему действительно нравился, он ясно и точно отдавал отчет в каждом своем ощущении.

Какой смысл, подумал он, жить весь бесконечный день в одиночестве? Каким бы ты ни был мудрым и ловким, но вечность — это навсегда. Возможно, будь у него больше време-

ни, он искал бы кого-нибудь другого, чтобы разделить с ним бессмертие; кого-то, кто больше походил на его идеал. Впрочем, скоро он выйдет на перекресток и сможет делать то, чего раньше не мог. Он получит власть над эволюцией, и в его силах будет подправить Сету профиль, сделать постройнее бедра. Он глянул сверху на юношу.

— Ты *быстро* учишься,— заметил он.

Парнишка улыбнулся, не отрывая от него губ.

— Давай, давай,— сказал Оуэн и во всю длину вошел ему в глотку. Тот сначала поперхнулся, но, прирожденный любовник, не отступил и не сдался.— Бог ты мой,— воскликнул Оуэн,— ты очень целеустремленный, ты знаешь это?

Он снова ласково погладил лицо Сета. Слишком низкие скулы, слишком курносый нос. А волосы слишком обычные, их придется изменить полностью. Может быть, сделать ему черные локоны до плеч, как на портретах у Боттичелли? Или, наоборот, превратить в блондина с выгоревшей на солнце челкой, падающей на глаза? Сейчас не время об этом думать. Он решит позже. Потом, когда исчезнут все «до» и «после».

Он почувствовал знакомую дрожь.

— Хватит,— ласково сказал он.— Я не хочу сейчас доходить до конца.

Если мальчишка его и слышал, то никак не отреагировал. Глаза Сета были закрыты, и он предавался своему занятию с таким рвением, что на губах пенилась слюна.

«Мой член поднимается из пены, как Венера»,— подумал Будденбаум.

Мысль его позабавила, и, пока он мысленно смеялся над своей остротой, мальчик едва не довершил дело.

— Нет! — крикнул Оуэн, с силой вырвал член изо рта Сета и сильно, до боли, ущипнул мальчика.

На миг он подумал, что проиграл. Он застонал, скорчился, закрыв глаза, чтобы не видеть соблазнительного зрелища Сета, стоявшего перед ним на коленях. Ущипнул его еще сильнее и мало-помалу успокоился.

— Все,— выдохнул он.

— Я думал, ты хочешь.

Глаза у Сета были открыты, молния штанов расстегнута.

— У меня сейчас нет времени восстанавливать силы,— сказал Оуэн.— Бог ты мой, нельзя было позволять тебе даже начинать...

— Ты первый меня поцеловал,— почти с обидой ответил Сет.

— *Mea culpa**,— сказал Оуэн и поднял руки, шутливо прося прощения.— Больше не буду.

Сет понуро опустил голову.

— Никакого «больше» не будет, так? — проговорил он.

— Сет...

— Не надо лгать,— сказал юноша, застегивая брюки.— Я не дурак.

— Нет конечно,— ответил Оуэн.— Поднимайся, пожалуйста.

Сет выпрямился, вытер ладонью губы и подбородок.

— Конечно, ты не дурак, потому я говорю тебе все как есть. Я доверил тебе тайну, о которой до сих пор не рассказывал ни единой живой душе.

— Почему?

— Если честно, сам не знаю. Наверное, потому что ты нужен мне больше, чем я думал.

— Надолго ли?

— Не дави на меня, Сет. Не все зависит от нас. Прежде чем взять тебя с собой, я должен быть уверен, что не потеряю все, ради чего жил.

— А такое может быть?

— Я сказал: не дави на меня.

Сет понурился.

— И вот этого тоже не надо. Посмотри мне в глаза.

Медленно Сет снова поднял голову. В глазах у него стояли слезы.

— Я не могу брать на себя ответственность за тебя, мой мальчик. Ты понимаешь?

Сет кивнул.

* *Моя вина (лат.).*

— Я не знаю, что случится со мной завтра,— продолжал Будденбаум.— Не знаю. Были люди намного умнее меня, но их смело... просто смело, и все тут... потому что они начали этот танец, не умея танцевать.— Он дернул плечом и вздохнул.— Я не знаю, люблю ли я тебя, Сет, но я не хочу использовать тебя и бросить. Я никогда не простил бы себе этого. С другой стороны,— он взял юношу за подбородок,— похоже, наши судьбы переплелись.

Сет хотел что-то ответить, но Оуэн прикрыл его рот ладонью:

— Ни слова больше.

— Я и не собирался.

— Собирался.

— Я не о том.

— А о чем?

— Я хотел сказать, что там оркестр. Послушай.

Он был прав. Через разбитое стекло доносились отдаленные звуки труб и барабанов.

— Парад начался,— сказал Сет.

— Наконец-то,— отозвался Оуэн, и взгляд его устремился к перекрестку.— Вот теперь, мой мальчик, смотри внимательно.

10

— Подожди, остановись на минуту,— сказал Рауль.

Тесла замерла и жестом приказала остановиться Фебе, шедшей за ней следом.

— *Замри.*

Впереди, ярдах в десяти отсюда, Тесла разглядела в тумане движение. Четверо (один из них — тот самый плотник, узнала Тесла) двигались по склону наперерез им. Феба тоже увидела их и замерла, затаив дыхание. Если сейчас хоть кто-то из четверых повернет голову в эту сторону, игра окончена. Наверное, Тесла успеет пристрелить двоих, прежде чем они приблизятся. Но любой из четверки явно справится с ней или с Фебой одним ударом кулака.

— *Не самые удачные творения Создателя,*— заметил Рауль.

Это было мягко сказано. Все четверо оказались уродливы, каждый по-своему, и уродство подчеркивалось тем, что они шли в обнимку, как гротескные братья. Один из них, несомненно, был самым тощим на свете: его черная кожа прилипла к острым костям, будто папиросная бумага, глаза блестели, и на ходу он семенил ножками. Рядом с ним, положив ему на плечо руку небывалых размеров, шагал толстяк в светлой расстегнутой рубахе, весь в пятнах то ли грязи, то ли крови. На его отвислых грудях, покрытых синяками, висело некое существо — помесь омара с попугаем: красное, с крыльями, с клешнями,— припавшее к нему наподобие младенца у кормящей матери. Третьим в четверке был тот самый

плотник. На вид самый тупой, с головой, похожей на лопату, с бычьей шеей. Но он шел и насвистывал песенку, и песенка была веселая, и журчала она нежно, как ирландский ручеек. Справа от него и ближе всех к женщинам вприпрыжку бежал карлик. Кожа у него отливала ярко-желтым и казалась липкой, и весь он был разболтанный и издерганный. Черты его лица ужасали — глаза навывкате, подбородок срезанный, рот перекошен, а носа почти нет, только ноздри.

Они, похоже, никуда не спешили. Шли спокойно, болтали, шутили и были так поглощены обществом друг друга, что ни один даже не взглянул в сторону женщин.

Потом туман поглотил их, и они исчезли.

— Ужас,— тихо сказала Феба.

— Бывало и пострашнее,— отозвалась Тесла и шагнула вперед, а Феба держала ее за руку.

Туман вокруг них шел какими-то волнами, и чем выше они поднимались, тем это становилось заметнее.

— О боже,— вдруг сказала Феба, показывая себе под ноги.

По земле расплывались те же волны: трава, земля, даже камни, разбросанные по склону, увлекались вверх неведомой силой, то тянувшей, то снова ослабевавшей. Мелкие камешки катились по склону вверх, что само по себе достаточно странно, но еще более странно было то, что обломки скалы и крупные валуны пытались сдвинуться с места. Здесь, близко от порога, они не шли трещинами, как внизу, а *размягались*, подчиняясь тому же ритму движения, что туман, трава и земля.

— Похоже, осталось немного,— решила Тесла, глядя на это.

Ей уже приходилось наблюдать подобное в доме у Бадди Вэнса, где все твердые предметы разом утратили твердость, а вместе с ней и свой истинный смысл. Тогда вокруг бушевала стихия. Здесь же, напротив, установился мягкий, неспешный ритм, увлекавший камни, не размягчая их. Тесла, еще не успевшая оправиться от потрясения после смерти Люсьена, не могла наслаждаться этой картиной, но все же почувствовала дрожь предвкушения. От порога их отделяло лишь

несколько ярдов, в этом она не сомневалась. Еще шаг-другой, и она увидит Субстанцию. Даже если обкурившаяся певица права и там нет никаких чудес, разве не чудесно увидеть тот самый океан, откуда вышла жизнь?

Где-то поблизости раздался смех. Но на этот раз Феба и Тесла не остановились, а ускорили шаг. Колебания тумана и почвы с каждым ярдом становились все настойчивее. Теперь женщины шли так, словно по щиколотку погружались в воду, преодолевая ее сопротивление и рискуя упасть.

— У меня странное ощущение,— сказал Рауль.

— Какое?

— Не знаю... Я не знаю... Я не чувствую себя в безопасности,— ответил Рауль.

Не успела она задать следующий вопрос, как туман качнулся сильнее, и завеса его разошлась. Тесла невольно ахнула от изумления. Взгляду открылась отнюдь не вершина горы, а совсем другая картина. Яркое небо и берег, на который набегали морские волны, пенистые и темные.

Феба отпустила ее руку.

— Не могу поверить,— сказала она.— Смотрю и глазам не верю...

— Тесла...

— Потрясающе, правда?

— Тесла, держи меня.

— Ты о чем?

— Я теряю себя.

— Подумаешь!

— Тесла! Я серьезно! — В голосе Рауля звучала паника.— Не подходи туда.

— Придется,— сказала она.

Феба уже бежала вперед, не отводя глаз от берега.

— Я буду осторожна,— сказала Тесла.— Не беги! — крикнула она Фебе, но та не остановилась.

Она бежала вперед, будто загипнотизированная зрелищем берега, до тех пор, пока земля не ушла у нее из-под ног. Феба упала. Она вскрикнула так, что слышно ее было, наверное, ярдов на двадцать, и никак не могла подняться.

Тесла ринулась к ней на помощь, с трудом преодолевая сопротивление почвы и воздуха, встревоженных чужим присутствием. Она протянула Фебе руку и помогла встать на ноги, что тоже оказалось непросто.

— Я в порядке,— заверила Феба, пытаясь отдышаться.— Честное слово.— Она поглядела на Теслу.— Тебе пора возвращаться назад.

— *Послушайся ее*,— призвал Рауль, и голос его дрогнул.

— Ты сделала все, что могла,— продолжала Феба.— Дальше я справлюсь сама.— Она обняла Теслу.— Спасибо тебе. Ты удивительная женщина, ты это знаешь?

— Будь осторожна,— сказала Тесла.

— Буду,— отозвалась Феба, разжала объятия и повернулась к берегу.

— Я серьезно,— проговорила ей в спину Тесла.

— Что серьезно?

— Я не...

Тесла не успела закончить фразу, потому что в этот миг впереди на берегу неожиданно появилась человеческая фигура. В отличие от тех, кого они уже здесь видели, человек этот казался очень важным: тучный, холеный, с тяжелыми веками, с рыжеватой бородой, разделенной на добрую дюжину прядок, закрученных наподобие рожек. В одной руке он сжимал небольшой жезл, другой придерживал свои ниспадающие одежды, позволяя трем детям — похожим друг на друга и на ту смеющуюся девочку, которую Тесла с Фебой видели раньше,— играть в пятнашки у его ног. Однако он был не настолько увлечен игрой, чтобы не заметить двух женщин и не догадаться, что они не имеют отношения к его свите. При виде их он закричал:

— Гамалиэль! Ко мне! Мутеп! Ко мне! Барто, Сванки! Ко мне! Ко мне!

Феба повернулась и с отчаянием взглянула на Теслу. До берега оставалось не более десяти шагов, но путь к нему теперь был закрыт.

— Пригнись! — завопила Тесла, направляя на бородатого человека револьвер Лурдес.

В ту же секунду он поднял жезл, и Тесла увидела, как вокруг него закипала волна энергии.

— *Это оружие!* — крикнул Рауль.

Тесла не стала ждать подтверждения и выстрелила. Пуля попала ему в живот, ниже, чем она метила. Он уронил и жезл, и край одеяния и испустил такой тонкий, пронзительный вопль, что Тесла приняла его за женщину. Дети перестали хихикать, забегали вокруг него и закричали, а он перегнулся пополам и продолжал вопить.

Один из детей пронесся мимо Фебы, совершенно не обратив внимания на револьвер, с криком:

— На помощь Посвященному Зури!

— Беги! — крикнула Тесла Фебе, но голос ее потерялся среди воплей.

Туман не гасил шум, а, наоборот, усиливал какофонию, эхом отражая звуки, и размягчившаяся почва начала подрагивать.

По паническому взгляду Фебы Тесла поняла, что та чересчур испугана, чтобы воспользоваться возможностью. Тесла снова крикнула, а потом направилась к ней, стараясь выбирать почву потверже.

— *Стой! Мне трудно держаться!* — крикнул Рауль.

Держаться было трудно не только Раулю. Тесле казалось, что от криков, от колебания почвы под ногами чувства вышли из-под контроля. Зрение ее словно переместилось вперед, и несколько неприятных секунд она смотрела на себя с того самого порога между Космом и берегом. Наверное, она так и перенеслась бы туда, но Феба взяла ее за руку, и этот живой контакт заставил ее вернуться.

— Беги! — крикнула Тесла, оглядываясь на Зури.

Он был явно не в силах помешать Фебе. Он согнулся пополам и плевался кровью.

— Пошли со мной! — позвала Феба.

— Не могу.

— Ты не можешь остаться здесь! — воскликнула Феба.—

Они убьют тебя.

— Нет, если я...

— *Тесла!*

— Если я потороплюсь. Да беги же ты, ради бога!

— *Тесла...*

— Да, хорошо,— ответила она Раулю и подтолкнула Фебу в сторону берега.

Феба пошла, увязая в зыбкой скале.

— *Теслаааа...*

— Мы уже идем,— сказала Тесла и, повернувшись к Фебе спиной, стала выбираться на твердую почву.

И в этот момент она вдруг потеряла ориентацию, как будто внезапно лишилась рассудка. Она замерла, утратив цель, волю, память, ослепленная вспышкой боли. А потом стояла, не чувствуя ни боли, ни страха, забыв про самосохранение. Просто стояла на зыбкой почве, будто на раскачивавшихся качелях. Револьвер Лурдес выпал у нее из руки и исчез под накатившей каменной волной. Потом сознание вернулось так же внезапно, как ушло. Голова разламывалась, из носа текла кровь, но Тесле все же хватило сил, чтобы двинуться дальше.

Впрочем, ее ожидали неприятности. Впереди показались четыре отвратительные фигуры: Гамалиэль, Мутеп, Барто и Сванки.

У нее не осталось сил бежать. Ничего не осталось, кроме надежды, что ее не казнят на месте за то, что она ранила Зури. Когда плотник двинулся к ней, Тесла оглянулась и увидела Фебу: та как раз переступила через порог и скрылась из виду.

— *Уже кое-что,*— мысленно сказала она Раулю.

Тот не отозвался.

— *Прости,*— продолжала она,— *я сделала что могла.*

Плотник подошел к ней почти вплотную и потянулся, чтобы взять за руку.

— Не тронь ее,— произнес кто-то.

Она с трудом подняла голову. Кто-то вышел из тумана, держа в руке револьвер. Револьвер был нацелен в сторону раненого Посвященного.

— Отойди, Тесла,— велел человек с револьвером.

Она сощурилась, чтобы рассмотреть своего спасителя.

— Д'Амур?

Он устало ухмыльнулся своей волчьей ухмылкой.

— Кто же еще,— ответил он.— А теперь иди-ка сюда.

Плотник так и стоял, заслоняя дорогу, на расстоянии вытянутой руки от Теслы и явно не собирался ее пропускать.

— Убери его,— сказал Д'Амур Посвященному.— А то пожалеешь.

— Барто,— окликнул Зури,— пропусти ее.

Заскулив, как обиженный пес, плотник сделал шаг в сторону, и Тесла заковыляла вниз по склону к Д'Амуру.

— Гамалиэль,— позвал Гарри, и чернокожий человек-скелет повернулся к нему.— Объясни этим братьям Гримм, что мой револьвер видит и в тумане. Ты хорошо меня понимаешь?

Гамалиэль кивнул.

— И если кто-нибудь из вас шелохнется в ближайшие десять минут, я разнесу этому старому мудаку голову. Как ты думаешь, смогу я так сделать или нет?

Он прицелился в голову Зури. Гамалиэль заскулил.

— Да, ты правильно понял,— кивнул Гарри.— Я могу убить его с большого расстояния. С очень большого. Тебе понятно?

Ответил не Гамалиэль, а его брат-толстяк.

— Ла-дно.— Он поднял жирную руку.— Не стреляй, ла-дно? Мы стоим. Ты не стреляешь, ла-дно?

— Ла-дно, ла-дно,— согласился Д'Амур. Он оглянулся на Теслу.— Бегом можешь? — спросил он у нее шепотом.

— Попытаюсь.

— Тогда давай.— Он стал медленно пятиться назад.

Тесла двинулась вниз по склону, держа в поле зрения отступавшего от Зури и братьев Д'Амура. Тот пятился, пока противники не скрылись из виду в тумане. Тогда он повернулся и нагнал Теслу.

— Нужно спешить,— сказал он.

— Ты правда это можешь?

— Могу что?

— Попасть в Зури в тумане.

— Нет, конечно. Но готов поспорить, они не станут рисковать. А теперь пошли.

Спускаться было легче, чем карабкаться вверх, хотя голова у Теслы раскальвалась. Минут через десять туман вокруг них начал редеть, и вскоре они оказались на летнем ярком солнце.

— Мы еще не в безопасности,— предупредил Гарри.

— Думаешь, они гонятся за нами?

— Уверен, черт побери,— ответил он не задумываясь.— Барто, наверное, уже ставит для нас кресты.

Тесла вспомнила про Люсьена и невольно всхлипнула. Она зажала себе рот рукой, чтобы не плакать, но слезы все равно потекли, оставляя след на грязных щеках.

— Они нас не схватят,— проговорил Д'Амур.— Я не позволю.

— Я не из-за этого.

— А из-за чего?

Она затрясла головой.

— Потом,— сказала она и, повернувшись, пошла вперед.

Слезы застлали глаза, ноги подкашивались, она спотыкалась, но все-таки спешила вперед, пока они не добрались до леса. Даже там Тесла не остановилась, а лишь немного замедлила шаг и продолжала идти, то и дело оглядываясь на Д'Амура, будто проверяла, не потерялся ли он.

Наконец, когда оба уже задыхались от быстрой ходьбы, лес начал редеть, и послышались знакомые звуки. Сначала до их слуха донеслось журчание ручья Ангера. Потом — гул большой толпы. И наконец, третьим заиграл городской оркестр, возглавлявший парад, что двинулся по улицам Эвервилля.

— *Не Моцарт, конечно, ну извини,*— обратилась Тесла к Раулю.

Постоялец ее не отозвался.

— Рауль? — сказала она, на этот раз вслух.

— Что-то не так? — поинтересовался Д'Амур.

Тесла остановила его взглядом и сосредоточилась на том, что чувствовала внутри.

— Рауль? — снова позвала она, и снова безрезультатно.

Встревоженная, она закрыла глаза и принялась искать. Пару раз за время ее странствий, когда Рауль сердился или пугался, он прятался от нее, и ей приходилось упрашивать его выйти. Мысленно Тесла приблизилась к границе, разделявшей их, и снова позвала его. Никто не откликнулся.

С ужасом Тесла начала понимать, что произошло.

— Отзовись, Рауль! — просила она.

Ответом ей была тишина, и тогда она двинулась дальше, на территорию Рауля.

Она сразу поняла, что его там нет. Раньше, переходя границу, она немедленно ощущала его присутствие, даже если он молчал. Она чувствовала это как нечто абсолютно отличное от нее. Теперь там никого не было. Никто ее не дразнил, не обижался, не возражал, не ныл.

— Что случилось? — задал вопрос Д'Амур, изучая ее лицо.

— Рауль исчез, — сказала она.

Она поняла, когда это произошло. В тот момент боли и помешательства, который настиг ее возле порога, когда сознание ее подхватили волны. Значит, Рауля унесло волной.

Тесла открыла глаза. После пустоты, какую она ощутила, лишившись Рауля, внешний мир нахлынул на нее со всей силой — плеск речки, многоголосие толпы, синева неба, Д'Амур, деревья.

— Ты уверена? — спросил Д'Амур.

— Уверена.

— Куда, черт побери, он мог подеваться?

Она тряхнула головой.

— Он звал меня, когда мы приблизились к берегу. Говорил, что он теряет себя... Видимо, он хотел сказать...

— Он хотел сказать, что сходит с ума?

— Да.

Она застонала от досады, осознав свою глупость.

— Господи! Я его отпустила! Как я могла!

— Не казни себя. Да, ты не подумала обо всем. Но на такое только Бог способен.

— Не надо обращать меня в христианство,— проговорила Тесла осипшим вдруг голосом.— Плевать мне на твои проповеди.

— Нам нужна хоть какая-нибудь помощь,— сказал Д'Амур, переведя взгляд на горы.— Ты поняла, зачем они тут да сегодня явились, да?

— Они ждут Иад.

— Правильно.

— И Киссун у них возглавляет комитет подготовки к встрече.

— Ты тоже знаешь про Киссуна? — Д'Амур искренне удивился.

Тесла отреагировала так же:

— И ты про него знаешь?

— Я два месяца болтаюсь за ним по стране.

— Как ты узнал, что он здесь?

— От твоей знакомой. От Марии Назарено.

— А ее ты где нашел?

— Это она нашла меня, так же как и тебя.

Тесла провела рукой по лицу, стирая с него пот и грязь.

— Она погибла, да?

— Очень жаль, но да. Киссун ее выследил.

— Мы с тобой роковая парочка, Д'Амур. Все, к кому мы ни прикоснемся...

Тесла не стала продолжать. Отвернулась и двинулась дальше.

— Что ты собираешься делать?

— Сесть. И подумать.

— Не возражаешь, если я присоединюсь?

— Придумал какой-нибудь фокус?

— Нет.

— Очень хорошо. Потому что меня тошнит от этих надежд, будто мы в самом деле способны что-нибудь сделать.

— Я такого не говорил.

— Да, это сказала я,— ответила Тесла, твердо шагая вниз по склону в сторону города.— Они придут, Д'Амур, нравится нам это или нет. Проход открыт, и они им воспользуются. Я думаю, самое время заканчивать военные действия.

Гарри открыл рот, чтобы поспорить, но вспомнил разговор с Нормой. Мир изменится, сказала она, но не погибнет. И с чего он взял, что перемены — это плохо? Они бывают не только к худшему.

Д'Амур смотрел на просвечивавшее среди деревьев ослепительно синее небо, слушал городской оркестр, чувствовал кожей легкий, ласковый ветерок и наконец принял решение.

— Мир прекрасен такой, как есть,— сказал он достаточно громко, чтобы его услышала Тесла.

Тесла не оглянулась. Она молча дошла до ручья, перешла вброд на другой берег.

— Такой, как есть,— повторил Д'Амур, словно напоминал себе о своем неотъемлемом праве встать на защиту мира.— Такой, как есть.

U i

Феба наивно ожидала и впрямь увидеть дверь в конце своего многотрудного пути. Порог, он и есть порог, хотя, конечно, Феба была не настолько простодушна, чтобы думать, будто там лежит коврик и есть звонок. Тем не менее исподволь она все это время воображала настоящий дверной проем. Она встанет у порога, повернет ручку, и дверь откроется, как по велению волшебной палочки.

Она ошиблась. Проход между мирами оказалось похожим на состояние наркоза после дозы эфира, которым пользовали в недобрые старые времена пациенты зубные врачи: рассудок ее изо всех сил цеплялся за реальность, но его несло, несло и несло...

Падения Феба не помнила, но очнулась она, лежа ничком на присыпанных снегом скалах. Она встала на ноги, промерзшая до костей. На камнях в том месте на снегу краснела кровь. Феба с опаской потрогала губы и нос. Нос немного кровоточил, но было почти не больно, из чего она заключила, что переносица цела.

Феба порылась в кармане блузки (очень короткой; она надела ее для Джо и теперь пожалела об этом), выудила смятый платок и заткнула нос. Только потом она по-настоящему осмотрелась.

Справа от Фебы из трещины, через которую она прошла, лился свет — день на той стороне был ярким и теплым, а здесь все тонуло в багровом сумраке. Слева от Фебы в тумане плескалось море. Прямо перед ней лежал берег, и на нем сидело множество птиц, отдаленно напомилавших бакланов. Самые крупные достигали двух футов, перья у них были блестящие, будто смазанные жиром, и крапчатые, головы — крошечные, почти у всех лыбые, а у некоторых с зелеными хохолками. Фебу отделяло от них расстояние в три шага, но птицы не проявляли к ней ни малейшего интереса. Феба задрожала от холода и невольно бросила взгляд назад. Может, стоило вернуться и одеться потеплее? В таком платье она здесь скоро замерзнет.

Но мысль эта мелькнула и исчезла. Потом Феба заметила девочку из свиты Посвященного: она стояла на той стороне и смотрела в ее сторону. Феба вспомнила все пережитое и содрогнулась от ужаса. Лучше терпеть холод, чем висеть на кресте, подумала она и поспешила к берегу, не дожидаясь, когда девочка позовет кого-то из взрослых. Туман у нее за спиной с каждым шагом густел, скрывая из виду порог и, как надеялась Феба, ее саму.

У воды, где волны бились о камни, поднимая снопы брызг, оказалось еще холоднее. Зато туман здесь не был плотным, и Феба увидела мерцавшие вдали огни, контуры крыш и башен. Слава богу, подумала Феба, все-таки цивилизация. Без раздумий направилась она в ту сторону, стараясь держаться берега, чтобы не заблудиться во мгле. Но вскоре туман поредел, а минут через пять исчез совсем, и Феба смогла целиком увидеть берег. Картина открылась не слишком утешительная. Городские огни нисколько не приблизились, а на берегу — высоком и каменистом, уступами поднимавшемся от полосы гальки, — и в море было по-прежнему темно. Только в небе мерцал какой-то свет, но и он не придавал бодрости, переливаясь двумя оттенками: стальным и багровым, как свежий синяк. Ни луны, ни звезд, и только островки снега под ногами поблескивали отраженным сиянием, будто позаимствованным у небес. Птиц стало меньше, они кое-где сидели

группками, как солдаты в отсутствие командира,— отдыхали, но оставались настороже. Некоторые отделились от стаи и ловили на отмелях рыбу. Добыча давалась им легко, мелкая рыба кишела в этих водах, и хребты волн серебрились от чешуи, так что птицы всякий раз выныривали из волн с добычей, бившейся в их клювах, и Феба изумлялась, как им удается не поперхнуться.

Глядя на них, Феба поняла, что она голодна. После того как они с Теслой позавтракали на дорожку, прошло часов шесть. За это время она бы уже пару раз перекусила и успела пообедать, даже если бы села на диету. А сегодня она лазала по горам, видела распятых людей и пролезла в другой мир. Есть от чего проголодаться.

Мимо нее прошлепала к воде в поисках пропитания очередная птица. Феба проводила ее взглядом и вдруг увидела в двух шагах от себя место, откуда та снялась. Неужели там осталось яйцо, лежавшее среди камней? Феба быстро подошла и взяла. Это и впрямь оказалось яйцо, раза в два больше куриного, в еле заметную сероватую полоску. Мысль о том, что придется есть его сырым, была неприятной, но голод подступал все сильнее. Феба разбила яйцо и попробовала содержимое. Она ожидала такого вкуса: почти мясной. Феба съела яйцо и хотела поискать другое, но вдруг услышала яростный крик. К ней спешила разгневанная птица-мать, вытянув шею и распушив перья.

Феба не стала просить прощения.

— Кыш, птичка! — скомандовала она.— Давай, давай! Кыш!

Не тут-то было. Птица заверещала, отчего проснулись и подняли шум ее сородичи, вытянула шею и постаралась ущипнуть Фебу за ногу, что в конце концов ей удалось. Щипок был болезненный. Вскрикнув, Феба отпрыгнула в сторону и постаралась отогнать ее, отбросив всякую вежливость.

— Да катись ты на фиг! — закричала она.— Зараза!

Отступая, она взглянула себе на голень, не остался ли синяк, и тут каблук поехал на скользком от снега камне. Она упала второй раз за последние полчаса; хорошо еще, что зад-

ница у нее мягкая. Тем не менее говорить, что все обошлось, было преждевременно, ибо не только разгневанная мать, но и все птицы поблизости видели, как упала Феба. Они наступали со всех сторон — двадцать или тридцать тварей — и пронзительно верещали.

Это было совсем не забавно. Нелепо, но Феба действительно влипла. Птицы и впрямь могли ее заклевать. Феба закричала в надежде отогнать их хоть на минуту, пока встанет на ноги. Дважды ей это почти удалось, но оба раза каблуки скользили по камням. Три первые птицы уже подобрались к ней, три клюва ударили в руку, в спину и в плечо.

Феба замолотила руками и несколько раз попала в цель, но птиц было слишком много. Рано или поздно какой-нибудь клюв попадет в артерию или в глаз. Нужно подниматься, и побыстрее.

Защищая лицо, она встала на колени. Маленькие птичьи головки все же сообразили, куда лучше ударить, и принялись долбить ее спину и ноги.

Вдруг раздался выстрел. За ним второй, третий, и на левую руку упали горячие брызги. В птичьих воплях послышался страх, и Феба, отняв руки от лица, увидела, что птичье войско в беспорядке сдает позиции, погибшие тела лежат на земле — не просто мертвые, а буквально разорванные на клочки. Одна «птичка» утратила голову, другая осталась без крыла, третья — та самая, чья кровь оросила руку Фебы, — все еще билась невдалеке, а в брюхе у нее была дырка размером с кулак.

Феба оглянулась в поисках того, кто это сделал.

— Я здесь, — произнес приятный голос, и впереди, в нескольких шагах перед собой, она увидела человека в меховом пальто и шапке, похожей на колпак из выворотной кожи. В руках он держал ружье. Из ствола шел дымок. — Вы не из свиты Зури, — заключил он, рассмотрев Фебу.

— Нет, — ответила та.

Человек откинул свой колпак назад. Судя по лицу, он принадлежал к тому же племени, что и плотник: приплюснутая голова, маленькие глазки, толстая нижняя губа. Но в отли-

чие от плотника он был весь разукрашен. Его щеки от подборода до висков были проколоты полусотней крохотных колечек, составлявших сложный узор; глаза были подведены алой и желтой краской; заплетенные в косички волосы смягчали его хмурый взгляд.

— И откуда же вы? — спросил он.

— С той стороны,— честно ответила Феба, совершенно забыв о том, что не стоит так откровенно разговаривать.

— Хотите сказать, вы из Косма?

— Ну да.

Человек покачал головой, и колечки его звякнули.

— Вот как.— Он вздохнул.— Надеюсь, это правда.

— Думаете, я оделась бы так легко в такую погоду, если бы была местной?

— Нет. Не думаю,— отозвался человек.— Меня зовут Хоппо Муснакаф. А вас?

— Феба Кобб.

Муснакаф расстегнул свою куртку, снял ее.

— Рад с вами познакомиться, Феба Кобб,— сказал он.— Наденьте-ка вот это.— Он протянул ей куртку.— И позвольте мне препроводить вас в Ливерпуль.

— В Ливерпуль?

Название города после такого путешествия прозвучало для нее дико.

— Это прекрасный город,— проговорил Муснакаф, торжественным жестом указывая на огни.— Вы увидите.

Феба надела куртку. Одежда была теплой и пахла каким-то сладковатым апельсиновым одеколоном. Феба сунула руки в глубокие карманы, по краям отделанные мехом.

— Сейчас согреетесь,— заверил ее Муснакаф.— По пути обработаем ваши раны. Я хочу, чтобы вы предстали перед госпожой в приличном виде.

— Госпожа?..

— Моя... работодательница,— пояснил он.— Она послала меня присмотреть за тем, что собирается сделать Зури. Но, думаю, будет лучше, если я покину пост и отведу вас в

город. Госпожа с удовольствием выслушает все, что вы скажете.

— О чем?

— О Косме, конечно,— сказал Муснакаф.— А теперь не будете ли вы любезны дать мне руку?

— Пожалуйста.

Он подошел к Фебе (несомненно, апельсинами пахло от него; он прямо-таки источал этот запах), взял ее под руку и повел по скользким камням.

— Вот и наш транспорт,— сказал он.

Невдалеке стояла лошадь, разноцветная, как павлиний хвост, и жевала траву, что проросла между плитами, когда-то называвшимися дорогой.

— Эту дорогу проложил Король Тексас, когда хотел произвести впечатление на госпожу. С тех пор, конечно, она пришла в негодность.

— Кто такой Король Тексас?

— Теперь он обратился в камень,— объяснил Муснакаф, потопав ногами.— Совсем спятил, когда она его оставила. Видите ли, он любил ее больше всех на свете; камни это умеют.

— Я что-то никак не пойму, о чем это вы,— сказала Феба.

— Тогда садитесь,— ответил Муснакаф.— Правую ногу в стремя, вот так. И р-раз!.. Хорошо. Отлично.

Он перекинул поводья и встал рядом с лошастью.

— Не упадете? — спросил он.

— Вроде бы нет.

— Возьмитесь за гриву. Смелее, она не обидится.

Феба сделала, как он сказал.

— А теперь,— провозгласил Муснакаф, осторожно потянув лошадь за собой,— позвольте мне рассказать вам про госпожу и про Короля Тексаса, чтобы вы ничему не удивлялись.

ii

Из состояния забытья Джо вывели вопли. Он поднял голову, оторвавшись от красного песка, которым был знаменит остров Мем-э Б'Кетер Саббат, и оглянулся на море. В двух

или трех сотнях ярдов от берега на волнах покачивался добрый старый «Фанакапан», и на борту его теперь было полно пассажиров. Они сидели на крыше рубки, висели на мачте и на веревочных лесенках; кто-то даже уцепился за якорный трос. То ли неподъемная тяжесть, то ли суета пассажиров доконала ветхое суденышко: на глазах у Джо «Фанакапан» накренился, и две дюжины пассажиров попадали в море. Вопли стали громче.

Джо встал и смотрел на крушение как заворуженный, не в силах оторвать глаз. Люди, упавшие в воду, пытались забраться на борт, кто-то им помогал, кто-то толкал обратно. В итоге «Фанакапан» опрокинулся, за две секунды очистив от пассажиров все свои мачты, рубку и палубу. Когда он перевернулся, обшивка треснула, и корабль начал тонуть.

Это было внушающее жалость зрелище. Несмотря на небольшой размер судна, «Фанакапан» нарушил спокойствие моря. Оно вспенилось, и поднявшиеся волны накрыли собой десяток человек. Люди кричали, ругались, споря со смертью, хотя, как подумал Джо, им не грозила опасность утонуть. Он ведь провел под этой водой несколько минут вместе с Фебой и не задохнулся. Возможно, и с этими людьми, едва живыми от страха, произойдет то же самое. Впрочем, неизвестно. Вода бурлила, и по виду волн можно было предположить, что море сновидений, обошедшееся с Джо так ласково, способно на жестокость.

Джо отвернулся и оглядел берег. Он давно не наблюдал такого оживления. На берегу, насколько видел глаз (а видел он далеко), суетились сотни людей. Небеса оставались темными, свет исходил от предметов. Слабое их свечение сливалось и освещало остров довольно ярко.

Джо посмотрел на себя — на заляпанную кровью одежду, израненное тело — и осознал, что он тоже светится, словно каждая его клетка хочет заявить о себе. Он развеселился. Значит, и он отчасти принадлежит этому удивительному, чудесному миру.

Он пошел по берегу по направлению к выросшим вдоль берега огромным деревьям, заслонявшим собой даль. Джо уже догадался, что попал на Мем-э Б'Кетер Саббат. Ной всю

дорогу расписывал ему здешний красный песок: нигде, ни на одном другом острове нет ничего подобного. Но что здесь есть, кроме песка, Джо понятия не имел. Он знал, что Эфемерида — не остров, а архипелаг. Как гласила легенда, он образовался из каких-то обломков, попавших сюда из Косма. Частью этих обломков были *живые останки*, преобразованные волшебством моря снов. Однако по большей части это частицы неживой материи, провалившейся в щель из Альтер Инцендо. Со временем Субстанция превратила их в небольшие равнинные острова, а вокруг них возник архипелаг. Островков в архипелаге теперь, как сказал Ной, насчитывалось около тысячи, и большинство их необитаемы.

Джо спросил, как звали человека, основавшего на острове город, который Ной именовал своей родиной. Ной этого не знал, но, сказал он, в великом городе Б'Кетер Саббат есть те, кому это известно. Если Джо им понравится, возможно, они откроют ему тайну.

Теперь зыбкая надежда на это рухнула, о ней можно забыть. Люди, пытавшиеся уйти на «Фанакапане», явно были беженцами — скорее всего, из того самого города. Даже если Б'Кетер Саббат еще не лежит в руинах, он наверняка опустел.

Тем не менее именно туда решил отправиться Джо. Он зашел слишком далеко, он уже заплатил слишком высокую цену. Попасть сюда и не увидеть город, считающийся, по уверениям Ноя, жемчужиной Эфемерид — местный Рим, Нью-Йорк, Вавилон,— было бы непростительно. И даже если ему это не удастся, если за кромкой прибрежного леса нет ничего, кроме голой пустыни, все равно это ничем не хуже, чем бродить по берегу среди отчаявшихся, испуганных людей.

И он двинулся в глубь острова. Он почти отбросил мечту о силе, с какой отправился в путешествие. Осталось лишь одно простое желание: увидеть то, что можно увидеть, узнать то, что можно узнать, пока он окончательно не потерял собственную силу.

VI

i

Когда Феба и Муснакаф вошли в Ливерпуль, город поначалу показался довольно мрачным: общественные здания пусты и сумрачны, жилые дома темнеют унылыми рядами. Но вскоре впечатление переменилось. Они проходили мимо особняков, где шумело веселье, порой выплескивающееся на улицу. На площадях жгли праздничные костры, вокруг них плясали люди. По пути Фебе и ее провожатому встретилась даже колонна детей, громко распевавших какую-то песню.

— Что у вас за праздник? — спросила Феба.

— Это не праздник,— ответил Муснакаф.— Они просто используют время, какое у них еще осталось.

— До прихода иадов?

Он кивнул.

— А почему они не пытаются покинуть город?

— Многие так и сделали. Но другие решили, что смысла в этом нет. Зачем бежать в Трофетт или Плетозиак, куда иады все равно доберутся, если можно встретить их дома, среди друзей и семьи, упившись до бесчувствия.

— А у вас есть семья?

— Моя семья — госпожа,— отозвался он.— Больше мне никто не нужен. И никогда не был нужен.

— Вы же сказали, что она сумасшедшая.

— Это преувеличение,— добродушно отозвался он.— Так, самую малость не в себе.

Наконец они подошли к трехэтажному дому, стоявшему в глубине присыпанного снегом сада. Во всех его окнах горел свет, но вечеринки здесь не было. Слышались лишь крики чаек: они сидели на крыше и на каминных трубах, наблюдая за тем, что творилось на море. С этого места вид открывался отличный, и Феба залюбовалась шпилями и белыми от снега крышами, спускавшимися к докам и к гавани, где стояло на якоре не менее десятка судов. Феба мало понимала в кораблях, но при виде их что-то дрогнуло в душе, будто она снова вернулась в те времена, когда мир казался ей тайной. Теперь для нее осталось лишь одно не исследованное море — море сновидений, где плавали вот такие элегантные стройные парусники.

— На этом наша госпожа и сделала свое состояние,— проговорил Муснакаф, увидев, куда смотрит Феба.

— На кораблях?

— На торговле. Она у нас торговала грезами и нагрезила себе столько денег, что не сосчитать. И счастье у нее было. Пока не появился Король.

Муснакаф, как и пообещал, по пути рассказал Фебе про Короля Тексаса, и это оказалась печальная история. Король соблазнил госпожу, а потом она ему надоела, и он ушел к другой женщине. Она ужасно по нему тосковала и несколько раз пыталась покончить с собой, но, наверное, жизнь не хотела ее отпускать, потому что она всякий раз оставалась жива.

А потом, много лет спустя, Король вернулся и попросил прощения. Он хотел, чтобы она снова пустила его в свое сердце и в свою постель. Против всех ожиданий, госпожа отказала ему. Он изменился, сказала она. Того, кого она любила, и потеряла, и оплакивала всю жизнь, больше нет.

— Если бы ты остался,— сказала она,— может быть, мы изменились бы вместе и не перестали друг друга любить. Но сейчас мне от тебя ничего не нужно. Ты — лишь воспоминание.

История показалась Фебе невыносимо печальной, как и упомянутая торговля грезами, хотя она с трудом представляла себе, что это значит.

— Разве можно продавать и покупать сны? — спросила Феба.

— Продавать и покупать можно *все*,— ответил Муснакаф.— Вы же из Косма, вы должны знать.

— Но сны...

Он поднял руку, останавливая ее расспросы, подошел к воротам, открыл их ключом, висевшим у него на поясе, и они с Фебой двинулись к парадному крыльцу. Там он остановился и дал ей последний совет:

— Госпожа непременно начнет расспрашивать вас о Косме. Отвечайте ей, что это юдоль слез, и она будет счастлива.

— Ведь так и есть,— согласилась Феба.

— Вот и хорошо,— кивнул он и начал подниматься по ступенькам.— Да, еще одно,— добавил он.— Вполне возможно, что вы решите ей поведать, как я спас вас от неминуемой смерти. Если захотите немного приврать, не стесняйтесь. Пусть наша история будет немного более...

— Героической?

— Драматической.

— О да, конечно. Драматической,— повторила Феба, улыбаясь.— Разумеется.

— С тех пор, как к нам не заходят моряки, у нее остался только я. А я хочу, чтобы она чувствовала себя защищенной. Понимаете?

— Понимаю,— ответила Феба.— Вы ее любите так же, как Король Тексас.

— Я этого не говорил.

— И не нужно говорить.

— Нет, это... Я не это... Она про это...— Его красноречие разом куда-то исчезло.

— Вы хотите сказать, она не знает об этом?

— Я хочу сказать...— пробормотал он, не отрывая глаз от пола,— я хочу сказать, если бы она и знала, ничего бы не изменилось.

Пряча глаза от Фебы, он отвернулся и быстро одолел оставшиеся до двери ступеньки. Дверь открылась, и он вошел в полутемную прихожую, где прикрученные лампы едва го-

рели и в их полумраке можно было легко спрятать свою печаль.

Феба последовала за ним. Муснакаф повел ее по узкому коридору с высокими потолками в заднюю половину дома.

— В кухне вы найдете еду. Угощайтесь.

С этими словами он оставил ее и двинулся наверх по укрытой пышным ковром лестнице, а колечки его позвякивали в тишине.

Кухня, как оказалось, была устроена очень современно по мерке примерно двадцатых годов, но вполне годилась для того, чтобы усталое тяжелое тело Фебы наконец-то передохнуло. Там горел камин, куда она сразу же подбросила пару поленьев, имелась огромная железная плита с огромными кастрюлями, в которых можно было бы сварить обед человек на пятьдесят, и не меньшее количество запасов. На полках стояли консервы, горшки и корзинки с овощами, фруктами, хлебом, сыром и кофе. Отогреваясь, Феба постояла пару минут возле камина, а потом принялась сооружать себе сэндвич. Она нашла говядину, свежую и мягкую, как сливочное масло; хлеб был как из печки, пикантный сыр — в меру вызревший. У Фебы слюнки текли, пока она все это резала и складывала. Вышло очень вкусно. Она налила себе фруктового сока и уселась в кресло возле огня.

Она ела, пила, а мысли ее тем временем плыли обратно — на берег, к трещине, и назад, в Эвервилль. Ей казалось, будто прошло много дней с тех пор, как они с Теслой стояли в пробке на Мейн-стрит и спорили, реальные люди или нет. Сейчас тот спор показался ей совсем глупым. Она сидела перед настоящим камином в доме, где торговали снами, ела сэндвич с говядиной, и все это было не менее реально, чем тот мир, откуда она пришла. Феба нашла в этом огромное для себя утешение. Реальность событий означала, что Феба играет по правилам. Она здесь не научится летать, но за ней и не станет охотиться дьявол. Это просто другая страна. Кое-что, разумеется, выглядит странно, но ничуть не более, чем Африка или Китай. Нужно просто привыкнуть, вот и все.

— Госпожа хочет вас видеть, — возвестил Муснакаф, появляясь в двери.

— Хорошо,— откликнулась Феба. Она встала, и вдруг у нее закружилась голова.— Ой,— сказала она, заглянув в чашку.— Сок-то у вас забродил.

Муснакаф позволил себе улыбнуться.

— Это брусничный,— сказал он.— Неужели никогда не пробовали?

Она покачала головой, и зря: перед глазами все поплыло.

— Боже мой! — воскликнула она, снова опускаясь в кресло.— Может, мне подождать несколько минут?

— Нет. Она хочет видеть вас сейчас. Поверьте, ей наплевать, трезвая вы или нет. Она и сама редко бывает трезвой.— Он подошел к Фебе и помог ей подняться.— Не забудьте, о чем я вам сказал.

— Король Тексас,— промямлила она, пытаясь привести мысли в порядок.

— Нет! — воскликнул он.— Не смейте даже упоминать о нем!

— А что тогда? — спросила она.

— Про юдоль слез,— напомнил он.

— Ах да. Конечно. Косм — юдоль слез.

На всякий случай она повторила это еще раз про себя.

— Запомнили?

— Запомнила,— ответила Феба.

Муснакаф вздохнул.

— Тогда идем,— решил он,— мы и так задержались.

И он повел ее по коридору и по лестнице в комнату, где Фебу ждала хозяйка этого странного дома.

ii

В прибрежном лесу деревья стояли так плотно, что их узловатые корни переплелись, как пальцы, а кроны сошлись и заслоняли небо. Тем не менее там не было сучка, листка или мшистой кочки, которая не излучала бы свет, и это существенно облегчало Джо продвижение. Ориентироваться в чаще было не на что, пришлось полагаться лишь на внутреннее чутье. И оно его не подвело. Не прошло и получаса, как лес начал редеть, и вскоре Джо вышел на открытое место.

Там перед ним открылся такой пейзаж, что можно стоять и разглядывать его неделю и все равно до конца не разглядеть. Впереди миль на двадцать раскинулись яркие от света поля — алые, зеленые и желтые — и заливные луга, золотые и серебристые. Дальше, на немыслимой высоте, подобно волне, грозившей вот-вот обрушиться, нависала стена тьмы, где явно таился Иад. Стена была не черной, а серой: тысячи оттенков серого, местами просвечивавшие багровым и красным. Не понять, из чего она состоит. Местами она походила на дым, местами блестела, будто перекачиваемый под кожей мускул. Она судорожно делалась и сокращалась, непрерывно воспроизводя себя самое. Войска или народа, скрытого за ней, не было видно. Волна вздымалась все выше и выше, но не падала.

Однако не волна заморозила Джо, а раскинувшийся внизу город в тени вздыбившегося неба — город под названием Б'Кетер Саббат. Гордостью Эфемериды назвал его Ной, и Джо, увидевший город издалека и не приближавшийся даже к окраине, уже готов был ему верить.

Город походил на перевернутую пирамиду вершиной вниз. С того места, откуда смотрел Джо, не было заметно никаких опорных конструкций. В городское нутро — это дома, решил Джо, хотя на вид они больше напоминали жилища летучих мышей — снаружи вели сотни тысяч разного рода лестниц. Размер города сравнивать было не с чем, однако Джо прикинул, что на верхней главной площадке легко поместится весь Манхэттен. Значит, городские башни — полтора десятка сооружений, по виду похожие на огромные свертки ткани, ниспадающие вниз бесчисленными складками, — насчитывали в высоту не одну сотню этажей.

В бесчисленных окнах горел свет, но Джо почти не сомневался, что в башнях никого нет. Дороги, ведущие из города, были забиты битком, над улицами и башнями взмывали вверх летательные аппараты со сверкающими лопастями.

Все это вместе являло собой столь захватывающее зрелище, что Джо с трудом подавил в себе желание устроиться меж гигантских корней деревьев и подождать, пока не рух-

нет волна. Но то же самое любопытство, что заставило его прийти сюда, теперь погнало его дальше — через болотистую низину, где росли прозрачные, как хрусталь, цветы, к ближайшей дороге. В толпе, покидавшей город, на всех лицах читались отчаяние и страх. Лица эти судорожно кривились, увлажнялись потом, а глаза — белые, золотые, синие или черные — то и дело устремлялись назад. Туда, где под нависшей тенью остался город.

Почти никто не обращал внимания на Джо. Те же, что замечали его, смотрели на него с жалостью. Джо показалось, что его принимали за сумасшедшего, поскольку он был единственным на этой дороге, кто двигался в сторону Б'Кетер Саббата.

iii

Госпожа Муснакафа сидела в постели — такой огромной, что в ней легко уместились бы человек десять. Обложившись со всех сторон десятком кружевных подушек, она рвала в клочья бумаги. Постель была усыпана ими, малейший сквозняк от окна или от камина поднимал в воздух сотню листков, и они шелестели, как листья. Комната показалась Фебе абсурдной в своем былом великолепии: потолок, расписанный нагими амурами, изрядно закопчен, зеркала на стенах потускнели и кое-где потрескались. Не лучше выглядела и сама госпожа: потускневшая и потрескавшаяся. Феба и Муснакаф стояли в изножье постели не меньше пяти минут, а госпожа, не обращая на них внимания, рвала листок бумаги и что-то бормотала себе под нос.

Свет исходил лишь от керосиновых ламп, стоявших на столах и столиках. Язычки пламени в них были еле видны, и в комнате, как и во всем доме, царил полумрак. Но и в полумраке хозяйка смотрелась ужасно. Ее поредевшие волосы, выкрашенные в черный цвет, лишь подчеркивали пергаментную бледность кожи, дряблую шею и глубокие морщины, прорезавшие лицо.

Наконец она заговорила, не отрывая глаз от своих бумажек и едва шевеля тонкими губами:

— Видала я таких, как ты, в прежние дни. Все при тебе. Мужчинам это нравится.

Феба промолчала. Она не оробела, но решила пока не открывать рот — вдруг эта карга заметит, что гостья нетрезва.

— Нет, меня не заботит, что нравится мужчинам, а что нет,— продолжала старуха.— Это в прошлом. И я рада, что мне безразлично.

Она подняла глаза. Они были воспалены и блуждали, не способные остановиться в одной точке.

— Если бы мне не было безразлично,— продолжала она,— знаешь, что бы я сделала? — Она выдержала паузу.— Ну, знаешь?

— Нет...

— Я нагрезила бы себе красоту,— сказала она, захихикав.— Я стала бы первой красавицей во вселенной. Такой, что стоило бы мне выйти из дома, и все мужчины падали бы к моим ногам.— Тут она перестала хихикать.— Как ты думаешь, получилось бы у меня? — спросила она.

— Я... Я думаю, да.

— Ты *думаешь*, надо же,— тихо пробормотала госпожа.— Что ж, позволь мне тебе сообщить: мне это сделать так же легко, как два пальца обмочить. Да. Без проблем. Не я ли создала из грез этот город?

— Вы?

— Я. Скажи ей, мой маленький Абре.

— Это правда,— подтвердил Муснакаф.— Она его нагрезила, и он стал таким, какой есть.

— Так что я легко могла бы превратиться в красавицу.— Госпожа снова замолчала.— Но решила не делать этого. А знаешь почему?

— Потому что вам все равно? — рискнула Феба.

Бумага, которую госпожа рвала, выпала из ее пальцев.

— Совершенно верно,— произнесла она удивленно.— Как тебя зовут? Фелиция?

— Феба.

— Еще хуже.

— Мне нравится,— не подумав, сказала Феба.

— Ужасное имя,— настаивала старуха.

— Вовсе нет.

— Если я сказала «ужасное», значит, ужасное. Подойди сюда.

Феба не шелохнулась.

— Ты меня слышишь?

— Да, слышу, только мне без разницы, что вы там сказали.

Старуха вытаращила глаза.

— Бог ты мой, да ты что? Не обижайся на такие пустяки.

На меня-то. Я стара, безобразна, меня мучают газы.

— Но ведь вам не обязательно быть такой,— возразила Феба.

— Кто тебе сказал?

— Вы,— ответила Феба, порадовавшись в душе, что не один год имела дело с упрямыми пациентами. Черта с два эта ведьма ее запугает.— Вы и сказали, две минуты назад...— Она заметила, как отчаянно жестикулирует Муснакаф, но уже не могла остановиться.— Сказали, что можете стать красавицей. Так почему бы вам не сделать себя красивой и без газов?

Наступило тяжелое молчание, и глаза госпожи забегали еще беспокойнее. Потом с губ ее сорвался смешок, а потом она расхохоталась в голос.

— Дочечка, ты поверила, ты поверила мне! — воскликнула она.— Ты действительно думаешь, что я стала бы *так* жить,— она подняла свои костлявые руки,— если бы у меня был выбор?

— Значит, на самом деле вы не можете ничего изменить?

— Когда я здесь появилась, то, наверное, могла. Тогда мне было всего-навсего чуть больше ста. Знаю, тебе кажется, что это много, но на самом деле ничего подобного. Тогда у меня был муж, и я молодела от его поцелуев.

— Король Техас? — спросила Феба.

Старухины руки упали на одеяло, а из груди вырвался судорожный вздох.

— Нет,— проговорила она.— Тогда я еще жила в Косме. Я любила его даже больше, чем Тексаса. И он тоже меня любил до беспамятства...— Лицо ее исказилось.— Не проходит,— пожаловалась она.— Боль утрат. Не проходит. Иногда я боюсь засыпать... Абре знает, бедный Абре... Я боюсь засыпать, потому что мне снится, как он снова меня обнимает. Потом становится так больно, что я боюсь спать, лишь бы не видеть этих снов.

Старуха вдруг заплакала. По ее морщинистым щекам потекли слезы.

— Господи, если бы я могла, я запретила бы любовь! Как было бы хорошо.

— Нет,— тихо ответила Феба.— Было бы совсем не хорошо.

— Погоди, ты еще никого не потеряла, не пережила тех, кого любила. Так, чтоб остались одни воспоминания. Тогда будешь лежать по ночам и бояться уснуть, как я.— Она пригладелась к Фебе.— Подойди поближе,— попросила она.— Дай мне тебя рассмотреть.

Феба выполнила ее просьбу.

— Абре, возьми-ка ту лампу. Придвинь поближе. Я хочу увидеть лицо женщины, которой нужна любовь. Вот так, вот так.

Госпожа подняла руку, словно хотела потрогать лицо Фебы.

— Есть ли в Косме сейчас какие-нибудь новые болезни? — спросила она.

— Да, есть.

— Страшные?

— И страшные тоже,— сказала Феба.— Одна, во всяком случае, очень страшная.— Тут она вспомнила, о чем просил Абре.— Наш Косм — юдоль слез.

Трюк сработал. Госпожа улыбнулась.

— Вот.— Она повернулась к Муснакафу.— Разве я не говорила?

— Говорили,— подтвердил он.

— Неудивительно, что ты оттуда сбежала,— сказала старуха, снова переключаясь на Фебу.

— Нет, я не...

— Что нет?

— Не сбежала. Я оттуда не сбежала. Я пришла сюда, потому что мне нужно кое-кого найти.

— И кто бы это мог быть?

— Мой... любовник.

Госпожа поглядела на нее с жалостью.

— Значит, ты здесь из-за любви? — спросила она.

— Да,— подтвердила Феба.— И если вы хотите знать, его зовут Джо.

— Я и не собиралась спрашивать,— проворчала госпожа.

— В любом случае, теперь вы знаете. Он сейчас где-то в море, и я пришла, чтобы его отыскать.

— Не получится,— объявила мегера, даже не потрудившись скрыть злорадство.— Полагаю, тебе уже известно, что здесь скоро произойдет?

— В общих чертах.

— Тогда ты должна сама понимать, что у тебя нет ни единого шанса его найти. Возможно, он уже мертв.

— Нет, это неправда,— возразила Феба.

— Откуда тебе знать? — спросила госпожа.

— Я была здесь во сне. Мы встретились где-то в Субстанции.— Тут она понизила голос, переходя на шепот: — Мы занимались любовью.

— В море?

— В море.

— Вы действительно занимались этим в Субстанции? — спросил Муснакаф.

— Да,— ответила Феба.

Тут госпожа снова взяла листок бумаги, покрытый, как заметила Феба, мелким бисерным почерком, и принялась его рвать.

— Ну и дела,— говорила она сама себе.— Ну и дела.

— Вы никак не можете помочь мне? — обратилась к госпоже Феба.

— Боюсь...— начал Муснакаф.

Но госпожа не дала ему договорить.

— Может, и сделаем это,— проговорила она.— Море безмолвно. Но есть в нем кое-кто, способный что-нибудь рассказать.

Она изорвала один листок и взялась за следующий.

— А что я получу взамен? — спросила она у Фебы.

— Хотите правду?

Госпожа наклонила голову набок.

— Ты что, солгала мне? — удивилась она.

— Я сказала то, что мне велели,— отозвалась Феба.

— Ты про что?

— Про то, что Косм — юдоль слез.

— Разве не так? — удивилась госпожа, и в голосе у нее прозвучало нечто, похожее на любопытство.

— Бывает, что и так. Жизнь у людей трудная. Но не все несчастны. И не всегда.

Госпожа хмыкнула.

— Хотя, наверное, вам не нужна правда,— продолжала Феба.— Наверное, для вас лучше сидеть, рвать любовные письма и думать, будто здесь лучше, чем там.

— Как ты догадалась?

— Про что? — спросила Феба.— Про то, что это любовные письма? По вашему лицу.

— Он писал мне их шесть лет каждый день. Обещал подарить весь этот чертов континент за один поцелуй, за одно объятие. Я ни разу ему не ответила. А он все писал и писал, писал и писал... эту сентиментальную чушь. А теперь я рву их.

— Если вы так его ненавидите,— предположила Феба,— наверное, вы его любили...

— Я же тебе сказала. Я в жизни любила лишь одного человека. И его больше нет.

— То было в Косме,— промолвила Феба. Не спросила, а лишь констатировала факт, коротко и ясно.

Госпожа подняла на нее глаза.

— Ты что, мысли читаешь? — спросила она очень тихо.— Откуда ты знаешь?

— При чем тут мысли? — ответила Феба.— Вы сами сказали, что этот город вам пригрезился. Значит, когда-то вы видели его наяву.

— Да,— согласилась госпожа,— видела. Очень давно. В детстве.

— Вы так хорошо помните детство?

— Лучше, чем нужно,— сказала старуха.— Видишь ли, у меня были большие надежды, и они не оправдались. Или почти не оправдались..

— Какие надежды?

— Я хотела построить новую Александрию. Город, где люди жили бы в мире и благополучии.— Госпожа пожалала плечами.— А что получилось?

— Что?

— Эвервилль.

Феба оторопела.

— Эвервилль? — переспросила она.

Какое отношение имеет безумная здешняя ведьма к ее спокойному, милому, мирному городку?

Старуха уронила очередное любовное письмо, которое хотела разорвать, и задумчиво посмотрела на огонь.

— Да. Ну что ж, ты тоже должна узнать правду.— Она перевела взгляд на Фебу и слабо ей улыбнулась.— Меня зовут Мэв О'Коннел,— сказала она.— Я и есть та самая дурочка, с которой начался Эвервилль.

VII

Раньше маршрут праздничного парада был простой. Он начинался на Поппи-лейн возле булочной Сирса, потом сворачивал на Эйкерс-стрит, оттуда на Мейн-стрит. Потом парад шел по Мейн-стрит — примерно около часа — до главной площади, где и завершался. Но с годами масштабы росли, и в начале восьмидесятых пришлось придумывать новый маршрут, чтобы удовлетворить ожидания и участников, и зрителей. Общественный комитет фестиваля, просидев с шести почти до полуночи в продыmlенной комнатке над офисом Дороти Баллард, нашел простое и мудрое решение: парад начнется у здания муниципалитета, пройдет через весь город и, описав полный круг, вернется туда же. Таким образом, путь процессии удлинится втрое. Мейн-стрит и городская площадь, разумеется, оставались центральным местом шествия, но тамошним зрителям теперь придется еще дожидаться парада. Для самых нетерпеливых и для родителей с детьми предусмотрены открытые кафе на боковых улочках, прилегающих к Мейн-стрит. Там они смогут поесть, выпить и послушать музыку, да и видно оттуда неплохо — лучший вид только со столбов и подоконников.

— Оркестр сегодня в ударе, — сказала Мейзи Уэйтс, обращаясь к Дороти, когда они стояли около ресторанчика Китти и смотрели, как шествие медленно подходит к перекрестку.

Дороти просияла. В жизни не слышала слов приятнее и вряд ли гордилась бы ими больше — так подумала она про себя, — даже если бы была родной матерью всех музыкантов. Но вовремя сдержалась, решив что подобное замечание лучше оставить при себе. Вслух она сказала:

— Арнольда, конечно, все любили.— Она имела в виду Арнольда Лэнгли, который руководил оркестром двадцать два года и умер год назад в январе.— Но Ларри обновил репертуар очень неплохо.

— О, Билл говорит, из Ларри энергия так и бьет, — согласилась Мейзи. Ее муж десять лет играл в оркестре на тромбоне.— И новая форма ему тоже понравилась.

Форма обошлась городу недешево, но никто не сомневался, что деньги потрачены не зря. Ларри Глоски умел убеждать, благодаря чему в оркестр пришли несколько новых молодых музыкантов (только один из них местный, остальные приезжали из соседних городков), а новая форма, придавшая оркестру облик более современный и привлекательный, также пошла на пользу дела, вселила в артистов уверенность и бодрость. Уже поговаривали, что через пару лет они примут участие в большом конкурсе оркестров из всех штатов. Даже если они ничего там не выиграют, это будет вроде бесплатной рекламы фестиваля.

Значит, тут все отлично, отметила про себя Дороти. Она перевела взгляд на толпу. Людей собралось море, они стояли в пять или шесть рядов, так что ограждения едва выдерживали натиск. Гомон толпы заглушал все, кроме большого барабана, чей бой отдавался у Дороти в животе, будто там билось второе сердце.

— Знаешь, мне нужно что-нибудь съесть, — сказала она Мейзи.— Что-то голова кружится.

— О да, это не годится, — подхватила Мейзи.— Нужно перекусить.

— Да, сейчас, только подождем оркестр, — кивнула Дороти.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена. Не могу же я пропустить оркестр.

— Чувствую себя последним дураком,— сказал Эрвин. Долан ухмыльнулся.

— Никто нас не видит,— изрек он.— Эй, Эрвин, давай-ка веселее! Неужели тебе не хотелось участвовать в параде?

— Вообще-то нет,— признался Эрвин.

Они явились туда все — Диккерсон, Нордхофф, даже Конни — и дружно валяли дурака, вышагивая рядом с оркестром.

Эрвин не видел в этом ничего смешного. Во всяком случае, сегодня, когда в мире творилось что-то неладное. Разве сам Нордхофф не говорил, что нужно постараться защитить то, что вложено в Эвервилль? И вот пожалуйста — они забавляются, как дети.

— С меня хватит! — мрачно заявил он.— Нужно пойти и поймать того ублюдка в моем доме.

— Поймаем,— заверил Долан.— Нордхофф сказал, у него есть какой-то план.

— Кто там поминает мое имя всуе? — крикнул Нордхофф, оглядываясь через плечо.

— Эрвин считает, что мы теряем время.

— В самом деле? — проговорил Нордхофф, развернулся и подошел.— Возможно, участие в параде кажется вам глупой игрой, но это наш маленький ритуал, вроде вашего пиджака.

— Пиджака? — переспросил Эрвин.— Мне казалось, я его выбросил.

— Но вы нашли в карманах много напоминаний, не так ли? — спросил Нордхофф.— Частицу прошлого.

— Да, нашел.

— Вот так же и мы,— ответил Нордхофф и, запустив руку в карман обшарпанного смокинга, извлек оттуда горсть мелких вещиц.— То ли воспоминания, то ли некая высшая сила дает нам утешение. И я благодарен за это.

— Что вы хотите этим сказать? — не понял Эрвин.

— Что мы сохраняем себя, если сохраняем связь с Эвервиллем. Не важно, что нам помогает — старая рубашка или прогулка с оркестром. Функция у них одна: помочь нам вспомнить то, что мы любили.

— Что мы *любим*,— поправил Долан.

— Ты прав, Ричард. *Любим*. Теперь понимаете, что я хотел сказать, Эрвин?

— По-моему, есть способы и получше,— угрюмо буркнул Эрвин.

— Разве от этой музыки ваше сердце не бьется сильнее? — спросил Нордхофф. Он увлеченно маршировал, высоко поднимая колени.— Вслушайтесь в эти трубы.

— Хрипят, как не знаю что,— отозвался Эрвин.

— Господи, Тузейкер! — воскликнул Нордхофф.— Где же ваше ощущение праздника? Его нужно сохранять.

— В таком случае, да поможет нам бог,— сказал Эрвин, а Нордхофф повернулся к нему спиной и зашагал к трубачам.

— Догони его,— велел Эрвину Долан.— Быстро. Извинись.

— Да пошел ты к черту,— отмахнулся Эрвин и направился прочь, в толпу на тротуаре.

— Нордхофф — человек злопамятный,— сказал Долан.

— Без разницы,— бросил Эрвин.— Не собираюсь унижаться.

Вдруг он замолчал, увидев кого-то в толпе.

— Что такое? — поинтересовался Долан.

— Вон.— Эрвин показал на растрепанную женщину, пробиравшуюся сквозь толпу.

— Вы знакомы?

— О да.

До перекрестка оставалось яров сто, когда Тесла наконец заметила, куда идет. И остановилась. Через пару секунд ее догнал Гарри.

— Что случилось? — крикнул он.

— Нужно обойти! — тоже крикнула она в ответ, стараясь перекричать толпу.

— Ты знаешь как?

Тесла покачала головой. Наверное, вместе с Раулем она сообразила бы, как попасть к дому Фебы в обход, но теперь приходилось решать проблемы самостоятельно.

— Значит, будем продираться,— заключил Гарри.

Тесла кивнула и втиснулась в плотную толпу зрителей. Если бы только научиться управлять энергией массы, думала про себя она. Не растрачивать ее, а обратить на пользу.

Сжатая со всех сторон, не понимающая, куда надо идти и куда ее несет, Тесла, как ни странно, вдруг успокоилась. Ей все здесь нравилось. Прикосновения чужих тел, блестящие капли испарины на лицах, сияющие глаза, запах потных подмышек и леденцов — все это было прекрасно. Да, эти люди беспомощны и невежественны, фанатичны, агрессивны и в большинстве своем глупы. Но сейчас они радуются, смеются, поднимают детей на руки, чтобы те увидели парад, и Тесла в эту минуту радовалась родству с ними, если не любила их.

— *Услышь меня!* — кричал ей в этот момент Эрвин.

Она не обращала на него внимания. Однако Эрвин видел в ее лице нечто такое, что давало ему надежду до нее докричаться. Глаза Теслы сияли безумным блеском, на губах играла кривая усмешка. Эрвин не мог потрогать ее лоб, но почти не сомневался, что у нее жар.

— *Постарайся, услышь меня!* — продолжал взывать он.

— Ради чего ты так стараешься? — удивлялся Долан.

— Она много знает, больше, чем мы, — ответил Эрвин. — Она знает, как зовут ту тварь в моем доме. Я слышал, как она его называла. Киссун.

— Что с ним такое? — не оглядываясь, спросила Тесла у Гарри.

— С кем?

— Ты сказал «Киссун».

— Я ничего не говорил.

— Но кто-то сказал.

— Услышала! — обрадовался Эрвин. — Вот умница! Молодец!

Долан заинтересовался.

— Может, вместе попробуем? — предложил он.

— Хорошая мысль. Давай на счет «три»...

На этот раз Тесла остановилась.

— Ты опять не слышал?

Гарри помотал головой.

— Ладно,— сказала она.— Ничего страшного.

— Ты о чем?

Расталкивая толпу, она повернула к открытой двери магазина, и Гарри двинулся следом. Магазин — он оказался цветочной лавкой — по-видимому, давно закрылся, но запах цветов остался.

— Рядом со мной есть кто-то еще, не только ты, Гарри. И он со мной говорит. Его зовут Тузейкер,— сказала Тесла.

— Э-э... где же он?

— Не знаю. То есть я знаю, что он мертвый. Я была у него в доме. Там я и видела Киссуна,— говорила Тесла, пристально всматриваясь в толпу и пытаясь увидеть его, вернее их.— На этот раз он не один. Я слышала два голоса. Они хотят мне что-то сказать. Я не умею настраиваться.

— Боюсь, тут я бессилён,— сказал Гарри.— Не могу утверждать, что здесь никого нет...

— Хорошо,— перебила Тесла.— Дай-ка я просто постою и послушаю.

— Найдем местечко потише?

Тесла покачала головой:

— Рисуем их потерять.

— Хочешь, чтобы я отошел?

— Но недалеко,— попросила она и закрыла глаза, пытаясь отключиться от шума голосов живых и услышать голоса мертвых.

Дороты вдруг крепко вцепилась в руку Мейзи.

— Что с тобой? — испугалась Мейзи.

— Не... я не... Мне нехорошо,— сказала Дороты.

Вокруг нее все пульсировало, как будто в каждой точке мира забилось, как у нее в животе, еще одно сердце. Даже в земле под асфальтом, даже в глубине неба. И чем ближе грохотал барабан, тем пульсация становилась сильнее, так что в конце концов Дороты показалось, что сейчас мир лопнет, взорвется, развалится на части.

— Может, принести тебе чего-нибудь поесть? — спросила Мейзи.

С каждым шагом барабаны грохотали все громче: бум, бум.

— Салат с тунцом или...

Вдруг Дороти согнулась пополам, и ее вырвало. Стоявшие рядом люди расступились не так быстро, чтобы никого не запачкало, а ее выворачивало наизнанку, несмотря на почти пустой желудок. Мейзи подождала, пока спазмы не прекратятся, а потом потянула Дороти подальше от солнца в прохладу закускойной. Но Дороти то ли не хотела идти, то ли не могла.

— Сейчас все лопнет, — пробормотала она, глядя в землю.

— Все в порядке, Дотти...

— Ничего не в порядке. Тут сейчас все взорвется!

— О чем ты говоришь?

Дороти стряхнула с себя руку Мейзи.

— Нужно очистить улицу, — сказала она, делая шаг к кромке тротуара. — *Быстро!*

— Что там происходит? — спросил Оуэн, выглядывая из окна. — Ты знаешь эту женщину?

— Которую вырвало? Ага. Миссис Баллард. Большая стерва.

— Интересно, — отозвался Оуэн.

Теперь Дороти расталкивала толпу и что-то кричала, но в громе приближавшегося оркестра Оуэн не слышал ее слов.

— Кажется, с ней что-то не так, — сказал Сет.

— Похоже, — кивнул Оуэн, отошел от окна и направился к выходу.

— А вдруг она увидела аватар? — крикнул ему в спину Сет.

— Вполне возможно, — согласился Оуэн. — Очень даже возможно.

В толпе возле закускойной Китти слова Дороти Баллард были услышаны. Перед ней расступались на тот случай, если ее снова вырвет. Какая-то девушка возле ограждений — веро-

ятно, слегка захмелевшая — не успела отойти, и Дороти ее оттолкнула. Турникет упал, а Дороти, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие, вылетела на перекресток.

Шедший перед оркестром Ларри Глоски увидел возникшую вдруг на его пути миссис Баллард и оказался перед непростым выбором. На размышления у него было секунд десять: или остановить оркестр, а вместе с ним и все шествие, или довериться судьбе и надеяться на то, что кому-нибудь хватит ума убрать с дороги эту старую суку, пока они не столкнулись. Впрочем, на самом деле не было тут никакой дилеммы. Дороти одна, а их много. Он поднял жезл повыше и взмахнул им так, словно перечеркнул стоявшую перед ним женщину.

— Я слушаю,— пробормотала Тесла.— Слушаю, как только могу.

Порой ей начинало казаться, будто она слышит какой-то шепот, но в голове звенело от голода и от жары. Если ей и впрямь хотели что-то сказать, она не могла разобрать ни слова.

К тому же что-то случилось на перекрестке, и Тесла отвлеклась. Толпа там заволновалась. Тесла привстала на цыпочки, но головы, машущие руки, воздушные шары заслоняли обзор.

Гарри, однако, сумел кое-что рассмотреть.

— Там женщина посередине улицы, она кричит.

— Что кричит?

Гарри вытянул шею, прислушавшись.

— По-моему, она уговаривает людей разойтись.

Внутреннее чутье, которое раньше она отнесла бы на счет Рауля, заставило Теслу немедленно втолкнуть Гарри в разгоряченную, потную толпу и удалиться от этого дверного проема.

— Уходим! — крикнула она Гарри.

— Почему?

— Перекресток! Все как-то связано с чертовым перекрестком!

— Ты их видишь? — спросил Сет, пока они с Оуэном продирались в передний ряд.

Оуэн не отвечал. Он боялся, что если раскроет рот, то не выдержит и закричит: от боли, от страха, от предвкушения. Поднырнув под ограждение, он вышел на открытое пространство улицы.

Он знал, что сейчас самый опасный момент, когда все решали секунды. Он не ожидал, что это произойдет так скоро. Впрочем, он не был уверен, что настал именно тот момент, *момент истины*; но это ничего не меняло — нужно действовать. Солнце внезапно стало палить беспощадно, затылок пекло, мозги плавилась, и асфальт тоже плавился. Скоро здесь все поплывет, как в том самом видении, которое явилось им с Сетом. Плоть растает, а из пламени возгорится Искусство.

— Уходите! — кричала Дороти толпе, размахивая руками.— Уходите, *пока не поздно!*

— Она что-то видела,— пробормотал Оуэн.

К Дороти побежали люди, чтобы ее увести, и Оуэн пропустил бегом, чтобы добраться до нее первым.

— Все в порядке! — кричал он на бегу.— Я врач!

Этот трюк всегда действовал безотказно, подействовал и на этот раз. Его пропустили.

Ларри увидел, как доктор обнял бедную Дороти, и произнес про себя коротенькую благодарственную молитву. Только бы этот врач увел ее в сторону — ну, быстрее же, *быстрее!* — и все будет как надо. Кто-то в его рядах крикнул:

— Ларри, надо остановиться!

Но Ларри сделал вид, будто не слышит. До того места, где врач вразумлял Дороти, оставалось десять шагов.

Нет, уже девять. Девять шагов — это много. Восемь..

— Что вы увидели? — спрашивал Оуэн.

— Здесь сейчас все взорвется! — восклицала Дороти.— Господи, господи, сейчас все взорвется!

- Что взорвется? — спросил он.
Она покачала головой.
— Говорите же! — рявкнул он.
— Все,— ответила она.— Вообще все!

Гарри шел впереди и без особого труда прокладывал Тесле дорогу. На краю тротуара он приподнял цепь ограждения, и Тесла, нырнув под ней, выбралась на проезжую часть. Не считая оркестра и ее самой, там стояли еще человек десять, но имели значение только трое из них. Во-первых, женщина, стоявшая на перекрестке в самом его центре; во-вторых, мужчина с бородой, который с ней разговаривал; в-третьих, молодой человек в нескольких шагах от Теслы. Последний как раз в этот момент крикнул:

— Будденбаум!

Человек с бородой оглянулся, и Тесла увидела его лицо. Вид у него был кошмарный: глаза горели, каждый мускул под кожей вздулся.

— Я здесь! — крикнул он молодому человеку неожиданно пронзительным голосом и снова повернулся к женщине, пребывавшей в каком-то безумном состоянии. Она вдруг начала вырываться, и блузка у нее расстегнулась от ворота до пояса, открыв лифчик и голый живот. Она, похоже, этого не заметила. Зато заметили в толпе. Толпа взревела — раздался свист, улюлюканье и аплодисменты. Женщина отбивалась и пятилась от Будденбаума...

Ларри не поверил глазам. Едва он решил, что все в порядке, как Дороти отскочила от врача, развернулась и, полуголая, понеслась напрямиком на него.

Ларри закричал:

— Стой!

Но было поздно. Чертова дура Баллард налетела на него, он не устоял и повалился на первый ряд, где шли тромбонисты. Двое сразу рухнули на землю, увлекая за собой других, а Ларри приземлился сверху. Толпа вновь взревела от восторга.

Очки у Ларри упали. Без них все стало как в тумане. Выбравшись из свалки, он зашарил по асфальту руками.

— Отойдите! — кричал он. — Пожалуйста! Отойдите!

Никто его не слышал. Люди суетились. Он видел их расплывчатые фигуры, слышал крики и брань.

— Мы погибнем! — услышал он вдруг чье-то рыдание рядом.

Ларри не сомневался, что это Дороти, и — добрая душа — забыл на время про очки и повернулся, чтобы ее утешить. Но когда он поднял голову и взглянул туда, откуда слышался плач, там оказалась отнюдь не Дороти. Там была женщина — он видел ее отчетливо. Никогда в жизни Ларри не видел так хорошо. Женщина висела в воздухе, не касаясь ногами асфальта, но так, будто стояла. Ее шелковое платье свободно ниспадало. Пожалуй, слишком свободно. Шелковые складки облегли роскошную, пышную грудь и струились, сходясь внизу живота.

— Кто вы? — спросил он, но женщина не услышала.

Она в этот момент стала подниматься вверх, будто по невидимой лестнице. Ларри привстал, изо всех сил желая последовать за ней, она же оглянулась и бросила кокетливый взгляд не на Ларри — он точно это знал, — а на кого-то другого, кого она звала за собой.

Ох, как же она улыбнулась этому счастливику, этому ублюдку; и приподняла край платья, позволив ему любоваться своими прекрасными ножками. Потом она снова двинулась наверх и через несколько ступенек едва не столкнулась с другой женщиной, столь же прекрасной. Вторая женщина спускалась.

— Ларри!..

— На что он смотрит?

— Я нашел ваши очки.

— Что?..

— Ваши очки, Ларри.

Кто-то его толкнул, и Ларри пошел на голос, стараясь не потерять из виду женщину.

— На что вы смотрите?

— А вы не видите их?

— Кого?

— Женщин.

— Да возьмите же свои чертовы очки, Ларри!

Он нацепил очки. Мир приобрел привычные очертания. Но женщины исчезли.

— Господи, только не это...

Ларри быстро снял очки, но видение успело растаять в голубом летнем небе.

Среди всей неразберихи — Дороти Баллард бежала, Будденбаум пытался ее догнать, музыканты падали строем, как оловянные солдатики, — Тесла упрямо пробиралась к центру перекрестка. Понадобилось ей на это секунд пять, но и за эти мгновения она успела почувствовать бесконечное множество ощущений — от восторга до отчаяния. Саму ее при этом поворачивали то так, то этак, то грубо, то ласково, как будто что-то (или кто-то) рассматривало ее и изучало, испытывая на прочность. Та женщина, которая сбежала, явно не выдержала проверки. Она заходила слезами, как потерявшийся ребенок. А Будденбаум оказался покрепче. Он стоял в двух шагах от Теслы и смотрел себе под ноги.

— Какого хрена здесь происходит? — крикнула она.

Он не ответил. Ни единого слова.

— Вы слышите меня?

— Ни. Шагу. Дальше, — произнес он.

Несмотря на столпотворение на улице и на то, что говорил он почти шепотом, Тесла услышала его так же отчетливо, будто он сказал это ей прямо в ухо.

У Теслы промелькнула страшная мысль, и она тут же высказала ее вслух.

— Киссун? — спросила она.

На это он откликнулся:

— Киссун? — Он скривил губы. — Да он просто кусок дерьма. Откуда ты его знаешь?

Сразу же возник другой вопрос: если он не Киссун, но знает Киссуна, тогда кто же он?

— Так, просто имя,— ответила ему Тесла.— Доводилось слышать.

Лицо у него было что надо: желваки под кожей вздувались все сильнее, словно вот-вот лопнут.

— *Просто имя?* — повторил он, протянув к ней руку.— Киссун — не просто имя!

Тесла попятилась, но какая-то часть ее, вопреки здравому смыслу, вдруг обрадовалась противоборству. Она осталась на месте, даже когда он схватил ее за горло.

— Кто ты?

Ей стало страшно.

— Тесла Бомбек,— проговорила она.

— Ты — Тесла Бомбек? — переспросил он, не скрывая изумления.

— Да,— прохрипела она.— Может... отпустишь...

Но он лишь наклонился к ее лицу.

— Господи,— воскликнул он, и на губах у него заиграла кривая ухмылка.— Та самая наглая сучка.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ах, не понимаешь? Как же, как же. Ты пришла, чтобы отнять у меня все, ради чего я...

— Я не собираюсь ничего отнимать,— прохрипела Тесла.

— Врешь! — рявкнул Будденбаум и сильнее сдавил ей горло.

Защищаясь, она ткнула ему пальцем в глаз, но он не ослабил хватки.

— Искусство мое! — заорал он.— Ты не получишь его! Не получишь!

Ей не хватало воздуха, чтобы спорить и доказывать свою невиновность. Все вокруг пульсировало в ритме ее сердца. Она пнула Будденбаума по ноге в надежде, что он упадет, но он, судя по выражению лица, ничего не чувствовал. Только повторял:

— Мое... Мое...— И голос его, и лицо, и толпа, и улица с каждым ударом сердца становились все тоньше, бледнее, готовые исчезнуть.

— А мы знаем эту женщину? — спросил вдруг кто-то рядом с Теслой.

— По-моему, знаем,— отозвался другой.

Она не могла повернуться и взглянуть, кто там, но это было и не нужно. Она узнала по голосу. Это говорил глава местных привидений, с которым она познакомилась у Тузейкера, и он был не один.

Лицо Будденбаума уже подернулось легкой дымкой, но не успело окончательно исчезнуть, и вдруг Тесла увидела, как он посмотрел куда-то мимо нее и у него изумленно округлились глаза. Он что-то сказал; что именно, она не расслышала. Потом грянул гром, и справа над глазом у него появилась красная отметина. Тесла попыталась извернуться и понять происходящее, но тут пальцы Будденбаума разжались. Ноги у Теслы подкосились, и она опустилась на асфальт. Она села на корточки, хватая ртом воздух, а мозг тут же благодарно откликнулся, оценив ситуацию. Будденбаума застрелили. Это не отметина у него на лице, а след от выстрела.

Она не успела порадоваться. Едва рука ее коснулась асфальта, как ей стало не до него.

Всего один выстрел, и толпа пришла в движение. Смех и шутки мгновенно сменились испуганными воплями. Люди бросились врассыпную, и на перекрестке остались лишь тот, кто стрелял, и Тесла.

Д'Амур сунул пистолет в карман и пошел на середину перекрестка. Человек, в которого он стрелял, стоял и не падал, хотя из раны на лбу текла кровь, и это само по себе предполагало применение магии. Несмотря на солнце и многолюдье, чье-то заклятие подействовало и продолжало работать. Чем ближе Гарри подходил, тем сильнее ныли его татуировки.

Кроме того, он обнаружил и другие знаки. Асфальт как будто стал ярче и приобрел текучесть, словно тянулся в центр перекрестка. Такая же яркость появилась в воздухе, где замелькали какие-то тени, на мгновение заслоняя солнце. Дело было не в заклинании, и Гарри прекрасно это понимал.

Изменилась сама реальность, и она продолжала меняться: предметы делались зыбкими и теряли очертания, перетекая друг в друга.

Если так, то Д'Амур не сомневался, кто руководит этим: тот самый человек, которого он застрелил; тот, кто теперь повернулся к нему спиной, глядя на разбегающуюся толпу.

Гарри взглянул на Теслу. Она не шевелилась.

— Не умирай,— прошептал он и на секунду закрыл глаза, не в силах видеть сияние.

Аватары явились, Оуэн не сомневался. Он ощущал на себе их взгляды, и это было ни с чем не сравнимое чувство. Как будто на тебя смотрит Бог, ужасный и прекрасный.

Будденбаум также понимал, что это чувствует не только он. Ни один человек из рассеявшейся толпы не обладал его знаниями, но все они — даже самые тупые и безмозглые — должны были ощутить, что происходит нечто исключительное. Пуля, ранившая Оуэна, задела и их: добавила им в кровь адреналина, заставила ожить и увидеть знаки, на которые они не обратили бы внимания. Это читалось по их лицам, искаженным от страха, полным благоговейного трепета, по их широко раскрытым глазам и дрожащим губам. Будденбаум представлял себе нынешнее событие иначе, но до людей ему не было дела. Пусть тарашатся, думал он. Пусть читают молитвы. Пусть трясутся от страха. Сегодня они еще и не такое увидят.

Он перестал высматривать аватар — раз они уже здесь, какая разница, как они выглядят? — сел на корточки и потрогал землю. Правый глаз его был залит кровью, но видел он как никогда хорошо. Асфальт под ногами начал испаряться, и сквозь него блеснул зарытый здесь медальон. Оуэн положил руку на мостовую и застонал от удовольствия, как только его пальцы прошли насквозь теплый асфальт и рука потянулась к кресту.

Вокруг все пришло в движение. В воздухе слышались голоса (привидения, подумал Оуэн; что ж, чем больше участников, тем веселее), слева и справа возникли прозрачные фигу-

ры (слишком совершенные для людей из прошлого; наверное, явились из будущего, дождавшись своего часа), под ногами и над головой чувствовалась дрожь (когда он переделает мир по-своему, новое небо будет выложено мозаикой, а земля станет извергать молнии). И все это вызвала к жизни вещь, обладавшая силой, способной переменить мир,— зарытый на перекрестке крест. Он сейчас лежал в земле в нескольких дюймах от Оуэна.

— Какой ты красивый,— пробормотал Оуэн тем же тоном, каким разговаривал с хорошенькими мальчиками.— Ты очень, очень красивый.

Рука его погружалась все глубже в землю. Оставалось совсем немного, и...

Эрвин следовал за Теслой до тех пор, пока она не слилась с толпой. Тогда он остановился, глядя на царившую толчею. Докричаться до Теслы в таком шуме вряд ли удастся. Лучше подождать.

Долан оказался решительнее. Большой любитель развлечений, он просочился за ограждение и пошел по дороге, где асфальт почти плавился от жары. Он стоял в нескольких дюймах от Дороти Баллард, когда у той разорвалась блузка (вызвав всеобщее веселье); он оказался на пути пули, ранившей Будденбаума, и с любопытством смотрел, как она пролетает сквозь его тело.

Внезапно веселье закончилось. Эрвин увидел, как изменилось выражение лица Долана: в нем появилась тревога. Долан повернулся к Нордхоффу, склонившемуся над Теслой, и скорее простонал, чем сказал:

— Что-о-о...

Нордхофф не ответил. Он не мог оторвать глаз от раненого человека, сидевшего на корточках с рукой, погруженной в землю сквозь твердый асфальт. За то время, что Нордхофф смотрел, лицо у человека поменялось, словно он превращался в собаку или верблюда. Нос вытянулся, щеки отвисли, глаза округлились.

— О-о-о, ч-черт...— простонал Долан и, развернувшись, двинулся обратно на тротуар. На дороге стало небезопасно.

Эрвин, стоявший намного дальше, тоже почувствовал, как что-то притягивает его непрочную плоть. Карманы его пиджака треснули по швам, их содержимое устремилось к эпицентру, пальцы вытянулись, и лицо, кажется, тоже.

Долану пришлось еще хуже. Конечно, он находился дальше от центра, чем Нордхофф, Диккерсон и остальные, но он тоже не мог сопротивляться сокрушительной, выплеснувшейся вдруг силе. Он упал на колени, вцепился в землю и позвал Эрвина на помощь. Однако Долана уже волокло назад, тело его вытянулось, истончаясь, а потом он совсем растаял и превратился в лужицу на асфальте.

Эрвин зажал уши, чтобы не слышать криков, и пошел прочь по быстро опустевшей улице. Идти было трудно. Сила, исходившая от перекрестка, возрастала с каждой секундой, грозя подхватить и его и превратить в ничто. Он сопротивлялся изо всех сил и шагов через двадцать почувствовал, как притяжение слабеет. Через сорок шагов он замедлил шаг и оглянулся, ища глазами Долана. Но тот исчез. Как и Нордхофф, и Диккерсон, и остальные — призраки растаяли и слились с землей.

Отвлек его звук сирены. Приехали полицейские — Джек Джилхолли и еще два офицера, Клиф Кэмпбелл и Флойд Уикс. Вид у них был довольно мрачный.

Эрвин не стал смотреть, как эта тройца справится с подземными силами — вернее, как подземная сила справится с ними. Он прибавил шаг. Прежде он сам верил в закон, служил закону, считал его единственной силой, достойной управлять миром. Но эта вера осталась в другой жизни.

VIII

i

Тесла открыла глаза, когда Д'Амур попытался ее поднять.
— У нас проблемы,— сказал он и кивком головы указал на что-то.

Она поглядела туда, но отвлеклась на странное зрелище: оркестранты удирали на четвереньках, будто побитые животные. А в толпе, которая еще не разошлась, люди рыдали и молились, кое-кто даже опустился на колени посреди брошенных сумочек, бумажек, хот-догов и детских колясок. Тут зади толпы появились полицейские с оружием на изготовку.

— Стоять! — крикнул один полицейский. — Всем стоять!

— Придется послушаться,— сказала Тесла, оглядываясь на Будденбаума.

Руки того ушли под землю по локоть, и он шарил там, будто ласкал твердую почву, уговаривая ее открыться. Воздух подернулся обычной для жаркого дня дымкой, видения исчезли.

— Какого хрена он там делает? — пробормотал Д'Амур.

— Это как-то связано с Искусством,— ответила Тесла.

— Эй, вы двое, встать! — рявкнул полицейский. Потом крикнул Будденбауму: — И ты! Вставай! Ну-ка покажи руки!

Будденбаум как будто не слышал его и не подчинился. Полицейский повторил приказ. Будденбаум и ухом не повел.

— Считаю до трех,— предупредил Джек.

— Давай,— прошептала Тесла. — Пристрели ублюдка.

— Раз...

Джед медленно подходил ближе, а два его офицера следовали за ним, держа Будденбаума на мушке.

— Два...

— Джед,— произнес Флойд Уикс.

— Заткнись.

— Мне нехорошо.

Джед оглянулся. Лицо у его подчиненного стало желтым, как моча, глаза полезли из орбит.

— Прекрати,— приказал Джед.

Этот приказ тоже не был выполнен. Руки у Флойда затряслись, он уронил оружие, из груди его вырвался вздох, похожий на стон наслаждения. Потом он упал на колени.

— Я не знал,— пробормотал он.— Боже, почему... меня... никто *не предупредил?*

— Не обращай на него внимания,— велел Джед Клифу Кэмпбеллу.

Клиф подчинился, но лишь потому, что у него самого начались галлюцинации.

— Что происходит, Джед? — изумленно спросил он.— Откуда эти женщины?

— Какие женщины?

— Рядом с нами, со всех сторон,— проблеял Клиф, вертя головой.— Будто ты не видишь?

Джилхолли уже собирался ответить «нет», как вдруг осекся.

— Господи,— простонал он.

— Готова? — шепнул Д'Амур Тесле.

— Как штык.

Гарри еще минуту понаблюдал за Джилхолли — тот пытался сохранить над собой контроль.

— Этого не может быть,— заявил он и оглянулся, ища поддержки у Кэмпбелла.

Поддержки он не получил. Кэмпбелл стоял на коленях и хохотал как безумный. Джед в отчаянии поднял револьвер, целясь в воздух перед собой.

— Убирайтесь! — заорал он.— Предупреждаю! Буду стрелять!

— Уходи, пока ему не до нас,— сказал Д'Амур, и они с Теслой быстро зашагали прочь.

Джед заметил их бегство.

— Эй вы! Остановитесь...— Он умолк на полуслове, будто забыл, что дальше.— О господи,— выдохнул он, и голос его задрожал.— Господи, господи...

Потом тоже встал на колени.

Будденбаум на перекрестке застонал от досады. Что-то пошло не так. Только что земля сама открывалась для него, и сердце его наполнялось силой, и вдруг рот наполнился кислой слюной, а почва, обхватывавшая руку, начала твердеть. Оуэн выдернул ее, словно вытащил из нутра мертвого или издыхающего животного. От омерзения его передернуло, а на глаза навернулись слезы.

— Оуэн?..

Голос, конечно, принадлежал Сету. Тот стоял в двух шагах от Будденбаума, испуганный и жалкий.

— Что-то не так?

Будденбаум кивнул.

— А что?

— Может быть, это.— Будденбаум указал пальцем на свою рану.— Возможно, я просто отвлекся.— Он поднял голову и оглядел воздух.— Что ты видишь? — спросил он у Сета.

— Ты имеешь в виду женщин?

Оуэн сощурился:

— Я вижу лишь яркие пятна. Это женщины?

— Да.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Значит, это заговор,— решил он, потом взял Сета за руку, оперся на нее и с трудом встал.— Кто-то послал их сюда, чтобы мне помешать.

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто знал...— Он вдруг заметил удаляющуюся женскую фигуру.— Бомбек,— пробормотал он. Потом закричал: — Бомбек!

— Что ему нужно? — спросил Гарри, оглянувшись на Будденбаума.

— Он думает, я пришла сюда, чтобы отнять у него Искусство.

— А это так?

Тесла покачала головой.

— Я видела, что Искусство сделало с Яффом. А ведь Яфф готовился к этому. По крайней мере, он так считал.

Будденбаум двинулся к ним. Гарри полез за револьвером, но Тесла сказала:

— Так его не остановишь. Лучше просто уйти отсюда.

Она повернулась, но путь ей заступила неизвестно откуда взявшаяся девочка, смотревшая на них с самым серьезным видом. Девочка лет пяти была невероятно, до нелепости правильная: светлые кудряшки (как и положено пятилетним девочкам), белое платьице, белые туфельки и носочки. Щечки розовенькие, глазки голубенькие.

— Здравствуй,— проговорила девочка звонко и равнодушно.— Тебя зовут Тесла, да?

Тесла была не в настроении, чтобы болтать с детьми, даже с такими хорошенькими.

— Иди-ка лучше к маме и папе,— ответила она.

— Я смотрела,— сказала девочка.

— Не нужно на такое смотреть, детка,— вмешался Д'Амур.— Где твои мама с папой?

— Их здесь нет.

— Значит, ты одна?

— Нет,— покачала головой девочка.— Со мной Хахе и Йе.

Она оглянулась на дверь кафе-мороженого. Там сидел на ступеньках человек, похожий на клоуна — большеухий, большеротый и светлоглазый. Он держал в руках шесть трубочек мороженого и откусывал попеременно от всех. Рядом с ним стоял еще один ребенок — мальчик с довольно глупым лицом.

— Не беспокойтесь,— сказала им девочка.— Со мной все в порядке.— Она с любопытством посмотрела на Теслу: — Ты умираешь?

Тесла бросила взгляд на Д'Амура.

— Сейчас неподходящее время для подобных разговоров.

— Нет, подходящее,— невозмутимо заявила девочка.— Это очень важно.

— Почему бы тебе не поболтать с кем-нибудь другим?

— Потому что меня интересуют *вы*,— ответила девочка так же серьезно. Она подступила к Тесле на шаг и подняла руку.— Мы увидели твое лицо и подумали: эта женщина знает про дерево историй.

— Про что?

— Про дерево историй.

— О чем она? — спросила Тесла Д'Амура.

— Уже не важно,— произнес голос за спиной Теслы.

Тесла не оглянулась — она и так знала, что это Будденбаум. Голос его звучал до странности гулко, будто в пустом зале.

— Тебе следовало держаться от меня подальше, девушка.

— Плевать мне на твои дела,— огрызнулась Тесла. А потом, вдруг заинтересовавшись, повернулась к нему.— Просто так, ради любопытства: что это у тебя за дела?

Вид у Будденбаума был ужасный. Его трясло, лицо заливала кровь.

— Тебя они не касаются,— отрезал он.

И вдруг в их разговор вклинулась девочка.

— Ей можно сказать, Оуэн,— проговорила она.

Будденбаум сердито посмотрел на нее.

— У меня нет желания делиться с ней нашими тайнами,— упрямо ответил он.

— Зато у нас есть,— ответила девочка.

Во время этого странного разговора Тесла внимательно смотрела на Будденбаума, пытаясь хоть отчасти понять, что к чему. Девочку он явно хорошо знал и по какой-то причине боялся. Вернее, осторожничал, а не боялся. Снова Тесла по-

жалела, что у нее нет проницательности Рауля. Будь Рауль с ней, она бы уже поняла, что происходит.

— Ты плохо выглядишь,— сказал ей Будденбаум.

— На себя посмотри,— отозвалась Тесла.

— Я-то приведу себя в порядок, а ты.. Впрочем, тебе осталось недолго.

Говорил он ровно, но Тесла уловила в его голосе скрытую угрозу. Он не предсказывал ей смерть — он обещал ее.

— Прощайся с жизнью,— продолжал он.

— Это входит в программу? — поинтересовалась девочка. Тесла оглянулась и увидела, как та улыбнулась.— Да, Оуэн?

— Да,— подтвердил Будденбаум.— Входит.

— Хорошо, очень хорошо.— Девочка перевела взгляд на Теслу.— Увидимся позже,— пообещала она и отошла в сторону.

— Вряд ли мы еще раз увидимся,— сказала Тесла.

— Можешь не сомневаться,— ответила девочка.— Мы очень заинтересованы и в тебе, и в дереве.

Тесла услышала, как Будденбаум пробормотал что-то у нее за спиной. Тесла не расслышала, но у нее не было ни времени, ни желания просить его повторить. Она улыбнулась девочке на прощание и пошла вместе с Гарри своей дорогой. За спиной не смолкало бессвязное бормотание полицейских, подхваченное легким летним ветерком.

II

Трудно было поверить, что новость о случившемся еще не облетела весь город. Однако на улицах, по которым Тесла и Гарри шли к Фебе, стояла абсолютная, противоестественная тишина, как будто жители почувствовали опасность и решили, что надежнее всего не говорить о ней и не думать. Несмотря на жару, ставни и двери домов были закрыты. Дети не играли на газонах и тротуарах. Даже собаки попрыгались.

Это особенно удивляло, потому что день выдался прекрасный: в воздухе разливался сладкий запах августовских цветов, на небе ни облачка.

Они сворачивали за угол на улицу Фебы, когда Гарри сказал:

— Господи, как же я все-таки люблю этот мир.

Он сказал это так просто, с таким искренним чувством, что Тесла лишь покачала головой.

— А ты нет? — спросил Гарри.

— Слишком много дерьма, — ответила она.

— Сейчас его нет. Сейчас так хорошо, что лучше не бывает.

— Вспомни, что ты видел в горах, — напомнила Тесла.

— Я же не в горах, — отозвался Гарри. — Я здесь.

— Везет тебе, — пробормотала она, не в силах скрыть раздражение.

Он посмотрел на нее. Тесла казалась усталой, измученной и буквально едва живой. Ему захотелось обнять ее, пусть хоть на минуту, но Тесле это вряд ли понравится. Она замкнулась в своих мыслях и не нуждается в его утешении.

Она не сразу нашла нужный ключ на связке, которую ей дала Феба, но в конце концов они попали в дом. Там Тесла сказала:

— Мне нужно немного поспать. Мысли путаются.

— Конечно.

Она пошла наверх, но через два шага остановилась, повернулась и посмотрела на Д'Амура невидящим взглядом.

— Кстати, — проговорила она, — спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты сделал в горах. Иначе меня бы здесь... Господи... Ну, ты понимаешь.

— Понимаю. И не надо меня благодарить. Мы оба делаем одно дело.

— Нет, — промолвила она тихо. — Теперь вряд ли.

— Если ты поверила словам ребенка, то...

— Не она первая об этом подумала, — продолжала Тесла. — Я пять лет лезла из кожи вон, Гарри, и я устала.

Он хотел возразить, но она жестом остановила его.

— Давай не будем морочить друг другу голову,— сказала она.— Я сделала, что могла, но я больше не в силах. Пока со мной был Рауль, я еще делала вид, будто во всем этом есть смысл, но сейчас... Рауля нет.— Она передернула плечами.— Я не хочу больше, Гарри.

Тесла попыталась улыбнуться, но не сумела. Она нахмурилась, отвернулась и поплелась наверх.

Гарри сварил себе кофе и сел в гостиной — там везде валялись старые номера «ТВ-гида» и стояли наполненные окурками пепельницы,— чтобы спокойно обдумать происходящее. Кофе ему помог: в голове прояснилось, несмотря на усталость. Он сидел, смотрел в потолок и перебирал в памяти события последнего времени.

Он отправился в горы искать Киссуна, понадеявшись на туман и татуировки старика Войта, но не нашел или, по крайней мере, не узнал и не понял, в кого Киссун воплотился. Дети... Да, были еще дети, а также братья Grimm, Посвященный и Тесла Бомбек. Но человек, отправивший на тот свет Теда Дюссельдорфа и Марию Назарено, от него ускользнул.

Мысленно Гарри вернулся на Морнингсайд-Хайтс, в комнату Киссуна, надеясь обнаружить подсказку, ключ к новому перевоплощению его противника. Ничего подходящего Гарри не нашел, зато вспомнил про карты, взятые оттуда. Он порылся в кармане, извлек колоду и разложил на столе. Был ли ключ в этих картинках, Гарри не понимал.

Обезьяна, луна, зародыш, молния.

Могущественные символы.

Молния, рука, торс, отверстие.

Если это игра Киссуна, то Гарри не знал ее правил. А если не игра, то какого черта он таскал их с собой?

Почти безотчетно он раскладывал и перекладывал карты, стараясь найти хоть какую-то зацепку. Ничего не получалось. Несмотря на все могущество символов (а может быть, именно из-за него), ясности не прибавлялось, появилось лишь ощущение полной беспомощности.

Раздумья его прервал телефонный звонок. Видимо, в доме Коббов не доверяли автоответчикам, так что телефон звонил и звонил без остановки, пока Гарри не поднял трубку.

Мужской голос на другом конце провода звучал очень устало:

— Можно позвать Теслу?

Гарри ответил не сразу, и человек добавил:

— Это срочно. Мне *необходимо* с ней поговорить.

Теперь Гарри его узнал.

— Грилло? — спросил он.

— Кто это?

— Это Гарри.

— Господи, Гарри. Что ты там делаешь?

— То же самое, что и Тесла.

— Она там?

— Она спит.

— Мне нужно с ней поговорить. Я звоню весь день.

— Где ты?

— В пяти милях от города.

— От какого города?

— От *Эвервилля*, черт побери! Да позовешь ты ее или нет?

— Не мог бы ты перезвонить через час или...

— Нет! — заорал Грилло. Потом добавил спокойнее: —

Нет. Мне нужно поговорить с ней сейчас.

— Подожди минуту, — сказал Гарри, поставил телефон на место и направился будить Теслу.

Тесла спала одетой на широкой двуспальной кровати, а лицо у нее было до того измученное, что у него не хватило духу ее разбудить. Сейчас ей нужен только сон. Когда Гарри спустился вниз и взял трубку, в ней раздавались гудки. Связь прервалась.

iii

Во сне Тесла брела по нездешнему, странному берегу. Недавно выпал снег, но холодно не было. Легко ступая, Тесла шла к морю. Оно было темное, беспокойное, по воде бежа-

ли пенные гребни и мелькали человеческие тела, которые тащил на берег прибой. Они обращали к Тесле свои разбитые лица, словно хотели предупредить: нельзя входить в эти воды.

Выбора у нее не было. Море нуждалось в ней и звало. Честно говоря, ей не хотелось сопротивляться его зову. На берегу пустынно и жутко, а море, несмотря на плывущих мертвецов, скрывало в себе тайну.

И только когда она уже шла по воде и брызги падали ей на живот и на грудь, спящий мозг сообразил, куда она попала. По крайней мере, он вспомнил название этого моря.

— Субстанция.

Тесла произнесла это вслух, и море плеснуло в лицо, а отлив потянул за ноги. Она не стала бороться и послушно дала течению увлечь себя. Оно подхватило ее и понесло сильно и бережно, как нежный любовник. Волны вскоре стали громадными, и с гребня волны Тесла заметила на горизонте стену тьмы — точно такую же, какую она видела у Киссуна в Петле. Значит, там Иад. Блохи и горы, горы и блохи. Падая вниз с высоты волны, Тесла всякий раз уходила под воду, где ей открывалось другое зрелище: косяки рыб, огромные, как грозовые тучи. Среди рыб плыли светящиеся формы — наверное, души спящих, как и она сама. Тесле казалось, что она различает в этих формах лица влюбленных, умирающих и младенцев.

Она знала, к какой из трех групп отнести себя. Не младенец, не влюбленная, старая, безумная, она могла попасть сюда сегодня лишь по одной причине. Девочка с перекрестка, Идеальный Ребенок, оказалась права. Смерть подступала неотвратимо. Тесла Бомбек уснула в последний раз в своей жизни.

Мысль эта была неприятна, однако огорчаться было некогда. Путешествие требовало внимания. Вверх и вниз, на гребень и в пропасть; так ее принесло туда, где море — почему, Тесла не знала — стало таким спокойным, что в нем, как в зеркале, отражалось тревожное небо.

Сначала она решила, что в этих водах нет никого, кроме нее, и уже подумывала о том, чтобы собраться с силами и покинуть их. Но вдруг она заметила мерцание в глубине. Присмотревшись, она разглядела стайку светящихся рыб, всплывавших на поверхность. Тесла подняла голову и обнаружила, что она не одна. На поверхности моря сидел, будто на твердой земле, длинноволосый бородач и лениво чертил круги на зеркальной глади. Наверное, он все время был здесь, а она не видела, подумала Тесла. И тут он поднял глаза, будто почувствовав на себе ее взгляд.

Лицо у него было худое, костистое, с черными пронзительными глазами, но улыбнулся он приветливо, даже немного смущенно, словно извинялся за то, что она застала его врасплох. Это сразу же ей понравилось. Потом он встал и пошел к Тесле, а вода плясала у его ног. Длинная намокшая одежда его оказалась изорвана, и сквозь прорехи Тесла увидела грудь, испещренную мелкими шрамами, как от порезов.

Она пожалела его. У нее тоже были шрамы — и в душе, и на коже; и у нее тоже ничего не осталось от того, что она любила, — ни профессии, ни самоуважения, ни уверенности в завтрашнем дне.

— Мы знакомы? — спросил он, подойдя ближе.

Голос звучал хриловато, но ей понравился.

— Нет, — проговорила Тесла почему-то с трудом. — Помоему, нет.

— Кто-то говорил мне о тебе. Я уверен. Может быть, Флетчер?

— Ты знаешь Флетчера?

— Ну конечно, — ответил человек, снова улыбаясь. — Ведь именно ты помогла ему отлучиться.

— Я... Я не думала об этом с такой точки зрения... но... да, я.

— Послушай, — сказал бородач. Он присел рядом с ней на поверхности воды, легко державшей и Теслу. — Ты искала связь между вещами, и она действительно есть. Но тебе пришлось побывать в страшных местах. В местах, где все дышит смертью, где смерть уносит любовь, а люди теряют друг

друга и теряются сами. Только очень храбрая душа способна увидеть это и не отчаяться.

— Я пыталась быть смелой,— сказала она.

— Знаю,— тихо отозвался он.— Я знаю.

— Хочешь сказать, я вела себя не очень смело? Видишь ли, я туда не рвалась. Я была не готова. Я, знаешь ли, хотела просто писать сценарии, разбогатеть и стать счастливой. Тебе, наверное, это кажется глупым.

— Почему же?

— Ну, мне кажется, ты вряд ли любишь кино.

— Должен тебя удивить — я его люблю,— сказал он и опять улыбнулся.— Дело в том, что важны лишь сами истории, а не то, каким способом люди узнают их.

Тесла вспомнила девочку на перекрестке.

«Мы увидели твое лицо и подумали: эта женщина знает про дерево историй».

— При чем тут истории? — спросила она.

— Ты их любишь,— ответил он и перевел взгляд с ее лица на гладь воды.

Светящиеся формы, всплывавшие из глубин, почти добрались до поверхности. Вода вокруг них приходила в волнение.

— Ты любишь прошлое со всеми его историями и любишь их рассказывать, так? — продолжал он.

— Думаю, да,— согласилась она.

— Вот в них и есть та самая связь, которую ты искала, Тесла.

— В моих историях?

— В рассказах о жизни. Потому что любая жизнь, даже самая короткая, самая бессмысленная, подобна листку...

— Листку?

— Да, подобна древесному листку...

Он снова посмотрел на нее и замолчал, дожидаясь, пока она уяснит смысл.

— Листку дерева историй,— проговорила она.

Он одобрительно улыбнулся.

— Каждая жизнь — это страница, листок с дерева Книги Жизни. Просто, не так ли? — спросил он.

Вода под ним забурилась, ему стало трудно стоять. Очень медленно он начал погружаться.

— Видимо, мне пора, — сказал он. — Шу явились за мной. Почему у тебя такой несчастный вид?

— Потому что уже поздно, — ответила Тесла. — Почему я только сейчас поняла, что нужно было делать?

— Значит, раньше было не нужно. Ты занималась другим делом.

— Ничего подобного, — воскликнула она огорченно. — Я еще ничего толком не рассказала.

— Ну нет, — возразил он. — Одну историю ты рассказала.

— Какую? — взмолилась она в надежде, что он ответит, прежде чем скроется под водой. — Какую историю я рассказала?

— Свою, — ответил он. — Ты рассказала свою историю.

С этими словами он погрузился в волны.

Она посмотрела на бурлящую воду и увидела, как существа, которых он назвал «шу» — они походили на карака-тиц, и их собралось, наверное, не меньше миллиона, — окружили его со всех сторон и двинулись вместе с ним вниз по огромной спирали. Тесла смотрела ему вслед и отчаянно жалела, что больше его не увидит. Ей так хотелось с ним поговорить. Хотя кое-что у нее осталось: теперь Тесла знала, что ее история тоже нужна. Если она вернется, это послужит ей утешением.

Как только спиральное облако шу скрылось в глубинах моря, ее мир снова дал о себе знать. Зазвонил телефон, раздалась шага на лестнице.

— Тесла?

Она открыла глаза. Гарри просунул голову в дверь.

— Это Грилло, — сказал он. — Ему нужно с тобой поговорить. Он звонил еще час назад.

Смутно она припомнила, что слышала какой-то звук, похожий на телефонный звонок, когда шла по заснеженному берегу моря.

— Кажется, он не в форме.

Тесла встала и спустилась вниз. Возле телефонного аппарата лежал огрызок карандаша. Тесла написала на обложке телефонного справочника, на случай если вдруг забудет свой сон: «Я рассказала свою историю». Потом взяла трубку.

Как и сказал Гарри, голос у Грилло был больной. Значит, он не в лучшей форме. И она не в лучшей форме, и Д'Амур, и тот, кто ей сейчас приснился. Всем тяжело.

— Я сейчас в мотеле Стерджиса,— сказал Грилло,— вместе с Хови, Джо-Бет и их девочкой.

— Где это?

— В нескольких милях от Эвервилля.

— И какого черта вы там делаете?

— У нас не было выбора. Пришлось торопиться, и я знал, что нам понадобится помощь.

— Что случилось?

— Томми-Рэй ищет Джо-Бет.

— Томми-Рэй?

Грилло вкратце пересказал события последних дней. Тесла все еще думала о своем сне и слушала его невнимательно. Но когда тревога и страх, сквозившие в голосе Грилло, слились с образом бурного моря и человека, знавшего Флетчера, Тесла очнулась.

— Мне нужна твоя помощь, Тес,— говорил в это время Грилло. Тесла еще видела перед собой лицо того, кто ходил по воде.— Ау, Тес, ты здесь?

Ей пришлось собраться.

— Да, я здесь.

— Я сказал, мне нужна помощь.

— У тебя странный голос, Натан. Ты не болен?

— Долго объяснять. Слушай, скажи мне, где ты. Мы сейчас приедем.

Она тут же увидела перед собой, как Томми-Рэй со своей армией призраков идет по их городку. Не он ли, поддавшись разрушительной страсти, разнес собственный дом, когда внутри находилась его родная мать? Если он разгуляется в Эвер-

вилле, особенно во время бегства жителей из города (а ждать этого явно недолго), последствия будут ужасны.

— Оставайся там,— велела она.— Я сама приеду к вам.

Грилло не стал спорить. Он хотел одного — поскорее встретиться. Он сообщил Тесле адрес мотеля и попросил поспешить.

Гарри в кухне поджаривал тосты. Она пересказала ему разговор с Грилло. Д'Амур слушал без комментариев, пока она не сообщила, что уезжает.

— Значит, Эвервилль останется на мне? — спросил он.

— Значит, так.

Тесла хотела сказать: ей приснился последний сон, а значит, она не вернется; но это прозвучало бы чересчур мелодраматично. Нужно найти слова простые, точные, умные, но ничего подходящего на ум не приходило. Пока она раздумывала, Гарри сам заговорил о прощании:

— Знаешь, мне придется вернуться в горы, когда стемнеет. Если Иад идет оттуда, я хотя бы посмотрю на это. Я имею в виду... Наверное, мы больше не увидимся.

— Да. Наверное.

— У нас с тобой есть что вспомнить, правда? Я имею в виду... наша жизнь была...

— Классной.

— Потрясающей.

Тесла пожала плечами. Конечно, он прав.

— Мы оба ожидали, что все кончится иначе,— сказал Гарри.— Но в глубине души, наверное, мы хотели сделать что-то подобное.

— Наверное.

На этом разговор иссяк. Тесла подняла глаза и увидела, что Гарри смотрит на нее в упор и губы у него подозрительно вздрагивают.

— Ладно, желаю тебе как следует полюбоваться горными пейзажами,— сказала она.

— Непременно,— ответил он.

— Не лезь на рожон.

Тесла первая отвела взгляд, взяла куртку и пошла к двери. Ей хотелось вернуться, обнять его, но она сдержалась. Стало бы только хуже. Нет, пора заводить мотоцикл и уезжать.

Толпа зрителей, видевших окончание парада, давным-давно разошлась, но по Мейн-стрит еще бродили люди. Они покупали в лавочках сувениры или выбирали, где поужинать. Вечер был теплый, погода отличная, и праздничное настроение, пусть и подпорченное дневным происшествием, не ушло.

Пять лет назад Тесла тормознула бы здесь свой «харлей», не жалея взвизгнувших покрышек, и до хрипоты призывала бы всех уходить из города. Но сейчас она не стала тратить время. Она знала: одни улыбнутся, другие пожмут плечами, и все повернутся к ней спиной. По совести, их нельзя за это винить. Она заметила свое отражение в зеркале перед уходом. Еще несколько дней назад она была стройной и подтянутой — отмеченная своей целью, гордившаяся своими шрамами, — но теперь превратилась в жалкое убожество.

Но если даже люди не отвернутся, какой смысл их предупреждать? Если то, что она знает про Иад, соответствует истине, бежать некуда. Пускай эти люди повеселятся, не зная об уготованной им страшной гибели. Может быть, смерть придет быстро и они не успеют испугаться и придумать себе надежду. Да, надежда — это хуже всего.

Тесла проехала тот самый перекресток. Для этого пришлось сделать крюк, но ей нужно было взглянуть: не осталось ли там что-то важное, способное стать ключом к разгадке сегодняшних событий. Движение на улицах восстановилось, но машин было мало. Зато полно прохожих. Возле закулочной толкались любопытные, некоторые фотографировали памятное место. Никто не стоял на коленях и не молился. Одни разошлись, других увезли.

Тесла собиралась снова надеть шлем, когда вдруг услышала крик. Оглянувшись, она увидела, как от закулочной через дорогу к ней торопится Босли Праведный.

— Что ты сделала? — крикнул он, багровея от гнева.

— Где? — спросила она.

— Ты устроила всю эту... мерзость! — заявил он.— Я видел, ты была там.— Он остановился, не доходя до нее, словно боялся заразиться ее нечестивостью.— Я знаю, что ты задумала...

— Хотите мне все объяснять? — перебила она.— Не надо мне вашего дерьма про дьявола, Босли. Вы верите в него не больше, чем я. Ей-богу.

Он отшатнулся. Тесла увидела в его глазах такой страх, что гнев ее тут же улетучился.

— Знаете что? — сказала она.— Я сегодня, кажется, видела Иисуса.

Босли посмотрел на нее недоверчиво.

— По крайней мере, он ходил по воде, а грудь у него в рубцах, так что... Это ведь мог быть Иисус, правда?

Босли молчал.

— Простите, я не успела рассказать ему о вас, но если бы у меня хватило времени, я непременно попросила бы его взглянуть к вам. На пироги.

— Ты сумасшедшая,— сказал Босли.

— Не больше, чем вы,— ответила Тесла.— Берегите себя, Босли.

С этими словами она надела шлем и нажала на стартер.

Выехав за город, она прибавила газу и гнала на предельной скорости, точно зная, что ни шеф полиции, ни его помощники не станут сегодня ловить нарушителей скоростного режима. И не ошиблась. Она беспрепятственно неслась по пустой дороге на встречу с Грилло; но в конце пути ее поджидали объятия более холодные и крепкие, чем любые человеческие руки.

IX

i

«Не последний год живем,— думала Дороти Баллард, сидя у окошка своей гостиной, и голова ее слегка поплыла от легкого транквилизатора.— Будут еще фестивали и парады, будет шанс все исправить».

К счастью, она мало запомнила из того, что случилось на перекрестке, но добрые люди уже успели сказать, что это не ее вина, нет-нет, не ее вина. Она просто устала, она проделала огромную работу, она замечательно проделала эту работу, так что на следующий год, о да, на следующий год...

— Все будет прекрасно.

— Что ты сказала, дорогая? — вошла Мейзи с подносом, на котором несла пышный омлет и ржаную булочку.

— На следующий год все будет прекрасно, вот увидишь.

— Даже думать не хочу ни про какой следующий год,— ответила Мейзи.— Давай-ка разбираться с проблемами по мере их появления, ладно?

У Ларри Глодоски в этот момент память туманилась не от таблеток, а от пива. Он уже два с половиной часа просидел в баре у Хэмрика и тоже почувствовал себя лучше. Хотя ему не нужно было глушить страх — наоборот, он жалел, что все так быстро закончилось. Женщины, которых мельком он увидел в воздухе, были прекрасны. У Ларри чуть сердце не разорвалось, когда они исчезли.

— Налить еще? — спросил Уилл Хэмрик.

— Да, налей.

— И что ты обо всем этом думаешь?

Ларри покачал головой.

— Сплошная чушь лезет в голову,— ответил он.

Уилл поставил перед ним на стойку еще одну бутылку.

— Позавчера у меня тут был один тип,— сказал Уилл.—

Тоже заставил понервничать.

— Как это?

— Он пришел, как раз когда умер Мортон Кобб. И стал говорить, как это хорошо, что Кобб так умер,— мол, история вышла лучше некуда.

— Лучше некуда?

— Ну да. А я... Как это он меня назвал, черт?.. А я, он сказал, сеятель. Да, так: сеятель. А люди, значит, приходят ко мне, чтобы слушать про такие вещи...— Он вдруг сбился с мысли и всплеснул руками: — Каков сукин сын! И голос у него такой... Ну, вроде гипнотизера.

Ларри вдруг встрепенулся.

— Как, как он выглядел? — спросил он.

— Лет под шестьдесят. С бородой.

— Такой здоровый? В черном костюме?

— Точно, он,— кивнул Уилл.— Ты знаком с ним, что ли?

— Он сегодня там был,— отозвался Ларри.— По-моему, этот гад все и подстроил.

— Надо сказать Джеду.

— Джек!— прорычал Ларри.— От него никакого проку.— Он сделал глоток.— Лучше сказать нашим из оркестра. Они бы его за сегодняшнее...

— Осторожнее, Ларри,— посоветовал Уилл.— Не надо подменять закон. Ты же не хочешь, чтобы потом Джек искал тебя.

Ларри перегнулся через стойку, приблизил лицо к Уиллу.

— А мне плевать,— заявил он.— Что-то происходит в нашем городишке, Хэмрик, но Джек ничего не контролирует. Он понятия не имеет, что творится.

— А ты?

Ларри полез в карман и выложил на стойку три десятки.
— Я скоро буду,— сказал он, оттолкнулся от стойки и направился к двери.— Позвоню и скажу, когда нужно будет действовать.

К вечеру в городе полностью восстановилась видимость нормальной жизни. В муниципалитете разминались первые пары конкурса вальсов. В новом крыле библиотеки, достроенном два месяца назад, начинались чтения, где Джерри Тотленд — местный автор довольно милых и довольно известных детективов, печатавшийся в Портленде,— собирался прочесть отрывки из нового романа. А на Блейзмонт-стрит возле маленького итальянского ресторанчика выстроилась очередь из двадцати человек, желавших отведать шедевры неаполитанской кухни.

Конечно, говорили и о том, что произошло днем на параде, но эти слухи лишь добавляли пикантности фестивалю, не более того. Все, в особенности туристы, немного жалели, что толком никто ничего не разглядел. Тем не менее будет о чем поговорить, когда гости разъедутся. Нечасто случается, чтобы хваленый эвервилльский парад вот так осрамился среди бела дня.

ii

После страшных событий этого дня Эрвин не знал, куда себя девать. Разом, в одно мгновение, он потерял всех, кто у него был.

Эрвин толком не понял, что творилось на перекрестке, да и не желал этого знать. За последние несколько дней он видел много странного и многое понял, но сегодняшнее происшествие оказалось выше его понимания. Часа два он метался по улицам, как потерявшийся пес, выискивая местечко, где можно посидеть, послушать людские разговоры и хотя бы на время забыться. Но везде только и говорили, что о дневном событии.

Разговоры редко касались его напрямую, но случившееся стало их причиной, в этом Эрвин не сомневался. Почему именно сегодня супруги признавались в своих грешках и просили друг у друга прощения? Да потому, что почувствовали дыхание смерти и расчувствовались. Эрвин долго ходил от одного дома к другому в поисках утешения, покоя и тишины, а к вечеру догадался прийти на кладбище.

Солнце клонилось к закату, и он бродил среди могил, рассеянно читал эпитафии, освещенные косыми лучами, и размышлял, как дошел до жизни такой. Чем он провинился? Пожелал себе немножко мирской славы? Но с каких пор это стало тяжким грехом? Хотел вытащить на свет тайну, которой следовало оставаться в тени? Но и это не грех; по крайней мере, в его понимании. Значит, ему просто не повезло.

Он решил остановиться и присел на плиту под деревом, где впервые познакомился с Нордхоффом и всей честной компанией. Взгляд его упал на надгробие, и он прочел вслух эпитафию, высеченную на нем.

Я верю, разойдись с Фомой,
Что смерть не властна надо мной,
Что я смогу из гроба встать,
Вздохнуть и небо увидеть.
Пускай хрупка мечта моя,
Спаси, Господь, но выбрал я
Хранить ее за гранью тьмы,
Лишен неверия Фомы.

Эрвин от души растрогался, проникшись бесхитростной печалью этой эпитафии. Не успел он произнести последнего слова, как голос его предательски дрогнул, а из глаз хлынули слезы, давно рвавшиеся наружу.

Закрыв руками лицо, он сидел и рыдал. Зачем надеяться на жизнь после смерти, если все вокруг бессмысленно и пусто? Невыносимо!

— Неужели такие плохие стихи? — спросил сверху чей-то голос.

Эрвин оглянулся. В пышной предосенней листве он заметил какое-то движение.

— Покажись,— сказал он.

— Предпочитаю этого не делать,— ответил голос.— Я давным-давно усвоил, что на деревьях безопаснее.

— Смеешься ты, что ли? — воскликнул Эрвин.

— Что с тобой случилось?

— Я хочу обратно.

— Ах, вот оно что,— проговорил голос.— Это невозможно, так что не стоит себя зря терзать.

Человек на дереве уселся поудобнее, и крона качнулась.

— Их ведь больше нет?

— Кого?

— Да тех дураков, что здесь собирались. Ну, эти... Нордхофф, Долан...— «Долан» он будто выплюнул.— И все прочие. Я пришел сюда с гор, чтобы закончить с ними свои дела, а их и не слышно.

— Не слышно?

— Нет. Один ты. Куда они подевались?

— Трудно объяснить,— сказал Эрвин.

— А ты постарайся.

И он постарался. Рассказал все, что видел и чувствовал на перекрестке. При жизни, будучи адвокатом, он привык описывать мир в юридических терминах, и слов ему сейчас не хватало. Но так хотелось облегчить душу.

— Значит, их всех рассеяло?

— Похоже, именно так,— кивнул Эрвин.

— Так и должно было случиться,— сказал тот, кто сидел на дереве.— Это кровавое дело здесь началось, здесь должно и закончиться.

— Я знаю, о чем ты,— заявил Эрвин.— Я читал завещание.

— Чье?

— Подпись стояла: Макферсон.

Человек глухо зарычал, отчего Эрвин вздрогнул.

— Не смей произносить этого имени! — прикрикнул голос из ветвей.

— Почему?

— Потому! Но я говорил о другом убийстве, случившемся в этих горах, когда они еще не имели названия. И я долго ждал, чтобы посмотреть, чем все закончится.

— Кто ты? — спросил Эрвин.— Почему ты прячешься?

— Потому что ты достаточно увидел сегодня,— отозвался человек.— Тебе только меня и не хватало.

— Ничего, я как-нибудь выдержу,— заверил Эрвин.— Покажись.

На дереве помолчали. Потом голос произнес:

— Ну, как хочешь.

Ветки дрогнули, и человек стал спускаться вниз. Он оказался не таким уж страшным: в шрамах, покрытый шерстью, но все равно человек.

— Ну вот,— сказал он, спрыгнув с нижней ветки.— Теперь ты меня видишь.

— Я... Рад познакомиться,— проговорил Эрвин.— Я боялся, что останусь один.

— Как тебя зовут?

— Эрвин Тузейкер. А тебя?

Человек-зверь слегка поклонился:

— Позвольте представиться. Кокер Аммиано.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

Целый час Муснакаф потратил на то, чтобы подготовить хозяйку к путешествию по холодным улицам Ливерпуля. Фебе в это время было позволено осмотреть дом. Осмотр оказался печальным; все многочисленные комнаты с их огромными завлекательными кроватями и декадентскими зеркалами несли на себе печать запустения. Пыль, птичьи экскременты на окнах, и ни одной живой души, которая могла бы выглядывать в эти окна или преклонять голову на пуховые подушки. Может быть, обитатели дома спят? А если так, что им снится? Быть может, мир, откуда пришла Феба? Мысль, что существа, живущие в столь дивных комнатах, тоскуют по Косму, где она тосковала по волшебной стране, позабыла Фебу. Но потом она осознала печальный смысл своего предположения. Люди на разных берегах разделенного Субстанции мира живут в тоске и смятении, мечтая об участии друг друга. Она поклялась: если переживет это путешествие и вернется в Эвервилль, будет наслаждаться каждой прожитой минутой и не тратить время на пустые мечты.

Выйдя из комнаты, она поглядела на себя в большое зеркало, висевшее в коридоре, и громко сказала:

— Наслаждайся всем. Каждой минутой.

— Что вы сказали? — спросил появившийся в дверях Муснакаф.

Ей стало неприятно, что ее застали врасплох.

— Давно вы за мной наблюдаете? — спросила она.

— Несколько секунд. Вы хороши, Феба Кобб. В вас есть музыка.

— У меня нет слуха,— ответила она немного резко.

— Музыка музыке рознь. У вас поет душа, а не гортань. В вашем дыхании я слышу литавры, а когда воображаю вас без одежды, сразу представляю себе хор.

Она окинула его суровым взглядом, усмирившим самых строптивых пациентов, но он в ответ только улыбнулся.

— Не обижайтесь. В этом доме о подобных вещах всегда говорили открыто.

— Тогда и я скажу открыто. Я не хочу, чтобы вы разглядывали меня за моей спиной. Литавры там или нет, я не желаю слушать о том, какова я без одежды.

— Вам не нравится ваша нагота?

— Это наше с ней дело,— отрезала она, понимая, как абсурдно звучит эта фраза.

Муснакаф расхохотался, и Феба сама не смогла сдержать улыбку, при виде чего он захохотал еще громче.

— Я все равно скажу,— сказал он, отсмеявшись.— Наш дом видел много красивых женщин, но вы — одна из *самых* красивых.

Его непосредственность обезоружила Фебу.

— Что ж... спасибо.

— Не за что. А теперь, если вы готовы, нам пора — носильщики ждут. Нужно спускаться к морю.

ii

Уже через час после того, как он отправился по дороге, ведущей к Б'Кетер Саббату, Джо перестал сочувствовать покидавшим город беженцам. Он видел бесчисленные проявления грубости и жестокости: дети, нагруженные тяжелее родителей, избиваемые до полусмерти животные, богачи на верблюдоподобных скакунах, прокладывающие себе путь сквозь толпу, калеча бедных сограждан. Все то, что он уже видел в Косме.

Когда грустных впечатлений накапливалось слишком много, он переводил взгляд на город вдали, и его уставшее тело наливалось новыми силами. Жители Б'Кетер Саббата были ничуть не лучше его земляков, но их обиталище не могло сравниться ни с чем.

Что касается стены иадов, то она клубилась и дробилась, не двигаясь с места. Она нависала над городом, как громадный зверь, гипнотизирующий жертву взглядом. Джо надеялся только, что успеет добраться до города, погулять по его улицам и взойти на сияющие башни, прежде чем зверь прыгнет.

Когда он подошел на расстояние четверти мили к ближайшей лестнице — город громоздился над ним, как висящая в воздухе гора, — из бредущей навстречу толпы раздался крик. Навстречу Джо бросился какой-то человек с пепельно-серым лицом.

— Африка! — кричал он. — Африка! Ты живой! — Он приложил свои перепончатые руки к груди Джо. — Ты меня не помнишь, конечно?

— Нет.

— Я плыл с тобой на корабле, — заявил человек, и Джо узнал его. Это был один из набранной Ноем команды «Фанакапана»: приземистый широкоплечий тип с большим лягушачьим ртом. Теперь, когда он пришел в себя, от бывлой заторможенности не осталось и следа. — Меня зовут Уиксел Фи, Африка, — сообщил он, улыбаясь. — Я очень рад тебя видеть. Очень!

— Но почему? Ведь с тобой обращались как с дерьмом.

— Я слышал, что ты говорил Ною Сумма Суммаментис. Ты хотел нам помочь, и не твоя вина, что не получилось.

— Боюсь, что так. А где остальные?

— Погибли.

— Все?

— Все.

— Очень жаль.

— А-а, плевать! Там не было моих друзей.

— А почему же ты не умер? Ной говорил, что...

— Я знаю, что он говорил. Я слышал. У меня хороший слух и сильная воля, и я не хотел умирать.

— Значит, ты слышал, но не мог ничего сделать?

— Конечно. Он заколдовал меня.

— Так тебе было больно?

— Еще как.— Уиксел поднял свою правую руку: два из шести пальцев на ней превратились в кровоточащие обрубки.— И я хотел убить его, когда очнулся.

— А почему ты этого не сделал?

— Он силен, Африка, особенно здесь, у себя дома. А мой дом далеко.— Он посмотрел за спину Джо, на море.

— Там нет кораблей, Уиксел.

— А «Фанакапан»?

— Он утонул.

Уиксел воспринял известие философски.

— Значит, я переживу остальных ненадолго. Что ж, хорошо, что я встретил тебя, Африка.

— Меня зовут Джо.

— Я слышал, как мой враг называл это имя. Поэтому я не могу его употребить. Таков обычай моей страны. Поэтому я буду звать тебя Африка.

Джо это не особенно нравилось, но у него не было ни времени, ни сил спорить. Уиксел добавил:

— И я пойду с тобой обратно в Б'Кетер Саббат. Хорошо?

— Я буду рад твоему обществу. Но зачем тебе идти в город?

— Кораблей нет. Я встретил тебя в десятитысячной толпе. И ты можешь сделать то, что не могу я.

— Убить Ноя.

— Ты сам сказал это, Африка. Не я, а ты.

iii

В караване, спустившемся с крутого холма от дома на Каннинг-стрит, было девять человек. Феба и Муснакаф шли пешком; четверо носильщиков несли Мэв О'Коннел в удобном паланкине, и еще двое до зубов вооруженных людей со-

проводжали их — впереди и позади. Феба удивилась этому, и Муснакаф пояснил:

— Настали опасные времена. Кто знает, что может случиться?

— Иди со мной рядом,— попросила ее Мэв, когда они двинулись в путь.— Пора выполнить твою часть сделки. Расскажи мне о Косме. Впрочем, нет. Расскажи о городе.

— Сначала я задам один вопрос.

— Какой?

— Почему вы выдумали именно Ливерпуль, а не новый Эвервилль?

— В Ливерпуле прошло мое детство, полное надежд. У меня сохранились о нем хорошие воспоминания. Про Эвервилль я этого сказать не могу.

— Но вы все равно хотите узнать о нем?

— Хочу.

Не зная, какой именно аспект эвервилльской жизни интересует Мэв, Феба начала рассказывать обо всем подряд. О фестивале, о проблемах с почтой, о библиотеке, о Джеде Джилхолли, о закусочной Китти, о старой школе и хранившемся там архиве, о канализации...

— Погоди,— остановила ее Мэв.— Вернись немного назад. Ты что-то сказала про архив.

— Да...

— Это касается истории города?

— Да.

— А ты знакома с документами?

— Не очень, но...

— Тогда странно, что ты меня не знаешь.— Феба промолчала.— Скажи, что там говорится об основании города?

— Я точно не помню.

Внезапно Мэв завопила:

— Стойте! Все остановитесь! — Караван замер на месте. Мэв наклонилась в своем кресле и поманила Фебу к себе: — Послушай-ка. Я думала, что мы заключили сделку.

— Так и есть.

— Так почему же ты не хочешь сказать мне правду?

— Я... я не хотела вас огорчить.

— Матерь Божья, но разве это огорчение?

Она принялась расстегивать ворот плаття. Муснакаф заикнулся было о холоде, но Мэв смерила его таким взглядом, что он тут же замолчал.

— Смотри,— сказала она и открыла перед Фебой свою шею, которую опоясывал побелевший от времени рубец.— Знаешь, что это?

— Это напоминает... похоже, кто-то хотел вас повесить.

— Они и повесили. Оставили меня болтаться на дереве рядом с мужем и сыном.

— Что? — Феба была потрясена.

— Они ненавидели нас и хотели от нас избавиться. Муснакаф! Застегни мой воротник! — Пока он выполнял приказ, Мэв продолжила: — У меня был очень странный сын, он не любил никого и ничего. Меня он тоже не любил, как и отца. Постепенно люди стали ненавидеть его в ответ. И поскольку у них появилась причина вздернуть его, они сделали это, а заодно вздернули и моего бедного мужа. Видишь ли, Кокер не был человеком, он пришел в ваш мир, чтобы спасти меня, и жил по его законам, но люди все равно чувствовали, что он не похож на них. А я...— Мэв отвернулась и посмотрела на город, раскинувшийся внизу.

— Что вы?

— Я была тем, что они хотели забыть. Я была в начале... нет, не так. Я была началом. Была Эвервиллем, как будто его построили из моих костей. И Браули, Джилхолми, Хендерсонам и прочим отцам города не хотелось вспоминать об этом.

— И они убили вас за это?

— Они закрыли глаза. На убийство.

— Но почему же вы не умерли?

— Ветка сломалась. Все просто. Моему бедному Кокеру так не повезло. Его ветка была крепкой, и, когда я очнулась, он уже остыл.

— Какой ужас.

— Я никогда никого так не любила, как его.

Пока они говорили, Феба почувствовала, что земля начала дрожать. Муснакаф, очевидно, тоже это почувствовал и с тревогой в голосе обратился к Мэв:

— Может, лучше не говорить об этом? Хотя бы не так громко.

— Оставь! Он не посмеет тронуть меня. И не говори, что он не знал правды.

Феба не могла понять, о чем они, но решила не лезть с вопросами.

— А ваш сын? Что случилось с ним?

— Его растерзали звери. Похоже, он оказался вкуснее меня и Кокера.— Она немного помолчала.— Ужасно говорить так про плоть от плоти своей, но мой сын все равно не прожил бы долго.

— Он болел?

— Головой. И сердцем. Что-то в нем не заладилось с самого начала, и я даже думала, что он умственно отсталый. Я пыталась воспитывать его, но не очень успешно. Мне кажется, в нем жило зло. Очень большое зло. Пожалуй, лучше, что он умер. А у тебя есть дети?

— Нет,— ответила Феба.

— Считай, что тебе повезло.

Потом, внезапно сменив тон, Мэв крикнула носильщикам:

— А ну, живей! — И караван поспешил вниз по уступам холма.

Пока Феба гостила в доме у Мэв, состояние моря сновидений существенно изменилось. Корабли в порту уже не стояли мирно на якорях, а рвались с них, как испуганные кони у коновязи. Маяки у входа в гавань были потушены яростью волн.

— Я начинаю опасаться, что не смогу выполнить свою часть сделки,— сказала Мэв Фебе, когда они спустились с холма.

— Почему?

— Посмотри сама.— Мэв указала на берег, о который разбивались волны высотой в десять — двадцать футов.— Не думаю, что мне удастся поговорить с шу.

— Кто такие шу?

— Объясни ей,— велела Мэв Муснакафу.— А вы поставьте паланкин.— Носильщики поспешили выполнить приказ.

— Вам помочь? — засуетился Муснакаф.

— Не надо. Лучше просвети ее, хотя, видит бог, мы опоздали.

— Объясните мне, кто такие эти шу.

— Не «кто», а «что».— Взгляд Муснакафа был устремлен на госпожу.— Что она делает?

— Мы, кажется, разговариваем,— напомнила Феба. Этот тип, звякавший своими колечками, словно испытывал ее терпение.

— Она что-нибудь ломает себе!

— Я что-нибудь ломаю вам, если вы не объясните мне, в чем дело. Так шу — это..

— Проводники душ. Частица Создателя. А может быть, и нет. Вам достаточно? — Он устремился на помощь госпоже, но Феба схватила его за руку.

— Нет. Мне недостаточно.

— Отпустите меня!

— Не отпущу.

— Я требую! — воскликнул он и погрозил пальцем, усыянным кольцами.— У меня есть дела поважнее, чем... Что это?

— Земля дрожит? Уже давно. Что-то вроде землетрясения.

— Хорошо бы так.— Муснакаф уставился в землю, опять содрогнувшуюся, теперь уже сильнее.

— Что это было? — Феба даже забыла о своем раздражении.

Ответа не было. Муснакаф повернулся и побежал к тому месту среди камней, где стояла Мэв, поддерживаемая двумя носильщиками.

— Надо спешить,— обратился он к ней.

— Ты знаешь, что произошло на этом месте? — спросила Мэв.

— Госпожа...

— Знаешь?

— Нет.

— Вот здесь я стояла, когда он впервые нашел меня.— Она чуть улыбалась.— Я сразу сказала ему: никто не сможет заменить мне Кокера, потому что Кокер — любовь всей моей жизни...

Земля вздрогнула еще сильнее.

— Помолчите,— велел Муснакаф.

— Что? Ты затыкаешь мне рот? Да я тебе за это!.

Она замахнулась на него палкой и потеряла равновесие. Носильщики бросились к ней, но Мэв задела одного из них палкой, и он отшатнулся с разбитым носом. Ее телохранитель бросился поддержать ее, но она опять замахнулась на Муснакафа, и новый выпад достиг цели. Мэв действовала с такой яростью, что ее палка сломалась, а сама госпожа упала на землю, увлекая за собой второго носильщика.

Как только она коснулась земли, путаясь в своих юбках и накидках, земля опять задрожала. На сей раз дрожь не утихла, а продолжала нарастать, опрокинула паланкин, стоящий рядом, и повергла на землю носильщиков.

— Черт побери! — закричал Муснакаф, помогая Мэв подняться.— Смотрите, что вы натворили!

— В чем дело? — спросила Феба.

— Это он! Он услышал ее!

— Король Тексас?

Прежде чем Муснакаф успел ответить, земля содрогнулась и треснула. Трещина не была похожа на те, что Феба видела в горах Хармона; она прорезала мостовую аккуратно и даже изящно, словно разделила на кусочки мозаику.

— Стойте на месте.— Голос Муснакафа дрожал.— Не двигайтесь. Скажите ему, что сожалеете,— обратился он к Мэв.— Скорее!

С помощью двух оставшихся в строю носильщиков госпожа поднялась на ноги.

— Мне не о чем жалеть,— бросила она надменно.

— Боже, что за упрямство! — Муснакаф поднял руку, как будто собирался ударить ее.

— Не надо! — крикнула Феба. Ее тоже старуха сводила с ума, но она не могла допустить, чтобы Мэв били.

Тут раздался новый толчок, и частицы мозаики провалились вниз, открыв в мостовой десятки отверстий размером по три, четыре, а то и пять футов. Из них пахло холодом и сыростью.

— Я предупреждал!

Голос Муснакафа превратился в хриплый шепот. Взгляда Фебы перебежал от одного отверстия к другому; она пыталась угадать, в каком из них появится любвеобильный Король Тексас.

— Нам нельзя было идти,— прошептала Мэв.— Это ты меня уговорила.— Она ткнула пальцем в Фебу.— Ты в сговоре с ним, признавайся! — Госпожа еле стояла на ногах, и слова слетали с ее губ вместе с брызгами слюны.— Признавайся!

— Вы спятили,— отозвалась Феба.— Вы все спятили.

— Эта женщина дело говорит,— раздался голос из-под земли, и изо всех отверстий разом забили гейзеры жидкой грязи, мгновенно поднявшиеся на два человеческих роста.

Зрелище больше завораживало, чем пугало. Ахнув от изумления, Феба смотрела, как верхушки гейзеров тянутся друг к другу и переплетаются, образуя какую-то фигуру.

— Муснакаф, что это? — спросила она.

Ответила ей Мэв:

— Он делает себе укрытие.— Ее это зрелище явно не очень впечатлило.— Бедняга не выносит света. Он боится засохнуть.

— На себя посмотри,— сказал голос из-под земли.— Тебе бы написать книгу о том, как сохнуть, о моя бедная любовь!

— Я должна поблагодарить за комплимент?

— Нет,— ответил голос.— Просто помни, что я всегда говорил тебе правду, как бы горька она ни была. Ты состарилась, моя дорогая. Нет, ты не просто старая. Ты дряхлая. Забытая. Никому не нужная.

— А ты красавец из дыры в земле! — огрызнулась Мэв.

Из-под земли донесся гулкий, раскатистый смех.

— Покажись-ка лучше,— сказала она,— или ты стал совсем уродом?

— Я стану всем, чем ты хочешь, моя конфетка.

— Не подлизывайся.

— Я стану монахом. Я...

— Какое красноречие! Так ты покажешься или нет?

Наступила тишина. Потом голос просто сказал «Ладно», и из отверстий просочилась какая-то густая субстанция, быстро принимавшая человеческий облик. Существо встало спиной к Фебе; она не видела лица, но заметила, что тело у него каменное.

— Довольна? — спросило существо.

— Боюсь, уже поздно,— сказала Мэв.

— Нет, детка, совсем нет. Ничего еще не поздно.— Он поднял руку размером с лопату для снега, словно пытался дотронуться до женщины, но его пальцы замерли в дюйме от ее лица.— Оставь свою немоющую плоть, детка. Стань камнем, как я. Мы соединимся, и пусть люди живут на наших спинах, а мы будем лежать внизу и обнимать друг друга.

Пока странный оболъститель говорил это, Феба наблюдала за лицом Мэв и поняла: та уже слышала его слова бесчисленное множество раз.

— У тебя не появится ни одной новой морщины,— продолжал Король Тексас.— Тебе не будет больно. Ты никогда не умрешь.

От разговоров его прошиб пот, и, исчерпав запас аргументов, он повернулся к Фебе. Лицо его пересекали трещины, на него налипли грязь и глина.

— Ну что, неужели это так плохо? — спросил он, обдав женщину холодом, сыростью и запахом чистой подземной воды.— Скажи ей.

Феба покачала головой:

— Нет. Мне это нравится.

— Вот! — Король Тексас оглянулся на Мэв, но тут же снова повернулся к Фебе.— Она меня понимает.

— Тогда забирай ее. Пиши свои дурацкие письма ей, а меня оставь в покое.

Феба увидела гримасу боли на грубом лице Короля.

— У тебя не будет другого шанса,— сказал он Мэв, по-прежнему глядя на Фебу.— Иады уничтожат твой город и тебя вместе с ним.

— Не уверена.

— Может, ты хочешь снова вступить в дело? — Король наклонил уродливую голову.

— Почему бы нет?

— Потому что у иадов нет чувств. И нет ничего между ног.

— А ты их видел?

— Во сне. Много раз.

— Тогда возвращайся к своим снам. А меня оставь в этой жизни, сколько бы ее ни осталось. От тебя мне ничего не нужно.

— Больно,— пожаловался Король.— Будь у меня кровь, я истек бы кровью.

— У тебя нет не только крови.

Огромное тело Короля дрогнуло.

— Осторожнее! — прорычал он.

Но госпожа не остановилась.

— Ты старый и женоподобный,— заявила она.

— Женоподобный?

Земля опять затряслась, и Феба услышала, что Муснакаф шепчет знакомую молитву:

— Мария, Матерь Божья...

— Во мне много чего есть,— сказал Король Тексас,— и не всем можно гордиться. Но женоподобность...— Из головы его полезли змеевидные щупальца толщиной с палец.— Видишь? Что здесь женоподобного?

Его тело менялось и перестраивалось, грохоча камнями. Он уже выступил на мостовую. Он навис над Мэв, как скала, угрожающе рокоча.

— Я мог бы просто утащить тебя к себе, чтобы ты посмотрела, как у меня хорошо! — Он ухватился за край мостовой, как за ковер, и потянул.

Муснакаф упал и угодил ногой в разверзшуюся дыру.

— Нет! — закричал он.— Госпожа! Помогите!

— Прекрати немедленно! — потребовала Мэв, будто говорила с непослушным ребенком.

К удивлению Фебы, это сработало. Король Тексас перестал тянуть, и Муснакаф выбрался из отверстия, рыдая от испуга.

— Почему мы вечно спорим? — Тон Короля внезапно сделался спокойным.— Нам ведь есть что вспомнить.

— Нечего нам вспоминать,— буркнула Мэв.

— Опять неправда. У нас были хорошие дни. Я построила тебе дорогу. И эту гавань.

Мэв смотрела на него, не двигаясь.

— О чем ты думаешь? — продолжал Король.— Скажи мне, дорогая!

Мэв пожала плечами:

— Ни о чем.

— Тогда я подумаю за нас обоих. Мое чувство к тебе сильнее того, что мужчина чувствовал когда-либо к женщине за всю историю любви. И без этого...

— Хватит.

— ...я пропаду, но и ты...

— Почему ты меня не слушаешь?

— ...тоже пропадешь.

— Пропаду? — насмешливо переспросила Мэв.

— Да. Именно. Город исчезнет через пару часов. Наша гавань, наши чудесные дома...— Он показал на них рукой.— Иады просто сметут их. А Эвервилль...

— Я не желаю говорить об этом.

— Неужели и тебе больно? Что ж, я тебя не виню. Ты основала его, а они о тебе забыли.

— Прекрати! — крикнула Мэв.— Господи Иисусе, когда же ты поймешь? Я не полюблю тебя ни от каких уговоров, ни от каких обещаний, ни от каких угроз! Построй хоть тысячу гаваней! Пиши мне письма каждую минуту до самого конца мира, я все равно *не полюблю тебя!* — Она повернулась к стоявшему рядом носильщику: — Как тебя зовут?

— Нус Каталья.

— Подставляй спину, Нус.

— Прошу прощения?

— Повернись. Я хочу залезть к тебе на спину.

— О... да. Конечно.— Он повернулся, и Мэв вскарабкалась на него.

— Что ты делаешь? — тихо спросил Король.

— Хочу доказать, что ты ошибся,— ответила она, цепляясь за воротник своего скакуна.— Я возвращаюсь в Эвервилль.

Впервые за несколько последних минут Феба подала голос:

— Не может быть.

— Почему же?

— Скажи ей,— вмешался Король Тексас.— Меня она не слушает.

— Вы обещали помочь мне найти Джо.

— Боюсь, это невозможно, Феба. Извини.— По голосу Мэв было понятно, как трудно для нее просить прощения.

— Но я же говорила: не теряй веры в любовь.

— Ведь вы ее потеряли.

— Слушай эту женщину! — прогремел Король.— Она умница!

— Она так же одурела от любви, как и ты,— отрезала Мэв.— Вам есть о чем поговорить.— Она дернула носильщика за воротник: — Вперед!

Когда бедняга, спотыкаясь, направился вниз, взгляд Короля упал на Муснакафа, осторожно отползавшего в сторону.

— Эй! — громогласно крикнул Король в спину Мэв.— Если не вернешься, я убью твоего лизоблюда!

Мэв оглянулась и ответила:

— Не будь таким мстительным. Это глупо.

— Я буду таким, каким хочу! Вернись! Предупреждаю тебя!

Мэв только подстегнула Катарью ударами пяток по ребрам.

— Ему осталось жить две секунды! Ты слышишь?

Муснакаф жалобно заблеял и попытался отползти подальше от ближайшего отверстия.

— Ты жестокая! — крикнул Тексас вдогонку Мэв.— Жестокая!

С этими словами он нагнулся и потянул за край мостовой.

— Не надо! — воскликнула Феба, но ее заглушил вопль Муснакафа.

Он цеплялся за камни, неудержимо сползая к дыре в земле. Феба не могла стоять и смотреть, как он погибает, и бросилась на помощь. Он протянул к ней руки, и на его побелевшем лице мелькнула надежда.

Это было ошибкой. Лишившись опоры, он продержался на поверхности еще секунду и рухнул вниз, продолжая кричать.

Феба отпрянула, всхлипывая от жалости и бессильного гнева.

— Тише,— сказал Король Тексас.

Она взглянула на него сверху вниз. Судьба Муснакафа была грозным предостережением, но она не могла сдержаться:

— Ты сделал это из-за любви?

— По-твоему, я виноват? Эта женщина...

— Ты его убил!

— Я хотел, чтобы она вернулась.

— Но лишь добавил ей страданий.

Король пожал плечами.

— Там он будет в безопасности. Там спокойно. И темно,— проговорил он и тяжело вздохнул.— Ладно. Я был неправ.

Феба всхлипнула и стерла слезы ладонью.

— Я не могу вернуть его. Но я тебя утешу,— обещал Король.

Он поднял руку, словно желая приласкать ее. Этого она меньше всего хотела. Она отскочила и, к ужасу своему, почувствовала, что теряет опору. Феба глянула вниз и увидела под ногами ту самую дыру, куда за несколько секунд до того свалился Муснакаф.

— Помогите! — Она потянулась к Королю, но его грубое тело было слишком неуклюжим. Небо над головой устремилось куда-то вбок, а Феба сорвалась и полетела, полетела. Слезы ее мгновенно высохли, но глаза не видели ничего, кроме сплошной беспросветной черноты.

||

i

Когда Джо и Уиксел Фи поднялись по лестнице и вышли на добела раскаленные улицы Б'Кетер Саббата, Джо спросил:

— А что значит «Б'Кетер Саббат»?

Уиксел пожал плечами:

— Я сам могу тебя об этом спросить.

Его незнание почему-то успокоило Джо. Они изучат загадки города на равных; может быть, так оно и лучше. Лучше бродить здесь, не стараясь понять, что открывается взору; просто смотреть и удивляться. Город состоял из того же, что и любой город Америки: кирпич и дерево, окна и двери, тротуары и фонари. Но архитекторы и каменщики постарались сделать каждый элемент застройки, даже самый маленький, непохожим на другие. Отдельные здания поражали огромными размерами — например, башни, которые Джо видел с холма, — но даже самые скромные дома, каких было большинство, гордо отстаивали собственную оригинальность. Прохожие уже исчезли с улиц (а крылатые кетерианцы — с неба), однако казалось, будто строители города все еще присутствуют в своих творениях.

— Если бы я создал хотя бы маленький кусочек этого города, — сказал Джо, — я никогда бы его не оставил.

— Даже перед ними? — Уиксел кивнул на клубящуюся стену иадов.

— Особенно перед ними.— Джо остановился, глядя в стену.

— Они уничтожат город, Африка. И нас вместе с ним.

— Кажется, они не спешат. Почему?

— Мы никогда этого не узнаем. Они слишком отличаются от нас.

— Я и про себя это слышал. Люди не называли меня «Африка», но я знал, что они думают.

— Неужели ты обижаешься? Я могу...

— Нет, не обижаюсь. Я просто подумал: вдруг они не так уж сильно отличаются от нас?

— Мы не успеем узнать, кто из нас прав,— заключил Уиксел.— Они придут раньше.

Они шли по чудесному городу, удивляясь тому, что открывалось им на каждом шагу. На одной из площадей стояла большая карусель, вращаемая ветром. Вместо деревянных лошадок ее фигуры представляли превращение обезьяны в человека на разных этапах эволюции. В другом месте стояли сотни колонн, а на их вершинах поблескивали странные геометрические фигуры, тихо вибрируя. Джо пообещал себе задавать вопросов, но тут не сдержался и очень удивился, обнаружив, что Уиксел знает ответ.

— Это образы, возникающие под нашими веками,— пояснил Фи.— Я слышал, кетерианцы считают их священными, потому что это суть вещей: мы видим ее, когда закрываемся от мира.

— Зачем же закрываться от вот такого места? — спросил Джо.

— Потому что, если хочешь что-то построить, нужно сначала увидеть это во сне.

— Я уже бывал здесь во сне,— отозвался Джо.

Его возбуждала эта мысль: он проснулся в городе, который людям лишь снится. А если он уснет здесь — увидит ли он во сне свой мир? Или другой, такой же чуждый, как и Метакосм?

— Не стоит слишком вникать в здешние тайны,— предупредил его Уиксел.— На этом многие сломали себе голову.

Они закончили разговор и двинулись дальше, порой обмениваясь репликами, пока не подошли к мосту через пруд с удивительно спокойной водой, гладкой как зеркало. Мост был возведен из материала, похожего на фарфор.

Они немного посмотрелись в зеркало вод. Джо зачаровывал вид собственного лица на фоне грозовых туч иадов.

— Выглядит очень уютно,— сказал он.

— Хочется полежать на нем, правда?

— Полежать и заняться любовью.

— Утонешь.

— Ну и пусть. Может, там внизу чудеса еще похлеще.

— Например?

Джо вспомнил разговор возле колонн.

— Например, какие-нибудь сны.

Уиксел не ответил. Оглянувшись, Джо увидел, что его спутник повернулся в ту сторону, куда они шли. Оттуда донесли крики и еще что-то, напоминающее лязг оружия.

— Слышишь? — спросил Джо.

— Слышу. Останешься или хочешь взглянуть, что там такое? — Сам Уиксел явно выбрал второе и уже взбирался на мост.

— Иду,— ответил Джо и отвел взгляд от пруда.

Лабиринт улиц не позволял определить, откуда доносятся звуки. Джо и Уиксел несколько раз ошибались, прежде чем обнаружили место сражения. Зайдя за угол, они увидели, что дорога неведомым образом привела их обратно на площадь с колоннами, где теперь началась битва. Пространство между колоннами было завалено телами, и там же сражались уцелевшие. Основным оружием служили короткие мечи, а среди участников боя оказалось много женщин. Они дрались с еще большей яростью, чем мужчины. Сверху налетали, чтобы поразить противников, около десятка крылатых кетерианцев — Джо увидел их впервые. Это были хрупкие создания с телами, как у шестилетних детей, и тонкими конечностями. Их крылья сверкали и переливались, а их голоса вплетались музыкальной нотой в хриплый рев дерущихся.

Эта сцена, как и многое другое, увиденное Джо во время путешествия, вызвала у него смятение чувств. Вид раненых и мертвых угнетал его, но ярость воинов возбуждала, как и мелькание крыльев на фоне темной стены иадов.

— Почему они дерутся? — спросил он Уиксела, пытаясь перекричать шум сражения.

— Династии Сумма Суммаментис и Эццо Этериум сражались всегда. Никто не знает почему.

— Но кто-то должен знать!

— Ни один из них, это точно.

— Так почему бы им не помириться?

Уиксел пожал плечами:

— Зачем? Разве о войне мечтают меньше, чем о мире? Ее требует сама природа.

— Требуется...— Джо взгляделся в кровавую сцену перед ним. Да, словно чье-то властное требование заставляло людей вновь и вновь бросаться друг на друга.— Не хочу я на них смотреть. Лучше вернусь к пруду.

— Да?

— Оставайся, если хочешь. А я не желаю в последние мгновения жизни смотреть на то, как люди убивают друг друга.

— Я останусь,— проговорил Уиксел немного виновато.

— Что ж, прощай.

Недавний раб пожал ему руку:

— Прощай.

Джо повернулся, но не прошел и десяти шагов, как услышал позади ужасный крик. Обернувшись, он увидел, что Уиксел ковыляет за ним, держась за вспоротый живот.

— Африка! — простонал он.— Он здесь!

Джо устремился к нему, но Уиксел крикнул:

— Не ходи, Африка! Он сошел с ума! Он...

Тут из-за угла появился Ной с коротким мечом, покрытым кровью по самую рукоять. В родном городе он очень окреп, шагал уверенно и гордо.

— Джо,— произнес он спокойно, будто между ними не стоял умирающий человек.— Я так и думал.— Он схватил

Уиксела за шиворот.— Что ты делаешь рядом с этим? Он, должно быть, заразный.

— Оставь его,— сказал Джо.

— Беги, Африка...— пробормотал Уиксел.

— Похоже, он боится, что я причиню тебе вред,— заметил Ной.

— А ты не причинишь?

— Он зовет тебя «Африка», Джо. Это оскорбительно?

— Нет, это...

— А по-моему, оскорбительно.— И он мгновенно вонзил меч в шею Уиксела. Джо вскрикнул и кинулся вперед, но Ной уже с улыбкой вынимал лезвие.— Все. Больше он не сможет тебя оскорбить.

— Он меня не оскорблял!

— Что? А-а. Тогда можно мне тоже звать тебя Африкой?

— Не надо никак называть меня! Просто убирайся отсюда!

Ной перешагнул через труп Уиксела и приблизился к Джо:

— Но я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Куда?

— Получить то, что тебе причитается. Когда я увидел тебя на площади, я понял, зачем ты пришел. Я обещал тебе власть, потом мы расстались... Извини, я решил, что ты мертв. И вот ты снова здесь, во плоти. Я хочу исполнить свое обещание.

— Не надо.

Ной подошел вплотную, как бы случайно держа клинок в дюйме от живота Джо:

— Надо, Африка.

— Поздно.

— Почему это?

— Иады скоро будут здесь.

— Я думаю, их что-то удерживает,— сказал Ной.

— А что?

— У меня есть подозрение. Но тебе это знать ни к чему.— Ной в упор взглянул на Джо: — Ну что? Останемся друзьями, или мне придется воспользоваться этим? — Он придвинул клинок чуть ближе.

— Мы не были друзьями и не будем, но я пойду с тобой, если ты мне кое-что расскажешь.

— Что угодно.

— Обещаешь?

— Обещаю. Что же тебе так важно узнать?

В голосе Ноя послышалось опасение, и Джо был этому рад.

— Ладно, потом,— сказал он.— А пока пошли.

ii

В конце площади с колоннами стояло здание, казавшееся в некотором роде образцом кетерианской эстетики. Издавека оно выглядело как простой двухэтажный особняк, но когда Джо и Ной подошли ближе, они увидели, что каждый камень дома украшен особенным узором, а все вместе образуют совершенное единство, подобно строчкам стиха.

Но Ную было некогда разглядывать камни. Он провел Джо внутрь и сказал:

— Я обещал тебе власть. Она здесь.

— Что это за место?

— Храм.

— Чей?

— Я думал, ты догадаешься.

— Зерапушу?

— Конечно. Ты понравился им, Африка. Если кого-то и пустят сюда, так это тебя.

— И что там?

— Я же сказал тебе. Власть.

— А почему ты сам не войдешь?

— Я недостаточно чист,— ответил Ной.

Джо подумал, что он шутит, хотя лицо Ноя было непроницаемо-серьезным.

— А я?

— Ты Сапас Умана, Африка. Чистый Сапас Умана.

— Шу это нравится?

— Думаю, да.

— А если нет? Что будет со мной?

— Ты умрешь.

— Так просто?

— Так просто.

Джо посмотрел на дверь. Как и стена снаружи, она поражала совершенством и изяществом линий. Но на ней отсутствовали ручки и замки.

— Если я войду и останусь жив, следом пойдешь ты. Таков твой план?

— Молодец, хорошо соображаешь.

Джо смотрел на дверь, и ему все сильнее хотелось узнать, что скрывается за ней. Он дважды заглядывал в глаза шу, и каждый раз они приковывали к себе странной тайной, которую он не мог разгадать. Может быть, здесь ему это удастся? Скрывая нетерпение, он повернулся к Ною:

— Пока я не вошел, ответь на мой вопрос.

— Спрашивай.

— Я хотел узнать, из-за чего воюют семьи.

Ной молчал.

— Ты обещал,— настаивал Джо.

— Да. Обещал.

— Так скажи мне.

Ной пожал плечами:

— Какая теперь разница... Я скажу.— Он оглянулся на поле битвы и понизил голос до шепота.— Эццо Этериум верят, что иады выдумали Сапас Умана. Что это — темная часть их коллективной души.

— А твоя семья?

— Мы считаем, что наоборот.

Джо понял его мысль:

— Вы думаете, будто иады выдумали нас?

— Да, Африка. Таково наше мнение.

— И кто выдумал этот бред?

— Кто знает, где рождается мудрость? — пожал плечами Ной.

— Это не мудрость! Это чушь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я — не выдумка.

— Почему ты так уверен?

Джо не стал ломать голову над этим вопросом. Он просто повернулся к Ною спиной и со словами «Лучше посмотрим, что там» толкнул дверь. Она не открылась, но Джо ощутил резкую боль во всем теле, будто его ударило током, и в следующую секунду оказался в звенящей темноте храма. Он подождал, пока боль утихнет, и оглянулся на Ноя. В темноте кто-то двигался, но он не мог разглядеть очертаний. И тут кто-то позвал его по имени.

Джо посмотрел вперед. В центре храма что-то блеснуло, освещенное светом из круглой дыры в потолке. Подойдя ближе, он понял, что стоит перед бассейном длиной примерно в двадцать футов.

Его наполняли воды Субстанции — Джо обонял острый запах моря снов, и его кожу покалывало волнами энергии, исходившей от воды. Подойдя к краю бассейна, он получил еще одно подтверждение этому: под водой, у самой поверхности, лежал шу — такой огромный, что с трудом помещался в бассейне. Его глаза размером в ярд или больше разглядывали Джо из-за переплетения колышущихся щупальцев. Нет, они смотрели не на Джо, а куда-то вверх — в отверстие крыши и дальше.

— Он удерживает иадов,— прошептал Джо.— О боже. Он удерживает иадов.

Тут он услышал шепот Ноя из темноты:

— Чувствуешь? Чувствуешь, какая сила?

— О да,— тихо сказал Джо. Он ощущал эту силу всем телом. Его синяки и порезы, начиная с тех, что оставил Мортон Кобб, дали о себе знать новой болью, но он хотел подойти еще ближе, заглянуть в магические глаза шу и увидеть там то, что видят иады. Он шагнул к воде, и его пробирала дрожь.

— Поговори с ним,— указывал Ной.— Попроси у него то, что ты хочешь.

— Какая разница, что мы хотим? Мы здесь ничего не знаем. Ты что, не понимаешь?

— Черт побери, Африка.— Ной подошел ближе.— Мне важно то, чего я хочу. Я хочу жить в славе, когда уйдут иады. Так что опусти руку в воду и...

— Но ты говорил, что собираешься умереть на родине?

— Я просто забыл о том, как хорошо жить. Особенно здесь. Ни в твоём мире, ни в моём нет места прекраснее, чем этот город. И я хочу сохранить его.

— Ты хочешь завладеть им.

— Никто не может владеть Б'Кетер Саббатом.

— Похоже, ты готов попробовать.

— Ну, это мое дело.— Ной прижал к спине Джо лезвие меча.— Давай. Опустит руку в воду.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда это сделает твой труп.

— Он удерживает иадов...

— Очень может быть.

— И если мы его потревожим...

— Иады сделают свое дело. Это все равно случится, рано или поздно. Если мы поможем этому, мы изменим ход истории и получим власть. Как тебе такое? — Ной надавил на меч чуть сильнее.— Ты ведь за этим сюда пришел, или не помнишь?

Джо помнил. Боль напомнила ему о том, что он пустился в плавание, чтобы стать сильным. Но после всего, что он увидел здесь, прежние представления о силе и власти казались ему смешными. У него была любовь, какой не знает большинство людей. Он любил женщину, отзывавшуюся на его радости и печали,— ее объятий вполне достаточно для счастья.

Все это в прошлом, но он жил не зря. Он понял, что значит быть счастливым, и теперь может умереть.

— Я не хочу власти,— сказал он Нюю.

— Лжешь.

— Говори что угодно. Я знаю правду, и только это имеет значение.

Ной почувствовал в его словах угрозу и недолго думая вонзил меч Джо под ребра.

О господи, какая боль! Джо застонал, но Ной лишь глубже погрузил лезвие, повернул его, а потом вытащил. Джо прижал руки к ране, откуда хлынул поток горячей крови. Мир вокруг уже заливала тьма, но ему хотелось в последний раз перед смертью увидеть золотые глаза шу.

— Держись,— прошептал он себе.

Краем глаза он заметил золотой ободок с темным кругом внутри. Прекрасный в своей простоте и законченности. Круглый, ясный, сверкающий нетленным золотом...

Что-то в его голове сместилось, будто он скользнул к центру этого золотого кольца.

И все. Он расстался со своей болью, со своими синяками и ранами; расстался с Джо.

Его тело начало падать, и, когда жизнь окончательно ушла из него, он вошел в глаз шу.

Это продолжалось всего мгновение, но было полно такой невыразимой радости и покоя, что он сразу забыл обо всех страданиях последних дней и предшествовавших лет.

Не было ни смятения, ни страха. Он абсолютно ясно понимал, что с ним случилось. Он умер на краю бассейна, и его дух растворился в глазах Зерапушу.

Потом, через миг, показавшийся бесконечным, он взлетел вверх, куда смотрел шу: к темной туче иадов.

Внизу он услышал крик Ноя и непостижимым образом увидел, что там произошло. Ной перешагнул через тело Джо и опустил окровавленные руки в воду. Реакция шу была мгновенной: щупальца взвились в воздух, и одно из них, случайно или намеренно, обхватило пальцы Ноя. Разгневанный Ной поднял меч и пронзил им немигающий глаз шу.

Мир Джо содрогнулся. Дрогнул луч света, в котором летела его душа; дрогнул храм; дрогнули колонны на площади и улицы Б'Кетер Саббата. Джо понял, что случилось: шу не смог удержать нависшую над городом волну, и она покати-лась вниз.

Джо осознал, что летит, как стрела, напрямиком в Иад, к их клубящейся оболочке.

На земле рушился великий город.

И он, Джо Фликер, умерший, но живой, летел в сердце его разрушителей, и теперь у него не осталось никакой надежды.

Мотель Стерджиса был скромным заведением в четверти мили от шоссе, с которым его соединяла ухабистая проселочная дорога, где едва могли разъехаться две машины. Сам мотель представлял собой одноэтажные деревянные строения, окружавшие место для парковки. Над офисом красовалась подсвеченная лампочками вывеска: «Мест нет». Видимо, все постояльцы уехали в Эвервилль на праздник, потому что Тесла увидела на парковке лишь три машины: грузовик, стоявший возле офиса, облезлый «мустанг» Грилло и еще более обшарпанный «пинто».

Она не успела заглушить мотор своего «харлея», когда из шестого номера вышел лохматый мужчина, одетый в слишком большие для него рубашку и брюки, и окликнул ее по имени. Она хотела спросить, кто он, и вдруг поняла, что это Грилло. Она не смогла скрыть своего потрясения, но он, казалось, ничего не замечал. Он протянул к ней руки (боже, такие тонкие!), и они обнялись.

— Не представляешь, как я рад тебя видеть,— сказал он.

Истончилось не только его тело, но и голос. Казалось, он уже наполовину не принадлежит этому миру.

«Как и я,— подумала Тесла.— Мы уйдем вместе».

— Мне столько нужно рассказать тебе. Но начну с главного.— Он замолчал, будто ожидал разрешения продолжить, и она поторопила его.— Так вот... Джо-Бет ведет себя стран-

но. Иногда она очень возбуждена, а все остальное время находится в каком-то отупении.

— Она говорит о Томми-Рэе?

Грилло покачал головой:

— Я хотел навести ее на эту тему, но она мне не доверяет. Может, у тебя получится.

— Так ты считаешь, что Томми-Рэй жив?

— Не знаю, жив ли, но он где-то недалеко.

— А что Хови?

— Тоже плохо. Мы тут все играем в какую-то игру, Тес. И мне кажется, она кончится очень скоро. И очень плохо.

— Мне знакомо это чувство.

— А я слишком стар для подобных игр. И болен.

— Я знаю... Наши дела не в порядке. Я могу рассказать...

— Нет. Не хочу слушать. Пусть все идет как идет.

— Еще один вопрос.

— Ладно. Только один.

— Ты из-за этого не хотел, чтобы я к тебе приезжала?

Грилло кивнул:

— Глупо, конечно. Но я решил, что нам нужно разобраться самим. Я хотел укрыться от всех и поработать на Рифе.

— И что?

— Я хочу, чтобы ты сама посмотрела... если мы отсюда выберемся.

Она лишь коротко кивнула.

— Может, ты поймешь это лучше, чем я. Ты ведь и раньше... умела находить связь.— Грилло обнял ее за плечи.— Ну что, пойдём?

II

Еще в дороге Тесла пожалела о том, что потомки не узнают историю Джо-Бет Макгуайр и Хови Катца. Историю о том, как двое молодых красивых людей встретились и полюбили друг друга под солнцем Паломо-Гроува, не зная, что их отцы хотели столкнуть их в битве. Как эта любовь привела

отцов в ярость и вызвала бурю, уничтожившую город. Как влюбленные уцелели в разразившейся буре и пронесли сквозь нее свое чувство.

(Конечно, это не первая история об испытаниях влюбленных, но ведь обычно они гибнут. Люди предпочитают видеть смерть героев, чем наблюдать, как любовь тускнеет и вянет под действием времени.)

Тесла за прошедшие годы много раз думала о том, что случилось с Идеальной Парой из Паломо-Гроува. Здесь, в шестом номере, она получила ответ.

Несмотря на предупреждение Грилло, она не ожидала увидеть Джо-Бет и Хови настолько изменившимися: серые лица, вялые движения, отрывистая бессвязная речь. После приветствий Хови стал рассказывать Тесле о случившемся. Он и Джо-Бет старались не глядеть друг на друга.

— Помоги мне убить эту тварь,— попросил Хови.

Казалось, ничто другое не вызывало у него интереса. Тесла ответила ему, что не знает, возможно ли это. Может быть, нунций делает тех, кого он коснулся, бессмертными — ведь Тесла избежала гибели в Петле Киссуна.

— Так ты считаешь, он бессмертен? — спросил Грилло.

— Не знаю. Я приняла нунций, но считаю себя очень даже смертной.

В глазах Грилло отразилось такое отчаяние, что она отвела взгляд.

Воцарившееся молчание нарушила Джо-Бет:

— Я хочу, чтобы вы перестали обсуждать его.

Хови искоса посмотрел на нее.

— Разговор не закончен,— сказал он.

— Для меня закончен.— Джо-Бет взяла с кровати ребенка и пошла к двери.

— Ты куда? — окликнул ее Хови.

— Подышать воздухом.

— Не бери с собой девочку.

В этой короткой фразе звучала целая симфония подозрительности.

— Я недалеко.

— Ник-к-куда! — закричал Хови.— П-п-положи Эми и сядь!

Прежде чем ссора получила развитие, Грилло встал:

— Нужно поесть. Может, съездим за пиццей?

— Давайте,— бросила Джо-Бет.— Мне и здесь хорошо.

— Поезжай с Хови,— сказала Тесла Грилло.— Мы с Джо-Бет поговорим.

Мужчины не возражали. Они были рады уйти хоть ненадолго из тягостной обстановки мотеля и дать Тесле возможность побеседовать с Джо-Бет наедине.

— Ты, похоже, не очень-то боишься Томми-Рэя,— заметила Тесла, когда они остались вдвоем.

Джо-Бет поглядела на девочку, лежавшую на кровати.

— А чего я должна бояться?

— Ну... того, что случилось с ним после вашего расставания. Он уже не тот, каким ты знала его в Паломо-Гроуве.

— Я знаю. Он убил нескольких людей. Но... меня он никогда не обижал. И не обидит.

— Ты не понимаешь. Он может обидеть тебя или ребенка, не сознавая, что делает.

Джо-Бет покачала головой:

— Он меня любит.

— Это было давно. Люди меняются. А Томми-Рэй изменился куда больше, чем кто-то другой.

— Я знаю,— согласилась Джо-Бет. Тесла промолчала, надеясь, что она скажет что-то еще. И Джо-Бет сказала: — Он все время путешествовал... а теперь устал.

— Он тебе это сказал?

Она кивнула.

— Он хочет отдохнуть. Говорит, ему надо кое-что обдумать.

— А что?

— Кое-что. Он работает на своего друга.

Тесла встревожилась:

— На Киссуна?

— Да.— Джо-Бет улыбнулась.— А откуда ты знаешь?

— Не важно.

Джо-Бет поправила свои давно не мытые длинные волосы и повторила:

- Он любит меня.
- Хови тоже,— напомнила Тесла.
- Хови принадлежит Флетчеру.
- Никто никому не принадлежит.

Джо-Бет промолчала. В глазах ее застыло отстраненное выражение.

«Неужели ничего нельзя поправить?» — подумала Тесла.

Грилло думает, что игра окончена; Д'Амур мерзнет в горах у подножия ужасных крестов; а эта бедная девочка, такая красивая и такая незащищенная, готова упасть в объятия Парня-Смерти, и любовь не может удержать ее.

Мир гасит огни, один за другим...

Порыв ветра раскачал ставень. Джо-Бет, баюкавшая ребенка, обернулась.

— Что это? — тихо спросила Тесла. Новый порыв ударил в дверь, будто искал дорогу внутрь.— Это он?

Глаза Джо-Бет были прикованы к двери. Тесла встала и повернула ключ в замке. Она знала, что такая защита слаба (это сила сметала целые дома), но дверь задержит их на пару минут, а этого иногда достаточно для спасения жизни.

— Томми-Рэй ничего тебе не даст, Джо-Бет,— продолжила она.— Ты понимаешь? Ничего.

— Он все, что у меня осталось,— возразила Джо-Бет.

Ветер стучал теперь и в дверь, и в окно, пробивался в трещины и в замочную скважину. Он нес смерть, Тесла чуяла ее запах.

Эми заплакала на руках у матери. Тесла поглядела на сморщенное лицо девочки и подумала, что ее незащищенность может раззадорить Парня-Смерть. Он наверняка гордится убийством детей.

Пол дрожал так, что ключ звякал в замке. В его вое слышались голоса. Одни говорили по-испански, другие, как слышалось Тесле,— по-русски; кто-то истерически смеялся, кто-то рыдал. Она не разбирала слов, но общий смысл был ясен. Выходи, звали они, он ждет тебя.

Джо-Бет молча укачивала Эми. Судя по ее взгляду, устремленному на дверь, в своих уговорах голоса преуспели гораздо больше, чем думала Тесла.

— Где Томми-Рэй? — спросила наконец девушка.

— Может, он и не придет, — ответила Тесла. — Может быть... хочешь, вылезем через окно ванной?

Джо-Бет кивнула.

— Хорошо. Иди первой. Я их задержу.

Она подождала, пока Джо-Бет скрылась в ванной, потом подошла к двери. Духи, почуяв ее приближение, понизили голоса до шепота.

— Где Томми-Рэй? — спросила Тесла.

Вместо ответа они опять стали царапать дверь. Она оглянулась: Джо-Бет и Эми не было. Что ж, уже хорошо. Если они вышибут дверь...

— *Открой*, — шептали призраки, — *открой... открой...*

Дерево у замка и возле петель затрещало.

— Ладно, — сказала Тесла, опасаясь, что разочарование сделает их еще более опасными. — Сейчас открою. Подождите.

Духи притихли, услышав, как ключ поворачивается в замке. Тесла глубоко вдохнула и распахнула дверь. Мимо нее пронеслась туча призраков. Она выскочила наружу, захлопнула за ними дверь и пошла к стоянке. В одном из своих сценариев она описала сцену расстрела и теперь ощутила себя ее героиней. Не хватало только взвода солдат и священника.

Она поискала взглядом Томми-Рэя. У дальнего конца стоянки росла полоса деревьев, освещенных тусклыми фонарями. Там в тени кто-то стоял. Прежде чем Тесла рассмотрела его, сзади ее окликнул сердитый голос:

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Повернувшись, она увидела менеджера мотеля, вышедшего из офиса. Это был лысый мужчина лет шестидесяти в грязной рубашке. В руке он держал банку пива — далеко не первую, судя по его нетвердой походке.

— Вернитесь в дом, — сказала ему Тесла.

Но он заметил зажженные фонари.

— Это вы повесили их?

— Нет. Кто-то очень...

— Это моя собственность. Нечего тут ша...

Он умолк на полуслове, когда подошел ближе и разглядел эти фонари. Банка с пивом упала и покатилась по асфальту, жалобно звякнув.

— Господи...

Ветви деревьев и кустов были увешаны ужасными трофеями: руки, головы, куски тел и еще что-то неузнаваемое. И все были подсвечены фонарями — последний подарок Парня-Смерти.

Менеджер, шатаясь, попятился, издавая горлом скулящие звуки. Внезапно призраки, возбужденные его страхом, взвились в воздух. Он побежал к двери офиса, до которой оставалось шагов двадцать.

— Томми-Рэй! Останови их! — Не получив ответа, Тесла бросилась в кусты, чтобы отыскать его. — Останови их, ублюдок! Ты меня слышишь?

Сзади нее завопил менеджер. Оглянувшись, она увидела, как призраки налетели на него. Он кричал, пока они не оторвали ему голову.

— Не смотри, — произнес человек в кустах.

Тесла вгляделась в путаницу ветвей. Когда она в последний раз видела Томми-Рэя в Петле, он напоминал мертвеца; но годы, похоже, были к нему добрее, чем ко всем остальным. Что бы он ни делал для Киссуна, чего бы ни навидался, но прежняя красота вернулась к нему. Он улыбался Тесле из своего укрытия.

— Где она, Тесла?

— Прежде чем ты заберешь Джо-Бет...

— Да?

— Я хочу поговорить с тобой. Сравнить.

— Что?

— Наше с тобой состояние. Мы ведь оба нунциаты.

— Нунциаты... — Он будто пробовал слово на вкус. — Круто.

— Тебе вроде бы это идет.

— О да, я отлично себя чувствую. А вот ты сдала. Тебе нужно завести рабов, как у меня, а не делать все самой.— Его тон был почти дружелюбным.— Знаешь, иногда мне хотелось найти тебя.

— Зачем?

Томми-Рэй пожал плечами:

— Так. Я чувствую какую-то близость к тебе. Мы оба нунциаты. И оба знаем Киссуна.

— Что он здесь делает? Что ему нужно от Эвервилля?

Томми-Рэй шагнул к Тесле. Она едва сдержала желание убежать. Но любая слабость — и ее статус коллеги-нунциата рухнет.

— Он жил здесь,— ответил он.

— В Эвервилле?

Томми-Рэй вышел из кустов. Его лицо блестело от пота, рубашку покрывали кровавые пятна.

— Где она? — спросил он.

— Мы говорим о Киссуне.

— Хватит. Где она?

— погоди,— Тесла оглянулась, будто ожидала увидеть Джо-Бет на пороге.— Она прихорашивается.

— Рада?

— Да.

— Почему бы тебе не привести ее?

— Она не...

— Приведи ее!

Духи, продолжавшие терзать тело обезглавленного менеджера, насторожились.

— Конечно. Нет проблем.

Она повернулась и пошла через стоянку, выгадывая время. До двери номера оставалось шагов пять, когда появилась Джо-Бет с Эми на руках.

— Прости,— сказала она Тесле.— Мы принадлежим ему, вот и все.

Томми-Рэй радостно вскрикнул при виде сестры:

— Какая ты красавица! Иди сюда.

Джо-Бет пошла к нему. По лицу ее было видно, как она счастлива. Тесла не пыталась ее удержать. Ветер стих; запели птицы, будто приветствуя воссоединение семьи Макгуайр.

Когда Томми-Рэй раскрыл сестре объятия, Тесла увидела краем глаза что-то бледное. Возле трупа менеджера стояла маленькая знакомая Будденбаума, по-прежнему вся в белом. Не обращая внимания на тело, она направилась к Тесле, сопровождаемая своими компаньонами — клоуном и дурачком. Дурачок подобрал по пути голову менеджера и нес ее под мышкой, как футбольный мяч.

— Спасибо,— сказала девочка, приблизившись.

Тесла поглядела на нее с горечью.

— Это не игра.

— Мы знаем.

— Люди погибли. Страшной смертью.

Девочка ухмыльнулась:

— Их погибнет еще больше.

И тут же, как будто эти слова обозначили кульминацию драмы, раздался гудок, и на стоянку въехал заляпанный грязью «мустанг» Грилло.

Не успел он остановиться, как пассажирская дверца распахнулась, и на дорогу выпрыгнул Хови с револьвером в руке.

— Отойди от нее! — крикнул он Томми-Рэю.

Томми-Рэй неохотно оторвал глаза от сестры и увидел нацеленное оружие.

— Нет! — закричал он.

Хови выстрелил. Пуля ударилась в землю у ног Джо-Бет. Эми заплакала.

— Не стреляй! — крикнул Парень-Смерть.— Попадешь в ребенка!

Девочка в белом рядом с Теслой произнесла короткое «О!», как будто поняла, что здесь происходит. На ее лице отразилось искреннее удовольствие от созерцания этого нового ростка дерева историй, готового расцвести.

— Что дальше? — спросила она.

Какая-то часть сознания Теслы тоже хотела остаться в стороне и смотреть. Но она не могла.

— Хови,— окликнула она.— Уйди.

— Т-только вместе с м-м-моей женой.

— Спасибо, что приглядывал за ней,— сказал Томми-Рэй,— но твоя партия сыграна. Теперь она пойдет со мной.

Хови швырнул револьвер на землю и поднял руки.

— П-п-погляди на меня, Джо-Бет. Я никогда не д-делаа т-т-того, чего т-ты не хотела... Девочка — наш ребенок, и моя тоже, не только твоя... Я — Хови, т-т-твой м-муж...

Джо-Бет смотрела на дочь, будто не слышала его. Хови продолжал взывать к жене, но тут Грилло нажал на газ и подъехал прямо к ним. Парень-Смерть закричал, призывая свое войско, но Грилло уже затормозил и втащил Джо-Бет в машину. Томми-Рэй с воплем бросился к ним, а Хови прыгнул на него и вцепился ногтями в лицо.

— Садись! Быстро! — крикнул Грилло Тесле.

Она махнула ему рукой:

— Уезжай!

Он понял и нажал на газ. Тесла успела заметить блеск в его глазах и мрачную улыбку. Потом «мустанг» умчался.

Хови расцарапал лицо Томми-Рэю, и из глубоких царапин вместо крови сочилась какая-то светящаяся жидкость. Парень-Смерть вырвался и, оттолкнув Хови, кинулся в кусты.

Хови хотел бежать за ним, но подоспевшая Тесла остановила его:

— Его нельзя убить. В конце концов он вернется и убьет тебя.

Томми-Рэй оглянулся и сказал Хови:

— Слушайся ее. Я пообещал Джо-Бет не убивать тебя, и я сдержу слово.— Он повернулся к Тесле: — Объясни ему все. Джо-Бет к нему не вернется. Она хочет быть со мной, и она будет со мной.

С этими словами он скрылся в кустах, свистом созывая призраков.

— Он идет за ней,— проговорил Хови.

— Конечно.

— Значит, нам надо добраться до нее раньше.

— Хорошо бы.— Тесла направилась к мотоциклу.

Когда она проходила мимо девочки, та спросила ее:

— Что будет дальше, Тесла? Что будет дальше?

— Бог его знает.

— Нет, мы не знаем,— отозвался дурачок, немало развеселив всю троицу.

— Ты нам нравишься, Тесла,— заявила девочка.

— Тогда отстаньте от меня,— буркнула Тесла, заводя мотоцикл. Хови уселся сзади.

Когда они уезжали, легион Томми-Рэя в последний раз пронесся над стоянкой, забрав с собой фонари и тело мексиканца. Парень-Смерть не шагнул, а как будто летел, уносимый призрачным вихрем. Царапины на его лице уже затянулись.

— Он догонит ее раньше.— В голосе Хови слышались слезы.

— Погоди,— ответила Тесла.— Мы еще посмотрим.

10

i

«Прости меня, Эвервилль».

— Так и написал?

— Да.

— Лицемер.

Эрвин и Кокер Аммиано шли по Поппи-лейн. Было около десяти вечера, и, судя по шуму, доносившемуся из баров и ресторанов, фестиваль близился к кульминации.

— Они уже забыли,— сказал Эрвин.— Сегодня днем...

— Я знаю, что случилось. Я это почувствовал.

— Мы как дым.— Эрвин вспомнил уроки Долана.

— Дым люди хотя бы чувствуют. Мы ничто.

— Нет,— возразил Эрвин.— Увидишь сам, когда мы найдем ту женщину. Она слышала меня. Она странная — ей как будто все равно, жить или умереть.

— Может, она просто сумасшедшая?

— Нет. Она очень смелая. Когда она была в моем доме, и Киссун...

— Ты уже рассказывал.

— Я никогда не видел такой смелости.

— Да ты, похоже, влюбился?

— Чепуха.

— А сам краснеешь.

Эрвин потрогал щеки.

— Глупость какая,— пробормотал он.

— Что?

— У меня нет крови, да и тела нет, а я все равно краснею.

— Я давно не удивляюсь таким вещам,— сказал Кокер.

— Но что ты думаешь по этому поводу?

— Похоже, мы выдумали себя, Эрвин. Наши энергии принадлежат единому целому — я не знаю его названия и не хочу выдумывать заодно и его,— и мы использовали их для создания Эрвина Тузейкера и Кокера Аммиано. Теперь, когда мы мертвы, большая часть этой энергии вернулась к своему началу, но какую-то частицу мы удержали. И одеты мы во что-то знакомое, и в карманах носим дорогие нам безделушки. Но рано или поздно это кончится.— Он пожал плечами.— Ничто не вечно. И мы исчезнем.

— А что случилось с Доланом и Нордхоффом?

— Может быть, они вернулись к началу.

— К твоему единому целому?

— Оно не мое, Эрвин.— Кокер помолчал, потом добавил: — Хотя нет. Пожалуй, оно мое. Знаешь почему?

— Нет. Но я надеюсь, ты мне объяснишь.

— Потому что, раз я здесь, я везде.— Он улыбнулся.— И единое принадлежит мне в той же степени, что и всем.

— Так почему же ты не вернулся в него?

— Похоже, во мне есть какое-то зло.

— Зло?

— Я совершил какую-то ошибку. Я знаю...

Эрвин перебил его:

— Тот человек! — Он указал пальцем.

— Вижу.

— Он был с Теслой. Его фамилия Д'Амур.

— Он, похоже, спешит.

— Может, он знает, где она.

— Есть один способ узнать.

— Пойти за ним?

— Совершенно верно.

Прежде чем выйти из дома Фебы, Д'Амур позвонил в Нью-Йорк. Судя по голосу Нормы, она обрадовалась ему.

— Вчера у меня была гостя,— сказала она. Гарри не помнил, чтобы она когда-нибудь так волновалась.— Она прошла прямо через окно и уселась передо мной.

— Кто она?

— Она сказала, что ее зовут Лентяйка Сьюзан. По крайней мере, сначала. Потом она изменила имя, а возможно и пол, назвавшись Молотобойцем...

— И Петром Кочевником.

— Это то самое?

— Боюсь, что да.

— То, что убило Гесса?

— И не только его. Что ему было нужно?

— Чего им всегда нужно? Кукарекал. Оставил кучу на полу. И просил напомнить тебе...

— Что именно?

Норма вздохнула:

— Ну... Он начал говорить о том, что скоро придет дьявол и нас всех распнут за то, что мы делаем. Преподавал мне краткий курс теории распятия. Потом сказал: «Передай Д'Амуру...»

— Кажется, догадываюсь. «Я есть ты, а ты есть любовь...»

— Вот именно.

— А потом?

— Ничего. Он сказал, что у меня красивые глаза, и они еще красивее оттого, что бесполезны. Потом исчез. А запах дерьма до сих пор стоит.

— Мне очень жаль, Норма.

— Все в порядке. У меня есть вентилятор.

— Нет. Я про эту историю.

— Знаешь что, Гарри? Это навело меня на мысль.

— О чем?

— О нашем разговоре на крыше.

— Я сам его вспоминаю.

— Я не говорю, что ошибалась. Мир меняется, и он должен измениться, и это случится скоро. Но эта Лентяйка Сьюзан...— Норма замолчала, потом нашла слово: — Это гнусно.

Гарри молчал.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— продолжала Норма.— Ты думаешь: неужели старая корова изменила свое мнение?

— Нет, Норма.

— Да, Гарри. Я уже не знаю.

— Не говори, что он свел тебя с ума.

— Поздновато.— К Норме понемногу возвращалось чувство юмора.— Но эти демоны... Откуда в них столько дерьма?

— Потому что они хотят заполнить им весь мир.

— Дерьмо.

— Дерьмо.

Они поговорили еще немного, потом Гарри сказал, что ему пора.

— Ты куда? — спросила Норма.

— В горы. Поглядеть на дьявола лицом к лицу.

Через час после разговора он карабкался вверх сквозь густую чащу и, несмотря на все ужасы последних недель — смерть Теда, избиение Заим-Карасофия, убийство Марии Назарено,— испытывал облегчение от того, что все движется к концу.

Он вспомнил картину Теда «Д'Амур на Уикофф-стрит» и черную змею у себя под ногой. Как все просто. Демон корчится, молит о пощаде, а потом исчезает.

Так бывает только в сказках. Что бы там ни говорила девочка на перекрестке (листья на дереве историй), он не ждал счастливого конца.

iii

Несмотря на призывы Ларри Глодоски, в его доме собралось только четверо музыкантов из оркестра: Билл Уэйтс, Стив Олстед, Денни Джипс и Чес Рейдлингер. Ларри налил всем виски и изложил свою версию событий.

— Происходит какое-то психическое воздействие,— закончил он.— Может, через воду или какой-нибудь газ.

— Надеюсь, что не через виски,— сказал Билл.

— Это не шутки. Нам всем грозит катастрофа.

— Что вы видели? — спросил Джипс.

— Женщин,— ответил Олстед.

— И свет,— добавил Рейдлингер.

— Что они хотели, то мы и увидели,— сказал Ларри.

— Кто «они»? — спросил Уэйтс.— В тарелки я не верю, в призраков тоже, так кто же они? Пойми, Ларри, я не имею в виду, что ты спятил. Я ведь и сам это видел. Но нужно знать, против чего мы боремся.

— Мы не узнаем это, сидя здесь,— заметил Олстед.

— Надо пойти и посмотреть.

— И с чем мы пойдём? — осведомился Уэйтс.— С барабанами и трубами?

Тут в дверях появился Босли Каухик: он жаждал принять участие в собрании. Он узнал о нем от сестры, которая дружила с женой Олстеда Ребеккой. Никому из музыкантов Босли не нравился, но при недостатке сил и он мог пригодиться. И, надо отдать ему должное, Босли постарался обуздать свое рвение и вставил лишь несколько замечаний о том, что город нуждается в защите от дьявольских сил и что он готов умереть, защищая его.

Это само собой вывело разговор на тему оружия, и решить эту проблему оказалось довольно легко. Шурин Джипса с детства был неравнодушен к тому, что называл «стреляющими палками», и они реквизировали весь его небольшой арсенал. Ларри пригласил хозяина ружей поучаствовать в деле, но шурин ответил, что болен и будет им только мешать. Но если понадобится еще оружие, он с радостью укажет, где его найти.

Потом они пошли в бар Хэмрика и sprysнули начало предприятия скотчем, хотя Рейдлингер возражал. Он спрашивал: разве они хотят напиться, а потом разойтись по домам и спокойно уснуть? Но его голос быстро заглушили. Даже Босли был не против стаканчика виски.

— Они ничего не знают! — драматически воскликнул он, окидывая взглядом полный бар.

— На самом деле, Босли,— ответил Билл Уэйтс,— никто не уверен в том, что видел. Спроси их, что случилось сегодня днем, и все дадут разные ответы.

— Так и действует дьявол, мистер Уэйтс.— Босли не удержался от проповеди.— Он хочет, чтобы мы спорили. А пока мы спорим, он делает свое дело.

— И какое это дело?

— Хватит, Билл,— сказал Чес.— Давайте сядем.

— Нет.— Босли оседлал своего любимого конька.— Это законный вопрос.

— Тогда ответь на него.

— То самое дело, какое дьявол делает с незапамятных времен,— заявил Босли. Пока он говорил, Олстед сунул ему в руки второй стакан, и Босли, едва осознавая это, залпом осушил виски.— Он хочет отвратить нас от Бога.

— Я давно отвратился,— отозвался Билл.

— Господь воздаст вам за это.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Ладно, Босли, успокойтесь,— промолвил Олстед.— Лучше выпьем еще.

10

Пуля, застрявшая в черепе у Будденбаума, ничуть не умерила его ярость.

— Они самые неблагодарные, лицемерные, гнусные, тупые сукины сыны с цыплячьими мозгами, каких видел свет! — вопил он, колотя себя по заживающей голове.— «Ах, Оуэн, устрой для нас представление! Какое-нибудь хорошенькое убийство. Маленькое представление. Что-нибудь такое, с детьми. Что-нибудь с христианами».— Он повернулся к Сету, который большую часть монолога, длившегося почти полчаса, стоял у окна и глядел на перекресток.— И я хоть раз сказал им «нет»?

— Думаю, ни разу,— ответил Сет.

— Верно! Им вечно мало. Хотите увидеть смерть президента? Нет проблем. Желаете парочку массовых убийств? Пожалуйста. Все, что ни просили, я им предоставил. Все! — Он яростно ткнул пальцем в рану.— И вот, едва я чуть-чуть ошибся, они бросают меня и бегут за этой сучкой Бомбек. «Ладно, Оуэн, пока. Мы должны рассказать ей о дереве историй».

Он посмотрел на Сета, все так же стоявшего у окна.

— Я вижу вопрос на твоем лице,— отметил Будденбаум.

— А я на твоём — кровь.

— Между нами что-то изменилось?

— Да,— просто сказал Сет.— Я каждую минуту думаю о тебе по-разному.

— И что ты думаешь в эту минуту?

— Я думаю, нам нужно начать сначала. Хочу, чтобы ты подошел ко мне вечером, а я рассказал тебе про ангелов.— Он помолчал.— Хочу, чтобы у меня опять были ангелы.

— Я у тебя их отнял, ты это имеешь в виду?

— Я сам тебе их отдал.

— Вопрос.

— Что?

— У тебя на лице вопрос.

— Да. Я хотел узнать о дереве историй.

— Это не дерево,— покачал головой Оуэн.— Это просто слово, придуманное каким-то паршивым поэтом.

— И что оно означает?

Оуэн немного успокоился и сел у стены возле окна, из которого он выпал два дня назад.

— Ну... Оно означает, что истории вырастают из семян. Расцветают, дают плоды и съедаются нами. Потом семена выходят из нас.

— Назад в землю?

— Назад в землю.

— Снова и снова.

Будденбаум вздохнул:

— Да. Снова и снова. С нами или без нас.

— Не «без нас», Оуэн. Без тебя.— В словах Сета не было обвинения, только печаль. Будденбаум хотел что-то сказать,

но юноша остановил его: — Я ухожу, Оуэн. А ты иди куда хочешь. Без меня.

— Я просто разочарован. Я столько ждал, и все напрасно.

— Все еще получится.

— Мне нужна твоя помощь, Сет. Я обещаю...

— Не обещай мне ничего,— сказал Сет.— Так будет лучше.

Будденбаум вздохнул еще раз:

— Нам трудно расстаться. За эти сорок восемь часов мы прожили вместе целую жизнь.

— Чего ты от меня хочешь?

— Найди Теслу Бомбек и помирись с ней. Скажи ей, что мне нужно ее увидеть. Говори что угодно, только приведи ее сюда. Нет, не сюда.— Он вспомнил Риту с ее высокой прической.— Рядом есть маленькое кафе, не помню, как оно называется. Там синяя вывеска...

— «Закуток»?

— Да-да. Приведи ее туда. И пусть держит это в секрете от аватар.

— Как она сумеет?

— Найдет способ.

— И ты хочешь, чтобы я привел ее в «Закуток»?

— Если она согласится.

— А если нет?

— На нет и суда нет. Тогда иди и слушай своих ангелов.

U

Когда Гарри вышел из роши, ночь была удивительно тихой. Ни в воздухе, ни в траве, ни из трещин среди камней не раздавалось ни звука. С высоты он оглянулся на Эвервилль, надеясь в глубине души, что у горожан хватило ума эвакуироваться и он увидит опустевший город. Но нет: во всех домах горел свет, и даже машины еще ездили. Просто туман, закрывавший проход на вершине, гасил все звуки, оставляя ему лишь удары его собственного сердца.

— Вот здесь это произошло,— сказал Кокер Аммиано Эрвину, когда они карабкались по склону вслед за Д'Амуром.

— Повешение?

— Нет. Великая битва между семействами Сумма Суммаментис и Эццо Этериум, случившаяся из-за слов девочки.

— Ты был там?

— О да. И я женился на этой девочке, когда она выросла. Ее звали Мэв О'Коннел, и она была самой мечтательной женщиной, какую я встречал.

— Почему?

— Она выдумала Эвервилль. Он был мечтой ее отца, Хармона О'Коннела.

— И в его честь названы высоты?

— Да.

— Ты его знал?

— Нет. Он умер до того, как я встретил Мэв. Она бродила одна в горах и по ошибке пришла туда, где ее не ждали.

— И как это могло вызвать битву?

— Девочка заговорила.

— Заговорила?

— Понимаешь, там шла свадебная церемония, а в мире, откуда пришли новобрачные, молчание считается священным, потому что оно предшествует началу. Любовь совершается в молчании, и тот, кто его нарушает,— преступник.

— Почему же они не убили ее?

— Потому что семейства жениха и невесты давно враждовали и сразу же решили, что это дело рук противника. И начали сражаться.

— На этом самом месте?

— Да,— кивнул Кокер.— Я думаю, здесь, в земле, еще можно найти их кости.

— Я лучше останусь под небом.

— Да, небо сегодня чудесное.— Кокер поднял голову, изучая звезды.— Иногда мне кажется, что я прожил сотню жизней, а иногда — как сейчас — я думаю, что мы с Мэв расстались пару часов назад.— Он издал странный горловой звук,

и Эрвин увидел, что на щеках его блестят слезы.— Ее глаза — последнее, что я видел в жизни. Я умер под ее взглядом. Я пытался продлить жизнь, чтобы утешить ее, как она утешала меня...— Он замолчал, подавляя рыдания.— Но жизнь покинула меня. А когда я очнулся вот таким,— он развел руками,— Мэв уже не было, и моего сына тоже.

— Неудивительно, что ты так ненавидишь Долана.

— Да, я его ненавижу. Но он человек. Он и должен был так себя вести.

— А твой народ совершенен?

— Нет конечно. Наши народы очень похожи, плюс-минус крылья или хвосты. Такие же грустные и злые.— Он посмотрел вверх на скалы.— Похоже, у нашего друга появились проблемы.

Увлечшись разговором, они упустили Д'Амура из виду. Тот, очевидно, ощутил присутствие врага, так как залег за валун и замер. Вскоре этот враг появился из тумана в виде не одного, а целых четырех существ, по-разному безобразных; один толстый, другой тощий, третий был похож на идиота, четвертый — слишком нервный.

Самый тощий из них оказался и самым чутким — ярдах в двадцати от места, где лежал Д'Амур, он остановился, нюхая воздух.

— Может, они чувствуют нас? — предположил Кокер.

— Кто они?

— Обитатели Субстанции.

— Что за мерзость!

— Они бы сказали то же о тебе,— заметил Кокер.

Урод устремился вниз, в их направлении.

— Что делать? — спросил Эрвин в беспокойстве. Кажется, существо и правда увидело их.

— Они нам не страшны. Но Д'Амуру...

Скелетообразный тип уставился прямо на Эрвина.

— Он меня видит!

— Ну, ты недавно жалел, что тебя никто не замечает...
О, черт!

— В чем дело?

— Они его поймали.

Эрвин поглядел за спину тощего и увидел, что самое свирепое из существ схватило Д'Амура.

— Это наша вина,— сказал Кокер.— Они ведь искали нас, а не его.

Как бы то ни было, Д'Амуру грозила серьезная опасность. Один из четверки отобрал у него револьвер, другой ударил его по лицу. Тощий отвернулся от Эрвина с Кокером и поспешил за своими товарищами, которые волокли пленника в туман.

— Что делать? — спросил Эрвин.

— Пойдем за ними. В худшем случае увидим, как его убьют.

В прошлый раз татуировки Уайта позволили Гарри добраться до вершины незамеченным. Но теперь трюк не сработал; он не знал почему, и это было не важно. Он попал в руки врагов — скелета Гамалиэля, плотника Барто, карлика Мутепа и толстяка Сванки.

Он не стал сопротивляться. Отчасти потому, что это бесполезно, а отчасти по другой причине: ведь он сам хотел подняться к проходу и заглянуть в лицо дьяволу, так зачем противиться, если тебя тащат именно туда?

Была и третья причина. Эти существа — родичи демона, убившего отца Гесса. Он не знал их происхождения, но чувствовал это по их разговору, повадкам, запаху. Может быть, теперь, в последние минуты перед приходом иадов, демоны объяснят ему, что означают слова Лентяйки Сьюзан!

«Я есть ты, а ты есть любовь...»

И даже в самом конце, разве не любовь заставляет мир вращаться?

II

В утробе иад-уробороса не было ни темно, ни светло. Там полностью отсутствовали свет и тьма, высота и глубина, звуки и краски, и это само по себе казалось мукой, ибо Джо мог бесконечно перечислять все, чего здесь не было.

Так что же это за место и что он делал здесь? Может, он призрак, обитающий внутри иад-уробороса, как в родовом замке? Или душа, проглоченная дьяволом? Он не чувствовал страха, но ощущал нарастающую угрозу своему «я». Скоро его мысли начнут путаться, а потом он совершенно забудет себя.

У бассейна в храме, когда он имел тело и жил своей жизнью, такая перспектива выглядела заманчиво. Но здесь, паря (если душа может парить) в полной пустоте, он подумал: что, если его путешествие с самого начала предназначено Зерапушу? Он вспомнил, с каким любопытством разглядывал его первый шу на берегу возле Ливерпуля. Может быть, тот Зерапушу или то, частью чего он был, сразу избрали Джо именно для этого — чтобы он стал бесплотным духом и оказался внутри Иад?

Если так, то его долг перед шу — чей взгляд был одним из самых поразительных чудес, какие Джо встретил в этой чудесной стране, — сохранить остатки своей личности и не впасть в забвение.

Имя. Он еще помнил свое имя. У него не осталось ни губ, ни языка, ни легких, но он мог думать:

«Я — Джо Фликер. Я — Джо Фликер».

Это неожиданно возымело действие. Он стал яснее осознавать себя и то, что с ним происходило.

Конечно, он не имел представления об истинном своем состоянии. Может быть, он сделался крошечным? Тогда все, что он видит вокруг, не так огромно, как кажется. Он видел вокруг смутные формы исполинских размеров. Подобно кораблям, они плыли вниз, к темной впадине, загороженной чем-то вроде решетки.

Он не был уверен, что эти образы так же реальны, как его тело, лежащее возле бассейна. Быть может, это мысли, возникающие в голове иад-уробороса, и он сейчас знакомится с представлениями иадов о небе и аде или с обрывками их воспоминаний.

Он заметил, что в некоторых местах поток форм сбивался в огромные яйцевидные скопления. В нынешнем состоянии его любопытство немедленно удовлетворялось: едва он успел подумать, что там такое, как тут же понесся к ближайшему скоплению. Чем ближе он подлетал, тем меньше ему нравилось это яйцо. Оболочка напоминала частицы некой незрелой плоти, сложенные в безумную головоломку. Они двигались, толкались и вдавливались друг в друга, словно в бесстыдной пародии на совокупление.

Раздражал его и звук, исходящий от яйца; вернее, несколько звуков. Один напоминал хныканье младенца, другой — ритмичное биение большого сердца, третий — тонкий писк, который врезался в мысли Джо, стараясь привести их в беспорядок.

Джо захотелось бежать, но он сдержался, с каждой минутой все больше убеждаясь, что это место — пристанище невыносимой боли. Куски головоломки продолжали двигаться; одни разбухали, наливаясь гнойной жидкостью, другие, раздавленные и смятые, исчезали в глубине.

Слева мелькнула какая-то вспышка, и в ее свете Джо смог разглядеть, что таилось под шевелящейся поверхностью. Он двинулся к ней и впервые получил знак, что его присутствие замечено. Конвульсии оболочки стали судорожными, ее частицы начали выделять какую-то темную жидкость, словно в попытке закрыть от пришельца внутренность яйца. Когда

Джо достиг поверхности, ее колебания дошли до критической точки, выбросив наружу дюжину существ.

Они показались Джо бесформенными. Он не мог различить ни голов, ни ног, ни глаз. Но они извивались и вздрагивали, как живые существа, еще не родившиеся или, наоборот, — пребывающие в последней стадии распада. Тело Джо осталось далеко внизу, но при виде этих созданий он сразу вспомнил обо всех полученных им когда-либо ранах и ошибках, обо всех болезнях.

Теперь он подобрался слишком близко к источнику света, чтобы отступить. Стараясь не смотреть на отвратительных существ, он устремился в щель между кусками оболочек и дальше вниз, в глубину яйца.

Он попал в длинный тоннель, непрерывно сужавшийся, будто движение шло по спирали. Свет, приведший его сюда, не тускнел и не менялся, пока Джо несся по очень узкому тоннелю — казалось, здесь не пролезет и волос. Джо подумал, что тоннель может исчезнуть с ним вместе, но тут движение замедлилось, а потом и вовсе замерло. Джо завис в пространстве, пронизанном светом. Он чувствовал все отчетливее, что за ним кто-то наблюдает.

Он бесстрашно встретил взгляд невидимки, и в его мыслях сразу же возникли чистые и светлые образы покинутого мира.

Поле мягкой высокой травы, колеблемой легким ветерком. Крыльцо, утопающее в алых цветах, на нем смеющийся ребенок со светлыми кудряшками. Ночное небо над городом и горящая звезда.

Он понял: здесь кто-то мечтает об Альтер Инцендо. Этот кто-то бывал там и видел все собственными глазами.

Человек. Это человек. Может быть, пленник иадов, запертый в блестящей спирали и хранящий воспоминания — все, что у него осталось?

Джо не знал, где его товарищ по несчастью. Быть может, Джо сумеет освободить его, вырвать из клетки.

Он повернул и помчался в обратную сторону в надежде, что узник последует за ним, и не был разочарован. Когда тоннель

нель вновь начал расширяться, Джо обернулся и почувствовал на себе взгляд.

Однако это действие не обошлось без последствий. В стенах тоннеля появились трещины, оттуда стала сочиться та же черная жидкость — не кровь иадов, как он решил сначала, а сырье для их воспроизведения, мгновенно образующее причудливые уродливые фигуры.

Но в лихорадочном движении жидкости, в содрогании стенок тоннеля Джо ощутил страх. Может ли плоть Иад или управлявшее ею сознание испугаться его? Или они боятся того, кого он вывел из темницы?

Чем дальше продвигались два духа, тем больше Джо укреплялся в этом мнении. Трещины превратились в расщелины, исторгавшие вязкую жидкость; но, прежде чем развалины тоннеля похоронили их в себе, они вырвались и понеслись прочь, уворачиваясь от порождений яйца. Некоторые из тварей имели крылья, другие казались вывернутыми наизнанку, третьи походили на стаю горящих птиц, сложившихся в единое тело. Все они неслись за беглецами дикой ордой, бешено крича и визжа, волоча за собой нити вязкой материи. Яйцо содрогалось, разбрасывая куски мертвой ткани, и они падали вокруг Джо, как черный дождь.

Конвульсии так усилились, что Джо потерял своего товарища. Он попытался вернуться за ним, но орда безобразных существ налетела на него, немилосердно толкая и пиная. Он погрузился во тьму, теряя остатки сознания; потом, к его изумлению, появился свет, накрывший его колпаком, и вместе с этим светом Джо провалился куда-то вниз.

Там внизу он увидел бурлящее море сновидений, а за ним — город. Волны в его гавани поднялись так высоко, что корабли готовы были выплыть на улицы.

Это был Ливерпуль. Падая вместе с черным дождем иадов, Джо успел бросить взгляд на проход между мирами. Он разглядел сквозь туман темную щель, а в ней, как ему показалось, — звезду над хребтом Хармона.

Потом он ударился о воду и был подхвачен огромной волной. Прежде чем Джо потерял сознание, она подняла его, вынесла на улицы города и оставила там.

VI

i

— Счастливец этот Джо,— произнес кто-то, наклонившись над Фебой. Лицо его было растрескавшимся, как ручей Ангера в засуху.

Феба подняла голову с каменного ложа:

— Что с ним?

— Я говорю, что он счастливчик. Ты так говорила о нем..

— Что говорила?

— Повторяла его имя,— сказал Король Тексас.

Она глянула за его плечо. Пещера, где они находились, была полна людей, сидевших, стоявших и лежавших.

— А они меня слышали?

Король заговорщицки улыбнулся:

— Нет. Только я.

— Я сломала себе что-нибудь? — Она оглядела свое тело.

— Нет. Здесь нельзя проливать женскую кровь.

— А Муснакаф?

— Что Муснакаф?

— Он выжил?

Король Тексас покачал головой.

— Меня ты спас, а как же Муснакаф?

— Я ведь предупреждал ее. Сказал, что убью его, если она не вернется.

— Но он не виноват.

— Я тоже. Виновата она.

— Тогда почему ты не выкинешь ее из головы? Вон у тебя какое общество.

— Это не общество.

— А что?

— Взгляни сама.

Она села и посмотрела на фигуры, осознав свою ошибку. Это были не люди, а статуи, сплавленные из кусков блестящей руды или грубо вырубленные из камня.

— Ты их сделал?

— А кто же еще?

— Ты в самом деле здесь совсем один?

— Да, хоть и не по своей воле.

— Значит, ты делал их, чтобы создать иллюзию общества?

— Нет. Я пытался создать хоть какое-то подобие Мэв О'Коннел.

Феба спустила ноги с ложа и встала.

— Ничего, если я на них посмотрю?

— Смотри,— разрешил он, а когда Феба проходила мимо, прошептал: — Тебе все позволено.

Она притворилась, будто не слышит.

— А Мэв это видела? — спросила она, рассматривая статуи.

— Одну или две. Но они не произвели на нее никакого впечатления.

— Может, ты не так понял...— начала Феба.

— Что?

— Причину, почему она охладела к тебе. Я уверена, что это не твой вид. Она ведь наполовину слепа.

— Тогда чего она хотела от меня? — простонал Король Тексас.— Я построил ей гавань. Построил дороги. Разровнял землю, чтобы она могла нагрезить свой город.

— Она когда-нибудь была красивой?

— Никогда.

— Ну хоть немного?

— Нет. Когда я ее встретил, она уже была старухой. К тому же повешенной. Она была грязная, и от нее плохо пахло...

— Но?

— Что «но»?

— Но ты ее любил?

— О да. Я любил в ней огонь. Страсть к жизни. И конечно, ее рассказы.

— Она хорошо рассказывала?

— Конечно. Она же из Ирландии.— Он улыбнулся.— Именно так она создала этот город. Она рассказывала его, вечер за вечером. Сидела на земле и рассказывала. Потом засыпала, а утром возникало все, о чем она говорила. Дома. Памятники. Голуби. Запах рыбы. Туман. Она все сделала из историй и снов. Я никогда не видел ничего более удивительного, чем эти утра, когда она просыпалась и смотрела на то, что накануне придумала.

Слушая его исповедь, Феба прониклась к нему более теплыми чувствами. Конечно, он свихнулся от любви, как говорила Мэв, но самой Фебе хорошо знакомо это чувство.

Откуда-то сверху донесся гул. Из трещины на потолке посыпались камешки.

— Иад приближается,— сказал Король.

— О боже.

— Думаю, город уже разрушен,— произнес Король, и в голосе его звучало печальное спокойствие.

— Я не хочу быть похороненной здесь.

— Этого не случится. Я сказал Мэв правду: иады придут и уйдут, а камень останется.— Гул повторился, заставив Фебу вздрогнуть.— Если ты боишься, давай я тебя обниму.

— Нет, все в порядке,— ответила она.— Я только хочу взглянуть, что там происходит.

— Тогда пошли со мной.

Король вел Фебу по лабиринтам своих владений — на стенах он тысячу раз запечатлел собственное лицо, репетируя роль в любовной драме, которую теперь уже не сыграть,— и громко рассказывал о жизни внутри горы. Но падающие сверху камни разрушали изображения, а грохот заглушал его слова, так что Феба разобрала лишь фрагменты.

— В общем, камень не такой твердый,— говорил он.— Все становится текучим, если ждать достаточно долго..

И потом:

— Конечно, сердце у меня каменное, но оно все равно болит..

И еще:

— Сан-Антонио — хорошее место для смерти. Будь я человеком, я хотел бы пасть при Аламо..

В конце концов, минут через десять таких отрывочных разговоров, они вошли в громадную пещеру с отполированным до блеска полом. Этот пол, как перископ, отражал все, что происходило на поверхности земли. Зрелище ужасало: темная волна иадов катилась по улицам, где Феба проходила всего несколько часов назад. Она увидела, как по улице прокатилась голова какой-то гигантской статуи, сметая на своем пути целые дома, и как посреди площади приземлился небольшой остров с бьющимися на нем рыбами. Увидела корабли, застрявшие среди шпилей собора: их якоря свешивались вниз, как веревки колоколов.

А сверху падали дождем существа, поднятые из глубин моря снов. Некоторые напоминали рыб, но другие — формы, вдохновленные рассказами моряков или вдохновляющие их,— выглядели куда более странно. Вот морская змея с глазами, горящими, как маяки. А вот праматерь всех осьминогов, обвившая щупальцами мачты затонувшего корабля.

— Черт побери,— сказал Король Техас.— Она всегда любила свой город больше меня, но я его переживу.

Феба промолчала. Она обратила взгляд к иадам. То, что она увидела, действовало на ее рассудок как душевная болезнь, страшная и неизлечимая. Оно не имело лица. Не разбирало вины. Может быть, не имело сознания. Оно наступало просто потому, что могло наступать, и остановить его было невозможно.

— Они уничтожат Эвервилль,— сказала Феба.

— Возможно.

— Нет. Невозможно.

— Тебе-то что? Ты, кажется, не очень его любишь.

— Не очень. Но я не хочу видеть, как он гибнет.

— Ты и не увидишь,— напомнил Король Тексас.— Ты здесь, со мной.

Феба призадумалась. Конечно, он вряд ли согласится помочь. Но есть другой способ.

— Если бы я была Мэв...

— Ты не такая сумасшедшая.

— Но если бы я была ею... И если бы я основала город — не историями, а собственными руками...

— Что тогда?

— Тогда, если бы кто-то спас его от разрушения...

Она рассчитала правильно. Последовали пятнадцать секунд молчания, в течение которых Ливерпуль дрожал и рушился под ее ногами. Потом Король сказал:

— Ты бы могла полюбить за это?

— Могла бы.

— О боже,— прошептал он.

— Похоже, иады покидают город. Они движутся по берегу.

— По мне. Я ведь камень, помни это,— сказал Король, потом погладил неуклюжей рукой ее лицо.— Спасибо. Ты дала мне надежду.— Он повернулся и пошел к выходу.— Оставайся здесь.

— Я не...

— Я говорю, оставайся и смотри.

ii

Во время путешествия к Мем-э Б'Кетер Саббату Ной говорил Джо о страхе, который наводят иады своим приближением, но только теперь, выброшенный на улицы Ливерпуля, Джо увидел все своими глазами. В Б'Кетер Саббате иадов сдерживали Зерапушу, и Джо, ставшему бесплотным духом, наверное, ничего не грозило. Но сейчас он повсюду видел людей, кричащих и стонущих от переполняющего их невыразимого ужаса. Кто-то падал на землю, закрывая голо-

ву руками; другие, стремясь избавиться от страшных видений, разбивали голову о камни или разрывали себе грудь.

Не в силах им помочь, Джо продолжил путь, чтобы по крайней мере засвидетельствовать злодеяния иадов. Если есть высший суд, где они ответят за свои преступления, он там выступит.

Впереди на улице горел большой костер. Пламя сияло в пыльном воздухе, а вокруг него собралось человек двадцать. Они громко молились, взявшись за руки:

— Ты, кто разделен, соединишь в сердцах наших...

Похоже, они обращались к шу.

— Ты, кто разделен...

Однако их молитвы не были услышаны. Иады оставили город, но клочья их тучи еще блуждали по улицам, и один из таких клочков, напоминавший темную колонну высотой футов десять, появился из-за угла улицы и направился к костру. Одна из молившихся — юная девушка с алыми, как роза, губами — вырвалась и побежала прочь, дико крича. Мужчина, сидевший слева, поймал ее за руку и потащил назад.

— Держись! — кричал он. — Это последняя надежда!

Но было поздно. Разорванный круг потерял силу, если она у него была, а люди внезапно забились в корчах, зачарованные иадами. Один из мужчин выхватил нож и принялся полосовать им воздух перед собой. Другой сунул руку в огонь, громко крича то ли от ужаса, то ли от боли.

При этом он глядел в огонь, и его страдающее лицо внезапно прояснилось. Он выдернул руку из пламени и устоялся на Джо.

— Смотрите... — пробормотал он.

— Ты видишь меня? — изумился Джо.

Человек не слышал.

— Смотрите! Смотрите! — закричал он своим товарищам.

Теперь Джо видели и другие. Женщина с разбитым лицом подняла голову и улыбнулась.

— Как он сияет,— выговорила она с экстатической улыбкой.

— Услышали! — воскликнул еще кто-то.— Нашу молитву слышали.

— Что вы видите? — спросил Джо, но люди не реагировали на его голос. Они просто смотрели туда, где стоял его дух, шептали слова благодарности и плакали от радости.

Один из них взглянул на приближающихся иадов. Темная колонна остановилась. Или ее призывали возвращаться к главным силам, или она отступила перед радостью, исходящей от костра.

Девушка, разорвавшая круг, подошла к Джо. По ее щекам текли слезы, ее била дрожь, но совсем не от страха — она уже не боялась.

— Дай мне узнать тебя.— Она протянула руки к Джо.— Будь со мной всегда.

Эти слова и блеск ее глаз расстроили Джо. Что бы ни случилось здесь, он этого не понимал и не мог им помочь. Он по-прежнему Джо Фликер; всего-навсего Джо Фликер.

— Я не могу,— ответил он, хоть знал, что девушка его не слышит, и пошел прочь.

Идти было трудно — казалось, взгляды людей задерживают его и тянут к себе. Ему пришлось бороться, чтобы освободиться от них.

Только через полсотни шагов он осмелился оглянуться. Люди обнимали друг друга и плакали — все, кроме девушки, коснувшейся Джо. Она по-прежнему смотрела в его сторону, а Джо чувствовал на себе ее взгляд и знал, что никогда этого не забудет.

iii

— Тексас! — крикнула Феба.— Черт тебя побери, ты слышишь меня или нет?

Она давно уже ушла из зеркальной пещеры, которая начала рушиться. Теперь Феба остановилась в тоннеле, где на

стенах повторялись изображения лиц Короля, и призывала его, но он не слышал.

Она вспомнила его слова о женской крови, подобрала острый обломок камня, подняла рукав блузки и недолго думая полоснула себя по руке. Никогда еще собственная кровь не казалась Фебе такой красной. Морщась от боли, Феба позволила ей течь без помех, пока голова не начала кружиться.

— Что ты наделала? — Почти сразу же Король появился рядом с ней — фигура из расплавленного камня. — Я же сказал: никакой крови здесь!

— Тогда выведи меня отсюда, или я истеку кровью.

Камни продолжали сыпаться сверху. Где-то в стенах раздался скрежещущий звук, будто сдвинулись колеса громадного механизма.

— Я камень,— ответил он.

— Ты уже говорил.

— Если я сказал, что ты здесь в безопасности, значит, так и есть.

Стена позади нее так затряслась, что Феба чуть не упала.

— Так ты выведешь меня или нет?

— Выведу,— согласился он, отделяя свои ноги от каменного пола, и подошел к ней. — Но с условием...

— С каким?

Его лицо стало грубее, заметила Феба: глаза и рот едва выделялись.

— Если я выведу тебя отсюда, то вот так. — Он распахнул объятия. — Только в камне ты будешь в безопасности. Согласна?

Она кивнула. Идея была не такой уж плохой. Он Король, и у него есть любящее сердце, пусть даже из камня.

— Согласна,— сказала она и, зажав рукой рану, позволила ему заключить себя в объятия.

III

i

Грилло не очень-то разбирался в детях, но едва услышал сдавленные звуки, как сразу сообразил: с ребенком что-то не то.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю.

— Она как будто подавилась.

— По-моему, нам нужно остановиться.

Девочка задыхалась, на каждом ухабе у нее начинались конвульсии. Грилло немного сбросил скорость, но Джо-Бет этого показалось мало.

— Надо остановиться! — воскликнула она. — Хоть на две минуты.

Грилло посмотрел на маленькую Эми, которая жалобно всхлипывала на руках у Джо-Бет. Нехотя он потянул на себя ручник, и машина остановилась.

— Она хочет к отцу, — сказала Джо-Бет.

— Он нас догонит.

— Я знаю, — отозвалась Джо-Бет. Малышка постепенно успокаивалась. — Послушай, оставь нас здесь, — предложила девушка. — Он увидит нас и не будет гнаться за тобой.

— О чем ты, черт возьми?

— Ты поступил так, как считал правильным. Но ты *ошибся*. Мы с Эми знаем это.

— Ты хочешь сказать, что Томми-Рэй... — потрясенно произнес Грилло.

— Мы будем вместе, — заявила она. — Или умрем. Тогда мы все умрем.

Грилло поглядел на ребенка на ее руках.

— Не знаю, в своем ты уме или совсем рехнулась, но я не могу доверить тебе Эми. — Он потянулся, чтобы взять ребенка. Джо-Бет прижала к себе девочку, но Грилло был сильнее. Он просто взял Эми у нее из рук, не спрашивая разрешения.

К его изумлению, Джо-Бет не попыталась забрать дочь обратно. Она лишь оглянулась на дорогу.

— Он идет, — сказала она.

— Сиди здесь.

— Но *он* уже идет..

— Я сказал...

Он не успел договорить. Джо-Бет нажала на ручку и открывала дверцу. Тут Грилло схватил ее за руку, но она вывернулась и выскочила из машины.

— Вернись! — закричал он.

Порыв ветра ударил автомобиль так, что тот покачнулся. Потом — второй порыв, еще сильнее первого. Джо-Бет уже стояла на середине дороги, привстав на цыпочки, прикрывая руками грудь. Опять налетел ветер, и машина еще раз качнулась. Грилло решил больше не ждать. Если он выйдет из автомобиля, Джо-Бет побежит, а тем временем ее любимый братец — Парень-Смерть — будет здесь.

Осторожно положив Эми на сиденье, он потянулся к пассажирской дверце, когда ветер пополам с пылью ударил в лицо так, что Грилло отбросило назад. Он сильно стукнулся затылком о дверцу, но ухватился одной рукой за руль, а другой попытался поднять ребенка. Пыль, наполнившая салон, сгустилась и сформировала пальцы, которые вцепились в горло Грилло и тянулись к глазам.

Ослепший, он упрямо пытался достать Эми, а ветер раскачивал машину все сильнее. Наконец Грилло нашарил одеяльце, подтянул к себе, но тут призраки поставили машину на два колеса, и она заваливалась на бок. Металл затрещал.

Они явно хотели, чтобы Грилло перевернулся, а он продолжал искать Эми, опасаясь, что ее схватят эти пыльные мертвецы. Потом, видимо, кто-то отозвал призраков, потому что пальцы, лезшие в глаза и в глотку Грилло, исчезли. Он отер лицо рукавом, разлепил глаза и увидел вместо ребенка пустое одеяльце. Ухватившись за панель, он потянулся к открытой пассажирской двери, уверенный, что Эми выпала из машины. Но едва он приподнялся на сиденье, как ветровое стекло лопнуло, и в нем закружилась пыль, сложившаяся в несколько лиц — четыре или пять. Они весело скалились, глядя на его отчаяние.

— Ублюдки! — крикнул он. — Ублюдки!

Тут он услышал плач. Заплакали, конечно, не призраки, а Эми. Никто ее не забрал, она просто сползла под сиденье и лежала там, целая и невредимая.

— Все хорошо, — прошептал он и повернулся за ней.

Тут машина опасно накренилась и стала переворачиваться. Даже сквозь звон стекла и скрежет металла Грилло услышал рев Томми-Рэя:

— Остановитесь!

Но приказ запоздал. Они перевернули машину колесами вверх, крыша сплющилась. Стекла в оставшихся окнах брызнули осколками, приборная панель треснула. Инстинкты оказались быстрее рассудка, и Грилло успел схватить и прикрыть собой ребенка. Хрупкие его кости хрустнули и переломились. Он почувствовал боль в животе и груди.

Затем машина перестала ломаться, и почти все стихло. На мгновение Грилло показалось, что Эми погибла, но она, похоже, просто перепугалась и тихонько сопела с ним рядом.

Он лежал головой вниз, раскинув ноги, и по животу его текло что-то горячее. Грилло почувствовал запах — знакомый и резкий. Он обмочился. Очень осторожно он попытался перевернуться, но что-то ему мешало. Он потрогал грудь и нащупал влажный металлический штырь, торчавший из его тела под левой ключицей. Боли он не чувствовал, хотя эта штука пронзила его насквозь.

— О боже, — очень тихо прошептал он, потом протянул дрожащую, слабеющую руку к Эми. Ему показалось, что про-

шел целый век. Грилло успел подумать о Тесле и понадеялся, что она его не увидит таким. Она столько перенесла в поисках истины и так мало получила взамен.

Наконец его рука дотянулась до Эми. Он потрогал ее лицо, ощупал тельце. Пальцы его онемели, но крови на ребенке вроде бы не было, и это уже хорошо. Потом он снова коснулся ее лица, и девочка вдруг ухватилась за палец Грилло. Он удивился, какая она сильная. И порадовался: значит, Эми цела. Грилло сделал вдох, и израненным легким хватило воздуха ровно на два слова. Он потратил его с умом.

— Я здесь,— сказал он Эми и умер так тихо, что она не заметила.

ii

Еще не завернув за угол, Тесла услышала жалобный скулеж и вой — голоса призраков. Она затормозила и припарковалась за поворотом, где их не должны были заметить.

— Что бы мы там ни увидели,— предупредила она Хови, слезая с сиденья,— держи себя в руках.

— Я лишь хочу вернуть свою жену и дочь.

— И мы их вернем,— сказала Тесла.— Но только, Хови, силой тут ничего не добьешься. Одно слово, и мы погибли. Подумай об этом. Ты ничем не сможешь Джо-Бет и Эми, если умрешь.

С этими словами Тесла завернула за угол. Фонарей вдоль дороги не было, но луна и звезды светили достаточно ярко, чтобы все сразу стало ясно. Смятый автомобиль Грилло лежал колесами вверх. Джо-Бет стояла неподалеку, совершенно невредимая. Грилло и девочки нигде не было.

А Томми-Рэй распекал своих воинов, клубившихся у его ног, будто побитые собаки.

— Кретины! — кричал он.— Вот же долбаные кретины!

Он запустил руку в завывающие клубы, зачерпнул две пригоршни пыли. Она сыпалась между его пальцами.

— Почему вы ничему не учитесь? — неистовствовал он.

Призраки еще громче заскулили от страха. Одни подняли к нему виноватые морды. Другие спрятались посреди клубов — очевидно, они знали, что сейчас произойдет.

Томми-Рэй открыл рот — гораздо шире, чем позволяла нормальная человеческая анатомия, — и втянул в себя пыльную мерзость. Он буквально их заглотил. Тесла видела, как два воющих призрака исказились, вытянулись, стружкой втянулись в его пасть и исчезли в глотке, а следующие вцепились когтями в землю, пытаясь удержаться и не улететь за ними. Но на этом, похоже, наказание закончилось. Томми-Рэй забросил в рот свисавшие с губ нити пыльной ткани. Эфирное вещество стекало по подбородку. Прожевал и выплюнул.

Призраки, благодарно бормоча, расползлись в стороны.

Вся сцена заняла секунд двадцать, но за это время Тесла и Хови успели подойти поближе к автомобилю. Теперь, когда до машины оставалось шагов двадцать, Томми-Рэй вполне мог их заметить. К счастью, он ни разу не глянул в ту сторону. Он смотрел только на Джо-Бет. Подошел к ней и начал что-то говорить. Она не отошла от него, не отодвинулась. Даже когда он стал гладить ее — провел пальцами по щеке, по волосам, по губам, — она не отшатнулась.

— Господи, — прошептал Хови.

Тесла оглянулась на него через плечо.

— Там кто-то шевелится. — Она кивнула в сторону машины.

Хови посмотрел туда.

— Не вижу, — отозвался он и снова повернулся к близнецам, не в силах отвести от них взгляда. — Он не имеет права! — вскрикнул он внезапно и, оттолкнув Теслу в сторону, направился к ним.

Тесле пришлось действовать, выбора у нее не было. Она бросилась к машине, заглянула в ее темное нутро. Там и впрямь что-то шевелилось. От машины несло бензином. Тесла подошла сзади, чтобы машина заслоняла ее от Томми-Рэя. Она старалась не слушать, но то, что он говорил сестре, невольно притягивало внимание.

— Будет еще больше, — говорил он. — Намного больше..

Тесла опустилась на колени в лужу натекавшего бензина и позвала:

— Грилло!

Она вглядываясь в темноту, и глаза ее постепенно различали то, что там было. Опрокинутое сиденье, рассыпавшиеся дорожные карты. Среди карт — господи! — она увидела руку Грилло. Тесла потрогала руку и снова позвала его. Он не ответил. Сунув голову в разбитое окно, Тесла стала разгребать мусор, чтобы до него добраться. На лицо и волосы капал бензин. Она вытирала его тыльной стороной ладони и снова принималась за дело. Ей удалось сдвинуть в сторону сиденье, открыв себе обзор. Лицо Грилло смотрело прямо на нее, и она снова его позвала, в ту же секунду поняв, что звать уже не нужно. Металлический штырь пронзил его насквозь, Грилло был мертв. Судя по выражению лица, он не почувствовал боли. Тесла погладила его. Он выглядел спокойным, почти безмятежным.

Она гладила его щеку, и вдруг рядом с ним что-то шевельнулось. Эми, это Эми! Тесла подтянулась на руках, едва не коснувшись груди Грилло, и искала в глубине машины. Девочка действительно была там. Широко открытые глаза влажно блестели в темноте, ручонка крепко держалась за палец Грилло.

Тесла поняла, что Грилло достать из машины невозможно, — металл сдавил тело со всех сторон. Надо попытаться спасти Эми, протацив в щели под днищем. Тесла пролезла, насколько позволяло смятое пространство салона, мимо пронзившего Грилло штыря и освободила место вокруг ребенка. Перегнулась через Грилло, навалившись грудью на его липкое от крови плечо, и взяла девочку.

В этот момент до нее снова долетел голос Томми-Рэя.

— Мертвые... — произнес он.

Тесла услышала и ответ — не Джо-Бет, а Хови. Тесла уловила лишь несколько слов, и этого хватило, чтобы понять: Хови обращался к сестре, не к брату.

— Говори, говори, — прошептала она. Чем дольше Хови будет отвлекать их внимание, тем больше у нее шансов спасти Эми.

Она осторожно отняла у Эми палец Грилло и попятилась, протаскивая девочку под днищем. Та недовольно захныкала.

— Тише,— прошептала Тесла, успокаивающе улыбаясь.

Они уже почти выбрались. Тесла в последний раз посмотрела на Грилло.

— Еще немного,— пообещала она ему.— Осталось немного.

Стоя на коленях возле машины, она вытащила Эми через окно и начала подниматься.

С той стороны, за машиной, раздался крик Томми-Рэя. Голос его зазвучал сразу на несколько ладов, как будто вобрал в себя голоса тех, кого сожрал Парень-Смерть.

— Скажи ему! — вопил он мертвыми голосами, взывая к Джо-Бет.— Скажи ему правду!

Теперь ее не закрывала машина, но Тесла рискнула встать в полный рост: она решила (и не ошиблась), что Томми-Рэй слишком занят, ему не до нее. Он обнимал за плечи свою сестру.

— Скажи ему, что между нами было! — требовал он.

Лицо Джо-Бет утратило безучастность. Глядя в отчаянное лицо своего мужа, она против воли его пожалела. Томми-Рэй слегка встряхнул ее.

— Почему ты не скажешь ему все, как есть? — гаркнул он.

Джо-Бет открыла рот.

— Я... я уже не знаю,— проговорила она.

Услышав ее голос, девочка на руках у Теслы захныкала. Тесла застыла на месте, а три пары глаз повернулись к ней.

— Эми! — вскрикнула Джо-Бет и бросилась к Тесле, протягивая руки.— Дай ее мне!

Она была уже в двух шагах от разбитой машины, когда Томми-Рэй крикнул ей вслед:

— Подожди!

В голосе его звучала такая сила, что Джо-Бет невольно послушалась.

— Прежде чем ты прикоснешься к ней,— потребовал Томми-Рэй,— скажи ему, чей это ребенок!

Тесла видела лицо Джо-Бет, стоявшей спиной к мужчине. Видела написанное на нем смятение.

— О ч-ч-чем т-ты? — спросил Хови.

— По-моему, она не хочет тебе говорить,— произнес Томми-Рэй.— Но я хочу, чтобы ты знал. Раз и навсегда. Как-то я решил вас навестить, чтобы посмотреть, как поживает моя сестренка. И мы с ней... ты не поверишь, но мы были вместе. Ребенок мой, Катц.

Глаза Хови устремились к Джо-Бет.

— Скажи, что он лжет,— сказал он.

Джо-Бет молчала.

— Джо-Бет! Скажи, ч-что он л-л-лжет!

Хови вытащил из куртки револьвер (Тесла видела, как он его уронил на парковке возле мотеля; значит, успел подобрать, прежде чем сесть на мотоцикл) и направил его на Джо-Бет:

— С-с-скажи ему! Он л-л-лжет!

Тесла переводила взгляд с револьвера на Джо-Бет, с Хови — на Томми-Рэя, и ей вспомнился Паломо-Гроув. Флетчер, облитый бензином, ищущий огненной смерти. Пистолет, который она сжимала в руке, собираясь выстрелом высечь искру...

«Нет, пожалуйста, нет! — взмолилась она.— Господи, хватит одного раза».

Томми-Рэй продолжал наступать.

— Ты никогда ее не знал, Катц. По-настоящему. Ты думал, что знаешь ее, но она глубже, чем ты мог достать,— хихикнул он.— Гораздо глубже.

Хови опустил голову и вдруг увидел лужу бензина у ног своего врага. Он выстрелил не раздумывая. Все это заняло три или четыре секунды, но Тесла успела подумать о том, как быстро созревают плоды на дереве жизни.

Искра вылетела, вспыхнуло пламя, и воздух вокруг Томми-Рэя окрасился золотом.

Хови издал победный вопль. Потом повернулся к Джо-Бет.

— Ты все еще его хочешь? — прокричал он.

Джо-Бет всхлипнула.

— Он меня любит,— ответила она.

— Нет! — воскликнул Хови и пошел к ней навстречу.— Нет! Нет! Только я один тебя люблю! И всегда любил, еще до того, как встретил...

Он шел к ней, а огонь, цветком раскрывшийся вокруг Томми-Рэя, пустил росток по земле в ее сторону. Джо-Бет этого не видела. Она умоляла Хови:

— Хватит, пожалуйста, хватит...

— Хови! — закричала Тесла, и он оглянулся.— Берегись!

Теперь он увидел. Бросив револьвер, он с криком бросился к Джо-Бет. Не успел он пробежать и половину расстояния, как огонь вокруг Томми-Рэя разошелся, будто занавес. Парень-Смерть пылал с головы до ног; огонь вырывался из его рта и глазниц, из живота, из паха. Но он не обращал на это внимания. Ровным шагом Томми-Рэй направился к сестре.

Увидев его, она метнулась в сторону и непременно бы убежала, но бензин под ногами вспыхнул, и на ней загорелось платье. Вскрикнув, Джо-Бет стала сбивать огонь руками, но пламя быстро пожирало легкую ткань.

Хови бросился ей на помощь, но Томми-Рэй схватил его пылающей рукой за воротник. Хови обернулся, пытаясь ударить противника, а другой рукой обнял Джо-Бет. В этот момент огонь добрался до ее волос, и они вспыхнули, как факел. Руки девушки конвульсивно раскинулись и крепко обняли Хови.

Тесла пережила много ужасов, но нигде — ни в Петле, ни в точке Зеро — она не видела ничего подобного. Джо-Бет уже не кричала. Ее тело страшно содрогалось, и Хови не мог сбить огонь. Не мог он и спастись сам — почерневшие руки жены сомкнулись вокруг него намертво.

Теперь закричал Томми-Рэй. Он издал безумный пронзительный вопль и попытался оторвать Хови от Джо-Бет, но огонь, перебегая от жены к мужу, превратил их в единый пылающий столп. Судороги Джо-Бет прекратились; она умерла. Но Хови еще жил. Он поднял руку и опустил ее на плечо жены, будто они оба не горели, а кружились в медленном танце.

Этот жест был последним. Ноги Хови подломились, и он упал на колени, увлекая Джо-Бет за собой. Они стояли на коленях лицом к лицу. Рука Хови по-прежнему лежала на плече Джо-Бет, а ее голова покоилась на его плече.

Томми-Рэй отошел от тел к обочине дороги, где притаилось его войско. По его приказу или по собственной воле они взвились и окутали его пылью, словно покрывалом. Пламя погасло, и Томми-Рэй опустился на землю. Он рыдал и сквозь рыдания повторял имя сестры.

Тесла оглянулась на огонь, пожиравший Хови и Джо-Бет. Он почти потух. Тела почернели и съезжились, но их руки по-прежнему обнимали друг друга.

За спиной Тесла услышала чьи-то всхлипы. Она не обернулась. Она и так знала, кто это.

— Довольна? — спросила она девочку.— Может, теперь вернешься домой?

— Подожди.

Это произнес не прежний нежный детский голосок. Удивленная Тесла оглянулась. Позади возвышался заросший травой холм с дюжиной высохших кустов. Трое свидетелей сидели на ветвях, не прогибавшихся под их тяжестью. Они переменились, и их новая внешность, как решила Тесла, была их настоящим обликом. Теперь они походили на фарфоровых кукол с белыми неподвижными лицами, почти не отличающимися друг от друга. Оделись они в многослойные серебристые одеяния, как в коконы. Ближайшее существо, в котором Тесла заподозрила маленькую Мисс Совершенство, обратилось к ней:

— Я знала, что мы выбрали правильно. Ты повела себя, как мы и хотели.

Тесла оглянулась на Томми-Рэя. Он все еще плакал, окруженный пеленой призраков. Но скоро он придет за девочкой, и Тесле некогда развлекать непрошенных гостей. Еще несколько вопросов, и все.

— Кто вы такие?

— Мы — Джай-Вай,— ответило существо.— Меня зовут Пар Уту. А Хахе и Йе ты уже знаешь.

— Это мне ни о чем не говорит. Я хочу знать, кто вы.

— Слишком долгая история, чтобы рассказывать ее сейчас.

— Тогда я не услышу ее никогда.

— Может, и к лучшему,— сказал Йе.— Иди своим путем.

— Да, иди,— согласился третий.— Мы хотим знать, что будет дальше.

— Еще не насмотрелась?

— Мы не можем,— проговорила Рар Уту почти жалобно.— Будденбаум нам так много показал. Очень много.

— А нам мало,— добавил Йе.

— Может, попытаетесь испытать это?

Рар Уту передернуло.

— Мы никогда не сможем такого,— ответила она.— Никогда.

— Тогда вам всегда будет мало,— сказала Тесла. Она отвернулась от них и пошла к мотоциклу, то и дело оглядываясь на Томми-Рэя. Он все еще плакал.

Она достала из багажника пару ремней и крепко прикрутила сверток с Эми к заднему сиденью. Потом завела мотор, готовая услышать вой легиона, устремляющегося за ней. Но Парень-Смерть и его призраки оставались неподвижны. Она проехала мимо них, бросив быстрый взгляд на склон холма. Джай-Вай исчезли. Они насладились зрелищем смерти троих человек и отправились искать новые развлечения. Безусловно, они из высшего разряда существ, но в их интересе к человеческим страданиям есть что-то болезненное. Томми-Рэй не мог помочь себе. А они могли.

И как бы Тесла ни злилась на них, в ее голове снова и снова всплывала сказанная ими фраза. Эти слова, думала Тесла, не покинут ее до самой смерти.

«Что дальше? Что дальше? Что дальше?»

VIII

i

— Они хотят распять тебя, Д'Амур?

Гарри отвернулся от крестов, перед которыми стоял, и посмотрел на вышедшего из тумана человека. Простая темная одежда незнакомца не имела ни единой лишней детали; волосы острижены практически наголо; широкое плоское лицо почти лишено красок. И было в нем что-то знакомое Гарри; что-то в глазах.

— Киссун? — произнес он, и плоское лицо человека нахмурилось.— Это ты, не так ли?

— Как ты меня узнал?

— Развяжи меня, и я скажу.— Гарри был привязан к вкопанному в землю столбу.

— Мне это неинтересно,— ответил Киссун.— Я тебе говорил, что мне нравится твое имя? Не Гарольд — это смешно. Но Д'Амур... Может быть, я возьму его себе, когда ты окажешься там.— Киссун кивнул на средний крест; Гамалиэль и Барто снимали оттуда тело женщины.— А может, я возьму целую сотню имен,— продолжал Киссун, понизив голос до шепота.— Или ни одного. Да, так еще лучше. Буду безымянным.— Его руки поднялись к лицу.— И безликим.

— Думаешь, иады идут, чтобы сделать тебя королем мира?

— Ты говорил с Теслой.

— Этого не будет, Киссун.

— Ты знаком с работами Филиппа де Шантиака? Нет? Он был отшельником, жил на маленьком острове возле побережья Элмота. Немногие осмеливались приходить к нему — из страха, что течение вынесет их на берег иадов,— но они привезли с собой мудрость.

— И в чем она?

— Филипп де Шантиак некогда правил городом Б'Кетер Саббатом, и он обладал всеми качествами идеального правителя. Тем не менее в городе по-прежнему оставались грусть, вражда и насилие. И однажды он сказал: «Не хочу больше жить вместе с отродьем Сапас Умана» — и уплыл на этот остров. Когда в конце жизни его спросили, чего он желает миру, он ответил: «Я хочу изжить до конца желания и стремления. До конца человеческой силы и человеческой слабости. До конца материнства и братства. До конца роптания в отчаянии и утешения в радости. До конца надежды. Тогда мы обратимся в рыб и вернемся к началу вещей».

— И ты хочешь того же?

— Да. Я хочу конца...

— Чего?

— Во-первых — этого проклятого города.— Киссун кивнул в сторону Эвервилля. Он подошел чуть ближе, и Гарри всмотрелся в его лицо, пытаясь отыскать трещину в бесстрастной маске, но не нашел.— Я потратил много сил, закрывая нейрики по всему континенту. Хотел убедиться, что иады проникнут в мир именно здесь.

— Ты ведь даже не знаешь, кто они.

— Не важно. Они принесут конец всему. Все, что люди считают важным.

— А что будет с тобой?

— Я возьму себе этот холм и буду смотреть с него на рыб.

— А если ты ошибаешься?

— Насчет чего?

— Насчет иадов. Вдруг они безобидны, как котята?

— Они — все, что есть в нас плохого, Гарри. Они — гниль, вырастающая из нашего дерьма,— проговорил Киссун и по-

ложил руку на грудь Д'Амура.— Ты заглядывал в человеческое сердце, Гарри?

— Когда-то давно.

— Ужасное зрелище.

— Твое — может быть.

— Любое, Гарри, любое. Ненависть и жадность! — Он указал на проход.— Именно это и идет сюда, но в тысячу раз сильнее. У них хватает ненависти и жадности, но нет человеческих лиц. Я тебе гарантирую.

Тело Кейт Фаррел упало на землю. Гарри оглянулся на ее лицо, на котором запечатлелась предсмертная мука.

— Ужасная вещь — человеческое сердце,— повторил Киссун.

Гарри вдруг показалось, что он сумеет избежать страданий, испытанных Кейт, если внимательно изучит их. Похоже, это было помрачение рассудка. Пока он вглядывался в лицо женщины, Киссун повернулся и пошел вверх по склону.

— Смотри, Гарри,— бросил он на прощание и исчез в тумане.

ii

Когда Джо оставил город и пошел по берегу вслед за иадуроборосом — как свидетель, ничего больше,— земля задрожала. Слева от Джо море сновидений с отчаянной яростью бросалось на берег. Справа от него дорога, идущая вдоль берега, содрогнулась и начала проваливаться.

Стена иадов, бывшая уже в двухстах ярдах от двери, никак не реагировала на подземные толчки. Когда Джо смотрел на нее, ему виделись разные образы: облако, гора, гниющее тело. Теперь иады казались ему похожими на громадный рой насекомых, неудержимо движущихся к своей цели и пожирающих все на пути.

Проход сильно увеличился с тех пор, как Джо перешагнул порог в первый раз. Нижняя часть двери все еще была окутана туманом, но верхняя поднялась над берегом на сот-

ни ярдов и росла даже в то мгновение, когда он смотрел на нее, разрывая небо. Он подумал: если там, на другой стороне, есть ангелы, самое время им явиться и сразить иадов. Но дверь открывалась, иады шли и шли, и вместо небес на это откликнулась земля.

Сотрясение скал докатилось и до горы Хармона. Почва и даже туман задрожали, вызвав беспокойство в стане Зури. Гарри не видел их, но услышал, как приветственные гимны сменились всхлипами и испуганными восклицаниями.

— Что-то случилось на берегу,— сказал Кокер Эрвину.

— Нужно держаться в стороне.— Бывший юрист испуганно взглянул на кресты.— Все еще хуже, чем я думал.

— Да,— согласился Кокер.— Но это не значит, что мы не можем посмотреть.

Он поспешил вверх, мимо крестов и связанного Д'Амура, вынуждая Эрвина последовать за ним. Эрвину уже не хотелось никаких тайн — он просто боялся потерять своего последнего товарища и при этом страстно желал вернуться к той жизни, какой жил до того, как прочел признание Макферсона. С ее тривиальностью и простотой; со всеми мелочами, что его окружали. В той жизни имелись огорчения: испорченные продукты в холодильнике; пятно на любимом галстуке; утро перед зеркалом, когда он с грустью отмечал, что живот становится больше, а волос на голове меньше. Возможно, это была бесцельная и банальная жизнь, но он решительно предпочитал ее тому, что видел сейчас,— крестам с окоченевшими телами и ужасу, что таился в тумане.

— Видишь? — спросил Кокер, когда Эрвин догнал его.

Конечно, Эрвин видел. Мог ли он не видеть этого? Огромная дверь выросла из тумана и уходила в небо. За порогом был берег, о который бились суровые темные волны.

И хуже всего — черная зловеющая стена, двигавшаяся по берегу прямо к ним.

— Это оно? — спросил Эрвин. Он ожидал чего-то более понятного: например, орды палачей с орудиями пыток. А то,

что было здесь, он мог обнаружить под закрытыми веками: шевелящаяся темнота.

Кокер что-то ответил, но Эрвин не услышал его из-за грохота. Берег содрогался, будто чувствовал идущее по нему великое зло; каждая конвульсия взметала вверх валуны величистой с дом. Кокер тем временем шел вперед по земле, вдруг утратившей твердость. Камни, грязь и трава смешались в студенистую массу, порой доходившую Кокеру до колен и влиявшую даже на призрачное тело — дважды его сбивало с ног и отшвыривало назад к Эрвину.

Кокер боролся с бурей не для того, чтобы просто посмотреть на содрогаящийся берег. С другой стороны прохода на зыбкую землю ступили двое — старая женщина на спине мужчины, который, казалось, был едва жив. Кокер отчаянно стремился к ним. На голове мужчине зияла рана. Эрвин не знал, почему Кокера так заинтересовали эти несчастные, но он решил помочь и с опаской ступил в жидкую грязь.

Тут он расслышал слова Кокера:

— Господи! Посмотри на нее, Тузейкер!

— А что такое? — закричал Эрвин в ответ.

— Это же Мэв, Тузейкер! Это моя жена!

Землетрясение не отвлекло Барто от его задачи. Чем сильнее дрожало все вокруг, тем больше он спешил, словно распятие Д'Амура являлось целью его жизни.

Когда он отвязывал Гарри от столба, из тумана появился один из спутников Посвященного — существо с гладким розовым лицом и кривыми ножками карлика. Он подобрал молоток, и Барто решил, что ему пришли помочь, и махнул рукой в сторону креста. Вместо этого карлик размахнулся и ударил его молотком по лицу. Барто упал, а карлик подскокил к нему и ударил еще раз. Из треснувшего черепа плотника хлынула белая жидкость. Он взвыл, но в общем грохоте его призыв о помощи никто не услышал. Он попытался встать, но встретил еще один удар молотка и вытянулся на земле у подножия пустого креста.

Гарри тем временем старался высвободить связанные руки, но карлик уже спешил к нему с ножом, снятым с пояса Барто.

— Неприятно, правда? — спросил он гнусавым голосом, перерезая путы.— Одна веревка, и человек становится беспомощным, как муха. Кстати, что там происходит?

— Не знаю.— Веревка упала, и Д'Амур стал разминать затекшие руки.— Спасибо. Почему ты..

— Я Рауль, Гарри.

— Рауль?

Розовое лицо просияло.

— Я все-таки нашел себе тело! В нем, правда, есть еще кто-то, но он полный кретин.

— А где Тесла?

— Меня оторвало от нее у двери. Той силе я не мог противиться. Меня просто вырвало из ее головы.

— А где она сейчас?

— Думаю, поехала к Грилло. Я хочу найти ее до того, как все кончится. Нужно попроситься. А как ты?

Взгляд Гарри не отрывался от хаоса по ту сторону прохода.

— Когда придут иады..

— Я знаю,— отозвался Гарри.— Они снимут с меня голову и набьют ее дерьмом.

Глаза у Гарри слезились, зубы стучали, татуировки страшно зудели. В воздухе уже чувствовалось приближение врага.

— Это дьявол, Рауль? — проговорил он.

— Если хочешь, зови их так.

Гарри кивнул. Хороший ответ.

— Так ты не идешь? — спросил Рауль.

— Нет. Я пришел сюда, чтобы увидеть врага в лицо и сопротивляться ему, как могу.

— Тогда желаю удачи.— Новая волна сотрясла землю, и Рауль едва удержался на своих маленьких ножках.— Я пойду.

Он повернулся и поспешил вниз, а Гарри возобновил подъем. В земле множились и увеличивались трещины шириной в ярд и больше. Земля и камни вокруг них разжижались и стекали в бездну.

Дальше открывалась сама нейрика, уже достигшая ширины в тридцать ярдов. Берег за ней больше не походил на то завораживающее зрелище, какое Гарри наблюдал в святилище Заим-Карасофия. Невдалеке подымалась гигантская стена Иад, а перед ней земля превратилась в водоворот камней и грязи. Это, однако, не остановило влияния иадов на сознание Д'Амура. Он почувствовал волну отвращения к себе и к миру. Он был болен, он хотел испытать все зло мира, и вот оно шло к нему; теперь ему оставалось только убить себя.

Он попытался стряхнуть наваждение, но бесполезно. Голову его заполнили образы смерти: тело Теда Дюссельдорфа на цементном полу; разорванные трупы Заим-Карасофия, сидящая перед пламенем свечей мертвая Мария Назарено. Он слышал их рыдания и вопли, и все они обвиняли его в своей гибели.

— Ты так и не понял.

Он оглянулся. Справа от него из трещины выглядывал отец Гесс. Раны, что нанесла ему Лентяйка Сьюзан столько лет назад, еще не зажили.

— Я здесь не затем, чтобы обвинять тебя, Гарри.

— Тебя нет здесь.

— Ладно, Гарри.— Гесс улыбнулся окровавленным лицом.— Какая разница? Причина наших бед не в реальности, а в иллюзиях. Пойми хотя бы сейчас.

Гарри знал это. Вот и сейчас перед ним была иллюзия, наколдованная кем-то. Почему же он не мог оторвать от нее глаз?

— Потому что ты любил меня, Гарри,— сказал отец Гесс.— Я был хорошим человеком, но, когда дошло до дела, ты не смог меня спасти.— Он закашлялся, и из его рта хлынула струйка гноя.— Это, должно быть, ужасно — такое бессилие. Вот и сейчас ты видишь врага и ничего не можешь сделать.

— Ты закончил? — спросил Д'Амур.

— Ближе...

— Что?

— Подойди ближе.

Гарри послушался.

— Так-то лучше. Я не хочу, чтобы нас слышали. Это все зеркала,— проговорил Гесс.

Внезапно он вытянул руку и схватил Гарри за лодыжки. Тот попытался вырваться, но призрак держал крепко и дюйм за дюймом подтягивал его к трещине. Лицо фантома колебалось — под ним не было черепа.

— Видишь? — спросил безгубый рот.— Это зеркала, а мы отражения. Оба.

— Да пошел бы ты! — заорал Гарри и рванулся, освободившись из его рук.

Гесс пожал плечами и усмехнулся:

— Ты все-таки не понял. Я говорил тебе, говорил...

Гарри повернулся к нему спиной и поглядел на дверь.

— Говорил, говорил, говорил...

Понадобилась пара секунд, чтобы осознать: Иад или какая-то его часть уже не в том мире, а в этом. Потом земля вокруг них вздыбилась, и все погрузилось в хаос.

iii

Это была еще та поездка. Феба, заключенная в каменную капсулу, пробивалась сквозь землю вместе с каменной волной, преградившей путь иад-уробороса. Тексас обещал ей, что она будет в безопасности, и так и случилось — ее укрытие ныряло вверх и вниз в волнах жидкого камня, но Феба ничего не видела. Только чувствовала, как оказывается вместе со своим защитником то в прохладных глубинах Субстанции, то в кипящих пропастях земли, то в живом теле Короля, рядом с гулко стучащим каменным сердцем.

Время от времени Феба слышала его голос, уговаривающий ее не волноваться.

Она и не волновалась. Она находилась под защитой могущественной силы и верила обещанию Короля.

Но присутствие иадов действовало на нее. Оно напоминало о смерти — точнее, о предсмертных страданиях. Когда земля поднялась, останавливая продвижение уроборосов, Феба увидела внутренним зрением, как черная стена рассыпа-

лась на темные яйцеобразные частицы. Ударяясь о камень, они лопались, поднимая облака серого тумана.

В этих яйцах таилась смерть. Они по-прежнему слепо стремились к Косму и ползли к проходу, по пути соединяясь и вновь наливаясь чернотой, хотя берег как будто превратился во второе море и отбрасывал их каменными волнами.

Феба не вполне понимала, что происходит. Как ей показалось, Техас ударил иадов землей с такой силой, что отрубил от главной массы ту часть, что протянулась к двери. Иады взревели — Феба никогда не слышала и не представляла себе подобного звука, — и тут же весь ландшафт перед порогом, с берегом, дюнами и дорогой, опустился вниз. Феба видела, как опрокинувшаяся стена иадов ломается в тысяче мест, извергая содержимое в виде черных яиц, и проваливается во впадину, образовавшуюся на месте берега.

Когда это случилось, каменный кокон Фебы дрогнул, и она почувствовала, что летит на огромной скорости обратно к городским пределам. Там капсула треснула, и Феба обнаружила себя в двух милях от прохода, на окраине города. Земля все еще тряслась, вокруг падали крупные осколки камней, вполне способные ранить Фебу. Она решила, что Король Техас не в силах больше защищать ее. Поэтому она поднялась на ноги и, закрывая голову руками, побрела в направлении города.

Несколько раз она оглядывалась, но ничего не разглядела за завесой пыли и летящих камней. Во всяком случае, Феба не увидела ни иадов, ни порога, через который она попала в этот мир.

iv

Первой жертвой на этих высотах стал Посвященный Зури, который стоял в проходе, готовясь встретить Иад. Ураган камней бросил Зури на жидкую землю, и ученики стали вытаскивать его, когда на них обрушилась ярость авангарда врагов, отрезанного от главных сил поднявшейся каменной массой. В образовавшемся вихре грязи мгновенно канули и сам Посвященный, и его спасатели. Иады же зловещей ту-

чей сгрудились возле нейрики, заливая ее серой дымной кровью. По другую сторону прохода царил хаос, словно небо и земля поменялись местами. Потом дверь вздрогнула из конца в конец и с грохотом закрылась, а на горном хребте воцарился хаос.

Гарри еще до появления врага упал на землю и лежал, даже не пытаясь встать. Со своего наблюдательного поста он видел, как Киссун направляется к раненым иадам. Он не обращал внимания на колебания почвы; он шел и смотрел на тех, кого так долго ждал. Иады, казалось, пребывали в смятении. Часть их, разделившись на темные пятна разной величины, взлетала в воздух и бешено кружилась; другая часть образовала смерчи на земле. Еще одна часть просто всосалась в грязь.

Киссун полез под свою куртку и извлек жезл, который Гарри видел у него в святилище Заим-Карасофия. Тогда это было оружие, но теперь, подняв жезл над головой, Киссун как будто собирался показать иадам фокус. Они сгрудились вокруг и поливали его зловонной жидкостью, а он подставлял под нее лицо, как под весенний дождь.

Гарри не мог больше на это смотреть. Его голова освободилась от образов смерти и разрушения, но если он не уйдет сейчас, будет поздно. Он пополз на животе, не разбирая дороги, пока не добрался до крестов. Он не ожидал увидеть их снова, и его глаза наполнились слезами.

— Ты вернулся,— произнес голос из темноты. Рауль.

— А ты остался.

Рауль подошел и помог ему подняться на ноги.

— Мне было интересно,— отозвался он.

— Дверь закрылась.

— Я видел.

— Иад здесь.

— Правда?

Гарри вытер слезы и уставился на крест, где его едва не распяли.

— Они подышают,— сказал он и рассмеялся.

IX

i

Эвервилль прекратил веселиться. Даже пьяные и влюбленные уже не могли делать вид, будто все в порядке. В горах происходило что-то, от чего содрогались и улицы, и людские сердца.

Горожане вышли из домов, чтобы лучше рассмотреть высоты и обменяться мнениями с соседями. Некоторые объяснения были разумными, другие не очень. Упоминали и землетрясение, и падение метеорита, и вторжение со звезд.

— Мы уезжаем,— решили одни и начали спешные сборы.

— Мы остаемся,— объявили другие,— и запомним то, что увидим, до конца наших дней.

Оуэн Будденбаум сидел в опустевшем «Закутке» и ждал Теслу. Недавно она казалась ему лишним актером в нынешней драме; теперь она стала звездой.

Он, конечно, знал о ее прошлом. Особой мудрости она никогда не проявляла, как и магических способностей. У нее была хорошая хватка, но таким качеством обладают и терьеры. Оуэн с неохотой признавал, что она любила риск и часто демонстрировала недюжинную смелость.

Ведь именно она заключила сделку с Рэндольфом Яффе на развалинах Паломо-Гроува. Яффе тогда потерпел поражение в своем стремлении к Искусству и, как рассказывают, сошел с ума. Когда Тесле потребовалась его помощь, Яф-

фе дал ей медальон — один из тех, что закапывались на перекрестках,— и велел истолковать его символы. Если бы она не справилась, он бы ее убил.

Но она выполнила его требование, и Яффе стал ее союзником; по крайней мере, на время. То, что она разгадала символику медальона, было не так важно для Будденбаума; важнее то, что она поставила на карту свою жизнь.

Женщина, способная так рисковать, опаснее любого призрака. Если Сет приведет ее к нему, он должен действовать быстро.

ii

Тесла преодолела половину пути к входной двери дома Фебы, когда навстречу ей со ступенек поднялась знакомая фигура.

— Я вас везде ищу,— сказал он. Это был юноша, которого она видела на перекрестке рядом с Будденбаумом.— Я Сет. Сет Ланди.

— Чего тебе?

— Не мне...

— Мне некогда. У меня тут ребенок.

— Давайте я вам помогу.— Голос Сета звучал почти заискивающе.— Дети меня любят.

Тесла слишком устала, чтобы спорить, и просто протянула ему ключи.

— Открой дверь,— велела она.

Пока он возился с замком, она взглянула в сторону хребта Хармона. Вокруг вершины клубился туман.

— Вы не знаете, что там происходит? — спросил Сет.

— Догадываюсь.

— Скажите, это опасно?

— Несомненно.

— Будденбаум говорит...

— Ты открыл? — перебила Тесла. Сет распахнул дверь и выпустил ее.— Включи свет. Я не хочу слышать о Будденбауме.

- Но он говорит...
- Мне плевать, что он говорит. Ты будешь помогать мне или уберешься отсюда?

iii

Гарри и Рауль почти дошли до леса, но Рауль вдруг резко остановился.

- Кто-то разговаривает.
- Я ничего не слышу.
- Зато я слышу.— Рауль осмотрелся, но никого не увидел.— Я уже слышал их голоса, когда был с Теслой.
- И кто это?
- Мертвецы.
- О-о-о...
- Ты что, боишься?
- Смотря чего они хотят.
- Один что-то говорит о своей жене.

— Он слышит меня! — возопил Кокер.— Слава богу! Он меня услышал!

Эрвин оглянулся на вершину и вспомнил, что говорил ему Долан, стоя перед своим бывшим магазином: «Мы как дым». Возможно, быть дымом не так уж плохо, если в мир идет то, что он видел в трещине.

Кокер тем временем кричал что-то незнакомцу, спасенному Д'Амуру, и звал его за собой под деревья.

Там лежали два человека: женщина почтенных лет и ее спутник, упавший ничком в траву. Женщина прислонилась к стволу дерева и что-то отхлебнула из серебряной фляжки.

— Он умер,— сказала она, когда Гарри нагнулся к лежащему человеку.— Черт с ним.

— Вы из свиты Зури?

Женщина сплюнула на землю в дюйме от ноги Гарри.

— Разве я похожа на ублюдков Зури? Вот один из них.— Она ткнула пальцем в Рауля.

— Это только тело. Душа у него человеческая.

— Спасибо,— поблагодарил Рауль растроганно.

— Ладно, люди вы или нет, но я надеюсь, вы поможете мне спуститься вниз. Хочу взглянуть на мой город, прежде чем мир полетит в тартарары.

— Ваш город?

— Да, мой! Меня зовут Мэв О'Коннел, и этого чертового места не было бы без меня!

— Послушай ее! — восторгался Кокер.— Ты только ее послушай! — Он опустился перед старухой на колени, внимая ее хриплому голосу, как небесной музыке.— Я знаю теперь, почему я не ушел в небытие, Эрвин. Я знаю, почему я столько лет бродил в этих горах. Чтобы видеть ее и слышать ее голос.

— Она тебя не слышит.

— Услышит! Этот Рауль будет моим переводчиком. Она узнает, как я люблю ее. Как я до сих пор ее люблю.

— Не трогай меня! — закричала Мэв на Рауля.— Меня понесет человек, или я поползу на четвереньках! — Она повернулась к Гарри: — Так ты понесешь меня?

— Это зависит...

— От чего?

— От того, закроете вы рот или нет.

Женщина уставилась на него, будто он отвесил ей пощечину. Потом ее тонкие губы изогнулись в улыбке.

— Как тебя зовут?

— Гарри Д'Амур.

— Это значит «любовь»?

— Да.

Она хмыкнула:

— Любовь никогда не приводила меня туда, куда я хотела.

— Она не имеет в виду меня,— произнес Кокер несчастным голосом.— Она не может...

— Люди меняются,— напомнил Эрвин.— Сколько лет прошло?

— Я же не изменился.

— Не суди по себе. О чем теперь жалеть?

— Тебе легко говорить. Что ты вообще чувствовал?

— Меньше, чем мог бы,— тихо ответил Эрвин.

— Извини. Я не хотел тебя обидеть.

— Хотел или не хотел, но это так.— Эрвин отвернулся от женщины, которая в это время влезала на спину Д'Амура, и опять посмотрел на высоты.— Ты думаешь, у тебя еще есть время? — обратился он то ли к Кокеру, то ли к самому себе.— Но его не хватит. Никогда не хватает.

— Ты пойдешь с нами?

— Я рад, что ты нашел свою жену. В самом деле рад.

— Я хочу, чтобы ты поделил мою радость.

— Спасибо. Но я лучше останусь здесь.

Кокер положил руку ему на плечо:

— На что тут смотреть? Пошли, не то они уйдут.

Эрвин оглянулся. Троица отделилась уже ярдов на двадцать вниз по склону.

— Посмотрим на город, что основала моя жена. Пока он не исчез навсегда.

И

После грохота наступила тишина.

Каменный град прекратился. Море усмирило свою ярость, и его мутные от грязи волны, как прежде, ласкались о берег. В его водах не осталось ничего живого, только мерцающие остатки яиц Иад, которые вряд ли можно назвать жизнью. Птиц тоже не было.

Феба сидела на развалинах того, что еще недавно называлось гаванью Ливерпуля, и плакала. Кораблики, раньше стоявшие здесь на якоре, валялись разбитые на городских улицах, а сами улицы превратились в канавы между горами дымящихся развалин.

«Что теперь?» — спрашивала себя Феба. Домой возврата нет. Джо она не могла найти — ведь у нее не осталось помощников и проводников. Она легко смирилась бы с тем, что не увидит больше Эвервилль, но мысль о разлуке с Джо была непереносимой. Ей нужно подумать о чем-нибудь другом, иначе она сойдет с ума.

Она вспомнила про Короля Тексаса. Может ли камень умереть, или он просто уходит вглубь, чтобы набраться сил? Если верно последнее, то есть надежда, что Король появится и поможет Фебе. Слабая надежда, но ее достаточно, чтобы не впасть в полное отчаяние.

Вскоре в животе у Фебы забурлило. Она знала, что от голода расстроится еще больше, и отправилась на поиски пропитания.

Всего в паре миль от нее Джо стоял в клубах пыли на месте захлопнувшейся двери и обдумывал увиденное. Он знал, что это не полная победа. Во-первых, часть иадов успела пробраться в Косм до того, как вздыбившийся берег отрезал им путь. Во-вторых, нет уверенности, что основная масса врагов, погребенная где-то под его ногами, мертва. И в-третьих, он сомневался, что континент, откуда прибыли иады, сейчас опустел. Где-то вне Эфемериды могли накапливаться новые армии завоевателей. Кто бы ни были иад-уроборосы — грезящие или грезы, — вряд ли они откажутся от своих амбиций из-за неудачи передового отряда.

Джо не знал, может ли он сыграть свою роль в защите Косма, и в данную минуту это его мало интересовало. Сейчас ему нужно разобраться с собой. Он пережил приключения и вернулся обратно в ту точку, откуда начал путешествие: плавание с Ноем на «Фанакапане», встреча с Фебой в глубинах моря, прогулка по улицам Б'Кетер Саббата, ссора с Ноем и путь через внутренности Иад. Теперь все кончилось. «Фанакапан» утонул; Феба оплакивает его где-то в Эвервилле; великий город разрушен; Ной мертв; иады похоронены.

А что стало с ним? Он потерял все, что принадлежало Джо, кроме его мыслей. Что теперь будет? Станет ли он одним из шу, или плавающим островом в море сновидений, или просто воспоминанием, тускнеющим день ото дня?

Что же, что с ним будет?

Наконец, запутавшись в предположениях, он решил вернуться в город и найти тех людей, что молились у костра. Они видели его; может быть, они помогут изменить его состояние. Или хотя бы больше узнать о нем.

Феба нашла дом Мэв О'Коннел на Каннинг-стрит скорее случайно, чем намеренно. Дом был поврежден меньше, чем большинство городских зданий, но тоже пострадал. Половина крыши рухнула, обнажив стропила. Дорога к крыльцу была усыпана черепицей и битым стеклом.

Однако первый этаж не изменился. Феба вошла и направилась прямо на кухню, где когда-то упивалась соком брус-

ники. На сей раз она не стала сооружать сэндвичи, а просто вывалила на стол хлеб, сыр, ветчину, фрукты и принялась жадно поглощать их. Минут через десять голод утих, и она запила ужин соком, разбавленным водой. Уже после пары глотков ее охватила приятная истома, и она смогла спокойно и даже с юмором подумать о вещах, только что вызывавших у нее слезы.

В конце концов, есть за что благодарить судьбу. Она жива, и это удивительно. Она не сошла с ума. Она никогда больше не ляжет в постель с Мортоном и не пойдет дождливым утром на работу, чтобы ругаться с кашляющими и сморкающимися пациентами. Зачем жалеть себя? Она сама выбрала свой путь. Дверь, через которую она пришла сюда, захлопнулась, и теперь ей предстояло обживать этот мир.

Пока она ела, поднялся ветер и за окном стемнело. Феба встала, зажгла керосиновую лампу и поднялась наверх. Пустые комнаты выглядели жутковато; со стен на нее смотрели фрески, которые она не заметила при первом осмотре дома,— почти все на неприличные темы. Время от времени земля под городом вздрагивала. Где-то рушились стены и звенели разбитые стекла.

Она отыскала спальню Мэв О'Коннел и, чувствуя себя воровкой, изучила содержимое трех гардеробов и комода. Там были платья и шляпки, книги и духи, украшения и безделушки — огромное количество безделушек.

Феба подумала: неужели старуха пригрезила все это так же, как и город? Может быть, она рассказывала о платьях, какие хотела иметь, наутро находила их в шкафу уже отглаженными и подогнанными по мерке?

Если так, то Фебе предстояло научиться этому трюку, потому что в шкафах не нашлось ничего подходящего для нее, а ее легкое платье превратилось в грязные лохмотья. И еще она хотела бы пригрезить несколько необходимых вещей: телевизор (правда, тогда ей пришлось бы придумывать и программы), современный туалет, миксер.

И может быть, подругу. А что? Если придется провести здесь остаток жизни, почему она должна грустить в одино-

честве? Среди развалин она видела выживших людей, но не лучше ли наколдовать себе близкого человека, чем делить досуг с чужими?

Наконец, изучив всю комнату, Феба решила открыть шторы и с большим трудом (похоже, их не открывали много лет) раздвинула тяжелую ткань. Ее глазам предстало поразительное зрелище за огромным окном: гавань и Субстанция за ней. Солнца в небе не было, но панораму освещали нежно-розовые лучи. Если бы у Фебы было время, она могла бы разглядеть каждую морщинку на морской глади.

При виде моря она вспомнила последнее свидание с Джо на ложе из водорослей и то, как она едва не растворилась в воде, пока он ласкал ее. А можно ли пригрезить Джо? Закрывать глаза и представить его таким, каким он был,— его глаза, губы, член? Конечно, это будет не он, но лучше, чем ничего. Возможно, у нее даже получится спать с ним.

Она потрогала свои пылающие щеки.

— Стыдись, Феба Кобб,— шепнула она с улыбкой.

Потом стянула с четырехспального ложа Мэв матрас и подушку (она не могла спать среди вороха любовных писем Короля Тексаса) и устроила себе постель перед окном, в мягком отсвете моря снов. Она думала о том, сможет ли вернуть человека, которого любила.

XI

i

— Там кто-то есть,— сказал Сет.

Они сидели в кухне. Тесла пыталась накормить Эми кашей, сваренной на молоке, а Сет ел бобы из банки.

— Думаешь, это аватары?

— Может быть.— Тесла встала и всмотрелась в темноту. Она не видела их, но ощущала их присутствие.

— Оуэн сказал мне...

— Какой Оуэн?

— Будденбаум. Он сказал, что мы для них — как обезьяны. Когда они смотрят на нас, то будто приходят в зоопарк.

— В самом деле? Что ж, и у обезьян можно научиться кое-чему полезному.

— Ты имеешь в виду Рауля?

Она посмотрела на юношу:

— Откуда ты знаешь?

— Оуэн мне про тебя рассказал. Он знает все — кто ты, откуда, с кем ты спала...

— Чему я обязана таким вниманием?

— Он сказал, что ты...

— Сука?

— Решающая погрешность. Вот как он сказал. Я спросил, что это значит, и он ответил, что ты не относишься к этой истории, но играешь в ней важную роль.

— К черту историю.

— Нельзя. Все мы рассказываем свою историю.

— Уроки Будденбаума.

— Нет. Это я сам.— Сет отодвинул банку.— Давай я ее покормлю.

Тесла не возражала. Она передала девочку Сету, а сама вышла во двор, чтобы взглянуть на горы. Там было на что посмотреть. Туман, весь день закрывавший вершину, поредел, и в его просветах поднималось и опадало что-то темное.

— Иад здесь,— сказала она.

— Мы этого не знали,— ответил голос из темноты.

Она не оглянулась: и так понятно, что это один из троичи. Не важно кто.

— Будденбаум вам еще не сказал?

— Нет.

— Странно.

— Похоже, он сам не знает,— произнес другой голос. Это говорила девочка, Рар Уту.

— Не могу поверить,— отозвалась Тесла, все еще рассматривая гору. Что там творится? — Иад здесь, и вы здесь. Это не случайно.

— Ты права,— последовал ответ.— Но это не значит, что так запланировано. История Сапас Умана полна совпадений.

Тесла обернулась к ним. Они стояли в дюжине ярдов от нее, слабо освещенные светом кухонного окна. Тесла отметила, что они не так сильно похожи, как ей показалось вначале. Справа стояла Рар Уту, чье лицо еще напоминало детское. Хахе тоже сохранил в себе что-то от большеухого клоуна, каким он притворялся раньше. Ближе всех к Тесле подошел Йе — дебильный мальчик. Он был особенно похож на свою человеческую ипостась.

— А вы хорошо знаете людей.

— О да,— сказал Хахе.— Мы никогда не устаем наблюдать Явление Тайны.

— Боже... Вы были в Паломо-Гроуве?

— К сожалению, нет. Мы упустили это.

— Тогда и начались наши разногласия с Оуэном,— добавила Рар Уту.— Нам надоели его старые номера. Хотелось чего-то более... как бы это назвать?

— Апокалиптического,— подсказал Йе.

— Так это он все устроил?

— Похоже, что так. Но у него не получилось. По крайней мере, в тот день. Мы были разочарованы. Поэтому мы пришли к тебе. Нам хочется увидеть еще один Паломо-Гров. Людей, сходящих с ума от собственных фантазий.

— Неужели у вас нет сочувствия?

— Есть,— возразила Рар Уту.— Мы страдаем, глядя на ваши страдания. Иначе зачем нам на них смотреть?

— Докажите.

— Лучше покажем ей,— предложил Хахе.

— А стоит ли? — спросил Йе, сузив глаза.

— Я ей верю,— ответил Хахе, выходя из тени.

Он шагнул к Тесле. Его серебристый кокон распахнулся. Внутри он выглядел еще более поразительно, чем снаружи,— его украшали самоцветы невиданных оттенков. Они были огромные, как фрукты, персики или груши, источавшие жидкий свет.

— Вот это,— Хахе указал своей рукой рептилии на один из сгустков света,— я добыл в Де-Мойне во время одной ужасной трагедии. Три поколения...

— Четыре,— поправила Рар Уту.

— Четыре поколения одной семьи погибли в одну ночь от взрыва газа. Вся семья, полностью! Ах, как их было жаль! А это,— он показал на янтарь, сияющий, как флоридское солнце на закате,— из Арканзаса. Там казнили человека, ложно обвиненного в убийстве. Мы смотрели на него и знали, что истинный убийца в это время мучает ребенка. Нам было очень тяжело. Когда я вспоминаю о том дне, мои пузыри белеют.

Только тут Тесла заметила, что драгоценности — «пузыри», как он их называл,— не укреплены на одежде, а растут из его плоти. Украшения или трофеи, они отмечали места, где он испытал чувства.

— Я вижу, ты удивлена,— сказала Рар Уту.
— И взволнована,— добавил Йе.
— Немного,— призналась Тесла.
— Ладно.— Рар Уту посмотрела на нее холодным взглядом.— Будденбаум всегда старался не показывать нам своих подлинных чувств. Думаю, это связано с его пороком.

— А ты...— начал Хахе.
— Ты открыта, Тесла. Ты сама по себе зрелище.
— Думаю, нас ждут хорошие времена,— мечтательно протянул Хахе.

— Вы кое-что забыли,— сказала Тесла.
— Что же это?
— Когда мы впервые встретились, ты сказала, что я умираю. Теперь я думаю, что так и есть.

— Это детали. Мы можем даровать тебе жизнь. Ты же видела, как живуч Будденбаум. Днем он получил пулю в голову, а сейчас рана уже зажила.

— Мы не можем даровать тебе бессмертия,— промолвил Хахе.

— И не хотим,— дополнил Йе.
— Но мы можем удлинить твою жизнь. Очень надолго, если сочтем наше сотрудничество продуктивным.

— Значит... Если я соглашусь, я буду жить до тех пор, пока смогу устраивать вам зрелища?

— Именно. Заставь нас чувствовать, Тесла. Порази нас своими историями.

В голове Теслы одновременно зазвучали два голоса.

«Возьми это! — кричал один.— Это то, для чего ты родилась на свет. Это не дурацкие сценарии для жующих попкорн идиотов. Это шоу потрясет мир!»

Другой голос был не менее категоричен:

«Это же смешно! Они эмоциональные пиявки. Работая на них, ты вытопчешь в себе все человеческое».

— Мы ждем ответа, Тесла,— напомнил Хахе.

— Скажите мне только одно. Почему вы не делаете это сами?

— Потому что мы не можем вмешиваться,— объяснила Рар Уту.— Это испортит нас.

— Погубит нас,— добавил Йе.

— Понятно.

— Ну как? — спросил Хахе.

— Хорошо. Я отвечу вам.

— Отвечай.

Она помедлила еще минуту и произнесла:

— Может быть.

Она вернулась в дом и увидела, что Сет отнес Эми в комнату и теперь укачивает ее.

— Она поела?

— Да, все нормально,— сказал он и ласково посмотрел на Эми.— Какая славная малютка. Я слышал, ты говорила с ними. Чего они хотят?

— Моих услуг.

— Вместо Оуэна?

Тесла кивнула.

— Он так и думал.

— Где он сейчас?

— Он сказал, что будет ждать тебя в «Закутке». Это ресторанчик на Мейн-стрит.

— Тогда я не заставляю его ждать долго.

Сет осторожно встал, стараясь не потревожить Эми.

— Я пойду с тобой. Послежу за девочкой, пока ты поговоришь с Оуэном.

— Ты, наверное, знаешь про Эми...

— Она ведь не твоя дочь?

— Нет. Ее мать и тот, кого я назвала ее отцом, погибли.

А настоящий отец ее ищет.

— Кто он?

— Его зовут Томми-Рэй Макгуайр, но он предпочитает называть себя Парень-Смерть,— сказала Тесла и тут увидела разложенные на столе карты.— Это твои?

— Нет. Я думал, твои.

Тесла сразу поняла, что на них нарисовано. Молния, облако, обезьяна, клетка — символы Субстанции, изображенные на медальоне.

— Должно быть, это Гарри,— решила Тесла. Она собрала карты, положила в карман и пошла к двери.

ii

Когда они преодолели две трети пути вниз по склону и деревья начали редеть, женщина на спине Гарри попросила:

— Постой-ка минутку.— Она осмотрелась.— Ага... вот здесь убили моего отца.

— Линчевали? — спросил Рауль.

— Нет. Его застрелил человек, считавший его слугой дьявола.

— А почему?

— Это долгая и печальная история. Но я помню ее.

— Тогда расскажите,— попросил Гарри.— Идти еще долго.

По пути она рассказала Гарри и Раулю все, что случилось с ней и ее отцом. Как они отправились из Миссури к земле обетованной, как отец лелеял мечту о Городе Счастья и перед смертью передал эту мечту дочери.

— Я знала, что должна построить город и назвать его Эвервиллем, но это было нелегко. В здешнем мире города не создаются при помощи воображения. Они возникают там, где есть судоходные реки, или около мест, где находят золото. Но в этой долине нет золота, а вместо реки — маленький ручей. Тогда я нашла еще одну причину, заставившую людей здесь поселиться. Это было нелегко, потому что убийца стал проповедником в Силвертоне. Он рассказывал всем, что видел в горах ворота, ведущие в ад, и в них — самого дьявола. Пару лет я жила здесь одна, а потом поехала в Сэлем, где люди не слышали речей того проповедника. И один продавец в магазине, когда я говорила ему о красоте моей долины, вдруг выложил на прилавок серебряный доллар и сказал: «Покажи мне ее». Я растерялась и ответила: «Она же дале-

ко». «Нет,— возразил он,— совсем близко»,— и начал задирать мне юбку. Тогда я поняла, о чем он, обругала его, как только могла, и убежала. Но дома я задумалась над его словами и решила: чтобы привлечь в долину мужчин, нужно привести туда женщин.

— Мудро,— заметил Рауль.

— Мужчины не всегда действуют разумно. Сами они говорят так про женщин. Но это неправда. Большинство женщин разумны и не виноваты, что мужчины сходят из-за них с ума.— Она хлопнула Гарри по плечу.— Ведь я права?

— Вы же знаете.

— Так вот. Я поняла, как привлечь в долину мужчин, и они построили город мечты моего отца.

— Теория ясна,— отозвался Рауль.— Но как вы это сделали?

— У моего отца имелся крест, который дал ему человек по фамилии Будденбаум...

— Будденбаум? Это не может быть он!

— Вы слышали о нем?

— Слышал? Я стрелял в него сегодня днем!

— Вы его убили?

— Нет. Он удивительно живучий. Но это не может быть тот самый человек.

— О, я думаю, может,— сказала Мэв.— И я хотела бы задать ему кое-какие вопросы.

iii

Ларри Глодоски и его бойцы выбрались из бара Хэмрика, готовые стереть в порошок всякого, кто попадется им на пути. У них есть оружие, и Бог на их стороне: что еще нужно бойцам?

Мирное население, однако, было настроено иначе. Почти все туристы и многие горожане решили — что бы ни случилось в горах, они лучше прочитают об этом в газетах, чем испытают на себе. Их бегство было поспешным и паниче-

ским. Спускаясь по Мейн-стрит, волонтеры не раз останавливались, пропуская машины беженцев.

— Трусы!!! — прокричал Уэйтс вслед одному из автомобилей.

— Пусть едут,— сказал Глодоски.— Они нам только помешают.

— Знаете что? — заявил Рейдлингер, глядя на плачущую женщину, усаживающую детей на заднее сиденье.— Извините меня, парни, но я пойду. У меня дома дети, и если с ними что случится...

Глодоски посмотрел на него:

— Хорошо. Чего же ты ждешь?

Рейдлингер опять пустился в извинения, но Ларри оборвал его:

— Катись. Обойдемся без тебя.

Рейдлингер поспешно, не глядя на остальных, ушел.

— Кто еще?

Олстед прочистил горло и начал:

— Ларри, у нас у всех есть родные... Я имею в виду, что лучше поручить это властям...

— Ты тоже уходишь?

— Нет, я просто говорю...

Его прервал Босли:

— Пойдите-ка.

Он указал на двух людей, идущих им навстречу. Он узнал их: богохульница и содомит. Немудрено, что они снюхались.

— Эти двое опасны,— сказал Босли.— Они помогают Будденбауму.

— Их не двое, а трое,— поправил Билл Уэйтс.— У Ланди ребенок.

— Значит, они украли ребенка. Что они еще сотворят?

— Она ведь была на перекрестке? — спросил Ларри.

— Была.

— Джентльмены, для нас есть работа,— объявил Ларри.— Я пойду вперед, а вы смотрите.

Тесла и Сет увидели четверых мужчин и перешли на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с ними. Глодоски двинулся за ними и преградил им дорогу.

— Чей это ребенок? — спросил он, но не получил ответа.— Отвечайте, чей у вас ребенок?

— Не ваше собачье дело,— ответила Тесла.

— Что вы с ним собираетесь делать? — вмешался Босли.

— Босли, хоть ты-то заткнись,— бросила Тесла устало.

— Они хотят его убить!

— Босли, заткнись, прошу тебя.

Босли подошел ближе, доставая револьвер.

— Положите ребенка,— скомандовал он.

— Я сам с ними разберусь! — рявкнул Ларри, но Босли его проигнорировал. Он взял на прицел Теслу.

— Господи! — сказала она.— Тебе что, делать нечего? — Она показала пальцем на горы.— Оттуда идет такое, что вы и оставаться здесь не захотите.

Словно иллюстрируя ее слова, уличные фонари мигнули и погасли. Отовсюду раздавались тревожные голоса.

— Бежим? — предложил Сет.

— Нет. Нельзя рисковать Эми.

Несколько фонарей зажглись снова, свет их был тусклым. Босли тем временем шагнул вперед и попытался вырвать у Сета ребенка.

— Не имеешь права,— запротестовал тот.

— Ты извращенец, Ланди,— сказал Олстед.— Это дает нам все права, какие надо.

Босли продолжал тянуть к себе ребенка, но Сет не отдавал Эми.

— Олстед, помоги мне! — взвизгнул Босли.

Тому не требовалось повторного приглашения. Он навалился на Сета и схватил его за руки. Ларри тем временем вытащил револьвер и наставил его на Теслу.

— Что там такое? — спросил он, кивая в сторону гор.

— Я не знаю. Но знаю, что вы все чокнутые. Почему бы вам не помочь вывезти людей из города вместо того, чтобы отбирать у нас ребенка?

— Она говорит дело, Ларри,— заметил Уэйтс.— Есть старики...

— Мы им поможем. Все идет по плану.

Эми захныкала, когда Босли вырывал ее из рук Сета.

— Ланди, дай ей титьку,— предложил Олстед и ткнул парня в грудь.

Тот ответил ударом локтя в живот Олстеда. Чертыхнувшись, Олстед ударил его в лицо — раз, другой, третий. Сет, не издав ни звука, повалился на землю. Олстед подскочил, чтобы пнуть его ногой, но его удержал Уэйтс:

— Хватит. Довольно.

— Членосос проклятый!

— Оставь его, ради бога! — крикнул Уэйтс.— Мы здесь не затем, чтобы драться с мальчишкой. Ларри...

Глоски повернулся к нему, и в этот момент Тесла вцепилась ему в руку, пытаясь вырвать револьвер. Последовала короткая схватка, в ходе чего она получила удар локтем в глаз.

Уэйтс тем временем поднял Сета на ноги, продолжая ругаться с Олстедом, а Босли опять достал револьвер, который спрятал, когда отбирал ребенка.

— Тесла, беги! — крикнул Сет.

У нее искры сыпались из глаз, и она видела целых два револьвера вместо одного.

— Беги!

У Теслы оставалась секунда на раздумья, и инстинкт опередил ее: она побежала. Сзади послышался крик Глоски, потом выстрел. Пуля ударила в тротуар в дюйме от нее.

— Ларри, стой! — крикнул Уэйтс.— Ты что, спятил?

Но Глоски выстрелил снова. На этот раз разлетелась витрина. Заворачивая за угол, Тесла оглянулась, мельком заметив, что Уэйтс борется с Глоски, пытаясь вырвать у того оружие.

Ей было жаль терять Сета и Эми, но выхода не было. Если у Будденбаума можно отнять, выманить или купить власть, она сделает это, а все остальное не важно.

iu

Когда Гарри, Рауль и Мэв перешли ручей, огни на улице впереди, мигавшие уже четверть часа, погасли. Они подождали, пытаясь сориентироваться в темноте. Спереди доно-

сились панические крики; сзади, в лесу и в горах, все смолкло, как будто птицы и насекомые знали то, что неведомо Сапас Умана: идет смерть, и самые громогласные умрут первыми. Другие новости были не лучше. Воздух еще пах цветами и свежестью, но к этим запахам примешивался другой — его Гарри чувствовал в доме на углу Девятой и Тринадцатой улиц — тухлая рыба и дым. Этот привкус ощущался и во рту, вызывая тошноту.

— Они идут,— сказал Рауль.

— Да.

— Тогда нельзя ли побыстрее? — вмешалась Мэв.— Я хочу успеть увидеть мой город.

— А что именно? — спросил Гарри.

— Во-первых, один перекресток...

— Опять перекресток! И что там такое?

— Мы с мужем там жили. Отличный был дом. Мы сами его построили, своими руками. Эти сукины дети его сожгли.

— Зачем?

— Ну как же — стереть дотла логово разврата! Маленькие мысли, маленькие страсти. Но я не думала об этом, пока мы были молодыми и надеялись...— Она помолчала, потом крикнула: — Ну, что же ты ждешь? Неси меня! Неси меня туда, где все началось!

XIII

i

Тесла нашла Будденбаума в «Закутке», как и говорил Сет. В маленьком кафе было пусто и темно, но Будденбаум разжег перед собой на тарелке маленький костер из обрывков меню.

— Я уже отчаялся,— проговорил он с улыбкой, показавшейся ей вымученной.

— Меня хотели задержать.

— Местные?

— Да.— Она села за столик и отерла салфеткой пот с лица. Потом высморкалась в нее же.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— сказал Будденбаум.

— Да?

— Ты думаешь: зачем заботиться об этих людишках? Они глупы и жестоки, а когда им угрожает опасность, становятся еще более глупыми и жестокими.

— Нас ты, конечно, исключаяешь.

— Конечно. Ведь ты нунциат, а я...

— Ты человек Джай-Вай.

Будденбаум скривился:

— Они знают, что ты сюда пошла?

— Я сказала им, что хочу прогуляться и подумать.— Она достала из кармана карты.— Ты видел такие когда-нибудь?

Будденбаум разглядывал их с почти суеверным страхом.

— Чье это? — спросил он. Его пальцы приблизились к картам, но не дотрагивались до них.

— Не знаю.

— Они побывали в могущественных руках.

Тесла полезла в карман, чтобы поискать оставшиеся карты, и наткнулась на остатки сигареты, отобранной у певицы. Что бы там ни было, пахла она приятно. Тесла придвинула к себе тарелку с горящими клочками бумаги, зажгла сигарету и затянулась.

— Ты будешь на них работать? — спросил Будденбаум.

— На Джай-Вай?

Он кивнул.

— Вряд ли.

— Почему?

— Они ненормальные. Им нравится видеть, как люди страдают.

— А нам всем?

— Мне — нет.— Она набрала полные легкие дыма.

— Ладно, брось. Ты же писала сценарии. Ты знаешь, как приятно пугать людей.

— Разница в том, что здесь все реально.

Будденбаум нагнулся к ней:

— Не хочешь поделиться?

Она передала ему чадающую сигарету. Наркотик вызывал зрительные галлюцинации: язычки огня двигались медленнее, а капли пота на лице Будденбаума стали похожими на алмазы. Жадно затянувшись, он заговорил:

— Что реально в этом мире, не обязательно является таковым в других. Ты же знаешь.— Он посмотрел на темную улицу. По тротуару спешила семья с плачущими детьми.— От чего бы они ни страдали — и я ни в коей мере не умаляю их страданий,— это чисто животная реакция. В абсолютном смысле ее нет. Это проходит, как все проходит.

Она вспомнила Киссуна в доме Тузейкера. Такова была и его мудрость.

— Животная жизнь преходяща, но то, что скрывается под ней... бессмертный дух... он имеет хотя бы надежду на

вечность. И от нас зависит воплощение этой надежды в реальность.

— Вот для чего тебе нужно Искусство?

Будденбаум снова затянулся и вернул сигарету Тесле.

— Ох, Искусство...

— Я была там, когда Яфф получил его. Ты это знаешь?

— Конечно.

— Он не выглядел особенно счастливым.

— Это я тоже знаю. Но он был слаб и безумен. А я нет.

Я три человеческих жизни готовился к тому, что готовилось здесь. Я готов взять власть.

— Тогда зачем тебе я?

Будденбаум поднял глаза к потолку:

— Отличная штука. По правде говоря, мне нужна не ты.

— Джай-Вай?

— Боюсь, что да.

— Можешь объяснить зачем?

Будденбаум помолчал.

— Если хочешь, чтобы я тебе помогла,— сказала Тесла,— будь со мной откровенен.

— Это трудно. Я столько лет хранил тайну.

— Я помогу тебе. Я расскажу то, что знаю я. Или то, о чем догадываюсь.— Она взяла карты и распустила их веером перед глазами Будденбаума.— Ты закопал у перекрестка один из медальонов Синклита, и все эти годы он накапливал силу. И теперь ты хочешь использовать его силу, чтобы получить Искусство.

— Хорошо. Продолжай.

Она отодвинула тарелку и начала по одной выкладывать карты на стол.

— Яфф научил меня кое-чему. Он сказал мне, когда я разглядывала символы на кресте: понять что-то — значит получить. Когда ты поймешь, что означает символ, он перестанет быть символом, и у тебя в голове окажется сама эта вещь,— сказала Тесла и поглядела на карты, потом на Будденбаума. Его взгляд был ледяным.— На перекрестках все растворяется, не так ли? Плоть и дух, прошлое и будущее, все превра-

щается в сознание.— Она отыскала карты, образующие вместе крест, и соединила их.— И чтобы постигнуть Искусство, тебе нужно собрать все, что стекается к одному перекрестку. Частицы животного. Частицы человеческого. Частицы воображаемого. Правильно?

— Думаю, ты сама знаешь,— медленно проговорил Будденбаум.

— На чем я остановилась?

— На воображаемом.

— И конечно, последнее.— Она взяла карту с символом, изображенным на верхней части креста.— Частицы божественного.

Будденбаум вздохнул.

— Джай-Вай,— закончила Тесла, выкладывая карту на стол.

Будденбаум молчал секунд двадцать. Потом сказал:

— Ты представляешь, как трудно было все это устроить? Найти место, чтобы собрать все силы? Конечно, это не единственный перекресток, где я закопал крест. Но с ним связано еще кое-что.

— И что же?

— Девочка по имени Мэв О'Коннел.

— Кто она?

— Она закопала здесь крест по моей просьбе, еще до того, как город был основан. Я услышал, как ее отец звал ее по имени, и подумал, что это знак. Это имя ирландского духа, что приходит к людям во сне. Потом, когда я познакомился с ее отцом, я понял, как легко на него повлиять. Заставить его построить город, где соберется все, что мне нужно, и где мой маленький крест будет накапливать силу.

— Так Эвервилль — твоё творение?

— Нет. Я лишь вдохновил его. Остальное сделали обычные мужчины и женщины.

— Но ты следил за ними?

— Конечно. В первые годы казалось, что семя не прорастет. Отец погиб в горах, а дочь вышла замуж за странного типа с той стороны, так что люди здесь не селились.

— Кто же построил город?

— Не знаю. Я долго отсутствовал, а потом приехал и нашел Эвервилль. Конечно, на Александрию он не походил, но тоже имел свои прелести. Здесь появлялись пришельцы из Метакосма, они скрещивались с Сапас Умана, и мой медальон копил энергию.

— Ты долго ждал.

— Я готовился. Рэндольф Яффе — не единственный, кто лишился ума, пытаясь получить Искусство. Хорошо, что у меня хватало времени благодаря Рар Уту и ее приятелям. Теперь я готов. Кроме одного маленького кусочка головоломки.

— И ты хочешь, чтобы я тебе его добыла?

— Если тебе не составит труда.

— Если я это сделаю, ты не дашь иадам уничтожить город?

— Обещаю.

— А откуда мне знать, что ты не вознесешься в свое высшее состояние и не бросишь нас здесь погибать?

— Ты должна мне поверить. Ведь это последнее обещание, которое я даю, будучи человеком.

Тесла подумала, что аргумент сомнительный, но ничего другого ей не оставалось.

— И еще одно,— сказал Будденбаум.

— Что?

— Когда ты приведешь Джай-Вай на перекресток, уезжай из города.

— Почему?

— Потому что днем вся моя работа пошла насмарку из-за тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Ты нунциат. Сила не могла выбрать, к кому из нас прийти, и растерялась.

— Ладно. Я уеду.

— Теперь от меня требуется обещание.

— Ты его уже дал.

— Хорошо. А сейчас... Сожги, пожалуйста, эти карты.

— Зачем?

— В качестве жеста доброй воли.

Тесла пожала плечами.

— Пожалуйста,— согласилась она и, собрав карты, сунула их в пламя. Они вспыхнули, порхая в огне, как черные бабочки.

— Ну, все.— Будденбаум встал.— Встретимся на перекрестке.

— Я приду.

II

Она почувствовала присутствие врага сразу же, как только вышла на улицу. Ей вспомнилась точка Зеро — пустота, песок и Иад, выраставший на горизонте. Скоро они будут здесь, неся с собой смерть и безумие, и уничтожат этот город, виновный лишь в том, что его основали во имя высших сил.

А потом что? Конечно, иады ринутся дальше в «Америку» в поисках новых жертв для своего чудовищного аппетита. Тесла знала, что их ждут. Повсюду были люди, жаждущие смерти, приветствующие наступление века безумия и катастроф. Она слышала их разговоры в закусокных, видела их на обочинах дорог, касалась их в уличной толпе. Они выглядели как обычные люди, но их выдавали сжатые губы и лихорадочно блестящие глаза. Они вынесли смертный приговор миру, разочаровавшему их, и ждали только тех, кто приведет приговор в исполнение.

Когда явятся иады, у этих людей не останется времени роптать на небеса или радоваться разрушению мира; все, что им останется,— вопить от ужаса. Наступит день их крушения, и сила, что была высвобождена в точке Зеро, покажется ничтожной рядом с наступающей силой.

Господи, ведь было время, когда Тесла могла бы прикнуться к ним!

Ей не пришлось долго искать Джай-Вай. В сотне ярдов от «Закутка» она увидела шерифа и двух его помощников: они пытались успокоить толпу из пяти десятков людей, требовавших наведения порядка. У многих собравшихся имелись фонари, и они освещали ими объект своего гнева. Взмокший Джилхолли тщетно пытался урезонить их, но близость иадов заставляла людей терять голову. Они внезапно начинали плакать или кричать. Кто-то вдруг заговорил на неизвестном языке.

Отчаявшись, Джилхолли выхватил револьвер и выстрелил в воздух. Толпа притихла.

— Послушайте! — громко крикнул он. — Главное, успокойтесь! Я призываю всех собраться у муниципального управления и ждать помощи.

— Откуда? — спросил кто-то.

— Не волнуйтесь. Я всех обзвонил. В ближайшие часы прибудет помощь из Молины и Силвертона. Они починят свет и...

— А то, что происходит в горах?

— И об этом позаботятся. А теперь прошу вас очистить улицы, чтобы никто не пострадал. — Он протолкнулся через толпу к стоявшей неподалеку машине.

Когда собравшиеся стали расходиться, Тесла заметила белое платье и обнаружила Рар Уту, с улыбкой наблюдавшую за этой сценой. При виде Теслы ее улыбка стала еще шире.

— Они все умрут, — сообщила девочка.

— Это не очень смешно.

— Ну, ты приняла решение?

— Да. Я принимаю ваше предложение. С одним условием.

— Каким? — спросил выступивший из толпы Йе. Он тоже вернул себе человеческий облик.

— Я не хочу говорить об этом Будденбауму. Сообщите ему сами.

— Зачем это нам? — спросил Хахе, появившийся рядом с Йе.

— Он ведь работал на вас столько лет. Поэтому заслуживает, чтобы его проводили с честью.

— Но он же не умрет, когда мы его оставим,— заметил Хахе.— Конечно, быстро постареет, но это не страшно.

— Ну и объясните это ему. Я не хочу, чтобы он гонялся за мной с ножом из-за того, что я отняла у него работу.

— Понимаю,— сказала Рар Уту.

Йе поморщился:

— В первый и последний раз мы потакаем тебе. Скажи спасибо.

— Спасибо. Я покажу вам удивительные вещи и расскажу удивительные истории. Но сначала...

— Где он? — спросил Хахе.

— На перекрестке.

iii

— Слава богу, что здесь темно,— сказала Мэв, когда они ошупью пробирались по улицам города.— Если бы я увидела это безобразие при свете, я бы разрыдалась.

Она потребовала, чтобы ее опустили на землю возле «Макдоналдса», и теперь озиралась по сторонам.

— Какое уродство! Как будто сделано детьми из кубиков.

— Не переживайте так,— сказал Рауль.— Скоро этого не будет.

— Мы строили город на века,— возразила Мэв.

— Нет ничего вечного,— заметил Д'Амур.

— Неправда. Великие города становятся легендами. А легенды не умирают.— Она взгляделась в «Макдоналдс».— Но это... Куча хлама!

— Может, пойдём дальше?

Д'Амур оглянулся на горы. Они блуждали по улицам минут двадцать, пока старуха пыталась найти место, где стоял ее дом. Было совершенно ясно, что она заблудилась. Киссун и его хозяева тем временем спускались вниз. Гарри не уви-

дел их на вершине, что означало, что они достигли подножия холма. Возможно, сейчас они на улицах города.

— Уже недалеко,— сказала Мэв, выходя на перекресток и оглядываясь.— Вон туда!

— Вы уверены? — спросил Гарри.

— Уверена. Он стоял в самом центре города, мой бордель. Первый дом, который здесь построили.

— Вы сказали «бордель»?

— Они его сожгли. Я ведь вам говорила? Соседние дома тоже сгорели,— сообщила она и повернулась к Гарри: — Да, бордель. А как, по-твоему, я создала этот город? У меня не было реки, не было золота, поэтому я устроила бордель и привезла в него самых красивых женщин, каких могла найти. Потом появились мужчины, и некоторые из них остались здесь. Женились, построили дома и вот,— засмеялась она, раскинув руки,— вот вам Эвервилль!

iv

Смех? Босли не поверил ушам, когда до него донеслось эхо радости Мэв. Похоже, какой-то бедняга лишился рассудка в этом хаосе.

Он спрятался на крыльце здания масонской ложи от пешеходов и машин, все еще держа на руках ребенка. В десятке ярдов от него Ларри Глоски допрашивал Сета, периодически ударяя парня об стену. Он хотел знать, где скрывается Будденбаум, но Сет молчал. Каждый раз, когда он мотал головой, Ларри наносил ему удар. Уэйтс и Олстед держались поблизости. Уэйтс залез в магазин Дэна на Колмен-стрит и прихватил пару бутылок бурбона, что привело его в блаженное состояние. Олстед сидел на кромке и изучал повреждения, полученные в недавней схватке с Сетом. Он уже сказал Ларри, что возьмется за дело сам, когда тот закончит допрос. Босли не завидовал юному Ланди.

Он тихо молился. Он не просто молился за себя и ребенка, но пытался объяснить Господу, что не хотел, чтобы все так обернулось. Совсем не хотел.

— Я хотел лишь исполнять Твою волю,— шептал он, стараясь не обращать внимания на стоны Сета, когда очередной удар достигал цели.— Но все так перепуталось. Я больше не знаю, где правда, Господи.

Откуда-то донеслись новые крики, заглушая его слова. Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями, но ощущения мешали ему. В воздухе пахло так же, как в жаркий день несло от отбросов за его закусочной. К этой гнили примешивался сладковатый дух, еще более отвратительный. Вместе с запахом пришел и звук, пронзительный и противный, будто кто-то ковырял вилкой в его мозгу.

Босли не мог больше этого выносить. Не сказав ничего остальным, он тихо скользнул за угол и оказался на Кларк-стрит. Там никого не было, чему он только обрадовался. Отсюда он легко дойдет до закусочной, немного передохнет, а потом соберется и уедет из города. Девочку он возьмет с собой; он спасет ее для Господа.

Он переходил улицу, когда его настиг порыв холодного ветра. Девочка заплакала.

— Тише,— шепнул он ей.— Все в порядке.

Ветер не прекращался и делался все холоднее. Босли прижал девочку к себе, и тут в темноте на другой стороне улицы кто-то зашевелился. Следом раздался голос — такой же холодный, как ветер.

— Ты ее нашел,— произнес голос, и говоривший вышел из тени. Тело его было обожжено: в одних местах черное, в других желтовато-коричневое. За ним стелился ковер живой пыли.

Босли снова забормотал молитву.

— Хватит! — сказал сожженный человек.— Моя мать часто молилась. Не могу этого слышать. Дай мне ее.— Он протянул руки.

Босли покачал головой. Он понял, что настало последнее испытание, к которому его готовили столкновения с богухульницей и содомитом. Это покажет, чего стоит его вера.

— Ты не получишь ее. Она не твоя.

— Моя. Ее имя — Эми Макгуайр. Я ее отец, Томми-Рэй Макгуайр.

Босли сделал шаг назад, прикидывая в уме, успеет ли добежать до угла. Или закричать и вызвать Глодоски?

— Я не хочу причинять тебе вред,— сказал Томми-Рэй Макгуайр.— Не хочу больше смертей.— Он покачал головой, и с его сожженного лица осыпались куски плоти.— Их было так много... так много...

— Я не отдам ее тебе,— повторил Босли.— Может быть, если ты найдешь ее мать...

— Ее мать умерла.

— Как жаль.

— Эта девочка — все, что у меня осталось. Я хочу найти какое-нибудь место и жить там вместе с ней.

«О Господи! — молился Босли.— Излечи этого человека от безумия и даруй ему покой».

— Дай мне ее,— приказало существо и опять двинулось к Босли.

— Я боюсь, что... я не могу.— Босли попятился за угол. Там он завопил: — Глодоски! Олстед! — и побежал к ним. Они все еще терзали парня.

— Что там такое? — недовольно спросил Ларри.

Босли почувствовал спиной холодный ветер и, оглянувшись, увидел Макгуайра, окруженного облаком пыли.

— Боже! — воскликнул Ларри.

— Скорей! — крикнул Олстед.— Они уже близко!

Босли не требовалось подсказки. Он побежал к ним, когда пыль уже завивалась у его ног, будто хватая за пятки.

— В сторону! — рывкнул Ларри и выстрелил в Макгуайра.

Тот остановился, но пыль не прекратила движения и налетела на Ларри, отшвырнув его к стене. Его крики о помощи длились несколько секунд, потом пыль окутала его плотным слоем, и он умолк.

Олстед бросил неподвижное тело Сета и поспешил на помощь Глодоски. Пыль уже размазала мозги Ларри по кирпичной стене и теперь с радостью переключилась на новую жертву. Олстед с криком побежал, но пыль преследовала его

по пятам, как стая бешеных собак, и наверняка растерзала бы, если бы не Босли.

— Не надо! — закричал он.

— Ладно,— бросил Макгуайр и подозвал пыльное облако к себе, оставив Олстеда рыдать на тротуаре.— Отдай ребенка,— напомнил он Босли.— Отдай, и я уйду.

— Ты не сделаешь ей больно?

— Нет.

— Не отдавай,— пробормотал Сет, пытаясь подняться на ноги.— Не отдавай ему, Босли..

— У меня нет выбора,— проговорил Босли и отдал Томми-Рэю сверток с ребенком.

Сет все же встал и со сдавленным криком подбежал к ним. Но Томми-Рэй уже взял девочку и двинулся прочь, свистом позвав за собой смертоносную пыль.

Сет подошел к Босли:

— Как ты... мог... сделать это?

— Я же сказал: у меня нет выбора.

— Надо было убежать.

— Он бы нашел меня.— Босли остекленевшим взглядом смотрел в темноту, скрывающую Томми-Рэя.

Сет не стал тратить время на споры. У него осталось мало сил, а ему еще предстоял долгий путь к перекрестку, где должны сойтись все дороги этого дня.

ХIII

i

Будденбаум стоял на перекрестке и смотрел на то место, где под землей лежал его медальон.

«Вот и конец,— думал он.— Конец всех историй, придуманных мной или инсценированных мной; в одних я играл роль, в других был связан по рукам и ногам. Конец любимым поворотам сюжета: трагическим несовпадениям, нелепым встречам, сентиментальным возвращениям и проклятиям на смертном одре. Конец всем “однажды” и “давным-давно”, всем “посмотрим, что дальше” и “не верю своим глазам”. Конец всем финальным действиям: надгробным рыданиям и заключительным речам. Конец концам. Подумать только».

Он будет скучать без этих спектаклей — в особенности без тех, где он появлялся на подмостках, пусть в самой незначительной роли,— хотя скоро они станут ему абсолютно не нужны. Они нужны тем, кто увяз в своем времени, не в состоянии разглядеть другие горизонты. Что еще им остается, кроме как страдать и утешаться рассказами о чужой жизни? Скоро, совсем скоро он перестанет быть одним из них.

— У меня нет ничего, кроме тебя, милая моя Серениссима,— продекламировал он, оглядывая близлежащие улицы.— В тебе мои чувства, мой рассудок, моя душа.

Боль, заключенная в этих словах, трогала его до глубины души много, очень много раз. Теперь же он слушал их звуча-

ние, как слушают мелодию; она звучала мило, но не настолько, чтобы скучать по ней.

— Если ты покинешь меня, я останусь один в великой тьме среди звезд...

Он увидел Теслу Бомбек. Она шла к нему по улице. А следом за ней брели девочка, дурак и глупенький мальчик. Он продолжал декламировать:

— И даже не смогу умереть, ибо я должен жить, пока ты не остановишь мое сердце...

Он улыбнулся им, Тесле и этой троице, и раскинул руки в приветствии.

— Останови его сейчас!

Тесла удивленно посмотрела на него, и его развеселило ее удивление.

— Останови его сейчас! — повторил он.

Это было прекрасно — перекрывая уличный шум, возвышать голос, чтобы в нем зазвенели слезы, пока его жертвы подходили к нему.

— Умоляю тебя, останови его сейчас и избавь меня от страданий!

Тесла, стараясь скрыть волнение, оглянулась туда, откуда шли иады. Их не было видно, но два крайних дома уже горели, над деревьями поднималось пламя, и искры летели на крыши соседних зданий. Случайно ли загорелись дома или их подожгли отчаявшиеся жители, чтобы остановить врага, неизвестно; но огонь наверняка распространится. Захватчикам останутся лишь угли да пепел.

Она снова повернулась к Будденбауму. Тот закончил декламировать и стоял на самой середине перекрестка, спрятав руки за спину. До него оставалось шагов тридцать, свет пробивался только от дальних пожаров и первых звезд, выступивших на небе, так что выражения его лица Тесла не видела. Подает ли он ей сигнал, когда Джай-Вай подойдет достаточно близко? Кивнет? Подмигнет? Тесла выругала себя за то, что они не договорились об условном знаке. Но теперь поздно сожалеть...

— Будденбаум! — позвала она.

Оуэн слегка наклонил голову.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался он.

Неплохо, подумала она. Прозвучало убедительно.

— Я пришла сказать... Я... пришла попрощаться.

— Какая жалость, — отозвался Будденбаум. — Я-то надеялся, мы познакомимся с тобой поближе.

Тесла оглянулась на Рар Уту.

— Давайте вы, — сказала она, пытаясь в сумерках разглядеть выражение лица девочки.

Ничего похожего на подозрение она не увидела. Впрочем, это ничего не означало: ведь у них не лица, а маски.

— Может, я лучше пойду? — спросила она.

— Как хочешь, — ответила Рар Уту и прошла мимо нее к Будденбауму.

— Я думаю, пусть она останется, — проговорил Йе. — Это продлится недолго.

Тесла оглянулась. Будденбаум смотрел себе под ноги, а руки прижимал к бокам. Что-то он прячет, подумала Тесла.

Джай-Вай тоже это заметили. Хахе направился к нему, на ходу сбрасывая человеческую личину, и по пути заметил, как накалился уличный воздух.

— Ты подготовил для нас сюрприз, Оуэн? — спросил Хахе.

— Я... всегда делал все, что в моих силах, чтобы... чтобы доставить вам удовольствие, — промолвил Будденбаум. Напряжение, с каким он что-то скрывал, звучало и в его голосе, утратившем свою музыкальность.

— Ты столько лет старался ради нас, — отозвалась Рар Уту почти растроганно.

— Спасибо, — сказал Оуэн. — Я делал все, что мог. Думаю, вы знаете это.

— Мы также знаем, что и самые великие истории когда-то завершаются, — добавила Уту. — Сначала завязь, потом расцвет, а потом... неизбежно...

— Хватит, заканчивай! — воскликнул Йе за спиной у Теслы. Немного повернув голову, она увидела, что он тоже утра-

тил человеческий облик и стал похож на толстый кокон.— Мы ничем ему не обязаны,— продолжал он.— Скажи ему правду, и покончим с этим.

— Вы хотите мне что-то сообщить? — проговорил Будденбаум.

— Да. Что все кончено,— мягко ответил Хахе.— Мы нашли другого человека, чтобы он показывал нам удивительные истории дерева жизни.

Будденбаум, казалось, был потрясен.

— Как это? — спросил он, немного возвысив голос.— Вы хотите меня заменить без предупреждения? О, вы разбили мне сердце.

Осторожнее, подумала Тесла. Разбитое сердце показалось ей явным перебором.

— Так и должно было случиться,— ответила Рар Уту и сделала еще два шага к нему. Наконец и она сбросила маску девочки, постепенно обретя сияющий небесный облик.— Ты исчерпал свой запас историй, Оуэн.

— Вы бы очень удивились,— сказал Оуэн,— если бы знали, сколького вы еще у меня не видели!

— Поздно,— заявил Хахе.— Мы приняли решение, и не будем спорить. В новом тысячелетии тебя заменит Тесла Бомбек.

— Что ж, поздравляю,— сухо промолвил Оуэн и двинулся к Тесле, проскользнув между Хахе и Рар Уту. Он подошел так близко, что она увидела выражение его глаз. Оно явно означало: уходи, и как можно быстрее.

Тесла попятилась, будто испугавшись.

— Я не хотела,— пробормотала она.— Я не хотела, чтобы так.

— Если честно,— сказал Будденбаум,— мне все равно, так или этак.

С этими словами он взял Уту за тонкую ручку. Наверное, это был неслыханный по своей наглости поступок, потому что та вздрогнула и с отвращением посмотрела на свою руку.

— *Что ты делаешь*, Оуэн? — удивилась она, содрогнувшись.

— Прощаюсь,— ответил Будденбаум.

Но Хахе смотрел не на Будденбаума, а на то место, где он только что стоял. Асфальт там посветлел и размягчился.

— Что ты задумал? — спросил он.

— Осторожнее,— прошипел Йе за спиной Теслы, но Хахе его не слушал. Он сделал еще шаг, в то время как Рар Уту пыталась вырвать свою руку у Будденбаума, но тот держал ее крепко.

Не отводя глаз от Теслы, Оуэн едва заметно улыбнулся и сказал ей:

— Прощай.

Тесла сделала шаг назад, и в тот же миг из земли, там, где стоял Хахе, взметнулась вспышка яркого света и поглотила его.

— Оуэн! — завизжала Рар Уту, вырываясь.

Кокон Хахе размягчился, как масло. Он вздулся и стал лопаться разноцветными пузырями, стекая на асфальт.

Тесла все поняла. Оставаться дольше было опасно; возможно, смертельно опасно. Но — глупо это или нет — она никогда не отворачивалась от зрелищ. И теперь она стояла, впитывая в себя происходящее до мельчайшей детали, пока Будденбаум не крикнул ей:

— Убирайся!

И втокнул Рар Уту в то облако света, где исчез Хахе. Уту продолжала кричать, но крики смолкли, когда ее окутало облако. Она лишь запрокинула голову и раскинула руки, словно прислушиваясь к тому, что чувствовала.

— Я тебе сказал, убирайся! — снова крикнул Тесле Будденбаум.

На этот раз она повернулась, но тут же ощутила холодный порыв ветра и увидела Йе, наступавшего на нее.

— Ты обманула нас! — воскликнул он, и голос его звучал резко, как скальпель. От него душа ушла в пятки.

Тесла застыла на месте, не в силах оторвать глаз от кукольного лица Йе, но в ту же секунду за спиной у нее Рар Уту вздохнула и прошептала:

— Как же... это... прекрасно.

— Что ты с ней делаешь? — спросил Йе у Будденбаума, одновременно хватая Теслу за руку. Она легко могла стряхнуть с себя его мягкие ручки, но ее тело обмякло от его близости. Ноги сковало холодом, поднимавшимся все выше.— Отпусти ее! — потребовал Йе.

— Боюсь, уже поздно.

— Я убью твою женщину, если не отпустишь.

— Она не моя.— Оуэн пожал плечами.— Делай с ней что хочешь.

Как в полусне, Тесла оглянулась на Будденбаума и при вспышке вырвавшегося из-под земли света вдруг впервые рассмотрела его ясно. Душа его охладела и давно утратила человечность в погоне за тем, ради чего он здесь оказался. Он не хвастался — он действительно был умнее, чем Яфф. Но теперь Тесла видела, что никакой ум ему не поможет. Искусство сделает с ним то же, что с Рэндольфом. Сломает и лишит рассудка.

Рар Уту уже почти растворилась, но, растекаясь по асфальту там, где минутой раньше исчез Хахе, она продолжала спрашивать:

— Что будет дальше?

— Верни ее! — закричал Йе.

— Я же сказал тебе: поздно, — ответил Будденбаум.— Кроме того, мне кажется, она и сама не захочет возвращаться.

Рар Уту засмеялась.

— Что дальше? — повторяла она, а ее голос и смех растворялись.— Что дальше?

Асфальт у нее под ногами стал мягким, во все стороны побежали разноцветные огоньки.

— Прекрати! — снова крикнул Йе с такой силой, что тело Теслы перестало ее слушаться. Ноги стали ватные, мочевой пузырь опорожнился, и она, не чувствуя под собой земли, шагнула от Йе к Будденбауму.

— Не подходи! — зарычал Будденбаум и попятился, загоразвивая собой пяточок раскаленной земли, где исчезала Рар Уту.— Искусство мое!

— *Искусство?* — переспросил Йе, как будто до него только что дошел смысл подстроеной ловушки.— Никогда, Буд-

денбаум,— сказал он, очень четко выговаривая каждый слог,— никогда ты его не получишь!

Звука его режущего голоса измученный рассудок Теслы не вынес. В голове у нее будто что-то замкнуло: глаза закатились, язык вывалился изо рта. Как только она погрузилась во тьму, сияющая земля разверзлась...

И она увидела крест. В бесконечно долгий момент умирания она с тоской вспомнила, как некогда разгадала загадку: четыре пути, обозначенные на кресте. Один ведет в мир грез, другой — в мир реальности, третий — к животным и четвертый — к богам. А посередине, в самом центре креста, где начинались и заканчивались все пути, где они сходились и разделялись, скрывалась главная загадка — загадка жизни человеческой. Эта тайна не имела отношения к плоти. И к страданиям души на кресте, и к тому, как дух одержал победу над страданием. Загадка заключалась в том, что живые грезы ума, сотворившие дух, душу и плоть, живут радостью.

Когда она вспомнила открывшееся ей знание, время между тем мгновением и этим — годы, потраченные в путешествиях по «Америкам», — сложилось в единый миг и исчезло. Она снова видела зияющую пустоту под Паломо-Грувом и падала туда, умирая. Глаза закрывались, сердце оставалось.

Где-то далеко у нее над головой закричал Ие, и она поняла, что сила, захватившая их, теперь добралась и до него.

Она хотела сказать ему, чтобы он не боялся. Что сейчас он попадет туда, где живет будущее; время вне времени, когда все разорванные вещи воссоединяются. Но у нее не было языка. Не было легких. Не было ничего.

Все кончилось.

ii

В тот самый момент, когда Тесла шагнула навстречу свету, Гарри, Рауль и Мэв О'Коннел приближались к перекрестку. Им оставалось пройти не меньше сотни ярдов, но свет,

сиявший из-под земли, был столь ярким, что Гарри разглядел лицо Теслы до последней черточки. Она была мертва или умирала, но выглядела до странности удовлетворенной.

Там, где Тесла упала, земля вдруг перестала быть твердой. Земля расступилась и поглотила ее, будто сияющая могила.

— Господи,— выдохнул Гарри.— Господи Иисусе Христе...

Он ускорил шаг и почти бегом направился к перекрестку, где били струи света.

Вдруг позади него закричала Мэв.

— Я знаю этого человека! — голосила она.— Это Будденбаум! Бог мой, это же Будденбаум! Тот самый ублюдок, с которого все началось.

Она вырвалась из-под опеки Рауля и заковыляла вслед за Д'Амуром.

— *Будь так любезен, останови ее!* — крикнул Кокер на ухо Раулю.

Рауль был слишком потрясен гибелью Теслы и не ответил. Кокер кричал, пока Рауль не ответил ему:

— Я думал, ты ушел.

— Нет, что ты,— ответил Кокер.— Я всего лишь говорю тише, чем она. Но теперь, друг мой, умоляю, не дай ей вновь исчезнуть из моей жизни. Я хочу в последний раз сказать ей, что люблю ее.

Рауль проглотил слезы. Он уже потерял многих, но эта потеря была невыносима. Теслу не убили ни пуля, ни Киссун, ни наркотики, которых хватило бы, чтобы отправить на тот свет лошадь. Но теперь она умерла.

— Прощу тебя,— настаивал Кокер,— иди за Мэв.

— Я сделаю что смогу,— сказал Рауль и последовал за старухой. Та, несмотря на свою дряхлость, почти доковыляла до перекрестка.— Подождите минуточку! — крикнул Рауль, хватая ее за руку.— Кое-кто хочет с вами поговорить!

Мэв ворчливо ответила:

— *А я хочу поговорить с ним!* — Она кивнула на Будденбаума.— Вон с тем.

— Послушайте,— Рауль взял ее за руку осторожно, но достаточно крепко,— мы с вами встретились не случайно. Кое-кто привел нас к вам. И он сейчас здесь, рядом с нами.

— Спятил ты, что ли? — спросила Мэв, оглянувшись.

— Вы его не видите, потому что он мертвый.

— Плевала я на мертвых,— фыркнула Мэв.— Мне нужен живой. Эй, Будденбаум! — завопила она.

Теперь заговорил Эрвин.

— Скажи ей, кто ты,— призвал он Кокера.

— Я хотел дождаться случая,— отозвался тот.

— Я всю жизнь дожидался случая,— сказал Эрвин.—

И вот что вышло.

С этими словами он оттолкнул товарища и сам крикнул в ухо Рауля:

— Скажи ей, что это Кокер! Ну давай! Скажи!

— Кокер? — переспросил Рауль вслух.

Мэв О'Коннел замерла на месте.

— Что ты сказал? — пробормотала она.

— Его зовут Кокер,— ответил Рауль.

— Я ее муж,— подсказал Кокер.

— Он ваш...

— Я знаю, кто он,— перебила она, а потом, задохнувшись, переспросила: — Кокер? Мой Кокер? Это не сон?

— Это правда,— кивнул Рауль.

По щекам ее полились слезы. Она повторяла:

— Кокер... Мой Кокер... Мой дорогой, любимый Кокер...

Гарри слышал, как заплакала Мэв. Он оглянулся и увидел, что она запрокинула голову, будто муж осыпал ее дождем поцелуев, а она в них купалась. Когда он снова посмотрел на перекресток, Будденбаум стоял на коленях в том месте, где только что исчезла Тесла, и бил кулаками по затвердевавшему на глазах асфальту. Казалось, его вот-вот хватит удар — на лице его смешались пот, слюни и слезы.

— Не смей, стерва! — вопил он на всю улицу.— Я тебе его не отдам!

Энергия продолжала исходить из земли мелкими петлями и спиралями, и Оуэн находился в самом ее центре. Руки

он разбил в кровь; он хватал ими светлые лучи, кружившие вокруг, но в кулаке каждый раз оставалась пустота. Ярости и отчаянию Будденбаума не было предела. Он вертелся на месте, не переставая вопить:

— Этого не может быть! Нет! Не может быть!

Гарри услышал, как Мэв у него за спиной произнесла:

— Видишь, Кокер? Перекресток?

— Он видит,— сказал Рауль.

— Там я и зарыла медальон,— продолжала Мэв.— Кокер знает об этом?

— Знает.

Мэв подошла и встала рядом с Гарри. Ее лицо промокло от слез, но она улыбалась.

— Мой муж здесь,— сообщила она ему, и в голосе ее слышалась гордость.— Представляешь?

— Это замечательно.

Она показала рукой на улицу:

— Вон там стоял наш бордель. Это ведь не просто совпадение?

— Нет,— ответил Гарри.— Думаю, нет.

— Ведь этот свет — он от медальона.

— Похоже, что так.

Улыбка ее стала шире.

— Я хочу посмотреть ближе.

— Я бы на вашем месте не стал подходить.

— Ну, ты пока что не на моем месте,— резко сказала она.— Что бы там ни было, а это моих рук дело.— Она успокоилась немного, а потом снова улыбнулась: — Вряд ли ты больше меня знаешь о том, что здесь происходит. Я права?

— Более или менее,— признал Гарри.

— Раз мы не знаем, чего бояться, то и не надо бояться,— заключила она.— Рауль, ты будешь слева от меня. А ты, Кокер, где бы ни был, будешь справа.

— Пустили бы меня вперед,— вмешался Гарри и, не дожидаясь разрешения, направился к Будденбауму.

Оуэн по-прежнему молотил кулаками по асфальту.

— Не подходи! — прохрипел он, увидев Гарри.— Это мое место, у меня еще хватит сил его защитить.

— Мне ничего не нужно,— сказал Гарри.

— Ты заодно с этой сукой Бомбек. Вы обманули меня.

— Никто тебя не обманывал. Тесла вообще не хотела...

— *Разумеется, она хотела!* — воскликнул Будденбаум.—

Она не дура! Ей Искусство нужно не меньше, чем другим!

Он оглянулся на Д'Амура, и гнев его уступил место горечи.

— Видишь ли, я ей поверил. Вот в чем моя ошибка. Она меня обманула! — Он стукнул израненными кулаками об асфальт.— *Это мое место! Мое чудо!*

— Вы только послушайте, что он несет! — вскричала Мэв. Гарри отступил в сторону, и Будденбаум ее увидел.

— Ты врешь! — продолжала Мэв.— Это место было, есть и будет моим.

Гнев на лице Будденбаума сменился изумлением.

— Ты... ты та, про кого я подумал?

— С чего ты удивляешься? — сказала Мэв.— Я, конечно, постарела, но не все же заключают сделку с дьяволом.

— Дьявол тут ни при чем,— тихо проговорил Будденбаум.— Я мог еще много чего им показать... Но что ты здесь делаешь?

— Пришла, чтобы получить ответы на несколько вопросов,— сказала Мэв.— Я заслужила, тебе не кажется? К тому же мы оба на краю могилы.

— Только не я,— заявил Будденбаум.

— Вот так? — отозвалась Мэв.— Ну, извини.

Она махнула Раулю, чтобы тот подошел.

— Ты хочешь прожить еще лет сто пятьдесят? — спросила она Будденбаума.— Ну, дело твое. А меня уволь. Кости болят.

Тут струя светлой энергии устремилась к ней. Мэв не испугалась. Она потянулась, взяла и переплела полосу света между своими скрюченными от артрита пальцами.

— Ты видел дом, который мы тут построили? — спросила Мэв, играя со струйкой.— Хороший вышел дом. *Хороший дом.*

Струя энергии выскользнула у нее из пальцев, но с земли поднялись другие.

— Что ты делаешь, женщина? — спросил Будденбаум.

— Ничего,— пожалала плечами Мэв.

— Даже если земля и не моя, то магия моя.

— Я не отбираю ее у тебя,— мягко сказала Мэв.— Я слишком стара, и мне ничего не нужно, кроме воспоминаний. Они у меня есть, Будденбаум...

Пятна света забегали все быстрее, словно просыпаясь от ее слов.

— И как раз сейчас я помню все очень четко. Очень и очень четко.

Мэв закрыла глаза, и на улизу из-под земли выплеснулась новая волна света, омывая ее лицо и руки.

— Иногда я помню мое детство лучше, чем вчерашний день,— продолжала она, протягивая руку.— Кокер, ты здесь?

— Он здесь,— подтвердил Рауль.

— Можешь взять меня за руку? — спросила она.

— Он говорит, что держит,— сказал Рауль. И через секунду добавил: — Говорит, что крепко держит.

Мэв засмеялась:

— А знаешь, я чувствую.

Будденбаум потянул Гарри за рукав:

— Она что, чокнутая?

— Нет. Здесь призрак ее мужа.

— Мне следовало бы его увидеть,— сказал Будденбаум, и его голос стал монотонным.— Последний акт... Что за стерва...

— Смирись,— посоветовал Гарри.

— Никогда не любил сантиментов.

— Это не сантименты,— возразил Гарри, глядя, как пятна света омывают лицо и руки Мэв. Они не поднимались в небо, как прежде, а кружились, будто пчелы над цветком, образуя какой-то узор. Первым его разглядел Рауль.

— Дом,— произнес он изумленно.— Гарри, ты видишь?

— Вижу.

— Хватит,— заявил Будденбаум, отмахиваясь от воспоминаний.— Хватит с меня прошлого. Сыт по горло.

Закрывая лицо руками, он попятился от дома Мэв, воссозданного ее памятью из света и воздуха во всех деталях, со

стенами и окнами, лестницей и крышей. Слева от Гарри появилась дорожка, что вела к парадному крыльцу. Справа через дверной проем виднелась прихожая, дальше, за еще одной дверью, — кухня, а за ней — двор, где цвели деревья. Сквозь прозрачные стены просвечивала обстановка комнат: мебель, ковры, вазы. Все на глазах оживало, и процесс этот набирал обороты. Твердая материя вещей, каждой мелочи, истлевшей много лет назад, но оставившей свой потаенный код, теперь возвращалась к жизни силой воображения. Вещи вспоминали сами себя во всем своём совершенстве и возвращались на место.

Все было зыбко, но Гарри увидел ажурную решетку изгороди; испанскую плитку на крыльце; витые лестницы на второй и на третий этажи, где было по две уборных и по шесть уютных спален.

А потом, даже прежде чем возникла крыша, начали появляться те, кто населял дом.

— Дамы, — восхищенно прошептал Рауль.

Дамы появлялись везде. На лестничных площадках и в спальнях, в гостиных и в кухне. Их голоса и смех звучали, как тихая музыка.

— Вот Беделия, — сказала Мэв. — А это Хильдегард и Дженни, моя милая Дженни...

Гарри подумал: это было не самое плохое место, если в конце концов о нем остались такие воспоминания. По современным стандартам красоты немногие из этих женщин считались бы привлекательными, но в доме веяло покоем и весельем, что вполне располагало и к смеху, и к эротическим утехам.

Что касается клиентов, приносящих доход заведению, то они проходили прозрачными, еле заметными тенями, призраками призраков мелькали на лестницах, в спальнях и ваннах. Как Гарри ни всматривался в лица, он так и не сумел никого разглядеть, будто дом понимал их желание оставаться неузнанными, потому что они стыдились своей похоти.

Женщины же не выказывали никаких признаков стыда. Гарри видел, как одна вышла на лестницу с обнаженной гру-

дью; другая, совсем голая, стояла на площадке. Они болтали друг с другом в уборной, терли друг другу спины в ванной, брили ноги и то, что между ними.

— Вот, смотри.— Мэв показала на невероятно пышную женщину, сидевшую в кухне и отщипывавшую кусочки пудинга с фарфорового блюда.— Это Мэри-Элизабет. Она свои деньги отлично отрабатывала. На нее всегда была очередь. А это,— Мэв перевела палец на бледную черноволосую девушку, кормившую попугая, зажав кусочек в зубах,— это Долорес. А попугай... Как звали попугая? — Она оглянулась на Рауля.— Слушай, спроси у Кокера.

— Илия,— тут же ответил Рауль.

Мэв улыбнулась.

— Да, конечно же Илия. Она уверяла, что он предсказывает будущее.

— Вы были здесь счастливы? — спросил Гарри.

— Я не собиралась заниматься этим,— ответила Мэв,— но, как ни странно, да. Может быть, даже слишком. Вот люди и стали завидовать.

— Поэтому они сожгли дом? — спросил Гарри, подходя к лестнице, по которой поднималась Мэри-Элизабет.— Из зависти?

— Одни из зависти,— сказала она.— Другие исключительно из благородных чувств: они не желали, чтобы мы с девушками портили горожан. Можете себе представить? Без меня и без этого дома никаких горожан бы и не было, поскольку не было бы города. И они это знали. Вот почему они ждали случая...

— И что же это за случай?

— Наш сын. Наш безумный сын, пошедший не в отца, а в меня. Кокер был такой деликатный, а в роду О'Коннелов все сумасшедшие, и это передалось Клейтону. Кроме того, мы совершили ошибку: мы говорили ему, что он не такой, как все, что он дитя двух миров и когда-нибудь получит огромную власть. Лучше бы мы молчали. Он стал думать, будто он выше других и потому может презирать общие правила и делать что угодно.— Мэв погрузилась.— Однажды, когда ему было лет десять, я увидела, что он смотрит на горы Хар-

мона. Я спросила, о чем он думает. Знаете, что он ответил? «Когда-нибудь,— сказал он,— эти горы будут моими, и я взгляну сверху на этот мир ничтожных насекомых». Я много раз вспоминала те слова. Они были предупреждением. Следовало бы еще тогда избавить его от мучений. Но мы с Кокером так долго мечтали о ребенке...

Краем уха Гарри продолжал слушать рассказ Мэв — как чары Кокера подарили ей вечную молодость, но она не могла забеременеть и родила сына в почти семидесятилетнем возрасте — и одновременно обдумывал то, что она рассказала раньше. Про хребет Хармона и мир насекомых.

— Что случилось с Клейтоном? — перебил он ее.

— Его повесили.

— Вы видели его мертвым?

— Нет. Его тело разорвали волки или медведи...

Он подумал о диких зверях в горах и тут же вспомнил, где слышал эти слова.

— Рауль, останься здесь с Мэв, хорошо?

— Конечно,— ответил Рауль, чье лицо сияло от вуайеристского удовольствия.

— Не уходи,— попросила Мэв.

— Я скоро вернусь,— ответил Гарри,— а вы продолжайте вспоминать.

И он проскользнул через запертую входную дверь дома през на улицу.

III

— Каждая жизнь — листок на дереве жизни,— сказал Тесле человек, ходивший по воде. Она тогда ответила, что так и не успела толком рассказать ни одной истории.

— Успела,— возразил он.— Ты рассказала свою историю.

Конечно же, он был прав. Она рассказывала эту историю каждым движением, каждым словом или поступком, плохим или хорошим, каждым вздохом и ударом пульса.

Но теперь происходило что-то странное. Сердце Теслы больше не билось, дыхание прервалось, она не могла про-

изнести ни единого слова, однако рассказ продолжался. Тесла умерла, в этом не было ни малейшего сомнения, но перо, писавшее ее историю, не прекратило свою работу. История не закончилась.

Тот сияющий свет, что поглотил ее, все еще не погас. Она точно знала, что видит его не глазами, потому что смотрела как будто со стороны и видела свое тело, едва различимое в этом сиянии. Тело лежало лицом вверх, руки и ноги раскинуты, пальцы вывернуты — Тесла хорошо помнила, что это за поза. Получаса не прошло с тех пор, как она видела ее: это поза человека на медальоне. Теперь так же лежало ее собственное мертвое тело, а сознание витало вокруг, разглядывая тело с отстраненным любопытством. Сознание слегка удивлялось происходящему, но подозревало, что разгадка окажется выше его понимания.

Глубоко в земле сиял крест — источник энергии, преобразивший почву и превративший ее из твердой материи в некое светящееся месиво. Тесла видела, как он рассеивает ее мысли, рассылает их сразу на четыре стороны, по четырем дорогам, начинавшимся от его лучей. Одна дорога предназначалась для людей и вела туда, где собраны мечты и желания всех мужчин и женщин, проходивших когда-либо по этому перекрестку. Другая имела противоположное направление и вела к существам, похожим на людей, — пришельцам из Метакосма, волею судьбы на время попавшим в Эвервилль. Третьей дорогой шли животные, дикие и домашние: собаки обнюхивали местечко, чтобы пописать; перелетные птицы направлялись на юг; мухи летели в кондитерский магазин Долана; черви копались в земле, как делали это уже миллион лет... Все виды и формы, даже самые низшие.

И наконец, последняя дорога вела дальше трех других — вверх, туда, где жили небесные существа, которых Тесла могла заманить в ловушку.

— Что дальше? — спрашивала Рар Уту, исчезая в потоке света. Этот вопрос больше не терзал Теслу. Она нашла то, что искала, ее сознание разом охватило все факты и все следствия. А если перо продолжает писать и история не окончена, она сможет войти в нее сама.

А пока Тесла будет парить и смотреть, как четыре луча сияют на земле и бегут в четырех направлениях; как тление пожирает тело, которое она когда-то видела в зеркале.

iv

Гарри пошел в сторону иадов и успел отойти на два квартала, когда его окликнул Будденбаум:

— Д'Амур, помоги мне.

Оказывается, он не был полностью опустошен поражением своего дела. Лицо и пальцы у него светились, напоминающая о том, что он потерял.

— Я тебя не виню,— проговорил Будденбаум.— Ты дружил с ней, тебе пришлось ее покрывать. У тебя не было выбора.

— Да никого я не покрывал.

— Ну, так или иначе нельзя оставлять ее там, на перекрестке.

— Она погибла,— сказал Гарри.

— Знаю.

— Тогда вопрос, где она похоронена, имеет чисто академическое значение. А не пошел бы ты к черту с моей дороги?

— Ты куда?

— Я иду искать Киссуна.

— *Киссуна?* — удивился Будденбаум.— На кой черт он тебе сдался?

— Он может больше, чем ты.

— Неправда! — возразил Будденбаум.— Удели мне пару минут, и ты уже никогда не оглянешься. Некуда будет оглядываться. Не останется ни прошлого, ни будущего, а только...

— Один бесконечный день? — Гарри покачал головой.— Ради бога, перестань. У тебя уже был шанс, и ты его упустил.

В эту минуту он свернул за угол и увидел на другом конце улицы врагов. Он остановился, пытаясь сообразить, что происходит, но пожаров здесь не было, а отсвет дальних огней, пылавших за несколько кварталов отсюда, не давал рассмотреть

реть сцену получше. В одном Гарри не сомневался: иады справились с паникой, напавшей на них у прохода. Даже при таком освещении и на таком расстоянии было видно, что они наступали не хаотически, а собрались в единую огромную змееподобную ленту, которая ритмично двигалась.

Гарри закатал рукава, обнажив татуировки. Кто знает, на что они способны? Может быть, и ни на что, но другой защиты у него нет.

— Что ты собираешься делать? — осведомился Будденбаум.— Драться с ними? У тебя нет ни одного шанса. Даже если есть какая-то сила.

Гарри не обратил внимания. Он набрал в грудь побольше воздуха и пошел навстречу иадам.

— Думаешь, ты герой, да? — продолжал Будденбаум.— Это самоубийство. Если хочешь сделать что-то полезное, пошли со мной. Ты, Д'Амур, откопаешь его мне.

— Откопаю?

Будденбаум показал руки. Зрелище было ужасное: в отчаянии он разбил их об асфальт, и они превратились в кровавое месиво. Он сломал несколько пальцев, и кости торчали наружу.

— Я не могу действовать руками. А пока они заживут, будет поздно.

— Этого не случится,— сказал Гарри.

— Какого хрена ты знаешь, что случится, а что нет?

— Если ты хочешь добыть Искусство, тебе нужно было бы вернуть прежние способности. Но они не вернулись.

— Все из-за твоей Теслы...

— Возможно. А возможно, ты просто не тот человек.

Будденбаум остановился.

— Слушать не хочу,— заявил он.

— Ну и не слушай,— ответил Гарри и пошел дальше.

— И я не откажусь от того, что принадлежит мне! — воскликнул Будденбаум и схватил Гарри за плечо израненной рукой.— Пусть я не в силах сейчас взять то, что мне нужно, но зато я еще в силах наказать тебя. Может быть, даже убить.

— И чего ты добьешься?

— Я убью своего врага,— ответил Будденбаум.

И он послал из ладони разряд в плечо Гарри, отчего в плече запульсировал каждый нерв.

— Даю тебе последний шанс,— сказал Будденбаум.

Татуировки Гарри занули. Внутри все затряслось мелкой дрожью. Он понимал, что нужно бежать, но ноги не слушались.

— Что ты делаешь, Оуэн? — спросил чей-то голос.

Гарри чувствовал боль, шею сводило судорогой. Он попытался повернуть голову и посмотреть, кто это, но мышцы не слушались. Ему удалось лишь скосить глаза, и он заметил парнишку, двигавшегося к ним от перекрестка. Бледное лицо мальчика покрывали синяки.

— Отпусти его, Оуэн,— произнес юноша.— Прошу тебя.

Будденбаум издал непонятный для Гарри звук. Может быть, он всхлипнул?

— Держись от меня подальше, Сет,— отозвался Оуэн.

— Что происходит? — спросил парень.

— Меня обманули,— сказал Будденбаум, и в голосе у него зазвенели слезы.— Оно было у меня в руках...

— И этот человек его взял?

— Нет!

— Тогда в чем дело? Или ты убиваешь всех, кто попадется под руку? В тебе нет жестокости.

— Теперь будет,— заверил Будденбаум.— Отныне и навсегда — никакой жалости, никакого сочувствия...

— А любовь?

— Никакой любви,— зарычал Будденбаум.— Так что отойди, или я убью тебя.

— Не убьешь,— тихо и спокойно ответил Сет.

Боль отпустила, и постепенно к Д'Амуру возвращалось ощущение своего тела. Без резких движений, чтобы не вызвать новую волну гнева у Будденбаума, он медленно повернул голову и увидел, как Сет поднял руку Оуэна и поднес к губам.

— Мы уже видели много боли,— ласково проговорил он, целуя окровавленные пальцы.— Пора начинать исцеление.

— Слишком поздно.

— Позволь мне, и я докажу, что ты ошибаешься,— ответил мальчик.

Гарри поглядел на Будденбаума. Гнев Оуэна сменился усталостью.

— Вам лучше уйти,— сказал Сет.

— Ты с ним справишься? — спросил Д'Амур.

— Конечно,— тихо ответил Сет и обнял Будденбаума.— С нами все будет в порядке. Мы уйдем. Мы оба отсюда уйдем.

Времени на разговоры больше не оставалось. Оставив их утешать друг друга, Гарри направился дальше. Тем временем иады доползли до самого большого здания на улице — очевидно, там располагался суд или городское управление. До них оставалось шагов сто пятьдесят, не больше, и с каждым шагом теперь идти становилось все труднее. В основании черепа и в уголках глаз закололи мелкие иглы; голова наполнилась звоном.

Он почти радовался этому звону, так как он заглушал вопли людей, оставшихся в запертом здании. Сначала Гарри удивился, почему они не попытались сбежать через черный ход, но тут же увидел Гамалиэля: тот бежал вдоль стены и нес в руках что-то, похожее на человеческую голову. Если Гамалиэль здесь, то и его братцы где-то поблизости. Не исключено, что весь клан Зури явился полюбоваться зрелищем.

Но где же Киссун? Ведь это он придумал и продумал все события нынешней ночи, ставшей для него воздаянием. Он должен быть здесь и наблюдать.

Гарри брел вперед и звал Киссуна по имени, а потом перешел на бег. Странно звать человека в этом несусветном бедламе, но не Киссун ли сказал: как бы ни отличались иады от людей, сердце у них человеческое? У людей есть имена, есть прошлое. Даже у Киссуна есть прошлое, хотя он столь проникновенно говорил о радости быть *никем*: просто око горы, что смотрит вниз на букашек...

Змея иадов изогнулась, превратившись в огромное колесо, налегла на дом, и по стенам пошли трещины. Чем ближе

подходил Гарри, тем яснее видел, что не зря они получили свое название. Уроборос — змей, пожирающий свой хвост, охвативший кольцом землю. Символ силы — равнодушной и самодостаточной силы; непреклонной, непостижимой, неодолимой.

На этот раз не было никаких галлюцинаций — ни демонов, ни отца Гесса, восстающего из осыпавшейся могилы, чтобы обвинить Гарри. Ничего, кроме кольца, сжимавшегося вокруг дома с живыми людьми. Гарри видел змею все яснее. Она словно нарочно показывала себя, желая измучить его тем, что он не может постичь ее природу и не находит ни единой понятной детали — ни головы, ни когтей, ни глаз. Лишь контур, абрис, силуэт, а внутри — мешанина, от которой начинала кружиться голова и подступала тошнота. Жесткая форма неопределенного цвета (то ли синеватого, то ли красноватого, то ли ни того ни другого), бездушная и бесстрастная.

Никаких человеческих лиц, конечно, тоже не было. Только повторения, как отражения в анфиладе зеркал или эхо, подхватывающее приказ. Эхо, ищущее смысл, но не имеющее своего смысла.

Нужно найти сердце змеи. Это единственная надежда: отыскать, где сердце.

Звон в голове сделался невыносимым, но Гарри продолжал идти. Чем ближе он подходил — шестьдесят ярдов, пятьдесят, сорок, — тем яснее слышал тихий шепот.

Бояться нечего, говорил он себе.

Его удивила собственная храбрость.

— *Нет ничего такого, чего бы ты не видел раньше...*

Успокоила и ободрила.

— *Только дай мне обнять тебя...*

Погоди-ка, сказал он себе.

— *Скоро мы будем только вместе...*

Это не он. Это Иад.

— *Никто не сможет нас разделить.* — Голос зазвучал торопливо, будто понимая, что он раскрыт. — *Ты знаешь это сердцем... своим человеческим сердцем...*

Когда Гарри был уже в десяти ярдах от огромного, медленно проворачивавшегося колеса, шепот исчез и остался лишь звон, в котором тонули людские крики. Он заметил, как справа к нему устремился Гамалиэль, и понял, что сейчас умрет. Без молитв, без покаяния. Его убьют одним ударом.

Жить ему оставалось секунды. Секунды на то, чтобы найти Киссуна.

Он набрал в грудь побольше воздуха и, не слыша собственного голоса, крикнул изо всех сил:

— Я ищу Клейтона О'Коннела!

Сначала не последовало никакой реакции. Колесо должно было вращаться, и перед измученным взглядом Гарри мелькали бессмысленные формы. Но потом, когда Гамалиэль подошел совсем близко и поднял руку, потянувшись к горлу Д'Амура, движение стало замедляться. Должно быть, Гамалиэль услышал какой-то приказ, потому что замер, остановился и отступил немного.

Звон в голове Гарри тоже стих, хоть и не полностью. Он стоял перед иадами, тяжело дыша, как узник, чьи цепи чуть-чуть ослабили.

В массе иадов произошло движение. Какой-то узел раскрылся, и оттуда, из самого нутра (внутри Иад состоял из того же мерзостного вещества, что и снаружи) появился Киссун.

Вид у него был тот же, что и на горе: ясный и умиротворенный.

— Как ты сумел узнать, кто я? — спросил он.

Он стоял далеко, но голос его раздавался у Гарри в ушах, как и шепот иадов.

— Я ничего не узнавал, — ответил Гарри. — Просто услышал.

— От кого? — Киссун вышел из своего живого святилища на асфальт улицы. — Кто тебе сказал?

— От твоей матери.

Лицо Киссуна оставалось бесстрастным. Ни одна черта не дрогнула.

— Ее зовут Мэв О'Коннел, если ты забыл,— сказал Гарри,— и ее повесили вместе с тобой и твоим отцом.

— Ты научился говорить с мертвецами? — удивился Киссун.— С каких пор?

— Она не умерла, Клейтон. Она очень даже живая.

— Что за дурацкие шутки? — воскликнул Киссун.— Надеешься таким образом кого-нибудь спасти?

— Твоя мать осталась жива, Клейтон. Ветка сломалась, а потом она нашла дорогу в Субстанцию.

— Не может быть.

— Проход всегда был там, и он не закрывался.

— Как она смогла пройти?

— У нее в запасе всегда имелась парочка заклинаний, не так ли? И воля, чтобы заставить их работать. Видел бы ты, что она устроила на перекрестке! Видишь свет? — Гарри обернулся и показал на то место, где стоял бордель. Небо там заметно светилось.— Тоже ее работа.

Киссун посмотрел туда, и на лице у него промелькнуло сомнение. Гарри остался доволен.

— Ну, не знаю, Д'Амур... Ты продолжаешь меня удивлять.

— Я и сам удивился.

— Если ты солгал...

— Зачем мне лгать?

— Чтобы задержать меня.

— Ты все равно добьешься своего.

— За каким чертом? — пожал плечами Гарри.— Рано или поздно ты все равно сделаешь то, что задумал.

— Сделаю,— согласился Киссун.— И никакая мать мне не помешает.

Он смотрел на свечение в небе.

— Что она там делает? — спросил он.

— Восстанавливает бордель,— ответил Гарри.— Как в старые добрые времена.

Киссун на мгновение задумался.

— Старые добрые? — повторил он.— Да черт бы их побрал!

С этими словами он без долгих разговоров направился к перекрестку, а Д'Амур пошел следом.

Гарри не нужно было оглядываться, чтобы понять: иады сняли осаду здания и потекли вслед за Киссуном. Казалось, несмотря на свою жестокость, они не имели намерения — а может быть, и желания — причинять кому-либо зло. Звон в голове Гарри почти стих, превратившись в тихий шепот, и он воспользовался этим, чтобы привести в порядок мысли и продумать план. Он почти не сомневался, что без хозяина иадам его мысли неинтересны.

Он прекрасно понимал, что внезапное возвращение матери не смягчит Киссуна. Скорее всего, он отправился к ней не из нежных чувств, а из любопытства.

Тот факт, что женщина, породившая его на свет, не умерла, не отобьет у Киссуна желания скормить весь мир своим букашкам. Оставалась надежда, что в момент встречи с Мэв он потеряет неуязвимость, но даже если так — каким оружием его возьмешь? И что будут делать в этот момент иады — смотреть и ждать? Это казалось маловероятным.

— Вряд ли ты ожидал такого, да? — сказал Киссун, когда они завернули за угол. — Я имею в виду иадов.

Гарри оглянулся. Громадное колесо нависло над ним, подобно волне, грозя обрушиться, и постоянно меняло очертания. Казалось, оно захватывало и трансформировало даже воздух, а темнота помогала ему.

— Я сам не знаю, чего ожидал, — ответил Гарри.

— Ты видел немало демонов, но вряд ли встречался с таким. — Киссун показал на колесо. Он не ждал от Гарри ни возражения, ни согласия. — Они скоро изменятся. А потом еще раз изменятся. Поэтому и бессмертны.

Гарри вспомнил, что говорила Норма про мир. Верны ли ее слова в отношении Иад? Изменчивы и неуязвимы?

— Это лишь малая часть тех, что ждут на другой стороне.

— Я рад, что не увижу этого, — сказал Гарри.

— Решил не воевать? Умно. Ты не знаешь, что тебе теперь делать, да? И от этого тебе страшно. Лучше сдаться. Иди домой и смотри телевизор, пока очередь не дошла до тебя.

— Ты так ненавидишь мир?

— Меня унесли волки, Д'Амур. Я очнулся в темноте с веревкой вокруг шеи. Я задушил их, конечно; и когда я стоял над ними, перемазанный их кровью, я подумал: не они мои враги. Мои враги — те, кто взял меня ночью, беззащитного, и повесил на дереве. Их кровью я должен умыться. Их глотки я должен рвать. Но как? Как полудурок, сын пьяницы и хозяйки борделя, может справиться с Сапас Умана? — Он остановился и улыбнулся.— Теперь ты знаешь.

— Знаю.

— Один вопрос, Д'Амур, прежде чем мы придем туда.

— Спрашивай.

— Тесла Бомбек.

— Что?

— Где она?

— Она погибла.

Киссун смотрел на Гарри некоторое время, словно пытается определить, лжет тот или нет. Потом произнес:

— С ней было интересно. Наши встречи в Петле я вспоминаю почти с нежностью.— Он сам улыбнулся несуразности своих слов.— Конечно, она боец легчайшего веса. Но сражалась храбро.— Он сделал паузу, глядя мимо Гарри на Иад, и задал вопрос: — Знаешь, зачем они пожирают собственный хвост?

— Нет.

— Чтобы доказать свое совершенство.

Киссун повернулся и пошел дальше. За поворотом они увидели перекресток и дом, воссозданный Мэв. Теперь он выглядел почти твердым, как картина, написанная светом. Добавились детали — то окно, то статуя. Киссун ничего не сказал, но его шаг замедлился.

— Где мать? — спросил он.

— Внутри, наверное.

— Приведи ее. Я не хочу входить.

— Это же иллюзия.

— Я знаю,— ответил Киссун. Показалось ли Гарри, или голос его и вправду дрогнул? Киссун повторил: — Приведи ее.

— Хорошо.— Гарри поднялся на крыльцо и вошел.

Он оказался в настоящей эротической стране чудес. Стены были увешаны картинами, в основном на классические темы: «Суд Париса», «Леда и лебедь», «Похищение сабинянок». И повсюду — женская плоть, ставшая со времени его ухода еще более сочной и влекущей. Женщины в нижнем белье, болтающие друг с другом в гостиной. Женщины с распущенными волосами, омывающие свои тяжелые груди. Женщины, возлежащие на постелях, ласкающие себя между ног, улыбающиеся призрачным клиентам.

Гарри бродил среди них в поисках Мэв и чувствовал, что улыбается вопреки всему. Конечно, тот мир был суровым — болезни, грубость, внебрачные дети. Конечно, женщины были глупы, ленивы и не упускали случая обобрать клиента. Но Мэв сберегла и передала то, что обитало в ее доме, — радость.

— Гарри? — окликнули его. В кухне, среди группы женщин, стоял Рауль.— Ты откуда?

— Я нашел сына Мэв. Где она?

— Она во дворе. Ты говоришь, нашел ее сына?

— Ее сын — Киссун, Рауль,— сказал Гарри.— Настоящее имя Киссуна — Клейтон О'Коннел.

— А он знает?

— Конечно. Как он может не знать?

— Да... Однако трудно себе представить, чтобы сын Мэв убил членов Синклита и сотворил все остальное.

— Все с чего-то начинается.

— И где он сейчас?

— Перед домом,— ответил Гарри,— вместе со своими иадами.

Он вышел в сад. Мэв вообразила сад таким, каким он был в какую-то далекую весну,— с вишнями, прогнувшимися под тяжестью цветов, с пьяным, как вино, воздухом. Рядом с Мэв на траве сидела женщина и смотрела на звезды.

— Ее зовут Кристина,— сообщила Мэв.— Она знает все созвездия.

— Я нашел Клейтона.

— Что?

— Он здесь.

— Не может быть,— покачала головой Мэв.— Не может быть. Мой сын погиб.

— Так было бы лучше для всех,— отозвался Гарри.— Он привел сюда Иад, Мэв. Он отомстил людям за то, что они сделали с вами.

— И... ты думаешь, что я его разжалоблю?

— Если сможете.

Мэв взглянула на женщину, потом на звезды.

— Что он сказал?

— Он велел мне привести вас к нему.

Она оглянулась на Рауля:

— Мой Кокер здесь?

Рауль кивнул.

— Он знает?

Рауль снова кивнул.

— И что он думает?

Рауль прислушался.

— Он просит вас быть осторожной. Говорит, что он опасен. Что он всегда был злым.

— Не всегда. У меня в утробе он не был злым. Мы его таким сделали, Кокер. Не знаю, как это получилось, но мы виноваты.

Она вошла в дом и, отказавшись от помощи Гарри, прошла через кухню и гостиную к выходу.

Дверь по-прежнему была открыта. Киссун стоял там, и по выражению его лица было ясно, что он заметил мать через полупрозрачные стены борделя. Он уже не казался таким уверенным, как раньше.

— Посмотри на меня,— обратился он к Мэв.

— Клейтон?

— Какая ты старая! — воскликнул он и поднялся на крыльцо.— Но ты не могла выжить, мама.

— Ты тоже.

— Я-то умер, мама. Меня здесь держит только ненависть,— произнес он и поднял левую руку, в которой держал жезл. Жезл Смерти.

Гарри крикнул, но Киссун действовал быстро. Он ударил мать по голове, и та упала, заливая кровью прозрачный ковер.

Тесла в своей сияющей могиле почувствовала этот удар и словно умерла во второй раз. Дух ее содрогнулся, она посмотрела вверх, увидела над собой расплывшееся кровавое пятно, и женский голос заплакал от боли.

Гарри схватил Киссуна за руку, пытаясь оттащить от Мэв, но тот был слишком силен. Одним движением плеча он стряхнул с себя Д'Амура, так что Гарри пролетел сквозь прозрачную стену и приземлился на кухонный стол. Поднявшись на ноги, он увидел, что Рауль тоже бросился на Киссуна. На него Киссун вообще не обратил внимания, даже не потрудился стряхнуть с себя. Он опустился на колени рядом с Мэв, занес руку и снова обрушил жезл на ее голову. Раз, другой, третий, четвертый. Четыре раза опустился жезл, и четыре раза содрогнулся дом, созданный ее памятью.

Когда приблизился Гарри, все было кончено. Киссун — забрызганный кровью, со слезами на глазах — поднялся на ноги. Он вытер нос ладонью, как обыкновенный уличный мальчишка, и сказал:

— Спасибо, Д'Амур. Мне понравилось.

Тесла не хотела слушать. Не хотела шевелиться. Не хотела вообще ничего — только плавать здесь до тех пор, пока этот лимб ее держит.

Но наверху свершилась жестокость, отголоски ее раздалась внизу, и Тесла против воли почувствовала поднимающийся гнев. Гнев ее передался земле, и сияющая волна повлекла Теслу к ее неподвижно лежавшему телу. Чем ближе она подплывала, тем больше в ней становилось силы. От нее хотят, чтобы она снова туда вернулась, догадалась Тесла. Чтобы она снова воссоединилась со своей плотью.

Зачем? Ответ она узнала, как только скользнула внутрь, в темноту под закрытые веки. От нее хотят, чтобы сердце ее

забилось, чтобы легкие наполнились воздухом; а главное, от нее хотят, чтобы она вошла в свое тело. Тогда тело превратится в крест, разум найдет смысл в смятениях плоти, и они соединятся в единое целое, небесное и земное.

Короче говоря, от нее хотели, чтобы она приняла Искусство.

Она не могла отвергнуть такой дар. Она поняла это в тот самый миг, как только Искусство ее коснулось. Оно изменит Теслу — так, как она не могла и представить. Так, что для нее потеряет смысл различие между жизнью и смертью.

Возможно, между первым и вторым ударами сердца был момент, когда она все-таки могла отвергнуть дар и опять выскользнуть из тела. Позволить ему умереть, исчезнуть. Но она уже сделала выбор, не успев его осознать.

И тогда в нее вошло Искусство.

— Что это? — спросил Киссун, когда тело его матери, лежавшее перед ним на асфальте, пронзили тысячи тонких, как иголки, лучей.

Гарри не знал. Он только смотрел, как тело старой женщины тает, будто в печи крематория. Но этот огонь не просто уничтожал: сквозь исчезающее тело Мэв О'Коннел проступало другое.

— Тесла?

Она казалась сотканной из огня, но все-таки это была она! Господи Всемогуший, *это была она!*

Гарри услышал, как гудение иадов у него в мозгу превратилось в вой, похожий на мычание испуганного быка. Киссун попятился к выходу, явно испугавшись не меньше, чем его безликий союзник, но тут Тесла позвала его по имени. Трансформация изменила ее голос.

— Такое нельзя простить, — сказала она. Огонь в ней почти погас, и она стала похожа на прежнюю Теслу. — Здесь, где родились и ты, и я...

— И ты? — повторил Киссун.

— Я родилась здесь сейчас, — ответила Тесла. — Ты стал тому свидетелем, хотя для тебя это слишком большая честь.

Вой иадов, слушавших их разговор, нарастал. Гарри вгляделся в темноту за спиной Киссуна и увидел, как страшное колесо оседает и распадается.

— Это ты сделала? — спросил он Теслу.

— Может быть,— ответила она, изучая свое тело.

Оно приобрело еще бо́льшую плотность. Особенно Теслу интересовали руки, и Гарри сообразил почему: она вспомнила про Яффа, чьи руки Искусство обезобразило.

— Будденбаум был прав,— заметил он.

— В чем?

— Ты получила Искусство.

— Я не собиралась,— сказала Тесла, и в голосе ее одновременно звучали изумление и печаль.— Если бы он не пролил кровь...

Она опустила руки и повернулась к Киссуну — тот продолжал пятиться от двери, уже переставшей быть дверью. После смерти Мэв ее фантазии таяли на глазах. Иады же уползали в темноту мелкими беспорядочными змейками, кольцами и зигзагами. Вскоре они превратились в небольшие темные облака, кое-где закрывавшие звезды. Потом исчезли и облака.

— Это только начало конца,— проговорил Киссун.

— Знаю,— ответила Тесла и улыбнулась.

— Почему же ты не боишься? — спросил Киссун.

— С какой стати? Потому что ты убил родную мать? — Тесла покачала головой.— На земле было полно таких же мерзавцев, как ты, чуть ли не от Сотворения мира. А конец означает, что все кончено, что ничего больше не будет. Не будет тебя — небольшая потеря, не так ли?

Он несколько секунд смотрел ей в лицо, будто что-то хотел в нем найти. Не нашел и сказал лишь:

— Увидим.

Повернулся и скрылся во тьме, поглотившей иадов.

Наступила новая пауза. Все долго молчали и глядели, как рассеиваются стены дома Мэв. Гарри сел на корточки, и, когда последнее пятно иадов развеялось в звездном небе, по щекам у него потекли слезы радости. Тесла тем временем ото-

шла на несколько шагов от того места, где снова появилась на свет — теперь она уже ничем не отличалась от прежней себя,— и стала смотреть на бушевавший через несколько улиц пожар. Где-то вдалеке завывали пожарные сирены.

— Что ты чувствуешь? — спросил ее Гарри.

— Я... пытаюсь сделать вид, будто со мной ничего не случилось,— ответила Тесла шепотом.— Если не торопиться... совсем не торопиться, то, возможно, я не сойду с ума.

— Значит, все не так, как они говорили?

— Прошлого я не вижу, если ты об этом.

— А будущее?

— Нет. По крайней мере, отсюда я точно его не вижу.—

Она тяжело вздохнула.— Мы еще не закончили историю. Может быть, в этом причина.

Со стороны сада долетел чей-то смех.

— Твой приятель, кажется, счастлив,— заметила Тесла.

— Это Рауль.

— Рауль? — На лице у Теслы мелькнула слабая улыбка.—

Там Рауль? Господи, я думала, я потеряла его...

Она замолчала, не договорив фразы, и увидела Рауля, стоявшего на краю сада под цветущим деревом.

— Посмотри туда,— проговорила она.

— Что там?

— Ну да, конечно,— сказала она.— Я ведь вижу его мертвыми глазами. Интересно...— Она вытянула перед собой руку, соединив средний и указательный пальцы.— Хочешь попробовать?

Гарри поднялся на ноги.

— Конечно,— ответил он.

— Иди сюда.

Он подошел к ней с некоторым страхом.

— Не знаю, получится ли у меня. Но вдруг повезет.— Она дотронулась пальцами до его яремной вены.— Чувствуешь что-нибудь?

— Холодно.

— И все? А если... вот здесь? — На этот раз она коснулась лба Гарри.— Опять холодно?

Он не отвечал.

— Хватит?

— Нет. Нет... просто это так странно.

— Посмотри опять на Рауля,— предложила она.

Д'Амур взглянул в направлении деревьев и удивленно вскрикнул.

— Ты видишь их?

— Да,— улыбнулся он.— Я их вижу.

Рауль был не один. Рядом с ним стояла Мэв, но уже не в пыльных лохмотьях, а в длинном светлом платье. Она сбросила прошедшие года и теперь стала красивой женщиной лет сорока. Она держала под руку мужчину, похожего на льва. Мужчина, одетый в летний выходной костюм, смотрел на свою жену так, как смотрел на нее с первого дня,— с бесконечной любовью.

Четвертым в этой странной группе был еще один призрак: Эрвин Тузейкер в бесформенном пиджаке и мешковатых брюках с легкой завистью косился на счастливую пару.

— Пошли к ним,— предложила Тесла.— У нас есть еще несколько минут, прежде чем сюда явятся люди.

— А что будет, когда они явятся?

— Мы уйдем отсюда. Пора приводить жизнь в порядок, Гарри, живые мы или мертвые. Нужно подготовиться к тому, что будет дальше.

— А ты знаешь, что будет?

— Я знаю, на что это будет похоже,— ответила Тесла и вошла в сад.

— На что же? — спросил он, следуя за ней под дождем лепестков.

— На сны, Гарри. На наши сны.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА ЖИЗНИ

| .
|

Уик-энд в Эвервилле со всеми его знаменьями, предзнаменованиями и нелепостями не остался незамеченным. Об Эвервилле заговорили сразу, едва началась неделя, как начинают говорить обо всех таких городках, если там случается массовое убийство либо выясняется, что это родина очередного президента. Вся Америка узнала, что в Эвервилле что-то произошло, хотя никто толком не понимал, что именно. Свидетели событий, которые могли бы что-то рассказать (те, что в субботу присутствовали на параде на Мейн-стрит, или те, что оказались в здании муниципалитета в ночь с субботы на воскресенье), только вносили путаницу. Мало того что они противоречили друг другу, но они противоречили и сами себе, час от часу и раз от разу вспоминая новые, абсолютно невероятные подробности. Тем не менее за неделю рассказы их о подземных толчках, огнях, падающих камнях просочились в таблоиды.

Как только в прессе появились первые подобные рассказы (их неизбежно сравнивали с кровопролитием в Джонстауне или Вако*), в Эвервилль хлынули разного рода экспертизы — психологи, уфологии, специалисты по паранор-

* Поселения тоталитарных сект в американской глубинке, ставшие известными после массовых самоубийств сектантов и кровопролитных столкновений с представителями властей.

мальным явлениям. Все они без конца давали интервью, так что к концу недели тон репортажей сменился с сочувственного на иронический, а порой даже циничный. «Тайм» заменил подготовленную обложку, убрав с задника текст о трагедии в Эвервилле, что само по себе означало утрату интереса к теме. Напечатали лишь короткую заметку с весьма неудачной фотографией Дороти Баллард: фотограф запечатлел ее в ночной рубашке через противомоскитную сетку двери, так что вид у Дороти был, как у заблудшей души под домашним арестом. Называлась заметка «Америка сходит с ума?».

Никто, впрочем, не отрицал того факта, что в прошлые выходные погибло множество людей, и многие умерли страшной смертью. Жертв было двадцать семь человек, включая менеджера из мотеля Стерджиса и еще три тела, найденные на шоссе за городом, — двое обгорели до неузнаваемости, а в третьем удалось опознать журналиста из Омахи Натана Грилло. Власти сделали вскрытие, провели гласные и негласные расследования силами полиции и ФБР, а потом выступили с заявлениями, где назвали несколько возможных причин смерти. Конечно, поползли слухи, частично подхваченные таблоидами. Например, «Инкуайрер» напечатал, что в том самом мотеле нашли два костюма, имитирующие кожный покров, сделанные из неизвестного материала. В горах Хармона обнаружили три креста с распятыми, и двое из них оказались людьми, а третий — непонятным существом внеземного происхождения; но об этом публика не узнала.

Немного позже, когда число свидетелей и добровольных комментаторов эвервилльских событий многократно возросло и версия «Тайма» с каждым днем приобретала все больше сторонников, история получила новый виток. Один из самых уважаемых граждан Эвервилля — Босли Каухик — покончил с собой.

Его тело обнаружили в кухне «Закусочной Китти» в ночь со вторника на среду в три часа пятнадцать минут, ровно через одну неделю и три дня после рокового фестиваля. Каухик застрелился, оставив записку рядом с кассовым аппара-

том. Содержание записки просочилось в прессу на следующий же день, несмотря на усилия Джеда Джилхолли воспрепятствовать огласке.

Адресата записка не имела. Несколько строк, нацарапанных на обороте меню, путанных и с синтаксическими ошибками. Босли писал:

«Надеюсь, Господь простит меня за то, что я сделал, но я не могу больше с этим жить. Я знаю, про меня говорят, будто я спятил, но я видел то, что я видел, и если я поступил неправильно, то сделал это ради ребенка. Сет Ланди знает, что я говорю правду. Он видел все, как и я, и он знает, что у меня не было выбора. Только я все равно думаю, что Господь послал мне эту девочку, дабы испытать меня, но вера моя оказалась слаба, и я не выполнил Его волю, пусть и ради девочки. Не могу я жить и все время про это думать. Я верю, что Господь меня поймет и не оставит. Он меня сотворил, и Он знает, что я всегда старался исполнять Его волю. Иногда даже чересчур старался. Простите, если я перед кем-то виноват. Прощайте».

Упоминание в этом скорбном послании имени Сета Ланди вызвало новую цепь допросов, поскольку сам юный Ланди числился среди без вести пропавших. Билл Уэйтс признался, что видел, как на Ланди напали двое из оркестрантов, но признание его ничего не давало. Один из двоих нападавших — Ларри Глодоски — сам был зверски убит, а второй, Рэй Олстед, находился в тюрьме в Сэleme по обвинению в этом убийстве. Ему давали успокоительные препараты, поскольку он буйствовал и постоянно твердил, что он видел то, чего не должен был видеть, и теперь покойник непременно придет за ним. Что именно он видел, оставалось загадкой, но полицейские психиатры пришли к выводу, что Рэй Олстед причастен к преступлениям той ночи. Возможно, заключили они, он совершил преступление в приступе ярости, а теперь боится, что жертвы потребуют его к ответу. Уэйтс опровергал эту версию. Он утверждал, что весь вечер

Олстед был у него на глазах; однако Уэйтс в тот вечер тоже находился в состоянии опьянения и потому не мог считаться надежным свидетелем.

В результате самоубийства Босли Каухика следствие потеряло потенциально ценного свидетеля, а на руках остались новые вопросы. Куда подевался Сет Ланди? О какой девочке упоминал благочестивый Босли? Если она действительно существовала, кому же он ее отдал?

Ни один из вопросов не имел ответа, и никто не понимал, где их искать. Босли похоронили на кладбище Поттеров рядом с его отцом, матерью и бабушкой по материнской линии. Рэй Олстед оставался в тюрьме в Сэлеме, но адвокат добивался, чтобы его отпустили за недостаточностью улик. Что касается ребенка, то — поскольку никто не заявлял о пропаже — записали, что никакого ребенка не было. Исчезновение Сета Ланди стало последней загадкой Эвервилля. Оно занимало умы горожан, связываясь с фигурой Оуэна Будденбаума. В его существовании в отличие от существования девочки никто не сомневался. Все видели, как Будденбаум выпал из окна; его обследовали в больнице Силвертона; на него смотрели сотни глаз в тот самый печально известный день фестиваля; и он все еще оставался в Эвервилле, когда стемнело, о чем доложили несколько свидетелей. Более того: он, похоже, был не только участником событий, но одним из соавторов и режиссеров жуткой мистификации, которую одни называли паранормальным явлением, а другие — массовой истерией. Горожане считали, что, если бы Будденбаум нашелся и начал давать показания, он сумел бы ответить на многие, если не все, нерешенные вопросы.

Довольно похожий портрет Оуэна, нарисованный полицейским художником, был напечатан сразу в нескольких общенациональных газетах, а также, разумеется, в «Орегониан» и «Эвервилль трибьюн». Сообщения от читателей начали приходить почти сразу. Кто-то видел его два года назад в Луизиане; кто-то — на прошлой неделе в Майами, где он плавал в бассейне; кто-то — в толпе зрителей в Диснейленде на Электрическом параде. Сообщения приходили буквально

но десятками, некоторые свидетельства касались событий десятилетней давности. Но нигде Будденбаум не оставил ни одной реальной зацепки. Он никогда и ни с кем не беседовал о марсианах или о тайных делах. Он приходил и уходил, оставляя после себя лишь смутное ощущение того, что он не принадлежит этому времени и этому миру.

Но такие рассказы, сколько бы их ни приходило, не могли долго поддерживать интерес общества к событиям в Эвервилле. Когда жертв предали земле, когда фотографии поднялись в горы и посмотрели на главное место действия (полиция так там поработала, что фотографировать, кроме пейзажей, было абсолютно нечего), когда дело о смерти Босли Каухика закрыли, а розыск Будденбаума прекратили, история Эвервилля сама собой сошла на нет.

К концу сентября интерес к ней пропал, а еще через месяц одни использовали ее как тему для костюмов к Хэллоуину, а другие уже забыли.

ii

— Я родилась сейчас и здесь,— сказала Тесла Киссуну возле исчезавших остатков дома Мэв О'Коннел, и это было правда. Земля, которая должна была стать для нее могилой, стала колыбелью, и Тесла вышла из нее обновленная. Неудивительно, что следующие несколько недель походили на второе детство, хотя и немного странное.

Как Тесла и говорила Д'Амуру, она не заметила особых откровений. Дар, попавший к ней то ли по недосмотру, то ли сознательно и неслучайно, сам по себе не давал понимания структуры реальности. А если и давал, Тесла еще не научилась различить то, что незаметно обычному глазу. Теперь она не могла отважиться даже на мелкое чудо, какое она сотворила в ночь на складе, дав Гарри возможность смотреть глазами мертвых. Она не имела ни малейшего желания влиять на людей до тех пор, пока не почувствует себя уверенной в своих действиях. А это, подозревала Тесла, наступит не скоро. Ум ее был закрыт даже больше, чем до воскресения,

словно инстинктивно она сузила поле зрения при виде открывшегося горизонта — из страха потерять себя.

Теперь она вернулась в свою старую квартиру в Западном Голливуде. Она поехала туда прямо из Эвервилля не потому, что когда-то была там счастлива, — нет, счастлива она не была; но ей хотелось увидеть что-то знакомое. Многие соседи съехали, появились другие, но комедии и драмы, происходившие у них за закрытыми дверями и окнами, по большей части не изменились. Ожидающий операции транссексуал из нижней квартиры по субботам до четырех утра слушал свою музыку; пара, жившая напротив, дважды в неделю устраивала скандалы, а после бурной ссоры так же бурно мирилась; чей-то кот ежедневно оставлял лужи блевотины на лестнице. Не слишком шикарная жизнь, но в этой обшарпанной квартирке с дешевой мебелью и потрескавшейся штукатуркой был ее дом. Здесь Тесла могла вообразить, что она нормальная женщина и живет обычной, нормальной жизнью. Возможно, не так, как принято в американской глубинке, но все же вроде того. Здесь в былые дни Тесла лелеяла свои самые заветные надежды и впустую потратила время, вместо того чтобы идти к цели прямым путем. Здесь она зализывала раны, если отвергали ее сценарии или любовь наносила удары: когда она узнала, что Клаус ей изменяет; когда Джерри уехал в Майами и не вернулся. Порой жизнь здесь казалась нелегкой, но это помогало не забывать, кто она такая. Сейчас это важнее любых удовольствий и самообмана.

Конечно, в этой квартире погибла несчастная Мэри Муралес, задушенная ликсами Киссуна. Здесь они с Люсьеном — бедным, невинным Люсьеном — разговаривали о том, что люди — это сосуды для Бесконечного. Тесла никогда не забывала его слов. Возможно, они были пророчеством, хотя она не верила в пророчества и считала, что будущее всегда скрыто; так она и сказала Д'Амуру. Однако сама она стала сосудом, заключавшим в себе огромную, бесконечную силу. Тесла несла в себе эту силу, и ее задача заключалась в том, чтобы не дать силе себя раздавить. Если она не научится использовать Искусство как Тесла Бомбек, пускай оно остается внутри ее.

В этот период реабилитации ей иногда звонил из Нью-Йорка Гарри. Он спрашивал, как ее дела, трогательно беспокоился о ее состоянии, и их беседы по большей части были совершенно банальными. Политических вопросов они почти не затрагивали, и Гарри придерживался своей линии мягко и открыто, предоставляя Тесле самой сменить тему, если она захочет. Тесла делала это редко. Так они болтали ни о чем и были довольны. Прошло еще несколько недель, Тесла стала чувствовать себя увереннее, и тогда они заговорили об Эвервилле и о последствиях того, что там произошло. Например, не слышал ли Д'Амур что-нибудь про иадов или про Киссуна? (На оба вопроса он дал отрицательный ответ.) А про Томми-Рэя и маленькую Эми? (И снова он ответил, что нет.)

— Затаились,— сказал Гарри.— Зализывают раны. Ждут, кто первый шевельнется.

— Тебя это, похоже, не беспокоит,— сказала Тесла.

— По-моему, Мэв была права. Знаешь, что она мне сказала? Она сказала: если ты не знаешь, что впереди, чего же ты боишься? В этом есть смысл.

— Гарри, никто из погибших не знал, что впереди, но им было чего бояться.

— Да. Я и не пытаюсь притвориться, будто вокруг только солнце да цветы. Я знаю, что это не так. Но я столько времени потратил на поиски врага...

— Ты уже видел его.

— Да, я его видел.

— Похоже, ты улыбаешься?

— Ага. Черт, не знаю почему, но улыбаюсь. Грилло советовал мне смотреть на это дерьмо проще, а я с ним спорил. Надеюсь, Бог сейчас даст Грилло меня услышать, потому что он был прав. Тес, он был прав.

Разговор закончился, но после того, как Гарри вспомнил о Грилло, Тесла уже не могла забыть о нем. Раньше она не хотела не то что разбираться в своих чувствах, а даже касаться этой темы, опасаясь потерять с трудом восстановленное равновесие. Но сейчас упоминание о Грилло застало Теслу врасплох, и воспоминания покатались, как снежный ком,

увлекая ее за собой. Она обнаружила, что все не так уж страшно. Грилло сильно изменился за те восемь лет, что они знали друг друга: растерял идеализм и уверенность, превратился в циника. Но из-под этой маски проглядывало лицо прежнего Грилло — обаятельного, вспыльчивого, простодушного — по крайней мере, таким она его увидела, когда они познакомились. Они никогда не жили вместе, и теперь Тесла об этом жалела. В ее жизни не было другого мужчины, который восемь лет оставался бы к ней привязан. Даже раньше, когда она колесила по «Америкам» и не звонила месяцами, им с Грилло хватало нескольких слов, чтобы понять друг друга и продолжить диалог.

Вспоминая эти звонки из закусокных для дальнобойциков, из кафе на захудалых заправках, она мысленно вернулась к тому, чему Грилло посвятил последние пять лет, — к Рифу. Он называл Риф делом своей жизни и утверждал, что собранной в нем информации достаточно, чтобы описать все на свете. По словам Грилло, самому ему не доставало для этого энергии и терпения. Тем не менее, насколько могла судить Тесла, он не отходил от дел до самого конца.

Ей стало любопытно узнать, действует ли Риф до сих пор. Чем больше она о нем думала, тем сильнее ее тянуло взглянуть своими глазами на это собрание редкостей. Она вспомнила, что Грилло оставлял ей парочку телефонов на случай, если ей понадобится связаться с системой или сообщить ему что-то, но номеров этих не нашла. Значит, придется самой поехать в Омаху и увидеть все собственными глазами.

Лететь самолетом ей не хотелось. Она никогда не любила доверять свою жизнь и судьбу чужим рукам, а теперь и по-прежнему. Если уж ехать, то на своих колесах, как в старые добрые времена.

Она провела тщательный техосмотр и шестого октября, оседлав «харлей», отправилась в тот самый городишко, где много лет назад Рэндольф Яффе сидел в почтовом отделении, разбирал безадресные письма и подбирал ключ к загадке, теперь поселившейся внутри ее.

||

i

В первую ночь в новом доме Феба, как ни старалась, не смогла увидеть во сне Джо. Вместо него ей приснился Мортон. Из всего великого множества людей — именно Мортон. Сон был кошмарный. Феба оказалась на берегу, еще не развороченном усилиями Короля Тексаса, и видела тех самых птиц, что едва не прервали ее путешествие. И там же стоял ее муж, одетый только в жилетку и свои лучшие носки, которые он надевал к воскресному костюму.

При виде его она невольно прикрыла грудь, чтобы он ее не коснулся. Но у него и в мыслях не было ее трогать — ни приласкать, ни ударить. Он вытащил из-за спины грязный джутовый мешок и сказал:

— Мы должны уйти, Феба. Ты знаешь, так нужно.

— Куда уйти? — спросила она.

Он показал на воду.

— Туда, — сказал он и направился к Фебе, открывая мешок.

В мешке лежали камни, собранные на берегу. Мортон без лишних слов стал запихивать камни ей в рот. А ее руки будто приклеились к груди, защищаться ей было нечем, и пришлось глотать эти камни. Они достигали размера мужского кулака, но один за другим проскальзывали внутрь: первый, второй, десятый, двадцатый, тридцатый. Феба становилась все тяжелее, и от тяжести опустилась на колени. А море тем временем подступало ближе, желая ее поглотить.

Она стала сопротивляться и, уворачиваясь от очередного камня, принялась просить Мортонa о пощаде.

— Я не хотела сделать тебе ничего дурного,— сказала она.

— Тебе вечно было на меня наплевать,— ответил он.

— Неправда,— возразила она.— Я любила тебя. Я думала, мы будем счастливы.

— Ты ошиблась! — закричал Мортон и достал из мешка самый большой камень.

Феба поняла, что он будет последним.

— Прощай, Феба,— сказал Мортон.

— Да черт тебя подери! — воскликнула она.— Почему ты никогда не мог выслушать другого?

— Не хотел,— ответил он.

— Какой ты дурак!..

— Ладно, хватит.

— Черт тебя подери! Черт подери!

Тут она услышала, как в животе у нее что-то задвигалось, перемалывая камни. Мортон тоже услышал этот звук.

— Что ты делаешь? — спросил он, наклонившись к ней, и дыхание его воняло, как пепельница.

Вместо ответа Феба выплюнула ему в лицо перемолотую каменную крошку. Она полетела в него пулями, и Мортон попятился. Он отступал в море, по пути выронив мешок. Крови его видно не было. Каменная шрапнель вошла в его тело и потянула на дно. Через несколько секунд волны сомкнулись над его головой, и Мортонa не стало, а Феба осталась на берегу, выплевывая все то, что он в нее напихал.

Феба проснулась, и подушка ее промокла от слюны.

Этот опыт несколько поубавил ее энтузиазм. Феба уже не так стремилась освоить технику грез. А если бы ей не удалось справиться с Мортоном и утром он явился бы за ней — встал бы у двери со своим мешком? Мысль была неприятна. Впредь нельзя забывать об осторожности.

Видимо, подсознание Фебы запомнило ее опасения. Несколько ночей подряд ей либо ничего не снилось, либо она забывала сны. Тем временем она постепенно обживалась и

устраивалась здесь. Помогала ей прибывшая в дом странная маленькая женщина с подергивавшимся от тика лицом по имени Джарифа, назвавшаяся второй женой Муснакафа. Она и раньше здесь убирала, объяснила она Фебе, а теперь желает снова поступить на работу, чтобы обеспечить пищу и кров для своего семейства. Феба с радостью согласилась, и женщина тут же въехала в дом с четырьмя своими детьми. Старший из них — подросток по имени Энко — сразу с гордостью объяснил, что он незаконнорожденный, прижитый не от одного, а сразу от двух моряков (ныне уже покойных). Вопли и смех детей оживили дом, но он был достаточно велик, чтобы Феба всегда могла найти себе спокойное место для раздумий.

Присутствие Джарифы с ее выводком не только отвлекало от печальных мыслей о Джо, но и помогало регулировать время. Прежде Феба руководствовалась только желаниями или необходимостью: спала, когда хотела, ела, когда вздумается. А теперь дни стали размеренными. Небеса порой нарушали расписание — в любой момент могли упасть сумерки или наступить рассвет; но Феба быстро научилась не обращать на это внимания.

Порядок возвращался не только в дом, но и на городские улицы. Повсюду шло строительство: ремонтировали дома, разбирали завалы, чинили и возводили новые корабли. Поскольку люди не умели, подобно Мэв, оживлять выдумки, они работали до седьмого пота, но выглядели при этом вполне счастливыми. Через некоторое время Фебу уже узнавали соседи. Они провожали ее сердитым взглядом, когда она выходила из дома. Они никогда с ней не заговаривали, а если она спрашивала о чем-то, вежливо уклонялись от беседы.

Она поняла, что скоро останется в изоляции, и начала думать, как этого избежать. Не устроить ли ей вечеринку на открытом воздухе для всех желающих? Или, может быть, пригласить в гости соседей и рассказать им свою историю?

Прокручивая в уме эти возможности, Феба бродила по дому и нечаянно сделала открытие, оказавшееся весьма полезным. Она обнаружила в одной из кладовок небольшую

библиотечку — журналы и книги. Просматривая их, Феба поняла: это не выдумка Мэв. Вероятнее всего, их занесли из Косма случайные пришельцы, такие же, как она сама. Как иначе объяснить соседство учебника высшей математики с трактатом об истории китовой охоты и с потрепанным томиком «Декамерона»?

Именно за этот томик она и взялась. Не ради текста, показавшегося ей скучным, а из-за иллюстраций: черно-белых гравюр на наклейках. Два художника (гравюры явно принадлежали трем разным авторам) иллюстрировали драматические повороты сюжета, а третьего интересовал лишь блуд. Стиль его был далек от изящества, что восполнялось отменной дерзостью. Он рисовал героев, охваченных похотью, и никто из них этого не стыдился. Монахи изумляли могучей эрекцией; крестьянки ногами вверх падали на стог сена; пары совокуплялись в грязи, и все были довольны и счастливы.

Одна иллюстрация особенно позабавила Фебу. На ней изображалась женщина, стоявшая в поле на коленях, с высоко задранной юбкой, так что любовник мог войти в нее сзади. Феба рассматривала картинку, и по ее телу прошла приятная дрожь. Тело вспомнило руки Джо, его губы, его тело. Как он касался ее груди, как нежно прижимался к спине.

— О господи,— вздохнула она наконец, поставила книгу на место и закрыла дверь.

Но на этом история не закончилась. Часа через два, когда она ушла к себе, воспоминания нахлынули с новой силой. Она поняла, что не сможет уснуть, пока не доставит себе удовольствие. Она лежала на матрасе — он по-прежнему располагался перед окном, как в первую ночь,— глядела на облака и ласкала себя рукой между ног, пока не уснула.

Ей снова приснился мужчина. Теперь это был не Мортон.

Джо больше не нашел тех людей, что приняли его за воплощение шу. В блужданиях по городу он не встретил ни одного человека, способного его разглядеть. Неужели остаток его личности совсем поблек? Джо боялся, что так и есть. Если бы те люди встретили его сейчас, вряд ли бы отнеслись к нему с почтением.

Несколько раз он собирался покинуть Ливерпуль. Возрождение города его не радовало, а лишь напоминало о жизни, которой он лишился навек. Тем не менее всякий раз что-то мешало ему довести решение до конца. Он пытался найти этому рациональное объяснение (мол, нужно выздороветь, нужно хорошенько обдумать, нужно разобраться в себе), но все объяснения были несостоятельны. Что-то удерживало его в Ливерпуле, какая-то невидимая нить.

Потом, в один ненастный день, когда он сидел в гавани и смотрел на корабли, его как будто кто-то позвал.

Сначала он решил, что ему почудилось. Но зов повторился, потом еще и еще, и Джо поверил. После того случая с людьми у костра он впервые услышал что-то иное, кроме собственных мыслей,— что-то извне.

Он не стал сопротивляться. Он встал и пошел на зов.

Фебе снилось, что она снова сидит в приемной доктора Пауэлла, а Джо красит потолок в коридоре. Так было, когда они встретились. В тот день разразился ливень. В приемной никого не было, и Феба сидела и слушала, как вода хлещет по оконному стеклу и по крыше.

— Джо,— сказала она.

Он тогда стоял на стремянке, по пояс обнаженный, и на его могучей спине выделялись брызги светло-зеленой краски. О, он был так красив: короткие волосы, прилегающие к прекрасной голове, оттопыренные уши, и эта дорожка волос, убегающая под ремень его штанов.

— Джо,— повторила она в надежде, что он обернется.— Посмотри, я тебе хочу кое-что показать.

С этими словами она подошла к низкому столику, стоявшему посреди приемной, одним махом сбросила на пол старые журналы и легла на него, не отрывая взгляда от Джо. Дождь вдруг пошел сквозь потолок, на Фебу падали тяжелые капли. И она не просто промокла — эти капли смывали одежду. Блазка и юбка сбежали с нее разноцветными ручейками, будто нарисованные, и натекли лужами на полу, а Феба осталась лежать обнаженной, как и хотела.

— Можешь повернуться,— сказала она и положила руку к себе на живот. Он любил смотреть, как она ласкает себя.— Ну же, давай,— сказала она,— повернись, *посмотри на меня*.

Джо не однажды проходил мимо этого дома на холме и каждый раз задавал себе вопрос: а кто там живет? Сейчас он узнает.

Он шел по дорожке к крыльцу, потом по ступенькам, потом через порог к лестнице. Наверху кто-то что-то бормотал, но он не разобрал слов. Он постоял, прислушался. Там была женщина, это он понял, но по-прежнему не мог разобрать слов и потому пошел наверх.

— Джо?

Он услышал, он точно ее услышал. Он отложил кисть и вытирал руки о штаны — не торопясь, уже зная, что увидит через секунду, когда повернется и глаза их встретятся.

— Я так долго тебя ждала,— сказала она ему.

Он не верил ушам. Его удивили не слова — слова были замечательные,— а голос, что их произнес.

Феба *здесь*? Как такое возможно? Феба осталась в Эвервилле, в другом мире, откуда он ушел и куда не вернется. Феба не может ждать его в этом доме.

— Джо...— снова услышал он. Господи, этот голос похож на голос Фебы, очень похож.

Джо подошел к двери и остановился, боясь войти и увидеть, что ошибся. Он подождал секунду, готовясь к худшему, а потом шагнул за порог. Посредине огромной комнаты стояла не менее огромная кровать, засыпанная рваной бумагой, но пустая.

А потом он снова услышал голос, *ее голос*, теплый и ласковый. Он увидел матрас и лежащее там тело, укрытое простыней.

— Джо,— произнесла она.— Я так тебя ждала.

Он увидел ее. Наконец-то он ее увидел. Она улыбалась ему, и он улыбался в ответ, спускался со стремянки и шагал туда, где она лежала, мокрая от дождя.

— Я вся твоя,— сказала она.

Это она. Господи, это она! Как она здесь оказалась, он не знал, и это было не важно. Почему — тоже не важно. Важно только то, что это она, его Феба, прекрасная Феба, чье лицо он уже не надеялся увидеть.

Знала ли она, что он близко? •

Глаза она закрыла, но под закрытыми веками двигались глазные яблоки. Джо понял, что он ей снится. Ее лицо и обнажившиеся ноги были влажны от пота. Как он сейчас жалел о том, что нет у него рук, чтобы сдвинуть эту простыню и лечь рядом с Фебой! Нет губ, чтобы ее поцеловать. Ничего у него больше нет, и он не может заняться с ней любовью, как они делали в Эвервилле, когда тела их сплетались в единое целое.

— Подойди ближе,— позвала она во сне.

Он подошел. Встал рядом и стал на нее смотреть. Если бы любовь имела вес, Феба почувствовала бы ее тяжесть. Если бы у любви был запах, вибрация или хотя бы тень, чтобы накрыть собой Фебу... Джо не знал как и почему, но Феба почувствовала его присутствие; а он каким-то образом понял: сейчас она видит его во сне, а потом проснется и сможет отыскать его дух, ожидающий момента, когда она откроет глаза и вновь сделает его реальным.

Теперь он склонялся над ней. Его лицо, волосы, плечи и грудь были забрызганы краской. Она потянулась к нему.

Во сне — и не только во сне.

Он почувствовал ее прикосновение. Бестелесный, он почувствовал ее руку там, где раньше у него был живот.

— Какой ты красивый,— сказала Феба, пробежавшись по нему пальцами, лаская его грудь и шею. И там, где ее паль-

цы касались его, воздух как будто уплотнялся и завязывался в узелки. Так, словно Феба — смел ли Джо на это надеяться? — возвращала его в жизнь.

Краска понемногу сходила, пятно за пятном. Она стерла краску с его левого уха, потом с носа и вокруг глаз. Затем — хотя пятен еще хватало — она потянулась и стала расстегивать его ремень. Джо заговорщицки улыбнулся, позволяя расстегнуть его штаны, уже не скрывавшие возраставшего возбуждения. А потом руки ее сделали с его штанами то же, что дождь сотворил с ее блузкой и юбкой: там, где пальцы касались одежды, ткань исчезала. Он закинул руки за голову и подался вперед, улыбнувшись, когда ее руки добрались до его члена.

Нет слов, чтобы описать охватившее его блаженство, когда Феба воссоздавала его плоть из ничего, из воспоминаний, где он остался, возможно, лучшим, чем на самом деле.

Но в этот момент — проклятье! — внизу раздались громкие детские голоса. Рука Фебы остановилась, словно вопли проникли к ней в сон.

Дети? Как могут дети одни явиться к врачу? Господи, да ведь она раздета!

Феба замерла и подождала, не уйдут ли они, и через минуту крики действительно затихли. Феба затаила дыхание. Пять секунд, десять секунд. Неужели ушли?

Она взяла Джо за руку, притянула к себе, но тут...

Они опять прибежали, завопили, затопали по ступенькам. Джо с радостью придушил бы в этот момент обоих, и ни один человек на свете не осудил бы его за это. Но крики уже сделали свое дело. Рука Фебы упала к ней на грудь. Феба коротко застонала от досады.

Потом она открыла глаза...

О, какой ей приснился сон, и как жаль просыпаться! Нужно сказать Джарифе, чтобы дети впредь...

Вдруг Феба заметила движение. Какой-то силуэт стоял между окном и ее матрасом. На мгновение ей показалось, будто что-то мелькнуло за окном — мусор или лоскут ткани, взметнувшийся от порыва ветра. Но нет. Силуэт находился здесь, в комнате, около Фебы: незаконченный, отступавший в тень.

Она могла бы закричать, но это существо явно боялось ее больше, чем она его. Оно казалось слабым и от слабости дрожало, не представляя собой никакой угрозы.

— Эй ты, какого черта тебе тут нужно? — окликнула его Феба. — А ну пошел отсюда!

Ей показалось, будто существо что-то ответило, но звук его голоса тотчас потерялся в гомоне детей, топавших по коридору перед самой дверью.

— Не входите! — велела она детям, но они то ли не услышали, то ли не послушались, увлеченные игрой.

Дверь распахнулась, и в спальню влетели двое младших отпрысков Джарифы, отчаянно тузя друг друга.

— Марш отсюда! — крикнула Феба, потому что незваный гость, как бы ни был беспомощен, мог их испугать.

Дети замолчали, но младший вдруг заметил тень в углу и завопил от страха.

— Тихо, все в порядке, — сказала Феба и поднялась, чтобы проводить их.

Неясный силуэт вышел из угла и двинулся впереди нее к двери, остановившись лишь затем, чтобы оглянуться на Фебу. Она увидела, что у него есть глаза, человеческие глаза, и полоски темной кожи, обозначившие скулу, фрагмент щеки и ухо. Эти части лица непонятным образом держались в воздухе, будто проявляли нечто целое, имевшее четкие очертания.

Потом существо вышло мимо перепуганных детей в коридор, где и исчезло.

Тут Феба услышала голос Джарифы — та спрашивала снизу, в чем дело, а потом вдруг замолчала на полуслове. Ког-

да Феба вышла из комнаты, она увидела, что Джарифа стоит с посеревшим лицом, вцепившись в перила, судорожно всхлипывает от страха и смотрит в спину незваному гостю, спускавшемуся по ступенькам. Опомившись, Джарифа бросилась наверх, к детям.

— С ними все в порядке,— заверила Феба.— Они лишь немного испугались.

Пока Джарифа обнимала и утешала своих отпрысков, Феба подошла к перилам и посмотрела вниз. Входная дверь была открыта. Значит, он уже ускользнул.

— Пойду поищу Энко,— сказала Джарифа.

— Ничего, все в порядке,— отозвалась Феба.— Он никому ничего...

Она вдруг умолкла на полуслове и встала столбом посреди лестничного пролета — она собиралась спуститься, чтобы закрыть входную дверь,— ибо в то самое мгновение она сообразила, чьи глаза смотрели на нее несколько минут назад.

— Господи,— выдохнула она.

— Я велю Энко его пристрелить,— успокоила ее служанка.

— Нет! — вскрикнула Феба.— Нет!

Теперь она все поняла: она вызвала Джо к жизни во сне, а потом упустила, не досмотрев до конца. Это было ужасно.

Кое-как она спустилась вниз, подошла к двери. День стоял пасмурный и серый, улица была пуста.

Джо не было.

II

Несмотря на то что следствию удалось идентифицировать тело Натана Грилло, его гибель не связали с деятельностью Рифа. В доме у Грилло все осталось нетронутым, что Тесла и обнаружила по прибытии в Омаху. Повсюду скопилась пыль, продукты в холодильнике покрылись плесенью, в коридоре рядом с дверью лежали новые письма, а газон на заднем дворе так зарос травой, что не видно ограды.

Но Риф был в полном порядке и в действии. Тесла расположилась в душном, без окон, кабинете Грилло. Она с изумлением осмотрела включенное в сеть оборудование: шесть мониторов, два принтера и четыре факса, да еще три стеллажа до потолка высотой, где аккуратно стояли в коробках кассеты, дискеты и диски. На экране монитора Тесла видела, как летели в накопительный файл новые сообщения — вероятно, они приходили сюда все время после отъезда Грилло. Попытавшись разобраться в них, Тесла поняла, что застряла. Как минимум на несколько дней.

Она съездила в местный супермаркет, купила кофе, молока, пирожков, персиков и бутылку водки (хотя после своего воскрешения еще ни разу не прикасалась к спиртному), потом вернулась и навела порядок (включила отопление, чтобы прогреть промерзший дом, выбросила испорченные продукты из холодильника и мусор, проветрила кухню), а потом села и принялась знакомиться с работой Грилло.

Она никогда не была адептом новых технологий, так что на изучение необходимых операций у нее ушло два дня. Разбиралась она с ними медленно и осторожно, чтобы не стереть какой-нибудь драгоценный файл. Ей помогали шпатель, которые Грилло прикрепил, прилепил и приколот к компьютерам, мониторам и стеллажам. Без них Тесла бы не справилась.

Освоив систему и разобравшись с методологией, она перешла к сообщениям. Их оказалось тысячи, и группировались они по файлам. Часть файлов называлась просто — «Летающие тарелки», «Видения ангелов», «Животные-предсказатели». Другие же Грилло окрестил с присущим ему мрачным юмором, и Тесле пришлось просматривать содержимое, чтобы понять смысл названий. «Всепожирающая песнь», «Зоологический пардон», «Враждебная Венера», «Ни тут, ни там», «Прощай, канарейка» и так далее. Список был длинный.

Скоро она поняла, почему Грилло собирал и накапливал эти сведения, но никогда не предавал их гласности. Он не делал различий между самым мелким отклонением от нор-

мы и катаклизмом, между неопровержимым фактом и дурацкой сплетней. Грилло относился к ним, как любящий родитель, он не хотел выбирать между одним чадом и другим и потому находил место для всех.

Тесла открывала страницу за страницей, пытаясь разгадать тайну Рифа. Нетерпение ее росло, а пока она разбиралась, сообщения приходили десятками.

От женщины из Кентукки: она уверяла, будто ее дважды изнасиловали некие «Высшие», а теперь они двигались на юг-юго-восток в направлении границы штата, где завтра утром на рассвете их «можно будет увидеть в виде желтого облака, похожего на двух ангелов, связанных спиной к спине».

От некоего доктора Турнье из Нью-Орлеана: он хотел поделиться своими соображениями относительно того, что причиной многих заболеваний является неспособность говорить на «истинном языке» и что он сумел вылечить более шестисот больных с помощью восстановленного им древнего языка насков.

Из ее родной Филадельфии пришло совсем бредовое сообщение от человека, подписавшегося «Кокатрис»: он (Тесла была уверена, что автор мужчина) извещал, что в ближайшую среду он воссияет во славе, и уцелеют лишь слепые...

Подобно атеисту, запертому в библиотеке Ватикана, она три дня билась с Рифом, пытаясь найти ключ к его тайне. Смеялась, сердилась, но вновь и вновь открывала файлы и изумлялась собранной информации. Даже когда Теслу одолевала усталость, ее не покидала робкая надежда, что, если как следует постараться, среди этого мусора можно отыскать настоящую драгоценность — информацию об Искусстве и об Иаде. Хотя все чаще ей казалось, что в таком зашифрованном виде она ее не узнает.

Наконец на пятый день к вечеру она сказала себе: остановись, если не хочешь спятить, как эти информаторы. Выключи-ка машинку, девушка. Давай, выключи.

Она пролиставала еще раз перечень просмотренных файлов и собралась вырубить компьютер, как вдруг ее внимание привлек один заголовок.

«Конец пути», — гласил он.

Наверняка он уже попадался ей на глаза, но Тесла не обращала на него внимания, а теперь он ее поразил. Так называлась последняя неопубликованная статья Грилло, репортаж из Паломо-Гроува. Грилло сам предлагал Тесле использовать такой заголовок — вполне подходящий, по его мнению, для дешевого независимого фильма. Скорее всего, это совпадение, но Тесла открыла файл в твердой уверенности, что он будет последним.

На экране появились строчки, и сердце у Теслы заколотилось.

«Тесла, — писал Грилло, — надеюсь, это ты. Потому что, если ты читаешь это — кто бы ты ни был, — значит, меня нет в живых».

Этого она ожидала меньше всего, однако прочла и почти не удивилась. Грилло знал, что умирает. Пусть он ненавидел прощания, но прежде всего он был журналистом. Он не мог уйти, не оставив последнего репортажа для единственного читателя.

«Сейчас уже середина июня, — писал он, — и последние две недели я чувствую себя дерьмовее некуда. Врач мой говорит, что в жизни не видел, чтобы процесс шел с такой скоростью. Он хочет, чтобы я заново прошел обследование, но я ответил, что лучше потрачу время на свои дела. Он спросил, чем я занимаюсь, и мне пришлось соврать: сказать, что пишу книгу. Не мог же я рассказать ему про Риф.

(Знаешь, это странно. Печатаю и представляю себе, как ты сидишь тут, Тес, читаешь мои слова и мысленно слышишь мой голос.)»

Она слышала его. Слышала ясно и отчетливо.

«Я уже пробовал писать, когда в первый раз узнал свой диагноз. Вряд ли из этого могла получиться книга, но я стал записывать кое-какие воспоминания, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть на бумаге. И знаешь что? Выходили сплошные штампы. Я писал о том, какой была на ощупь мамина щека, как пахли отцовские сигары, писал про лето, проведенное в Северной Каролине в Чейсл-Хилле, про Рождество у бабушки в Мэне, — но все это уже описали в миллионе других мемуаров. Мои воспоминания не потеряли ценности для меня, но писать я бросил.

Тогда я подумал: ладно, напишу о том, что случилось в Гроуве. Не только про Кони-Ай, но и про Эллен (я часто о ней думаю в последнее время), про ее Филиппа (не помню, видела ты его или нет), про Флетчера, про все. Но и это я забросил к чертям. Только я увлекался работой, как приходило сообщение от очередного мудака — то про ангелов в НЛО, то про говорящих скунсов; а когда я возвращался в свой файл, слова уже были вроде остывшей котлеты. Холодные и безвкусные.

Я подгонял себя изо всех сил. Вот, говорил я себе, сижу здесь, мастер слова, и не могу описать реальное происшествие из реальной жизни, не могу заставить слова зазвучать; а эти сумасшедшие строчат и строчат, хотя все, о чем они пишут, существует только в их больном воображении.

Потом я начал понимать почему...»

Тут Тесла подалась вперед, как будто перед ней и впрямь сидел Грилло и они спорили за рюмкой водки, а теперь он собирался пустить в ход решающий аргумент.

— Ну давай, говори, Грилло? — прошептала она монитору.— Почему?

«Я не хотел писать правду. Я хотел писать только про то, что случилось со мной. Нет, и это не так; я хотел написать про то, что я помнил. Я старался быть точным и

во имя этой точности мешал самому себе, держал себя за руку.

На самом деле теперь не важно, что тогда произошло в Паломо-Гроуве. Важна лишь история, которую люди будут рассказывать.

Сейчас, когда я пишу тебе, мне кажется, что все это бессмысленно, все это лишь фрагменты. Возможно, ты сумеешь связать их воедино.

Я уверен: если бы я сумел рассказать, какой была мама на щека, как мы провели Рождество в Мэне, как выглядела Эллен или Флетчер, откуда я знаю про говорящих скунсов, про всякую мелочь и дребедень, про все, что видел и слышал, то они стали бы еще одной написанной страницей, стали бы частью меня, и тогда было бы не важно, умру я или не умру, потому что я сам стал бы частью того, что всегда было и всегда будет. Связующим звеном.

Как я теперь понимаю, на самом деле нет разницы, настоящий ты или нет, живой или нет. Все истории хотят одного — чтобы их рассказали. И я в конечном итоге хочу того же.

Сделаешь это для меня, Тес?

Пусть я стану частью своих историй. Навсегда».

Она смахнула слезы и улыбнулась монитору так, словно перед ней, откинувшись в кресле, сидел Грилло, потягивал свою водку и ожидал ответа.

— Я сделаю это, Грилло,— сказала она, дотрагиваясь до экрана.— Итак... Что там у нас дальше?

Вопрос старый, как мир.

А потом воздух в комнате замер, и экран монитора дрогнул под ее рукой. Тогда она поняла.

Сентябрь Гарри провел в городе, постепенно приходя в себя. Для начала он решил навести порядок в своем крохотном офисе на Сорок пятой улице, потом позвонил друзьям, которых не видел целое лето, и даже попытался возобновить какую-нибудь из своих любовных связей. Тут, правда, его постигла неудача: из всех, кому он оставил на автоответчике сообщение, перезвонила только одна, да и то чтобы напомнить, что он занял у нее пятьдесят баксов.

Потому он совсем не огорчился, когда в начале октября вечером во вторник в его дверь позвонила девушка лет двадцати. Одета она была в чрезвычайно короткое черное платье, в левой ноздре у нее блестело колечко, а в руках она держала сверток.

— Вы Гарри? — поинтересовалась она.

— Ага.

— Меня зовут Сабина. Я вам кое-что принесла.

Сверток был цилиндрической формы, длинный, фута четыре длиной, обернутый в коричневую бумагу.

— Возьмете? — спросила она.

— Что это?

— Я сейчас уроню, — сказала девушка.

Сверток действительно выскальзывал у нее из рук. Гарри пришлось его подхватить, чтобы не шлепнулся на пол.

— Это подарок, — сообщила она.

— От кого?

— Может, дадите мне колы или еще чего-нибудь? — предложила девушка, заглядывая через его плечо.

Не успел Гарри сказать «да, конечно», как она сама проскользнула мимо него. Глядя ей в спину, когда она шла по коридору, он подумал: с такими ногами недостаток воспитания вполне простителен. Он бы простил.

— Кухня справа,— сказал он, но девушка направилась напрямиком в гостиную.

— А покрепче что-нибудь есть? — спросила она.

— Может, в холодильнике найдется пиво,— ответил он, толкнув ногой входную дверь и следуя за гостьей.

— От пива у меня отрыжка,— уточнила она.

Гарри положил сверток на пол посреди комнаты.

— Кажется, у меня осталось немного рома.

— Хорошо.— Она пожала плечами, как будто Гарри ее уламывал и она наконец согласилась.

Он взял в кухне бутылку и отыскал чистый стакан без трещин.

— А вы не такой странный, как я думала,— заметила Сабина.— И квартира самая обычная.

— А ты чего ожидала?

— Чего-нибудь *этогого*. Я слышала, вы занимались черт знает чем.

— От кого слышала?

— От Теда.

— Ты знала Теда?

— Более чем,— заявила она.

Она старалась казаться развязной, но ее круглое личико было еще детским, и этого не могли скрыть ни тушь, ни румяна, ни яркая губная помада.

— Когда это было? — спросил Гарри.

— О... Три года назад. Когда мы познакомились, мне было четырнадцать.

— Да, похоже на него.

— Мы никогда не делали того, чего мне не хотелось,— сказала она и взяла у Гарри стакан с ромом.— Он всегда был со мной добрым, даже когда ему было паршиво.

— Он был по-настоящему хороший парень,— проговорил Гарри.

— Давайте выпьем за него,— предложила Сабина.

— Конечно.

Они чокнулись.

— За Теда!

— Где бы он ни был,— добавила Сабина.— А теперь, может быть, откроете свой подарок?

В свертке была картина. Наверное, лучшая из работ Теда — «Д'Амур на Уикофф-стрит», без рамы, с ободранной подклейкой, довольно бесцеремонно перетянутая бечевкой.

— Он хотел, чтобы она принадлежала вам,— объяснила Сабина, когда Гарри, отодвинув диван, развернул картину на полу.

Картина по-прежнему впечатляла. Разноцветное небо, его фигура и, конечно, детали, на которые Тед указывал ему в галерее: нога и извивающаяся под ней змея.

— Я думаю, если бы ее купили, он подарил бы вам что-то другое,— предположила девушка.— Но ее так никто и не купил, поэтому я подумала, что нужно отдать ее вам.

— А что сказали в галерее?

— Они ничего не знают. Сложили ее в запаснике вместе с другими непроданными. Похоже, они рассчитывали найти покупателя, но люди не хотят иметь дома такие картины. Они предпочитают разную чушь.

Сабина смотрела на картину из-за плеча Гарри, и он чувствовал исходящий от нее легкий запах меда.

— Если хотите, я подберу раму. Тогда вы повесите ее над кроватью или еще где-нибудь.

Гарри не очень понравилось это предложение. Конечно, он был благодарен Теду за подарок, но ему не улыбалось каждое утро просыпаться под изображением Уикофф-стрит.

— Я вижу, вы еще не решили,— сказала Сабина, потом подошла к нему и быстро чмокнула в губы.— Я зайду на той неделе, тогда скажете.— Она залпом допила ром и отдала стакан Гарри.— Рада знакомству.

Она не спеша направилась к двери, словно ожидала, что он попросит ее остаться.

Гарри колебался. Но он знал: если воспользоваться ситуацией, завтра утром будет противно смотреть на себя в зеркало. Девчонке семнадцать. С точки зрения Теда, конечно, почти старуха. Но в Гарри еще жил романтик, и он хотел, чтобы семнадцатилетние девушки мечтали о любви, а не глушили ром и не прыгали в постель к мужчинам вдвое старше их.

Она поняла, что ловить здесь нечего, и смерила его насмешливым взглядом.

— Вы и вправду не такой, как я ожидала,— произнесла она, явно разочарованная.

— Видимо, Тед знал меня хуже, чем думал.

— Ну, я про вас слышала не только от Теда,— возразила она.

— А от кого еще?

— Да ни от кого,— ответила она, равнодушно пожав плечами.

Она уже стояла возле двери.

— Ладно, до скорого.— И она исчезла, оставив Гарри сожалеть о том, что он не задержал ее хоть ненадолго.

Позже, в три часа ночи, по пути в туалет Гарри остановился перед картиной и подумал: а цел ли еще дом Мими Ломакс на Уикофф-стрит? Этот вопрос донимал его и утром, когда он проснулся, когда шел в свой офис, когда занимался грандиозной работой по разборке бумаг. Конечно, это не важно, разве что отвлекает от дела. И он знал почему: он боялся. Он видел много страшного в Паломо-Гроуве, а совсем недавно встал лицом к лицу с самими иадами, но призрак Уикофф-стрит никогда не оставлял его. Что ж, значит, настал момент с ним разобраться, раз и навсегда вычистить последний уголок сознания, где пряталось зло, алкавшее человеческих душ.

Он думал об этом остаток дня и весь следующий день, в глубине души понимая, что рано или поздно он должен туда пойти, иначе зло возьмет над ним верх.

Утром в пятницу, когда он пришел к себе в офис, он обнаружил там доставленную по почте посылку с мумифицированной головой обезьяны, искусно укрепленной на подставке из кости, подозрительно смахивавшей на человеческую. Он не в первый раз получал подобные вещи; иногда они были предупреждением, иногда талисманом от доброжелателя, иногда дурацким подарком. Но на сей раз эта пакость, эта вонь подействовала на него, как удар хлыста.

«Чего ты боишься? — спрашивала оскаленная пасть обезьяны.— Я сдохла, протухла, а посмотри, смеюсь!»

Он сунул ее в коробку и уже хотел отправить в мусорный бак, когда в нем вдруг шевельнулся суеверный страх. Он поставил посылку обратно на стол и отправился на Уикофф-стрит.

ii

День был свежий. Не холодный — до настоящих нью-йоркских холодов оставалось еще месяца полтора,— но достаточно прохладный, чтобы понять: лето кончилось и одежду с короткими рукавами больше не наденешь. Гарри это было безразлично. Лето всегда приносило ему неприятности, нынешнее не стало исключением, поэтому он с удовольствием ощущал перемену сезона. Что будет, когда деревья облетят, листья пожухнут, а ночи станут длиннее? Он заляжет спать.

Гарри обнаружил, что с тех пор, как он в последний раз появлялся здесь, район Уикофф-стрит разительно изменился. Чем ближе он подъезжал, тем больше подозревал, что дом Ломаксов уже превращен в груды строительного мусора.

Однако нет. Сама Уикофф-стрит осталась почти такой, какой была десять лет назад. Дома стояли грязные и закопченные, как прежде. Это в Орегоне плавилась скалы и небо трескалось, как яичная скорлупа, а здесь земля оставалась землей, небо — небом, а те, что жили посередине, не собирались никуда исчезать.

По замусоренному проезду он направился к дому Мими Ломакс, ожидая увидеть обветшавшие стены. И опять ошибся. Теперешний хозяин привел здание в порядок. В доме была

новая крыша, каминные трубы восстановлены, карниз отремонтирован. Дверь, в которую он постучал, недавно покрасили.

На стук ответили не сразу, хотя он слышал за дверью голоса. Он постучал во второй раз, после чего дверь приоткрылась и оттуда выглянула немолодая женщина с лицом нервным и бледным, с покрасневшими глазами.

— Вы Де Амур? — спросила она, и голос у нее дрожал от напряжения.— Вы Де Амур?

— Я Д'Амур.

Гарри почувствовал неладное. От женщины несло кислым запахом пота и немытого тела.

— Откуда вы знаете, кто я такой? — спросил он.

— Она сказала,— ответила женщина, приоткрывая дверь шире.

— Кто «она»?

— Она держит моего Стиви наверху. Она держит его там три дня,— говорила женщина, а по щекам ее текли слезы. Она их не вытирала.— Говорит, что не отпустит его, пока вы не придете.— Она отступила в дом.— Велите ей отпустить его. Он все, что у меня есть.

Тяжело вздохнув, Гарри вошел в дом. В конце коридора стояла девушка лет двадцати с длинными черными волосами. Ее громадные глаза блестели в полутьме.

— Это сестра Стиви, Лоретта.

Девушка перебирала четки и посмотрела на Гарри так, будто он явился помогать тем, кто хозяйничал наверху.

Женщина заперла дверь и повернулась к Гарри.

— Как оно узнало, что вы придете? — спросила она.

— Я не знаю,— отозвался он.

— Оно сказала, что, если мы попытаемся выйти,— сказала Лоретта тихо, почти шепотом,— оно убьет Стиви.

— Почему «оно» ?

— Потому что это не человек.— Она смотрела на лестницу, и на лице у нее был страх.— Оно явилось из преисподней. Чувствуете запах?

Он чувствовал. Здесь пахло не рыбным рынком, как в собрании Заим-Карасофия. Здесь пахло дерьмом и пламенем.

С бьющимся сердцем Гарри подошел к лестнице.

— Оставайтесь здесь,— приказал он женщинам и начал подниматься вверх, наступив на то место на пятой ступеньке, где когда-то лежал умирающий отец Гесс.

Сверху не доносилось ни звука, снизу тоже. Он шел по лестнице в полной тишине и знал, что его ждут, прислушиваясь к каждому его шагу. Чтобы не думать о том, что сейчас будет, он нарушил молчание первым.

— Выходи,— произнес он.

Ответ не заставил себя ждать. Он сразу узнал этот голос.

— Гарри,— проворковала Лентяйка Сьюзан.— Где же ты был? Нет, не говори. Ты видел Хозяина, так ведь?

Гарри уже одолел пролет и подошел к двери. Краска на ней пошла волдырями.

— Нужна работа, Гарри? — продолжал голос Лентяйки Сьюзан.— Я тебя не виню. Времена пошли и впрямь паршивые.

Гарри слегка толкнул незапертую дверь, и она распахнулась. В комнате стояла темнота, поскольку шторы были опущены, а лампа на полу так загажена спекшимися экскрементами, что едва светила. Кровать была ободрана до матраса, обгоревшего с одной стороны. На матрасе вниз лицом лежал мальчик в грязной футболке и боксерских трусах.

— Стиви! — позвал Д'Амур.

Мальчик не шелохнулся.

— Он только что уснул,— промурлыкала Лентяйка Сьюзан из темного угла за кроватью.— Он устал.

— Отпусти его. Тебе нужен я.

— Ты переоцениваешь свою значимость, Д'Амур. На кой мне гребаная пообтрепанная душонка вроде твоей, когда я могу забрать светленькую и чистенькую?

— Тогда зачем ты привел меня сюда?

— Не я. Наверное, Сабина поселила в твоей голове эту мысль. А может, ты сам.

— Сабина — твоя подруга?

— Ей больше бы понравилось слово «любовница». Ты с ней переспал?

— Нет.

— Эх, Д'Амур! — раздраженно сказал Кочевник.— После всех неприятностей мог бы и оттянуться. Уж не стал ли ты извращенцем? Мною не интересуешься, а? Нет. Ты у нас правильный. Скучный ты, Д'Амур! Скучный, скучный...

— Ладно, тогда я валю отсюда,— сказал Гарри и повернулся к двери.

Он услышал за спиной быстрое движение, скрипнули пружины матраса, и тихо застонал Стиви.

— Стоять,— прошипел Кочевник.— Никогда не поворачивайся ко мне спиной.

Гарри оглянулся. Демон теперь заполз на кровать и нависал над мальчиком. Он был цвета того дерьма, что засохло на лампе, но полуобнаженное его тело было влажное, и под кожей перекатывались мышцы.

— Почему в вас столько дерьма? — произнес Гарри.

Кочевник наклонил голову. Глазницы и рот его походили на раны.

— Потому что только дерьмо у нас и есть, Гарри, только дерьмо. Только с ним Господь и позволяет нам поиграть. Ну, иногда еще с огнем. Кстати, об огне. Позавчера я видел твоего отца Гесса в его огненной клетке. Рассказал ему, что скоро увижусь с тобой.

Гарри покачал головой.

— Не выйдет, Кочевник,— сказал он.

— Чего не выйдет?

— Разыгрывать падшего ангела. Я больше в такое не верю.— Он направился к кровати.— Знаешь почему? В Орего-не я видел твоих сородичей. Не просто видел, а они меня чуть не распяли. Такие же два гада, как ты, но без твоих претензий. Им нужны только кровь и дерьмо.

Гарри продолжал говорить и шел к кровати, хотя понятия не имел, какотреагирует демон. Когда-то он несколькими короткими ударами буквально выпотрошил отца Гесса, и у Д'Амура не было причин думать, что тварь утратила навык. Но если отвлекься от его дутых подвигов, что он такое? Обыкновенный мясник, пару дней обучавшийся своему делу на бойне.

— Стой там,— сказал демон, когда Д'Амуру до кровати оставался один шаг. Демона с головы до ног была дрожь.— Если двинешься, я прикончу мальчишку. И спущу его с лестницы, как Гесса.

Гарри поднял руки вверх, будто собирался сдаваться.

— Хорошо,— кивнул он.— Мне и отсюда хорошо видно. Я просто хотел вас сравнить, выявить фамильное сходство. Ты знаешь, оно у вас потрясающее.

Кочевник покачал головой.

— Я был ангелом, Д'Амур,— сказал он.— Я помню небеса. Помню. Как будто это было вчера. Облака, свет и...

— И море?

— Какое море?

— Субстанция.

— Нет! — завизжал демон.— Я родился на небесах! Я помню, как Божье сердце билось, билось...

— Это бился прибой.

— Я уже предупредил тебя,— заявил демон.— Я убью мальчишку.

— И что ты этим докажешь? Что ты падший ангел? Или что ты засранец, как думаю я?

Кочевник закрыл руками лицо, будто в отчаянии.

— Да-а, ты умен, Д'Амур,— проговорил он.— Очень умен. Но Гесс был умнее.— Он растопырил пальцы и горестно вздохнул, распространяя зловоние.— А вспомни, что с ним случилось.

— Гесс не был умнее,— тихо сказал Гарри.— Я любил его и уважал, но он заблуждался. И вообще-то у вас много общего, вот так я теперь думаю.— Гарри приблизился еще на парочку дюймов.— Ты считаешь себя сыном Небес. Он считал, что служит им. В конечном итоге ты веришь в то же, что и он. Ты сделал глупость, когда убил его, Кочевник. Это ничего не принесло тебе.

— Я еще получу тебя,— ответил демон.— И буду трахать с твоей головой до самого Судного дня.

— Хватит,— сказал Гарри.— Я больше тебя не боюсь. Мне больше не нужны молитвы...

— Да что ты говоришь? — хмыкнул демон.

— Мне не нужно распытание. Мне нужны только мои глаза. И что я вижу перед собой — мерзкого маленького говнюка, страдающего анорексией.

Тут демон заверещал, разинул пасть, похожую на рану, и бросился на Гарри. Длинные когти прошлись в дюйме от его глаз, и Гарри отступал к стене по скользкому от грязи полу, пока не уперся спиной в стену. Мерзкое существо подступало все ближе, намереваясь впиться в его голову. Гарри закрыл глаза руками, но глаза его не интересовали демона; по крайней мере, пока. Тварь схватила Гарри за горло, все глубже вонзая когти в живую плоть.

— Ну что, Д'Амур? — спросил демон.

Гарри почувствовал, как по спине у него течет кровь и трещат позвонки.

— Ангел я или нет? — Его мерзкая морда была совсем рядом, голос исходил из всех отверстий. — Я жду ответа, Д'Амур. Он для меня очень важен. Я был на небесах? Признай это.

Медленно, очень медленно Гарри покачал головой.

Демон тяжело вздохнул.

— Эх, Д'Амур, — произнес он.

Он выдернул когти из тела Гарри, поднял лапу и поднес ее к горлу противника. Рычание стихло. Теперь это снова был не Кочевник, а Лентяйка Сюзан.

— Я буду скучать по тебе, Гарри, — говорила тварь, вспарывая когтями кожу на горле. — Не было ночи, когда бы я не думала о нас... — В ее голосе зазвучала похоть. — Все одинокие темные ночи...

Мальчик на постели застонал.

— Ш-ш-ш! — сказала ему Лентяйка Сюзан.

Но Стиви было все равно. Ему требовалось последнее утешение в молитве.

— Благодатная Мария... — начал он.

Тварь оглянулась — демон опять стал Кочевником, — и Кочевник заорал на ребенка, чтобы тот заткнулся и не смел продолжать. Но когда он отвернулся, Гарри схватил лапу, сдавившую его горло, налег всем весом и рванулся вперед.

Ноги Кочевника соскользнули, и демон с Гарри полетели на середину комнаты.

Демон мгновенно еще глубже вонзил когти Гарри в плечо. Полуослепший от боли, Д'Амур извернулся и потянул за собой врага, стараясь не упасть на мальчика. Так они кружили по комнате, пока Гарри не потерял равновесия и не рухнул лицом вниз на демона.

Тот ударился спиной в обгоревшую дверь, треснувшую под тяжестью тел противников, и они оба вывалились на площадку. Сквозь слезы боли Гарри видел перед собой безобразную морду. От неожиданного удара тварь ослабила хватку. Потом они рухнули на площадку. После темной комнаты там было очень светло, а на Кочевника свет действовал хуже боли. Он забился в руках Гарри, изрыгая горячую слюзу. Он выпустил плечо Д'Амура, а потом, не удержавшись, повалился на перила и увлек Гарри за собой. Перила затрептали, но выдержали, а демон и человек полетели вниз.

Летели они десять футов, и Кочевник не переставал визжать. Они катились, пересчитывая ступеньки, и остановились, когда до конца лестницы оставалось всего ничего.

Первая мысль, пришедшая в голову Гарри: господи, как тихо. Потом он открыл глаза. Он лежал, прижавшись щекой к потной щеке демона. Гарри привстал, цепляясь за влажные перепачканные перила, и постарался подняться. Левая рука, плечо, ребра, шея — все болело, но никакая боль не шла в сравнение с удовольствием при виде распростертого демона.

Тот подышал, и его тело, еще более безобразное при свете дня, распадалось на глазах.

— Ты... здесь? — спросил он.

Голос утратил свирепость Кочевника и вкрадчивость Лентяйки Сьюзан, словно он наконец снял все маски.

— Я здесь,— ответил Гарри.

Демон попытался поднять лапу, но не сумел.

— Ты... умираешь? — задал он вопрос.

— Пока нет,— тихо ответил Гарри.

— Это... неправильно,— проговорил демон.— Мы должны умереть вместе. Я... есть ты...

— У тебя мало времени,— прервал его Гарри.— Не трать его на чушь.

— Но это правда,— не сдавался демон.— Я... я есть ты... Ты есть любовь...

Гарри вспомнил полотно Теда, где он давит каблуком змею. Держась за перила, он поднял ногу.

— Замолчи,— велел он.

Демон не обратил внимания.

— Ты есть любовь...— повторил он.— Потому-то...

Гарри поставил ногу ему на лоб.

— Предупреждаю,— сказал он.

— Потому-то и крутится...

Он не стал предупреждать во второй раз. Он наступил на гноившееся лицо демона с той силой, какая еще оставалась в его истерзанном теле. Он почувствовал, как каблук раздавил кость и вошел в вязкую массу. Кочевник в последний раз содрогнулся и замер.

В коридоре этажом ниже Лоретта тихо читала ту же молитву, что и ее брат.

— Благодатная Мария, Господь с тобою, благословенна ты в женах...

После угроз и воплей она ласкала слух Гарри.

— И благословен плод чрева твоего...

Конечно, красотой и лаской не отвлечь от смерти. Не избавить невинную душу от страданий. Но все-таки это довольно важные свойства для нашего несовершенного мира.

Он слушал Лоретту, выдергивая ногу из головы Кочевника. Вещество, из которого был слеплен демон, лишилось воли, утратило связность и уже текло по ступенькам.

Пять ступенек вниз, сосчитал Гарри. Как раз там и лежал отец Гесс.

За победу пришлось заплатить. Кроме разодранной шеи и расцарапанного горла, у Гарри был перелом ключицы и четырех ребер, а также легкое сотрясение мозга. У Стиви, проведенного в плену у Кочевника трое суток, травмы оказались скорее психологическими, нежели физическими. Чтобы их залечить, требовалось время, но первый шаг был сделан

уже на следующий день. Семья покинула дом на Уикофф-стрит, бросив все на милость слухов. Теперь уже никто не пытался привести дом в порядок. Он пришел в запустение и, простояв зиму, начал разрушаться с невиданной скоростью. Больше никто здесь не поселился.

После этой истории осталась неразгаданная загадка. А именно, зачем демону понадобилось заманивать Гарри на Уикофф-стрит? Или он усомнился в собственных мифах, а старый враг должен был их подтвердить? А может, просто заскучал в сентябрьский денек и решил заново сыграть старую пьесу для собственного удовольствия?

Ответы на эти вопросы, подозревал Гарри, пополнят список вещей, которые он никогда не узнает.

Что касается картины Теда, то Гарри решил повесить ее в гостиной. Поскольку действовать пришлось одной рукой, он провозился битых два часа. Он приколотил холст прямо к стене, и вышло лучше, чем в галерее на выставке. Освободившись от рамы, видение художника словно сочилось кровью из стены.

Хорошенькая Сабина, по всей видимости, выполняла инструкции Кочевника. Больше она не появлялась. Но Гарри все-таки врезал в дверь два новых замка — на всякий случай.

Не прошло и двух недель после поединка на Уикофф-стрит, как вдруг ему позвонил напуганный Рауль:

— Прилетай скорее, Гарри. Чем бы ты ни занимался...

— Где ты?

— Я в Омахе. Я искал Теслу.

— И что?

— Нашел. Но... она не такая, как я ожидал.

— Она в порядке?

В ответ он услышал молчание.

— Рауль?

— Да, я здесь. Я не знаю, в порядке она или нет. Лучше прилетай и сам посмотри.

— Она у Грилло?

— Да. Я шел за ней от самого Лос-Анджелеса. Она сказала соседям, что едет в Небраску. В Голливуде такое считают безумием. Когда тебя ждать?

— Сегодня, если есть рейс. Приедешь за мной в аэропорт? Я не в лучшей форме.

— Что случилось?

— Так, вяпался в дерьмо. Но теперь все чисто.

•

10

i

Феба не сказала Джарифе о том, что узнала гостя. С одной стороны, рассказывать было мучительно, с другой — Феба боялась, что Джарифа испугается призрака и увезет детей. Тогда семья останется без крова и без средств, а Фебе придется сидеть в одиночестве. Она уже привыкла к шуму и гомону, и ей не хотелось оказаться один на один с тем, что она наделала. Это было бы невыносимо.

Конечно, Джарифа не слишком поверила Фебе и едва ли удовлетворилась сбивчивыми объяснениями. Но время шло, детей почти перестали мучить приступы слез и ночные кошмары, жизнь в доме постепенно возвращалась к привычному размеренному ритму, так что Джарифа держала свои сомнения при себе.

Теперь Феба начала методично обследовать город в поисках ключа — подсказки, где искать Джо. Если предположить, что Джо не мог просто испариться, выйдя на улицу (в чем Феба не сомневалась: часть его была видимой и плотной), то не мог он и уйти так, чтобы его абсолютно никто не заметил. Даже в этом городе, куда прибывали суда со всех концов света, а по улицам бродили невиданные существа, — даже здесь Джо должен обращать на себя внимание.

Феба пожалела, что не наладила отношений с соседями. Когда она обращалась к ним с вопросом, ей вежливо отвеча-

ли, но стремились поскорее отойти. Она оставалась чужой для них. Феба не спрашивала у соседей про Джо, опасаясь, что люди ничего не расскажут, даже если что-то заметили. Несколько дней подряд она возвращалась домой несчастная и уставшая; она ходила от дома к дому (или от стройки к стройке), все расширяя круги и спрашивая у встречных, не заметили ли они наполовину видимого человека. Она утратила аппетит и разучилась улыбаться. Иногда она, голодная, забывала про обед и ужин и просто бродила по улицам, повторяя его имя. Однажды она заблудилась и так устала, что, не имея сил искать дорогу обратно, уснула на улице. В другой раз зашла в бар в разгар драки, когда две семьи решали между собой территориальные споры, и ей едва не перерезали горло. Но Феба продолжала надеяться, что рано или поздно одна из улиц приведет ее к Джо.

Но нежданно-негаданно новости нашли ее сами. Как-то раз Феба, проблуждав по городу часов двенадцать, собиралась принять ванну. Тут в дверь постучали, и на пороге, не дожидаясь приглашения, появился Энко, попросивший уделить ему несколько минут. Энко всегда относился к Фебе не слишком дружелюбно; это был долговязый нескладный подросток с лицом человека, но с двумя симметричными островками пятнистой кожи на лбу и на шее и с остаточными жаберными пластинками, идущими от середины щеки.

— У меня есть друг,— сказал Энко.— Его зовут Вип Луйму. Он живет от нас через два квартала. Знаете дом с заколоченными окнами?

— Знаю,— ответила Феба.

— Он мне сказал, что вы тут искали... Ну, этого, что был у нас здесь.

— Да, искала.

— Ну так вот, Вип кое-что знает, но мать запретила ему вам говорить.

— Хорошие соседи,— заметила Феба.

— Да это не из-за вас,— проговорил Энко.— Ну... то есть и да и нет. Вообще-то это из-за того, что было здесь раньше,

давно. Когда стали приходить корабли, все подумали, что вы хотите открыть дело, как мисс О'Коннел.

— Дело? — переспросила Феба.

— Да. Ну, вы понимаете. Женщины.

— Ничего не понимаю, Энко.

— Ну, шлюхи.

— Что «шлюхи»? — удивилась Феба.— Ты хочешь сказать... Значит, этот дом... Здесь был бордель?

— Лучший в городе. Так говорит отец Випа. Люди сюда приезжали отовсюду.

Феба вспомнила Мэв в ее королевской постели с подушками и любовными письмами, рассуждавшую о том, что любовь — для дураков. Так вот в чем дело. Она просто хозяйка борделя. Любовь мешает делу.

— Ты мне окажешь большую услугу,— сказала она Энко,— если объяснишь Випу и всем остальным, что я не собираюсь открывать бордель.

— Ладно.

— Но... ты сказал, что твой приятель что-то знает?

Энко кивнул:

— Он слышал, как его отец говорил, будто в гавани бродит недотень.

— Недотень?

— Ну да. Так говорят матросы. Когда видят в море что-то такое, недоделанное.

Недоснившееся, подумала Феба. Как мой Джо. Моя милая тень Джо.

— Спасибо, Энко.

— Да нет проблем,— ответил парнишка и повернулся к двери.

У выхода он оглянулся:

— А знаете, Муснакаф мне не отец.

— Да, я слышала.

— Он двоюродный брат моего отца. Но вообще-то и он рассказывал, как уходил в плавание искать женщин для мисс О'Коннел.

— Могу себе представить,— отозвалась Феба.

— Он все мне рассказывал. Где искать. Что говорить. Так что...— Энко замолчал и потупился.

— Так что, если я решу снова открыть дело...

Парень просиял.

— Я буду иметь тебя в виду.

Феба сидела в ванне, пока вода не остыла. Потом она оделась потеплее и поплотнее — из-за ветра, который в последние дни сделался очень холодным, особенно в гавани. Затем она пошла в кухню, наполнила одну из серебряных фляжек Мэв брусничным соком и отправилась к морю. По пути она думала: если она не найдет Джо за год, то и впрямь откроет бордель назло соседям, не пожелавшим ей помочь. А потом, как Мэв, состарится в роскоши, получив доход от отсутствия любви в мире.

ii

Как Рауль и обещал, он встретил Гарри в аэропорту. Вначале Д'Амур не узнал его. Солнце немного скрасило жутковатую бледность новой кожи Рауля, а под темными очками не было видно серебристых зрачков. Лысину он прикрыл бейсболкой. Выглядел он странновато, зато в таком виде можно спокойно показываться на людях.

Рауль усадил Гарри в старый «форд-кабрио», купленный, наверное, в антикварном салоне (хотя водительских прав у него, как он признался, не было), и всю дорогу до дома Грилло они рассказывали друг другу о том, что с ними произошло. Гарри отчитался о последнем посещении Уикофф-стрит, а Рауль — о поездке в миссию Санга-Катрина, где Флетчер когда-то открыл и синтезировал нунций.

— Я устроил там себе убежище,— рассказывал Рауль.— И отсиживался в нем, пока меня не нашла Тесла. Я думал, теперь там ничего нет. Ничего подобного — все как прежде. Если у местных жителей заболит ребенок, они так же ходят в развалины молиться и просить Флетчера о помощи. Очень трогательно. Я встретил двух знакомых, хотя они меня, яс-

ное дело, не узнали. Правда, одной старухе — лет ей, наверное, девяносто — я сказал, кто я. Она слепа и немного безумна, но она поклялась мне, что недавно его видела.

— Флетчера?

— Да. Она сказала, что он стоял на краю скалы и смотрел на солнце. Он всегда так делал...

— Ты думаешь, что он там?

— Случаются странные вещи, — отозвался Рауль. — И мы оба это знаем.

— Стены становятся тоньше, да? — сказал Гарри.

— Похоже, что так.

Какое-то время они ехали молча.

— Я подумал, раз уж мы в Омахе, — проговорил Рауль, — может, съездить еще в одно место?

— Дай-ка я угадаю. В Комнату мертвых писем?

— Если она еще существует, — сказал Рауль. — В архитектурном отношении вряд ли интересно, но мы не были бы здесь, если б то здание не построили.

— Ты так считаешь?

— Конечно. Не будь Яффа, Искусство нашло бы на его место кого-то другого. А мы ни о чем бы не узнали. Жили бы как они. — Он кивнул в окошко на прохожих, спешивших по своим делам. — И считали бы, что мир есть то, что мы видим.

— А тебе никогда не хотелось, чтобы так и было? — спросил Гарри.

— Гарри, я родился обезьяной, — ответил Рауль. — Я не понаслышке знаю, что такое эволюция. — Он коротенько хохотнул. — Можешь поверить мне, это здорово.

— Думаешь, все дело в этом? — отозвался Гарри. — В эволюции?

— Думаю, да. Мы рождены, чтобы расти. Больше видеть. Больше знать. Может быть, когда-нибудь мы все узнаем. — С этими словами он затормозил возле большого мрачного дома. — И станем такими же, как Тесла, — заключил он и повел Гарри к входной двери мимо заросшего газона, где стоял мотоцикл Теслы.

Близился вечер, и в свете угасавшего дня дом с его голыми стенами и душным воздухом показался еще мрачнее, чем снаружи.

— Где она? — спросил Гарри, сражаясь с рукавом куртки, который никак не удавалось снять.

— Позволь предложить тебе руку.

— Сам справлюсь, — нетерпеливо проговорил Гарри. — Только отведи меня к Тесле.

Рауль кивнул, поджал губы и повел Гарри в заднюю часть дома.

— Здесь осторожнее, — предупредил он, когда они подошли к запертой двери. — Тут может случиться всякое.

С этими словами он открыл дверь. Комната была заполнена оборудованием, обеспечивавшим работу любимого детища Грилло — Рифа, и Д'Амур сразу вспомнил квартирку Нормы с тридцатью включенными телеэкранами для отпугивания заблудших душ. Хотя здешние экраны, насколько знал Гарри, служили для противоположной цели — они как раз принимали исповеди заблудших. Поступавшие сообщения мелькали одно за другим. В кресле перед монитором с закрытыми глазами сидела Тесла.

— Вот так она и сидит с тех пор, как я приехал, — сообщил Рауль. — Если тебе интересно, она дышит, но *очень* медленно.

Гарри сделал шаг к Тесле, но Рауль остановил его.

— Осторожно, — напомнил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я попытался к ней подойти, я наткнулся на какое-то энергетическое поле.

— Я ничего не чувствую, — сказал Гарри и сделал еще шаг.

Он ощутил, как что-то коснулось его лица; что-то легкое-легкое, вроде стенки воздушного пузырька. Он попятился, но опоздал. В одно мгновение пузырек втянул его в себя и лопнул. Комната исчезла, и Гарри пулей понесся к яркому, невероятно красному солнцу. Еще миг — и он промчался сквозь это солнце, а за ним увидел следующее, синее. Пролетел сквозь синее, потом сквозь желтое, зеленое, фиолетовое.

Светила сменялись одно за другим, слева и справа, сверху и снизу; везде, где видел глаз, появлялись картины и формы, возникающие из солнц, которые Гарри пронзал собой, заставляя их сияние. Формы стекались к нему отовсюду, бомбардируя образами, которых было столько, что разум отказывался их воспринимать. Они неслись и неслись, и Гарри запаниковал, испугавшись безумия, и стал искать, за что зацепиться.

В этот момент его позвал голос Теслы:

— *Гарри.*

На мгновение мелькание прекратилось. Он увидел эту сцену необычайно ясно. Поле цвета охры. Скошенный пятючок, где расстелена скатерть, рядом дворняга вылизывает у себя под хвостом. Вдруг появляется рука с обломанными ногтями и расставляет на скатерти плоски. И где-то за всем этим — за дворнягой, рукой, плосками — Тесла. Вернее, часть Теслы.

— Слава богу,— произнес Гарри.

Но он поторопился. Картинка тут же исчезла, и снова он полетел дальше вперед. Он летел и звал Теслу.

— *Все в порядке,*— сказала она,— *держись.*

На мгновение ее голос остановил и зафиксировал поток образов. Появилась другая сцена, еще отчетливее. На этот раз вечер, сумерки, вдали видны горы. На переднем плане дощатый сарай среди поля, где пригибается от ветра высокая трава, и по полю в сторону Гарри бежит женщина с ребенком на руках. За ней гонятся три человечка — низенькие, черные, с огромной головой и золотыми глазами. Женщина от ужаса плачет, рыдает и ребенок, однако совсем по другой причине. Он тянется сам и тянет тощенькие ручки через плечо матери. Потом ребенок поворачивается, чтобы ударить мать, и Гарри все понимает. Ребенок выглядит как человек, но глаза у него золотые.

— Что там такое? — спросил Гарри.

— *Кто же знает,*— отозвалась Тесла. Когда она заговорила, он снова почувствовал, что она где-то за сараем. Вернее, часть ее.— *Это тоже из Рифа.*

В тот момент, когда ребенок почти вывернулся из рук матери, сцена исчезла, и Гарри снова полетел вперед. На этот раз он лишь мельком отмечал картины, пронесившиеся перед ним. Только фрагменты: стоя птица на льдине; монета на земле в луже крови; кто-то смеется в горящем кресле... Но и этих фрагментов хватило, чтобы понять: все это — часть одного бесконечного повествования.

— Потрясающе,— прошептал Гарри.

— *Правда?* — сказала Тесла, и снова голос ее остановил мелькание.

На этот раз перед Гарри предстал город. Хмурые небеса, откуда свет летел серебристыми хлопьями, легкими как пух. Прохожие шли по своим делам и не замечали этого зрелища, и только один старик поднял голову. Он что-то кричал и показывал пальцем вверх.

— Что я вижу? — спросил Гарри.

— *Истории,*— ответила Тесла. При звуке ее голоса Гарри заметил, как она мелькнула в толпе, вернее, ее фрагмент.— *То, что Грилло здесь собрал. Сотни тысяч рассказов про нашу жизнь.*

Картина стала меркнуть.

— Я теряю тебя,— предупредил Гарри.

— *Отпусти это,*— ответила Тесла.— *Встретимся в другом месте.*

Он сделал, как она и сказала. Улица исчезла, и снова он понесся сквозь пространство с такой скоростью, что захватывало дух, а рядом летели осколки чужой жизни. Снова он замечал лишь фрагменты. Несмотря на их обрывочность, он начинал улавливать суть. Среди них были трагедии и фарсы, эпосы и мыльные оперы, мелодрамы и героические повести, детские страшилки и легенды Ветхого Завета.

— Я не уверен, что долго это выдержу,— сказал он.— По моему, я теряю рассудок.

— *Найдешь другой,*— сказала Тесла, и снова голос ее остановил Гарри посередине какого-то повествования.— *Узнаешь?*

Конечно, он узнал. Это был Эвервилль. Перекресток, субботний полдень, и солнце щедро освещает сцену безумного

фарса. Оркестранты сидят на асфальте, разинув рты. Будденбаум запустил руку в землю. По воздуху разгуливают призрачные шлюхи. Гарри запомнил все это иначе, но какая разница, кто как запомнил? Это тоже свидетельство.

— Я здесь? — спросил Гарри.

— Ты сейчас.

— Как это?

— *Грилло ошибся, назвав свое создание Рифом, — продолжала Тесла. — Риф мертв. А оно все время растет. Истории не умирают, Гарри. Они...*

— Меняются?..

— *Именно. Как только начинаешь смотреть, тебя затягивает, и история меняется. Ничто не проходит зря. Вот что я поняла.*

— Ты останешься тут?

— *На какое-то время,* — сказала она. — *Здесь есть то, что мне нужно, и я хочу еще покопаться.*

С этими словами она потянулась к Гарри, и он увидел все уже показанные фрагменты историй. Часть Теслы была как земля цвета охры, часть — цвета сарая в поле, часть — золотоглазый ребенок, часть — старик с поднятым к небу лицом.

Еще одна часть, конечно же, — залитый солнцем полдень, и еще одна — Оуэн Будденбаум. Он простоит на том перекрестке столько, сколько продлится эта история.

И наконец Гарри понял: частью Теслы является и он, потому что он тоже есть в этой истории.

— *Я есть ты,* — прошептал Кочевник в его мозгу.

— *Понимаешь что-нибудь?* — спросила Тесла.

— *Начинаю понимать.*

— *Это как любовь, Гарри. Нет, не так. Это и есть любовь.*

Она улыбнулась собственной догадке. А когда она улыбнулась, контакт между ними прервался. Гарри понесся дальше сквозь сияние разноцветных солнц и, пролетев их насквозь, оказался в той же душной комнате.

Рауль ждал его и дрожал от страха.

— *Господи, Д'Амур,* — сказал он. — *Я уже боялся, что потерял тебя.*

Гарри покачал головой.

— Там прошло всего мгновение,— сказал он.— Я навестил Теслу. Она мне кое-что показала.

Он поглядел на тело, застывшее в кресле перед монитором, и вдруг ему показалось, что оно лишнее: плоть и кровь. Настоящая Тесла — а может быть, и настоящий Гарри, и весь настоящий мир — была далеко: там, откуда он только что возвратился, где видел дерево историй, раскинувшее свои ветки.

— Она вернется? — спросил Рауль,

— Когда найдет то, что ей нужно,— отозвался Гарри.

— Куда же она отправилась?

— В самое начало,— ответил Гарри.— Куда же еще?

iii

Из первого похода в порт Феба вернулась ни с чем: никто не понимал, что ей нужно. Но уже следующий день принес плоды. Она с утра до вечера бродила в порту, задавая одни и те же вопросы. Да, сказал ей хозяин портового кабака, он знает, о чем она толкует. Так и есть, примерно с месяцем назад неподалеку видели одного несчастного недоделанного. Вообще-то его пытались ловить — мало ли что, вдруг он преступник. Но, насколько хозяин кабака знал, поймать никого не сумели. Наверное, сказал он, недоделанного унесло обратно в море, откуда он, как все тут считают, и появился.

Новость была одновременно и хорошей, и плохой. С одной стороны, это подтверждало, что Феба идет в правильном направлении. С другой, поскольку призрака давно никто не видел, хозяин бара мог оказаться прав — вдруг Джо и впрямь унесло в море? Феба принялась искать кого-нибудь, кто участвовал в облаве на тень, но время шло, и задача с каждым днем становилась все труднее. В порту кипела жизнь, каждый день суда — от одномачтовых лодок до огромных кораблей — выходили в море и возвращались с добычей. Порой Феба зачарованно внимала рассказам моряков и портовых грузчиков о том, что лежит там вдали, за

полосой прозрачных прибрежных вод, на просторах пустынного моря.

Конечно, она и раньше слышала про Эфемериду, а от Муснакафа узнала о Плетозиаке и Трофетте. Но были другие страны и острова, другие славные города, реальные (в доках разгружали товары, прибывшие оттуда) и вымышленные. К последним относился, по всей видимости, остров Покрова Бергера: моряки, попавшие туда, становились добычей существ до того утонченных и изысканных, что погибали исключительно от изумления. Из того же разряда был и город Нилпаллиум: по преданию, его основал некий дурак, а после кончины основателя там долго правили — мудро и справедливо, как гласила легенда,— его любимые псы, скорбящие по хозяину.

Но больше всего Фебе понравился рассказ про Кисаранка Роджанди — башню из пылающего камня. Ее ровные стены поднимались над водой на полмили. Местные мужчины все время стараются взобраться по этим стенам наверх, но каждый раз срываются и прыгают в воду, чтобы остудиться. Потом, набравшись сил, они начинают подъем заново. В башне посреди пламени живет их королева, ожидающая того, кто вынесет испытание и наконец зачнет с ней ребенка.

Выдумки помогали Фебе отвлечься от печали, а рассказы о том, что на самом деле происходило в дальних странах, внушали надежду и бодрость духа: они свидетельствовали о том, в какое чудесное место она попала. Если жители Б'Кетер Саббата не боялись жить в опрокинутой пирамиде, если жители Кисаранка Роджанди не сдаются и карабкаются вверх, чтобы добраться до своей королевы, то и Феба не сдастся. Она будет искать свою недотень.

Потом наступил день шторма. О его приближении предупреждали все бывалые моряки на побережье. Разразится буря, говорили они, и она поднимет со дна огромные косяки глубоководных рыб. Если рыбаки не побоятся рискнуть сетями, лодками, а может быть, и жизнью, их ждет богатый улов.

Когда поднялся ветер, Феба грелась в кухне возле камина, дети ели рагу, а их мать готовила тесто для хлеба.

— Кажется, окно раскрылось,— сказала Джарифа, когда по подоконнику забарабанили первые капли дождя. Она заторопилась наверх, чтобы все закрыть.

Феба смотрела на языки пламени в камине; ветер завывал в трубе. Наверное, в порту сейчас потрясающее зрелище, подумала она. Корабли мечутся на своих якорях, волны бьются в стену гавани. Как знать, что принесет этот шторм?

Феба даже приподнялась с места, как только подумала об этом. Да, действительно, как знать?

— Джарифа! — крикнула она, доставая из шкафа плащ.— Джарифа! Я ухожу!

Та появилась на лестнице, и лицо у нее было встревоженное.

— В такую погоду? — удивилась она.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

— Возьмите с собой Энко. Там же страшная буря.

— Нет, Джарифа, обыкновенный дождь. Ничего со мной не случится. Сидите дома, пеките хлеб.

Джарифа, не переставая ворчать, проводила ее до двери и вышла на крыльцо.

— Иди в дом,— сказала Феба.— Я вернусь.

А потом она вышла под ливень.

Ливень очистил город так же, как появление иадов. Феба спускалась к морю по кривым извилистым улочкам, которые изучила не хуже, чем Мейн-стрит или Поппи-лейн, и по дороге не встретила никого. Чем ниже она спускалась, тем яростнее становился ветер. На Док-роуд он свистел так, что Фебе пришлось согнуться и двигаться, держась рукой за стену или перила, чтобы устоять на ногах.

На причалах и на палубах кораблей суетились люди. Матросы сворачивали паруса и закрепляли груз. Одномачтовое суденышко вдруг сорвалось со швартовых и на глазах Фебы ударилось о каменную стену. Борты затрещали, и команда попрыгала в бушующие волны. Феба не стала смотреть, что

нет корабль или нет, а торопливо обогнула склады и заторопилась вниз.

Огромные волны с грохотом бились о берег, их брызги вместе дождем заслоняли все густой пеленой, так что видно было лишь шагов на десять вперед. Но от ярости непогоды Фебе вдруг стало весело. Она вскарабкалась на скалу, темную и скользкую, и принялась звать Джо. В вое ветра ее голос, конечно, не был слышен, но она продолжала звать, глотая слезы пополам с дождем и морскими брызгами.

Наконец усталость и отчаяние одолели ее. Охрипшая, до нитки промокшая, она опустилась на камни, не в силах больше кричать.

Руки у нее замерзли, в висках стучало. Она поднесла пальцы к губам, чтобы согреть их дыханием, и как раз подумала о том, что вот-вот замерзнет до смерти, как вдруг увидела в водяной дымке человека. Он шел в ее сторону. В лохмотьях, какой-то нескладный, разнородный. Кожа его, просвечивавшая из прорех, в одних местах была багровой, в других — серебристой. Но на его лице возле глаз и рта, на шее и на груди кожа была черной. Феба привстала, и его имя — она столько раз прокричала его на ветер! — замерло на ее губах.

Но это не имело значения. Он уже заметил Фебу; увидел теми самыми глазами, которые она почти оживила во сне. Он остановился, не дойдя до нее нескольких ярдов, и еле заметно улыбнулся.

Грохот волн заглушал все звуки, и она не слышала, но по губам догадалась, что он произнес:

— Феба.

Она робко двинулась к нему навстречу и остановилась на полпути, не решаясь приблизиться. Ей было немного страшно. Может, не зря ходят слухи, и он вправду опасен? Откуда у него появилась плоть?

— Это ты, да? — спросил он. Теперь она слышала его.

— Это я, — ответила она.

— А я подумал, что сошел с ума. Что ты мне мерещишься.

— Нет, — сказала она. — Я мечтала тебя увидеть.

Теперь он двинулся к ней навстречу и на ходу посмотрел на свои руки.

— Да, конечно, это ты дала мне плоть,— проговорил он.— Но душа...— Он взялся рукой за грудь.— Но то, что здесь... Это я, Феба. Тот самый Джо, что нашел тебя на дне морском.

— Я знала, что я тебя оживлю.

— Да, ты меня оживила. И я услышал тебя. Я пришел. Теперь я не сон, Феба. Я настоящий.

— Но что с тобой было? — спросила она.— И откуда ты..

— Откуда я взял все остальное? .

— Да.

Джо посмотрел на море.

— Мне помогли шу. Проводники душ.

Феба вспомнила короткую лекцию о Зерапушу, некогда прочитанную Муснакафом. «Частица Создателя, а может быть, и нет»,— говорил он тогда.

— Я бросился в море, чтобы покончить со всем, но они нашли меня. Окружили. И додумали остальное,— сказал Джо и снял руку с груди, давая себя рассмотреть.— Как видишь, они добавили мне кое-что от себя.

Теперь она заметила, что его рука изменилась: между пальцами натянулись перепонки, кожа покрылась пупырышками.

— Тебе не противно?

— Господи, нет! — воскликнула Феба.— Я счастлива, что ты нашелся.

Она шагнула к нему навстречу и обняла его. Он прижал ее к себе — теплую, несмотря на дождь; прижал так же крепко, как она обнимала его.

— Я все не могу поверить, что ты пошла за мной сюда,— пробормотал Джо.

— А что мне оставалось? — отозвалась она.

— Ты ведь знала, что не сможешь вернуться?

— А зачем нам возвращаться?

Они немного постояли на берегу. Иногда что-нибудь говорили, но по большей части просто стояли обнявшись. Они не занимались любовью. Любовь они оставили на завтра.

У них еще будет завтра. У них впереди много дней. А пока они просто обнимались, целовались и гладили друг друга, пока шторм не пошел на убыль.

Когда несколько часов спустя они возвращались к дому Мэв О'Коннел, небеса расчистились и воздух прояснился. Почти никто не обращал внимания на Джо и Фебу, все были слишком заняты. Шторм наделал дел, и люди принялись латать обшивку судов, чинить паруса, собирать разбросанный груз и крепить его заново.

Многие встречали в порту отважных рыбаков, не побоявшихся свирепого шторма и вернувшихся невредимыми. На берегу звучали молитвы в благодарность за чудесное спасение и за щедрые дары моря сновидений. Предсказатели не ошиблись: шторм и впрямь пригнал столько рыбы, сколько здесь еще не видели.

Пока никем не замеченные любовники возвращались в дом на холме (где со временем они станут весьма известны), на пристанях разбирали улов. На этот раз вместе с рыбой в сети попались удивительные создания, какие живут лишь в глубинах Субстанции, неведомые рыбакам. Одни словно явились из первых дней от Сотворения мира, другие были как детские каракули на стене. Третьи не имели черт и переливались необыкновенными цветами, не имеющими названия в человеческом языке. Четвертые сияли даже при дневном свете.

Рыбаки отпустили в море только Зерапушу. Прочих сложили в корзины и отнесли на рыбный рынок, где уже собралась толпа в предвкушении этой роскоши. Даже самые странные твари из детских каракулей кому-то понадобятся. Ничто не пропадет зря; ничто не потеряется.

Содержание ·

Часть первая. БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ	7
Часть вторая. ГОРОД	75
Часть третья. СОСУДЫ	163
Часть четвертая. ДЬЯВОЛ И Д'АМУР	313
Часть пятая. ПАРАД	363
Часть шестая. ВЕЛИКИЙ ПЛАН	471
Часть седьмая. ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА ЖИЗНИ	617

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер

ЗВЕРВИЛЛЬ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *Н. Волкова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Шубик*
Корректоры *Н. Князева, Е. Шнитникова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru
International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать 28.02.2008.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 4 000 экз. Заказ 7705.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

СВЗМА

Клайв Баркер — один из самых уникальных писателей современности.

Его творческий путь начался со знаменитых «Книг крови», шести сборников повестей, которые не только заново переосмыслили весь жанр мистики, но и возвели этот «низменный» жанр в ранг высокой литературы. Следующим знаменитым творением Клайва Баркера стал всемирно известный «Воставший из ада», маленький роман, который чуть позднее сам писатель экранизировал, создав культовую киноэпопею.

Далее последовали не менее классические «Проклятая игра», «Сотканный мир», «Книги Искусства» («Явление тайны» и «Эвервилль»), «Имаджика», «Таинство» и многие другие произведения, принесшие Клайву Баркеру славу одного из самых непредсказуемых, талантливых и многообещающих современных писателей.

Его произведения сравнивали и сравнивают с творчеством Эдгара Аллана По, Говарда Лавкрафта, Стивена Кинга, Дж. Р. Р. Толкина, Габриэля Гарсиа Маркеса, Натаниэля Готорна, Мэри Шелли, Томаса Пинчона, Уильяма Фолкнера.

...В своем творчестве Баркер задействует мотивы Джойса, По, Толкина и Кинга, в результате создавая то единое целое, которое и прославило всех знаменитых рассказчиков: произведение, от которого невозможно оторваться.

THE WASHINGTON TIMES

Совмещая элементы мистики и сюрреалистической литературы, Баркер пишет книги, которые читаются как смесь Стивена Кинга и Габриэля Гарсиа Маркеса.

BOSTON HERALD

Клайв Баркер — маг и волшебник высшего порядка.

NEW YORK DAILY NEWS

Самый многообещающий творец темного фэнтези.

PUBLISHERS WEEKLY

Назвать Клайва Баркера писателем, создающим «ужастики», все равно что назвать *The Beatles* неплохой клубной группкой.

КВЕНТИН ТАРАНТИНО

ISBN 978-5-699-26838-2

9 785699 268382 >